

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСЪДНИКЪ,

ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ,

1884.

М А Й.

СОДЕРЖАНІЕ

	<i>страницы.</i>
ПОЧЕМЪ ПРОИЗНОШЕНІЕ ЗА ЛИТУРГІЕЮ ПРОПОВѢДИ, непосредственно послѣ чтенія Евангелія, отмѣнено, и отнесено къ концу литургіи. Прот. Н. Лепорницкаго	3—17.
ПРИМѢАНІЯ къ евангелію отъ Матвея. А. Некрасова	18—28.
ЗАПИСКИ ВАСИЛІЯ ЛУЖНИЦКАГО архіепископа полскаго	29—42.
ТИПЫ ДУХОВЕНСТВА въ русской художественной литературѣ за послѣднее 12-лѣтіе. А. Попова	44—88
РАСКОЛЬ ДОПАТИСТОВЪ. Н. Кутенова	89—125.
О СРАВНИТЕЛЬНОМЪ ДО ТОНИСТВѢ классицизма и реализма въ воспитаніи. В. Плотникова	126—138.
ОПИСАНІЕ РУКОПИСЕЙ Соловецкаго монастыря, находящихся въ библіотекѣ казанской духовной академіи	385—416.
ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ СОВѢТА казанской духовной академіи за 1883 годъ	33—64.
ОБЪЯВЛЕНІЕ о приѣмѣ студентовъ въ Казанскую академію въ 1884 году	I—II
ВОЗЗВАНІЕ къ благотворителямъ	III—IV.
ОБЪЯВЛЕНІЯ о книгахъ	V—VI.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

въ 1884 году

Православный Собесѣдникъ

продолжаетъ издаваться по прежней программѣ, въ томъ же строго-православномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, *ежемесячно*, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой.

Цѣна за полное годовое изданіе, со всѣми приложениями къ нему, остается прежняя: съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи—

СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

При журналѣ: „Православный Собесѣдникъ“ издаются

Извѣстія по казанской епархіи,

выходящія два раза въ мѣсяцъ, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта.

Причты казанской епархіи, выписывающіе „Православный Собесѣдникъ“, получаютъ за ту же цѣну и „Извѣстія“, съ приплатою 1 руб. за пересылку по почтѣ.

Цѣна „ИЗВѢСТІИ“ для мѣсть и лицъ другихъ епархій и другихъ вѣдомствъ, за оба изданія вмѣстѣ десять руб. сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редакціи Православнаго Собесѣдника, при Духовной Академіи.

Въ тойже редакціи продаются

ПО ПОНИЖЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ

А. **Православный Собесѣдникъ въ полномъ составѣ** книжекъ (т. е. съ приложениями): за 1855 г. 4 руб. за годъ, за 1858, 1860, 1861, 1862, 1864, 1865 и 1866 годы по 5 руб. за годъ, за 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1879, по 6 р. сер. 1880, 1881 и 1882 годы по 7 руб. сер. Полныхъ экземпляровъ за 1856, 1857, 1859, 1863, 1867, 1868, 1869, 1870 и 1871 гг. въ продажѣ нѣтъ. Можно получать и отдѣльныя книжки Собесѣдника за 1855, 1856 и 1857 гг. по 1 руб., а за остальные годы по 80 коп. за книжку.

Б. *Отдѣльно* отъ приложений одинъ **Православный Собесѣдникъ**: за 1855 и 1856 годы цѣна по 1 руб.; за 1857 г. цѣна 1 р. 50 к.; за 185, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 4 руб. 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, и 1876 годы, по 3 тома въ каждомъ, по 5 руб. за годъ

В. *Отдѣльно* отъ Православнаго Собесѣдника приложения къ нему

1. **Посланія св. Игнатія богоносца** (съ свѣдѣніями о немъ и его посланіяхъ). Одинъ томъ. 1855. Цѣна 75 коп.

2. **Дѣянія вселенскихъ соборовъ** въ переводѣ на русскій языкъ. Семь томовъ. 1859—1878. Цѣна каждому тому въ отдѣльности: за 1-й томъ 4 руб., за второй 2 руб. 50 коп., за третій 2 руб. 50 коп., за четвертый 2 р. 50 к., за пятый 3 руб., за шестой 3 руб. 50 коп., за седьмой 4 руб. 50 коп. А за всѣ семь томовъ 20 руб.

3. **Дѣянія девяти помѣстныхъ соборовъ** въ переводѣ на русскій языкъ. Одинъ томъ. 1878. Цѣна 2 руб.

(см. на концѣ)

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСЪДНИКЪ,

ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

1884.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

Печатать дозволяется. Доцентъ академіи *И. Красносельцевъ.*

ПОЧЕМУ ПРОИЗНОШЕНІЕ ЗА ЛИТУРГІЕЮ ПРОПОВѢДИ,
НЕПОСРЕДСТВЕННО ПОСЛѢ ЧТЕНІЯ ЕВАНГЕЛІЯ, ОТМѢНЕНО,
И ОТНЕСЕНО КЪ КОНЦУ ЛИТУРГІИ.

Въ 1881 году разрѣшенъ Святѣйшимъ Синодомъ въ недѣлю о слѣпомъ повсемѣстный въ городскихъ и монастырскихъ церквахъ сборъ пожертвованій, въ пользу попечительства для призрѣнія слѣпыхъ, въ особенности, нижнихъ военныхъ чиновъ, лишившихся зрѣнія въ послѣднюю войну съ Турціею ('). А для того, чтобы расположить присутствующихъ за литургіею къ симъ пожертвованіямъ, предложено священникамъ церквей, въ которыхъ производимъ будетъ сей сборъ, произносить поученіе, въ которомъ бы, по разъясненіи смысла прочитаннаго въ сіе воскресенье Евангелія, народъ ознакомленъ былъ съ значеніемъ и цѣлію дѣятельности учрежденнаго для призрѣнія слѣпыхъ попечительства и вмѣстѣ съ тѣмъ узналъ сколь необходима въ семъ дѣлѣ мірская помощь. Въ виду же того, что значительная часть богомольцевъ, при окончаніи литургіи, до проповѣди, или во время самой проповѣди уходитъ изъ церкви, въ 1882 году Святѣйшимъ Синодомъ предложено священникамъ произносить сіе слово не при окончаніи литургіи, въ ка-

(') Указъ Св. Синода отъ $\frac{26 \text{ марта}}{5 \text{ апрѣля}}$ за № 676. Церк. Вѣстн. 1881 года № 46.

ковое время у насъ обыкновенно произносятся поученія, но непосредственно вслѣдъ за чтеніемъ Евангелія (¹).

Предлагать поученіе вслѣдъ за прочтеніемъ Апостола и Евангелія — это обыкновеніе не новое. Въ іудейскихъ синагогахъ, куда іудеи по субботамъ собирались для чтенія закона и пророковъ (²), послѣ чтенія назначеннаго отдѣленія изъ закона (парасхи) и пророковъ (гафтары), обыкновенно предлагаемо было по поводу прочитаннаго поученіе (мидрашъ), въ которомъ, вмѣстѣ съ объясненіемъ чтенія, дѣлаемо было приспособительно къ содержанію чтенія, то или другое наставленіе (³). Изъ евангельской исторіи видно, что Господь слѣдовалъ сему обычаю: въ синагогѣ назаретской читавъ положенное въ ту субботу для чтенія изъ пророка Исаи мѣсто (⁴). Онъ предложилъ соотвѣтствующее духовному состоянію своихъ слушателей наставленіе (⁵). Равнымъ образомъ и апостолы не уклонялись отъ сего обычая. Рѣчи апостола Петра, находящіяся въ Дѣянїяхъ апостольскихъ состоятъ въ непосредственной связи съ тѣми или другими мѣстами изъ писаній пророческихъ, которыя онъ объясняетъ и раскрываетъ предъ своими слушателями, а затѣмъ предлагаетъ убѣжденіе или наставленіе (⁶). И апостоль Павелъ, во время пребыванія своего въ Антиохїи Писидійской, вошедши въ синагогу въ день субботній, послѣ чтенія закона и пророковъ, предложилъ присутствовавшимъ въ сина-

(¹) Указъ Св. Синода отъ $\frac{29 \text{ января}}{4 \text{ марта}}$ 1882 года № 210. См. Церк. Вѣстн. 1882 года № 11.

(²) Дѣян. 13, 15. 15, 21.

(³) Дѣян. 13, 32—41.

(⁴) Иса. 61, 1. 2.

(⁵) Лук. 4, 16—29.

(⁶) Дѣян. 2, 14—41. 3, 19—26.

гогѣ наставленіе (¹). Сей обычай, вмѣстѣ съ нѣкото-
рыми другими (²), перешедшій изъ іудейской церкви
въ христіанскую, повсемѣстно до IV вѣка соблюдался
въ церкви христіанской. Св. Іустинъ описывая поряд-
докъ совершенія богослуженія въ воскресный день
(въ день солнца) говоритъ: „когда перестануть читать
назначенныя на тотъ день отдѣленія изъ писаній про-
роческихъ, посланій и достопамятностей апостольскихъ
(то есть изъ Апостола и Евангелія), предстоятель
дѣлаетъ словесное наставленіе и убѣждаетъ подра-
жать прекраснымъ примѣрамъ добродѣтели (³). Въ
древнихъ, дошедшихъ до насъ литургіяхъ проповѣдь
непосредственно слѣдуетъ за чтеніемъ ветхозавѣт-
ныхъ писаній, Апостола и Евангелія (⁴). И послѣду-
ющіе пастыри и учителя церкви неуклонно держа-
лись сего обычая, избирая для объясненія прочитан-
ныя въ тотъ день за богослуженіемъ отдѣленія, и
извлекая изъ нихъ назиданіе? Если же и отступали
иногда отъ сего обыкновенія, то въ томъ только слу-
чаѣ, когда, или въ поученіяхъ своихъ изъясняли по
порядку цѣлыя книги священнаго писанія, или когда
извѣстныя событія, воспоминанія и празднества, тре-
бованія и нужды времени, сами собою опредѣляли те-
му и предметъ для ихъ поученія, какъ это видно изъ
содержанія оставшихся послѣ нихъ поученій.

Такимъ образомъ, проповѣдь во время богослу-
женія въ христіанской церкви съ самаго начала по-
ставлена была въ непосредственную связь съ чтеніемъ
священнаго писанія, въ особенности во время совер-
шенія литургіи. Слѣдуя за чтеніемъ изъ Апостола и

(¹) Дѣян. 13, 15 и д.

(²) Каковы напр.: возженіе свѣтильника предъ Евангеліемъ, образъ
пѣнія, стояніе при богослуженіи, празднованіе дней воскресныхъ и
праздничныхъ съ вечера и пр.

(³) Apolog. 1.

(⁴) См. Собр. древн. литург. ч. I. Литургія Іакова, стр. 156.
Литургія въ Пост. апост. кн. 2, гл. 57. Кн. 8, гл. 5 и 6.

Евангелія, она органически связывалась съ содержаніемъ прочитаннаго изъ нихъ отдѣленія; ибо съ одной стороны, въ основаніе ея полагалось или все чтеніе въ тотъ день изъ Апостола и Евангелія, или избранное изъ сего чтенія мѣсто и изреченіе (тенеть) такъ что симъ чтеніемъ или изреченіемъ опредѣлялся предметъ и содержаніе самой проповѣди, въ которой, по изъясненіи прочитаннаго и излагаемо было догматическое или нравственное ученіе, и которая по требованію тѣхъ или другихъ обстоятельствъ принимала затѣмъ форму назиданія, увѣщанія, утѣшенія, предостереженія и пр.; съ другой стороны, будучи произносима вслѣдъ за чтеніемъ Апостола и Евангелія, она служила какъ бы продолженіемъ благовѣствованія евангельскаго, и чрезъ сіе приобрѣтала высшій авторитетъ, гораздо лучше могла быть понята слушателями, особенно тѣми, коимъ чтеніе изъ Евангелія и Апостола предварительно было неизвѣстно, каковыхъ всегда было не мало, тверже напечатлѣться въ памяти и сильнѣе воздѣйствовать на ихъ умъ и сердце. И въ порядкѣ богослужебномъ, гдѣ всякій обрядъ и каждое дѣйствіе имѣють для присутствующихъ во храмѣ таинственный смыслъ, сія проповѣдь не лишена была духовнаго знаменованія: она указывала на то время, когда Господь Іисусъ Христосъ, еще во время служенія своего, посылалъ апостоловъ на проповѣдь евангельскую (Лук. 10, 1—24).

Такимъ образомъ, и древній обычай, и духовная польза слушателей, и таинственное значеніе проповѣди христіанской требовали, чтобы она произносима была не въ иное время, какъ непосредственно, послѣ чтенія Апостола и Евангелія. Приуроченіе проповѣди къ сему именно времени сообразно было и съ цѣлію, которую имѣли въ виду пастыри церкви при произнесеніи ея, и съ самымъ состояніемъ и потребностями слушателей. По тогдашнему духовно-нравственному состоянію первенствующихъ христіанъ нельзя было предполагать, чтобы это, — столь мудро назначенное

пастырями церкви для сказыванія поученій время, послужило поводомъ для многихъ христіанъ послѣдующаго времени къ злоупотребленію какъ самую проповѣдію, такъ и богослуженіемъ. Ибо можно ли было предполагать, чтобы христіане, которые въ первыя времена церкви, не смотря на всѣ препятствія, опасности и даже преслѣдованія, съ такою ревностію посѣщали церковныя собранія, гдѣ цѣлыя ночи они провождали въ псалмопѣніи, чтеніи Слова Божія и слушаніи поученій, — въ послѣдствіи до того охладѣли въ вѣрѣ и благочестіи, что стали бы приходить въ храмъ съ цѣлями, совершенно противными духу вѣры и благочестія христіанскаго? Но, что немыслимо было для христіанъ церкви апостольской и первенствующей, гонимой отъ іудеевъ и язычниковъ, то, къ сожалѣнію, вошло въ обычай тогда, когда церковь стала благоденствовать. Духъ христіанскаго благочестія и ревности, какъ бы въ соотвѣтствіе внѣшней силѣ и благоденствію церкви, примѣтно сталъ ослабѣвать въ ней. Это происходило оттого, что многіе изъ язычниковъ стали принимать христіанскую вѣру не по убѣжденію въ ея истинности и превосходствѣ, а по расчетамъ житейскимъ. Усвоивъ себѣ внѣшность христіанскую, подобнаго рода христіане не заботились о внутренно благочестивой настроенности, и сдѣлавшись по имени христіанами, въ сущности оставались тѣми же язычниками, съ языческими обычаями, привычками, предразсудками и суевѣріями, такъ что во многихъ изъ христіанъ IV вѣка уже едва можно было узнать христіанина временъ первыхъ. „Тотъ же у насъ Христосъ, говоритъ Амвросій Медиоланскій христіанамъ своего времени, и таже вѣра, но не тотъ же духъ“ (1). И св. Златоустъ въ свое время часто жаловался на то, что многіе христіане оставляютъ храмъ, и вмѣсто его, отправляются на зрѣлища (2). При

(1) Въ словѣ о любви къ нищимъ.

(2) Въ словѣ противъ зрѣлищъ.

такой холодности въ вѣрѣ и при такомъ упадкѣ благочестія понятнымъ становится то злоупотребленіе, въ коемъ обличаютъ пастыри церкви современныхъ имъ христіанъ, которые будучи увлекаемы могущественнымъ словомъ Златоуста и другихъ знаменитыхъ пастырей, составлявшихъ славу и украшеніе церкви, приходили въ храмъ не для того, чтобы участвовать въ общественномъ богослуженіи и безкровной жертвѣ, какъ то дѣлали первенствующіе христіане, а только для того, чтобы послушать о чемъ и какъ будетъ говорить проповѣдникъ; то есть, самый храмъ, нѣкоторымъ образомъ, превращали они въ зрѣлище, ибо приходили въ него не для молитвы и назиданія въ вѣрѣ и благочестіи, а напротивъ, для удовлетворенія суетному своему любопытству, и имѣя въ виду получить отъ проповѣди удовольствіе, очень похожее на тѣ удовольствія, какія получали они на зрѣлищахъ. Сообразно съ своею цѣлію, подобные христіане оставались при богослуженіи только до окончанія проповѣди, которая, какъ мы видѣли, произносима была по прочтеніи Евангелія, послѣ чего выходили изъ храма, извиняя себя сею неизвинительною отговоркою, „что молиться можно и дома, а слушать проповѣдь можно только въ церкви“ (1). Церковь не могла оставить безъ вниманія подобнаго безчинія совратившихся съ прямого пути благочестія заблудшихъ чадъ своихъ; ибо она, какъ чадолюбивая мать не только печется о добрыхъ дѣтяхъ, но и совратившихся съ пути спасительнаго старается возвратить на путь правый. Въ словахъ и поученіяхъ пастырей церкви IV вѣка очень часто предлагаемы были обличенія и увѣщанія тѣмъ, которые, оставляя церковь, уходятъ на зрѣлищныя представленія (2). Но, поелику христіане въ сіе

(1) Златоуста 3 Бесѣда противъ аномеевъ.

(2) Златоуста Бес. 3 противъ аномеевъ. Его же Бесѣда на слова: аще аячеть врагъ твой.. Его же Бесѣда противъ ушедшихъ на зрѣлища.

время уже утратили ту сыновнюю покорность, съ которою они прежде повиновались гласу и руководству духовныхъ отцевъ своихъ и пастырей; то церковь въ семь случаѣ поступила также точно, какъ поступаетъ разумная мать съ упрямымъ и своевольнымъ сыномъ, когда онъ, не смотря на всѣ вразумленія и увѣщанія ея, стремится къ вѣрной гибели. Въмѣсто сихъ увѣщаній и обличеній, которыя оставались безъ надлежащаго дѣйствія, она употребляетъ мѣру болѣе дѣйствительную, именно: относить сказываніе поученій къ концу литургіи, и чрезъ это самое заставляетъ присутствовать при совершеніи ея и тѣхъ, которые не были намѣрены оставаться до конца ея, а только хотѣли выслушать поученіе проповѣдника. Сія мѣра, конечно, унижала христіанъ, но, съ другой стороны, она не могла оставаться безъ существенной для многихъ изъ нихъ духовной пользы. Ибо нерѣдко случалось, что многіе изъ присутствующихъ при богослуженіи съ единственною цѣлію выслушать поученіе, при воздѣйствіи на умъ и сердце ихъ молитвъ, пѣнопѣній, знаменательныхъ богослужебныхъ обрядовъ и особенно благодати Господней, исполнялись во время самага совершенія ея болѣе достойными христіанъ чувствами, и исходили изъ храма совершенно съ другимъ настроеніемъ, нежели съ какимъ вошли въ него.

Итакъ, упадокъ благочестія христіанъ, дошедшій до того, что они стали злоупотреблять какъ богослуженіемъ, такъ и проповѣдію пастырей, былъ главною побудительною причиною къ измѣненію времени для сказыванія поученій за литургією. Изъ исторіи извѣстно, что и однѣ злоупотребленія нерѣдко служили достаточною причиною къ отмѣненію тѣхъ или другихъ обрядовъ и обычаевъ въ церкви, напримѣръ: злоупотребленія побудили отмѣнить публичное исповѣданіе грѣховъ, трапезы любви, преподаніе тѣла и крови Господней въ раздѣльныхъ видахъ и пр. ⁽¹⁾;

⁽¹⁾ Socrat. Hist. L. V. Cap. 19. Sozomen. Hist. L. VII Cap. 16.

но измѣненія во времени сказыванія поученій за литургією, котораго, хотя и настоятельно требовало религиозно-нравственное состояніе временъ Златоуста, нельзя однакоже было сдѣлать въ церкви до извѣстнаго времени; ибо современныя обстоятельства столь же настоятельно требовали, чтобы поученія произносимы были непосредственно вслѣдъ за прочтеніемъ Апостола и Евангелія.

Въ заповѣди Господа Іисуса Христа, данной апостоламъ о принятіи вступающихъ въ церковь чрезъ крещеніе, повелѣно предварительно научить ихъ истинамъ вѣры и правиламъ жизни христіанской, и затѣмъ надъ увѣровавшими совершать крещеніе ⁽¹⁾, отвергающее входъ въ царствіе Божіе ⁽²⁾. Апостолы въ точности исполняли сіе повелѣніе Господне. Апостолъ Петръ во Іерусалимѣ, по сошествіи Св. Духа, обратился къ находившемуся при семъ многочисленному собранію изъ іудеевъ и прозелитовъ съ проповѣдію, въ которой, раскрывъ значеніе совершившагося событія, изложилъ главныя истины вѣры христіанской; и тѣ, которые охотно приняли слово его, крестились ⁽³⁾. Подобнымъ образомъ и Корнелію сотнику въ Кесаріи, послѣ наставленія его въ главныхъ истинахъ вѣры, онъ преподалъ крещеніе ⁽⁴⁾. Также точно и Филиппъ въ Самаріи, крестилъ Самарянъ, и на пути вельможу египетской царицы Кандакии, послѣ благовѣствованія имъ объ Іисусѣ Христѣ, и послѣ того, какъ они увѣровали отъ всего сердца въ Іисуса Христа, какъ Сына Божія ⁽⁵⁾. Отсюда видно, что наставленіе въ вѣрѣ вступающихъ въ церковь, или начало оглашенію положено самими апостолами; но въ ихъ время крещеніе преподаваемо было непосред-

⁽¹⁾ Матѣ. 28, 19. 20. Марк. 16, 16.

⁽²⁾ Іоан. 3, 5.

⁽³⁾ Дѣян. 2, 41.

⁽⁴⁾ Дѣян. 10, 48.

⁽⁵⁾ Дѣян. 8, 6, 12. 37

стегенно послѣ непродолжительнаго оглашенія, какъ это видно изъ вышеприведенныхъ примѣровъ. Но и послѣ апостоловъ число желающихъ вступить въ церковь Христову изъ іудеевъ и язычниковъ не только не уменьшилось, но еще болѣе и болѣе возрастало, не смотря на рядъ, почти непрерывно продолжавшихся гоненій. Какъ для отдѣленія отъ невѣрующихъ, такъ и для наставленія ихъ въ вѣрѣ и правилахъ жизни христіанской, преемники апостоловъ и учителя церкви нашли нужнымъ дать опредѣленный видъ и форму сему ихъ оглашенію, почему и установленъ былъ особый классъ вступающихъ въ церковь, извѣстный подъ именемъ оглашенныхъ ⁽¹⁾ (*κατηχούμενων*), которые по мѣрѣ преуспѣянія въ ученіи вѣры и жизни христіанской раздѣлялись на степени, какія они должны были проходить со времени своего причисленія ⁽²⁾ къ обществу христіанъ и вступленія въ чинъ оглашенныхъ. Сіи оглашенные, кромѣ тѣхъ, коимъ преподавалось ученіе христіанской вѣры частнымъ образомъ, внѣ церкви ⁽³⁾, въ самой церкви раздѣлены были на три степени или чина. Къ первому чину принадлежали оглашенные слушающіе (*ἀκροάμενοι*, *audientes*). Они допускаемы были къ слушанію въ церкви слова Божія и поученій, но имъ воспрещаемо было оставаться за литургіею при тѣхъ даже молитвахъ, которыя приносятся были за прочихъ оглашенныхъ. Когда, по окончаніи поученія, торжественно воз-

⁽¹⁾ Const. Apost. L. VII, с. 39.

⁽²⁾ II Вселенск. соб. прав. 7. Оглас. мол. предъ крещ. 1. Кирил. іерус. Предоглас. сл. п. 4-й.

⁽³⁾ Есть преданіе, что еще во времена апостольскія для первоначальнаго наставленія и оглашенія въ вѣрѣ обращающихся въ христіанство евангелистами Іоанномъ Богословомъ въ Ефесѣ, а Маркомъ въ Александріи основаны были училища, изъ коихъ послѣднее при Папѣ Климентѣ александрійскомъ и Оригенѣ сдѣлалось знаменитымъ и извѣстно было подъ именемъ Александрійской школы, или Александрійскаго огласительнаго училища. Iren. Haeres. L. II, с. 22. Evseb. Hist. L. V, с. 40. 41.

глашаемо было: „да никто отъ слушающихъ! да никто отъ невѣрныхъ! (¹) — они немедленно должны были выходить изъ церкви. Ко второму чину принадлежали оглашенные колѣнопреклоненные или ницъ простертыя (*γουνυκλίοντες*, genuflectentes). Они, послѣ моленія объ оглашенныхъ, преклоняли колѣна, для принятія благословенія отъ предстоятеля предъ выходомъ изъ церкви (²). Наконецъ, къ третьему чину принадлежали оглашенные просвѣщаемые (*φωτισόμενοι, βαπτισόμενοι*, competentes, electi, — въ литургіи преждеосвященныхъ: „елицы ко просвѣщенію“), которые готовились въ ближайшій изъ великихъ праздниковъ принять крещеніе; они послѣ особеннаго моленія (эктеніи) о нихъ, и послѣ благословенія ихъ предстоятелемъ, послѣдними изъ всѣхъ оглашенныхъ удалялись изъ храма (³). Отсюда видно, что всѣ три чина оглашенныхъ имѣли право участвовать въ начальныхъ молитвахъ за литургією и слушать слово Божіе и поученія, произносимыя непосредственно за прочтеніемъ Евангелія; почему сія часть литургіи и названа литургією оглашенныхъ; но никто изъ оглашенныхъ не могъ присутствовать въ церкви за литургією вѣрныхъ; ибо церковь допускала къ участию въ таинствахъ только тѣхъ, которые получили крещеніе (⁴). Съ другой стороны, поелику проповѣдь въ христіанской церкви, по заповѣди Господней (⁵), по примѣру апостоловъ и постановленіямъ соборовъ (⁶), долженствовала быть всеобщею не только для христіанъ и для желающихъ вступить

(¹) Const. Apost. L. VIII. c. 5.

(²) Const. Apost. L. VIII. c. 6. Соб. Неокесар. пр. 5.

(³) Const. Apost. L. VIII. c. 7. 8. Conf. Conc. Laodic. Can. XIX.

(⁴) См. предыдущій цитатъ.

(⁵) Матѳ. 28. 19. 20.

(⁶) Conc. Carthag. Can. 84. Episcopus nullum prohibeat in gredi ecclesiam et audire verbum Dei, sive gentilem, sive haeticum, sive Judeum usque ad missam catechumenorum. Епископъ никому да не возбранитъ внити въ церковь слушать слово Божіе ни язычнику, ни еретику, ни иудею даже до молягвъ объ оглашенныхъ.

въ общество вѣрующихъ, каковы были оглашенные, но и для невѣрующихъ; то литургія оглашенныхъ, за которою могли присутствовать и оглашенные, и всѣ желающіе изъ невѣрныхъ, и признана была въ древней церкви за самое удобное и приличное время для сказыванія поученій.

Хотя мы знаемъ изъ дошедшихъ до нашего времени огласительныхъ поученій ⁽¹⁾, что онѣ примѣняемы были къ различнымъ состояніямъ вступающихъ въ церковь, или тѣмъ степенямъ, въ которыхъ состояли они по своему вступленіи въ чинъ оглашенныхъ, почему въ нихъ и раскрывались первоначальныя только истины вѣры христіанской, которыя уже были извѣстны прочимъ вѣрующимъ: однако изъ сего еще не слѣдуетъ заключать, что ученіе христіанское всегда преподавалось оглашеннымъ отдѣльно отъ вѣрныхъ, и вѣрнымъ отдѣльно отъ оглашенныхъ. Изъ свидѣтельствъ, дошедшихъ до насъ отъ того времени видно, что оглашенные при сказываніи поученій присутствовали вмѣстѣ съ вѣрными. Св. Кириллъ іерусалимскій говоритъ: „о таинствахъ бесѣдуемъ мы съ оглашенными не открыто, но часто о многомъ говоримъ прикровенно, дабы вѣрные то разумѣли, а не разумѣющіе не терпѣли отъ того вреда“ ⁽²⁾. И въ другомъ словѣ онъ же говоритъ: „тѣ изъ предстоящихъ, которые совершеннѣе по способностямъ и имѣютъ уже чувствія, обученныя въ разсужденіи добра или зла, съ терпѣніемъ да выслушаютъ дѣтскіе уроки и млеку подобное руководство, чтобы вмѣстѣ и имѣющимъ нужду въ оглашеніи получить отъ сего пользу, и пріобрѣтшимъ вѣдѣніе оживить въ памяти, о чемъ предварительно уже знали“ ⁽³⁾. Бл. Теодоритъ говоритъ: „мы темно

⁽¹⁾ Напр.: Кирилла іерусалимскаго слова къ просвѣщаемымъ, 1-е огласительное слово, заключающее въ себѣ первоначальное ученіе приступающимъ ко крещенію.

⁽²⁾ Оглас. слово къ просвѣщаемымъ VI-е гл. 29.

⁽³⁾ Оглас. слово IV-е, гл. 3.

бесѣдуемъ съ непосвященными о божественныхъ тайнствахъ, а безъ нихъ ясно поучаемъ посвященныхъ“ (1). Это подтверждается и самымъ назначеніемъ времени для сказыванія поученій за литургією, непосредственно послѣ чтенія Евангелія, сдѣланнымъ съ тою именно цѣлію, чтобы и оглашенные вмѣстѣ съ вѣрными могли слушать пастырскія поученія.

Такимъ образомъ, если бы сказываніе поученій отнесено было къ концу литургіи въ то время, когда іудеи и язычники во множествѣ вступали въ церковь христіанскую, и до принятія крещенія находились болѣе или менѣе продолжительное время въ чинѣ оглашенныхъ; то, не имѣя права оставаться до конца литургіи въ храмѣ, они лишены были бы нетлѣнной пищи слова Божія и наставленій пастырскихъ въ ученіи христіанскомъ, проповѣдуемомъ за литургією; тогда какъ они-то преимущественно предъ прочими и нуждались въ этомъ. Но это было бы не согласно не только съ духовными потребностями готовящихся къ крещенію, но и съ самою заповѣдію Іисуса Христа, который повелѣлъ наставлять крещаемыхъ прежде крещенія ихъ (2). Церковь не только заботилась въ точности исполнять сію заповѣдь, но и на самомъ важномъ изъ своихъ богослуженій установила особыя молитвы (эктеніи) о томъ, чтобы Господь просвѣтилъ оглашенныхъ просвѣщеніемъ разума и благочестія, огласилъ ихъ словомъ истины, открылъ имъ Евангеліе правды и даровалъ имъ совершеніе вѣры (3).

Когда же борьба іудейства и язычества съ христіанствомъ кончилась побѣдою, побѣдившею міръ (іудейскій и языческій), и невѣрные уже не стали

(1) Вопр. 15 на книгу Числь.

(2) Матѣ. 28, 19. 20.

(3) Эктеніи объ оглашенныхъ на литургіяхъ Златоуста и преждеосвященныхъ даровъ. Въ Постановленіяхъ апостольскихъ читаемъ самую эктению объ оглашенныхъ и молитву епископа о нихъ. Кн. 8, гл. 6—8.

переходить цѣлыми массами въ церковь христіанскую; то самъ собою постепенно началъ сокращаться классъ оглашенныхъ, а затѣмъ и вовсе прекратился. Послѣ сего не было уже препятствій отнести сказываніе поученій къ концу литургіи ⁽¹⁾, ибо все вѣрующіе имѣли право присутствовать за литургіею до самаго конца ея. Пастыри церкви давно уже замѣчавшіе потребность въ измѣненіи времени сказыванія поученій за литургіею, но удерживаемые отъ сей перемѣны тѣмъ, что готовящіеся къ принятію крещенія не могли оставаться за литургіею до окончанія ея, по упраздненіи въ церкви класса оглашенныхъ, не имѣли уже болѣе препятствій отнести сказываніе поученій къ концу литургіи. Напротивъ, какъ въ богослужебномъ отношеніи имѣли основаніе къ сему измѣненію, такъ и въ видахъ религіозно-нравственной пользы для вѣрующихъ находили они особыя для сего побужденія. Въ богослужебномъ порядкѣ литургіи проповѣдь, произносимая послѣ чтенія Евангелія, знаменательно указывала на то время, когда Господь Иисусъ Христосъ, во время земной своей жизни, посылалъ апостоловъ благовѣствовать Евангеліе: произносимая же при концѣ литургіи проповѣдь наглядно изображаетъ, какъ ученики, по вознесеніи Господнемъ на небо и по сошествіи Св. Духа, *изшедше, проповѣдали всюду, Господу поспѣшествующу* ⁽²⁾. Что же касается религіозно-нравственныхъ причинъ, побуждавшихъ къ сему измѣненію, то его нужно было сдѣлать не для того только, чтобы удержать до конца литургіи тѣхъ хо-

⁽¹⁾ Впрочемъ обычай говорить поученія прямо послѣ чтенія Евангелія по мѣстамъ держался до IX вѣка. Филарета Историч. обзоръ пѣснопѣвцевъ греч. церкви, стр. 115. Combefisii auctar. Т. 2. р. 365.

⁽²⁾ Марк. 16, 20. Вознесеніе Господне воспоминается за литургіею, когда священникъ троекратно окаждая св. дары, говоритъ: «вознесися на небеса Боже, и по всей земли слава Твоя». Здѣсь же, послѣ послѣдняго явленія народу св. даровъ, воспоминается и сошествіе Св. Духа на апостоловъ. Дмитревск. Изъясн. на литург. изд. 2-е, § 223.

лодныхъ и безрелигіозныхъ христіанъ, которые приходили къ литургіи, единственно, для выслушанія поученія, произносимаго непосредственно послѣ чтенія Евангелія, и затѣмъ уходили изъ храма; но и для всѣхъ прочихъ присутствующихъ за литургіею, въ тѣхъ видахъ, что поученіе, сказанное при концѣ литургіи могло болѣе принести имъ духовной пользы, нежели то, которое произносилось непосредственно послѣ чтенія Евангелія.

Ибо, чтобы достойно участвовать въ богослуженіи, исполненномъ столь высокихъ таинствъ и знаменательныхъ обрядовъ и воспоминаній, какова литургія вѣрныхъ, христіанинъ долженъ возноситься умомъ своимъ отъ внѣшнихъ и обрядовыхъ дѣйствій къ внутреннему и духовному ихъ знаменованію, чтобы за богослуженіемъ симъ не только воспоминать, но *просвѣщенными очами сердца* и созерцать, какъ устроялось царство Божіе на землѣ и созидалось домостроительство спасенія нашего, или, по слову апостола, *увидѣти намъ, кое есть упованіе званія Его, и кое богатство славы достоянія Его во святыхъ* ⁽¹⁾;—волю свою бдительно охранять отъ вторженія и прираженія грѣховныхъ движеній, чтобы достойно участвовать въ приношеніи таинственной, безкровной жертвы Христовой, а сердце устремлять горѣ къ Богу съ молитвами прошенія, благодаренія и славословія, которыя не могутъ быть совершаемы безъ вѣры, надежды и любви къ Богу, безъ страха и благоговѣнія предъ Нимъ, безъ смиренія и преданности Ему. Такимъ образомъ всѣ силы духа его въ продолженіе литургіи должны находиться въ постоянной и неослабной духовной дѣятельности. А посему поученіе, сказанное по прочтеніи Евангелія, не можетъ быть предметомъ размышленія и глубоко укорениться въ памяти, ибо, послѣ выслушанія его, христіанину, присутствующему за литургіею, надлежитъ участвовать въ главнѣйшей

(1) Ефес. 1, 18.

части сего богослуженія—въ литургіи вѣрныхъ, которая, какъ мы видѣли, требуетъ особеннаго его вниманія, благоговѣйнаго созерцанія и молитвъ усерднѣйшихъ. Но извѣстно, что впечатлѣнія новыя и чувствованія сильныя или совсѣмъ уничтожаютъ прежнія впечатлѣнія, или по крайней мѣрѣ значительно ослабляютъ ихъ. Послѣ сего понятно, если и самый внимательный слушатель не въ состояніи будетъ удерживать твердо въ своей памяти поученія, произнесеннаго по прочтеніи Евангелія, и оно во многомъ для него, при концѣ богослуженія, потеряетъ свою силу. Напротивъ того, поученіе, сказанное при концѣ литургіи всегда долѣе останется въ умѣ и сердцѣ слушателя, потому что богослуженіе, вскорѣ по произнесеніи слова прекращается, и такимъ образомъ одно слово служитъ пищею для его размышленія и при выходѣ изъ храма, какъ бы напутствіемъ ему на предстоящій путь жизни.

Итакъ, по требованію тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, для сказыванія поученій за литургіею, церковію назначаемы были различныя времена, сообразно съ имѣвшимися въ виду цѣлями (¹).

Прот. И. Л.—іѣ.

(¹) См. сн. 1 и 2.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ЕВАНГЕЛІЮ ОТЪ МАТΘΕЯ.

(Продолженіе)

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Ст. 1. „*Въ тѣ дни приходитъ* Іоаннь Креститель, и проповѣдуетъ въ пустынь іудейской“. Этотъ стихъ совершенно возможно оставить въ прежнемъ его видѣ, и если мы рѣшились сдѣлать на него замѣчаніе; такъ это только для того, чтобы предложить на судъ специалистовъ греческаго языка, дозвоительно или нѣтъ думать греческимъ словамъ: *ἡμέρα* и *παραυίνομαι* (*ἐν ταῖς ἡμέραις ἐκείναις παραυίνεται Ἰωάννης ὁ βαπτιστής*) придавать то значеніе, какое мы сейчасъ хотимъ придать имъ. Слово: *ἡμέρα*, кромѣ своего обычнаго значенія: *день*, имѣло и болѣе общее значеніе, — значеніе возраста и времени вообще: *πρώτη ἡμέρα* = юношескій возрастъ, *τελευταία ἡμέρα* = мужскій возрастъ, *παλαιά ἡμέρα* = старческій возрастъ; *ἡμέρα κλίνει τε κἀνάγει πάλιν ἅπαντα τὰνθρώπεια* = время то пригибаетъ, то снова поднимаетъ все человѣческое (¹). О глаголѣ *παραυίνομαι* нами было уже говорено. Глаголъ этотъ собственно означаетъ: *приходитъ куда нибудь, пребываетъ, являются гдѣ нибудь мимоходомъ*. Весь стихъ

(¹) Soph. Ai. 131.

получить такой видъ: „въ то время является съ проповѣдію (χρῆσις—причастіе безъ члена) въ пустынь іудейской Іоаннъ Креститель“ (и говорить). Выраженіе: *въ тѣ дни*, наводитъ на мысль, что Іоаннъ Креститель явился съ проповѣдію въ пустынь вскорѣ послѣ рождества Христова, тогда какъ самъ онъ только пятью (¹) мѣсяцами былъ старше Спасителя, а Спаситель крестился тридцати лѣтъ.

Ст. 3. „Приготовьте путь Господу, прямыми (ровными, гладкими) сдѣлайте Ему стези (и еврейское *חַדָּר* и греческое *στρίβος* означаютъ большую дорогу). Переводъ довольно вѣренъ, но мысль не такъ наглядно выражена, какъ въ еврейскомъ и греческомъ текстахъ. „Приготовьте“ поеврейски — *חָדַד*, погречески—*ἐπιμαβάτε*. Глаголь *חָדַד* въ формѣ *Pi*. значитъ: *удалать* (врага), *прокладываетъ путь, дорогу*. Глаголь *ἐπιμαίω* значитъ: *приготавливаю что либо*, что еще не готово, *произвожу*. Такимъ образомъ первая половина указываетъ или на проложеніе пути вновь или, по крайней мѣрѣ, на приготовленіе такого прежде бывшаго пути, который почему либо сталъ неудобнымъ для путешествія, напримѣръ, вслѣдствіе обрушенія на него скалы, или вслѣдствіе занесенія его песками, когда такимъ образомъ приходится его снова прокладывать, а вторая указываетъ только на уравниеніе пути; потому что еврейскій глаголь *חָשַׁב* въ формѣ *Pi*. и значитъ именно: *уравнивать (путь)*, а греческое прилагательное *εὐθὺς* значитъ какъ *прямой*, такъ и *ровный*. По отношенію къ нравственной сторонѣ дѣла, первая половина указываетъ, повидимому, на такія грѣховныя состоянія людей, которыя совершенно преграждаютъ имъ путь къ соединенію съ Богомъ, а вторая на такія, которыя только замедляютъ это соединеніе.

Ст. 11. „Я не достоинъ понести (*βαπτᾶσαι*) обувь Его“. Глаголь *βαπτᾶζω* означаетъ собственно: *подни-*

(¹) Лук. 1, 24, 26.

мать что либо вверхъ. Поэтому не ближе ли будетъ къ мысли евангелиста такая форма выраженія: я не достоинъ поддержать обуви его.

Ст. 15. „Иисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: *оставь* теперь; ибо такъ надлежитъ намъ исполнить всякую правду. Тогда Іоаннъ *допускаетъ* Его“. Въ этомъ стихѣ одинъ и тотъ же греческій глаголь *ἀφήμι* переданъ порусски двумя: *оставь* и *допусти*. Намъ казалось бы и порусски лучше употребить одинъ и тотъ же глаголь: *допускать*. Иисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: *допусти* теперь же (*ἄρτι*); потому что такъ особенно удобно (*πρότερον ἐστίν*) выполнить намъ всю правду. Тогда (Іоаннъ) *допускаетъ* его.

Ст. 17. „Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ которомъ Мое благоволеніе“. Предложеніе: „въ которомъ Мое благоволеніе“, можно понимать въ двухъ смыслахъ: *благоволеніе Бога Отца сосредоточивается въ Сынъ* (или на Сынѣ), и: *благоволеніе Бога Отца проявляется въ Сынъ* (или чрезъ Сына) *и простирается на человека*. Въ русскомъ переводѣ не выдержана глагольная форма: *о Немже благоволихъ*. Греческій языкъ имѣетъ двѣ формы для обозначенія законченности дѣйствія: форму прошедшаго совершеннаго времени (*perfecti*) и форму аориста. Первою обозначается или такое законченное дѣйствіе, которое только что закончено, наприм: только что написалъ (*υἱῆ γραφα*) письмо (такъ что не успѣлъ еще отослать его) или такое, которое, хотя и давно закончено, но остается еще во всей своей силѣ, наприм: построилъ домъ (и до сихъ поръ въ немъ живу)—*ἔχοντομῆχα*; второю указывается лишь на законченность дѣйствія, безъ всякаго обозначенія того, какъ давно оно закончено и остается ли еще въ силѣ или нѣтъ. Такъ какъ для Творца вселенной „давно“ не существуетъ и такъ какъ отношенія лицъ св. Троицы всегда остаются тѣми же; то въ тѣхъ случаяхъ, когда священные писатели желали сдѣлать указаніе на эти отношенія, они всегда употребляли форму прошедшаго совершеннаго времени.

Такъ въ посланіи апостола Павла къ Евреямъ въ пятомъ стихѣ первой главы, гдѣ дѣлается апостоломъ ссылка на второй псаломъ, слова: *Сынъ Мой еси Ты, Азъ днесъ родихъ Тя*, какъ указывающія на отношеніе Бога Отца къ Богу Сыну, погречески читаются: *υἱὸς μου εἶ σὺ, ἐγὼ σήμερον γεγέννηκά σε* (а не *ἐγέννησα*), т. е. глаголь: *родихъ*, стоитъ въ формѣ перфекта, а не аориста. Во многихъ мѣстахъ евангелія отъ Іоанна, въ которыхъ указывается на отношенія Отца къ Сыну, какъ на примѣръ: *вся даде Ему Отецъ* (гл. 13, ст. 3), *видѣвый Мене видѣ Отца* (гл. 14, ст. 9), глаголы стоятъ въ греческомъ текстѣ въ формѣ перфекта, а не аориста. Позволю себѣ остановиться еще на одномъ мѣстѣ изъ евангелія отъ Іоанна, на второмъ стихѣ 17-й главы: *якоже далъ еси Ему власть всякія плоти, да всяко еже далъ еси Ему, дастъ имъ животъ вѣчный* (такъ какъ Ты далъ Ему власть надъ всякою плотію, дабы Онъ все, что Ты далъ Ему, даровалъ имъ въ животъ вѣчный). Первое „далъ“ стоитъ погречески въ формѣ аориста (*ἔδωκας*), такъ какъ указываетъ на отношеніе Сына Божія къ земному человѣку, второе въ перфектѣ (*δέδωκας*), такъ какъ указываетъ на отношеніе Его къ Богу Отцу. Поэтому, если бы словами: *о Немже благоволихъ*, указывалось на отношеніе Бога Отца къ Богу Сыну; то, кажется мнѣ, погречески стояла бы форма перфекта, а не аориста. На основаніи такого соображенія осмѣливаюсь предположить, что въ словахъ Бога Отца: *сей еси Сынъ Мой возлюбленный*, *о Немже благоволихъ*, (*οὗτός ἐστιν ὁ υἱὸς μου ὁ ἀγαπητός, ἐν ᾧ εὐδόκησα*), заключается слѣдующая мысль: это—Сынъ Мой возлюбленный, чрезъ котораго Я (Богъ правосудія—въ ветхомъ завѣтѣ) явился благимъ (явилъ Себя Богомъ благодсти); потому что глаголь *εὐδοκέω* состоитъ изъ двухъ словъ: *εὖ*—благо и *δοκέω*—кажусь, являюсь, опредѣляю. Во время преображенія Господня былъ тотъ же гласъ съ неба, но съ прибавленіемъ въ концѣ: „слушайте Его“. Эта прибавка, по нашему мнѣнію,

ясно показываетъ, что Богъ Отецъ говоритъ о благоволеніи Своемъ чрезъ Сына къ людямъ: „сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ которомъ (чрезъ котораго) Мое благоволеніе къ вамъ; слушайте Его“. Что же касается до греческаго выраженія ἐν ᾧ (о немже), то оно много разъ встрѣчается въ новозавѣтныхъ книгахъ въ значеніи: *чрезъ котораго*, равно какъ ἐν αὐτῷ — въ значеніи: *чрезъ Него*: *нынѣ прославился Сынъ человеческій, и Богъ прославился о Немъ* (чрезъ Него—ἐν αὐτῷ. Иоан. 13, 31. 32); *о Немъ бо живемъ и движемся и есмь* (Имъ, или чрезъ Него—ἐν αὐτῷ, мы живемъ и движемся и существуемъ. Дѣян. 17, 28); *о Немже (ἐν ᾧ) и сущимъ въ темницѣ духовомъ сошедъ проповѣда* (1 Петр. 3, 19; слич. 1, 6); *яко тѣмъ (чрезъ Него—ἐν αὐτῷ) создана быша всяческая, яже на небеси, и яже на земли..... И той есть прежде всѣхъ, и всяческая въ Немъ* (т. е. Имъ или чрезъ Него — ἐν αὐτῷ) *состоится* (Колос. 1, 16. 17). Наконецъ, въ пользу того мнѣнія, что слова Бога Отца: *о Немже благоволихъ*, говорятъ о благоволеніи Его не къ Сыну, но чрезъ Сына къ человѣку, можно представить слѣдующее соображеніе: Богъ Отецъ называетъ здѣсь Иисуса Христа Сыномъ Своимъ возлюбленнымъ (*ἀγαπητός*); а любовь и притомъ любовь отеческая — выше благоволенія; и потому слово о благоволеніи послѣ слова о любви теряетъ уже свою силу. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній мы склоняемся болѣе къ такому пониманію этого стиха: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ которомъ* (или чрезъ котораго) *явилъ Я благодать Свою*, иными словами: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ которомъ проявилась Моя благодать* (¹).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Ст. 15. „Земля Завулонова и земля Нефѣалимова, на пути приморскомъ, за Иорданомъ, Галилея язы-

(¹) Въ которомъ Я милостивъ. Оеофилактъ болгарскій.

ческая“. Едвали можно сомнѣваться, что пророкъ Исаія, на котораго ссылается здѣсь св. евангелистъ, подъ землею Завулоновой и землею Нефѣалимовой разумѣлъ тѣ мѣстности обѣтованной земли, которыя, по раздѣленіи ея между колѣнами израильскими, поступили въ удѣлъ колѣнамъ Завулонову и Нефѣалимову. Но колѣна эти поселились по эту, а не по ту сторону Иордана, въ отношеніи къ Іерусалиму; потому что по ту сторону Иордана поселились только два колѣна—Рувимово и Гадово, да половина колѣна Манассіина (Ис. Нав. 1, 12; 13, 7. 8; 14, 3). Въ книгѣ Іисуса Навина за-іорданскою стороною называется именно лѣвая, восточная сторона, которую занимали два съ половиною колѣна. А та сторона, которая досталась въ удѣлъ девяти съ половиною колѣнамъ, въ томъ числѣ и колѣнамъ Завулонову и Нефѣалимову, и на которой находится Іерусалимъ, всюду называется землею, лежащею по эту сторону Иордана (Ис. Нав. 1, 14. 15; 2, 10; 13, 8; 14, 3). Русскій переводчикъ евангелія отъ Матѳея, по всей вѣроятности, воспользовался русскимъ переводомъ этого мѣста у пророка Исаи: „прежнее время умалило землю Завулонову и землю Нефѣалимову; но послѣдующее возвеличитъ приморскій путь, за-іорданскую страну, Галилею языческую“ (1). Еврейское: דָּרַךְ הַיָּם עֲבַר הַיַּרְדֵּן, по нашему мнѣнію, несомнѣнно значить: путь моря на ту сторону Иордана, или: приморскій путь за Иорданъ. Поэтому и первый стихъ девятой главы пророка Исаи слѣдовало бы, кажется, перевести такъ: прежнее время умалило землю Завулонову и землю Нефѣалимову; но послѣдующее возвеличитъ Галилею языческую, приморскій путь за Иорданъ. דָּרַךְ собственно значить: сторона, противоположная той, на которой мы находимся. Такимъ образомъ самый еврей-

(1) Иса. 9, 1. Галилея вся и верхняя (языческая) и нижняя лежала по эту, а не по ту сторону Иордана. Удѣлы колѣнъ Завулонова и Нефѣалимова вошли въ ея границы.

скій текстъ показываетъ, что здѣсь идетъ рѣчь не объ одной той сторонѣ, на которой находились удѣлы колѣнъ Заулонова и Нефѳалимова, но и о противоположной ей сторонѣ. Поэтому словъ: אֲרָצוֹת אֲחֵרֹת (другая, противоположная сторона Иордана), никакъ нельзя понимать въ смыслѣ приложения, или поясненія къ словамъ: דֶּרֶךְ הַיָּם (приморскій путь), а напротивъ слѣдуетъ видѣть въ первыхъ дополненіе къ послѣднимъ, конечный пунктъ пути, т. е. взаимную связь ихъ слѣдуетъ представлять такъ: приморскій путь въ за-иорданскую страну. По удѣламъ Заулонову и Нефѳалимову и притомъ по берегу Геннисаретскаго моря, дѣйствительно, шла дорога, которая вела за Иорданъ. Тоже самое и у евангелиста Матѳея: *γῆ Ζαβουλαὼν καὶ γῆ Νεφθαλείμ, ὁδὸν θαλάσσης πέραν τοῦ Ἰορδάνου, Γαλιλαία τῶν ἐθνῶν*. Все затрудненіе заключается въ словѣ: *πέραν*, по ту сторону. Какъ предлогу, слову этому на вопросъ: куда? слѣдовало бы требовать послѣ себя винительнаго падежа, а *τοῦ Ἰορδάνου* — падежъ родительный. Но предлогъ этотъ—ни болѣе, ни менѣе, какъ винительный падежъ стариннаго существительнаго *πέρα* или *πέραη*—граница и, по всей вѣроятности, одного происхожденія съ *ἔσω*. Какъ существительное, онъ свободно на всѣ вопросы допускаетъ послѣ себя родительный падежъ ⁽¹⁾. Какъ же теперь узнать, когда этотъ родительный слѣдуетъ передавать порусски винительнымъ, когда родительнымъ и когда творительнымъ. Мнѣ кажется, въ этомъ случаѣ не должно быть особеннаго затрудненія: когда рѣчь идетъ о направленіи, движеніи куда нибудь, тогда порусски должны стоять винительный падежъ; когда—о направленіи откуда нибудь, тогда—родительный, когда—о нахожденіи, пребываніи гдѣ либо, тогда—творитель-

⁽¹⁾ У древнихъ авторовъ родительный падежъ—единственный падежъ послѣ *πέραν*.

ный съ предлогомъ *за* (за Иорданъ, изъ-за Иордана ⁽¹⁾, за Иорданомъ). Въ настоящемъ случаѣ рѣчь идетъ о направленіи пути (на вопросъ: куда?); поэтому порусски долженъ быть винительный падежъ: „на приморскомъ пути за Иорданъ“, точно также, какъ переданъ точно такой же оборотъ въ евангеліи отъ Іоанна: „сказавъ сіе, Іисусъ вышелъ съ учениками своими за потокъ Кедрскій (*πέραν τοῦ χειμάδαίου τῶν Κέδρων*, Іоан. 18, 1). Изъ Іерусалима въ Сирію чрезъ Иорданъ было два пути: одинъ—главный—пересѣкалъ Иорданъ южнѣ Геннисаретскаго моря (озера), не касаясь его; другой отдѣлялся отъ перваго еще до пересѣченія Иордана, направлялся прямо на сѣверъ къ Геннисаретскому морю, шель почти по всему западному берегу моря ⁽²⁾ и пересѣкалъ Иорданъ уже сѣвернѣ моря. Этотъ-то послѣдній путь, въ отличіе отъ перваго, пересѣкавшаго Иорданъ на югѣ, и назывался путемъ моря, или приморскимъ путемъ за Иорданъ; и онъ дѣйствительно проходилъ чрезъ земли, доставшіяся въ удѣлъ колѣнамъ Завулонову и Нефѣалимову.

На основаніи всего, сказаннаго нами, было бы желательно въ 15-мъ стихѣ четвертой главы евангелія отъ Матѳея поправить только одно слово „Иорданомъ“ на „Иорданъ“, т. е. читать стихъ такъ: „земля Завулонова и земля Нефѣалимова (лежащая) на приморскомъ пути за Иорданъ, Галилея языческая“...

Ст. 18. „Закидывающихъ“—закидывающими.

Ст. 21. „Починивающихъ“—починивающими.

⁽¹⁾ Совершенно вѣрно передана мысль послѣдняго стиха этой же главы: «и слѣдовало за Нимъ множество народа изъ Галилеи и десятиградія, и Іерусалима, и Іудеи и изъ-за Иордана» (*καὶ πέραν τοῦ Ἰορδάνου*).

⁽²⁾ А за Иорданомъ прибрежнаго пути, т. е. пути, который шель бы по восточному берегу Геннисаретскаго озера, вовсе не было.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Ст. 19. „Итакъ кто нарушитъ одну изъ заповѣей сихъ малѣйшихъ, и научитъ такъ (οὕτω) людей, тотъ малѣйшимъ наречется въ царствѣ небесномъ“... Думается, что слова: *и научитъ такъ людей*, могутъ вводить читателя въ заблужденіе, будто тотъ, кто самъ нарушитъ одну изъ заповѣдей, да и другихъ научитъ нарушать ее, будетъ сопричтенъ къ низшему разряду наслѣдниковъ царства небеснаго. Намъ кажется, что тотъ, кто не только самъ будетъ нарушать хотя одну изъ заповѣдей, но и другихъ будетъ научать дѣлать тоже, тотъ вовсе не наслѣдуетъ царства небеснаго. Слово: οὕτως или οὕτω, собственно непереводимо на русскій языкъ, если послѣ него не слѣдуетъ ὡς; общее его значеніе: *вотъ такъ именно*. Но это—только смыслъ его, который при различныхъ сочетаніяхъ долженъ формулироваться различно. Не такая ли мысль заключается въ стихѣ: кто нарушитъ какую бы то ни было (¹) изъ этихъ, самыхъ малыхъ заповѣдей и не смотря на то (и при этомъ — οὕτω) преподастъ ее людямъ, тотъ въ царствѣ небесномъ наречется (также) однимъ изъ самыхъ малыхъ; а кто выполнитъ и преподастъ, тотъ великимъ наречется въ царствѣ небесномъ.

Ст. 29-й и 30-й переведены совершенно вѣрно; но влѣдствіе того, что въ русскомъ языкѣ нѣтъ члена, мысль этихъ стиховъ теряетъ ту выразительность, какую она имѣетъ въ греческомъ текстѣ. Членъ имѣетъ свойство точнѣе опредѣлять имя, предъ которымъ онъ стоитъ, и чрезъ то придавать часто содержанію имени больше значеніе („мнѣ хочется приобрести домъ“..... и: *мнѣ хочется приобрести извѣстный домъ*“— двѣ вещи различныя; извѣстный домъ хочется приобрести потому, что онъ лучше или удобнѣе другихъ).

(¹) Часто εἷς переходитъ по значенію въ τῆς, въ неопредѣленное «однѣнъ».

Порусски эту выразительность можно было бы передать такъ: если глазъ твой—даже правый—соблазняетъ тебя, вырви его..... И если рука твоя—пусть будетъ правая—соблазняетъ тебя, отсѣки ее..... Въ первомъ случаѣ мысль сильнѣе, потому что въ греческомъ текстѣ прилагательное съ членомъ стоитъ позади своего существительнаго, чрезъ что вызвалось два члена; во второмъ—нѣсколько слабѣе, потому что прилагательное съ членомъ стоитъ впереди своего существительнаго. — Вся правая сторона организма человѣческаго (трудно сказать, почему; быть можетъ, вліяетъ на то мѣстоположеніе сердца) болѣе развивается и потому болѣе дорога для человѣка, чѣмъ лѣвая: и глазъ правый (когда человѣкъ пишетъ что либо или мѣтитъ во что нибудь) и правая рука (почти во всѣхъ случаяхъ) и правая нога болѣе служатъ человѣку, чѣмъ лѣвый глазъ, лѣвая рука, лѣвая нога.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Ст. 23. „Если же око твое будетъ худо; то все тѣло твое будетъ темно. Итакъ, если свѣтъ, который въ тебѣ, тьма; то *какова же тьма?* Мысль Господа весьма затемнена. *Πόσος*—никогда не значитъ: *какой*, а всегда значитъ: *сколькій, сколь великій, сколь многій*, словомъ: это — не качественное мѣстоименіе, а количественное. Господь говоритъ, что глазъ есть свѣтильникъ для тѣла. Если глазъ чистъ, то все тѣло свѣтло (ст. 22). Ст. 23: „если же око твое будетъ не чисто, то все тѣло твое будетъ темно. Итакъ если свѣтъ, который въ тебѣ (т. е. органы свѣта, глаза)—тьма; то сколько тьмы въ тебѣ“! т. е. во всемъ твоёмъ существѣ (1).

(1) Подъ свѣтомъ можно, конечно, разумѣть не одни тѣлесные глаза, но и очи душевныя.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Ст. 16. „И никто къ ветхой одеждѣ не приставляетъ заплаты изъ небѣленой ткани; ибо *вновь пришитое* (этихъ словъ нѣтъ въ греческомъ текстѣ) отдереть отъ стараго, и дыра будетъ еще хуже“. Мысль вѣрна, но не выражено той образности, той картинности, какая заключается въ подлинникѣ. *Αἰρεῖν πλήρωμα* значитъ: достигать полноты, восполнять, пополнять, вознаграждать. „Никто на ветхую одежду не кладетъ заплаты изъ суроваго отрѣзка; потому что онъ пополняетъ себя (свою ушивку — *αἶρει τὸ πλήρωμα αὐτοῦ*) отъ одежды, и дыра бываетъ хуже прежней“. Когда что шьютъ, то объемъ матеріи на сшитой одеждѣ нѣсколько уменьшается; потому что края ушиваются (идутъ на шовъ). Новая заплата, какъ бы въ вознагражденіе себя за эту потерю, обыкновенно обрываетъ вокругъ себя старую одежду.

Ст. 36. „Изнурены и разсѣяны“ — *ἐκλελυμένοι καὶ ἐρριμμένοι*. Не точнѣ ли — распущены и заброшены?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Ст. 38. Кто не беретъ креста своего, и слѣдуетъ за Мною; тотъ не достоинъ Меня“. Можно подуматъ, что рѣчь идетъ о человѣкѣ, который слѣдуетъ за Господомъ, но только не несетъ креста своего. Греки не любили повторять отрицанія (*οὐδὲν ἔχει* = ничего имѣетъ); тогда какъ, наоборотъ, мы (русскіе) можемъ исказить мысль, если не повторимъ его. „Кто не беретъ креста своего и не слѣдуетъ за Мною, тотъ не достоинъ Меня“.

А. Некрасовъ.

ЗАПИСКИ ВАСИЛІЯ ЛУЖИНСКАГО

АРХІЕПИСКОПА ПОЛОЦКАГО.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Архіепіскопъ Василій Лужинскій, авторъ настоящихъ Записокъ, былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей по воссоединенію съ православною Церковію уніатовъ въ царствованіе императора Николая I, сотрудникомъ знаменитаго литовскаго митрополита Іосифа Сѣмашки.

По происхожденію своему онъ былъ бѣлоруссъ, сынъ уніатскаго священника настоятеля Старо-Рудняпской церкви Рогачевскаго уѣзда Могилевской губерніи. Судя по тому, что въ предисловіи къ своимъ Запискамъ, написаннымъ въ концѣ 1866 г., онъ называетъ себя 78-лѣтнимъ старцемъ, время его рожденія надобно отнести къ 1788 — 1789 году. Школьное образованіе онъ получилъ первоначально въ свѣтской школѣ иждивеніемъ своего двоюроднаго дяди по матери, помѣщика Кельчевскаго; потомъ учился къ новооткрытой уніатской семинаріи полоцкаго архіепіскопа Ираклія Лисовскаго.

Въ Запискахъ своихъ онъ съ благоговѣніемъ вспоминаетъ объ этомъ старѣйшемъ дѣятелѣ по вопросу о сближеніи уніи съ православною Церковію и подробно описываетъ его подготовительную дѣятельность къ воссоединенію уніатовъ, плодами которой воспользовалось уже позднѣйшее поколѣніе дѣятелей въ пользу православія. Съ такимъ же благоговѣніемъ вспоминаетъ онъ затѣмъ и архіепіскопа Іоанна Красовскаго, преемника Лисовскаго какъ по кафедрѣ, такъ и по характеру дѣятельности. Эта первая часть Записокъ

представляет собою единственное собраніе живыхъ свѣдѣній объ указанныхъ лицахъ современника очевидца, хотя, будучи писана авторомъ больше на память, и не отличается особенною точностію хронологическихъ и другихъ мелкихъ подробностей.

При архіепископѣ Красовскомъ преосвящ. Василій закончилъ свое образованіе въ главной виленской семинаріи, составлявшей нѣчто въ родѣ богословскаго факультета при виленскомъ университетѣ, и въ 1819 г. былъ рукоположенъ Красовскимъ во священника безъ вступленія въ бракъ. Архіепископъ полюбилъ его и приблизилъ къ себѣ. Въ слѣдующемъ году священникъ Лужинскій состоялъ при немъ уже въ званіи комиссарія *ad latus* и принималъ участіе въ нѣкоторыхъ дѣлахъ по епархіальному управленію; въ то же время онъ еще управлялъ полоцкою семинаріею, проходя въ ней должность инспектора съ правами ректора.

Глубокая преданность, какую онъ питалъ къ архіепископу, не поколебалась среди самыхъ трудныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ вскорѣ очутился Красовскій вслѣдствіе интригъ и допосовъ противъ него базилианскихъ монаховъ. вмѣстѣ съ другими представителями блага духовенства Василій Лужинскій усердно старался спасти всѣми любимаго архіепископа отъ постигшей его бѣды. Въ концѣ 1821 г. Красовскій былъ отданъ подъ судъ по указу самого государя и совершенно отстраненъ отъ управленія епархіей. Лужинскій, какъ человекъ видный между духовенствомъ, попалъ въ число членовъ образовавшейся тогда временной администраціи Полоцкой епархіи, занявъ мѣсто члена и секретаря особой комиссіи, назначенной для управленія фундушными имѣніями и доходами архіепископіи; но когда Красовскаго въ качествѣ подсудимаго вызвали въ Петербургъ (въ 1822 г.), Лужинскій, не колеблясь, отказался и отъ инспекторства, и отъ епархіальныхъ должностей, и вмѣстѣ съ архіепископомъ тоже уѣхалъ въ Петербургъ, хотя не могъ ожидать отъ этой поѣздки ничего, кромѣ большихъ для себя неприятностей, такъ какъ противъ Красовскаго всѣмъ своимъ вліяніемъ дѣйствовалъ самъ министръ духовныхъ дѣлъ, всесильный тогда князь А. Н. Голицынъ.

Опальное положеніе Красовскаго, а вмѣстѣ съ нимъ и Василя Лужинскаго продолжалось во все время управленія министерствомъ Голицына, до 1824 г., когда министерство

перешло въ руки адмирала Шипкова и обстоятельства повернулись въ пользу загнаннаго полоцкаго архіерея. Въ томъ же 1824 г. совѣтъ виленскаго университета избралъ Лужинскаго въ префекты главной семинаріи; вмѣстѣ съ этимъ отъ духовнаго начальства онъ былъ возведенъ въ званіе кафедральнаго каноника. Въ слѣдующемъ году университетъ удостоилъ его степени доктора богословія, дававшей тогда право на епископство. Въ 1828 г., состоя въ должности соборнаго протоіерея, онъ былъ вызванъ въ Петербургъ въ ассессоры учрежденной въ томъ же году особой греко-унитской коллегіи, которая назначалась для управленія дѣлами греко-унитской церкви подъ предсѣдательствомъ уніатскаго митрополита Юсафата Булгака.

Обстоятельства такимъ образомъ, еще со времени суда надъ Красовскимъ, надолго отвлекли Лужинскаго отъ Полоцкой епархіи. Во все это время управленіе ею находилось въ рукахъ назначеннаго въ управители ея луцкаго епископа Іакова Мартусевича, фанатика католицизма, который всѣ старанія свои употреблялъ на уничтоженіе всего, что было сдѣлано для дѣла сближенія уніи съ православною Церковію его предшественниками, Лисовскимъ и Красовскимъ. Такая вредная для дѣла воссоединенія дѣятельность его продолжалась до самой его смерти въ 1833 году, послѣ чего Полоцкая епархія была отдана митрополиту Булгаку. Теперь Василию Лужинскому пришлось снова посвятить свою дѣятельность родной епархіи и на этотъ разъ уже навсегда, до конца своей служебной карьеры.

Онъ еще и прежде пользовался расположеніемъ митрополита Булгака. Долгое пребываніе ихъ обоихъ вмѣстѣ въ Петербургѣ при дѣлахъ греко-унитской коллегіи еще болѣе скрѣпило это расположеніе. Престарѣлый митрополитъ нашелъ въ Лужинскомъ почтительнаго и энергическаго дѣльца и привлекъ его къ дѣламъ своей собственной канцеляріи, которыми тотъ и занимался сверхъ текущихъ занятій по греко-унитской коллегіи. Получивъ въ свое управленіе новую епархію и не имѣя возможности самъ посѣтить ее, митрополитъ (въ концѣ апрѣля 1833 г.) командировалъ туда въ качествѣ своего довѣреннаго лица Лужинскаго, снабдивъ его обширными полномочіями. Съ этого времени и началась „апостольская“ дѣятельность Василія, направленная къ воссоединенію уніи съ православною Церковію.

Онъ ѣхалъ въ Бѣлоруссію, уже вполне настроенный къ исполненію составленнаго въ Петербургѣ плана воссоединенія и глубоко проникнутый сознаниемъ важности своей миссіи. Воспользовавшись своими полномочіями надъ духовенствомъ епархіи, онъ немедленно по пріѣздѣ въ Полоцкъ приступилъ „къ уловленію въ сѣти апостольскія“ всѣхъ сколько нибудь видныхъ духовныхъ лицъ, начиная съ начальниковъ и преподавателей семинаріи, членовъ консисторіи и благочинныхъ; для этого вступалъ съ ними въ обширныя собесѣдованія о дѣлѣ воссоединенія и съ тѣхъ, которыхъ успѣвалъ склонять на свою сторону, бралъ подписки въ томъ, что они добровольно присоединятся къ православной Церкви вмѣстѣ съ своими архипастырями, какъ только объявлено будетъ благопріятное время для исполненія этого акта.

25 октября того же года его полномочія еще болѣе были усилены назначеніемъ его въ предсѣдатели полоцкой консисторіи съ оставленіемъ за нимъ и прежней должности засѣдателя греко-унитской коллегіи. Передъ этимъ онъ и самъ далъ отъ себя подписку преосвящ. Іосифу Сѣмашкѣ, главному руководителю всего дѣла воссоединенія, въ которой писалъ: „Исполняя желаніе Вашего Преосвященства, спѣшу симъ объявить, что я разность по вѣрѣ между восточною и западною церквами считаю плодомъ мудрствованій человѣческихъ, а не существенными истинами христіанства, и что изъ любви ко благу Церкви и отечества готовъ во всякое время присоединиться къ прародительской нашей греко-россійской Церкви,—впрочемъ полагаюсь совершенно на благоразуміе начальства, что сей поступокъ мой будетъ способствовать общему восприсоединенію греко-унитскаго народа къ оной же Церкви, а не возбуждать въ немъ отвращенія къ единокровнымъ своимъ братіямъ и собственному отечеству — Россіи“.

Съ 1833 г. Записки преосв. Василия становятся особенно подробными, такъ что по нимъ изъ года въ годъ можно слѣдить за его дѣятельностію во всей полнотѣ. Поэтому ограничимся здѣсь только указаніемъ важнѣйшихъ перемѣнъ въ его жизни. Въ началѣ декабря послѣдовалъ Высочайшій указъ о посвященіи Василия въ санъ епископа оршанскаго, викарія Бѣлорусской епархіи митрополита, и еще двоихъ викаріевъ на помощь преосв. Іосифу въ Литов-

скую епархію, Іосафата Жарскаго и Антонія Зубки. Василій былъ рукоположенъ въ Петербургѣ 28 янв. 1834 г. безъ предварительнаго постриженія въ монашество и послѣ этого по желанію государя немедленно воротился въ Бѣлорусскую епархію, которая была ввѣрена его управленію. Сначала онъ управлялъ ею несамостоятельно, какъ епископъ викарный, потомъ съ 1838 г. послѣ кончины Іосафата Булгака сдѣланъ былъ самостоятельнымъ ея епископомъ. Во все это время онъ неутомимо и самоотверженно подвизался въ подготовкѣ общаго воссоединенія уніатовъ среди необычайно трудной борьбы съ препятствіями какъ со стороны латиньпольской партіи ксендзовъ, помѣщиковъ и чиновниковъ, такъ и со стороны многихъ изъ уніатскаго духовенства, питавшихъ вражду къ Православію, и даже со стороны русскихъ правителей Бѣлорусскаго края, опутанныхъ польскими интригами, и православнаго духовенства, стремившагося къ усиленію частныхъ обращеній уніатовъ и этимъ сильно мѣшавшаго выполненію плана будущаго общаго воссоединенія уніи.

Къ 1839 г. вся подготовительная работа была кончена и 12 февраля, въ недѣлю Православія, соборъ трехъ уніатскихъ епископовъ съ знатнѣйшимъ духовенствомъ, собравшійся въ Полоцкѣ, подписалъ самый актъ воссоединенія. Дѣятелямъ воссоединенія оставалось теперь довершить свой планъ приведеніемъ этого акта въ исполненіе па дѣлѣ. Св. Синодъ поколебался въ рѣшимости открыто объявить свой указъ о воссоединеніи среди уніатскаго населенія и послалъ этотъ указъ преосв. Василю съ надписью: „совершенно секретно“, и съ распоряженіемъ объявлять его не чрезъ консисторію, а лично только болѣе надежнымъ людямъ изъ духовенства, и приводить его въ исполненіе постепенно. Самъ преосв. Іосифъ былъ первый за такую мѣру. Но Василій, во время своихъ неутомимыхъ разъѣздовъ по епархіи, близко узнавшій настроеніе уніатскаго населенія и предвидя большой вредъ отъ такихъ неумѣстныхъ секретовъ, съ свойственною ему рѣшимостію отважился пойти даже прямо противъ синодскаго указа и возвѣстилъ о совершившемся актѣ воссоединенія гласно при торжественномъ служеніи своемъ въ кафедральномъ соборѣ 9 апрѣля. Съ такою же рѣшительностію онъ потомъ дѣйствовалъ въ осуществленіи акта воссоединенія по всей своей епархіи, предупредивъ въ этомъ

случаѣ даже главнаго дѣятеля возсоединенія Іосифа съ его викаріемъ Антоніемъ Зубко, которые приступили къ тому же дѣлу въ Литовской епархіи уже послѣ рѣшительныхъ дѣйствій Василія.

Въ слѣдующемъ 1840 г. Высочайшимъ указомъ отъ 7 іюля преосв. Василій былъ назначенъ епископомъ уже православной Полоцкой и Витебской епархіи, а 5 апрѣля 1841 г. возведенъ въ санъ архіепископа. Послѣ этого онъ непрерывно управлялъ Полоцкою епархіею до 27 марта 1866 года, когда былъ уволенъ отъ управленія ею съ назначеніемъ въ члены Св. Синода. Скончался 21 января 1879 г. въ Петербургѣ.

Въ концѣ 1866 г., чувствуя, что главное служеніе его, на которое онъ посвятилъ всѣ свои силы и лучшіе годы жизни, уже закончилось, онъ рѣшился оглянуться назадъ на пройденный имъ жизненный путь и изложить свои историческія воспоминанія въ Запискахъ. Побужденія, заставившія его взяться за перо, онъ высказываетъ въ самихъ же Запискахъ,—это во 1-хъ замѣченный имъ въ публикѣ и среди самого духовенства недостатокъ правильныхъ свѣденій о ходѣ возсоединенія униатовъ, не смотря на великую историческую важность этого дѣла, вполне заслуживающаго того, чтобы имѣть правдиваго историка, во 2-хъ естественное желаніе оставить послѣ себя вѣрную память о своихъ собственныхъ заслугахъ въ этомъ дѣлѣ, къ огорченію его не довольно оцѣненныхъ современниками. О послѣднемъ побужденіи къ написанію Записокъ онъ говоритъ яснѣе и даже горячѣе въ нѣкоторыхъ своихъ письмахъ, выдержки изъ которыхъ приводятся въ статьѣ о его Запискахъ Прав. Собесѣдника за 1884 г. (мартъ — апрѣль) и которыя въ полномъ видѣ слѣдуютъ далѣе въ приложеніяхъ къ настоящему изданію Записокъ. Ему было весьма прискорбно, что въ нашей литературѣ, особенно при празднованіи 25-лѣтняго юбилея возсоединенія униі въ 1864 г., вся честь возсоединенія цѣликомъ приписывалась преосвященному Іосифу Сѣманову, вездѣ только и говорилось объ немъ и объ Литвѣ и никто не упоминалъ о Бѣлоруссіи, гдѣ съ самоотверженіемъ и неустанно трудился другой совсѣмъ забытый труженикъ, онъ самъ, и гдѣ еще раньше Литвы открылось оживленное движеніе въ пользу Православія при Лисовскомъ и Красовскомъ. Читавшіе изданные Академіею наукъ За-

писки преев. Іосифа не могли не замѣтить, что онъ и самъ тоже слишкомъ мало придавалъ цѣны трудамъ этихъ двоихъ начальныхъ дѣателей воссоединенія и своего сотрудника, преосвященнаго Василія.

Отъ изложенія полной исторіи воссоединенія авторъ долженъ былъ отказаться за преклонностію своихъ лѣтъ для такой трудной работы и ограничился въ своихъ Запискахъ менѣе обширною задачею дать въ нихъ „вѣрвый матеріалъ для будущаго историка“ только „въ томъ, что касается воссоединенія уніи въ Бѣлоруссіи и на Волини“. Сопоразно съ этою задачею и указанными побужденіями къ составленію Записокъ онъ раздѣлилъ ихъ на двѣ части (не обозначенныя впрочемъ въ самой рукописи и отмѣченныя нами уже при изданіи Записокъ по указанію и желанію автора, выраженному въ одномъ изъ прилагаемыхъ ниже писемъ). Первая имѣетъ цѣлію напомнить заслуги первыхъ дѣателей въ пользу Православія между бѣлорусскими уніатами, архіепископовъ Лисовскаго и Красовскаго, и заканчивается смертію Красовскаго (1827 г.) съ прибавленіемъ только краткихъ указаній на нѣкоторые важнѣйшіе факты относительно дальнѣйшаго хода православнаго дѣла въ средѣ уніи до 1833 г.; вторая съ 1833 до 1866 г. описываетъ подвиги самого автора. Между той и другой частью въ разсказѣ о постепенномъ ходѣ воссоединенія читателю сразу бросается въ глаза значительный пробѣлъ, касающійся петербургской дѣятельности преев. Іосифа Сѣмашки и разработки новаго общаго плана, по которому процессъ воссоединенія совершался потомъ при новыхъ дѣателяхъ 1830-хъ годовъ. Пробѣлъ этотъ объясняется не одними только рамками, которыми авторъ ограничилъ свой разсказъ, порѣшивъ не выступать въ немъ за предѣлы Бѣлоруссіи и Волини, но и основнымъ взглядомъ его на общій ходъ воссоединенія.

Онъ вполне признавалъ важность той энергической дѣятельности, какой отличался Іосифъ въ дѣлахъ греко-унитской коллегіи и въ дѣлѣ подготовки воссоединенія уніи, считалъ важной заслугой Іосифа и то, что онъ былъ общимъ руководителемъ другихъ дѣателей воссоединенія, обладалъ душою и сердцемъ самого митрополита, откровенно говорить, что и самъ нѣкоторое время находился подъ его же преев. Іосифа руководствомъ, имъ же привлеченъ и къ своей апо-

стольской дѣятельности въ Бѣлоруссіи; но совершенно отказывается признать за нимъ инициативу этого дѣла и приписать ему самый планъ воссоединенія. „Великое сіе дѣло, говоритъ онъ, еще 1799 г. начато незабвеннымъ архіепископомъ полоцкимъ, витебскимъ и мстиславскимъ Иракліемъ Лисовскимъ по прекрасно и мудро задуманному имъ плану“, потомъ послѣ его смерти выпало на долю преемника его архіепископа Красовскаго, а за смертію этого ревнителя воссоединенія досталось уже „намъ: епископу Іосифу Сѣмашкѣ въ Литвѣ и мнѣ въ Бѣлоруссіи и Волинѣ“. Такимъ образомъ все это дѣло со всѣми подробностями плана, по которому оно совершалось дѣятелями 1830-хъ годовъ, цѣликомъ выводится изъ Бѣлоруссіи отъ первоначальныхъ его дѣятелей начала текущаго столѣтія, и всѣ заслуги Іосифа Сѣмашки поставляются только въ томъ, что онъ вѣрно понималъ мысли Лисовскаго и Красовскаго и оказался хорошимъ исполнителемъ ихъ на практикѣ. „Особенное стеченіе обстоятельствъ“ выдвинуло его по мнѣнію автора впередъ, сдѣлало дѣйствительно важной опорой дѣла воссоединенія предъ высшими властями въ Петербургѣ, но всѣ успѣхи воссоединенія приписывать одному ему будетъ все-таки „несправедливо и бездоказательно; и я, говоритъ авторъ, протестую противъ такого неосновательнаго выраженія, утвержденія и увѣренія... Епископа Іосифа дѣйствія по воссоединенію только въ Литвѣ заслуживаютъ ему полное уваженіе всѣхъ ревнителей Православія; но въ дѣлѣ Бѣлоруссіи и Волини по этому предмету онъ нисколько не потрудился: здѣсь поистинѣ это плодъ моихъ собственныхъ трудовъ, которые посвящалъ я воссоединенію, бывъ единственнымъ его дѣятелемъ“...

Не выступая изъ скромной издательской роли, ограничиваемся пока высказанными замѣтками о содержаніи и характерѣ издаваемыхъ Записокъ. Болѣе подробный анализъ ихъ принадлежитъ ученой критикѣ и научной разработкѣ ихъ, какъ историческаго памятника. Мы желали съ своей стороны указать только на болѣе рѣзкія черты проведеннаго въ нихъ взгляда на ходъ воссоединенія сравнительно съ взглядомъ, проведеннымъ въ извѣстныхъ уже читающей публикѣ Запискахъ Іосифа Сѣмашки и, можно сказать, господствующимъ въ нашей исторической литературѣ. Точка зрѣнія на дѣло воссоединенія въ Запискахъ Василя можетъ

казаться уже и, такъ сказать, неизмѣннѣ, чѣмъ въ Запискахъ Иосифа; она чисто провинціальная, бѣлорусская, и даже отчасти личная, но нельзя сказать, чтобы и въ Запискахъ Иосифа не было незамѣтно другой противоположной одно-сторонности, петербургской, а отчасти также и мѣстной, литовской. Во всякомъ случаѣ считаемъ не лишнимъ напо-мнить здѣсь старинное правило: *Avdiaur et altera pars.*

Еще нѣсколько словъ о самой рукописи издаваемыхъ Записокъ. Рукопись эта пожертвована казанской Академіи самимъ преосвященнымъ Василиемъ осенью 1871 г. по случаю избранія его въ число почетныхъ членовъ Академіи. Она представляетъ собою бѣловой экземпляръ Записокъ изъ 329 страницъ текста и 41 стр. приложений *in folio*, довольно тщательно переписанный въ 1870 г. рукою не самого автора, а переписчика. Рукою автора написаны только кое-какія поправки ошибокъ, вкравшихся при перепискѣ въ начертаніяхъ собственныхъ именъ, въ хронологическихъ и другихъ цифирныхъ показаніяхъ и т. п., нѣкоторыя очень немногія и мелкія дополненія и поправки въ нѣсколько словъ въ самомъ текстѣ и наконецъ заключительная скрѣпа всей рукописи съ свидѣтельствомъ о ея вѣрности подлиннику и съ подписью имени автора.

Въ настоящемъ изданіи рукопись печатается безъ всякихъ переменъ въ своемъ содержаніи и языкѣ. Редакція сочла возможнымъ допустить при печатаніи только необходимыя исправленія въ правописаніи переписчика, отличающемся особенно нетвердостью знаковъ препинанія и довольно частыми полонизмами въ употребленіи *ы* и *и*, *ья* вм. *я* и т. п.

ЗАПИСКИ

Василія архієпископа (бывшаго полоцкаго и витебскаго) члена Святѣйшаго Правительствующаго всероссійскаго Синода о началѣ и ходѣ окончательно совершившагося дѣла воссоединенія греко-унитской церкви въ Бѣлоруссіи и Волыни съ православною россійскою Церковію, написанныя въ концѣ тысяча восемь сотъ шестьдесятъ шестаго года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Милостію Господа, достигнувъ вечера жизни, вечера поздняго, я рѣшился писать мои воспоминанія о дѣлѣ, на которое положилъ всѣ мои силы, всю мою жизнь. Дѣло это — воссоединеніе уніи въ Бѣлоруссіи и на Волыни. Я преданъ былъ этому дѣлу болѣе, чѣмъ моей жизни; занимался имъ по крайнему разумѣнію, по совѣсти и по истинѣ, — это вѣдаетъ Богъ, предъ Котораго готовлюсь предстать, и ежедневно не устаю благодарить Его всеблагій Промыслъ, удостоившій меня быть дѣятелемъ великаго Церкви православной событія въ выше упомянутой странѣ.

Много скорби душевной, много печали отъ злобы и клеветы людской перенесъ и я, перенесли и мои смиренные сотрудники, — духовенство бывшее уніатское, усердно помогавшее мнѣ въ святомъ дѣлѣ. Причины понятныя: мы подвизались въ странѣ, гдѣ масса народонаселенія хотя состояла нѣкогда изъ древле-православныхъ, но гдѣ правящій умъ, то есть, дворян-

ство и всё почти лица начальствующія были римскіе католики, а руководящій ими духъ былъ латинопольскій, то есть, изъ всёхъ фанатизмовъ самый враждебный всему русскому, пронырливый и дальновидный на все предательское. Они видѣли, что народонаселеніе униатское Бѣлоруссіи и Волыни, болѣе милліона муж. пола, навсегда исторгается изъ подъ вліянія ксендзовъ, упорно сохранявшихъ надежду присоединить ихъ при удобномъ случаѣ къ вѣрованію въ своего чужеземнаго владыку. Не было интриги, которая не была бы употреблена противъ насъ—дѣятелей, не было безчестнаго вымысла, не было клеветы, которая не была бы пущена въ ходъ, особенно противъ меня. Но мы не смущались и сооружали святое дѣло въ твердомъ упованіи на помощь Всевышняго, на покровительство Государя Императора, потомъ съ 1837 г. и на поддержку оберъ-прокурора графа Николая Александровича Протасова и на сочувствіе людей благомыслящихъ. Испыталъ я и другія скорби, болѣе глубокія, болѣзни души незалечимыя, когда видѣлъ, что нѣкоторые изъ православныхъ іерарховъ равнодушно относятся къ торжеству Православія, — иначе какъ торжествомъ нельзя назвать присоединеніе къ Православію слишкомъ милліона муж. пола людей въ Бѣлоруссіи и на Волыни. Были даже такіе изъ іерарховъ, которые мнѣ противодѣйствовали. Не могу рѣшиться назвать ихъ, мнѣ больно и прискорбно пробуждать такія воспоминанія; въ Запискахъ моихъ тоже не назову ихъ, довольствуясь только правдивымъ изложеніемъ фактовъ, — правдивый человекъ, которому случится прочесть эти Записки, пойметъ какъ называется то чувство, которое святителей православной Церкви могло дѣлать равнодушными къ дѣлу Православія или даже заставлять противодѣйствовать. Желалъ бы я забыть эти душевныя скорби,—не могу. Со стороны нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ правителей гражданскихъ я встрѣтилъ не только равнодушіе и противодѣйствіе,

но злобу, клевету и настоящее гоненіе. Этихъ я пре-
небрегаю здѣсь назвать и упоминаю о нихъ въ моихъ
Запискахъ только по необходимости, обозначая ихъ
имена заглавными литерами. Одни изъ нихъ, по ску-
дости умственной, не умѣли видѣть, что пріобрѣтаетъ
Церковь и отечество, возвращая отторженныхъ наси-
ліемъ дѣтей; другіе по безнравственности и по влія-
нію польскихъ интригъ, даже женщины, не хотѣли
этого видѣть. На меня посылались доносы, состав-
лялись всевозможныя мѣстныя препятствія и помѣхи,
и мнѣ, неустанно занятому дѣломъ воссоединенія, при-
ходилось отписываться, оправдываться и бороться.
Трудно и прискорбно бывало. Господь милосердый
поддержалъ меня, здоровье служило, духъ не ослабѣ-
валъ, и я, почерпая силы нравственныя въ самомъ
трудѣ моемъ, успѣвалъ утѣшать и моихъ смиренныхъ
сотрудниковъ.

Пробуждая воспоминанія прискорбныя, я съ от-
радою воспоминаю и обильную долю радостей, кото-
рыя не допускали меня ослабѣвать. Мудрая воля не-
забвеннаго императора Николая I-го, Монарха благо-
честиваго, любившаго и знавшаго Россію, пожелала,
чтобы совершилось воссоединеніе безъ насилія, а толь-
ко силою убѣжденія. Эта державная воля слѣдила
за всѣми моими дѣйствіями чрезъ посредство моихъ
руководителей, которыми были—сначала митрополитъ
всѣхъ греко-уніатскихъ церквей въ Россіи Іосафатъ
Булгакъ, пастырь добрый въ духѣ истинно евангель-
скомъ, а потомъ графъ Протасовъ, оберъ-прокуроръ
Святѣйшаго Сѣнода, сановникъ достойный чести быть
докладчикомъ мудраго Монарха, человекъ благотвори-
тельный, просвѣщенный и пламенно желавшій добра (1).

(1) Недавно читалъ я, не безъ удивленія, скорби и печали, воз-
глашенное въ печати, что дѣло воссоединенія приписывается епископу
литовскому Іосифу Сѣмашко, будто бы на основаніи словъ его, выра-
женныхъ въ отзывѣ его 1837 г. къ оберъ-прокурору Св. Сѣнода гра-
фу Протасову. Это несправедливо и бездоказательно; и я протестую
противъ такого неосновательнаго выраженія, утвержденія и увѣренія,

Представленія мои оцѣнивались и поощрялись. По мѣрѣ, какъ развивалось и подвигалось дѣло, мнѣ даво было все нужное для успѣха полномочіе. Нѣкоторые изъ мѣстныхъ гражданскихъ правителей благодушно смотрѣли на готовившееся событіе и не отказывали мнѣ въ содѣйствіи. Сотрудники мои были исполнены доброй воли и трудились на пользу православія въ безвѣстности, перенося клевету и гоненіе. Труды ихъ въ безвѣстности и остались. — Съ ними поступили, какъ поступаютъ съ подпорками; когда окончено вновь возводимое зданіе, — подпорки убираютъ прочь, — они ужъ не нужны. На воссоединенныхъ пастырей даже и доселѣ, чрезъ тридцать слишкомъ лѣтъ, смотрятъ еще съ какою-то странною недоувѣрчивостію, съ какимъ-то предубѣжденіемъ, и не много есть людей, даже между духовенства, которые о дѣлѣ воссоединенія имѣютъ полное и правильное понятіе. Вотъ главная причина, побуждавшая меня, семидесяти-восьми-лѣтняго старца, писать мои Записки, не имѣя къ сожалѣнію возможности писать исторію. Но Записки мои могутъ служить вѣрнымъ матеріаломъ для будущаго историка въ томъ, что касается воссоединенія униі въ Бѣлоруссіи и на Воляни.

передавая факты, которые подтверждаются официальными доказательствами и свидѣтельствами очевидцевъ моихъ въ Бѣлоруссіи и Воляни подвиговъ. Епископа Іосифа Сѣмашко дѣйствіа по воссоединенію только въ Литвѣ заслуживаютъ ему полное уваженіе всѣхъ ревнителей Православія; но въ дѣлахъ Бѣлоруссіи и Воляни по этому предмету онъ нисколько не потрудился: здѣсь поистинѣ это плодъ моихъ собственныхъ трудовъ, которые посвящалъ я воссоединенію бывъ единственнымъ его дѣятелемъ, не имѣя другихъ руководителей и помощниковъ себѣ, кромѣ названныхъ мною. Въ концѣ моихъ Записокъ, я прилагаю, въ видѣ оправдательныхъ статей, важнѣйшія бумаги, полученныя мною и отъ оберъ-прокурора, и отъ епископа литовскаго Іосифа Сѣмашко, изъ которыхъ видно, что онъ Сѣмашко въ дѣйствіяхъ моихъ по управляемой мною Бѣлорусской обширнѣйшей епархіи не принималъ никакого трудового участія, кромѣ учебныхъ заведеній Бѣлорусской управляемой мною епархіи, — которыя онъ ревизовалъ, въ проѣздѣ свой изъ С.-Петербурга въ Литву чрезъ Бѣлоруссію 1837 года (См. Приложеніе VII и VIII).

Возсоединеніе заслуживаетъ того, чтобы имѣть своего историка. Стоитъ только бросить хотя бѣглый взглядъ на прошедшее. Когда судьба войны предала временно въ руки поляковъ древнее достояніе Россіи — прекрасныя земли по теченіи Днѣпра, всѣ знаютъ, какія мѣры приняла польская пропаганда для обращенія православныхъ къ католичеству. И доселѣ справедливая ненависть народа хранитъ въ живой памяти всѣ насилія, всѣ неистовства, всѣ звѣрства, которымъ предавались тамъ ксендзы и начальствующіе яхи, доставляя новыхъ сыновъ римскому фанатизму.

Долгіе годы кровавыхъ утѣсненій не привели однакоже къ желанному результату; Православіе держалось твердо, новообращенныхъ было немного.... И вотъ іезуитскій умъ дальнозоркій и, можно сказать, мудрый на всякое дѣло зла и коварства, создалъ унію на началахъ весьма удобныхъ для незамѣтнаго, постепеннаго, но вѣрнаго перехода отъ Православія къ католичеству.

Пришли новые годы, родныя земли возвратились въ составъ отечества, но Православіе было подкопано, — народъ не зналъ какой онъ вѣры, и самая Церковь именовалась римско-уніатскою, а не греко-унитскою, какъ впоследствии до возсоединенія. Народъ говорилъ порусски, и слушалъ службу на русскомъ языкѣ, а молился попольски, и народъ русскій заставляли молиться за папу. Правительство русское видѣло все это, но всегда вѣрное мудрой системѣ терпимости, не хотѣло принимать крутыхъ мѣръ и всего ожидало отъ времени. Время настало не скоро. Только въ 1799 г. архіепископъ полоцкій, витебскій и мстиславскій Ираклій Лисовскій, дѣйствуя съ осторожностію и исподоволь, положилъ начало возсоединенію. За нимъ архіепископъ Красовскій и митрополитъ Кохановичъ дѣйствовали въ томъ же духѣ, и всѣ трое, благодаря кознямъ польской партіи въ С.-Петербурѣ, понесли тяжкій крестъ за свои подвиги — истинно апостольскіе.

Мнѣ смиренному, въ слѣдъ трехъ названныхъ знаменитыхъ святителей, судилъ Господь всеблагій докончить и совершить дѣло воссоединенія въ Бѣлоруссіи и на Волыни. Не славлюсь и не кичусь моими подвигами. Я награжденъ отъ монаршихъ милостей всѣмъ, чѣмъ награждается человѣческая суетность, но, приближаясь къ предѣлу жизни, могу сказать, какъ скажу предъ самимъ Богомъ. Я совершилъ мой трудъ по долгу, по правдѣ и по совѣсти.

Уповаю, что человѣкъъ благодушный, которому случится прочесть мои воспоминанія, будетъ правильнѣе смотрѣть на трудъ мой, и помолится о потрудившемся, да не безплоденъ буду предъ Господомъ. 1870 года. Мѣсяца августа 20 дня.

ТИПЫ ДУХОВЕНСТВА

ВЪ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРѢ ЗА ПОСЛѢДНЕЕ 12-ЛѢТІЕ.

Пасталь часть, чтобы свѣтскіе люди посмотрѣли на насъ, а мы въ ихъ соображенія и стремленія вникли. („Соборяне“, Дневникъ о. Савеллія Туберозова).

Художественная литература новѣйшаго времени, стараясь болѣе и болѣе расширить кругъ своего наблюденія и изученія, успѣла уже охватить беллетристическими произведеніями всѣ слои русскаго общества. Не только фигурируетъ въ беллетристикѣ высшій классъ дворянскій, но и сословія: купеческое, мѣщанское, крестьянское. Понятно, что художественная литература не могла обойти вниманіемъ и духовенства, — сословія, предназначеннаго быть руководителемъ религіозно-нравственной жизни русскаго народа. Правда, до 60-хъ годовъ литература русская не дала ни одного серьезнаго произведенія изъ духовной среды, но съ 60-хъ годовъ беллетристическія произведенія изъ духовнаго быта начинаютъ становиться дѣломъ обычнымъ. И чѣмъ дальше, или точнѣе—чѣмъ ближе къ настоящему времени, тѣмъ болѣе появляется въ литературѣ художественныхъ произведеній изъ жизни духовенства. Повѣсти изъ духовнаго быта теперь нужно считать уже десятками. Въ нихъ можно встрѣтить изображеніе духовенства и чернаго, и бѣлаго, и стараго и молодаго, и съ вышнимъ образова-

нѣмъ, и среднимъ, и низшимъ, и добраго (что впрочемъ рѣдко) и недобраго... Каждый годъ приноситъ нѣсколько новыхъ повѣстей и рассказовъ изъ духовнаго быта. Послѣднія книжки двухъ большихъ журналовъ въ прошломъ году дали романъ и повѣсть изъ духовнаго сословія. Есть беллетристическія произведенія изъ жизни духовенства и въ литературѣ настоящаго года.

Если свѣтская литература находитъ нужнымъ и своевременнымъ обратить свое вниманіе на изученіе и художественное изображеніе жизни духовенства, то и духовенству, въ свою очередь, необходимо отвѣтить на *вниманіе* беллетристики *вниманіемъ* критическаго обзора ея.

Въ самомъ дѣлѣ, нужно ли говорить о пользѣ критическаго обзорѣнія художественной литературы о духовенствѣ со стороны самого духовенства? Такое обзорѣніе необходимо прежде всего для самосознанія духовенства. Не нужно забывать, что художественная литература всегда претендуетъ *быть зеркаломъ общества, выразительницей его стремленій и интересовъ, фотографіей быта. И интеллигентное общество, не имѣя непосредственнаго знакомства съ тѣмъ или другимъ классомъ народа, обыкновенно составляетъ о немъ понятіе на основаніи литературныхъ произведеній. Особенно нужно сказать это въ отношеніи къ духовному сословію. Сфера жизни и дѣятельности духовенства — церковь, сфера жизни свѣтскаго интеллигентнаго общества — клубы, театры и балы, на которыхъ духовенство не бываетъ. Непосредственное знакомство съ духовенствомъ интеллигентному свѣтскому обществу замѣняетъ знакомство съ художественными произведеніями изъ духовнаго быта.

Между тѣмъ, кто внимательно слѣдилъ за художественной литературой изъ жизни духовенства, тотъ не могъ не видѣть, что духовенство въ художественныхъ произведеніяхъ изображается далеко не такъ вѣрно, какъ желательно бы требовать отъ литера-

туры,—этого яко бы зеркала общества. Во многихъ произведеніяхъ изъ духовнаго быта духовенство изображается такими мрачными красками, что подрываетъ къ себѣ уваженіе у читателя, не знающаго его непосредственно.

Невѣрное и недобросовѣстное изображеніе духовной среды въ свѣтской художественной литературѣ, въ видахъ огражденія чести, само собою разумѣется, должно вызвать духовенство на слово самозащиты.

Предлагаемая читателю статья: „Типы духовенства въ художественной литературѣ за послѣднее 12-лѣтіе“ и написана отчасти въ видахъ самосознанія, отчасти въ видахъ самозащиты.

Итакъ посмотримъ же: какіе типы духовенства представила намъ современная русская литература? Посмотримъ: какія существенныя и не существенныя черты въ жизни и бытѣ духовнаго сословія она подмѣтила? Какія важныя и неважныя стороны въ жизни и дѣятельности духовенства она игнорировала?

Критическій обзоръ художественной литературы о духовенствѣ естественно же всего начать съ 1872 г., когда появился собственно первый опытъ широкаго и серьезнаго изображенія жизни духовенства въ старогородской хроникѣ Н. Лѣскова „Соборяне“. „Соборяне“ и до сей поры стоятъ выше всѣхъ произведеній изъ духовнаго быта, появившихся въ послѣднее 12-лѣтіе. Если нѣкоторыя изъ произведеній послѣдующаго времени могутъ поспорить съ „Соборянами“ по глубинѣ изученія жизни духовенства, то по безпристрастію и теплоту отношенію къ духовному сословію ни одно произведеніе изъ духовнаго быта не можетъ быть поставлено наряду съ „Соборянами“. Нѣтъ ни одного типа изъ духовенства глубже, симпатичнѣе, безпристрастнѣе и рельефнѣе о. Савелія Туберозова, главнаго изъ героев старогородской хроники. Дѣятельность о. Савелія Туберозова принадлежитъ 30—60 годамъ.

О. Савелій — протоіерей старгородскаго собора, уже старичекъ — лѣтъ шестидесяти; высокъ ростомъ и тучень, но бодръ и подвиженъ; глаза свѣтятся умомъ, прямою и смѣлостью. О. Савелій бездѣтенъ. Въ домѣ его замѣчается чистота и порядокъ. О судьбѣ о. Туберозова читатель узнаетъ изъ его демикатоновой книги, въ которую онъ заносилъ выдающіеся случаи изъ своей жизни.

Посланъ былъ о. Туберозовъ въ Старъ-Городъ съ цѣлію противодѣйствія расколу.

Миссіонерская дѣятельность на первыхъ же порахъ пастырскаго служенія о. Савелія доставила ему массу непріятностей. Не прошло двухъ мѣсяцевъ служенія въ Старъ-Городѣ, какъ о. Савелію сдѣланъ былъ выговоръ отъ консисторіи за бездѣятельность его въ отношеніи къ расколу, усмотрѣнной, по словамъ самого о. Савелія, въ томъ, что онъ не дѣлалъ на раскольниковъ обильныхъ дозосовъ. Огорченный выговоромъ, о. Туберозовъ пишетъ рапортъ въ консисторію, гдѣ оправдывается въ взводимомъ на него обвиненіи, при чемъ заявляетъ, что борьба съ расколомъ была бы успѣшнѣе, если бы духовенство было „изъято изъ-подъ тяжелой зависимости“, особенно матеріальной. За свой рапортъ или, вѣрнѣе, за смѣлость имѣть свое сужденіе о. Туберозовъ снова получилъ выговоръ и былъ вызванъ въ консисторію для личнаго объясненія. Борьбу съ расколомъ отецъ Савелій считалъ своимъ долгомъ, но дѣло его постоянно тормозили. На рапортъ о дозволеніи ему имѣть на пасхѣ словопреніе съ раскольниками положенъ былъ въ консисторіи отказъ. Черезъ три года службы о. Савелій былъ вызванъ вторично въ консисторію, по донесенію городничаго, за нехождение съ крестомъ на пасхѣ въ дома раскольниковъ. Хожденіе съ крестомъ по домамъ раскольниковъ о. Савелій считалъ оскорбленіемъ для церкви. Явившись къ владыкѣ, онъ объяснилъ, что „не ходилъ онъ къ старовѣрамъ не по нерадѣнію“, такъ какъ это было ему даже „въ

карманный ущерб“, а съ тою цѣлю, чтобы дать раскольникамъ почувствовать, что они „лишаются чести“ посѣщенія ихъ духовенствомъ. Владыка объясненіемъ удовлетворился. Но въ слѣдующемъ году о. Туберозовъ снова былъ вызванъ въ консисторію за то же нехождение съ крестомъ къ раскольникамъ. Доносъ сдѣлалъ на него уже причтъ, хотя о. Туберозовъ, видя недовольство причта отъ матеріальнаго ущерба, который влекло за собою нехождение къ раскольникамъ съ крестомъ, далъ причту изъ своихъ денегъ 40 рублей. Этотъ доносъ сильно огорчилъ о. Савелія. Возвращаясь изъ губерніи, пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ: „цѣлую дорогу сѣтовалъ на себя, что не пошелъ въ академію. Оттоль поступилъ бы въ монашество, какъ другіе; былъ бы съ лѣтами архимандритомъ, архіереемъ; ѣздилъ бы въ каретѣ, самъ бы командовалъ, а не мною бы командовали“. Впрочемъ явившись домой, о. Савелій успокоился. „Пріѣхавъ домой, пишетъ онъ, былъ нѣжно обласканъ попадѣй, и возблагодарилъ Бога, тако устроившаго, якоже есть“.

Черезъ 4 мѣсяца послѣ описаннаго вызова въ губернской городъ о. Туберозовъ снова былъ вызванъ въ консисторію. Дневникъ отъ 20 января 36 г. гласитъ: „пишу сіи строки, сидя въ смрадницѣ на архіерейскомъ подворьѣ, при семинарскомъ корпусѣ. Къ винѣ моей о собесѣдованіяхъ съ раскольниками присоединена пуцая вина: донесено губернатору, что моимъ дьячкомъ Лукьяномъ промѣнена раскольникамъ старопечатная Псалтирь, изъ книгъ Дѣвской моленной, кои находятся у меня на сохраненіи. Дѣло и вправду совершилось, но я оное утаилъ, считая то, во-первыхъ, за довольно ничтожное, а во-вторыхъ, зная тому настоящую причину — бѣдность, которая Лукьяна дьячка довела до сего. Но сіе пустое дѣло мнѣ прямо вмѣнено въ злодѣйское преступленіе, и взятъ подъ началъ и посланъ въ семинарскую квасную квасы квасить“.—Хотя о. Савелій сначала очень

возставать противъ ходовъ на пасхѣ къ раскольникамъ, которые вели, по его словамъ, къ оскорбленію святыни, однако съ годами примирился съ этими ходами. Въ 49 г. онъ пишетъ въ своемъ дневникѣ, что онъ ходилъ по всемъ раскольникамъ и бралъ у воротъ сребряники, хотя-де это и было для него горестно, но „дѣлалъ для того, дабы не перерядить попадью въ дьячихи“. Вообще горячность къ дѣлу миссіонерскому у о. Савелія, вслѣдствіе массы непріятностей, стала слабѣть... „Житіе мое, пишетъ онъ, провожу въ снѣ и яденіи. Расколу не могу оказывать противодѣйствій ни малымъ чѣмъ, ибо всеми связанъ, и причтомъ своимъ полуголоднымъ, и исправникомъ дуже сытымъ. Негодую, зачѣмъ я какъ бы въ посмѣшище съ миссіонерскою цѣлю посланъ: проповѣдывать — да некому; учить — да не слушаютъ! Проповѣдуетъ исправникъ гораздо меня лучше, ибо у него къ сему есть такая миссіонерская снасть о нѣсколькихъ концахъ, а отъ меня доносовъ требуютъ“. И кромѣ непріятностей изъ-за раскольниковъ о. Савелію пришлось на своемъ вѣку перенести много всякихъ невгодъ. Испыталъ онъ не малую непріятность изъ-за церковнаго собесѣдованія, которое онъ считалъ священнымъ долгомъ для себя. Проповѣдь о. Туберозова носила жизненный характеръ. Въ проповѣди о. Савелій отзывался на нужды и недостатки паствы; въ цѣляхъ назиданія обращался къ фактамъ и событіямъ, извѣстнымъ его слушателямъ. Разъ въ проповѣди на Преображеніе Господне, убѣждая слушателей въ необходимости заботиться не только о своихъ дѣтяхъ, но и о призрачнѣи и воспитаніи чужихъ дѣтей—сиротъ, о. Савелій поставилъ въ примѣръ слушателямъ доброе дѣло убогаго бѣдняка Пизонскаго, который вздумалъ воспитать одно брошенное незаконное дитя,—однако не упомянувъ объ имени Пизонскаго. Проповѣдь эта вооружила противъ о. Савелія нѣкоторыхъ богомольцевъ - слушателей, оскорбившихся тѣмъ, что въ примѣръ имъ проповѣд-

никъ ставить такого незначительнаго челоѣка, какъ Пизонскій. Вскорѣ „за проповѣдь съ указаніемъ на живое лицо“ о. Туберозовъ былъ вызванъ въ консисторію для объясненія. Пастырская ревность о. Туберозова сначала „была охлаждена тридцати-шестидневнымъ сидѣніемъ на ухѣ безъ рыбы, въ ожиданіи объясненія“, а потомъ приказаніемъ все, что онъ пожелаетъ сказать, посылать предварительно подъ цензуру о. Троиціи. Особенно тяжелой для о. Савелія казалась цензура и притомъ челоѣка, по его выраженію, „скорбноглаваго“. „Но этого никогда не будетъ, пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ, — и зато я буду нѣмъ яко рыба. Прости, Вседержитель, мою гордыню, но я не могу съ холодною безстрашною совершать дѣло проповѣди. Я ощущаю порой нѣчто на меня сходящее, когда любимый даръ мой ищетъ дѣйствія; мною тогда овладѣваетъ нѣкое, позволю себѣ сказать, священное безпокойство; душа трепещетъ и горитъ и слово падаетъ изъ устъ, какъ уголь горящій. Нѣтъ; тогда въ душѣ моей есть свой законъ цензуры!.. Лучше сомкните вы мои нечестивыя уста, и смолкни ты безхитростное слово, но я изъ-подъ неволи не проповѣдникъ“. О. Савелій не могъ относиться „съ холодною безстрашною“ не только къ проповѣди, но и вообще ко всѣмъ своимъ обязанностямъ. Какъ пастырь церкви, онъ считалъ себя обязаннымъ заступаться за обиженныхъ. Тяжелое положеніе крѣпостныхъ крестьянъ побудило о. Туберозова заступиться за нихъ предъ свѣтскою властію. Встрѣтившись съ губернаторомъ, онъ обратился къ нему съ жалобой на обремененіе помѣщиками крестьянъ работами въ воскресные дни и даже въ двенадцатые праздники. Но губернаторъ обошелся съ о. Савеліемъ грубо, да кромѣ того сдѣлалъ доносъ на него архіерею, который лишилъ о. Туберозова благочинія.

Новаго рода непріятность доставило о. Савелію прибытіе въ Старъ - Городъ сосланныхъ поляковъ.

5 февр. 1849 г. онъ пишетъ: „Чего съ роду не хотѣлъ сдѣлать, то нынѣ сдѣлалъ: написалъ на поляковъ порядочный доносъ. потому что они превзошли всякую мѣру“. Вывело изъ терпѣнія о. Туберозова, во-первыхъ, то, что поляки издѣвались надъ газетными извѣстіями и разглашали, что русскихъ, а не русскіе бьютъ враговъ,—во-вторыхъ, намѣренный неприличный хохотъ ихъ на панихидѣ за воиновъ на брани убіенныхъ,—въ третьихъ, поступокъ одного поляка, который выйдя изъ бакалейной лавки на крыльцо со стаканомъ вина, подражая голосомъ дьякону, возгласилъ предъ проходившимъ мимо Туберозовымъ: „много ли это“! Доносъ на поляковъ о. Савелію не прошелъ безъ неприятностей. И въ своемъ городѣ пришлось выслушивать неприятныя замѣчанія о „ябедничествѣ“, да и былъ еще вызванъ онъ къ архіерею, который далъ ему выговоръ, замѣтивъ, что „ты, дескать, ужъ надоѣлъ своимъ сутяжничествомъ; не на добро тебя и грамотѣ выучили, чтобы ты не въ свое дѣло мѣшался, ябедничалъ, да сутяжничалъ“.

Что, кажется, можетъ быть невиннѣе для священника заботы объ уменьшеніи въ народѣ пьянства? Но и эта забота не обошлась о. Туберозову безъ неприятности. Вычиталъ о. Савелій изъ газетъ, что ксензы по Литвѣ учредили общества трезвости, и дѣятельно проповѣдуютъ противъ пьянства. Мысль ксензовъ о. Савелію понравилась. И самъ онъ задумалъ основать въ Старь-Городѣ общество трезвости. Былъ уже составленъ проэктъ. Но за проэктъ о. Туберозову, по его словамъ, „присланъ былъ пребольшунцій носъ, дабы не токмо объ учрежденіи общества трезвости не злоумышлялъ, но и проповѣдывать о семъ не смѣлъ“. Откупщики подавили доброе намѣреніе о. Савелія. Не мало горя также доставилъ о. Савелію прибывшій въ Старь-Городъ учителемъ — нигилистъ, сынъ старгородской просвири, Варнава Препотенскій, который обманомъ заставилъ о. Савелія отслужить панихиду по декабристамъ, и въ школѣ училъ ребята-

шекъ невѣрью. О. Савелій, какъ преподаватель закона Божія, старался охранять молодые умы отъ растлѣнія нигилизмомъ. Но этого оказалось недостаточно, и ему пришлось донести на Препотенскаго начальству. Доносъ повелъ только къ новымъ неприятностямъ. Доносу не придали значенія, а между тѣмъ черезъ доносъ о. Савелій чуть не попалъ во мнѣніи общества въ разрядъ шпионовъ, хотя доносъ онъ дѣлалъ открыто. Но если не достигали цѣли доносы на враговъ о. Савелія, то на него доносы враговъ всегда имѣли успѣхъ. И послѣдній ложный доносъ на него—писца пріѣхавшаго изъ Петербурга ревизора, — низкой и подлой личности Термосесова окончательно стугбилъ о. Савелія. Отправляясь въ губернской городъ къ отвѣту, на просьбу жены шадить свою жизнь, о. Савелій заявилъ: „не о чемъ хлопотать: жизнь моя уже кончена; теперь начинается житіе“. Долго пришлось пробыть о. Туберозову въ ссылкѣ. Во время этой ссылки онъ похоронилъ свою жену. Ссылка для о. Савелія была бы не особенно продолжительна, если бы онъ вздумалъ извиниться предъ губернаторомъ. И наказанъ то онъ былъ архіереемъ собственно въ угоду свѣтской власти. Но о. Савелій цѣнилъ свое пастырское достоинство высоко и унижаться не желалъ. Не считая себя виновнымъ, не хотѣлъ извиняться. Въ Старъ-Городъ о. Савелій возвратился уже физически обезсиленнымъ, уходившимся, дряхлымъ, хотя духъ его попрежнему остался мощнымъ. Когда о. Савелій умиралъ, большихъ трудовъ стоило исповѣдывавшему его о. Захаріи уговорить умирающаго простить своимъ обидчикамъ.

Много пришлось испытать о. Савелію на своемъ вѣку горя и неприятностей, и всѣ неприятности переносилъ онъ мужественно. Видалъ о. Савелій и радости, особенно въ семейной жизни. Супруга у о. Савелія была добрая, любящая,—къ мужу своему внимательная. Одного только не доставало для полноты семейнаго счастья—дѣтей. Отсутствие дѣтей огорчало

и о. Савелія, и его супругу. Особенно супругъ хотѣлось имѣть дѣтокъ, и преимущественно съ того времени, какъ вышеупомянутый Пизонскій пріютилъ у себя брошенное дитя. Интересна замѣтка по этому поводу въ дневникѣ о. Савелія подъ 24 апрѣля 37 г.

„Въ тихой грусти двое бездѣтные сѣли мы за чай, а слезы наши растворялись намъ въ питіе, и незамѣтно для себя мы плакали, и оборучь пали мы ницъ предъ образомъ Спаса, и много и жарко молились ему объ утѣхѣ Израилевой. Наташа послѣ открылась, что она какъ бы слышала нѣкое обѣтованіе черезъ ангела, и я хотя понималъ, что это плодъ ея доброй фантазіи, но оба мы стали радостны какъ дѣти. Замѣчу однако, что и въ семъ настроеніи Наталья Николаевна значительно меня грубаго мужчину превосходила какъ въ умосообразительности, такъ и въ достоинствахъ возвышенныхъ чувствъ.

— Скажи мнѣ, отецъ Савелій, приступила она ко мнѣ, добродушно ласкаячись—скажи дружекъ: не былъ ли ты когда нибудь, прежде чѣмъ нашель меня, противъ цѣломудренной заповѣди грѣшенъ?

Такой вопросъ, откровенно долженъ признаться, крайне смутилъ меня. ибо я вдругъ сталъ понимать, къ чему моя негодяшая женка у меня такое ей несоответственное выпытываетъ. Но она со всею своею превосходною скромностію и со всею этою женскою кокетеріей, которую хотя и попадая, но отъ природы унаследовала, вдругъ и взаправду коварно начала меня обольщать воспоминаніями минувшей моей юности, напоминая, что тому, о чемъ она намекнула, не трудно было стать, ибо былъ будто бы я столь собою хорошъ, что когда пріѣхалъ къ ея отцу въ городъ Фатежъ на ней свататься, то всѣ дѣвицы не только духовныя, но даже и свѣтскія по мнѣ вздыхали! Сколько сіе ни забавно, однако я старался разсѣять всякія сомнѣнія насчетъ своей юности, что мнѣ и не трудно, ибо безъ лжи въ семъ имѣю оправданіе. Но чѣмъ я тверже ее успокоивалъ, тѣмъ бо-

лѣе она пріунывала, и я не постигалъ, отчего оправданія мои ея ни мало не радовали, а напротивъ все болѣе какъ будто печалили, и наконецъ она сказала:

— Нѣтъ ты, отецъ Савелій, вспомни, можетъ быть, когда ты былъ легкомысленнымъ... то нѣтъ ли гдѣ какого сиротки?

Тутъ уже я, что она сказать хочетъ, уразумѣлъ и понялъ, къ чему она все это вела и чего она сказать стыдится; это она тщится отыскать мое незаконное дитя, котораго нѣтъ у меня! Какое благодушіе! Я, какъ ужаленный слѣпнемъ волъ, сорвался съ своего мѣста, бросился къ окну и вперилъ глаза мои въ небесную даль, чтобы даль одна видѣла меня, столь превзойденнаго моею женой въ добротѣ и попеченіи. Но и она моя лилейная и левкойная подруга, моя роза бѣлая, непорочная, благоуханная и добрая, и она снялась вслѣдъ за мною; поступью легкою ко мнѣ сзади подкралась и, положивъ на плеча мнѣ свои малыя лапки, сказала:

— Вспомни, голубъ мой: можетъ быть, гдѣ нибудь есть тотъ голубенокъ, и если есть, пойдѣмъ и возьмемъ его!

Мало, что она его течетъ отыскивать, она его уже любить и жалѣть какъ неопереннаго голубенка! Этого я уже не снесъ и, закусивъ зубами бороду свою, палъ предъ ней на колѣна, и поклонясь ей до земли, зарыдалъ тѣмъ рыданіемъ, которому нѣтъ на свѣтѣ описанія. Да и вправду, повѣдайте мнѣ времена и народы, гдѣ, кромѣ святой Руси нашей, родятся такія женщины, какъ сія добродѣтель? Кто ее всему этому училъ? Кто ее воспитывалъ, кромѣ Тебя, Всеблагій Боже, Который далъ ее недостойному изъ слугъ Твоихъ, дабы онъ могъ ближе ощушать Твое величіе и благодѣтельность“.

Счастливымъ вообще въ семейной жизни, о. Савелій получалъ иногда утѣшенія и отгнѣ. Хотя духовное начальство не рѣдко давало о. Савелію выговоры и назначало наказанія; однако безъ наградъ его не

оставляло. Постепенно онъ получилъ набедренникъ, скуфью, камилавку, протоіерейство, орденъ. Разъ ему доставила большое утѣшеніе одна помѣщица, сдѣлавъ ему богатые подарки. Находилъ утѣшеніе также о. Савелій въ привязанности къ себѣ своего дьякона, хотя и много въ тоже время приходилось ему возиться съ подвижнымъ и увлекающимся Ахиллой. Утѣшался о. Савелій любовью и уваженіемъ къ себѣ прихожанъ—старгородцевъ. Но болѣе всего, какъ глубоко-вѣрующій христіанинъ, о. Савелій находилъ утѣшеніе въ своей вѣрѣ и въ евангельско-христіанскомъ настроеніи духа. Подозрѣніе жены о грѣхахъ юности въ не такой чистой душѣ, какова была у о. Савелія, могло бы вызвать непріятное настроеніе духа (пусть это подозрѣніе невѣрно), но о. Савелій стоитъ на высотѣ истиннаго христіанина и дѣтски-нѣжно радуется проявленію въ своей супругѣ материнской любви къ несуществующему птенцу. Въ одно время о. Савелій замѣтилъ сѣющаго въ разсадникѣ сѣмена Пизонскаго (огородъ котораго находился возлѣ дома о. Савелія). „Старый Пизонскій, пишетъ о. Савелій, весь съ лысой головой своей озаренный солнцемъ, стоялъ на лѣстницѣ у утвержденного на столбахъ разсадника, и имѣя въ одной рукѣ чашу съ сѣменами, другую погружалъ зерна, кладя ихъ щепотью крестообразно, съ опущеніемъ каждаго зерна, взывалъ по одному слову: „Боже! устрой и умножь, и возрасти на всякую долю человѣка голоднаго и сираго, хотящаго, просящаго и произволящаго, благословляющаго и неблагодарнаго“... Аллилуія. Боже мой! запѣлъ я себѣ отъ восторга и умиленно заплакалъ. Въ этихъ цѣлебныхъ слезахъ я облегчилъ мои досажденія и понялъ, сколь глупа была скорбь моя. Умножь и возрасти, Боже, благая на земли на всякую долю на хотящаго, просящаго, произволящаго и неблагодарнаго... Я никогда не встрѣчалъ такой молитвы въ печатной книгѣ. Боже мой, Боже мой, этотъ старикъ садилъ на долю вора и за него молился! Это, можетъ быть,

гражданской критикой и осуждается. но это ужасно трогательно. О, мягкосердая Русь, какъ ты прекрасна!“ И въ этомъ случаѣ, также только нѣжная и глубокохристіанская душа о. Савелія могла подмѣтить такой отраднѣй фактъ и радоваться. Глубоко радовался о. Савелій, когда, послѣ засухи и молитвы о дождѣ, на небѣ показывалась тучка...

Вообще жизнь о. Савелія была обильна и радостію, и горемъ. Но какъ въ свѣтлыя минуты жизни, такъ и въ невеселыя о. Туберозовъ одинаково симпатиченъ. Человѣкъ добродушный въ высшей степени, онъ тѣмъ не менѣе, когда нужно было, являлся человѣкомъ съ характеромъ и громадной силой воли. Что казалось справедливымъ о. Савелію, за то онъ держался крѣпко. Исполненіе пастырскаго долга о. Савелій считалъ настолько священной обязанностію, что не допускалъ уступокъ и сдѣлокъ ни подъ какимъ условіемъ, хотя бы ему приходилось испытывать массу непріятностей изъ-за своей настойчивости. Поставивъ себѣ извѣстную цѣль, о. Савелій преслѣдовалъ ее упрямо, смѣло и сдавался своимъ противникамъ только послѣ непосильной борьбы. Замѣчая, что вѣра христіанская падаетъ, что „въ необходимость просвѣщеннаго человѣка вмѣняется безвѣріе, издѣвка надъ родиною, глумленіе въ оцѣнкѣ людей, небреженіе о святынѣ семейныхъ узъ“ и т. п., о. Савелій находилъ, что теперь особенно нужны *люди дѣла*, которые бы готовы были пострадать за дѣло. И самъ онъ былъ именно *человѣкомъ дѣла*. „Верженныхъ и безъ меня много, а я долженъ свой долгъ исполнять...“ рассуждалъ о. Савелій. Умный и благородный, о. Савелій въ тоже время былъ и начитаннымъ человѣкомъ. Онъ читалъ отцевъ церкви и историковъ, — писалъ даже сочиненіе о бытѣ духовенства подъ заглавіемъ: „О положеніи православнаго духовенства и о средствахъ, какъ оно возвыситъ для пользы церкви и государства“.—Были, правда, и небольшія слабости у о. Савелія, любилъ онъ „преферансовую игру“ и курить

табакъ, — но эти слабости, конечно, нисколько не умаляют неотъемлемыхъ достоинствъ о. Савелія и какъ пастыря церкви, и какъ вообще человѣка.

Противоположность о. Савелію и по внѣшней фигурѣ, и по характеру, и по жизни составляетъ другой герой романа „Соборянъ“, о. Захарія Венефактовъ. О. Савелій, какъ замѣчено, былъ высокъ ростомъ и тучень; а о. Захарія малъ, худъ, тщедушень и лысъ. О. Савелій былъ активная натура, отличался смѣлостію и прямою; отецъ Захарія, напротивъ, былъ слабохарактеренъ, представлялъ изъ себя воплощенную кротость и смиреніе. О. Савелій былъ бездѣтенъ и домашняя жизнь его отличалась порядкомъ; наоборотъ, домъ о. Захарія походилъ на большой птичникъ: при большомъ потомствѣ о. Захарія было уже не до порядка и чистоты въ домѣ. О. Савелій былъ начитанный священникъ, многосвѣдущій, умный; отецъ же Захарія былъ человѣкъ недалекаго ума, несвѣдущій, неразвитый. Любилъ о. Захарія принять участіе въ разговорѣ, но въ каждой бесѣдѣ онъ являлся безцвѣтнымъ и недалекимъ. Только и слышались отъ него возгласы удивленія: ай-ай-ай!.. О-о-охъ!.. Ахъ, вотъ это и т. п. Если о. Захарія поведетъ рѣчь, то фраза у него идетъ туго, — за словомъ постоянно приходится ему лазить въ карманъ. Вотъ напр. образецъ утѣшенія отцомъ Захаріею дьякона Ахиллы послѣ смерти о. Туберозова. Пораженный смертію любимаго о. Савелія, дьяконъ Ахилла завалился на своемъ войлокѣ въ сѣничномъ чуланѣ и не показывался нѣсколько дней. О. Венефактовъ посѣщаетъ дьякона и застаётъ его лежащимъ въ чуланѣ.

— Что же ты, дьяконъ?

— Да, вотъ вамъ и дьяконъ...

— Да что жъ ты такое?

— Уязвленъ, отвѣтилъ Ахилла.

— Да чѣмъ же ты это уязвленъ?

— Смѣшно вы, о. Захарія, спрашиваете: чѣмъ? Чѣмъ и уязвленъ. Кончиной отца протопопа уязвленъ.

— Да, ну что жъ дѣлать? Вѣдь это смерть... конечно... она враждебна... всему естеству и помысламъ преграда... но неизбежно... неизбежно...

— Вотъ я этой преградой и уязвленъ.

— Но ты... ты того... мужайся... грѣхъ... потому воля.. опредѣленіе...

— Ну когда жъ я и опредѣленіемъ уязвленъ!

— Да что же ты это зарядилъ: уязвленъ, уязвленъ! Это, братецъ, того... это не хорошо.

— Да что же хорошаго!

— Ну а самъ понимаешь, что мало хорошаго, такъ и надо имѣть разсудокъ: закона природы, братъ, не обойдешь!

— Да про какой вы тутъ, отецъ Захарія, про законъ природы! Ну, а если я и закономъ природы уязвленъ?

— Да что же ты теперь съ этимъ будешь дѣлать?

— Тсъ! ахъ Царь мой небесный! Да не докучайте вы мнѣ пожалуйста, отецъ Захарія, съ своими законами! Ничего я не буду дѣлать.

Если трудно для о. Захаріи утѣшить и ободрить скорбящаго; то онъ оказывается совершенно слабымъ при спорныхъ вопросахъ, особенно въ дѣлѣ вѣры. Разъ, во время болѣзни о. Туберозова, о. Савелій занимался въ классѣ и говорилъ о Промыслѣ. Когда одинъ изъ учениковъ замѣтилъ, что понятіе о Промыслѣ не мирится съ тѣмъ, что въ природѣ много несправедливаго и жестокаго, о. Захарія сталъ разъяснять, что они (т. е. онъ и ученики), по несовершенству ума, плохіе судьи. Когда мальчикъ сталъ привязываться къ разсужденіямъ о. Захаріи, онъ напелся только отвѣтить, что „ну, ужъ о семь люди умнѣ насъ съ тобой разсуждали“. Мальчикъ за вольпья разсужденія былъ наказанъ; а о. Захарія такъ былъ разстроены совпросничествомъ, что плакалъ. Вскорѣ о. Захарія снова попалъ въ просакъ. „Правда-ли, что пьяный человекъ скотъ? спрашиваетъ старый

же, наказанный за вольнодумство, мальчикъ. „Да, скотъ, отвѣчалъ ничтоже сумняся, отецъ Захарія“. „А гдѣ же его душа въ это время, ибо вы говорили, что у скота-де души нѣтъ? Отецъ Захарія смутился и отвѣтилъ только: „а ну, погоди, я вотъ еще и про это твоему отцу скажу“.

Дѣятельность о. Захаріи не шла далѣе требъ, а кругъ знаній далѣе святцевъ и т. п. вещей. Руководителемъ общественнаго мнѣнія, мощнымъ дѣятелемъ общественнымъ о. Захарія быть не могъ.

Что о. Бенефактовъ представлялъ изъ себя личность недалекую по уму и безцвѣтную, замѣчалъ это и о. Туберозовъ, который отзывался объ отцѣ Захаріи такимъ образомъ, что онъ „есть такъ какъ будто бы его нѣтъ“. Архіерей называлъ о. Бенефактова благочестивымъ. Но благочестіе это было заурядное, въ ходичемъ смыслѣ слова, а не такое дѣятельное, какъ у отца Савелія.

Въ томъ же (72-мъ) году въ журналѣ „Дѣло“ печатался другой романъ изъ духовнаго быта Н. Преображенскаго подъ заглавіемъ: „Изъ кулька въ рогожку“. Въ романѣ между другими героями фигурируютъ четыре священника, или, какъ называетъ ихъ авторъ, пошы—Матвѣй, Андрей, Аммосъ и отецъ Максимъ. Отецъ Матвѣй представляетъ изъ себя старика священника. Онъ, по роману, такъ старъ, что цѣлый Окуевъ (уѣздный городъ) не помнитъ такого стараго священника, да и самъ онъ не знаетъ, сколько ему лѣтъ?

На вопросъ своего пріятеля, одного старика — прихожанина: сколько лѣтъ ему?, отецъ Матвѣй такъ высчитываетъ свои годы.

— А вотъ видишь ли, начинается цопъ: — на Михайла десять лѣтъ, какъ я внучку выдалъ, да двадцать лѣтъ Мартынъ дьячкомъ. Коли помнишь попомаря Антона, такъ выйдетъ лѣтъ тридцать съ хлюстикомъ на Демьяна. Дьяконъ Степанъ былъ. Доводился онъ Прохору Абрамову цѣловальнику свать. Про-

хоръ, надо тебѣ знать, померъ лѣтъ сорокъ тому въ сочельникъ. Стало теперича Грунька, дочь Прохора, вышла замужъ за Микитку Ерзакова въ мясоѣдъ. Вотъ и считай съизнова: Грунькѣ на Миколу было бы пятьдесятъ, стало накинъ десять, да Сидора Переемкина изъ Самопалора коли помнишь—то и выйдетъ: на Ивана Богослова двадцать, да на Сергія по осени десять, а тамъ на Прасковью мученицу пять, да на Сидора положи три чтоль... Ну, вотъ и сочти, сколько выходитъ? Собесѣдникъ о. Матвѣя сталъ класть года на счеты; но толку было мало: то выйдетъ о. Матвѣю сто тридцать семь лѣтъ съ половиною, а то и полтора ста!

Жизнь о. Матвѣй проводилъ самую тихую. Иногда бесѣдовалъ съ прихожаниномъ дѣдомъ, напр. о старыхъ временахъ, какъ ихъ пороли въ бурѣ, часто ни за что, при чемъ добавлялъ, что не пороть нельзя: „человѣкъ не звѣрь — какъ безъ порки? все бы врозь пошло“. Иногда уходилъ онъ на рѣку удить ершей. А чаще всего о. Матвѣй сидѣлъ у окна, или на лавочкѣ на крыльцѣ своего дома. Сидитъ онъ, — смотреть на звѣзды и облака, и по нимъ угадываетъ погоду,—а то и просто о чемъ нибудь думаетъ. Вотъ образецъ его размысленій. Размысленія свои онъ обыкновенно высказывалъ вслухъ.

„Хорошая насѣдка у пономаря“, думаетъ, напримеръ, попъ, постукивая пальцами (по стеклу).

Тутъ слѣдуетъ молчаніе, ибо нельзя такъ, чтобы сразу же и другая мысль пришла. Погодя мало, попъ продолжаетъ:

— Мартынь (дьячекъ) развелъ-было цесарокъ, да не пошли отчего-то.

Пауза.

— Вотъ гусиные яйца, такъ очень велики. Мартынь сказывалъ, что ѣлъ.

Тутъ попа беретъ сомнѣніе, дѣйствительно ли Мартынь ѣлъ.

— Да чего! говорить онъ, какъ бы сообразивъ:— онъ, поди, и воробьиныя жраль.

Въ окнѣ у дѣда (пріятеля-прихожанина) блеснулъ свѣтъ.

— Э! говорить попъ, совсѣмъ уже вслухъ:— со-сѣдъ никакъ свѣчку зажегъ. Нѣтъ, потухло. Должно, трубку закуриваль.

Пауза.

— Съ чего это табакъ жгутъ?

Затѣмъ, опять про себя:

— А скоро, должно, заморозки пойдуть. То и дѣло въ спинѣ свербить.

И попъ постукиваетъ пальцами.

— Выпить чайку развѣ?

Громкая зѣвота; попъ креститъ себѣ ротъ три раза и оглядываетъ сапоги.

— Э, эхъ-ма! говорить онъ довольно громко:— къ непогодѣ мозоль-то воетъ“.

Такъ продолжаются размышленія отца Матвѣя и дальше. Пройдетъ пауза,—скажетъ: „О-охъ! Божье то дѣло куда велико!“ Пройдетъ другая пауза,—„Такъ оно все! И не увидишь, какъ проживешь“. Пройдетъ третья пауза,—о. Матвѣй спохватится: „А что, когда у насъ высокосъ-то“? Авторъ романа замѣчаетъ, что въ мысли у о. Матвѣя „не всегда замѣчался строгій порядок“, а читателю и больше еще представляется, что мысли старика совсѣмъ шли въ неперядкѣ, или говоря проще, о. Матвѣй уже „выжилъ изъ ума“.

Совершенною противоположною о. Матвѣю представляетъ изъ себя отецъ Максимъ. Жизнь о. Матвѣя—постоянное сидѣніе у окна и размышленіе; жизнь о. Максима, напротивъ, — постоянная дѣятельность. О. Максимъ, по выраженію автора, является „чудною, отрадною личностью“ среди духовенства. Онъ необходимый человѣкъ во всѣхъ набожныхъ семействахъ. „Волѣны ли кто — посылають за Максимомъ Иванычемъ; дѣмъ ли кто хочетъ купить или строить, свадьба ли затѣвается, уѣзжаетъ ли кто нибудь далеко

на долгое время — все шлеть за Максимомъ Иванычемъ. И о. Максимъ идетъ по первому зову. Самая походка о. Максима имѣетъ много привлекательнаго: идетъ онъ не шибко и не тихо, а такъ ровно, спокойно. Придетъ въ комнату, — помолится. Поклонившись сидящимъ, сядетъ самъ. И сидитъ, обыкновенно, прямо, повертывая въ рукахъ табатерку съ изображеніемъ Сергіевской лавры. „Лицо о. Максима всегда одинаковое, блѣдножелтоватое, маленькія морщины во лбу и свѣтлый блаженный взглядъ, сіяющій такимъ тихимъ, невечернимъ свѣтомъ, и этотъ церковный запахъ съ примѣсю ладана и воску, напоминающій ризницу, и это благочестіе, разлитое, кажется, въ самыхъ складкахъ его рясы — все это, говоритъ авторъ романа „Изъ кулька въ рогожку“, приводитъ душу въ такое умиленіе, что невольно рождаются самыя религіозныя мысли: видишь, будто просвиры, библейскія картинки, изображающія похождения Авраама и Агари, кадилницу на окнѣ, часы съ грязнымъ циферблатомъ и кукушкой, ощущаешь какой-то святой и затхлый запахъ“. Особенно набожныя мысли приходятъ на умъ, когда о. Максимъ заговорить. Кротость и смиреніе такъ овладѣваютъ слушателемъ, что онъ и самъ дѣлается какъ будто Максимомъ Иванычемъ. Такое „отрадное“ благочестіе о. Максима не мѣшаетъ впрочемъ быть ему глубокимъ политикомъ въ душѣ. О. Максимъ со всѣми съумѣетъ сказать слово. „Съ вами заговорить о пѣніи, такъ какъ вы любите музыку, чиновнику казенной палаты расскажетъ анекдотъ о какомъ нибудь совѣтникѣ питейнаго отдѣленія, съ хозяйкой заведетъ рѣчь о наливкахъ, хозяину пожалуется на рожь, и все это такъ незамѣтно, безъ крутыхъ переходовъ“. О. Максимъ — человѣкъ дѣловой, — бездѣятельности вообще не любитъ. Въ часы же отдыха онъ забавляется игрой на гусяхъ и пѣніемъ церковныхъ пѣсень.

Если о. Максимъ представляетъ изъ себя священника съ практическимъ складомъ ума и дѣятель-

ности, то о. Аммосъ, — третій священникъ выведенный въ романѣ „Изъ кулька въ рогожку“, — наклоненъ больше къ теоретической жизни. По окончаніи курса въ семинаріи о. Аммосъ готовился въ академію, да по обстоятельствамъ въ академію не поступилъ. Тѣмъ не менѣе склонность къ научнымъ занятіямъ у него осталась. Онъ читалъ журналы, дѣлалъ археологическія разысканія относительно Окуева и нѣсколько лѣтъ уже занимался составленіемъ „Лѣтописей соборной окуевской церкви“. Много уже было у о. Аммоса написано по избранному имъ предмету. Касаясь въ своемъ трудѣ и исторіи самого Окуева, одного изъ древнѣйшихъ городовъ удѣльно-вѣчевой Руси, о. Аммосъ (хотя не безъ большаго труда) отыскалъ дватри имени знаменитыхъ въ свое время потомковъ Рюрика, князей окуевскихъ. Впрочемъ, лѣтопись о. Аммоса, за неимѣніемъ матеріала, ограничивается большею частію дѣлами окуевской церкви. Часы досуга о. Аммосъ посвящалъ игрѣ на гусяхъ и гитарѣ.

Мало общаго съ представленными типами имѣетъ „попъ Андрей“, четвертый священникъ въ романѣ „Изъ кулька въ рогожку“. Съ виду о. Андрей толстъ и солиденъ, но не имѣетъ мягкости и елейности отца Максима. О. Андрей говоритъ грубо, словно топоромъ рубить. И говоритъ больше всего о хозяйствѣ и мірскихъ предметахъ: объ овецъ, пьянствѣ, попахъ. Въ разговорѣ его часто слышится: тузь бубень, семь въ пикахъ, сто рублей, триста, тысяча. Отъ отца Андрея не пахнетъ, какъ отъ о. Максима, ризницей; напротивъ, о. Андрей душитъ одеколономъ и употребляетъ *savon d'ulcifie* и *poudre de riz*. О. Андрей тузь между окуевскимъ духовенствомъ; онъ норовитъ перейти въ губернской городъ, потому что имѣетъ большія деньги и состоитъ въ дружбѣ съ секретаремъ консисторіи. Съ товарищами священниками о. Андрей мало знаетъ. Дружбу онъ ведетъ съ исправникомъ да съ городничимъ. Съ ними любитъ перекинуться въ карты, и принять ихъ умѣетъ прилично. У о. Андрея имѣются

про запасъ различныя водки и вина, и хорошая закуска. О. Андрей, по роману, богатый священникъ, но романъ не останавливается на томъ, какимъ образомъ о. Андрей нажилъ себѣ богатство. Въ дальнѣйшей художественной литературѣ вопросъ этотъ разрабатывается рассказами и повѣстями изъ духовнаго быта довольно часто.

Въ слѣдующемъ же 73 г. въ „Отечественныхъ Запискахъ“ былъ напечатанъ очеркъ изъ духовнаго быта И. Сѣверова—„Впередъ не угадаешь“, гдѣ фигурируетъ священникъ - приобрѣтатель. О. Василій, по очерку, не честолюбивъ, не грезить себя ни депутатомъ, ни благочиннымъ; но очень онъ любитъ денежку. Такъ какъ приходъ у о. Василя не богатый, то приходится ему копить деньги, отказывая себѣ часто въ необходимомъ. Сосѣднему духовенству о. Василій представляется скрягой, — и поэтому духовенство при общихъ собраніяхъ, напр. на праздникахъ, не даетъ ему прохода, подсмѣиваясь надъ его скупостию. „Поскряжничай ты! накопи ты! припрячь ты! заведи ты!“ огрызается онъ безостановочно подъ несмолкаемый хохотъ окружающихъ.

О. Василій на покосѣ, — сгребаетъ сѣно. Жаръ нагоняетъ дремоту, — и о. Василій незамѣтно для себя погрузился въ грезы. Грезы сначала носили веселый характеръ (о. Василю вспоминался храмовой праздникъ у сосѣдняго священника), а потомъ мысль остановилась на больномъ мѣстѣ о. Василя и приняла мрачный оттѣнокъ. „Да, наживешься тутъ! подставляй карманъ?“ озлобленно ворчалъ онъ и порывисто махалъ граблями. Вспомнилъ онъ, какъ онъ хотѣлъ ввести въ своемъ приходѣ сборъ льна и не могъ, только приобрѣлъ репутацію жаднаго; какъ онъ принималъ ввести обычай давать ему, отцу Василю, при крещеніи платки, и еще болѣе разсердилъ прихожанъ, такъ что лишился даже бывшей доселѣ въ обычай петровщины.

Мысль о. Василия разсыялась при видѣ коровъ сосѣдней деревни, которыя, разломавъ изгородь, стали входить одна за другою въ поле. „А, добро пожаловать!“ „Пожалуйте, пожалуйте!“ приглашала о. Василій коровъ; но тѣ, замѣтивъ его, начали поглядывать назадъ. Это не понравилось о. Василию и онъ побѣжалъ отрѣзать коровамъ отступленіе. Бѣгаль, бѣгаль онъ по полю за коровами, но въ село загнать не могъ ни одной; всё по одиночкѣ убѣжали въ проломъ. „Точно ученныя, каторжныя!“ выругался о. Василій и снова принялся за работу.

Къ о. Василию подошелъ мужикъ, приглашая его въ свой домъ съ требой. Священникъ далъ мужику грабли, и велѣлъ до прихода его работать, а самъ отправился совершать требу. Дорогой о. Василию пришлось проходить мимо одной полосы, на которой зрѣла богатая рожь. „Охъ, какая рожь! Вотъ такъ рожь! Чья это? Должно быть, Степана; вѣдь онъ жила! У такой ржи подѣла деньги зажимать! Кабы у меня такая, такъ ужъ давно бы... Вотъ у меня никогда такая не уродится!“ О. Василию обидно показалось, что у него такой ржи не бываетъ, и „у него шевельнулась дурная мыслишка: эхъ, градомъ бы!“ О. Василій былъ очень скупъ. Тратить деньги на что бы то ни было, не любилъ. Напр. у хомута давно стала негодною шлея; а отецъ Василій все самъ чинить ее веревками. Такъ какъ шлея рвется каждый мѣсяць, то отъ постоянной починки она сдѣлалась такою, что сбила шерсть съ лошади до самой кожи, при усиленной ѣздѣ натирала даже раны. Тѣмъ не менѣе купить новую шлею о. Василій не думалъ. Подгниеть ли у бани стойка, о. Василій не позоветъ плотника, а самъ займется починкой стойки, чтобы сберечь нѣсколько копѣекъ.

Отцу Василию хочется накопить двѣсти рублей. Цѣлыхъ уже шесть лѣтъ онъ мечтаетъ объ этихъ двухстахъ.—Въ основаніе капитала о. Василій положилъ 25 р. изъ приданаго жены, — и поставилъ для

себя задачей накопить сначала „до ста рублей“. Четыре года копил онъ деньги, и накопилъ сто рублей. Ста рублей о. Василию показалось мало. „Только бы до двухсотъ“—сталь онъ мечтать; и капиталъ снова сталъ возрастать. До двухсотъ рублей только не доставало уже пятнадцати рублей! Пятнадцать-то рублей и хочется о. Василию скорѣй приобрести. О. Василий льститъ себя надеждой, что желанное время уже близко. „Будетъ и двѣсти! да, будетъ! скоро будетъ. Нынѣ съва три воза продамъ, да вотъ еще богомолье... Будетъ!“ Точно камень сваливается съ сердца о. Василия, и ему дѣлается легко. Но радость оказалась преждевременной. О. Василий получилъ чрезъ благочиннаго указъ отъ консисторіи о заведеніи въ каждомъ благочиніи бібліотеки для духовенства, вслѣдствіе чего о. Василию приходилось подписаться на бібліотеку и издержать, по крайней мѣрѣ, рубль. Это страшно опечалило о. Василия. Во-первыхъ, по мнѣнію о. Василия, „на какой чортъ“ эти книги и журналы? „Вонъ „Странникъ“ за цѣлый годъ стоитъ, что толку-то? а вѣдь, за него денежки плачены!“ А всего досаднѣе для о. Василия то, что денежки-то на бібліотеку приходится платить не казенныя, а свои собственные. „Что же это такое? Откуда же я возьму деньги? Вѣдь, это грабежъ! Это денной грабежъ! А я вотъ не подпишусь! За это подъ судъ не отдашь, это добровольное согласіе. А вѣдь, всѣ подписались. Ахъ, чтобъ!.. Умный-то человѣкъ, хохлатый-то (о. Павелъ) три рубля подмахнулъ! Чему обрадовался? Думаешь скуфью дадутъ? Съумничалъ на три цѣлковенькихъ! Да что же это такое! Вѣдь этакъ послѣднюю рубаху имъ отдай! Вѣдь этакъ надѣвай на руку корзину, да и поди по подоконью! И, вѣдь, ни одинъ меньше рубля не подписалъ!.. Этотъ чупика Спиридонъ—и тотъ рубль. Да много ли у самого-то рублей осталось. Господи, что же это такое!“ Но какъ ни ругался, какъ ни плакалъ о. Василий, а рубль пришлось отдать на бібліотеку. На большее горе о. Ва-

силія еще коровы его зашли въ чужое поле, и пришлось за потраву заплатить по четвертаку съ коровы—два съ полтиной! Затѣмъ, жнитво обошлось дороже обыкновеннаго на цѣлыхъ четыре рубля. О. Василій самъ жалъ хлѣбъ и нанималъ всего одну жницу. На этотъ разъ хлѣбъ поспѣлъ какъ-то вдругъ,— и пришлось нанять нѣсколько жницъ. Кромѣ того — одно къ одному — захромала у о. Василія лошадь, и пришлось колдуну Акундину дать за лѣченіе рубль!

При такомъ денежномъ разстройствѣ—не до гостей! А о. Василія, къ довершенію его горестей, посѣтилъ о. Павелъ. Пришлось самоваръ поставить, да двадцать коп. издержать на водку!—Какъ бы то ни было, но между отцами завязался разговоръ. О. Павелъ сообщалъ о новомъ архіереѣ, который ѣдетъ въ губернію. Оказалось, что въ городѣ кое что про него уже знаютъ.

— А знаете ли, отецъ Василій, новый-то архіерей, говорятъ (сообщалъ между прочимъ о. Павелъ), хочетъ запретить богомолья; говоритъ — это не богомолье, а пьянство.

Отецъ Василій широко раскрылъ глаза и ротъ.

— Только это, братъ, шалишь! удастся, либо нѣтъ! продолжалъ отецъ Павелъ. Тутъ не мы одни, а и прихожане вступятъся. Я непремѣнно наускаю мужиковъ, да потомъ самъ черезъ благочиннаго, или, пожалуй, и лично явлюсь: такъ и такъ, въ нашемъ приходѣ есть раскольнический духъ, и если запретить изъ-стари заведенные крестные ходы, то... и т. д.

— Хе-хе-хе... вы ужъ больно... отецъ Павелъ, хе-хе-хе...

— Еще бы! Конечно, мы не богомольями живемъ, а все-таки нашего не тронь. Вѣдь цѣлковаго-то на улицѣ не найдешь, а богомолье каждое даетъ рублишко, ужъ бѣдно, рублишко-то, а то и больше.

— Ну, и обѣдъ тоже.

— Да ужъ обѣдъ что! Я, пожалуй, и радъ бы не обѣдать; вѣдь добра изведутъ страсть, а устроить

такъ, что ѣсть нельзя. Нѣтъ, я говорю въ денежномъ отношеніи.—Разговоръ отцевъ сначала сталъ вертѣться на доходахъ, потомъ перешелъ на библіотеку для духовенства и чтеніе книгъ. О. Павелъ стоялъ за библіотеку и за книги, горорилъ, что безъ книгъ духовенство отъ мужиковъ не отличается, а о. Василій находилъ, что „и безъ читанья можно прожить не хуже людей“, что духовенству, чтобъ отличаться отъ мужиковъ, достаточно одного семинарскаго образованія. О. Павелъ указалъ, что книги могутъ пригодиться въ борьбѣ съ расколомъ; о. Василій на это заявилъ, что онъ собственнымъ опытомъ убѣдился, что раскольниковъ не обратишь: „ужь дураки, такъ дураки и есть!“ Отъ библіотеки и книгъ отцы снова перешли на доходы и злбу дня — будто бы имѣющееся запрещеніе богомолій.

— Да ужъ если онъ и совсѣмъ запретить (откровеничалъ о. Павелъ), такъ мы своего не потеряемъ—нагонимъ на другомъ, станемъ пѣть молебны о дождѣ, о ведрѣ, станемъ святить хлѣбъ, сѣно... и мало ли, что можно.

— Ну, какого-то позовутъ!

— Позовутъ. Я вотъ, только доѣду до дому, сейчасъ зашлю сторожа подбивать къ молебну о ведрѣ,—давно жать пора, а тутъ все дождь.

— Послушаютъ либъ нѣтъ, старуха на двое сказала.

— А у васъ развѣ не бываетъ такихъ молебновъ?

— Да, поди-ка сунься! что скажутъ?

— Видно, плохо суетесь. А у меня... Вотъ только нынѣ дожди-то все въ перемежку шли, такъ не было; а въ прошломъ году почти каждый мѣсяць, то о дождѣ, то о ведрѣ. Да я это въ обычай введу, это не хуже богомолій.

На лицѣ и въ глазахъ отца Василія отразилась худо скрытая зависть“.

Когда о. Павелъ уѣхалъ, отецъ Василій сталъ въ умѣ своемъ переваривать матеріалъ, данный для

размышленія о. Павломъ. Больше всего о. Василій удивлялся, какъ о. Павелъ можетъ все такъ легко придумать! Сравнивая себя съ о. Павломъ, отецъ Василій чувствовалъ, что ему чего-то не достаетъ противъ отца Павла, чего-то очень важнаго, но чего именно, онъ рѣшить не могъ. Постороннему наблюдателю конечно сразу видно, чего не хватаетъ у о. Василя, — изворотливости ума! Дѣйствительно, насколько о. Василій человѣкъ недалекаго ума, можно видѣть изъ слѣдующаго факта. Архіерей разъ „разбранилъ“ о. Василя за то, что онъ забылъ Богословіе, Катихизисъ и даже грамоту священническую. „По приказу архіерея о. Василій училъ грамоту цѣлыхъ три дня, потѣлъ, потѣлъ, а выучилъ только: Божію милостію смиренный Епифаній епископъ Вольшегрязевскій и Маловодненскій,—что помнитъ и до сихъ поръ, а больше ничего выучить не могъ, хотя пущены были въ ходъ всѣ приемы заучиванія: заучивалъ и по точкѣ, и по строчкѣ, и по запятой, и по одному слову, училъ сидя, училъ и стоя. Проучивши три дня къ ряду, отецъ Василій изнемогъ“... И рѣшилъ болѣе не учить грамоты: „будь, что будетъ“!... При слабоуміи о. Василя ужъ не приходилось ему зарабатывать денежку разными хитростями, какъ дѣлалъ о. Павелъ, а грубымъ образомъ—копить деньги, отказывая себѣ даже въ самомъ необходимомъ. Насколько скупно жилъ о. Василій, можетъ служить слѣдующая сцена. Семья о. Василя сидитъ за столомъ. Супруга поставила на столъ чашку овсянки и положила въ нее ложку смѣтаны, чтобы изъ постнаго сдѣлать это незатѣйливое блюдо скоромнымъ.

— Что валишь смѣтану-то! крикнулъ на нее отецъ Василій, которому показалось, что ужъ очень много подхватила она смѣтаны на ложку. — Съ хлѣбомъ хлѣбайте! хлѣба прикусывайте! кричалъ онъ на дѣтей.

За овсянкой появились грибы, жареные въ смѣтанѣ.

— Это еще что! Смѣтану переводить!

— Много ли и смѣтаны нужно,—ложка.

— Сегодня ложка, завтра ложка, да послѣ завтра... въ годъ-то что будетъ!

— Ври больше! Грибы не цѣлый годъ растутъ, отвѣтила супруга.

— Сегодня грибы, завтра картофель, тамъ ватрушки... ты найдешь, какъ смѣтану переводить. Такъ догонишь, что и совсѣмъ съ голоду околѣть придется.

— Еще чего не соврешь ли?

— Тѣфу, дура! Много ли масла-то накопила? А, вѣдь пять коровъ, шутка сказать—пять коровъ! Вѣдь ихъ кормить надо!

Послѣ грибовъ, на столѣ появился творогъ; послѣ творога — прѣсное молоко. За молокомъ особенно не мало замѣчаній досталось дѣтямъ, за то, что они хлѣба прикусывали мало, а молока зачерпывали—много.

Итакъ о. Василій былъ въ великомъ горѣ, что онъ не можетъ разсчитывать въ скоромъ времени на скопленіе двухсотъ рублей. Но—„впередъ не угадаешь“. Умеръ безъ исповѣди одинъ мужикъ, — и родные умершаго предложили отцу Василю 15 р., чтобъ онъ похоронилъ умершаго. О. Василій сначала боялся брать деньги; но мужики увѣрили его, что объ этой взяткѣ никому не будетъ извѣстно: „нешто намъ охота, чтобъ его, голубчика, потрошить-то стали!“ Такой резонъ показался убѣдительнымъ о. Василю. И онъ теперь уже имѣлъ желанные двѣсти рублей. На первыхъ порахъ о. Василій необыкновенно былъ радъ неожиданнымъ деньгамъ. „Ахъ ты котенокъ“, говорилъ онъ, развязывая свой кошель съ деньгами. „Вотъ и дождался! Вотъ и двѣсти! Ничего, братъ, брюхо-то понабито; вишь, какое тугое! Хе, хе, хе! Теперь и сосчитать можно“. Въ упоеніи своимъ богатствомъ, о. Василій пересчиталъ свои денежки... Пересчитавъ деньги, онъ вдругъ остановился на мысли, что хорошо бы имѣть и больше... „Да, двѣсти! ну, а кабы еще больше, такъ, пожалуй, и еще бы лучше... ко-

нечно, лучше! Двѣсти. А вотъ, какъ бы триста! Ну, ужъ жирно будетъ! А двѣсти что? Далеко, братъ, на нихъ не уѣдешь! Триста совсѣмъ другое дѣло. Гмъ... триста. А вѣдь важно бы! Да, подставляй карманъ! сейчасъ готово! А вѣдь, у другихъ есть. Поди, и у хохлатого не меньше? Конечно, у него, жилы, не меньше. Эхъ бы триста! На этомъ рассказъ обрывается. Можно думать, что будетъ со временемъ у о. Василія и триста рублей, а потомъ и четыреста, а тутъ, можетъ быть, и болѣе.

О. Василій имѣетъ деньги. И деньги эти приобрѣтены имъ трудомъ и сбереженіемъ или, вѣрнѣе, скряжничествомъ, но не притѣсненіемъ прихожанъ. Для послѣдняго у о. Василія не было достаточной изворотливости ума, и достаточной бойкости и смѣлости. „Хохлатый же попъ“ о. Павелъ, наоборотъ, зашибалъ копѣйку не столько черной работой, сколько пронырствомъ, хитростію и изворотливостію, обставляя каждый шагъ крестьянина требами и денежнымъ налогомъ за исправленіе требъ.

Вооружаясь противъ благотворительныхъ библиотекъ, о. Василій, какъ помнитъ читатель, удивился, что и „чушка Спиридонъ“, такой бѣдный, далъ рубль на библиотечку...

Этотъ-то о. Спиридонъ, по всей вѣроятности, и фигурируетъ въ рассказъ того же автора Н. Сѣверова „Дожиль“, помѣщенномъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ слѣдующаго — 74-го года.

Отецъ Спиридонъ представляетъ изъ себя типъ лежебока. Онъ воплощенная лѣность. Съ утра до вечера онъ лежитъ на полатяхъ. И слѣзать съ нихъ чрезвычайно не любитъ. Если жена заставляетъ его нарубить дровъ, то онъ всячески старается отложить свою работу. Утромъ говоритъ, что онъ нарубитъ дровъ послѣ обѣда, послѣ обѣда говоритъ, что вечеромъ нарубитъ дровъ, а вечеромъ заявляетъ, что уже поздно рубить дрова и что онъ-де на другой день ихъ утромъ приготовить. Не любитъ также о. Спи-

ридонъ, когда позовутъ его съ требою, или для разбирательства ссоры сельскихъ келейницъ. Особенно тяжело для него разбирательство ссоры келейницъ. О. Спиридову не дано судейской мудрости отъ природы. А каково быть судьей безъ мудрости судейской? О. Спиридонъ позналъ это горькимъ опытомъ. Когда онъ ни являлся на судилище, ему ни разу не удавалось не только рѣшить дѣло къ обоюдному согласію, даже узнать истину въ спорномъ дѣлѣ. Неоднократно О. Спиридонъ обращался къ Богу съ молитвою о дарованіи ему судейской мудрости, но молитва его не была услышана.

О. Спиридонъ больше всего цѣнилъ покой и боялся даже самыхъ мелочныхъ тревогъ. Разъ вздумала сдѣлать сборъ по чужимъ приходамъ на ризу для иконы одна изъ келейницъ о. Спиридона. Келейницу за сборъ схватили и „посадили на съѣзжую“. Это сильно опечалило о. Спиридона, съ разрѣшенія котораго производился сборъ. „Развѣ я училъ? Развѣ я говорилъ, что надо идти въ городъ? Развѣ я говорилъ, чтобъ идти безъ книги... Вотъ, и не виновать, а оправдывайся! Удалиться бы! Какъ было бы хорошо! Бросить все это... развязаться со всѣми этими... уйти куда нибудь далеко, далеко, куда никто не заглядываетъ, гдѣ все тихо, тихо. Жилъ бы себѣ и зналъ, что никого ты не разсердишь, никто на тебя не пожалуется, никто тебя не обидитъ; сдѣлалъ что—ладно, не сдѣлалъ—такъ же, и никто не будетъ ни жаловаться, ни бранить, ни пересуживать. Жилъ бы себѣ, да жилъ“.

Напрасно жаловался о. Спиридонъ на свое житье. На своихъ полатахъ онъ именно былъ „далеко, далеко“ отъ дѣйствительной жизни. По своему характеру онъ умѣлъ не только свести къ нулю свою дѣятельность, но и свою мысль. О. Спиридонъ, лежа на полатахъ, думалъ, обыкновенно, о какихъ нибудь самыхъ незначительныхъ предметахъ. „Отчего это, напр., размышляетъ о. Спиридонъ, — всѣ ребята любятъ

уголья? Поди-ка и я тоже ѣлъ уголья, и я тоже думалъ, что это вкусно. Что тутъ вкуснаго? а ребята ѣдятъ уголья и ничего"... Или: „а кто это первый выдумалъ врать, когда льютъ колоколъ? Вотъ, поди, широко разошлось вранье, когда лили колоколъ ко Спасу, — какой звонкій вышелъ! А, вѣдь, я думаю, все-таки, грѣхъ врать, хоть и при отливкѣ. Да, поди, и не правда, что отъ этого звончѣе бываетъ? — А, впрочемъ, бываетъ, что и большой колоколъ, да не звонокъ, а другой и маленькій, да какъ далеко слышно! А отчего? вотъ и пойми“!

Если мысль, зародившаяся въ головѣ о. Спиридона, имѣла жизненный характеръ и носила нѣсколько рѣзкій, опредѣленный видъ, то онъ тотчасъ же старался ее уничтожить другою мыслию, противоположною первой мысли. Является къ о. Спиридону сборщикъ изъ прихода о. Ардальона за сборомъ на колоколъ. Вспомнивъ свою неудачу при сборѣ на ризу, о. Спиридонъ подумалъ: „вѣдь, вотъ: научилъ—и ничего! и колоколъ будетъ, и ничего не выйдетъ“. Даже досадно стало на такую удачу отца Ардальона. „Но я не завидую!“ поспѣшилъ онъ прибавить и сталъ раздумывать: сдержитъ ли колокольна на Горкѣ большой колоколъ? „Вѣдь, тоже жидка! какъ много насбираютъ, такъ, пожалуй, не сдержитъ. Какъ рухнетъ! кирпичи-то во всѣ стороны!.. Не жадничай“! Но тутъ онъ замѣтилъ, что его мысли отзываются чѣмъ-то несомнѣнно хорошимъ и поспѣшилъ поправиться: „на середину повѣсить, такъ сдержитъ“.

Лежитъ отецъ Спиридонъ на полатахъ, по временамъ переворачиваясь то вверхъ лицомъ, то внизъ. Вотъ ужъ долежалъ онъ и до вечера. Пора бы спать,— да какъ станешь спать, когда еще ужина не бывало?! Ужинъ супруга о. Спиридона всегда дѣлала въ 11 часовъ. А о. Спиридону не видно съ полатей, сколько на часахъ времени? Спросить же о времени жену онъ боится, потому что супруга догадается о его намѣреніи и урекнетъ его за лѣнь, что ему крайне

не нравится. „Вотъ пѣтухи запоютъ, такъ и узнаю, что одиннадцатъ. Должно быть, скоро они запоютъ, подожду ихъ“, — утѣшаетъ себя о. Спиридонъ. — Повернувшись животомъ къ низу, смотритъ онъ на картину семейной жизни.

У лавки стоитъ свѣтецъ; въ немъ съ трескомъ пылаетъ нѣсколько лучинъ и нагорѣвшіе угли падаютъ въ корыто. Вокругъ корыта размѣстились семеро дѣтей отца Спиридона. На лавкѣ по одну сторону свѣтца сидитъ за прялкой старшая дочь и поддерживаетъ огонь, по другую—супруга отца Спиридона, мати Анна, усердно прядетъ ленъ.—Мати Анна прикрикиваетъ на ребенка, который ѣлъ угли. О. Спиридонъ начинаетъ размышлять по этому поводу о воспитаніи. „Да, надо воспитывать, надо. Воспитаніе есть долгъ родителей; родители воздадутъ отвѣтъ за своихъ дѣтей. Вотъ, отецъ Павелъ прекрасно воспиталъ своихъ дѣтей: только войдешь, сейчасъ все подь благословеніе; прекрасно!.. И меня, слава Богу, утѣшаютъ мои дѣти; слава Богу, всегда царствуетъ между ними миръ и тишина“.

„Что ты не прядешь? кричитъ мати Анна на свою старшую дочь, которая съ веретенемъ въ одной рукѣ и лучиной въ другой ждетъ, когда можно будетъ замѣнить старую лучину въ свѣтцѣ новою“.

„Да, это хорошо! размышляетъ отецъ Спиридонъ на полатяхъ:—къ труду надо приучать съ дѣтства. Кто съ дѣтства привыкнетъ трудиться, тотъ никогда не будетъ проводить время въ лѣности и праздности. Праздность матеръ всехъ пороковъ. Какъ человекъ ничего не дѣлаетъ, такъ мало ли что ему въ голову придетъ; а какъ трудится, такъ ничего не придетъ въ голову, и будетъ онъ полезенъ и себѣ и другимъ... Только я думаю, ужъ и поужинать бы; сколько-то часовъ“?

На счастье о. Спиридона заходитъ къ нему попросить саней любимый дьячекъ его Николай. Разговоромъ, правда пустымъ, о. Спиридонъ, не слѣзая

съ полатей, можетъ незамѣтно убить нѣсколько времени; а это много чего значить! По уходѣ дьячка о. Спиридонъ снова начинаетъ терпѣливо ждать ужина. Наконецъ терпѣніе его истощается. „Сколько-то часовъ? Поди, ужъ много! Вотъ, Николай приходилъ—сидѣлъ, сидѣлъ сколько времени!“ О. Спиридонъ слѣзаетъ съ полатей и садится на лавку. Часы показываютъ одиннадцатый часъ. Приходится ждать одиннадцати. И о. Спиридонъ снова продолжаетъ томительно ждать ужина. „Смотрить на свою жену, какъ она нитка за ниткой ленъ прядетъ, и кажется ему, что вотъ допрядетъ она эту нитку и велитъ накрывать на столъ. Но нитка допрядена, смотана на веретено и тянется новая нитка, а распоряженія нѣтъ. Смотритъ онъ на свѣтецъ и кажется ему, что догоритъ эта лучина и будутъ накрывать на столъ. Но лучина догорѣла, зажигается новая, а все остается постарому“. О. Спиридонъ готовъ бы прямо завести рѣчь объ ужинѣ, да, боясь жены, онъ хочетъ съиздали въ разговорѣ подойти къ ужину, но такъ и не можетъ подойти...

— Не дыми! кричитъ мати Анна на дочь, поддерживающую огонь въ свѣтцѣ.

— Да ужъ лучина горитъ, такъ безъ дыму нельзя, пристааетъ отецъ Спиридонъ:—какъ ты ей прикажешь, чтобъ она не дымила? вонъ, она какую трубу пускаетъ. Вотъ, кабы свѣчка, такъ не было бы дыму... А, говорятъ, есть такіе люди, которымъ кажется, что и свѣчка дымить, и дѣлаютъ для тѣхъ людей ужъ такія свѣчки, что собесѣмъ не дымятъ. И зажигаютъ, поди, не одну, а по три вдругъ: зажгутъ, да и повѣсятъ на стѣну! И я видѣлъ такіе подсвѣчники, что на стѣну-то вѣсятъ, поставитъ ихъ на столъ вельзя—упадутъ.

— Одиннадцать часовъ, говоритъ Катя.

— Вонъ, ужъ сколь времени! отзывается отецъ Спиридонъ:—а я думалъ, что рано. Хорошо бы часы-то съ босемъ, какъ у о. Павла. А то, говорятъ, бы-

вають часы съ кукушкой: выскочить кукушка и прокукуеть. Я думаю, у архіерея такіе часы...

Супруга о. Спиридона велить накрывать на столъ. Въ это время раздается пѣніе пѣтуха. „И абіе пѣтель возгласи“, думаетъ о. Спиридонъ, услышавъ давно ожидаемый голосъ предвѣстника ужина. Ужинъ у о. Спиридона—самый незатѣшливый: тертая рѣдька. Надоѣвшая рѣдька вызываетъ ропоть дѣтей. „Есть такіе люди, внушаетъ о. Спиридонъ дѣтямъ:—у которыхъ и рѣдьки нѣтъ, сидятъ вечеръ-то, да такъ безъ ужина и лягутъ. А у насъ, слава Богу, есть чего“... Дѣти просятъ капусты.

Мати Анна замѣчаетъ, что была бы и капуста у нихъ, если бы нѣсколько расширить огородъ. Но о. Спиридонъ возстаетъ противъ задуманнаго нововведенія, говоритъ, что это жадность, что за жадность Богъ можетъ наказать.

— Нѣтъ, нѣтъ! Богъ накажетъ! Противъ воли Божіей идти нельзя; еслибъ угодно было Богу дать намъ большой огородъ, такъ онъ и далъ бы; пріѣхали бы мы сюда, ужъ здѣсь и былъ бы большой огородъ.

— Ты еще не пробовалъ: угодно ли это Богу, или нѣтъ? осердилась мати Анна. — Лѣность-то не святѣ!

Отецъ Спиридонъ съезжился.

— Ну, Богъ съ тобой! Я, вѣдь, не къ тому, чтобъ ты не дѣлала; а вѣдь надо все предусмотрѣть раньше: семь разъ помѣрай, да однажды отрѣжь. А это ты о лѣности напрасно; я не лѣнюсь, я все дѣлаю! Ты сама знаешь это.

Послѣ ужина о. Спиридонъ залѣзъ на полати,—нѣсколько полежалъ. Потомъ слѣзъ съ полатей,—помолился Богу. И потомъ снова залѣзъ на полати—спать. „Вотъ день-то, смотришь, и прошелъ“, проговорилъ онъ, улегшись на сонъ грядущій.

Въ воскресные и праздничные дни о. Спиридонъ на полати не ложился до вечера, потому что въ

праздники онъ одѣвался въ хорошій суконный под-
рясникъ. Праздничные дни нравились о. Спиридону
своимъ звономъ, особенно къ утрени, когда сторожъ,
увидя приближающагося батюшку, начиналъ звонить
во вся и звонилъ до тѣхъ поръ, пока о. Спиридонъ
не входилъ въ церковь.

Въ праздничные дни у о. Спиридона водился
пирогъ, который его наводилъ на размышленіе, что
есть такіе люди, у которыхъ пирогъ бываетъ каж-
дый день, и есть такіе, у которыхъ пирога и въ
праздничные дни не бываетъ. Чай воскресный наво-
дилъ о. Спиридона на мысль, что въ книгахъ цер-
ковныхъ потому, видно, нѣтъ запрещеній о чаѣ, что
„въ то время не пили чаю“, иначе бы въ праздники
„было написано: разрѣшеніе вина, елея и чая“.

Пастырская дѣятельность о. Спиридона дальше
требоисправленія не шла. Онъ не въ состояніи былъ
даже сдѣлать пастырскаго наставленія прихожанину,
рѣшившемуся идти въ монастырь. Сказавши нѣсколь-
ко общихъ словъ прихожанину, о. Спиридонъ оста-
новился. „Еще что бы сказать Конону?“ думалъ онъ,
но придумать ничего не могъ. Молчаніе стало тяго-
тить собесѣдниковъ. Кононъ вздохнулъ. О. Спиридонъ
вскинулъ на него глазами, но тотъ ничего не ска-
заль. Вздохнулъ и отецъ Спиридонъ.

— Такъ ужъ ты, отецъ Спиридонъ, благослови
меня! сказаль, наконецъ, Кононъ, выручивъ такимъ
образомъ изъ неприятнаго положенія и себя и своего
батюшку.

Хотѣлось о. Спиридону, какъ замѣчено выше,
пріобрѣсти серебряную ризу на икону въ церковь.
Дѣятельность его и въ этомъ случаѣ не шла дальше
размышленій, чтобы кто нибудь сдѣлалъ крупное по-
жертвованіе на церковь. И если о. Спиридонъ „до-
жилъ“ до ризы на икону, то заслуга все-таки была
не его.

Совершенно особаго рода типъ священника, не
подходящій ни къ одному изъ вышеприведенныхъ ти-

повъ, былъ выведенъ въ 75 г. въ романѣ Мещерскаго „Женщины изъ петербургскаго большаго свѣта“. О. Іоаннъ, священникъ домовоѣ церкви знатной княгини Мытищевой былъ духовникомъ и семейнымъ другомъ Мытищевыхъ. И въ романѣ „Женщины изъ петербургскаго большаго свѣта“ онъ появляется во всѣхъ важныхъ моментахъ въ жизни семьи Мытищевыхъ. Чтобы понять личность о. Іоанна, необходимо въ двухъ-трехъ словахъ остановиться на самой семьѣ Мытищевыхъ.

Княгиня Мытищева представляетъ изъ себя холодную, гордую, эгоистичную личность. У ней есть двое дѣтей: сынъ — благородный молодой человекъ — Всеволодъ, и доброе и религіозное существо, дочь Мери. Всеволодъ хочетъ жениться на прекрасной дѣвушкѣ изъ помѣщической семьи Гагариныхъ, Лизѣ; а Мери увлекается умнымъ молодымъ врачомъ Далматскимъ. Княгиня возстаетъ противъ намѣренія сына жениться на незнатной дѣвушкѣ, и соглашается на бракъ только тогда, когда Гагарины, явившись изъ провинціи въ Петербургъ, успѣли составить въ большомъ свѣтѣ хорошую репутацію себѣ, и дочь Мери дала согласіе выйти за предложившаго ей руку князя Гоницына. Обѣ свадьбы были назначены въ одинъ день. Но состоялась только свадьба Всеволода съ Гагариной, потому что Мери, въ началѣ же брака, когда священникъ спросилъ ее: не дано ли ей обѣщанія другому прежде? упала въ обморокъ и, прохворавъ нѣсколько мѣсяцевъ, умерла, въ первый день пасхи. Князь Гоницынъ, во время болѣзни, каждодневно навѣщалъ больную и, согласно желанію Мери, читалъ ей любимую книгу ея Евангеліе.

Княгиня Мытищева хотя смотрѣла на священника своей домовоѣ церкви свысока и „никогда не могла бы себѣ представить о. Іоанна обѣдающимъ за однимъ столомъ съ нею“, однако подходила всегда подъ благословеніе о. Іоанна и нерѣдко приглашала его къ себѣ для совѣтовъ. Зная гордость княгини и

требованіе ея, чтобы говорящій съ нею „подымалъ къ ней голову, а она бы отвѣчала, опуская голову къ нему“, о. Іоаннъ давалъ совѣты и вступалъ въ споръ съ княгинею, въ случаѣ несогласія, съ тактомъ завзятаго дипломата. Роль о. Іоанна, какъ совѣтника княгини, въ общемъ сводилась къ нулю, потому что княгиня хотя и совѣтовалась съ нимъ, но все дѣлала по своему, какъ хотѣла. Не имѣя большаго вліянія на княгиню, о. Іоаннъ тѣмъ не менѣе имѣлъ сильное вліяніе на дѣтей княгини—Всеволода и Мери и принималъ живое участіе въ ихъ судьбѣ.

Княгиня Мытищера требовала, чтобы Мери выѣзжала въ свѣтъ на балы, но Мери тяготилась балами и лучше желала проводить время среди бѣдняковъ, а не среди роскоши. О. Іоаннъ, раздѣляя съ княгиней мысль о невозможности въ ихъ положеніи посѣщать баловъ, утѣшаетъ княжну и убѣждаетъ выѣзжать въ свѣтъ. „Нельзя ненавидѣть свѣтъ, не зная его вовсе: какая же это ненависть? Это капризъ“, говоритъ о. Іоаннъ, и добавляетъ, что „дѣло не въ балѣ, а въ настроеніи ума“, что „можно быть па балѣ и носить въ себѣ Бога, и можно быть въ церкви и съ бѣдными, и носить въ себѣ настроеніе совсѣмъ враждебное Богу“. Когда пріѣзжаетъ въ Петербургъ семья Гагариныхъ, о. Іоаннъ, по просьбѣ Всеволода, является къ Гагаринымъ и служитъ молебенъ. Молебенъ о. Іоанна произвелъ такое сильное впечатлѣніе на Гагариныхъ, что нѣкоторое время „послѣ молебна вся семья находилась подъ обаяніемъ, которое носилъ въ себѣ смиренный о. Іоаннъ“. Мнѣ казалось, говорила Лиза, невѣста Всеволода, что никогда не видала я священника, который бы молился такъ обаятельно, просто и горячо въ тоже время, какъ о. Іоаннъ. Послѣ молебна о. Іоаннъ даетъ Гагаринымъ совѣты, какъ держаться въ большомъ свѣтѣ и вести себя съ Мытищевой. Въ частности Лизу, которая больше всего конечно боялась княгини, онъ ободряетъ ея любовію къ Всеволоду. „Въ любви ваша

сила, ваша охрана и ваше спокойствіе, говоритъ о. Іоаннъ, пребывайте въ этой любви; въ ней вы будете съ Богомъ, а съ Богомъ бояться нечего, все перенесете—и обиды, и горечи, и нападенія; часто любовь даетъ женщинѣ силу, о которой люди и понятія не имѣютъ, — только держите ее чистою, ограждайте сердце ваше отъ всякаго наноса свѣтской суеты, и вы увидите, что всѣ эти мелкія, болѣзненные тревоги вамъ покажутся мелочью“. Уходя отъ Гагариныхъ „приготовить къ кончинѣ“ двоихъ больныхъ, о. Іоаннъ выражаетъ готовность всегда помолиться съ ними.

Предъ свадьбами и Лиза, и Мери идутъ къ о. Іоанну на исповѣдь. Лиза успѣла уже познакомиться съ большимъ свѣтомъ и едва не промѣняла Всеволода на князя Гри-Гри. О. Іоаннъ сначала выясняетъ Лизѣ, для чего нужно говѣніе предъ бракомъ; а потомъ уже приступаетъ къ исповѣди и по мѣрѣ надобности даетъ ей пастырскія наставленія. Говоря о томъ, что петербургскій свѣтъ можетъ увлечь дѣвушку въ міръ фантазіи, мечтательности, ложныхъ чувствъ и фальшивыхъ привязанностей, вызванныхъ только внѣшнимъ блескомъ, о. Іоаннъ вызываетъ Лизу на сознаніе своихъ увлеченій. Когда Лиза призналась въ своихъ увлеченіяхъ, о. Іоаннъ внушаетъ ей: „Васъ привелъ Богъ постигнуть какъ опасны тѣ увлеченія свѣта, которыя васъ обольстили, будьте благодарны за эту милость Богу, и будемте молиться, чтобъ душа ваша хранила въ себѣ сознаніе опасности и грѣховности этихъ увлеченій“. Затѣмъ о. Іоаннъ внушаетъ кающейся строгій взглядъ на бракъ, говоритъ о повиновеніи мужу, какъ главномъ условіи брачнаго порядка и согласія.

Послѣ Лизы подошла исповѣдываться Мери. Зная, что она выходитъ за-мужъ по необходимости, о. Іоаннъ совѣтуетъ ей не вдругъ рѣшаться на роковой шагъ, указывая, что, можетъ быть, она не сладитъ сама съ собою, что, можетъ быть, ее охватитъ духъ унынія. Когда Мери заявила, что она уже оконча-

тельно рѣшила выйти за Гоницына, о. Іоаннъ призываетъ на нее Божіе благословеніе. Послѣ того, какъ Мери захворала, со дня свадьбы брата, и врачи принимали всѣ средства спасти Мери лекарствами, о. Іоаннъ молился за нее. Предъ смертію Мери призываетъ о. Іоанна и говоритъ ему, что она скоро умереть. „Что же въ добрый путь! Удерживать никто здѣсь не можетъ“, говоритъ ей въ отвѣтъ о. Іоаннъ. „Готова ли?“ спрашиваетъ Лиза. „Готова!“ отвѣчаетъ о. Іоаннъ и добавляетъ, что „ни капли уже не осталось не испитою изъ ея земной чаши“, что нужно только надѣяться на милосердаго Бога, чтобы переходъ къ вѣчной жизни для нея сдѣланъ былъ легкій.

Князь Гоницынъ, до предложенія руки Мери, не задавался религіозными вопросами и въ дѣлѣ вѣры былъ круглымъ невѣждой. Сойдясь ближе съ Мери, онъ самъ неизольно увлекся ея религіозностію. И вотъ Гоницынъ является къ о. Іоанну за назиданіемъ. Гоницынъ начинаетъ съ азовъ, спрашиваетъ: что такое въ сущности религія христіанская и наша православная религія? О. Іоаннъ отвѣчаетъ, что „теоретически дать человѣку религію невозможно“, что „сдѣлать человѣка вѣрующимъ посредствомъ лекцій“—нельзя, что онъ только можетъ дать Гоницыну нѣсколько практическихъ наставленій. На вопросъ: какъ жить похристіански? о. Іоаннъ отвѣчаетъ, что нужно „любить Бога въ ближнихъ, любить ближнихъ въ Богѣ“,—а любить кого значитъ думать о немъ, любить Бога думать о Богѣ, любить ближнихъ—думать о ближнихъ,—думать же о Богѣ и ближнихъ значитъ жить для Бога и ближнихъ, наполнять свою душу заботами о ближнихъ, а о себѣ не столько заботиться. Указавъ Гоницыну одно бѣдное семейство, которому слѣдовало помочь, о. Іоаннъ открылъ Гоницыну „источникъ настоящаго блаженства въ жизни“ христіанина. Гоницынъ настолько увлекся дѣломъ оказыванія помощи нуждающимся, что рѣшился даже въ отставку выйти изъ адъютантовъ при Государѣ. Прежде онъ всетаки

счелъ нужнымъ посовѣтоваться съ о. Іоанномъ. Отецъ Іоаннъ разговорилъ Гоницына отъ такого необдуманнаго намѣренія, выяснивъ ему, что, занимая высокое положеніе въ государствѣ, онъ лучше можетъ заботиться о бѣдныхъ. „Съ наслажденіемъ отъ мысли, что вы понимаете нужды бѣдныхъ, приготовляйтесь на томъ высокомъ мѣстѣ, на которомъ васъ Богъ поставилъ, къ дальнѣйшему служенію на пользу бѣдныхъ, къ болѣе широкой сферѣ дѣятельности“,—старайтесь приготовить „сердце къ пониманію нужды и бѣдности, напр. цѣлой губерніи“.

О. Іоаннъ добрый пастырь,—принимаетъ близко къ сердцу нужды бѣдныхъ.

Въ дальнѣйшей литературѣ о духовенствѣ встрѣчаются типы священниковъ, которые мало того, что не брегутъ о нуждахъ народа, а даже еще сами тѣснятъ народъ. Таковы два отца Андрея (отецъ и сынъ) въ повѣсти Забытаго: „Велѣно пріискивать“. О. Андрей сынъ — представитель молодаго духовенства, а его отецъ—представитель духовенства стараго.

Непривлекательная личность—о. Андрей старикъ какъ по своей внѣшней фигурѣ, такъ и по своимъ внутреннимъ качествамъ. Голый, неуклюжій черепъ, короткій тупой носъ, какая-то волнистая нечесаная борода,—вотъ внѣшняя фигура о. Андрея. Прибавьте къ этому, что ходитъ онъ, обыкновенно, въ простой рубахѣ и въ рукахъ постоянно имѣетъ берестовую табакерку. Впрочемъ не много привлекательности получается, если о. Андрей вздумаетъ принарядиться. Въ этомъ случаѣ онъ надѣваетъ свой „нанковый безъ подкладки подрясникъ“. Подрясникъ о. Андрея, во-первыхъ, коротокъ до *pes plus ultra*; а затѣмъ, какъ онъ смятъ—трудно себѣ и представить! „Можно подумать, что дней пять жевали его коровы, и потомъ отнятый у нихъ и высушенный на печи, онъ попалъ на плечи іерея“. Такой непривлекательной наружности о. Андрея соотвѣтствуютъ и его внутреннія качества. О. Андрей не пастырь своего прихода, а наемникъ. Онъ

смотреть на свой приходъ, исключительно какъ на доходную статью. Прижать прихожанъ для него ничего не значить. Своихъ прихожанъ - мужиковъ онъ не иначе понимаетъ, какъ „окаянный народъ“, который „баловать ни подъ какимъ видомъ нельзя“. „Мужика что переломишь, то и выгадаешь, а не переломишь, поддался — конецъ: совсѣмъ тебя на нѣтъ сведеть. Тогда назначь ему хоть цѣлковый за свадьбу, онъ и то полтинникъ тебѣ принесетъ. Да что цѣлковый? Гривенникъ проси—онъ пятакъ дастъ. Въ рукахъ нужно держать этотъ народъ, въ ежовыхъ рукахъ“. И о. Андрей дѣйствительно держитъ своихъ прихожанъ „въ ежовыхъ рукахъ“. Когда у мужика какаянибудь къ нему „нужда“, напр. свадьба, тутъ ужъ о. Андрей безпощаденъ. Сколько потребуетъ съ мужика денегъ, не уступить потомъ ни копейки, хоть проси, хоть не проси! Получая съ народа обезпеченіе, о. Андрей не считаетъ своимъ долгомъ платить за этотъ доходъ народу добромъ. Когда о. Андрей узнаетъ отъ сына, что его сноха ходитъ за больными прихожанами, утѣшаетъ ихъ въ горѣ, даетъ имъ совѣты, старикъ высказывается совершенно противъ такого образа дѣйствій. „Вотъ за это ужъ не похвалю. Какъ это можно? Что это за нѣжности такія? Ихъ баловать ни подъ какимъ видомъ нельзя. Послѣ сами наплачетесь. Лиха бѣда—съ перваго разу имъ поблажку дать, ну, и пиши пропало. Съ перваго разу ихъ и придавить-то надо“...

Сила гнетущая, о. Андрей вышихъ стремленій не чувствуетъ. Могли бы, быть можетъ, настроить его на возвышенный ладъ книги, но книгъ онъ не читаетъ. Читать книги, по его мнѣнію, ребячество. „Книжку сколь ни читай, а все ѣсть захочешь. Вотъ и надо обдумать, что поѣсть, какъ поѣсть, да какъ и на будущее сберечь, чтобы голодному не сидѣть“. Если у о. Андрея и можно встрѣтить какойнибудь журналъ, напр. „Руководство для сельскихъ пастырей“, то онъ не потому появляется у о. Андрея,

чтобъ тотъ вздумалъ почитать журналъ, а потому, что „велѣно“ выписать—ничего не подѣлаешь! Кромѣ того, что о. Андрей совершенно не любитъ читать книги, онъ, нужно сказать, и боится ихъ. „Вѣдь, можно начитаться, бѣзнать чего, — разсуждаетъ онъ. Читаетъ, думаешь хорошо, а тамъ глядишь — зло-вредность, пагуба“. Врагъ вольнодумства и, въ тоже время, всякихъ идеальныхъ стремленій, отецъ Андрей—практикъ до глубины души. Когда онъ является съ сыномъ сватать невѣсту, онъ съ такимъ вниманіемъ относится къ приданому невѣсты, что больше и требовать нельзя. Онъ не только осматриваетъ домъ, конюшню, овчарню, даже заглядываетъ въ кухонную печь и справляется о курятникѣ.

Сынъ о. Андрея—Андрей Андреичъ уродился въ батюшку: многими сторонами своего характера и возрѣній напоминаетъ онъ отца. Андрей Андреичъ только что кончилъ курсъ въ семинаріи и поступилъ въ священники. Въ семинаріи Андрей Андреичъ былъ не изъ лучшихъ учениковъ,—учился „такъ себѣ“. Влеченія къ наукамъ онъ не чувствовалъ. „Съ одинаковымъ равнодушіемъ изучалъ физику и пророка Іезекиіля, философію и гомиетику, педагогику и греческій языкъ. Ни одного семинарскаго учебника онъ не зналъ вполнѣ“. Сознвая, что лучше кончить курсъ, чѣмъ не кончить, Андрей Андреичъ заботился только о переходѣ изъ класса въ классъ, для чего старался готовить уроки къ тѣмъ классамъ, въ которые, по его мнѣнію, его должны были спросить. Андрей Андреичъ читалъ иногда книги, но читалъ только затѣмъ, чтобъ убить время. Читалъ онъ, обыкновенно, свѣтскія книги и притомъ безъ всякаго разбора и плана. Съ особеннымъ удорольствіемъ Андрей Андреичъ читалъ такія повѣсти и рассказы, въ которыхъ въ смѣшномъ видѣ изображалось духовенство, при чемъ при чтеніи испытывалъ чувство какого-то непонятнаго злорадства. Живя на квартирѣ, Андрей Андреичъ пользовался всеми прелестями свободной жизни квартир-

ныхъ воспитанниковъ, — любилъ принимать участіе въ разговорахъ кощунственныхъ и циническихъ. Кончилъ въ семинаріи курсъ Андрей Андреичъ „съ клочками и хвостиками изъ обширнаго круга наукъ и съ бродячими, отрывочными, мимолетными свѣдѣніями изъ чего-то такого, этакого. Серьезной подготовленности—ни къ чему, убѣжденій — никакихъ, взглядъ на жизнь—верхъ легкомыслія, понятіе о себѣ самое высокое,—вотъ добродѣтели, съ какими Андрей Андреичъ выступилъ изъ школы въ жизнь“.

По окончаніи курса, Андрей Андреичъ поступаетъ въ приходъ въ священники. Женится на сиротѣ, дочери умершаго кафедральнаго протоіерея Пурикордова, за которою было зачислено архіереемъ мѣсто. Женится онъ, повидимому, счастливо. Невѣста у него была дѣвушка умная, добрая, кроткая и нѣсколько наивная. Сдѣлавшись женою Андрея Андреича, Елена Яковлевна привязалась къ мужу и полюбила его. Первое время послѣ женитьбы Андрей Андреичъ чувствовалъ себя хорошо, хотя нужно добавить, что чувство это носило животный характеръ: онъ „чувствовалъ себя какъ послѣ сытнаго питательнаго обѣда. По всему существу разливалось ощущеніе лѣнливой нѣги“. Но семейное счастье долго продолжаться не могло. „Всѣ сокровенныя духовныя струны супруговъ были настроены на совершенно разные тоны. Взгляды, вкусы, симпатіи и желанія у обоихъ были различны“.

Жена о. Андрея была доброе существо. Горе крестьянъ она принимала близко къ сердцу,—и мужу совѣтовала быть пастыремъ добрымъ, и сама старалась, по возможности, явиться другомъ народа: посѣщала больныхъ, давала совѣты прихожанамъ, дѣлала увѣщанія пьяницамъ и т. п. Хотя дѣятельность ея часто не достигала цѣли, но прихожане полюбили свою понаядю, называли „маменькой“, „ангеломъ“.— О. Андрей на первыхъ порахъ заинтересовался ролью „пастыря“ и „учителя“, — и означеновать начало ва-

стырской дѣятельности вступительной бесѣдою съ прихожанами, въ которой между прочимъ указывалъ слушателямъ, что онъ, можетъ быть, и худъ, и слабъ для такого великаго служенія. Народъ послѣ бесѣды вынесъ убѣжденіе, что онъ, сравнительно съ предшественникомъ, дѣйствительно, худой и плохой священникъ,—жидковатъ.

Прихожане не ошиблись въ выводѣ. Скоро о. Андрей оставилъ всякія идеальныя стремленія о пастьерскомъ служеніи, и подобно отцу своему, смотрѣлъ уже на приходъ, какъ только доходную статью. Надъ добрымъ отношеніемъ жены къ прихожанамъ сталъ онъ насмѣхаться и даже жаловался на нее отцу своему, который прочиталъ своей невѣстѣ указанное выше отеческое наставленіе... „А, вѣдь, собственно говоря, папаша молодець, думалъ Андрей Андреичъ, ѣдучи уже домой. — Многое понимаетъ... практиченъ какъ! Прежде я какъ-то не замѣчалъ этого... Мужики... дѣйствительно — этакіе хамы, бестіи, какъ посмотришь поближе“... Понятно и безъ лишнихъ словъ, каково должно было сдѣлаться отношеніе о. Андрея къ своимъ „хамамъ“.

О. Андрей заводитъ дружбу съ небогатымъ помѣщикомъ Бочкинымъ, человѣкомъ безъ убѣжденій и безъ правилъ жизни, который любилъ только „выпить, поиграть въ картишки и промыслить насчетъ клубнички“. У Бочкина была цѣлая тетрадь скандальныхъ стиховъ и коллекція безнравственныхъ фотографій.

О. Андрей съ перваго раза понравился Бочкину своею развязностію. „Вы батюшка,—сказалъ онъ,—вовсе не походите на своихъ предшественниковъ: въ васъ есть нѣчто свѣжее, выдающееся“. „Да ужъ пора намъ отстать отъ затхлой рутины“, — самодовольно отвѣтилъ Андрей Андреичъ. Въ разговорѣ съ Бочкинымъ о. Андрей оказывается положительно жалкимъ. — Бочкинъ рекомендуетъ о. Андрею свою жанку.

— Да... у васъ жена, а у меня дѣвка,—продолжалъ хозяинъ, заваривая чай:—а есть ли тутъ какая разница—этотъ вопросъ филосогами еще не рѣшенъ... Подвигайтесь-ка поближе...

— Конечно, въ социальномъ отношеніи... — отозвался сконфуженно Андрей Андреичъ, пододвигая къ столу стулъ.

— Да такъ, вѣрно,—перебилъ хозяинъ, наливая гостю стаканъ. — Хотя *ты* тамъ вяжешь и рѣшишь, а этого вопроса не разрѣшишь...

— „Азъ точію свидѣтель“, сказано,—проговорилъ батюшка.

— То-то и дѣло-то: ты-то всему свидѣтель, а у тебя-то нѣтъ свидѣтелей. Шутъ тебя знаетъ, что ты тамъ раздѣлываешь.

— Нѣтъ, и у меня есть свидѣтель...

— Ну, какой тамъ?.. Свой братъ тоже... Впрочемъ, я пошутилъ. Вѣдь у тебя жена хорошенькая... Что жъ ты ее любишь?

— Еще бы!

— Какъ это „еще бы“? Какъ будто жену непременно ужъ любятъ. Жена у васъ большею частію—заданная тема; а на заданную тему любить нельзя. Любовь должна быть свободна, какъ сама свобода. По-моему, гдѣ любовь, тамъ и жена, а вовсе не наоборотъ. Можно и жену не любить и не-жену любить. Такъ ли?

— Не знаю, не испыталъ.

— Ну, полно притворяться-то... Впрочемъ, и съ пристяжной женой можно жить не дурно: все зависитъ отъ искусства уладить отношенія. Великій Пушкинъ изрекъ на этотъ счетъ высокую и практическую истину:

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ легче нравимся мы ей.

Значитъ, весь секретъ въ томъ, чтобы выбрать себѣ миленькій персонажикъ и отнѣсать ему любви черезъ

часть по ложкѣ,—и будешь счастливъ“. Въ этомъ родѣ продолжается разговоръ далѣе. И о. Андрей на безтолковщину разсужденій Бочкина не можетъ сказать ни одного дѣльнаго и трезваго слова! Наоборотъ, онъ соглашается съ Бочкинымъ, и даже взгляды его примѣняетъ на практикѣ. Послѣ визита къ Бочкину, къ женѣ своей онъ сталъ выказывать прямое нерасположеніе, и началъ обнаруживать симпатіи къ своей свояченицѣ.—Нужно ли говорить, что, ведя съ о. Андреемъ бесѣду, Бочкинъ показалъ о. Андрею и тетрадь со стихами и коллекцію фотографій съ комментаріями?! Прощаясь съ Бочкинымъ уже ночью, о. Андрей обѣими руками крѣпко сжалъ его руку и восторженно воскликнулъ: „Александръ Ивановичъ! Я въ васъ нашелъ такого человѣка... такого... Благодарю васъ!“ На прощаньи о. Андрей проситъ у Бочкина книжекъ для жены. Бочкинъ даетъ ему „Физиологію брака“ и „Петербургскія трущобы“.—Жена истомилась отъ скуки, ожидая мужа. И вотъ онъ ей привозитъ для развлечения книжки. Прежде она читала книги „божественныя“,—настойной книгой ея было „Сокровище духовное отъ міра собираемое“; а тутъ вдругъ... „Физиологія брака“. О. Андрей завязалъ еще дружбу съ мельникомъ, другомъ Бочкина, и сталъ въ этой компаніи пьянствовать и картежничать. Елена Яковлевна, понявъ свое несчастіе, стала чахнуть и скоро умерла.

Послѣ смерти жены, Андрей Андреичъ выдержалъ при семинаріи экзаменъ на первый разрядъ и поступилъ въ академію съ намѣреніемъ принять монашество.

А. Поповъ.

(Продолженіе будетъ)

РАСКОЛЬ ДОНАТИСТОВЪ.

IV.

Борьба церкви съ расколомъ въ первое десятилѣтіе V в.

Переходъ нѣкоторыхъ изъ раскола въ церковь и изъ церкви въ расколъ. — Соборъ въ Карфагенѣ въ 401 году. — Православные различно поступаютъ при чинопріемѣ донатистскихъ клириковъ. — Переходъ нѣкоторыхъ донатистовъ въ церковь. — Насильственное обращеніе Кристиномъ крестьянъ въ расколъ. — Poleмика съ расколомъ бл. Августина. — Семь книгъ о крещеніи противъ донатистовъ. — Сочиненіе противъ Центурія и письмо къ Нанцецію. — Вторая книга противъ Петиліана. — Сочиненіе о единствѣ церкви. — Третья книга противъ Петиліана.

Не смотря на энергическую борьбу съ расколомъ бл. Августина въ концѣ IV вѣка, изъ лицъ оставившихъ расколъ въ началѣ V вѣка намъ извѣстенъ только донатистскій епископъ Ассурита Рогать, а число оставившихъ православную церковь и переходившихъ въ расколъ въ это время было очень значительно. Между прочимъ въ это время перешелъ въ расколъ православный инодіаконъ Примъ, лишенный сана за свои преступныя связи съ ноннами. Перекрещенный донатистами, онъ присталъ къ циркумцелліонамъ и предавался пьянству и распутству ⁽¹⁾. Въ тоже время перешла въ расколъ и поступила въ

⁽¹⁾ Epist. 35.

одинъ изъ донатистскихъ монастырей дочь одного крестьянина, находившаяся въ числѣ оглашенныхъ. Отецъ началъ-было насиліями и побоями принуждать ее оставить расколъ, но бл. Августинъ остановилъ его. „Православная церковь, говорилъ онъ, можетъ принять ее только тогда, когда она по своей собственной волѣ пожелаетъ этого“. Тѣмъ не менѣе не смотря на такое уваженіе Августина къ убѣжденіямъ донатистовъ и самъ онъ не избѣгъ оскорбленій съ ихъ стороны. Такъ донатистскій пресвитеръ Прокулеянъ однажды публично оскорбилъ его на улицѣ Иппона. Августинъ кротко перенесъ это оскорбленіе, но желая обезопасить себя отъ оскорбленій на будущее время, сообщилъ объ этомъ случаѣ гражданскому чиновнику Евсевію.

Въ виду такихъ явленій православные епископы 16 іюня 401 года составили соборъ въ Карфагенѣ. На этомъ соборѣ подтверждено было опредѣленіе иппонскаго собора 393 года о признаніи дѣйствительнымъ крещенія дѣтей, совершеннаго донатистами. Кромѣ того постановлено было чрезъ депутатовъ просить разрѣшенія у римскаго епископа Анастасія и миланскаго Венерія принимать въ православную церковь донатистскихъ клириковъ въ ихъ санѣ ⁽¹⁾.

Черезъ четыре мѣсяца получена была отъ Анастасія отвѣтная грамота. Римскій епископъ увѣщевалъ африканскую церковь неослабно вести борьбу съ донатизмомъ, просилъ сообщать ему о притѣсненіяхъ и жестокостяхъ, причиняемыхъ донатистами православнымъ, и разрѣшалъ принимать въ церковь

(1) Дѣянія девяти помѣстныхъ соборовъ въ русскомъ переводѣ, изданныя при Казанской дух. акад. Правило 57. Иппонскій соборъ 393 г. уже просилъ разрѣшенія у европейскихъ церквей принимать въ церковь донатистскихъ клириковъ въ ихъ санѣ и получилъ разрѣшеніе. Но теперь вторично испрашивается разрѣшеніе; потому что, послѣ иппонскаго собора, на римскомъ соборѣ было рѣшено принимать въ церковь донатистскихъ клириковъ простыми мірянами.

донатистскихъ клириковъ въ ихъ санѣ. По прочтеніи грамоты на соборѣ африканскіе епископы принесли благодареніе Богу и рѣшили дѣйствовать относительно донатистовъ „кратко и миролюбиво“ (1).

Затѣмъ соборъ опредѣлилъ: А) Отправить къ областнымъ властямъ Африки грамоты и просить ихъ о вспоможеніи общей матери — католической церкви, чтобы они сдѣлали изслѣдованіе о томъ, что произошло во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ максиміанисты овладѣли церквами, а равно и о тѣхъ лицахъ, которыя, подъ ихъ вліяніемъ, сдѣлались схизматиками.

Б) Послать грамоты братьямъ и соепископамъ нашимъ, что Африка имѣетъ большую нужду, — ради мира и пользы церкви и самихъ донатистовъ, — тѣхъ, которые покаются и изъявятъ намѣреніе присоединиться къ католическому единству, согласно выбору и желанію каждаго мѣстнаго католическаго епископа, принимать въ ихъ степеняхъ священства, если это служить къ умиротворенію христіанъ.

В) Послать, по окончаніи дѣяній сего собора, изъ среды членовъ собора уполномоченныхъ къ епископамъ самихъ донатистовъ, гдѣ таковыя есть, или къ мірянамъ, — для возвышенія имъ мира и единенія, безъ чего не можетъ состояться спасеніе. Черезъ этихъ пословъ да содѣлается извѣстнымъ всѣмъ, что донатисты не имѣютъ никакого благовиднаго предлога противиться католической церкви. Особенно же, ради большей убѣдительности, да будетъ извѣстно изъ городскихъ дѣлъ (протоколовъ), какъ сами они поступали съ максиміанистами, своими отщепенцами. Нѣкоторыхъ изъ числа тѣхъ, кого они явно осудили властію своего совѣта, они же потомъ принимали въ ихъ степеняхъ священства и признавали креще-

(1) Дѣянія девяти помѣстныхъ соборовъ въ русскомъ переводѣ, изданныя при азанской дух. акад. Правило 67.

ніе, совершенное лицами осужденными или изверженными ими. Этимъ доказывается какъ неосновательно сопротивляются они миру по всему міру распространенной церкви, отстаивая Донатову сторону и не признавая оскверненіемъ для себя общеніе съ тѣми, кого приняли въ общеніе съ собою лишь по нуждѣ въ мирѣ. Они препираются съ нами, то есть съ католическою церковію, простирающеюся даже до послѣднихъ предѣловъ земли, и не могутъ понять, что противорѣчатъ сами себѣ, вступая въ общеніе съ тѣми, кого прежде сами всѣ осудили“ (1).

Миролюбивыя въ отношеніи къ расколу опредѣленія собора 401 года сопровождались добрыми послѣдствіями для церкви. Вскорѣ послѣ собора нѣкто Θεодоръ спрашивалъ Августина, какъ принимать въ церковь донатистскихъ клириковъ (2). Послѣдній отвѣчалъ Θεодору, что хиротонія, полученная донатистскимъ духовенствомъ, можетъ служить на пользу церкви, что церковь, при обращеніи къ ней донатистовъ, должна признать дѣйствительными въ нихъ св. крещеніе, благодать хиротоніи, иноческіе обѣты, вѣру въ св. Троицу и проч. Самъ Августинъ теперь принималъ въ церковь двухъ донатистскихъ діаконовъ, не лишая ихъ сана (3). Нѣкоторые изъ донатистскихъ клириковъ, по переходѣ въ церковь, за свое поведеніе и дарованія получали даже высшій санъ. Такъ нѣкто Сабинъ (4), изъ Тукка, имѣвшій въ расколѣ санъ пресвитера, по переходѣ въ церковь, по желанію общества, получилъ санъ епископа. Простыми мірянами Августинъ принималъ только тѣхъ донатистскихъ клириковъ, которые

(1) Дѣянія девяти помѣстныхъ соборовъ въ русскомъ переводѣ, изданныя при Казанской дух. акад. Правило 69.

(2) Epist. 61.

(3) Epist. 78.

(4) Coll. carth. d. 3, p. 130.

или перекрещивали кого ⁽¹⁾, или не родились въ расколѣ, а сами перешли въ него ⁽²⁾. Нѣкоторые изъ православныхъ епископовъ считали это ограниченіе излишнею строгостію и принимали въ церковь клириками и тѣхъ, которые сами перешли въ расколъ. А другіе епископы, напротивъ, вовсе не принимали въ церковь тѣхъ, которые сами оставили ее. Августинъ, въ одной изъ своихъ проповѣдей ⁽³⁾ выражая глубокую скорбь о лицахъ, самовольно оставившихъ церковь, совѣтовалъ, при приѣмѣ ихъ въ церковь, обращать особенное вниманіе на то, искренно ли было раскаяніе этихъ лицъ. Самъ Августинъ съ особенною осторожностію принималъ въ церковь тѣхъ, которые желали оставить расколъ съ цѣлію избѣжать наказанія за проступки. Подобнымъ лицамъ Августинъ совѣтовалъ, до перехода въ церковь, перенести наказаніе, наложенное на нихъ въ расколѣ ⁽⁴⁾. „Одинъ донатистъ, пишетъ онъ ⁽⁵⁾, будучи уже осужденъ и отлученъ своими, переходилъ къ намъ, чтобы здѣсь получить то, что потерялъ тамъ. Но такъ какъ мы не хотѣли принять его такимъ, то онъ не получилъ того, чего искалъ; онъ искалъ суетной кичливости и ложной чести, но не нашелъ ихъ и погибъ. Онъ вздохнулъ, какъ пораженный и безутѣшный. Онъ чувствовалъ страшное угрызеніе совѣсти. Мы предложили ему въ утѣшеніе слово Божіе; но онъ не принадлежалъ къ разумнымъ и разсудительнымъ муравьямъ, которые въ зиму живутъ тѣмъ, что собрали лѣтомъ. Онъ ничего не нашелъ въ себѣ самомъ и вокругъ себя. Его тихій вздохъ остался совершенно пустымъ звукомъ въ воздухѣ. Мы плакали о такомъ наказаніи, такомъ му-

(1) Con. Crescon. don. p. 43. Epist. 183.

(2) De un. bapt. p. 20. Epist. 245.

(3) Serm. 296.

(4) Epist. 35.

(5) Serm. 2 in psalm. 35.

чені, такомъ адѣ. Но онъ не раскаялся и палъ подъ тяжестью грѣха. Иначе поступилъ донатистъ Квдовултдевь. За двукратное нарушеніе супружеской вѣрности онъ былъ отлученъ донатистами, но, обратившись къ церкви, принесъ истинное раскаяніе (¹).

Теперь же присоединился къ церкви и основатель раскола максиміанистовъ, Максиміанъ, епископъ багайскій (²), съ своимъ братомъ Касторомъ, при чемъ Максиміанъ вскорѣ по переходѣ въ церковь отказался отъ багайской каѳедры, а избранный ему въ преемники братъ его Касторъ принялъ санъ епископа только по настоятельной просьбѣ Августина. „Дарованіями, которыми Богъ надѣлилъ тебя, писалъ ему Августинъ, умомъ, разсудительностію, краснорѣчіемъ и выдержанностію ты долженъ послужить Богу, потрудишься на Его полѣ, чтобы на немъ произросли плоды“.

Были примѣры обращенія донатистовъ къ церкви и цѣлыми обществами. Такъ напр. по предложенію одного римскаго сенатора Паммахія согласились оставить расколъ крестьяне, жившіе на его участкѣ земли въ Нумидіи. Бл. Августинъ, узнавъ объ этомъ, писалъ особое письмо Паммахію (³).

Бывали, впрочемъ, и въ это время случаи значительныхъ отпаденій отъ церкви въ расколъ. Такъ донатистскій епископъ Каламы, Криспинъ, купивши участокъ земли около Иппона, называвшійся Маппалія, перекрестилъ около восьмидесяти православныхъ крестьянъ, жившихъ тамъ. Въ своемъ письмѣ къ Криспину по этому поводу (⁴), Августинъ указывалъ ему на законъ императора Θεодосія, по которому можно

(¹) *Con. lit. Pet.* 3, 37.

(²) Прежде Максиміанъ былъ епископомъ карфагенскимъ, а теперь, можетъ быть, былъ вынужденъ приміанистами оставить Карфагенъ и перейти въ Багай.

(³) *Epist.* 58.

(⁴) *Epist.* 66.

было бы взять съ него по десяти фунтовъ золота за cadaго перекрещеннаго. Но я, писалъ Августинъ, не желаю этого, предоставляя это дѣло суду Божію. Я прошу тебя только о томъ, чтобы ты въ присутствіи перекрещенныхъ крестьянъ бесѣдовалъ со мною. Тогда крестьяне могутъ узнать истину и, согласно своему убѣжденію, или останутся въ расколѣ или присоединятся къ церкви. Криспинъ отказался отъ бесѣдованія.

Обратимся къ обзору литературной полемики бл. Августина противъ донатистовъ. Около 401 и 402 годовъ онъ написалъ слѣдующія сочиненія: *семь книгъ о крещеніи противъ донатистовъ*, „Сочиненіе противъ донатиста Центурія“, „Письмо къ Нанцецію“, „Вторую книгу противъ Петиліана“, „Письмо къ православному противъ донатистовъ“, „О единствѣ церкви“, „Третью книгу противъ Петиліана“.

Въ книгахъ о крещеніи Августинъ останавливается на слѣдующихъ вопросахъ: а) Какъ должно относиться къ крещенію схизматиковъ? Дѣйствительно оно или нѣтъ? (кн. 1). б) Могутъ ли донатисты ссылаться на св. Кипріана (кн. 2—5) и в) Что было высказано о крещеніи еретиковъ на карфагенскомъ соборѣ, бывшемъ при Кипріанѣ (кн. 6—7).

Останавливаясь на вопросѣ о томъ, какъ должно относиться къ крещенію схизматиковъ, Августинъ пишетъ: крещеніе схизматиковъ есть истинное крещеніе Иисуса Христа, а потому дѣйствительно ⁽¹⁾. Но крещеніе раскольниковъ есть незаконное, есть грѣхъ, и пребываніе въ схизмѣ уничтожаетъ спасительную силу крещенія, пока крещеный не перейдетъ въ церковь. Поэтому если кто, будучи при смерти, за отсутствіемъ въ этомъ мѣстѣ православнаго священника, крестится у донатистовъ, но при этомъ остается въ церкви, это достойно похвалы; но если онъ кре-

(1) Liber. 1, p. 2.

стился у донатистовъ тогда, когда могъ креститься у православныхъ, это достойно порицанія (¹).

Что крещеніе раскольниковъ есть (хотя они не принадлежать къ церкви) истинное крещеніе, Августинъ старается доказать это указывая на то, что Господь прежде основанія церкви, установилъ и совершилъ таинства. Этимъ, говоритъ онъ, Господь показалъ, что таинство имѣетъ силу само въ себѣ, хотя совершено и внѣ церкви. Съ тою же цѣлію Августинъ припоминаетъ рассказъ св. писанія о чловѣкѣ, который именовъ Иисуса Христа изгонялъ бѣсовъ тогда, когда еще не былъ ученикомъ Его (Лук. 9, 49) (²), и о Корнилѣ сотникѣ, молитва котораго была услышана Богомъ до его обращенія, когда онъ еще не получилъ благодати (³). Въ виду того, что при такомъ ученіи кто нибудь могъ сказать, что если по сознанію католической церкви у донатистовъ есть крещеніе, то онъ предпочтетъ вѣрное сомнительному и приметъ крещеніе у донатистовъ, Августинъ утверждаетъ, что кто говоритъ такъ, тотъ грѣшитъ, потому что крещеніе донатистовъ есть незаконное и безправное, хотя и истинное крещеніе. „У нихъ благодать крещенія является лишь тогда, когда они возвращаются къ церкви“ (⁴). Спасительная сила крещенія, по Августину, уничтожается у нихъ упорствомъ въ схизмѣ. Тотъ испытываетъ меньшій вредъ, кто по незнанію крестился у донатистовъ, чѣмъ тотъ, кто могъ знать и зналъ.

Августинъ доказываетъ, что *донатисты, имѣя истинное крещеніе, теряютъ его благодать и дѣйствіе*. Донатисты, говоритъ Августинъ, спрашиваютъ меня, крещеніе Христа у насъ донатистовъ возрож-

(¹) Liber. 1, 3.

(²) Ibid. 9.

(³) Ibid. 10.

(⁴) Ibid. 6—7.

даетъ ли дѣтей, или нѣтъ? Если отвѣтимъ положительно, то они говорятъ: мы составляемъ единую, истинную церковь, которая одна только чрезъ крещеніе можетъ рождать чадъ Божіихъ; если отвѣтимъ отрицательно, то насъ спрашиваютъ, почему же мы не перекрещиваемъ ихъ“ (1)? Я отвѣчаю такъ: „возрожденіе, произведенное крещеніемъ, тщетно и не даетъ наслѣдія царства Божія, если крестившійся остается въ схизмѣ или въ церкви принадлежитъ къ безбожникамъ“ (2). У кого нѣтъ любви, тотъ напрасно родился, и его рожденіе, вѣроятно, не поможетъ ему. Гордецы, не принадлежащіе законной матери, будутъ отвергнуты съ Измаиломъ и не получатъ наслѣдства съ Исаакомъ, сыномъ Сарры“. Продолжая свое сопросничество донатисты спрашиваютъ: „въ донатистскомъ крещеніи сообщается ли прощеніе грѣховъ? Если мы, говоритъ Августинъ, отвѣтимъ утвердительно, то они говорятъ: слѣдовательно у насъ есть Святой Духъ и истинная церковь, потому что внѣ церкви Св. Духъ не прощаетъ грѣховъ; если отвѣтимъ отрицательно, тогда они спрашиваютъ насъ: почему же мы не перекрещиваемъ переходящихъ къ намъ донатистовъ (3)? Я отвѣчу: гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ и прощенія грѣховъ. Такъ какъ Симонъ (магъ) послѣ крещенія согрѣшилъ, то онъ не имѣлъ части въ царствѣ Божіемъ. Хотя крещеніе и есть возрожденіе, но чрезъ него схизматику только тогда прощаются грѣхи, когда онъ возвращается къ церкви; тогда въ немъ оживетъ благодать крещенія, которое онъ уже получилъ и которое не можетъ быть повторено надъ нимъ“ (4).

(1) Liber. 1, 13.

(2) Ibid. 14.

(3) Ibid. 15.

(4) Ibid. 18.

Въ моментъ крещенія, по Августину (¹), наступаетъ полное прощеніе грѣховъ; но у нечестивыхъ и схизматиковъ грѣхи тотчасъ же возвращаются, подобно тому, какъ кто изъ темнаго мѣста чрезъ освѣщенный проходъ опять вступаетъ во мракъ. Въ доказательство Августина ссылается на примѣръ жестокосердаго раба, который получилъ уже прощеніе долга, но потомъ опять былъ брошенъ въ темницу, такъ какъ у него не доставало любви (Еван. Матѳ. 18 гл.). По мнѣнію Августина даже тотъ, кто крестится у донатистовъ въ моментъ смерти, получивъ при крещеніи прощеніе грѣховъ, умираетъ всетаки въ грѣхахъ, если въ сердцѣ его не пробудилось никакого раскаянія (²). Итакъ Августинъ раздѣляетъ силу и дѣйствіе крещенія въ себѣ, которое у донатистовъ тоже, что и въ церкви, и превратное состояніе сердца крещеннаго, чрезъ которое онъ лишается благодати крещенія. „Измаилу повредила не мать его, раба, а его ненависть къ брату; поэтому, если вы упорствуете въ ненависти и расколѣ, то вы должны ожидать жребія Измаила“ (³). Тѣ, которые крещены, но не имѣютъ любви, суть плотскіе (1 Кор. 13, 1) и не слышатъ ничего, что отъ Духа Божія.

Донатисты ссылались на мнѣніе св. Кипріана, который утверждалъ, что еретиковъ, возвращающихся къ церкви, должно крестить и освящать крещеніемъ церкви. Признавая, что мнѣніе св. Кипріана дѣйствительно было таково, бл. Августинъ обращаетъ особенное вниманіе на тотъ фактъ, что предложивъ свое мнѣніе на карагенскомъ соборѣ, св. Кипріанъ вполне предоставлялъ епископамъ собора право — слѣдовать или нѣтъ его мнѣнію. „Теперь, говорилъ св. Кипріанъ, каждый изъ насъ долженъ высказать, что онъ

(¹) Liber. 1, 19.

(²) Ibid. 21.

(³) Ibid. 23.

думаетъ, но—такъ, чтобы намъ не осудить и не удалить отъ общенія никого изъ тѣхъ, кто держится другаго убѣжденія, чѣмъ мы; такъ какъ никто изъ насъ не рѣшится быть епископомъ епископовъ, никто деспотически и насильственно не принудить другаго къ послушанію. Каждый епископъ, по праву свободы и власти, имѣетъ свою собственную волю, и какъ другіе не могутъ судить его за это, такъ и онъ не можетъ судить другихъ. Мы ожидаемъ суда отъ нашего общаго Господа, Иисуса Христа, Который одинъ только имѣетъ власть поставлять насъ въ церкви для ея управленія и судить о нашихъ дѣйствіяхъ“. Изъ этихъ словъ Кипріана къ собору донатисты могли ясно видѣть, что они не имѣли права ссылаться на этого св. отца, какъ на защитника ихъ убѣжденій ⁽¹⁾. Подобное же писалъ Кипріанъ Юбайну. „Петръ, писалъ онъ, представилъ намъ примѣръ единства и мира, чтобы мы безъ упорства любили свое, но принимали бы за свое и то, что иногда у нашихъ братьевъ и товарищей находимъ полезнымъ и спасительнымъ, если только оно истинно и законно“ ⁽²⁾. Развивая мысли Кипріана бл. Августинъ пишетъ: въ посланіи къ Коринѳянамъ апостоль Павелъ говоритъ, что извѣстнымъ людямъ нѣкоторыя вещи открыты лучше, чѣмъ другимъ (1 Корин. 14, 29. 30), а потому каждый не долженъ упорно держаться однажды принятаго имъ, а долженъ усвоить и то, что представлено ему болѣе полезнымъ и лучшимъ ⁽³⁾. Кипріанъ, по примѣру епископа Агриппина, твердо держался того мнѣнія, что всѣхъ еретиковъ, переходящихъ въ церковь, должно перекрещивать; но это не мѣшало ему, при мысли о различіи церковной практики, прибавить: „но кто нибудь скажетъ, что было

⁽¹⁾ Liber. 2, 4. 6.

⁽²⁾ Ibid. 5.

⁽³⁾ Ibid. 13.

съ тѣми еретиками, которые прежде возвратились къ церкви и безъ перекрещиванія были приняты въ нее? Мы отвѣтимъ: Богъ всемогущъ, по своему милосердію, оказать имъ снисхожденіе, и тѣхъ, которые безъ крещенія приняты въ церковь и умерли въ церкви, не лишитъ благословеній ея“ (¹). При Кипріанѣ, говоритъ Августинъ, обычай принимать въ церковь еретиковъ безъ повторенія крещенія соблюдался церковью, но еще не былъ утвержденъ соборомъ. Тогда еще не былъ окончательно рѣшенъ вопросъ о томъ, имѣютъ ли крещеніе еретики. На карфагенскомъ соборѣ Кипріанъ вмѣстѣ съ семьюдесятью епископами опредѣлилъ: *еретиковъ, возвращающихся къ церкви, перекрещивать*. Но „въ этомъ случаѣ, говоритъ Августинъ, Господь не открылъ очей великому мужу для того, чтобы чрезъ это яснѣе обнаружилось его благочестіе, смиреніе и любовь къ спасительному сохраненію мира церкви. Многіе изъ его товарищей не соглашались съ нимъ, но онъ всетаки не отдѣлился отъ нихъ, а увѣщевалъ ихъ *блюсти единеніе духа въ союзъ мира* (Ефес. 4, 5). А если бы онъ отдѣлился, то весьма многіе послѣдовали бы за нимъ. Несомнѣнно, что тогда было бы болѣе кипріанистовъ, чѣмъ донатистовъ; но онъ не былъ сыномъ порока, а сыномъ мира церкви. Онъ имѣлъ любовь и потому былъ удостоенъ мученическаго вѣнца (²). Въ виду того, что Кипріанъ въ рѣшеніи спорнаго вопроса искалъ только истины, что онъ ревностно старался сохранить ненарушимымъ миръ церкви и имѣлъ полную готовность подчиниться суду вселенской церкви, нѣтъ и не можетъ быть сомнѣнія, что Кипріанъ безъ замедленія принялъ бы открытую истину и на общемъ соборѣ подчинился бы опредѣленію церкви (³).

(¹) Liber. 2, 48.

(²) Liber. 1, 28.

(³) Liber. 2, с. 4.

Становясь на точку зрѣнія донатистовъ и допуская, что ученіе Кипріяна о крещеніи вѣрнѣе его ученія, Августинъ спрашиваетъ донатистовъ: гдѣ была церковь при Кипріянѣ? Вы признаете, что церковь не можетъ погибать. Если Кипріянь отдѣлился отъ церкви и основалъ схизматическое общество, то съ вашей точки зрѣнія онъ основалъ церковь. Но такъ какъ онъ оставался въ порочной церкви, съ порочными ея членами имѣлъ общеніе, то гдѣ же тогда была церковь. Остается признать одно изъ двухъ: или тогда ее вовсе не было, съ чѣмъ ни вы, ни мы не согласны, или тогда церковь существовала, и въ такомъ случаѣ наша католическая церковь есть истинная церковь, потому что она таже самая, къ которой принадлежалъ Кипріянь.

Послѣ всего этого бл. Августинъ увѣщаетъ донатистовъ подражать примѣру Кипріяна и не отдѣляться отъ церкви. Любовь и миръ, говоритъ Августинъ, есть основаніе всего закона, ибо Господь сказалъ: *о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. 13, 35).

Одновременно съ сочиненіемъ о крещеніи Августинъ написалъ письмо къ Нанценцію о Максиминѣ и сочиненіе противъ донатиста Центурія (¹), которое не дошло до насъ. Этотъ Центурій былъ мірянинъ и въ своемъ сочиненіи объяснялъ нѣкоторыя мѣста св. писанія въ смыслѣ враждебномъ церкви (²).

Когда Августинъ писалъ вышепоименованныя сочиненія, ему доставили *вторую часть пастырскаго посланія* циртинскаго епископа донатистовъ, *Петилиана*, защищавшаго расколъ, и онъ немедленно отвѣчалъ Петилиану.

Въ означенной второй части своего пастырскаго посланія Петилианъ сравнивалъ предателей, бывшихъ

(¹) *Retract.* 2. 19.

(²) *Epist.* 70.

въ гоненіе Діоклетіана, съ Іудею предателемъ, говорилъ, что предатели и тѣ, которые согласились съ ними, не могутъ быть истинными епископами, такъ какъ они сыны діавола, грубо бранилъ православныхъ и жаловался на гоненія, перенесенныя отъ нихъ. „Какъ Савль, писалъ онъ, былъ гонителемъ христіанъ, такъ православные гонители донатистовъ“. Далѣе въ посланіи заключались разсужденія о крещеніи, о католической церкви, объ отношеніи къ гражданской власти. Разсуждая о крещеніи Петиліанъ приводитъ обращенныя къ апостоламъ слова Господа на тайной вечери: *и вы чисти есте, но не вси* (Іоан. 13, 10). „Всѣ апостолы, говоритъ Петиліанъ, были чисты, но не Іуда. Такъ и предатель потерялъ крещеніе. Вы (православные) крестите насъ нашею кровію, такъ какъ вы умерщвляете насъ. Стыдитесь, стыдитесь, вы, гонители, вы дѣлаете насъ подобными мученикамъ за Христа⁽¹⁾, которые, послѣ воды истиннаго крещенія, крестились въ крови. Но истиннаго крещенія вы не имѣете, такъ какъ единое крещеніе есть только тамъ, гдѣ есть истина. Вы соединяете истину съ ложью, вы называете себя новымъ человѣкомъ, но онъ былъ не дѣйствительно рожденъ. Есть только одинъ Богъ, одна вѣра и одно крещеніе. Какъ частный человѣкъ не можетъ засѣдать въ судѣ, такъ и вы не можете крестить. Развѣ кто нибудь можетъ быть священникомъ только потому, что онъ твердо заучилъ молитвы священника? Такъ и всякая сила отъ Бога, и никто не можетъ сдѣлать что нибудь, если ему не дано съ неба. Существуютъ три степени единаго крещенія: первая—крещеніе Іоанна безъ Троицы, вторая—крещеніе Святаго Духа, третья—крещеніе Троицы. Но вы крещены огнемъ вѣчнаго осужденія. Вы не можете учить, вы не имѣете Троицы. Если апостолы крестили учениковъ Іоанна, то я не долженъ ли кре-

(¹) *Con. lit. Pet. 1. 2, p. 51. Retractat. 2, 15. Con. lit. Pet.*

стить васъ, богохульниковъ? Святой Духъ не могъ сойдти на васъ. Такъ какъ вы не омылись крещеніемъ покаянія, то вы еще болѣе нуждаетесь въ крещеніи, чѣмъ ученики Іоанна“.

Разсуждая о католической церкви Петиліанъ пишетъ. „Такъ называемая католическая церковь не можетъ быть истинною церковію, такъ какъ вы (православные) только часть и притомъ часть тмы, злобы, смерти, преступленія, крови. Такую часть нужно уничтожить съ лица земли ⁽¹⁾. *Кое бо причастіе правды къ беззаконію; или кое общеніе свѣту ко тмѣ* (2 Кор. 6, 14). Вы раскольники, такъ какъ вы отдѣлились отъ церкви. За васъ не Христосъ умеръ, а Іуда искоріотъ! Мы облеклись во Христа, а вы во Іуду предателя; мы идемъ узкимъ путемъ, а вы широкимъ. Въ первомъ псалмѣ сначала изображаемся мы, а потомъ вы. Въ псалмѣ 22-мъ воспѣвается похвала нашему крещенію ⁽²⁾. Вы же представляете собою сатану, оболстителя. Вы ложные священники, поэтому Богъ отвергаетъ ваши жертвы. Ваша молитва не будетъ услышана; къ вамъ Господь сказалъ: отойдите отъ меня, вы, преступники! Вы думаете, что соблюдаете законъ. Хорошо! Поговоримъ же о законѣ. Вы убійцы, нарушители супружеской вѣрности, лжецы, сластолюбцы; вы согрѣшили противъ Святаго Духа. Къ намъ относятся евангельскія блаженства (Матѣ. 5 гл.), а къ вамъ „горе книжникамъ и фарисеямъ“! Мы овцы, посланныя къ волкамъ, и потому переносимъ ваши гоненія съ терпѣніемъ, любовію и кротостію. Мы исполняемъ то, что написано въ XIII гл. 1-го посланія къ Коринѣянамъ (гдѣ изображаются качества любви). Мы не принуждаемъ никого принимать нашу вѣру, потому что къ Сыну приходитъ только тотъ, кого привлечетъ Отець. Поэтому мы только увѣще-

(1) Liber. 2, p. 92.

(2) Ibid. 109.

ваемъ васъ; хотите слушаете насъ, хотите нѣтъ. Мы не боимся смерти“.

Разсуждая объ отношеніи къ гражданской власти Петиліанъ пишетъ: „что вы понимаете подъ общеніемъ съ земными царями? Въ писаніи много говорится о жестокихъ языческихъ царяхъ. А вы не сдѣлали нашихъ императоровъ христіанами, такъ какъ вы даете имъ ложь вмѣсто истины и принуждаете ихъ вмѣстѣ съ вами поступать несправедливо“. Петиліанъ краснорѣчиво повѣствуетъ при этомъ о царяхъ и князьяхъ, преслѣдовавшихъ христіанъ, и изображаетъ будущій судъ, который воздвигнетъ Господь на нечестивыхъ царей и князей. „Не лучше ли, продолжаетъ Петиліанъ, надѣяться на Господа, чѣмъ на князя? Но вы потеряли свои души, такъ какъ вы гонитесь за богатствами. А мы, нищіе духомъ, и не имѣя ничего, имѣемъ все. Вы обременяете свои души пороками, мы же добровольно отдаемъ свои тѣла на смерть и сохраняемъ свои души. Поэтому и крещеніе ваше есть ложное. Ваше помазаніе есть помазаніе грѣшника, наше же помазаніе есть помазаніе тѣхъ, которые изображены въ 132-мъ псалмѣ. Вы оскорбляете святыню, вы разрываете единство, и ни одинъ изъ васъ не можетъ молиться за народъ. Вы участники чужихъ грѣховъ и потому достойны смерти. Поэтому идите, такъ заключаетъ Петиліанъ свое грозное посланіе, идите къ церкви народа Божія, бѣжите отъ предателей, если не желаете погибнуть вмѣстѣ съ ними. Вы легко можете узнать, что тѣ, такъ какъ они сами виновны, высоко ставятъ нашу вѣру. Я крещу ихъ оскверненныхъ членовъ, они принимаютъ—Боже избави этого—моихъ, какъ крещеныхъ. Они не дѣлали бы этого, если бы признали грѣхъ въ нашемъ крещеніи. Отсюда я вижу, какъ свято то, что мы даемъ; самъ богохульникъ боится касаться его“.

Тотчасъ по полученіи этой части посланія Петиліана Августинъ немедленно написалъ на нее опроверженіе. „Теперь я отвѣчаю Петиліану, говоритъ Ав-

густинъ въ началѣ своего опроверженія, не потому, чтобы онъ сказалъ что либо новое, чего прежде я не опровергалъ, а только ради слабыхъ братьевъ, чтобы они могли сравнить упреки Петиліана и мои отвѣты на нихъ“.

Не отвѣчая на бранныя возгласы Петиліана, Августинъ опровергаетъ только его разсужденія. „Сила крещенія, говоритъ Августинъ, заключается не въ человѣкѣ, а во Христѣ. Мы не осквернились водою нашего крещенія и не омылись вашею, но вода крещенія, совершеннаго во имя Отца, Сына и Святаго Духа, есть ни наша, ни ваша, а Того, о Которомъ у Иоанна сказано: *надъ него же узриши Духа сходяща и пребывающа на Немъ, той есть крестяй Духомъ Святымъ* (Ев. Иоан. 1, 33) (¹). Никто и самый невинный не можетъ сдѣлать другаго невиннымъ, ибо онъ не есть Богъ. Гонителя Савла должно было крестить, такъ какъ онъ не былъ еще крещенъ; но церковнаго гонителя, который тебя преслѣдуетъ, ты не долженъ крестить вторично, такъ какъ онъ уже крещенъ (²). Ты говоришь: Иуда былъ нечистъ. Вѣрно. Но по твоему способу заключеній должно выходить, что и тайная вечеря не чиста, такъ какъ на ней еще присутствовалъ Иуда. Скорѣе Господь не хотѣлъ ли этимъ показать, что въ одномъ обществѣ людей, приѣмлющихъ одни и тѣже таинства, нечистота нѣкоторыхъ не можетъ вредить чистымъ (³). Ты невѣрно указываешь три степени таинства крещенія (крещеніе Иоанна, Духомъ Св. и во имя св. Троицы), потому что крещеніе Иоанна и христіанское различны. Если бы крещеніе Иоанна было крещеніе христіанское, апостолы не осмѣлились бы еще разъ крестить учениковъ Иоанна“ (⁴).

(¹) Liber. 2. p. 7. 9. 11. 13. 15.

(²) Ibid. 48.

(³) Ibid. 61. 63.

(⁴) Ibid. 173. 86—88.

Псаломъ 22-й дѣйствительно относится къ крещенію, но только къ крещенію тѣхъ, которые совершаютъ его правильно и законно. Поэтому этотъ псаломъ касается ли какънибудь циркумпелліоновъ (¹)? „Какъ во времена апостоловъ, продолжаетъ Августинъ, святость имени Христа имѣла дѣйствительную силу и внѣ общества апостоловъ, такъ святость таинства имѣетъ свою дѣйствительную силу и внѣ общества церкви, но внѣ общества церкви, этого святѣйшаго союза единства и высокаго дара любви, не достигнетъ вѣчной жизни ни тотъ, который изгналъ бѣсовъ, ни тотъ, который крестилъ, ни тѣ, которые хотя и кажутся принимающими таинство, но за порочность своихъ нравовъ остаются какъ бы стоящими внѣ (²). Ты, Петиліанъ, не крестишь оскверненныхъ, но перекрещиваешь ихъ, чтобы осквернить ихъ обманомъ своего заблужденія, а мы принимаемъ твоихъ для того, чтобы уничтожить твое заблужденіе, отъ котораго твои приходятъ, хотя и признаемъ крещеніе Христа тамъ, гдѣ они крещены“ (³).

По поводу нареканій Петиліана на католическую церковь Августинъ говоритъ: „по писанію, вся земля принадлежитъ церкви. Ты указываешь пророчество: *Обыдоша мя пси мнози, сонмъ лукавыхъ одержаша мя. Ископаша руцѣ мои и нозѣ мои* (Псал. 21, 17). „Ты хвалишь это пророчество потому, что видишь въ немъ чловѣка, который продалъ Христа, но ты не видишь въ немъ владѣнія, которое купилъ проданный Христосъ (⁴). Докажи, что во всей вселенной, на которой распространилось наслѣдіе Христа, и въ великомъ множествѣ Его народовъ, между которыми апостолы основали общества, власть крестить потеряна.

(¹) Liber. 2, 110.

(²) Ibid. 257.

(³) Ibid. 247.

(⁴) Ibid. 19.

Истинная церковь ни отъ кого не скрыта. *Не можетъ градъ укрытися верху горы стоя* (Матѹ. 5, 14). Женихъ выходитъ изъ своихъ палатъ, идетъ и сходитъ съ неба;—смотри тутъ явленіе Христа во плоти. И опять Онъ восходитъ на высочайшее небо;—смотри здѣсь Его воскресеніе и вознесеніе на небо. Онъ не скрывается съ своею любовію;—смотри тутъ сошествіе Святаго Духа, Котораго Онъ послалъ въ огненныхъ языкахъ, чтобы показать силу любви, которой навѣрное не имѣетъ тотъ, кто не съ церковію, которая есть во всѣхъ языкахъ, которая сохраняетъ единство духа чрезъ союзъ мира ⁽¹⁾. *Но приимте силу, нашедшу Святому Духу на вы, и будете Ми свидѣтели во Иерусалимѣ же и во всей Іудеи и Самаріи и даже до послѣднихъ земли* (Дѣян. апост. 1, 8). Здѣсь Господь говоритъ о церкви; она есть малый камень (Дан. 2, 35), который возросъ и наполнилъ собою всю землю. Какъ же ты можешь сказать, что мы только часть, когда наше общество простирается на всю землю ⁽²⁾? Ты замѣчаешь терніе міра, а не обращаешь вниманія на пшеницу, которая, по повелѣнію Божию, должна расти по всей землѣ. Ты замѣчаешь злое сѣмя, которое истребится во время жатвы, а не обращаешь вниманія на сѣмя Авраама, въ которомъ благословятся всѣ народы ⁽³⁾. Церковь извѣстна всѣмъ народамъ, а партія Доната неизвѣстна большей части народовъ; такъ слѣдовательно вы не можете быть церковію ⁽⁴⁾. Затѣмъ Августинъ спрашиваетъ Петиліана: что сдѣлала тебѣ римская церковь, на каѳедрѣ которой возсѣдалъ апостоль Петръ, а теперь возсѣдаетъ Анастасій; что сдѣлала тебѣ іерусалимская церковь, украшеніемъ которой нѣкогда

(1) Liber. 2, 74.

(2) Ibid. 91.

(3) Ibid. 93, 152.

(4) Ibid. 239.

былъ апостолъ Іаковъ, а теперъ Іоаннъ, что онѣ тебѣ сѣдали такого, за что ты называешь ихъ сѣдалищами заразы. Господь сказалъ: не сѣдалище заразы, а сѣдалище Моусея (¹). „Ты видишь, что наша надежда Богъ Отецъ, Сынъ и Святой Духъ, а ни Петръ, ни Павелъ и всего менѣе Донатъ или Петиліанъ (²). Въ церкви пшеница смѣшана съ терніемъ, и терніе находится внѣ церкви, какъ еретики и схизматики“. Но это внѣшнее смѣшеніе въ церкви вѣрующихъ съ невѣрующими не вредитъ внутреннему союзу вѣрующихъ. „Хотя Петръ и Іуда вмѣстѣ совершали таинство, но праведный Петръ не имѣлъ ничего общаго съ неправеднымъ Іудой. Одно и тоже дѣло Іудѣ послужило въ осужденіе, а Петру во спасеніе; точно также и ты не походишь на разбойника, хотя ты и имѣлъ общеніе съ Оптатомъ“ (³). Наконецъ, Августинъ спрашиваетъ Петиліана: нѣтъ ли и въ донатистскомъ обществѣ тяжкихъ грѣшниковъ и чувствуетъ ли онъ себя оскверненнымъ и нечестивцемъ, если видитъ и въ своемъ обществѣ нечестивцевъ, которыхъ поведеніе и образъ жизни презираетъ (⁴).

По вопросу объ отношеніи церкви къ государству Августинъ говоритъ: добрыя дружественныя отношенія церкви къ царямъ не составляютъ грѣха. Петиліанъ представилъ длинный рядъ нечестивыхъ царей, Августинъ представляетъ рядъ другихъ царей, извѣстныхъ своими добрыми отношеніями къ людямъ праведнымъ. Онъ говоритъ объ отношеніяхъ Авраама, Іакова, Іосифа и Моусея къ египетскимъ царямъ, Давида къ Анхусу (1 Цар. 27), Іліи къ Ахааву (3 Цар. 18, 41), объ отношеніи Навуходносора къ Давіилу. Онъ напоминаетъ о донатистскихъ петиці-

(¹) Liber. 2, 118.

(²) Ibid. 34. 93. 180.

(³) Ibid. 96. 108. 130. 199.

(⁴) Ibid. 239.

яхъ и апелляціяхъ къ Константину Великому и Юліану отступнику, которому донатисты не стыдились даже льстить. Онъ радуется, что цари имѣютъ много поводовъ выступать на защиту истинной церкви и тѣмъ служить Господу, и находятъ совершенно понятнымъ, что императоръ счелъ необходимымъ наказать богохульство и обуздать фанатизмъ донатистовъ⁽¹⁾. Въ доказательство того, что церковь имѣетъ право строгими мѣрами преслѣдовать нечестивыхъ, Августинъ указываетъ на примѣръ І. Христа, Который бичемъ изгналъ изъ храма торговцевъ и мѣновщиковъ⁽²⁾. „Хотя противъ воли никого нельзя заставить вѣровать, но и божественное милосердіе требуетъ строго — бичемъ наказывать вѣроломство. Если добрые нравы избраны по свободной волѣ, то дурные не должно ли наказывать по закону? Впрочемъ, по мнѣнію Августина, карательное наказаніе нечестія будетъ не вполне справедливо, если наказанію не предшествовало ученіе о доброй жизни. Изданіемъ законовъ противъ васъ, конечно, нельзя заставить васъ дѣлать добро, но можно воспрепятствовать дѣлать зло. Добро можетъ дѣлать только тотъ, кто самъ по свободной волѣ избралъ его, но страхъ наказанія удерживаетъ отъ зла, хотя бы и не было сердечнаго влеченія къ добру. Влеченіе ко злу коренится въ мрачныхъ мысляхъ. А кто издалъ законы противъ васъ,—тѣмъ обуздалъ вашу дерзость. *Божій бо слуга есть тебѣ во благо. Аще ли злое твориши, бойся, не бо безъ ума мечъ поситъ. Божій бо слуга есть, отмститель въ гнѣвъ злое творящему* (Рим. 13, 4). Здѣсь издатели строгихъ законовъ противъ васъ не называются ли слугами Божиими⁽³⁾? Когда цари издаютъ карательные законы противъ васъ, то поду-

(1) Liber. 2, 203—243.

(2) Ibid. 24—178.

(3) Ibid. 184.

майте, за что вы страдаете; если за благочестіе, то“гда они ваши гонители, и вы блаженны, если же за нечестіе вашей схизмы, тогда они только вразумители, и вы не блаженны ни въ этомъ, ни въ томъ мірѣ. Никто не отнимаетъ у васъ вашей свободной воли, но обращаютъ вниманіе на то, что вы охотнѣе избираете: исправленными ли жить въ мирѣ, или, упорствуя во злѣ, подѣ именемъ ложныхъ мучениковъ, терпѣть заслуженное наказаніе“ (1). Августинъ ставитъ донатистскихъ мучениковъ въ одинъ рядъ съ казненными разбойниками и убійцами (2), считаетъ послѣднихъ такими же мучениками, каковы и донатистскіе. Онъ перечисляетъ злодѣянія донатистовъ и говоритъ, что ихъ должно было наказать (3). Еще менѣе признаетъ Августинъ мучениками донатистскихъ самоубійцъ, такъ какъ самоубійство во всякомъ случаѣ тяжкое преступленіе (4). Сравнивая защитниковъ православной церкви и защитниковъ донатизма, Августинъ пишетъ: „за членовъ Христа и противъ васъ возстаютъ и свирѣпствуютъ тѣ, которые, будучи еще молоды и слабы въ православной вѣрѣ, имѣютъ ту ревность, которая была у Петра, когда онъ извлекъ мечъ за имя Христа. Между ими и вами есть большое различіе. Вы подобны слугѣ іудейскихъ священниковъ, потому что вы, служа своимъ князьямъ противъ православной церкви, вооружаетесь противъ тѣла Христа, а тѣ подобны Петру и ратуютъ за тѣло Христа, т. е. за церковь, хотя и плотскимъ образомъ. Но если имъ было приказано вложить мечъ въ ножны, то не тѣмъ ли болѣе это должно приказывать вамъ“ (5).

(1) Liber. 2, 186.

(2) Ibid. 52. 53.

(3) Ibid. 178. 189. 193. 222.

(4) Ibid. 197.

(5) Ibid. 195. 221. 226.

Самомнѣнію и гордости донатистовъ Августинъ противопоставляетъ смиреніе и любовь. Борьба плоти съ духомъ, грѣха съ благодатію, говоритъ онъ, вполнѣ не прекратилась (¹). Я не идолослужитель, не предатель, но я грѣшникъ и ежедневно долженъ молиться о прощеніи (²). Я не отрицаю того, что многіе изъ священниковъ нечестивы, но вѣрующіе должны надѣяться на единого святаго и милосердаго Первосвященника, Который открылъ грѣшникамъ свободный доступъ къ себѣ и „есть примиреніе нашихъ грѣховъ. „Научись изъ этого смиренію, чтобы тебѣ не пасть, а скорѣе снова встать. Если бы ты думалъ такъ, ты бы не палъ (³). Мы любимъ васъ, желая, чтобы вы могли жить. Мы ненавидимъ только ваше заблужденіе и желаемъ, чтобы погибъ тотъ, кто ведетъ васъ къ гибели. О, если бы мы могли искать и находить и о каждомъ изъ васъ съ радостію сказать: онъ былъ мертвъ и ожилъ, онъ былъ потерянъ и опять найденъ“ (⁴). Ты, Петиліанъ, говоришь, что Іуда умеръ за православныхъ. Нѣтъ. Не Іуда, а Христось умеръ за меня (⁵). „Я могъ бы сказать, что вы облеклись въ Оптата, но я вовсе не хочу по страсти клеветать и лгать; такъ какъ ни вы не облеклись въ Оптата, ни мы въ Іуду (⁶). Мы не воздаемъ бранью за брань, потому что слуга Божій не долженъ ссориться, будучи кротокъ ко всѣмъ, онъ долженъ стараться тихо и съ кротостію наставлять заблуждающихся. И вамъ глупо ссориться съ нами, если мы не одобряемъ вашихъ безчестныхъ поступковъ“ (⁷). Мы не хотимъ преслѣдовать васъ, а ис-

(¹) Liber. 2, 154.

(²) Ibid. 237.

(³) Ibid. 247.

(⁴) Ibid. 89.

(⁵) Ibid. 102.

(⁶) Ibid. 104.

(⁷) Ibid. 122, 162, 221, 230.

кренно желаемъ только убѣдить и спасти васъ ⁽¹⁾. Августинъ просить Петиліана вмѣсто бранной клеветы представлять доказательства. „Я не желаю, говорить онъ, всѣмъ донатистамъ навязывать того, что сдѣлано ихъ предшественниками и товарищами; желаю избѣгать личностей и обращать вниманіе только на сущность дѣла ⁽²⁾. Но вы скажете, что мы не можемъ доказать, и потому наши уста полны клеветы и горечи ⁽³⁾. Вы только не закрывайте своихъ ушей предъ истиной и не изощряйте вашихъ клеветующихъ языковъ“.

Вскорѣ послѣ второй книги противъ Петиліана Августинъ написалъ другое не менѣ замѣчательное сочиненіе—съ такимъ заглавіемъ: „*О единствѣ церкви или письмо къ православнымъ противъ донатистовъ*“. Августинъ высказываетъ здѣсь слѣдующія мысли о церкви:

1) Существуетъ только одна церковь, а потому она должна быть вселенскою (*καθολική*); она есть тѣло Христова. Кто не членъ этого тѣла, тотъ не можетъ имѣть участія въ спасеніи. Господь есть глава, церковь есть тѣло. Это тѣло, или церковь, не у донатистовъ, а у православныхъ ⁽⁴⁾?

2) Въ церкви могутъ находиться и невѣрующіе. Но церковь составляютъ только истинно вѣрующіе: они слушаютъ слово Христа и слѣдуютъ Ему; только они члены царства Божія. Тяжкіе грѣшники хотя и могутъ находиться въ церкви и принимаютъ церковныя таинства, но тѣмъ не менѣ они не въ церкви ⁽⁵⁾. Точно также въ церкви могутъ находиться и невѣрующіе.

⁽¹⁾ Liber. 2, 182. 217. 219.

⁽²⁾ Ibid. 20. 33. 35. 116. 136. 174.

⁽³⁾ Ibid. 32.

⁽⁴⁾ De un. eccl. 1. 2.

⁽⁵⁾ Ibid. 74.

3) Церковь не изменяется и тогда, когда въ ней находятся и невѣрующіе. Общеніе вѣрующихъ съ невѣрующими не вредитъ вѣрующимъ, пока послѣдніе своею жизнію и поведеніемъ обличаютъ невѣрующихъ или не знаютъ ихъ ⁽¹⁾. Церковь не погибаетъ и тогда, когда число невѣрующихъ въ ней составляетъ значительное большинство сравнительно съ вѣрующими, какъ это теперь есть ⁽²⁾. Это подтверждается многими примѣрами изъ св. писанія. Вспомнимъ Іуду предателя, лилію между терніемъ (Пѣсн. Пѣсн. 2, 2), праведниковъ, воздыхающихъ о порочности города (Езек. 9, 4), притчи о полѣ и неводѣ (Матѣ. 13). Наконецъ, нужно замѣтить, что видимая малочисленность вѣрующихъ сдѣлается такимъ числомъ, которое никто не можетъ сосчитать (Апок. 5, 11), подобно звѣздамъ на небѣ ⁽³⁾. Съ одной стороны, возрастетъ число нечестивыхъ, такъ что изсякнетъ любовь (Матѣ. 24, 12), съ другой стороны, истинно вѣрующіе останутся до конца и будутъ блаженны. Такъ было при Энохѣ, Лотѣ, Ноѣ ⁽⁴⁾. Господь повелѣлъ своимъ апостоламъ идти ко всѣмъ народамъ и тамъ основать Его церковь ⁽⁵⁾. Мы не должны вырывать плевелы, потому что иное, что теперь плевелы, нѣкогда можетъ сдѣлаться чистою пшеницею ⁽⁶⁾.

4) Церковь, которую Господь называетъ своею невидимою и своимъ тѣломъ, есть вмѣстѣ и невидимая и видимая. Церковь нельзя понимать только въ духовномъ смыслѣ, въ такомъ случаѣ можно одухотворить и видимыя страданія Христа. Видимая церковь та, которая получила свое начало во Іерусалимѣ ⁽⁷⁾.

(1) Liber. 2, 3—4.

(2) Ibid. 34.

(3) Ibid. 36.

(4) Ibid. 38.

(5) Ibid. 56.

(6) Ibid. 52.

(7) Ibid. 26.

5) Церковь распространена по всей землѣ и не можетъ быть ограничена одною какою либо частью земли; она получила свое начало въ Иерусалимѣ и распространяется между всѣми народами. Апостолы должны были проповѣдывать Господа въ Иерусалимѣ, Иудеѣ, Самаріи и по всей землѣ. Это доказывается апостольскою исторіей. Августинъ перечисляетъ главные факты этого славнаго времени христіанской миссіи и общества, о которыхъ упоминается въ дѣянїяхъ и посланїяхъ апостольскихъ и откровенїи Іоанна Богослова. Неужели всѣ эти общества погибли со времени появленїя донатизма? Съ этими обществами, которыя ничего не слышали о донатизмѣ, я нахожусь въ общенїи, потому что состою членомъ одной съ ними церкви. И пока еще существуютъ народы, не принадлежащіе церкви, до тѣхъ поръ церковь не можетъ окончить дѣло миссіи (1).

Длиннымъ рядомъ мѣсть изъ св. писанїя Августина доказываетъ, что католическая церковь есть истинная. Онъ приводитъ слѣд. мѣста: *Воистину благословя благословлю тя, и умножая умножу сѣмя твое, яко звѣзды небесныя, и яко песокъ въ скрай моря: и наслѣдитъ сѣмя твое грады супостатовъ. И благословятся о сѣмени твоємъ вси языци земнии* (Быт. 22, 17—18). Донатисты ли эти народы? спрашиваетъ онъ. *Тебѣ бо и сѣмени твоему дамъ всю землю сію: и поставлю клятву Мою, сюже кляхся Аврааму отцу твоему. И умножу сѣмя твое, яко звѣзды небесныя, и дамъ сѣмени твоему всю землю сію: и благословятся о сѣмени твоємъ вси языци земнии* (Быт. 26, 3—4). Теперь, говоритъ Августинъ, пусть донатисты докажутъ, что они находятся въ общенїи со всѣми народами, которые уже благословлены во Христѣ.—*Яко наполнися вся земля видѣнїя Господа, аки вода многа покры море. И будетъ въ день оный корень Иессеовъ, и возстанѣи владѣти языки, на Того*

(1) Liber. 2, 23—31. 33. 43—45. 5. 7. 73.

языци уповати будутъ (Исаи 11, 9—10). Прозябнетъ и процвететъ Израиль, и наполнится вселенная плодами его (Исаи 27, 6). Азъ Богъ первый, и въ грядущая Азъ есмь. Видныи языци и убоишася, концы земнии приближишася, и приидоша вкупъ (Исаи 41, 4—5). Се дахъ тя въ завѣтъ рода, во свѣтъ языкомъ, еже быти тебѣ во спасеніе, даже до послѣднихъ земли. Се сіи издалеча приидутъ, сіи отъ сѣвера, и отъ моря, инии же отъ земли Перссіи. Возведи окрестъ очи твои, и виждь вся, се, собрашася, и приидоша къ тебѣ (Исаи 49, 6. 12. 18). Послушайте мене, людие мои, послушайте, и царіе ко мнѣ внушите: яко законъ отъ мене изыдетъ, и судъ мой во свѣтъ языкомъ (Исаи 51, 4). И грѣхи ихъ той понесетъ. Сего ради той наслѣдитъ многихъ, и крѣпкихъ раздѣлитъ користи: зане предана бысть на смерть душа его, и со беззаконными вмѣняся, и той грѣхи многихъ вознесе, и за беззаконія ихъ преданъ бысть (Исаи 53, 11—12). Донатисты могутъ ли быть въ общеніи со всѣми этими народами? Возвеселися неплоды нерождающая, возгласи и возопій не чревоболъшая, яко многа чада пустыя, паче нежели имущія мужа (Исаи 54, 1). Возвеселися неплоды не рождающая: расторгни и возоки не болящая, яко многа чада пустыя паче нежели имущія мужа (Галат. 4, 27). Сиона ради не умолчу, и Иерусалима ради не попушу, дондеже изыдетъ яко свѣтъ правда моя, и спасеніе мое яко свѣтило разжжется. И узрятъ языци правду твою, и царіе славу твою, и прозовутъ тя именемъ новымъ, имже Господь наменуетъ е. И будещи вѣнецъ доброты въ руцѣ Господни, и діадима царствія въ руцѣ Бога твоего. И не прозовешися кому, оставленъ, и земля твоя кому не наречется пуста: тебѣ бо прозовется воля моя, и земля твоя вселенная: яко благоволи Господь въ тебѣ, и земля твоя вкупъ населится (Исаи 62, 1—4). Господь рече ко мнѣ: Сынъ Мой еси Ты, Азъ днесъ родихъ Тя. Проси отъ Мене, и дамъ Ти языки достояніе Твое и одержаніе Твое концы земли (Псал. 2, 7—8). Яко обыдо-

ша мя пси мнози, сонмъ лукавыхъ одержаша мя: иско-
паша руку мою и ногу мою. Исчехоша вся кости моя:
тии же смотриша и презрѣша мя. Раздѣлиша ризы
моя себѣ, и о одежди моеи меташа жребій (Псал. 21,
17—19). Во всю землю изыде вѣщаніе ихъ, и въ кон-
цы вселенныя глаголы ихъ (Псал. 18, 5. Рим. 10, 18).
Богъ боговъ Господь глаголи и призва землю отъ востока
солнца до запада. Отъ Сиона благоупіе красоты его
(Псал. 49, 1—2). И рече имъ, яко тако писано есть,
и тако подобаше пострадаши Христу, и воскреснути
отъ мертвыхъ въ третій день. И проповѣдаются во
имя Его покаянію, и отпущенію грѣховъ во всѣхъ язы-
цехъ; наченше отъ Иерусалима (Лук. 24, 46—47). Не
придохъ бо призвати праведники, но грѣшники на по-
каяніе (Матѣ. 9, 13). Поэтому, говоритъ Августинъ,
приведа это мѣсто, грѣшниковъ должно приниматьъ
въ церковь. Но примете силу, нашедшу Святому Ду-
ху на вы, и будете ми свидѣтели во Иерусалимѣ же
и во всей Иудей и Самаріи и даже до послѣднихъ зем-
ли (Дѣян. 1, 8). Сосудъ избранъ ми есть сей, пронести
имя мое предъ языки и царями и сынами Израилевыми
(Дѣян. 9, 15). Во еже быти ми служителю Иисусъ
Христову во языцехъ, священнодѣйствующу благо-
вѣствованіе Божіе, да будетъ приношеніе еже отъ языкъ
благопріятно, и освященно Духомъ Святымъ (Рим.
15, 16). Во всѣхъ этихъ мѣстахъ Августинъ видитъ
свидѣтельства о томъ, что церковь Христова должна
распространиться по всей вселенной.

Обращаясь къ донатистамъ, какъ пастырь къ
овцамъ, Августинъ говоритъ: „васъ ищетъ Тотъ, Ко-
торый живетъ во святомъ, и намъ заповѣдалъ искать
васъ (1). Поэтому испытайте ваше сердце, оставьте
ваше заблужденіе, усвойте единеніе духа чрезъ со-
юзъ міра. Не заставляйте насъ укорять другъ друга
во грѣхахъ, дозвольте намъ вмѣстѣ возрастать въ

(1) Liber. 2, 5. 2. 53.

одномъ тѣлѣ, какъ пшеница, и до вѣянiя держать мякину“ (1).

Августинъ сообщаетъ много интереснаго о дона-
тистскомъ экзегезѣ.

1) Почему обътованiя Божiи о распространенiи и сохраненiи церкви не исполнились? Донатисты на это отвѣчали такъ: „люди не хотѣли. Если человѣкъ хочетъ, онъ твердо стоитъ въ томъ, во что вѣруетъ; если не хочетъ, онъ отпадаетъ. Такъ, когда церковь начала умножаться, люди не захотѣли вѣровать, и отпали, за исключенiемъ донатистовъ“. Августинъ замѣчаетъ на это: „развѣ Святой Духъ прежде не зналъ будущей воли людей! Если такъ, то любой пророкъ можетъ приходить и пророчествовать, а потомъ, когда его пророчество не исполнится, — оправдываться и сказать: я ничего не могу сдѣлать, такъ какъ люди не хотѣли“ (2).

2) Донатисты говорили: „весь ветхiй завѣтъ наполненъ примѣрами, что только небольшое число вѣрующихъ составляетъ истинную церковь, такъ: Энохъ, патриархи, царство Иуды въ противоположность царству Израиля. Такъ и теперь, весь мiръ отпалъ, и мы одни остались у Господа, подобно тому какъ у Господа осталось двѣнадцать апостоловъ. Августинъ замѣчаетъ на это: „все это вѣрно, потому что находится въ писанiи, но въ писанiи находится и другое—о распространенiи церкви, а мы всему должны вѣрить въ писанiи. Что касается Иуды и Израиля, то въ писанiи рассказывается намъ (Иезек. 16, 51), что Иуда былъ хуже Израиля, такъ что послѣднiй чрезъ грѣхи Иуды оказался благочестивымъ. Но въ обоихъ царствахъ были святые пророки. Богъ раздѣлилъ царства не какъ церкви, а какъ государства, чтобы наказать Иуду. Богъ никогда не производилъ

(1) Liber. 2, 55.

(2) Ibid. 23.

ересей или расколовъ; оба царства были въ одной и той же церкви“ (1).

3) Донатисты говорили: „Въ писаніи сказано: „первые будутъ послѣдними, а послѣдніе первыми“. Въ писаніи ничего не сказано о вѣрѣ Африки, но довольно сказано о вѣрѣ востока и другихъ народовъ. Это то, какъ первые, отпали отъ вѣры, а мы, какъ послѣдніе, сдѣлались первыми“. Августинъ иронически замѣчаетъ на это. „Нѣкоторые другіе народы пришли къ вѣрѣ еще послѣ Африки, слѣдовательно вы не послѣдніе, слѣдовательно и не первые“ (2).

4) „Сынъ человѣческой пришедъ убо обрящетъ ли (си) вѣру на земли? (Лук. 18, 8). Донатисты говорили: „этими словами Господь возвѣщаетъ отпаденіе церкви“. Августинъ замѣчаетъ: „эти слова относятся къ малому числу вѣрующихъ и указываютъ на то, что совершенство вѣры такъ тяжело, что даже и у святѣйшихъ людей, какъ Моисея, найдется нѣчто такое, за что они трепещутъ или могли трепетать. Въ текстѣ сказано: *на землю!* слѣдовательно по всей землѣ! А Африка не на землѣ ли? Развѣ о какой другой землѣ сказалъ Господь? слѣдовательно и въ Африкѣ Господь найдетъ мало вѣрующихъ, слѣдовательно и между вами“ (3).

5) *Возвѣсти ми, егоже возлюби душа моя, гдѣ пасени, гдѣ почиваеши въ полудне* (Пѣсн. Пѣсн. 1, 6). Донатисты говорили: въ этомъ мѣстѣ указывается на наше общество—африканское, такъ какъ Африка имѣетъ географическое положеніе на полднѣ, на югѣ. Августинъ замѣчаетъ на это: „вопросъ этотъ сдѣланъ церковію жениху своему, но церковь во всѣхъ четырехъ странахъ свѣта. Если это мѣсто нужно объяснить географически, то я имѣю лучшее объясненіе: нѣкоторые вѣрующіе съ той стороны моря идутъ въ

(1) Liber. 2, 32—35.

(2) Ibid. 37.

(3) Ibid. 38. 39.

Африку, гдѣ они, увидавши донагистовъ, страшатся, какъ бы не попасть въ руки перекрещенцевъ и спрашиваютъ Господа Исуса; кто тѣ, которые живутъ на полднѣ, гдѣ ты пасешь и почиваешь, то есть гдѣ тѣ, которые имѣютъ любовь и не разрываютъ единства? Еще справедливѣе это мѣсто относить къ Египту, который лежитъ южнѣе сѣверной Африки; собственно тамъ солнце дѣлаетъ полдень. Но я желаю дать этому мѣсту другое объясненіе. По Исаи (58, 10) полдень въ писаніи означаетъ свѣтъ мудрости и огонь любви. Слѣдовательно гдѣ мудрость и любовь, тамъ и церковь“ (1).

Наконецъ донагисты думали, что вода, истекшая изъ тѣла Господа, означаетъ крещеніе. Тѣло Христово есть церковь; а такъ какъ они составляютъ церковь, то они должны крестить всѣхъ, приходящихъ къ нимъ. Августинъ замѣчаетъ на это: „начала нужно еще доказать, что это мѣсто относится къ крещенію. Но если и допустимъ это, то оно можетъ служить прямымъ доказательствомъ противъ васъ. Смотрите. Вода вытекла изъ тѣла Христа отъ копыя гонителя. Слѣдовательно, отъ копыя раскола вода крещенія потекла изъ церкви, такъ что и вы имѣете истинное крещеніе“.

Между тѣмъ Петиліанъ, узнавъ содержаніе первой книги Августина, написанной противъ него, написалъ отвѣтъ на нее.

Отвѣтъ Петиліана начинается бранью противъ Августина (2). Петиліанъ называетъ діалектическое искусство Августина искусствомъ лжи, упрекаетъ Августина въ софистику, при помощи которой все истинное онъ дѣлаетъ сомнительнымъ. „Августинъ, говорить Петиліанъ, усвоилъ себѣ проклятый духъ академика Карнеада, который могъ доказать, что свѣтъ черенъ и что многоугольная башня—кругла“. Онъ упре-

(1) Liber. 2, 40. 41.

(2) Con. lit. Pet. lib. 3, p. 1.

каетъ Августина въ томъ, что онъ прежде держался манихейскаго образа мыслей, порицаетъ его поведеніе, когда онъ былъ пресвитеромъ и, въ отказѣ Мегалія посвятить Августина во епископы, видитъ поводъ заподозрить и позднѣйшее поведеніе Августина, утверждаетъ, что живущіе въ монастырѣ Августина клирики отличаются безнравственностію.

Приступая къ самому дѣлу, Петиліанъ нѣсколько измѣняетъ свои прежнія мысли. Прежде онъ говорилъ: „дѣйствительность крещенія зависитъ отъ совѣсти крестителя, который омываетъ крещаемого“. И потомъ: „кто получаетъ вѣру отъ невѣрующаго, тотъ получаетъ не вѣру, а осужденіе“. Теперь къ указаннымъ фразамъ онъ прибавляетъ два слова: „дѣйствительность крещенія зависитъ отъ совѣсти *святаго* крестителя“. И потомъ: „кто *сознательно* получаетъ вѣру отъ невѣрующаго, тотъ получаетъ не вѣру, а осужденіе“. Сдѣлавъ такія прибавки Петиліанъ утверждаетъ въ этомъ сочиненіи, что нужно испытывать крещающаго и крещаемого“ (1). Апостоль Іоаннъ, говоритъ онъ, увѣщевалъ своихъ учениковъ не всякому духу вѣровать (1 Іоан. 4, 1). Съ тою же цѣлію Петиліанъ старается доказать, что не Христось креститъ, а въ Его имя крестятся. Наконецъ онъ отказывается въ настоящемъ сочиненіи отвѣчать на вопросъ Августина: почему донатисты не перекрещиваютъ осужденныхъ ими, а также отказывается подробно разбирать жизнь Оптата Гильдониста. Свое письмо Петиліанъ заключаетъ увѣщаніемъ къ донатистамъ не обольщаться диалектикой Августина и сожалѣніемъ о томъ, что православные сдѣлались теперь хуже, чѣмъ были прежде.

Августинъ немедленно написалъ особое сочиненіе по поводу этого отвѣта Петиліана, такъ называемую „Третью книгу противъ Петиліана“. Въ этомъ

(1) Liber. 2, 32.

сочиненіи онъ обращаетъ свою рѣчь не къ Петиліану, а къ членамъ церкви. Начиная словами ап. Павла: *Тако насъ да нещуетъ человекъ, яко слугъ Христовыхъ и строителей тайнъ Божіихъ* (1 Кор. 4, 1). Августинъ пишетъ: „мы должны хвалиться не человекомъ, а Господомъ“⁽¹⁾. Я немощный человекъ, нуждающійся въ благодати Господа Иисуса. Свою жизнь до обращенія я самъ осуждаю и скорблю о каждомъ днѣ, а жизнь моя со времени обращенія извѣстна всѣмъ⁽²⁾. Діаволь старался возбудить во мнѣ ненависть къ Петиліану, но милосердіе Христа сохранило меня отъ этого. Христось возлюбилъ меня, Самого Себя предалъ за меня и, вися на крестѣ, молился: *Отче! отпусти имъ, не вѣдаютъ бо что творятъ*“. Обращаясь къ читателямъ его книги, Августинъ говоритъ: „умоляю васъ, изслѣдуйте основательно, перерочайте всѣ страницы, перечитайте всѣ строки, разберите всѣ слова, пересмотрите каждый слогъ и скажите мнѣ, нашли ли вы (у Петиліана) какой нибудь отвѣтъ на самый предметъ“⁽³⁾. Какъ будто только о мнѣ говорится, а не объ истинѣ церкви или крещенія“⁽⁴⁾. Въ заключеніе своего отвѣта Августинъ еще разъ обращается къ православнымъ и до-натистамъ, говоря: „всѣ вы, которыхъ я поставилъ судьями между мною и имъ, теперь можете ли отличить истину отъ лжи, серьезное отъ поверхностнаго, спокойное отъ раздражительнаго, здоровое отъ болѣзненнаго, божественныя изреченія отъ человѣческихъ предположеній, доказательства отъ вымысла, правильный способъ доказательства отъ искаженія дѣла. Если можете, то хорошо, есть польза для дѣла, если нѣтъ, то я всетаки не раскаяваюсь въ томъ, что за-

(¹) Liber. 2, 1—3.

(²) Ibid. 13.

(³) Ibid. 17.

(⁴) Ibid. 28. 60.

бочусь о васъ; если ваше сердце не обратится къ миру, то нашъ миръ возвратится къ намъ“ (¹).

Переходя къ вопросу о крещеніи, Августинъ въ этомъ сочиненіи, подобно какъ и въ предшествующихъ, подробно развивалъ мысль, что „дѣйствительность крещенія не зависитъ отъ крестителя“. Останавливаясь на новыхъ мысляхъ Петиліана Августинъ пишетъ: Петиліанъ говоритъ, что креститель есть начало, корень и глава крещаемого, и прибавляетъ, если невѣріе крестителя *неизвѣстно*, то крещаемый не получаетъ никакого вреда. А я спрашиваю, что имѣетъ своимъ началомъ, изъ какого корня возрастаетъ и съ какою главою соединяется тотъ, кто получаетъ крещеніе отъ тайнаго нечестивца (²). И потомъ. Если крещаемому не приноситъ никакого вреда нечестіе его крестителя, когда оно ему неизвѣстно, то дѣти невинны, потому что не могутъ знать о грѣхахъ ихъ крестителя; однако вы, не обращая вниманія на это, всегда пере-крещиваете ихъ (³). Далѣе, если Петиліанъ, ссылаясь на примѣръ Іоанна Крестителя, утверждаетъ, что „должно испытывать какъ крестителя, такъ и крещаемого, то я отвѣчу на это, что народъ не испытывалъ душевнаго состоянія Іоанна; онъ былъ увѣренъ въ его святости, и только спрашивалъ его: не Мессія ли онъ. Онъ спрашивалъ только его самого и вѣрилъ его свидѣтельству. Но такое испытаніе можетъ ли спасти отъ лицемѣра?

Съ большимъ правомъ ссылался Петиліанъ на слова ап. Павла: *и сѣи убо* (священнослужители) *да искушаются прежде, потомъ же да служатъ, непорочни суще* (1 Тим. 3, 10). Августинъ признаетъ, что „эта заповѣдь апостольская, а потому должна быть строго выполняема, но сомнѣвается, что такое испытаніе

(¹) Liber. 2, 71.

(²) Ibid. 57. 64. 67.

(³) Ibid. 34.

можетъ вполнѣ избавить отъ худаго пастыря. Какъ часто, говоритъ онъ, мы обманываемся, и какъ часто люди, прежде прекрасные, въ послѣдствіи дѣлаются хуже. Самъ Петиліанъ знаетъ многихъ такихъ людей, которые прежде казались праведными и цѣломудренными, а потомъ изблечены въ явныхъ порокахъ, за что и низложены. Далѣе Петиліанъ указываетъ на то, что діаконъ Филиппъ спрашивалъ внуха о его вѣрѣ; а я съ своей стороны спрошу: какъ же апостолы крестили Симона мага? Далѣе Петиліанъ ссылается на слова пророка Іереміи, гдѣ онъ жалуется на нечестіе народа (15, 18); а я замѣчу, что здѣсь пророкъ ни одного слова не говоритъ о крещеніи. Петиліанъ ссылается на слова апостола Іоанна (1 Іоан. 4, 1), но апостоль не сказалъ, что мы должны отдѣлять терніе отъ пшеницы, а повелѣлъ только остерегаться, чтобы не принять терніа за пшеницу. Если исповѣданіе Петра: *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго* не заключало въ себѣ что либо ложное потому, что и демоны высказывали его, то и крещеніе—совершася ли оно вѣрующимъ, или невѣрующимъ—всегда бываетъ дѣйствительнымъ крещеніемъ, и христіанинъ, сожалья о лицемѣрїи чловѣка-крестителя, не будетъ презирать таинствъ Божіихъ. Товарищъ Петиліана, епископъ тубурзикульскій Кипріанъ, осужденъ за преступную связь съ женщиной; но ужели всѣ, крещенные имъ, остаются некрещенными, и почему вы снова не крестите ихъ (¹)?

Касаясь вопроса о церкви, Августинъ въ данномъ сочиненіи говоритъ: „поле есть міръ, а не Африка; жатва конецъ вѣка, а не время Доната“ (²). Мы можемъ заблуждаться относительно посѣва, только Господь знаетъ своихъ, и ангелы во время жатвы не ошибутся. Теперь наша обязанность терпѣть неизбежное, не нарушать любви сварливымъ и необдуман-

(¹) Liber. 2, 34—40.

(²) Ibid. 3.

нымъ раздѣленіемъ, не разрывать единства гордостію и ссорой“ (¹). „Я не говорю этимъ, продолжаетъ Августинъ, что можно презирать церковную дисциплину. Помня слова апостола: *Молимъ же вы, братіе, вразумляйте безчинныя, утѣшайте малодушныя, заступайте немощныя, долготерпите ко всѣмъ. Блюдите, да никтоже зло за зло кому воздастъ* (1 Тессал. 5, 14) (²), — твердый, заботливый и мудрый служитель Христа не долженъ презирать церковную дисциплину, и я могу указать безчисленное множество такихъ епископовъ и духовенства другихъ степеней, которые теперь низложены или со стыдомъ бѣжали въ другія страны, перешли къ вамъ или другимъ какимъ нибудь еретикамъ (³). Такъ напримѣръ подобнымъ образомъ были отлучены отъ церкви и перешли къ донатистамъ епископъ Милевы, Гонорій и діаконъ Сплendonій. Принявъ этого Сплendonія чрезъ перекрещиваніе въ общество донатистовъ, посвятивъ его въ пресвитеры, но потомъ убѣдившись въ его порочности и отлучивъ его отъ своего общества, Петиліанъ самъ могъ убѣдиться, что православная церковь низлагаетъ порочныхъ“ (⁴).

Обращаясь къ православнымъ, Августинъ говорить: „вы, святое сѣмя единой матери православной церкви и рабы Господа, насколько возможно, бдительно берегитесь отъ этого преступнаго и грѣховнаго примѣра! Кто вздумаетъ запутать васъ въ свои сѣти, начнетъ хвалиться свѣтомъ своего ученія и своей славою и будетъ называть себя драгоценнымъ камнемъ, вспомните, что та постоянная жена, единая возлюбленная единого мужа, которую Духъ Святый описалъ въ послѣдней главѣ Притчей, (т. е. церковь) была

(¹) Liber. 2, 4. 142. 43.

(²) Ibid. 3.

(³) Ibid. 3.

(⁴) Ibid. 43.

драгоценнѣе благороднаго камня. Никто не можетъ сказать: я хочу слѣдовать этому учителю, потому что онъ сдѣлалъ меня христіаниномъ, или я желаю слѣдовать тому пастырю, такъ какъ онъ крестилъ меня. *Ни насаждай есть что, ни напояй, но возвращай Богъ* (1 Кор. 3, 7) *Богъ любви есть, и пребываетъ въ любви, въ Божь пребываетъ и Богъ въ немъ пребываетъ* (1 Иоан. 4, 16). Не нарушайте единства Христа ни по внушенію проповѣдника, ни по внушенію совершителя таинствъ. *Дѣло же свое да искушаетъ кійждо, и тогда въ себя точію хваленіе да иматъ, а не во иномъ* (Галат. 6, 4—5). Каждый будетъ нести свое бремя и каждый только за самого себя дастъ отчетъ. Поэтому не будемъ болѣе судить другъ друга! Когда сохраняете взаимную любовь, помогая другъ другу нести ваше бремя, вы исполняете законъ Христовъ. Поэтому мы стараемся во взаимной любви тщательно хранить единеніе духа въ союзѣ мира, ибо кто собираетъ внѣ этого единенія, тотъ собираетъ не со Христомъ, а кто собираетъ не со Христомъ, тотъ расточаетъ“ (1).

Н. Кутеповъ.

(Продолженіе будетъ)

(1) Liber. 2, 6.

О СРАВНИТЕЛЬНОМЪ ДОСТОИНСТВѢ

КЛАССИЦИЗМА И РЕАЛИЗМА ВЪ ВОСПИТАНІИ (').

Вопросъ объ отношеніи классическаго и христіанскаго образованія близко соприкасается съ вопросомъ объ относительномъ достоинствѣ классицизма и реализма. Такое или иное рѣшеніе одного изъ этихъ вопросовъ должно необходимо вліять и на рѣшеніе другаго. Если классическое образованіе не совмѣстно съ христіанскимъ воспитаніемъ юношества, то оно должно уступить свое мѣсто реальному. Съ другой стороны, если классическая система, по своему воспитательному значенію, ниже реализма и не можетъ въ одинаковой мѣрѣ съ послѣднимъ способствовать правильному развитію учащихся, то она не можетъ быть совмѣстна и съ христіанскимъ воспитаніемъ, цѣль котораго состоитъ въ гармоническомъ развитіи всѣхъ лучшихъ и благороднѣйшихъ сторонъ челоуѣческой природы въ духѣ христіанской религіи. Поэтому, обсуждая вопросъ объ отношеніи классическаго и христіанскаго образованія, необходимо коснуться и вопроса о классицизмѣ и реализмѣ.

Вопросъ о классицизмѣ и реализмѣ принадлежитъ къ числу такихъ, по которымъ могутъ существовать совершенно различныя, даже противоположныя мнѣнія. Могутъ быть написаны, и были написаны цѣлые томы, наполненные самой краснорѣчивой и ученой аргументаціей за и противъ каждой изъ этихъ системъ. И классицизмъ, и реализмъ имѣли и имѣютъ своихъ просвѣщенныхъ и авторитетныхъ защитниковъ и противниковъ.

(') Приложение II къ статьѣ: «Вопросъ о классикахъ» (Прав. Собес. 1884 г. Февраль).

Во Франціи уже *Рабелэ* († 1553 г.) и *Монтэнь* († 1592 г.) возставали противъ недостатковъ классическаго образованія, посившаго еще въ ихъ время отпечатокъ средневѣковой эпохи. Сатира въ духѣ Рабелэ рѣзко осмѣивала узкое и одно-стороннее схоластическое обученіе, основанное на заучиваніи средневѣковыхъ учебниковъ и отрывковъ изъ классическихкихъ авторовъ. Какъ на типичный примѣръ сатиры этого рода, можно указать на поэму „*Bataille des sept arts*“ (1). Въ XVII в. аббатъ *Флѣри*, авторъ „Трактата о выборѣ предметовъ и метода преподаванія“ (изд. въ 1686 г.), относился скептически къ пользѣ изученія латинскаго языка. Въ 1763 г. *Ла-Шалотэ* обращался къ опыту и мнѣнію всей націи, возставая противъ системы классическаго образованія, основанной іезуитами на монастырскихъ преданіяхъ, рассчитанной только на выработку хорошаго стиля у воспитанниковъ, но вовсе не вводившей ихъ въ живое пониманіе классической древности (2). Въ 1768 г. президентъ *Ролланъ д'Эрсевиаль*, въ своемъ докладѣ соединеннымъ палатамъ Парижскаго парламента отъ 13 мая, указывалъ на односторонность исключительнаго господства классицизма и на необходимость учрежденія среднихъ учебныхъ заведеній для преподаванія однихъ только реальныхъ предметовъ, безъ древнихъ языковъ. Революція, въ числѣ многихъ классовъ образованія, вызвала и этотъ родъ среднихъ учебныхъ заведеній; но имперія и реставрація или не обратили на него вниманія, или не въ состояніи были его организовать. Въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія *Викторъ Кузенъ* и *Сенъ-Маркъ-Жирарденъ* горячо доказывали необходимость учрежденія, наряду съ коллегіями и лицеями, реальныхъ школъ. Эти реальныя школы были утверждены во Франціи только въ шестидесятыхъ годахъ, закономъ 21 іюня 1865 г.,

(1) Содержаніе этой сатирической поэмы см. въ книгѣ *Л. Модзалевскаго*: «Очеркъ исторіи воспитанія и обученія съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ». Спб. 1866. Стр. 327.

(2) «Знакомство съ писателями древности» — говорится въ уставѣ Аккавивы, организатора школьной системы іезуитовъ — «должно имѣть въ виду лишь языкъ эллиновъ и римлянъ, усвоеніе котораго образуетъ стиль: ничего болѣе и ничего далѣе» (см. цит. кв. Модзалевскаго, стр. 325).

и получили названіе коллегій или лицеевъ для второстепеннаго спеціального образованія (1).

Гораздо раньше такого рода учебныя заведенія появились въ Германіи, гдѣ реакція противъ односторонняго схоластическаго классицизма, пачавшись со времени реформаціи, никогда совершенно не прекращалась. Въ XVIII в. сатирикъ *Рабенеръ* (1714—1770) обращался съ слѣдующими словами къ тогдашнему классику, хвалившемуся своею рѣчью на еврео-латино-греческомъ языкѣ „О дымовыхъ отдушинахъ“, употреблявшихся въ избахъ древнихъ грековъ, особенно же у лакедемонянъ: „другъ мой! ты очень жалокъ, а твой отецъ и еще больше: онъ, бѣдный, потерялъ всѣ свои деньги, употребленныя на твое обученіе, а ты — все дорогое время молодыхъ твоихъ лѣтъ. Не спору, что ты ученъ, да скажи мнѣ, кому ты можешь быть полезенъ своимъ ученіемъ? Не разумнѣе ли было бы, если бы ты учился тому, что твои учителя считали излишнимъ и достойнымъ презрѣнія? Разсуди, не стыдно ли въ собственномъ своемъ отечествѣ быть иностранцемъ, Солоновы законы разумѣть, а о нравахъ земли своей не имѣть и повятія? Много ли въ свѣтѣ нужно учителей латинскаго и греческаго языковъ? Не спору, что ученому знать ихъ не лишне, и мудрецъ, не разумѣющій ихъ, мнѣ кажется столько же смѣшнымъ, сколько и тотъ, кто, изучая языкъ чужой, забылъ свой собственный. Какъ ты думаешь, что нужно бы сдѣлать съ тѣмъ портнымъ, который не зналъ бы никакого другаго покроя платья и ничего иного не умѣлъ бы сшить, какъ только по образцамъ одежды, которую носили Сенска или Сократъ? Не слѣдовало ли подобному глупцу умереть съ голоду, еслибъ онъ при этомъ заупрямился научиться чему нибудь лучшему?... Знай же, мой другъ, что твои учителя были прямые невѣжи и сущіе глупцы; а ты, отъ послушанія имъ, сталъ на весь вѣкъ несчастнымъ“ (2). Это сатирическое остроумничанье (3), по самой уже своей крайней рѣзкости,

(1) Изложенные факты заимствованы изъ соч. *Hirrean*: «Общественное образованіе въ Германіи», стр. 121—131.

(2) Выдержка взята изъ статьи: «Естественныя науки, какъ орудіе общаго воспитанія» («Бесѣда» за 1871 г., кн. XI, стр. 54—55).

(3) Выраженіе Геттнера, которое онъ прилагаетъ вообще къ характеру сатиры Рабенера, поэтa резонирующаго и морализирующаго.

не заслуживаетъ, конечно, серьезнаго вниманія и едва ли имѣло слишкомъ большое вліяніе на педагогическія воззрѣнія современниковъ сатирика и на тогдашнее школьное дѣло; но во всякомъ случаѣ приведенныя слова Рабенера свидѣтельствуютъ о недовольствѣ классицизмомъ въ извѣстной части нѣмецкаго общества прошлаго столѣтія и о возникшемъ сознаніи потребности въ другаго рода образованіи. Гораздо важнѣе по своимъ послѣдствіямъ реформаторскія стремленія нѣкоторыхъ педагоговъ, изъ коихъ одни, какъ *Геронимъ Вольфъ*, старались внести жизненный элементъ въ само классическое обученіе, паходя полезнымъ изучать классическую древность не столько ради языка, сколько ради реального знакомства съ нею, ради развитія мышленія вообще и обогащенія ума и чувства въ особенности; другіе же, какъ *Валентинъ Тротцендорфъ*, старались вообще дать реальный характеръ обученію ⁽¹⁾. Въ половинѣ XVIII в. въ Германіи уже явились первыя Realschulen. Одна изъ первыхъ школъ этого рода основана была въ 1747 г. въ Берлинѣ, стараніями совѣтника *Геккера*, цѣлью котораго было замѣнить исключительно *словесное преподаваніе существеннымъ*. Еще ранѣе, въ 1738 году, была открыта *Землеромъ* Realschule въ Галле. На тѣхъ же началахъ знаменитый педагогъ *Базедовъ* организовалъ свой *Philanthropium*, основанный въ 1774 г. въ Дессау. Впрочемъ, эти первыя реальныя школы, по недостатку средствъ, не могли долго существовать. Но въ текущемъ столѣтіи реальное образованіе окончательно утвердилось въ Германіи, а прусское правительство, постановленіемъ 6-го октября 1839 года, официально признало эту новую категорію школъ и утвердило за ними названіе, подъ которымъ онѣ теперь извѣстны ⁽²⁾. вмѣстѣ съ выступленіемъ реального образованія наряду съ классическимъ, возникъ и пресловутый споръ о классицизмѣ и реализмѣ. То же явленіе повторилось и въ нашемъ отече-

но довольно ограниченнаго въ отношеніи ума и поэтическаго таланта. См. *Геттинера* «Исторію всеобщей литературы XVIII вѣка». Томъ III. Пер. Пышина и Плещеева. Москва. 1872. Стр. 349.

⁽¹⁾ См. *Модзалевскаго* «Очеркъ исторіи воспитанія и обученія», стр. 314—315.

⁽²⁾ См. *Нирраи* «Общественное образованіе въ Германіи», стр. 131—132.

ствѣ. Особенно оживленъ былъ у насъ этотъ споръ въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ, вслѣдствіе важныхъ реформъ, произведенныхъ въ общественномъ образованіи графомъ Д. А. Толстымъ.

Вопросъ о классицизмѣ и реализмѣ вызвалъ дѣльный рядъ мнѣній, въ разработкѣ которыхъ приняли участіе и общество, и литература, особенно періодическая. Явились горячіе защитники и противники той и другой системы. Выше (см. Февр. кн. стр. 134) мы уже указали на нѣсколько статей, написанныхъ въ то время въ защиту реализма и противъ классической системы. Здѣсь укажемъ еще на весьма дѣльную статью того же направленія, принадлежащую г. *Столыпину*: „Классицизмъ и положительныя науки съ исторической точки зрѣнія“ (1). Въ этихъ статьяхъ, написанныхъ съ блестящимъ остроуміемъ и большой эрудиціей, раскрыты существенныя преимущества реализма и главные недостатки классическаго образованія, хотя и первыя, и послѣдніе нерѣдко преувеличены; хорошія стороны реального образованія и недостатки классическаго выставлены въ полномъ свѣтѣ, о слабыхъ же сторонахъ реализма и заслугахъ классицизма умолчано, или же онѣ слишкомъ ступешваны. То же отсутствіе полного безпристрастія нельзя не видѣть и въ тѣхъ статьяхъ, которыя написаны въ защиту классицизма. Доказательствомъ можетъ служить цитованная нами статья академика Видеманна: „Объ относительномъ достоинствѣ различныхъ предметовъ гимназическаго курса въ отношеніи развитія учащихся“ (2). И замѣчательно, что въ той и другой системѣ полемизировавшія стороны нерѣдко указывали одинаковыя, почти тождественныя недостатки, высказывали одинаковыя обвиненія. Начнемъ съ того, что, по заявленію приверженцевъ той и другой системы, весь споръ о классицизмѣ и реализмѣ есть не болѣе, какъ недоразумѣніе. Вотъ что писалъ редакторъ „Бесѣды“ въ небольшой замѣткѣ къ статьѣ г. Столыпина „Классицизмъ и положительныя науки“: „Весь споръ между классицизмомъ и реализмомъ, по наше-

(1) «Бесѣда» за 1871 годъ, кн. IV. См. Пр. Соб. Февр. стр. 134.

(2) Изъ статей, написанныхъ въ защиту классицизма, выдается также ст. доктора *Дитча* (Dietsch): «Извлеченіе изъ мнѣній иностранныхъ ученыхъ и педагоговъ о классическихъ языкахъ» въ «Журн. мин. нар. просвѣщенія» за іюль 1871 г.

му мнѣнію, есть не болѣе и не менѣе какъ недоразумѣніе. Опъ сводится на вопросъ: что лучше и всестороннѣе разовьетъ способности человѣка—древніе ли языки, или естествознаніе? На это отвѣтъ очень простъ: одного разовьетъ скорѣе изученіе слова, другаго—естествознаніе. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь человѣкъ, по способностямъ своимъ, индивидуаленъ почти съ самаго дня своего рожденія“ (1). „Мы полагаемъ—говоритъ г. Кирилловъ въ ст. „Классицизмъ и реализмъ“—что всякій серьезный споръ возможенъ только подъ условіемъ взаимнаго признанія основныхъ началъ; это старая истина, что „нельзя спорить съ тѣми, кто отвергаетъ самыя начала“. Итакъ, по нашему мнѣнію, предварительно рѣшенія сравнительнаго достоинства оспариваемыхъ системъ общаго образованія или воспитанія, слѣдовало бы рѣшить, что такое само *общее образованіе*, въ чемъ существо дѣла? Далѣе, что такое культура ума и самый умъ? Въ чемъ состоитъ познавательный процессъ и какими объектами онъ возбуждается? Отвѣтъ на эти вопросы, хотя, повидимому, отдаленные, но въ сущности основные, сразу бы выяснилъ дѣло и поставилъ бы его на прямую почву... Такая постановка дѣла прежде всего удалила бы недоразумѣніе въ пониманіи „классицизма“ и общаго образованія“ (2). Видеманнъ называетъ споръ между приверженцами реализма и защитниками классицизма просто „игрою словъ“. „Я вполне убѣжденъ“, говоритъ онъ, „что враждующія партіи никогда не согласятся и не сойдутся въ общемъ мнѣніи, именно потому, что онѣ исходятъ изъ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія, и каждая изъ нихъ съ словомъ „училище“ связываетъ иное понятіе, нежели противники. Для однихъ училище есть заведеніе, въ которомъ человѣкъ образуется и развивается для жизни вообще, для другихъ же училище готовится будущаго гражданина для опредѣленнаго состоянія или практическаго занятія. Если бы обѣ партіи были согласны касательно цѣли училища и споръ былъ бы обѣ однихъ средствахъ, которыми эта цѣль можетъ быть достигнута вполне и легчайшимъ образомъ, тогда можно было бы примирить разногласныя мнѣнія, и опыты могли бы

(1) «Бесѣда» за 1871 г., кн. IV, стр. 245.

(2) «Бесѣда» за 1871 г., кн. IX, стр. 9—10.

наконецъ рѣшить большую или меньшую примѣнимость средствъ; но какъ самое основное понятіе о предметѣ разногласія противоположно, то *все преніе дѣлается окончатель-но игрою словъ*, въ которой каждая партія состязается своимъ оружіемъ и имъ старается или думаетъ преодолѣть противника. Безпристрастный свидѣтель этого спора, можетъ быть, согласится на то, что и то и другое мнѣнія объ училищѣ въ нѣкоторой степени справедливы, и что было бы странно отъ аптекарскаго ученика, которому прежде всего нужно знаніе фармаціи, или отъ купеческаго приказчика, которому необходимо знаніе бухгалтеріи для успѣха въ своихъ практическихъ занятіяхъ, требовать вмѣсто этихъ знаній изученія математики или греческаго или латинскаго языковъ; однако я все-таки полагаю, что хотя и безъ этихъ предметовъ можно сдѣлаться честнымъ и годнымъ въ своемъ дѣлѣ человѣкомъ, все-таки и аптекарскій ученикъ, и купеческій приказчикъ и легче, и скорѣе изучить свою фармацію и бухгалтерію, да и всякую другую науку, если онъ имѣлъ время и случай, предъ поступленіемъ на спеціальній практической путь, изодрить и укрѣпить умственные силы свои основательнымъ общимъ образованіемъ. Гдѣ есть средства и удобный случай, тамъ пусть училища удовлетворяютъ порознь и тому и другому требованіямъ ⁽¹⁾; но, безъ сомнѣнія, надобно сожалѣть, если, по недостатку средствъ и удобствъ, реальному принципу дается преимущество въ ущербъ гуманистическаго; въ высшей же степени превратно мнѣніе, что въ одномъ и томъ же училищѣ возможно соединить два предмета, которые столь же различны между собою, какъ питаніе тѣла отличается отъ собиранія запасовъ въ кладовыя для будущаго содержанія домашняго хозяйства“. Приверженцы классической системы утверждали, что такъ назыв. реальныя науки принадлежатъ къ числу спеціальныхъ предметовъ ⁽²⁾ и потому не могутъ быть по-

⁽¹⁾ Этому требованію удовлетворяетъ сѣверо-американская система общественнаго образованія. На континентѣ же Европы и отчасти въ Англіи принята система такъ называемой *бифуркаціи* (раздвоенія). Тоже самое и въ нашемъ отечествѣ.

⁽²⁾ На этомъ основаніи во Франціи реальныя школы были названы, какъ мы видѣли выше, школами для второстепеннаго *спеціального* образованія.

ложены въ основу курса гимназій, „коихъ цѣлю всегда будетъ общее, формальное образованіе духовныхъ способностей“ (Видеманнъ). Приверженцы реализма въ свою очередь доказывали, что древніе языки для общаго образованія не пригодны, потому что къ нему не относятся, какъ всякая спеціальность (мнѣніе Рейзера, Водовозова, Кириллова и др.). Въ отношеніи вліянія на развитіе учащихся та и другая система подвергались обвиненію въ одномъ и томъ же недостаткѣ, именно, что онѣ ведутъ учащихся къ излишней самоувѣренности и верхоглядству. Вотъ слова Видеманна: „всѣ такъ называемые реальныя предметы исключительно упражняютъ одинъ только умъ и при этомъ дѣйствуютъ односторонне: они преимущественно обращены на упражненіе памяти, потому что при ихъ изученіи дѣло состоитъ въ особенности въ усвоеніи ихъ реального содержанія. Такое направленіе для учащагося составляетъ несомнѣнный вредъ въ умственномъ отношеніи, потому что можно многое знать и все-таки не ловко владѣть мысленіемъ и быть необразованнымъ; но здѣсь кромѣ того кроется и нравственное зло. При изученіи языковъ мы проводимъ долгое время, не сознавая, что мы владѣемъ чѣмъ-то законченнымъ, цѣлымъ, и не воображая себѣ, что мы вполнѣ владѣемъ предметомъ. Учащемуся не только непрерывно встрѣчается новое, но и изученное представляется съ новой точки зрѣнія и въ новыхъ соединеніяхъ, такъ что ученикъ безпрестанно, а иногда весьма чувствительно — приходитъ къ убѣжденію въ томъ, что онъ все еще мало знаетъ и далеко еще не достигъ цѣли законченнаго изученія; не нужно быть учителемъ, чтобъ знать, какъ полезно и спасительно такое напоминаніе и убѣжденіе каждому ученику, да и всякому человѣку. Совершенно иное явленіе представляютъ памъ историческія науки и естествовѣдѣніе; учащійся ежедневно спокойно и съ нѣкоторою гордостью можетъ любоваться возрастающимъ запасомъ знаній, не будучи тревожимъ въ пріятномъ чувствѣ обладанія пріобрѣтеннымъ пріятными напоминаніями о томъ, чего еще недостаетъ ему. Всякій учебный предметъ такого рода, смотря по времени и обстоятельствамъ, то въ большемъ, то въ меньшемъ объемѣ, предлагается учащемуся, какъ округленное, нѣкоторымъ образомъ законченное цѣлое; усвоивъ себѣ какой бы то ни было отдѣлъ, ученикъ, при крайней скудости познаній, легче можетъ воображать себя обладающимъ

богатыми свѣдѣніями, потому что онъ не замѣчаетъ и не можетъ обозрѣть, сколькихъ и какихъ именно познаній ему недостаетъ. Въ этомъ обстоятельствѣ заключается причина того довольно часто встрѣчающагося явленія, что юноши-воспитанники въ училищахъ съ преобладающимъ реальнымъ курсомъ страдаютъ излишнею самоувѣренностію и смѣшною спѣсью“. Любопытно сопоставить съ этой тирадой слѣдующее разсужденіе г. Кириллова: „думать, что развивая умъ гимнастикой на отвлеченностяхъ, на словахъ чужихъ (а тѣмъ болѣе мертвыхъ) языковъ, мы достигаемъ всесторонняго развитія человѣка, значитъ—впадать въ очень грубое недоразумѣніе. Развивать умъ значитъ—сообщать человѣку представленія и знанія, значитъ—давать ему навыкъ обрабатывать эти представленія, которыя должны служить *питаніемъ* духовнаго организма. Какъ недостатокъ укрѣпляющаго тѣлеснаго организма матеріала ведетъ къ рахитизму, такъ и недостатокъ умственнаго запаса, чисто формальная гимнастика даетъ „собачью старость“, ту преждевременную, резонирующую зрѣлость, которая, опираясь на свои формы, обо всемъ судить и рядить вкривь и вкось, не справляясь съ существомъ дѣла. Вотъ гдѣ корень поверхностной самонадѣянности, фразерства и верхоглядства—въ абстрактности развитія, въ отсутствіи въ головѣ всякихъ дѣйствительно развивающихся знаній“. Можно было бы увеличить число примѣровъ того, какъ реализмъ и классицизмъ взаимно взводили другъ на друга совершенно одинаковыя обвиненія; но и приведенныхъ выдержекъ достаточно для того, чтобы придти къ заключенію, что весь споръ между ними, дѣйствительно, былъ только недоразумѣніемъ, какъ утверждали и сами приверженцы той и другой системы.

И классицизмъ, и реализмъ имѣютъ свои относительныя достоинства и свои недостатки. И та и другая система имѣютъ свой *raison d'être*. И то и другое образованіе существуютъ въ силу извѣстныхъ общественныхъ потребностей, которымъ они удовлетворяютъ. Намъ нужны купцы, фабриканты, сельскіе хозяева, военные люди, моряки, артисты; для нихъ въ особенности необходимо реальное образованіе. Но намъ не менѣе того нужны также духовныя лица, судьи, медики, ученые и литераторы; для подготовки ко всемъ этимъ профессіямъ болѣе или менѣе необходимо классическое образованіе. Желательно только, чтобы и изъ

реальных училищъ открытъ былъ доступъ къ тѣмъ факультетамъ университетскаго курса, къ которымъ они могутъ достаточно подготовить. Но и для лицъ такихъ профессій, для подготовки къ которымъ классическое образование не необходимо, оно не можетъ быть совершенно излишнимъ. Какъ натуралисту, на примѣръ, не имѣтъ хотя бы элементарныхъ свѣдѣнй въ латинскомъ языкѣ?—Во всякомъ случаѣ классицизмъ слишкомъ еще далекъ отъ того, чтобы превратиться въ рутину, какъ смѣло утверждали нѣкоторые очень рьяные его противники. Пройдутъ десятки, даже можетъ быть сотни лѣтъ, и все-таки наряду съ реальными школами будутъ существовать классическя, потому что потребность въ классическомъ образованіи слишкомъ глубоко коренится въ социальномъ строѣ жизни образованнаго челоѣчества, потому что это образованіе находится въ тѣсной органической связи со многими важнѣйшими сторонами и отправленіями общественной жизни. Если народное образованіе когда нибудь изъ рукъ государства перейдетъ совершенно въ руки общества, подобно тому какъ перешли нѣкоторыя отрасли государственнаго хозяйства (напр. желѣзнодорожное дѣло), и тогда классическая система, навѣрное, будетъ процвѣтать и господствовать въ извѣстной части учебныхъ заведеній. Въ этомъ можно убѣдиться на примѣрѣ Англій и Америки. Въ Англій государство не занимается обученіемъ. „Мы — говоритъ графъ Гарроуби — живемъ въ странѣ свободной; наше образованіе не можетъ быть навязано намъ властью одной личности или отдѣльнаго учрежденія“ (1). Между тѣмъ въ Англій, какъ мы видѣли, классическая система есть господствующая. Напрасно говорить, что классическая система „была и будетъ чужда цѣлости и душевныхъ надеждъ и стремленій нашей народной жизни“ (2). Пока мы, русскіе и вообще славяне, еще не выработали своей собственной, самородной цивилизаціи,

(1) *Демто и Монтулли*. Среднія учебныя заведенія въ Англій и Шотландіи, стр. 2.

(2) Слова г. Кириллова. Классицизмъ «это — не наша доктрина, а заморская», говоритъ онъ. «Ее выдумалъ разсудочный нѣмецъ, которому она и по нутру, такъ какъ нѣмцу неизвѣстны полнота и глубина, цѣлость и единство славянской нашей жизни» («Классицизмъ и реализмъ», «Бесѣда» за 1871 г., кн. IX, стр. 11).

пока мы будемъ черпать просвѣщеніе изъ западныхъ источниковъ, до тѣхъ поръ все умственное достояніе запада, все, что тамъ выработано цѣннаго въ области науки и жизни, слѣд. и классицизмъ, не можетъ быть совершенно намъ чуждымъ. Каждый славянинъ и въ частности русскій, мыслящій свое отечество принадлежащимъ къ одной великой семьѣ образованнаго человѣчества и одинаково далекій какъ отъ узкаго и исключительнаго патріотизма, такъ и отъ безпочвеннаго космополитизма, можетъ съ полнымъ правомъ сказать о своемъ отношеніи къ западной цивилизаціи: „*homo sum, et nihil humani a me alienum esse puto*“.

На практикѣ вопросъ о классицизмѣ и реализмѣ у насъ разрѣшенъ уже тѣмъ, что наряду съ классическими гимназіями открыты реальныя училища, и отъ самого общества зависитъ давать юному подростающему поколѣнію то или другое образованіе. Въ области же теоріи классицизму едва-ли угрожаетъ какая нибудь серьезная опасность со стороны притязаній реализма на исключительное господство въ общемъ образованіи. Его заслуги и достоинства такъ многочисленны и очевидны, что даже лица, вовсе не сочувствующія этой системѣ, иногда указываютъ въ ней такія хорошія стороны, которыхъ, по ихъ словамъ, не замѣчаютъ сами приверженцы классицизма. Вотъ что говоритъ, наприкладъ, г. Антоновичъ, котораго нельзя, конечно, заподозрить въ пристрастіи къ классической системѣ: „въ классическомъ воспитаніи есть элементъ, котораго не замѣчаютъ и не признаютъ защитники классицизма, тогда какъ онъ весьма важенъ и выгодно отличаетъ классическое воспитаніе отъ реального. Классицизмъ, дѣйствительно, даетъ то, чего не можетъ дать естествовѣдѣніе и знаніе чего крайне необходимо для умственнаго развитія. Изъ естественныхъ наукъ учащійся узнаетъ только внѣшнюю природу и человѣка какъ индивидуума и только съ его фізіологической стороны, между тѣмъ какъ классическое воспитаніе, всегда соединяющееся съ изученіемъ классической исторіи и литературы, знакомитъ учащагося съ внутреннею жизнію человѣка: изъ классической трагедіи, драмы и комедіи онъ узнаетъ чувства, страсти, благородные порывы и низкія побужденія, великіе характеры и мелкія слабости людей, словомъ, знакомится со всей полнотой и разнообразіемъ внутренней психической жизни людей и притомъ не въ отвлеченныхъ и

безжизненно общих формахъ, какъ оно представляется въ систематической психологiи, а въ живыхъ конкретныхъ образахъ, взятыхъ изъ дѣйствительности и увѣковѣченныхъ искусствомъ; изъ классической исторiи, изъ классическихъ ораторовъ онъ узнаетъ чловѣка, какъ члена общества, какъ гражданина, знакомится съ политической и общественной жизнью, съ разнообразными политическими учрежденiями, иногда очень совершенными, съ той юношески-горячей, свѣжей и свободной политической дѣятельностью, какая кипѣла въ древнихъ греческихъ республикахъ, и которой могли бы позавидовать лучшія изъ современныхъ государствъ. Такихъ важныхъ и очень развивающихъ знанiй не могутъ дать естественныя науки; и вотъ въ чемъ, по всей вѣроятности, заключается причина того факта, замѣченнаго и невѣрно истолкованнаго нѣмецкими педагогами, защитниками классицизма, что ученики классическихъ школъ, по общему умственному развитiю, стоятъ выше учениковъ специально-реальныхъ школъ⁽¹⁾.

Въ отношенiи классицизма, какъ системы общественнаго образованiя, вопросъ долженъ быть не о сущности, а о методѣ и объемѣ преподаванiя. Успѣхъ или неуспѣхъ, благотворность или бесполезность этой системы должны зависѣть отъ того, какъ, для чего и въ какой мѣрѣ изучаются классическіе языки и литературы. Но обсужденiе этого вопроса не входитъ въ нашу задачу. Коснувшись вопроса о классицизмѣ и реализмѣ, мы имѣли въ виду только показать, что хотя реальное направленiе въ образованiи, на которое обыкновенно смотрятъ, какъ на противоположное классическому, имѣетъ глубокіе корни въ исторiи и потребностяхъ современной общественной жизни, но и классическое образованiе имѣетъ свое законное право на существо-

(1) Приведенныя слова г. Антоновича заключаются въ его предисловіи къ книгѣ Э. Юманса «Новѣйшее образованіе, его истинныя цѣли и требованiя». Пер. съ англійскаго. Спб. 1867. Стр. XIX—XX. Въ этой книгѣ приложенъ переводъ рѣчи Джона Стюарта Милля «Объ университетскомъ воспитанiи», произнесенной имъ при вступленiи въ должность почетнаго ректора университета St. Andrews (въ Шотландiи) 1-го февраля 1867 г. Значительная часть этой рѣчи посвящена защитѣ классическаго образованiя и раскрытію его истиннаго значенiя. Защита эта такъ же превосходна, какъ и все, что вышло изъ-подъ пера этого первокласснаго мыслителя нашего времени.

ваніе и далеко не можетъ считаться устарѣвшимъ направле-
ніемъ, такъ что ни одно добросовѣстное изслѣдованіе ка-
сательно этой системы образованія не можетъ быть лишено
современнаго интереса. Предпринимая спеціальное истори-
ческое изслѣдованіе вопроса объ отношеніи классическаго и
христіанскаго образованія, мы надѣемся поэтому, что не
рисуемъ начать дѣло совершенно излишнее, несвоевремен-
ное или не соответствующее запросамъ современной науки
и жизни.

В. Плотниковъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ОТЪ СОВѢТА КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

о приѣмѣ въ августѣ 1884 года

СТУДЕНТОВЪ ВЪ АКАДЕМІЮ.

Въ казанской духовной академіи имѣеть быть въ августѣ мѣсяцѣ настоящаго года приѣмъ студентовъ въ составъ новаго курса на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Въ студенты академіи принимаются лица всѣхъ состояній православнаго исповѣданія, окончившія вполне удовлетворительно курсъ семинаріи съ званіемъ студента или курсъ классической гимназіи. 2) Просьбы о приѣмѣ въ студенты подаются на имя ректора не позже 15-го августа. 3) Къ просьбамъ прилагаются слѣдующіе документы: а) билетъ на проѣздъ въ г. Казань, б) семинарскій или гимназическій аттестатъ о вполне удовлетворительномъ выдержаніи экзамена изъ наукъ полнаго семинарскаго или гимназическаго курса; в) узаконенное метрическое свидѣтельство (а не выписку или справку) о рожденіи и крещеніи для лицъ, поступающихъ въ академію не по назначенію семинарскаго начальства, а по собственному желанію; лица же, поступающія въ академію по назначенію семинарскаго начальства, могутъ представить вмѣсто свидѣтельства, выписку изъ метрическихъ книгъ, надлежаще удостоверенную мѣстною консисторіею; г) свидѣтельства о привитіи оспы и состояніи здоровья; д) документы о состояніи, къ которому проситель принадлежитъ, и е) лица податнаго состоянія увольнительное отъ общества свидѣтельство; ж) лица, подлежащія въ настоящемъ году призыву къ отправленію воинской повинности, обязаны представить свидѣтельство о припискѣ къ какому либо призывному участку и явкѣ къ исполненію воинской повинности, если вышелъ къ тому срокъ. 4) Поведеніе желающихъ поступить въ академію долж-

но быть не ниже очень хорошаго; окончившіе курсъ въ среднемъ учебномъ заведеніи за годъ и болѣе до поступленія въ академію должны представить одобрителное свидѣтельство о своемъ поведеніи отъ мѣстнаго подлежащаго начальства.

5) Лица духовнаго званія, желающія поступить въ академію, обязаны представить при своемъ прошеніи одобрителное свидѣтельство епархіальнаго начальства о своемъ поведеніи.

6) Желающіе поступить въ студенты академіи, прежде пріятія, подвергаются повѣрочному испытанію по слѣдующимъ предметамъ: а) по догматическому богословію (воспитанники гимназій по пристрапному катихизису) б) по общей церковной исторіи, в) по русской гражданской исторіи; г) по обоимъ классическимъ языкамъ и д) по одному изъ новыхъ языковъ, по желанію экзаменующихся.

7) Поступающіе въ академію, сверхъ означеннаго устнаго испытанія, должны дать два письменные отвѣта—одинъ по богословію, а другой по философіи, а воспитанники классической гимназій, если бы таковыя оказались, вмѣсто философскаго сочиненія должны написать сочиненіе по словесности, богословское же сочиненіе имѣютъ писать наравнѣ съ прочими. На сочиненіе будетъ обращать особенное вниманіе, какъ на одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ оцѣнкѣ зрѣлости сужденій и знанія отечественнаго языка.

8) Успѣшно выдержавшіе повѣрочное испытаніе, т. е. получившіе по каждому предмету испытанія не менѣе 3, принимаются въ студенты академіи лучшіе на казенное содержаніе, а остальные на свое, за исключеніемъ лицъ женатыхъ, которыя ни въ какомъ случаѣ, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 10 января 1875 года, на казенное содержаніе не будутъ принимаемы.

9) Своекостные студенты допускаются въ академію только въ качествѣ пансіонеровъ и живутъ въ зданіяхъ академіи, подчиняясь всѣмъ правиламъ, установленнымъ для казеннокостныхъ студентовъ; число ихъ опредѣляется вмѣстимостію академическихъ зданій (последнія могутъ вмѣстить изъ студентовъ, имѣющихъ поступить въ составъ будущаго перваго курса, вмѣстѣ съ казеннокостными, до 30 человекъ). Въ зданіи академіи своекостнымъ студентамъ дозволяется жить только у родителей.

ВОЗЗВАНІЕ

КЪ ХРИСТОЛЮБИВЫМЪ БЛАГОТВОРИТЕЛЯМЪ.

Православные христіане!

Апостолы Христовы, самовидцы Господни, заповѣдали всѣмъ вѣрующимъ: другъ ко другу любовь прилежну имѣйте,—благо-творенія и общенія не забывайте: таковыми бо жертвами благо-угождается Богъ (1. Петр. 4 Евр. 13, 16).

Помня это завѣщаніе Апостоловъ, которые не только распо-лагали христіанъ къ благотворительности, но и сами собирали милостыню въ пользу бѣдныхъ церквей (1. Кор. 16, 13), мы взяли на себя христіанскую обязанность предложить Вашему благочестивому вниманію, милостивѣйшіе благодѣтели, наше при-глашеніе на дѣло Богу благоугодное.

Въ 88 верстахъ отъ г. Старой Руссы, среди лѣсовъ, мховъ и озеръ, находится небольшой островокъ въ 5-ть десятинъ земли, называемый Рдейскою пустынею, съ храмомъ во имя Успенія Пресвятыя Богородицы. На этомъ островкѣ въ древнія времена основана была иноческая обитель, существованіе которой продол-жалось до 1764 года; въ этомъ году обитель была упразднена, а оставшіяся отъ нея храмъ вначалѣ обращенъ былъ въ приход-скую церковь, а потомъ и вовсе закрытъ, и на островкѣ около осиротѣлаго храма осталась одна убогая сторожка, обитатель которой охранялъ неприкосновенность вѣковыхъ святынь храма.

Древность храма, святость мѣста, а еще болѣе оставшіяся отъ обители двѣ почитаемыя чудотворными иконы: Успенія Пре-святыя Богородицы и Святыхъ угодниковъ Зосима и Савватія Соловецкихъ Чудотворцевъ, естественно, возбуждали въ окрест-ныхъ жителяхъ желаніе открыть въ Рдейскомъ пустынномъ хра-мѣ, снова постоянное Богослуженіе, которое до сего времени было только однажды въ годъ. И несомнѣнно по ихъ усердію и молитвамъ, Господь послалъ благодѣтеля, который далъ средства для существованія при пустынномъ храмѣ особаго причта изъ Священника и Псаломщика.

И такъ, Слава Богу! мѣсто, освященное вѣковыми молитвами и орошенное потомъ и слезами великихъ подвижниковъ, снова огласится пѣніемъ священныхъ пѣсней и благовѣстіемъ слова Божія. Но какъ не цѣнна жертва благодѣтеля предъ Господомъ Богомъ, какъ не велико благодѣяніе, сдѣланное имъ для окрестныхъ жителей, однако одного этого далеко еще не достаетъ, чтобы воздать должное этой освященной вѣками, святынѣ. Одинъ бѣглый взглядъ, брошенный на пустынный храмъ, поражаетъ душу тяжелою скорбію. Храмъ этотъ, оставшійся долгое время безъ всякаго призорія, пришелъ въ ветхость и грозитъ разрушеніемъ. При такомъ жалкомъ состояніи самаго храма понятно, что и сокровищницы его совершенно пусты. Придать же столь древней святынѣ подобающее приличіе, при содѣйствіи однихъ окрестныхъ жителей, положительно невозможно, такъ какъ, при своей малочисленности, они крайне бѣдны и скудныя ихъ ленты едва могутъ удовлетворить только ежегоднымъ потребностямъ храма.

Въ виду этой то крайности, съ разрѣшенія Епархіальнаго начальства и обращаясь съ симъ воззваніемъ ко всемъ сынамъ православной церкви и усерднѣе просимъ ихъ своими посильными приношеніями принять участіе въ возстановленіи и украшеніи древняго полуразрушеннаго храма. Дивный въ Своихъ неисповѣдимыхъ судьбахъ Богъ, за каждую ленту, съ усердіемъ приносимую на дѣло Божіе, сугубо да воздастъ Своими благодатными дарами, какъ въ сей жизни, такъ и наипаче въ будущей.

Рдейской Успенской церкви Настоятель, Священникъ *Іоаннъ Знаменскій*.

Пожертвованія могутъ быть адресуемы: Въ г. Старую-Руссу, Новгородской губерніи, въ Комисію по возобновленію храма Успенія Божіей Матери, въ Рдейской пустыни.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1.

Поступила въ продажу книга подъ заглавіемъ;
„ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ПРЕСВИТЕРОВЪ,
по основнымъ законамъ Христіанской Церкви и церковно-гражданскимъ постановленіямъ Русской Церкви“.

Часть 1-я «Служебныя права и обязанности пресвитеровъ, по каноническимъ постановленіямъ Христіанской Церкви и церковно-гражданскимъ постановленіямъ Русской Церкви». Стр. 458 въ 8 долю листа. Составилъ *П. П. Забѣлинъ*, преподаватель Кіевской Духовной Семинаріи. Кіевъ, 1884 г. Цѣна 1 р. 75 коп., безъ пересылки и 2 р. съ пересылкою. Продается: въ Кіевѣ, какъ у самаго издателя, такъ и въ книжномъ магазинѣ *Н. Я. Оглоблина* (бывш. Литова) и др.

—

2.

ВЫШЕЛЪ И РАЗСЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМЪ
№ 3 (Апрѣль) 1884 г.
„ИЗВѢСТІЙ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО СЛАВЯНСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА“.

Содержаніе: I. Дѣйствія Славянскаго Общества. II. Славянское Обозрѣніе: 1) О томъ, что будто нѣмецкой культуры нѣтъ, никогда не бывало и быть не можетъ. *В. И. Ламанскаго*. 2) Изъ воспоминаній о Люблянѣ. *К. Г.* 3) Новая гипотеза о происхожденіи славянскихъ племенъ. *М. С.* 4) О музыкѣ словацкихъ пѣсень. *Д. П. Никольскаго*. 5) Историко-литературный сѣздъ имени Кохановскаго въ Краковѣ. 6) Празднованіе 19 февраля въ Болгаріи. 7) Изъ Пешта, корреспонденція. *С. Ѡ. К—ча*. III. Славянскія библиографическія извѣстія: 1) «Болгарская царица», новое произведеніе князя черногорскаго Николая. *П. Р.* 2) «Славянскій ежегодникъ» вып. 6-й. 3) И. Линиченко: «Взаимныя отношенія Руси и Польши». *В. А. Кракау*. 4) Лингвистическія новости. *А. И. Соболевскаго*. 5) Георга Либша «Синтаксисъ верхне-лужицкаго языка». *Р. Ѡ. Брандта*. 6) Францъ Миклошичъ. Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ. *Н. Ш.* 7) «Архивъ славянской филологіи». *Ѡ. М. Истомина*. 8) Новая книги.

Подписка на „Извѣстія“ принимается въ помѣщеніи Славянскаго Общества: площадь Александринскаго театра, № 7. Годовая цѣна за 12 книжекъ съ доставкой и пересылкой два рубля.

—

ВЫШЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

БОГОСЛУЖЕНІЕ ВЪ РУССКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ XVI В.

Ч. I. Службы круга седмичнаго и годичнаго и чино-
послѣдованія таинствъ.

Историко-археологическое изслѣдованіе

А. Дмитріевскаго.

Съ приложеніемъ греческихъ и славянскихъ текстовъ
по рукописямъ Синодальной, Соловецкой и другихъ
библіотекъ.

Цѣна 4 р. сер.

4.

ВОСПОМИНАНІЕ О МУЧЕНИЧЕСКОЙ КОНЧИНѢ ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА II.

Н. Ивановскаго.

Цѣна 30 к.

5.

ОБЪЯСНЕНІЕ ЛИТУРГІИ

СОСТАВЛЕННОЕ ФЕОДОРОМЪ ЕПИСКОПОМЪ АНДИДСКИМЪ.

Н. Красносельцева.

Цѣна 30 к.

л. 473 обор. Мѣца октября в 1 днь. мѣніе стго Зиновія еппа Егейска гра. и Зиновіи сестры его. „Цртвѣуюцю Гоу нашему Ісоу Хоу в бесконечныя вѣки. Діоклитіанъ црѣ гоневіе воздвиже“. Сказаніе Метафрастова (у Миня т. СХV, 1309), но начало до половины опущено; рассказъ начивается съ пришествія князя Лисія въ Киликію для преслѣдовапія христіанъ (по тексту Миня съ V отд. на стр. 1314).

Мученіемъ св. Зиновія оканчивается первая половина Миней. Текстъ ея, какъ въ такой же дополнительной части сентябрьской Миней подь № 617, во многихъ мѣстахъ имѣеть разныя исправленія, написанныя на наклеенныхъ по строкамъ бумажкахъ. Исправленія эти такого же рода, какъ въ описанной сентябрьской Миней, наприм. въ житіи Константина философа (14 числа): вм. етеръ—вѣкій, мезинець—последній (т. е. сынъ). крагвиль—ястребъ. собравше свемъ—собравше соборъ и т. п. Вторая часть рукописи другой руки, той же, которою написана соответствующая часть сентябрьской Миней.

л. 480. Мѣца октября въ 3 днь. слово похвално стоѣ и всехвалпомъ апостола Фомѣ. „Всяко исповѣданіе изливаемо въ ея оушесъ“. Въ Миней м. Макарія стр. 827.

л. 483. Мѣца октября въ 6 днь. и главленіе вкратцѣ похваленія словесъ. еже в стѣмъ аплѣ Іаковѣ Алфѣевѣ. „Блгый дѣлатель. владѣвшія престѣпленіемъ земли члческихъ срць“. Въ Ч. Миней м. Макарія стр. 893—898.

л. 486. Мѣца октября въ 1 днь. моученіе стою мчнкою Хвоу Еоулампа и Еоулампа. „Въ седьмое лѣто цртва Максимѣане“. Греч. текстъ въ А. Sanct. Octob. V, 69.

л. 496 обор. Мѣца октября въ 11 днь, житіе и хожденіе стья Зинаиды. „Моудрости слово изыскати хоцѣ“. Греч. текстъ въ А. Sanct. Octob. V, 507.

л. 499. Мѣца октября, въ днь. моученіе стѣ мѣченикъ. Тарха. Прова. и Аньдроника. мѣчимъ бывшемъ въ Назарѣ. „При оупатѣи Диоклитіяна нечестиваго во второе и Максиміяна августа въ третіе въ Тарсѣ градѣ“. Сказаніе о мученіи состоитъ изъ передачи въ полномъ видѣ самихъ актовъ мученическихъ. На греч. языкѣ акты эти см. въ Act. Sanct. Octob. V, 566—584.

л. 505 обор. Слово похвално на память (14 числа) стѣмъ и преславнымъ оучителемъ словенскоу языкоу, сѣтворшему писмены емоу и предложыма на новый ветхій законъ въ языки ихъ блаженому Күрилѣ архієпискѣ панонскоу и Мефодію. „Бгоу и Спсѣ нашему Ісѣ Хѣу. многимъ и неизреченымъ члѣколюбіе помилывашоу родѣ члѣскій“. См. въ Ч.-Минеѣ м. Макарія стр. 1010. Внизу листа примѣчаніе: „Сіе слово похвалное во всемъ согласуе житію стаго Кирила. сегѣ ни въ житіи его не обявлено ни здѣ въ словѣ се что онъ бы спно по тако прибно во мнишескѣ житіи концеѣ о Хѣ пріа“.

л. 511 обор. Житіе и жизнь старѣйшаго разбойникомъ. именовъ Флавіана. „Възлюбленіи да ся скончаеть слово Гне“. Прол. 18 окт.

л. 513 обор. Мѣца октября въ м днь. моученіе стѣ Оуара. и ѣ с нимъ. „Бысть во дни Максиміяна цря. зятя Діоклитіанова. егда возвиже на ны гоненіе“. Въ Ч.-Минеѣ м. Макарія по Метафрасту (Migne CXV, 1142). Здѣсь сказаніе древнѣйшее Метафрастова. См. A. Sanct. Octob. VIII, 423.

л. 521. Мѣца октября ка днь. житіе и жизнь. преподобнаго ѡца нашего. Иларіона еписпа меглѣнскаго. в немже и како принесенъ бысть во славный градъ Трновъ. списано Евфиміемъ патріархомъ трновскимъ. „Сладка оубо настоящая жизнь“. Извлеченія изъ этого житія вошли въ составъ русскаго хроно-

графа (см. Обзоръ хроногр. А. Попова, вып. 2, стр. 34—38) и въ Кириллову книгу (гл. 32 и 33).

л. 539. Мѣа октября въ кѣ днѣ. оубиение стѣа апостола. Іакова. брата Гнѣа по плоти. „Приемникъ цркви по аплѣхъ Іаковѣа братъ Гнѣа. нареченный ѿ всѣхъ праведникъ“.—Л. 542 обор. Въ той же днѣ, мѣние и похвала стѣа апостола Іакова. брата Гнѣа по плоти. „Гѣ нѣшь Ісѣ Хс. Сынѣ и Слово Бѣчее“. См. Ч.-Мив. м. Макарія, стр. 1818 и 1823.

л. 548 обор. Мѣа октября кѣ. моучение. стѣю исповѣднику, Маркияна. и Мартирія. и Анагноста. и нотаріа. „Бысть по скопчаніи блаженнаго Александра епкпа“. См. Ч.-Мив. м. Макарія, стр. 1868.

л. 550. Октября въ кѣ. Бѣ излонія чюдѣ. стѣо мѣнка. Димитрея. „Имѣаше оубо мѣнково лице. и тѣло его по земли повержено бѣше“. См. въ Ч.-Мивеи м. Макарія стр. 1902—1912, гдѣ текстъ этой статьи сличенъ съ греческимъ по Миневоѣ Patrol. CXVI, 1198—1202.—Л. 554 обор. Чюдо стѣо Димитрія. „Лешнѣтъ нѣкоторый моужь славный“. Л. 555 обор. Чюдо стѣо мученика Димитрея в двою двѣцю. ѣ ѿ срацинѣ въ цркви свою принесе.—Л. 556 обор. Чюдо... в пришествіи цри Асколовѣ.—Л. 558. Бѣ цркви стѣо Хва мѣнка Димитрія (вся статья зачеркнута киноварью). На обор. листа: Чюдо о градѣ Селунѣсте. и в Пребѣде кнѣзѣ. и неослабѣмъ его въеваніи. - Л. 563 обор.: Похвала стѣо и славнаго великомѣника Димитрія. въ ней же в Бѣзѣ і о бѣзѣхъ. „Память правдивныхъ с похвалами Соломонъ творити свѣщеваше“.—Л. 578. Похвала мученику Іоанна архіепископа солунскаго. „Всякаго дѣла, слова и оума. преж всѣхъ есть Бѣгъ“. Всѣ эти прибавленія къ житію см. тамъ же стр. 1897—1902. 1912. 1928—1959. 1924—1928. Тамъ же указанія на греч. текстъ по Миню. Сравн. Act. Sanct. Oct. IV, 50 и далѣе, гдѣ

послѣ обширнаго изслѣдованія о мученикѣ изд. акты о немъ и книги чудесъ его, составленныя Иоанномъ солунскимъ.

Съ л. 582 снова письмо первой половины Четьи Минеи. Мѣа октября въ дѣ днѣ. Житіе и жизнь прѣбныа мѣре нашеа Парасковѣи, списано Еуфиміе патріархо терновскы. в концоу же слова, и како пренесена бы въ славноую сербьскюю землю, списано Григоріемъ Цамблакомъ. „Аще оубо любовный обыче законъ еже любовны памяти поминати“. Есть въ Ч.-Миней м. Макарія стр. 1022—1042.

л. 601. Мѣа того же въ и днѣ ѿ житіа стаго апла и еулиста Лоуки. „Стѣи Бжїи апли і еулисты и мѣпцы проповѣдавшеи Га нашего Іса Ха“. Въ Макар. Миней на стр. 1511.

л. 604. Мѣа октября въ дѣ днѣ, житіе и жизнь прѣбнаго мѣа нашего Іванна пѣстыннаго жителя ральскаго. (иже въ трапезницѣ лежащаго, и по вся дни великая сотворяа чюдеса). „Сщєнное начати повѣданіе желаніе оубо повѣжаст мя, страхъ же възбраяе“. Сочиненіе Евфимія терповскаго. См. тамъ же стр. 1515—1530.

620 (501). Минея Четья на октябрь. Полууставъ XVI в. въ листъ на 708 лл. По счету, имѣющемуся на ркпси, по которому и мы указываемъ далѣе все статьи, показано 712 лл., но это потому, что первые 4 листа, мѣчены по страницамъ (8 страницъ). Въ началѣ оглавленіе изъ 40 главъ, потомъ на бѣломъ листѣ записъ: „Данье кнзя Дмитрія Михайловича Пожарскаго Минѣя четья пищая“. На послѣднемъ листѣ другая записъ: „Помощію всесилнаго Бга Га Спса нашего Іс. Ха. и прѣчтыа Его Мѣри стѣя Бѣа. чѣтнаго и славнаго Ея Покрова. повѣлнїемъ блговѣрнаго и хртолюбиваго гдря цря и великаго кнзя Ивана Васильевича всеа Роусїи самодръжца. начата бытъ сіа книга Минѣя Четья мѣ въ октябрь в ново градѣ слободѣ. в лѣ-

то 130 (1562). шестаго мѣца. оевраля въ еднѣ. а свершена бысть сіа книга. влѣто 1303 (1569). септеврѣа въ ии днѣ. Перечисляемъ содержащіяся здѣсь статьи, оставляя тѣ изъ нихъ, которыя находятся въ предыдущемъ спискѣ Миней, безъ замѣчаній.

Первое число мѣсяца начипается, какъ и въ предыд. спискѣ, двумя указанными тамъ похвальными словами на праздникъ Покрова. Далѣе на л. 26 обор. мученіе св. апостола Анавіи. Л. 29. Въ той же днѣ ѿ житія прѣбнаго мѣца Савы. иже на Вѣшерею рѣкою жившаго. и тамо монастырь вообще житіе составльшаго. сѣтворено сщєнноинокоу Пахоміе. „Добро оубо и зѣло полезно иже бжественныи моужии житіе повѣствовати“. См. выше № 616, л. 284. Въ настоящей рукописи житіе написано въ томъ же видѣ и объемѣ, какъ въ Ч.-Миней м. Макарія.

л. 43. Октября 2. Житіе ст҃я Оустины двѣца. „Явленію бывша съ пбсе“. Л. 50. Моученіе ст҃го Кипріяна. и Оустины двѣ: „Пррчскимъ словесемъ сбывающисѣ“. Л. 53 обор. Покаяніе Кипріяново. „Елико же ш Хртова ся тайна блазните“.

л. 77. Окт. 3. Мчнїе ст҃го сщєнноиока Діонисія Арешпагита. епкпа афиньскаго. На л. 87, какъ въ Ч.-Миней м. Макарія, другое мчнїе ст҃го Діонисія Арешпагита. списано блаженнымъ Сумешно Метафрамомъ. преведесе изъ греческыя книги Максимомъ инокомъ. „Древле оубо въ шбразе бѣша и гаданїи вѣры таинштва“.

л. 99 обор. Окт. 4. Мчнїе ст҃го мѣка Фештегна. мччена бывша во Антиохїи.

л. 106. Окт. 5. Мшченіе ст҃я мѣпцы Мамелфы.

л. 107. Окт. 6. Ст҃го апла Фшмы. „Въ то время в неже бѣша вси апли въ Іерлимѣ“. Л. 114. Мшченіе ст҃го апла Фшмы. „Жена Мшзея црѣ“. Л. 119 обор. Похвальное слово. „Всяко исповѣданіе изливаемо въ слсхи оупешѣ“.

л. 124 обор. Окт. 7. Мѣченіе, стѣю мѣнкс. Сергія и Вакха.
Л. 139 обор. Похвала стѣмъ мѣченикомъ Сергію и Вакху.

л. 146. Окт. 8. Житіе и покаяніе прѣбныя Пелагіи. бывшю преже блудницю.

л. 156. Окт. 9. Моученіе стго Дороеѣя. Л. 159 обор. Изглавленіе въкратцѣ. похваленія словесъ. иже в стѣмъ Іаковѣ Алееова.

л. 161. Окт. 10. Мѣніе стою мѣнку. Евлампіа. и Евлампіи.

л. 180. Окт. 11. Житіе и хоженіе стѣя Зипанды.

л. 183 обор. Окт. 12. Мѣченіе стѣхъ мѣнкъ. Тарха. и Прова и Андроника. моученомъ бывшемъ в Назарѣвѣ.

л. 193 обор. Окт. 13. Мѣніе стѣ мѣникъ. Карпа, и Папила, и Агафоника.

л. 196 обор. Окт. 14. Мѣченіе стѣхъ мѣникъ. Назарія, Гервасія, Протасія, и Келесія.—Л. 212. Въ той же днь память и житіе. блженнаго оучителя нашего. Ковъстантына филосоа. перваго наставника словенскѣхъ языкѣх.—Л. 244 обор. Слово похвално. на память. стѣмъ и преславнымъ оучителемъ словенскѣхъ языкѣх. сотворшемъ писмены емъ и преложшима на новый ветхій законъ въ азыки ихъ. блженномъ Кирилоу архіепкѣхъ панонскѣх. и Меодію.—Л. 255. На то же число: Житіе и жизнь прѣбныя мѣтере нашея Параскевы. списавны Евѣиміемъ. патріархоу тръновскѣх. къ концу же слова. и како пренесена бысть въ славнѣ Сръбскоую землю. списано Григоріемъ Цамъблакомъ.

л. 275 обор. Окт. 16. Мѣченіе стго Логина сотника иже при кртѣ Гни.

л. 284 обор. Мѣца октябра въ 31 днь мѣченіе стго сщеникомъ-ченика Садофа. и иже с нимъ числомъ, рки. „По скончаніи мѣнія стго сщеникомъ и епкѣна Сумеона. наслѣдникъ бы емъ стѣмъ сщеникомъ и епкѣ Садо“. То же, что въ Ч.-Минсѣ м.

Макарія стр. 1101. Въ Мѣсяцосл. архим. Сергія подь 20 февр. Дѣян. свят. февр. III, 175.

л. 288. Въ той же днь мѣніе. стѣя моуницы Гливерія. „Въ первое лѣто. цря цртѣвющаго Антонина“. Греч. и лат. текстъ въ А. Sanct. Maii. III, р. 188 и 22. Въ печатн. Минеѣ 13 мая.

л. 297. Въ той же днь мѣченіе стою. Хрсанова и Даріи. мѣнома бывшема въ Римѣ. „Моужь пѣкто, именемъ Полемиѣ боляринь. ѿ града Алексанрська честентъ“. Въ концѣ указано имя автора житія: Иоурипи Маркени братъ (нужно: Варинь и Арменій братъ). См. Ч.-Мин. м. Макарія, стр. 1086—1101, гдѣ оно сличено съ греческимъ текстомъ по А. Sanctog. Въ печатн. Минеѣ подь 19 марта.

л. 312 обор. Окт. 18. Стго апла і еѵлиста Лоуки. в послани Авгаря ко Ісоу.—Л. 319. Въ той же днь иже преоудраго въ аплѣхъ похвала. вселенскаго блговѣстника. і еѵалиста Хва оугодника. стго апла Лски. „Приидѣте сѣве мѣщеніи“.—Л. 323. В той же днь похваление словесъ вкратцѣ всехвалному аплоу і еѵалиствъ Лоукѣ. „Всяко словесное естество члкъ“. Въ Минеѣ Макарія стр. 1121 и 1125.—Л. 332 обор. Сѣ житія стго апла і еѵалиста Лоуки.—Л. 334. Въ той же днь житіе и жизнь прѣпобнаго ѿца нашего Іванна пустынножителя рыльскаго. иже въ Трапзицѣ лежащаго. и по вся дни великая сътворяюща чудеса.

л. 350. Окт. 19. Мѣніе стго и великаго мѣнка Оуара и иже с нимъ. Изложено по Метафрасту, какъ въ Ч.-Минеѣ Макарія. „Максиміанъ мѣчителю злочестивое по всей ѿноу вселенѣй излошъ зановѣдаше“.

л. 364 обор. Окт. 20. Повѣсть о мученіи св. Артемія. „Великаго и славнаго мѣнка Артемія исповѣдати хоцѣ“.

л. 456 обор. Мѣца октябрия въ ка днь житіе прѣпобнаго ѿца на-

шого Ларивна великаго. „Блженнаго и друга Бѣія Иларивна житіе начинаю списати“. Житіе, написанное блаж. Іеронимомъ. Оно же въ сокращеніи въ печатной Ч.-Минеѣ; въ полномъ видѣ, какъ въ ркни, съ тѣми же вставками и пропусками, издано въ Ч.-Минеѣ м. Макарія, гдѣ сличено и съ латинскимъ текстомъ по А. Sancto. Octob. IX, 43.... Тотъ же текстъ см. еще въ Patrol. Migne, lat. t. XXIII.

л. 505 обор. Окт. 22. Житіе преп. Аверкія.—Л. 534 обор. Въ той же днь мѣние семи штро ефески, Максимиліана, Иамблиха, Мартипіана, Діонисія, Іванна, Езаквстодіана, и Антонина. „Егда воцрися Декиѣ црь и приде во Ефесъ“. На греч. и лат. въ Patrol. Migne CXV, 427. А. Sancto. Iul. VI, съ изслѣдованіемъ объ этихъ святыхъ.

л. 551. Окт. 22. Житіе и мѣние стго апла Іакова брата Гня по плоти. Л. 564. Оубіеніе стго апла Іакова. Л. 569 обор. Въ той же днь мѣние и похвала стго апла Іакова брата Гня по плоти.

л. 578 обор. Окт. 24. Мѣние стго Ареобы и иже с нимъ.

л. 596. Окт. 25. Мѣние стсю исповѣдникоу Маркіана и Мартирія.

л. 598 обор. Мѣца октябрія въ кѣ днь мѣние стго и славнаго великомка и страсотрѣпца Хва Дмитрія. „Максиміанъ. иже и Ерксліе покоривъ готфы. и сопромалы римляно“. На греч. см. у Миня Patrol. CXVI, 1173—1184, и въ А. sancto. Octob. VI.—Л. 605. Чудо стго Дмитрія еже видѣ слоуга его пришепа. „Пришепимъ погарымъ на Селсъскый градъ“. У Миня CXVI, 316.—Л. 309 обор. Чудо стго Дмитрія. „Лештъ вѣкторый мѣжъ“. См. предыд. списокъ л. 554 обор. Далѣе тоже, какъ и въ предыдущ. списокѣ: Чудо о двою двцю, Чудо о пришествіи цари Асколоуфъ, ѿ изложенія чудесе стго мпка Дмитрія, О

цркви стго Хва мѣка. На л. 621 вставлено лишнее противъ предыд. списка похвальное слово мученику Григорію Цамблака: „Преже Хва плоскаго смотреніа члко страшна бѣше смѣртъ“. Оно есть въ Ч.-Миневѣ Макарія стр. 1913. Потомъ съ л. 629 опять тѣже статьи, какъ и въ предыд. спискахъ: Похвальное слово Климента, Похв. слово Іоанна Солунскаго, Чудо о градѣ Солуньстѣмъ и о Пребоудѣ кпзѣ, Похвала великомученика, въ ней же о Бѣѣ и о бозѣхъ.

л. 665. Окт. 28. Мчніе... Параскевѣи ѣ въ Иконіи пострадавши.

л. 672. Окт. 29. Мчніе стѣа... Анастасіи селюняныни.—Л. 678. Въ той же днь сказаніе препобнаго ѡца нашего Ефрема сирипа о житіи пресудобнаго ѡца Аврааміа затворника. „Братія моя, хоцю ва повѣдати житіе добро“. См. въ Ч.-Мин. Макарія стр. 1996—2024, гдѣ текстъ его сличенъ съ греческимъ текстомъ.

л. 699. Въ той же днь прѣставлѣе прѣбнаго ѡца нашего. Аврааміа архимандрита бгоявленскаго ростовскаго чудотворца. „Прѣбный ѡць нашъ Аврааміе. бѣ родителю блгочестивъ сынъ“. Житіе первой редакціи, такое же, какое изд. въ Макарьевской Миневѣ. См. еще Памятн. стар. русск. литт. 1, 221—224. Въ концѣ краткая похвала.

л. 706 обор. Окт. 30. Мчніе стго Зиновіа спкпа егвѣйска града.

621 (502). Миней Четья на октябрь. Тщательный и красивый полууставъ XVII в. въ листъ на 543 лл. Въ началѣ еще два ненумерованныхъ листа, на которыхъ послѣ черпильной заставки написано оглавленіе. На первомъ листѣ Миней роскошная заставка изъ цвѣтовъ, раскрашенная и прозолоченная; снизу листа и справа такой же бордюръ. Также богато украшена

первая буква похвальнаго слова на праздникъ Покрова: „По-
неже убо чловѣчскій родъ обыче“. Предъ другими статьями
рукописи буквы тоже тонкой и затѣливой работы, но менѣе
украшены и написаны чернилами или киноварью. Предъ пер-
вымъ листомъ прокладка изъ тафты во весь листъ, въ срединѣ
которой вклеено бумажное сердце съ записью: „Начата бысть
писати книга сія мѣсець октоврій Четья въ лѣта зрнѣ го (1647) мѣа
маіа въ лѣ“. Въ началѣ же ркиси на переплетномъ листѣ запи-
сано, что книга „казенная писма Родионова“, т. е. того же Ро-
діона Казанца, который писалъ описанную выше Минеею сеп-
тябрьскую № 618.

По количеству статей настоящей списокъ менѣе богатъ, чѣмъ
предыдущіе. На нѣкоторые дни: 10, 11, 12, 15, 17, 25, 28,
вовсе не положено сказаній; на нѣсколько другихъ положены
не всѣ. Такъ: 2 числа опущено житіе св. Іустины дѣвицы, 3-го му-
ченіе св. Діонисія написано въ одной Метафрастовой редакціи,
4 и 5-го нѣтъ житій св. Θεотекна и Мамельфы, 9-го опущено
мученіе св. Дороея, 14-го житіе Константина философа написано
безъ похвальнаго слова, 18-го на память евангелиста Луки поло-
жено одно похвальное слово ему, 20—мученіе св. Артемія написа-
но безъ чудесъ, 22—положено одно житіе св. Аверкія, 23—одно
похвальное слово Іакову брату Господню, 26-го при житіи св.
Димитрія написаны только два чюда и два похвальныхъ слова
Изъ рускигъ житій помѣщены здѣсь:

л. 177 обор. Житіе преп. Саввы вищерскаго подъ 8 числомъ.

л. 71 обор. Окт. 4. Вкратцѣ о житіи иже во святыхъ отецъ
нашихъ преосвященнаго Гурія архіепископа перваго казаньска-
го, и священнаго епископа Варсонофія тверскаго, списано Ермо-
геномъ митрополитомъ казаньскимъ. „Сей убо преподобный и
святый отецъ нашъ Гуріе, якоже повѣдаютъ“... Педъ въ Прав.

Соб. 1868 г. при Сборникѣ древностей П. Любарскаго, стр. 9—32. Въ ркпсн вѣтъ предисловія, за то приложенъ въ концѣ рядъ чудесъ, числомъ 17.

л. 500. Окт. 29. Житіе преп. Авраамія ростовскаго, той же редакціи, какъ въ предыд. спискѣ.

622 (507). Минея Четья на ноябрь. Полууставъ XVI в. въ листъ на 311 лл. и двухъ лл. оглавланія (изъ 22 главъ). Впереди на перепл. листѣ записано, что квига старая; а на другомъ листѣ мелкою скорописью XVI в. помѣчено: „Месеца ноября в̄ де купи сию книгу далъ в̄ рули“.

л. 1. Мѣца ноября. а. днѣ житіе и чюдеса стою безмезникоу и и бесребреникоу Козмы и Дамиана. „Бгоу ншемоу Іс Хоу родившоуся, и явльиоуся на земли. и всяка леть разорися“. Fabric. Bibl. (1737), t. IX, 68. См. объ этихъ святыхъ замѣтку въ Мѣсяцословѣ архим. Сергія (т. II, ч. 2, 180—184) по поводу изслѣдованія объ нихъ при ихъ актахъ въ А. Sancto. Octob. VII. Кромѣ двухъ чудесъ, находящихся у Дим. ростовскаго, въ ркпсн еще 11 чудесъ,—всѣхъ 13. Послѣ чудесъ похвальное слово: „Кроугъ лѣтъ вѣтренимъ теченіемъ. вбходяая токъ сльчннй, свѣтлостію озаряетъ вѣ миръ“.

л. 15. Мѣца ноября въ в̄ днѣ. мчніе стѣ мчникъ. Анькудина. и Писавія (т. е. Пигасія). Авемподиста. и Ельпидифора. и Аффонія. „Въ таже лѣта цртвѣющю по поуцненію Хвоу. Саворію нѣкоемъ персомъ“. См. Метафрастово сказаніе у Минея въ Patrol. t. CXVI, 9—36. Рукописное впрочемъ переведено съ болѣе древней редакціи, написанной очевидцемъ-современникомъ. Обнѣмъ естъ у Алляція въ Diatrib. de Sim. (1664), p. 98, и Lambec. t. VIII, 563. Любопытно, что имя верховнаго бога персовъ Дій переводится здѣсь именемъ Перупъ (л. 18—19).

л. 28 обор. Мѣца ноября въ 7 днь. мѣніе стго ѡца ншего Акепсимы и иже с ни. Іусифа. и Анфалы. „В лѣто тридесятное. и седьмое. гоненію ншему заповѣдь жестока изыде“. Неизвѣстнаго автора. См. Fabric. Bibl. IX, 50. Lambec. t. VIII, 564. Акты, изд. у Миня, CXVI, 832 и въ A. Sanct. April. III, 22 die, позднѣйшей редакціи.

л. 45. Мѣца ноября въ 6 днь. житіе и моченіе стоюю моченик Галактіона и Епистиміи. „Сповѣданіе чюдно и преславно. слышите ѡ мене любленицы“. Написано рабомъ этихъ святыхъ Евтолміемъ. Fabric. Bibl. IX, 79. APatii Diatrib. de Simeon. 85 У Миня въ t. CXVI распространенная Метафрастова редакція.

л. 51. Того же дня житіе и воспоминаніе. ѡ блаженнѣмъ архіепискоупи Іоанѣ великаго Новаграда. иже бысть по вторѣмъ Еоуѡиміи в лѣта ѡцзе е до лѣта ѡца го. „Вспомянути блаженаго нашего пастыря Іоуоу добро“. См. вышс. № 580, л. 116. Чудесъ не приложено.

л. 63. Мѣца ноябрья въ 8 днь. Житіе прѣбыва мѣре нашея Матроны. „Яко ѡ глеме ти родѣ книги. мѡуж и женѣ стыхъ. ѡво ѡбщи житіи, ѡво в пстыня мрѣ живше“. У Миня въ Patrol. CXVI, 920—953 Метафрастова редакція этого житія, очень близкая къ рукописной славянской, но послѣдняя все таки есть переводъ съ другой болѣе древней греч. редакціи; начало ея другое, чѣмъ у Метафраста, а подѣ конецъ подробнѣе описывается жизнь Матроны въ Константинополѣ.

л. 91. Мѣніе стго мѣнка Ореста. „Цртвѣюща Диоклитіана. бы гоненіе на крѣтаны велико“. Метафрастова сказаніе. Migne. Patrol. CXVI, 120.

л. 93 обор. Мѣца ноября. 11 днь. стрѣть стго славнаго мѣнка Хѡа стрѣтрица Миня сугуцянца. „Въ второе лѣто Диоклитіана

цря. и в первое Гаия. Валерія. и Максиміана. по оубиеніи Ноумирьяповѣ“. Неизвѣстнаго автора. См. Fabric. IX, 124. Lambec. VIII, 571. Allat. de Sim. script. 121. Метафрастова редакція у Миня, t. CXVI, 368.—Съ л. 98 обор. Чюдеса стго великомчѣка Хва Мины взысканіе мощемъ. Тимофѣемъ архиепископомъ александрскимъ. „Бы по змртви нечтваго и бгоненавистнаго Диоклитіана цря“. Всѣхъ чудесъ 13; пять первыхъ есть въ печатн. Ч. Минеѣ. На лат. языкѣ у Сурія 10 ноября; на греческомъ упомин. у Фабриція, IX, 124.

л. 116 обор. В той же днь. стго великомчѣка Хва Виктора и Стефаниды. „Въ дни вниже бяхс гоними хртьяне ш тогдашняго цря римскаго“. На греч. и латинск. у Миня Patrol. CXIV, 257. A. Sanctor. Maii III, 14 die.

л. 121 обор. Мца поемъврія въ ѣ днь. моученіе святы исповѣдникъ Гурія и Самона. „Въ лѣто шестсотное и пятнадесять. царствующоу и Александроу македономъ. и царствующс Диоклитіану царю въ девятое лѣто“. — Л. 128 обор. Въ той же днь моученіе святаго моученика Авива. „Лѣтъ двадцати в шестсотное цртвющс Александроу макидоняномъ. и въ црство Оупатіа и Анесиніа“. Въ концѣ этого житія Авива авторъ, современникъ Теофилъ, говоритъ о себѣ, что онъ же написалъ и мученіе Гурія и Самона. О греческ. текстѣ см. у Лямбеція Commentar. VIII, 586—588, но въ приведенной у него припискѣ Теофила о написаніи мученія Гурія и Самона не сказано. Въ редакціи Метафраста, близкой къ описываемой, оба сказанія соединены въ одно. Patrol. t. CXVI, 130. Л. 123 не на мѣстѣ,—долженъ быть между 128 и 129.

л. 131. Мца ноября въ зѣ днь. мчніе стго апла и еулиста Матфѣя. „Бывши оутрени. изыде Матфѣй съ епкпомъ Платоно изъ црквѣ. и виде яко прозябе палица доубъ“. Безъ начала.

Повѣствованіе о дѣяніяхъ Матоея въ странѣ антропофаговъ. На греч. языкѣ изд. Тишендорфомъ въ Acta apostolor. apocrypha (Lipsiae 1851), p. 167—189; мѣсто, съ котораго начинается рукописный текстъ, у Тишендорфа на стр. 173.—Съ л. 137 написана другая редакція того же сказанія сокращенная по изложенію. Заглавіе: Память стго и славнаго апла і еулиста Матфея. Начало: „Спасаеши Ісе мытаря блгтью и како въплетъ Матѳѳа посре ѿгна“ и проч. Эта редакція взята изъ стишнаго Пролога. Она же въ печатн. Прологѣ. Главнымъ образомъ и въ ней рассказываются тѣже дѣянія апостола въ странѣ антропофаговъ въ веси Мирмидійской, но вкратцѣ очерчена и предшествовавшая этимъ дѣяніямъ жизнь св. Матоея со времени его призванія Іисусомъ Христомъ.

л. 140. Мѣца ноября въ ии днѣ. мчїе стго мчїка Платона. „Не дивѣ галафомъ (галатамъ) е. еже хоцѣ глти“. Метафраста. У Мипя t. CXV, 404. A. Sanct. Jul. V, 226.

л. 150. Мчїе стго Ромапа рекше похваѣа. „Прроческая оубо труба. вселенныя провозглашающе, стгласіе ѿ Хѣ глаше“. Похвальное слово.

л. 152. Мѣца ноября въ ѡи днѣ. мчїе стго мчїка Варлаама, „Многымъ хртїяномъ восхищающимся и мсти предающимся. ѿ безбожныхъ еллинъ“. См. Lambec. t. VIII, 589.

л. 155 обор. Мѣца того же. к. мчїе стї мчїикъ. Еустафіа. Оеспесіа. и Анатоліа и иже съ ни. „Бгъ преславныи великъ и чудный. и ѿць Га ншего Іс Ха“. Упоминается у Фабриція t. IX. 53, и Алляція: De Sim. script. diatrib. 122. На слав. въ Ч.-Минѣ м. Макарія, откуда въ сокращеніи взято въ нынѣшнюю Минею.

л. 171. Еоуфимія ивокааго. на вносъ црквный престїя Бца. ега ѿ родителю трїи лѣѣ вдана бысть. „Веселїа оубо всякъ бжтве-

ный сборникъ про то, что, собравшаяся насыщаетъ в духовныхъ сокровищъ“. Тоже въ Опис. Рум. муз. Востокова стр. 668.

л. 178. Гевргія езарха. похвала престыя Владычица наша Бца. егда вѣдана бысть въ цркъвъ три лѣтъ соущи родителема своима. „Добра намъ винъ начала пришедшее торжество показеть“. Георгія хартофилакса, послѣ епископа никомидійскаго. У Миня въ Patrol. t. C. 1420.

л. 187 обор. Мца ноеврія въ кѣ днь. житіе и жизнь и повѣсть в храбрости и в чудесѣ списано вкратцѣ. стго великаго князя Александра Ярославича Невскаго. „Что рекоу или что возглю в доблсти и мжествѣ“... Изъ приписки автора въ концѣ видно, что житіе это написано пресвитеромъ Василиемъ, извѣстнымъ биографомъ (XVI в.) новгородскихъ и псковскихъ святыхъ. См. Ключевскаго: Житія святыхъ, стр. 251 и 258.

л. 199. Мца ноябрия въ кѣ днь в проявленіи чудесѣ в иконы престѣи Бцы. стмоу мчнкъ Меркврью. иже въ градѣ Смоленскы. и в нахожденіи безбожнаго цря Батыя. „Велико чудо хочеть нпѣ повѣсти преложитися“. Разборъ этой повѣсти см. у Буслаева: Смоленская легенда о св. Меркурии. Въ Лѣтоп. р. литтер. Тихонравова т. II, стр. 51.

л. 205 обор. Мца ноябрия въ кѣ днь. чудо стго Гевргія. в зми и в двцы бывшее прежь мчнія его. „Гѣ чудесѣ на чудеса преидемъ“. А. Sanct. April. III, 23 die—замѣтка объ этомъ чудѣ. Полное изслѣдованіе въ стат. Киричничкова о св. Георгии въ Ж. Мин. Н. Просв. за 1878 г. ч. 200, стр. 317. Настоящая редакція описана у него на стр. 325—327.

л. 215. Повѣсть в прекрасномъ чудесѣ стго великомчнѣва Гевргія иже в него бывшее. на плѣнено втрочатѣ. „Иже дарованія стыхъ сподобистеса (сподобитися) желающій“. См. въ А. Sanct. April. III, 137 и XXXV.

л. 323. Мѣца ноября въ кн днѣ житіе и подвижи. прѣбнаго ѿца нашего Стефана новаго. и исповѣдника. иже по стѣ и чествы иконахъ пострадавшаго. „Бжественна нѣкая вещь добродѣтель“. Тоже житіе, что въ Минеѣ м. Макарія, составляющее передѣлку древнѣйшаго житія, написаннаго Стефаномъ діакономъ (изд. въ Monument. Котелерія, IV, 396 и у Миня въ t. C, p. 1069). См. объ этой редакціи у Фабриція Biblioth. t. IX, p. 145: *Θείον τι χοῦμα ἢ ἀρετῆ καὶ πολλῶν ἀξία*; также у Ламбеція: t. VIII, 479. Послѣ л. 259 одинъ листъ переставленъ на другое мѣсто,—270-е.

л. 271 обор. Мѣца ноября въ кн днѣ. моученіе стго Иринарха. „Въ времена вна. Максиміану игѣмоу соущѣ. во градѣ Севастіи, бѣаше гоненіе“. Въ Прологѣ значится подъ 28 ноября.

л. 276 обор. Мѣца ноября въ л. днѣ. мчніе стго славнаго и всехвальнаго апла Андрѣа первозваннаго. „Въ оно время бѣша вси апли собралися вкоупѣ раздѣляюся на вся страны“. Апокрифическіе акты. На греческомъ яз. изданы Тишендорфомъ въ Act. apostol. аросурh. (Lipsiae 1851), p. 132—167.

л. 288. В той же днѣ. стоюю аплоу Андрѣа и Матѣа. дѣяніе и конецъ стго Андрѣа. „Стомоу Епифану архіепкноу кнпръскѣ. глѣощю. блаженаго Андреа оучити скифы“. Написано Епифаніемъ монахомъ VIII—IX в. На греч. у Миня въ Patrol. CXX, 216. Въ славянскомъ переводѣ не имѣетъ начала; по тексту Миня начинается съ p. 221.

л. 308 обор. В той же днѣ Прокла архіепка Костянтина града. слово похвално стгому аплоу Анрею. „Крѣпкая апостольскаго ловленія сѣтъ“. Изд. въ нынѣшней Минеѣ съ именемъ Златоуста. См. Patrol. Migne. t. LXV, 321.

623 (505 и 504). Минея Четья на ноябрь. Полууставъ XVI в. въ листъ въ двухъ книгахъ, изъ которыхъ въ пер-

вой 686, во второй 700 л. Въ первой въ началѣ помѣчено: „чести на соборѣ“, во второй на перепл. листѣ сказано, что книга эта „старая московская письменная“, и что она „боярина князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго дачи“. На первыхъ листахъ той и другой книги оглавленія изъ 43 главъ, въ первой 1—18, во второй 19—43. Заглавіе киноварной вязью подъ чернильною и раскрашенною заставкой общее для обѣихъ книгъ на 2 л. первой книги.

Содержаніе этого списка Минеи тоже, что и предыдущаго. Отмѣчаемъ только тѣ статьи, которыя здѣсь встрѣчаются вновь.

Въ первой книгѣ: на л. 64 Мѣца ноября въ 6 днѣ. житіе и жизнь и подвизи. прѣбнаго ѡца нашего Іваникѣа. „Иже къ добродѣтели поуть ведѣщій жестокъ“. Изъ Сим. Метафраста. На греч. и лат. въ Patrol. Migne, t. CXVI, 36.

л. 100 обор. В той же днѣ слово похвалное, иже во стѣ ѡца нашего Аркадіа архіепѣпа кипрскаго. на ѡбновленіе храма стго славнаго и побѣдоносца и великомчѣвка Георгіа. „Сзываетъ пакы насъ ѡхртолюбци, ѡлюбивый съ блгочтіа добропобѣдникъ Георгіе“. См. Опис. ч. I, стр. 674.

л. 133 обор. Мѣца ноябрия въ 8 днѣ. Житіе и мчѣніе стго ѡца нашего Павла исповѣдника списано Іванномъ Златаоустѣ архіепѣпомъ Костянтина града. „Иже оубо хотящеи кого виѣшни в се житіи славномъ соуцемъ. хвалити“.

л. 145. В той же днѣ. Житіе и подвизи и ѡ чудесъ сказаніе. прѣбнаго и бгѡноснаго ѡца нашего Варлаама игѣмена. иже на Хоутынѣ пречестенъ монастырь составившаго. стго и бгѡлѣннаго Превбраженія... „Понеже оубо ѡнѣмъ великомъ и бжественымъ мѣжемъ“. Пахомія серба. См. выше № 514. Чюдо объ умершемъ отроцѣ положено здѣсь особымъ сказаніемъ въ той же днѣ.—Конецъ житія и начало слѣдующей статьи,—л. 171—

175, на вставленныхъ въ рѣкъ листахъ позднѣйшаго писъма XVII в.

л. 171. Пантелеимона діакона и хартофілаза великіа церкви: сказаніе чудесъ превеликаго и славнаго Михайла архистратига: „Велія и преславна и многоразлична бесплотныя и велелѣпныя архаггльскія твоя добродѣтели и достоянія“. См. объ этомъ сочиненіи Fabricii Bibl. IX, 57, и у Миня въ Patrol. XCVIІ, 1241.

л. 206. Въ той же днь похвала архистратига Михайлоу. „Наста празнолюбци. пресвѣтлое тръжество“. Климента болгарскаго. См. Опис. ч. I, стр. 674.

л. 211. Мѣца ноября в ѿ днь мѣніе стго Тимоѳея и Мавры. „Въ время прогоненія искаахоу кртіанъ. и приведенъ бы къ Аріану члкъ именемъ Тимофеосъ“. Въ Ч.-Мин. Димитрія ростовскаго 3 мая. A. Sanct. Maii I, 375 и 741.

л. 272. Мѣца ноября въ ѿ днь житіе и жизнь прѣбнаго ѿца нашего и исповѣдника Февдора игоумена стоуйскаго. „И всѣмъ оубо сладокъ. и всемоу достоинъ. великій ѿць нашъ и исповѣдникъ Февдоръ“. Написано ученикомъ его Михаиломъ. На греч. см. при сочиненіяхъ преп. Θεодора. У Миня т. XCIX, 113...

л. 399. Мѣца ноября въ ѿ днь сказаніе Левнтіа епѣпа. аполя (Неаполя) Кипрьскаго острова. о встанци житіа стго Іванна млтвиваго. архіепѣпа александрьскаго. „Мысль оубо едина есть. наша же и преже насъ, трудолюбивоую и прѣбноую мужю“, т. е. преже написавшихъ о свягомъ Іоаннѣ, Софроніа и Іоанна Мосха. На латинскомъ языкѣ у Миня въ t. LXXIII, и въ A. Sanct. подъ 23 января. Въ рѣкци все житіе раздѣлено на 60 статей, изъ коихъ нѣкоторыя въ отдѣльномъ видѣ входятъ въ составъ правоучительныхъ статей Пролога.

л. 471. Мѣца ноября въ гѣ. Житіе стго Іванна Злаустаго архіепѣпа Константина града. „Въси древніи повѣсти пишущен.

wbo ѿ прежніхъ писати повѣдають. а др҃гое слышавше. а др҃оугое сами видѣвше“. Георгія александрійскаго. См. Lambesii, t. VIII, p. 578. Выше № 517.

Во второй книгѣ: л. 3. Мѣца ноября в ѿ днѣ мѣвнѣ ст҃го апла Филиппа. „Бѣ по вшествїи Гѣи на нбса. видопа, апли в домъ Стахїа богатаго“. Разсказъ о дѣянїяхъ апостола въ Иераполѣ фригїйскомъ и объ его кончинѣ. Есть въ печ. Ч.-Минеѣ изъ Минеи м. Макарія. На греч. языкѣ въ болѣе пространной редакціи см. у Тишендорфа въ A. apost. аросгурh. p. 75 ср. Prolegom. p. XXXI.—Л. 9. Въ той же днѣ слово похвално. на памѣ ст҃го всехвалнаго апла Филиппа. „Якоже въ пролѣтїе сіанїе различно краснѣ цвѣтець. веселотворить зрѣнїе. паче зимняго нестроенїа“.

л. 33. Ноября 15 къ житїямъ Гурїя, Самона и Авива прибавлено: Чудо о отроковицы. створшееся ст҃ыми исповѣдники, Гоурїе. Самоно. Авивомъ. „Нынѣ время добродно съ ст҃ѣ Двѣдѣ прркѣ поюще рещи. близъ есть Гѣ съкршены срце“. Въ печатной Минеѣ разсказано по редакціи Метафраста, какъ и самыя житїя святыхъ; рукописная редакція переведена съ болѣе древней. См. указанїе на эту редакцію у Алляція въ Diatrib. de Simeon. script. p. 122; у Fabric. (1737) t. IX, 82; Lambes. VIII, 588—589.

л. 48. Ноября 16. Мученїе св. евангелиста Матѣя изложено въ одномъ сказанїи, составленномъ изъ обоихъ, положенныхъ въ предыд. спискѣ: первая половина до пребыванїя апостола въ странѣ антропофаговъ—по второму сказанїю, начинающемуся здѣсь краткимъ обзоромъ дѣянїй апостола до пришествїя на гору при веси Мирминїйской: „По вознесенїи Гѣ Бѣга и Спса нашего Іса Ха. проходящъ семѣ стомѣ апла Матфѣю, врѣченныя томѣ страны“; остальная половина—по первому сказанїю. Въ

копцѣ къ л. 58 прибавлено еще: Похвалное вкратцѣ словесѣ изображеніе стоуму аплоу і евалістоу Матоѣю. „Ѣнелиже свиде иже ѿ высоты превышнїи нѣсѣ“.

л. 64 обор. Мѣца ноября въ зї дѣвь житіе стго Григоріа чутворца. списано стѣ Григоріемъ нискї. „Разоумъ единъ есть на шемому словеса“. На греч. и латинск. языкахъ см. въ Patrol. Migne t. XLVII, 893.

л. 101. Въ той же дѣвь житіе и повизи прїбнаго ѿца нашего игъмена Никона. учѣнка блжнаго Сергіа чудотворца. „Кто оубо исповѣдати возможетъ“. Распространенной редакціи. См. въ отдѣльныхъ спискахъ выше.

л. 166 обор. Мѣца ноября ка. иже во стѣ ѿца ншего Германа архїепкпа Константина града бывшаго похвала ѿ пртѣй нашей гжи Бѣи. егда принесена бѣ въ цркъвь родителема своима тремя лѣ свѣци. „Сѣ пакы другїи соборникъ и свѣтелъ праздникъ Мѣре Гнѣ“. На греч. у Миня въ Patrol. ХСVIII, 309. Далѣе на л. 172 на тотъ же день Похвальныя слова Евфимїа инока и на л. 182—екзарха Георгїа, какъ въ предыд. спискѣ. Послѣднее слово потомъ съ л. 212 обор. написано еще вторично, впрочемъ въ другомъ переводѣ.—Л. 194 обор. На тотъ же день слово Тарасїа константинопольскаго. „Свѣтлое и преславное настоящее трѣжество“. См. Опис. ч. I, 674—675.—Л. 207 обор. В той же дѣвь введеніе въ цркъвь стѣа Бѣа трѣ лѣ соущи ей. „Яко же пишетъ прркъ Давидъ“. Слово это написано не на Введеніе Богородицы, а на память прав. Іоакима и Анны; на л. 208 прямо сказано: „Вчера ржѣтво Бѣи славихо... нынѣ же родителема тоя почювшеса. пѣ възслѣ“ и проч. См. его выше въ сентябрьскихъ Минеяхъ подъ 9 числомъ.

л. 226. Мѣца ноября въ кѣ дѣвь. оубїеніе великаго князя Михаїла Ярославича тверскаго. ѿ безбожнаго царя Абяка. „Сей

блженный великій кня³ Михаи^л, снъ великаго князя Ярослава Ярославича“. Древнѣйшая редакція автора современника. См. объ ней у Ключевского, стр. 71—74.

л. 238 обор. Мѣца нояб^р. кѣ де, житіе и повизи. и во стѣ^х ѡца нше, Амѣилох^іа. епс^кпа иконискаго. „Бѣаше нѣкто черноризецъ, именовъ Амѣилох^іе. той праведѣ и блговѣренъ“. На греч. и лат. у Мина: Patrol. XXXIX, 13—26.

л. 243 обор. Мѣца тог^о в кѣ. Левнт^я презвитера черноризца игоумена монастыря стго Савы Римскаго града. повѣсть житіа и чюдеси прѣнаго и блженаго ѡца нашего Григоріа епископа бывшаго акраганстѣй церкви. иже Сибелійскіа области. „Страшно и невнятно и вселенѣй оупѣшпо“. См. это житіе при твореніяхъ Григоріа: S. Gregorii opera. Venet. 1791. *Φοβερόν και ἀκατάληπτον θαῦμα και τη οὐκ ἐπιμένη ὠφέλιμον*.

л. 340 обор. Ноябрь 23. Послѣ житіа Александра невскаго той же Василіевской редакціи, какъ въ предыд. спискѣ, положено похвальное слово этому князю. „Прблгій и члколюбивый Гѣ. изряно свою блгостыню на сѣгрѣшающіи показоуетъ“. Написано неизвѣстнымъ послѣ собора 1547 г. по порученію митроп. Макаріа. См. объ этомъ словѣ или житіи въ книгѣ Ключевскаго на стр. 238. Чудесъ 13.

л. 358. Мѣца нояб^ря в кѣ днѣ. Моученіе стго мчника Меркуроіа. „Цртвоующѣ в то время Декію и Оуалеріанѣ. въ велицѣмъ градѣ Римѣ“. На латинск. см. въ Patr. Curs. Migne, t. CXVI, 269. Греческая редакція упомин. у Fabric. (edit. 1737), IX, 124.

л. 366. В той же днѣ моученіе стга Екатерины. и Виргиліа. и Витіа. „Лѣта третиагодесяте и пятаго црствующѣ нечестивоу Мазентію“. Въ концѣ списатель мученія пазываетъ себя Аванасіемъ борзоницемъ, рабомъ сея госпожи Екатерины. У

Алліція въ Diatrib. de Sim. script. p. 92—93. Fabric. IX, 64 (edit. 1737). Lambec. VIII, 824—825. См. также замѣтку объ этой святой въ Мѣсяцословѣ архим. Сергія т. II, ч. 2, стр. 370.

л. 388 обор. Мѣца ноября въ кѣ днѣ. моченіе стго Климента патріарха римскаго. четвертаго бывша по аплѣ Петрѣ. „Четвертый римстїи цркви приставникъ бысть Климентъ“. См. выше въ отдѣльн. спискѣ № 522, л. 65 обор. Далѣе на л. 398: Слово ш чудеса стго Климента. „Дивенъ Бгъ въ сты свои“.—Л. 406: Похвальное слово: „Небо радуется“, Климента болгарскаго. См. тамже л. 77 обор. и 90 обор.

л. 412. В той же днѣ мченіе стго Петра александрскаго. „Цртвзющю нечестивому и безаконному Диоклитіанѣ. въ славнѣмъ Никомидійстѣмъ градѣ“. Архим. Сергія Мѣсяцословъ вост. т. II, ч. 2, 372.

л. 424. Въ той же днѣ. стго священномника Климента епѣпа римскаго. оученика стго апла Петра. „Климентъ, Іаковѣ гноу епѣпѣ. і епископомъ епкпѣ. съблюдая же въ Іерлмѣ стоую христіаньскоую црkvѣ“. Сокращеніе такъ называемыхъ Клементинъ,—Ephome de gestis s. Petri. На латинск. и греч. языкѣ у Котелерія: Patres apostol. t. I, 755. У Мина Patrol. t. II, 469. Въ ркпси конецъ, гдѣ описывается жизнь Климента послѣ поставленія въ епископы, сокращенъ, но прибавлено сказаніе о перенесеніи его мощей изъ моря въ Корсунь. См. № 522, л. 89 обор.

л. 515. В той же днѣ слово похвалное сщепномчнику Клименту. „Великаго и неизреченнаго Бжїа проразоумѣнїа показаніе“. См. № 522, л. 1.

Сказаній о чудесахъ св. Георгія 26 ноября въ этомъ спискѣ не написано.

л. 559. Мѣца ноября въ кѣ днѣ слово похвалное бывшаго знаменіе чтною иконою. прѣтые нашея Бѣди. соущее в великомъ Новѣградѣ. „Слышасте оубо хрѣтолюбное трѣжество“. См. выше № 608, л. 7. Далѣе на л. 580 самое сказаніе о чудѣ Знаменія.

л. 568. Мѣца ноября въ кѣ днѣ моченіе стѣго Іакова прѣсяни-на. „Живяше блажный Іаковъ въ Вилапатыстѣ градѣ въ земли Елвѣзисцѣ“. Fabric. Bibl. IX, 84. Allatii De scriptis Sim. Metaphr. p. 121. Неизвѣстнаго автора. На русск. языкѣ въ Христ. Чт. 1826 г. ч. 8.

624 (506). Минейя Четья на ноябрь. Полууоставъ XVIII в. въ листѣ на 679 лл. Въ началѣ еще 8 нумерованныхъ листовъ оглавленія. Предѣ оглавленіемъ раскрашенная заставка изъ цвѣтовъ; на 1 л. другая, раскрашенная же и прозолоченная съ медальономъ посреди, на которомъ изображены св. Козьма и Даміанъ. Заглавіе перваго житія (Козьмы и Даміана) красивой киноварной вязью.

Содержаніе ркпси по 429 (17 ноября) тоже, что въ предыдущемъ спискѣ, за недостатчей только слѣд. статей: Житія преп. Іоанникія (4 дня), мученія св. Тимоѣя и Мавры (9), житій преп. Ѳеодора Студита (11) и св. Іоанна Златоустаго (13) и апокрифическаго сказанія объ апост. Матѣѣ (16—положено одно похвалное слово).

За тѣмъ, начиная съ житія преп. Никона игумена Сергіева монастыря (л. 429 обор. 17 ноября), до конца идутъ подъ рядъ житія и др. статьи ноябрьской Ч.-Минейи св. Димитрія ростовскаго. Не списаны только краткія памяти этой Минейи, напечатанныя въ ней въ видѣ дополненія къ каждому числу.

625 (819). Минея Четья на декабрь и январь. Полу-
уставъ XVI в. въ листъ на 466 лл. Первые два лл. оглавленіе.
На л. 3 общее заглавіе: Декабрь да генварь.

л. 3. Мѣца декабря въ 4 днь. Іѡанпа мниха и прозвитера
Дамаскина. слово сказующее ш стѣ и чтны иконахъ ко всяко-
му хрѣтянину и къ црю Костявтинѣ Ковалиноу. и на вся ере-
тики. „Понеже оубо мнози начаша съчиневати повѣсть. по
блжнномъ аплѣ Лоуцѣ“. Напеч. въ Соборникѣ II, л. 16. См.
Опис. ч. I, стр. 653.

л. 16 обор. Его же: Ѣ иже в вѣрѣ оусопши. яко иже ш нихъ
бываемыя служы и блготворенія ползоуютъ ихъ. „Яко ш снѣ-
деи чтаа. и слакаа прелагаема мпожицею“. См. Опис. ч. I,
стр. 310.

л. 29. Мѣца дебря въ 3 днь. Слово ш Амбросіи. и Ѳсѡдосіи
цри. „Оуалентіанъ же великій, вѣроу и блгочестиемъ совершенъ“.
Въ началѣ кратко разсказано объ избраніи Амвросія въ епи-
скопы, потомъ подробно объ отношеніяхъ его къ царю Ѳеодосію.

л. 31 обор. Мѣца дебря въ 4. днь слово на зачатіе стѣа
Анны. егда зачѣ стоую Бгородицоу. „Егда приближися время
пррчьскнихъ проповѣданій скончати хотя“. Кромѣ вступленія и
заключенія, все состоитъ изъ повѣствованія о зачатіи св. Анны
изъ Первоевангелія Іакова: „Бѣ Якимъ зѣло богатъ“.

л. 35. Мѣца того же въ 4 днь. мчніе стго и преславнаго
мѣка. Филимона. и Аполлонія. „Въ лѣто третіе, цртѣющѣ
Дивклітанѣ. бысть же по скончаніи ш Ги стѣ мчникъ Асікла
и Левнида“. Тоже въ сокращеніи въ печ. Минеѣ вмѣстѣ съ
страданіемъ Оирса, Левкія и др. изъ Метафраста. У Миня
t. CXVI, 507. Act. sanct. Mart. I, 751.

л. 43 обор. Мѣца того же въ 5 днь. мчніе стго сѣцпомчника
Елеуферія. „Сходящоу же Андриану ш востока в Римъ. и сице

емоу слышавшъ вѣкого имене "Елсоуферіа". На лат. и греч. въ А. Sanct. Apr. II, 528. 976.

л. 48 обор. Мѣца декаврія въ ѿ днѣ, моученіе стго Внифатіа и житіе Аглаиды. „Бгъ члвколюбивыи, требуай чла спсеніа“. Въ Act. Sanct. Maii III, 279. 19. Метафрастовой редакціи.

л. 53 обор. Мѣца декамврія въ кѣ днѣ мѣние стѣа Анастасіа. „Во времена Дивелитіана нечтиваго цря гоненіе бы хртіанско бѣ же етеръ мужъ Вжій, именовъ Хроусогонъ“. Разсказывается собственно о Хрисогонѣ, объ Анастасіи кратко. На греч. языкѣ полное Метафрастово сказаніе у Миня въ t. CXVI, 574.

л. 55 обор. Мѣца того въ кѣ. моуіне стѣ мѣнкѣ і тіе иже въ Крѣтѣ. „Бгъ иже надо всѣми и всѣ иже всяческаа мироу. и число оустроилъ“. На греч. языкѣ Метафрастово сказаніе см. у Миня Patrol. t. CXVI 566.

л. 60. Стго Григорія бгословца слово на Ржтво Хво. „Хсѣ ражается славите“. См. Опис. ч. I, стр. 246.

л. 68. Сначала зачеркнутое окончаніе какого то поученія. Потомъ на Рождество Христово сказаніе стго апла Іакова брата Гня по плоти. „Во дни оны възде повелѣние еже бы ѿ Августа цря“. Въ концѣ этого апокрифа читается: „Азъ же Яковъ написа сказаніе се“ и проч... „славя Бга и Влкоу всѣхъ. давшаго ми такоу преоудрость. написати тайны сия. Бгоу нашему слава“...

л. 71. Мѣца декабря. въ кѣ. стго и славнаго и всехвалнаго первомчнка архіакона Стефана. „Памяти добрыя прележашіа возлюбленіи повоудихомъ написати Хвѣ цркви“...

л. 77. Въ той же днѣ слово Івана Златаустаго похвала стго первомчнка. „Чувственое оубо слнце восіа на землю араикътоура. и вряона и власежилица и дпницію иматъ восіающа“. Принадлежитъ св. Проклу константинопольскому. Въ Patrol. Migne t. LXV, 802.

л. 81. Въ той же днь стго Григорія епѣпа вискаго умѣла въ стемъ Стеванѣ. „Коль добро блгѣхъ наслѣдованіе“ У Миня t. XLVI, 701.

л. 87 обор. Во второй разъ мученіе Стефана. См. л. 71. Здѣсь оно значительно сокращено.

л. 90. Повѣсть ѿ житія преподобнаго... Марка афиньскаго. жившаго въ горѣ трачестей. „Повѣда намъ авва Серапионъ“. Печ. Чети-Мин. 5 апр. Act. Sanct. Mart. III, 778 et 40.

л. 98. Мѣца генваря въ в днь. дѣявіе стго Селивестра епѣпа римьска. при Константвѣ цри римьстѣ. „Нашъ же оубо wobpa- зописецъ Евсевій, яко же бѣ цркви папиша иконы“. На греч.: *Ο' ἡμέτερος ἱστοριογράφος Ἐυβέβιος ἠνίκα τὴν ἐκκλη- βιαβτικὴν ἔγραφεν ἱστορίαν.* Fabric. IX, 141. Lambec. VIII, 683... Большая часть этого житія, именно статьи о крещеніи Константина, видѣніи св. ап. Петра и Павла, о зми, преніе съ жидами Сильвестра, чудо о юнцѣ, входитъ въ составъ хроногра- фовъ. Настоящій списокъ оканчивается чудомъ о юнцѣ.

л. 119 Мѣца генваря въ г днь. мѣніе стаго Гордія. „Законъ е ественны. пчела не возвизати ѿ сотовъ“. Слово св. Василія Ве- ликаго. Твор. св. отецъ, VIII, 280.

л. 126. Пророчество Малахино. блгосмышлено словесе Гня на Израиля в роукоу аггла его. „Положите се на срцы ваши“. Вся книга. Въ концѣ краткія свѣденія о Малахиі пророкѣ.

л. 129 обор. Мѣца генваря. въ д днь. мѣніе стго Зосимы и Ава- насія. „Исходящоу Доментианв. коумсоу божескаго имѣнія оу Ликипія“. Fabric. IX, 152. A. Sanct. Iann. I, 128.

л. 131 обор. Мѣца генваря. въ е днь. мѣніе стго Феушента. и Феуны. „Въ прьвое лѣто гоненія. Дивклитіанъ црь сттвори себѣ кзмира“. A. Sanct. Iann. I, 723.

л. 139. Въ той же днь житіе и жизнь прѣбна и бѣгосноснаго
вѣда пшего Павла единаго иже в поустыни. „Въмногажы възыска-
ние шно ѿ того первое поустыни житіе начать быти“. Написа-
но блж. Иеронимомъ. См. Act. Sanct. Iann. I, 604. У Миня
t. XXIII, ser. latin.

л. 146. Мѣца геваря въ ѣ днь. Григорія Бѣгослова... слово на
стѣе просвѣщеніе Гѣ Ба и Сѣса пше Іс Хѣ. і ѿ крѣщѣ. „Въчера
празникомъ празновавше просвѣщеніе“. См. Опис. ч. I, стр. 247.

л. 168 обор. В той же днь слово. на стѣе бѣгоявленіе Госпо-
да Бога и Сѣса... „Хѣ Гѣ. свѣтъ великій. всей свѣтлый днь при-
шелъ естъ ко Иердану“. Многое взято здѣсь изъ слова на кре-
щеніе Прокла константинопольскаго.

л. 173 обор. В той же днь иже во стѣ... Іванна Златауста-
го. „Дне возлюбленіи примемъ проповѣдника истинѣ. рекоу
же Павла апла“. См. въ печ. Прологъ 6 янв. Прокла констан-
тинопольскаго.

л. 176 обор. На тотъ же день І. Златоуста. „Мужие хѣлю-
бивіи. и страннолюбивіи. и братолюбивіи. яко страненъ мой
примете языкъ“. Св. Григорія неокесарійскаго. У Миня t. X,
р. 177.

л. 181 обор. Мѣца генваря, въ ѣ днь. житіе преподобныя Дом-
ники. „Хощѣ братіе вамъ сказати житіе доброволно. и бѣтвено
и чудно“. Незвѣстнаго автора.

л. 189 обор. Мѣца генваря въ ѣ. стѣо Мамы. епѣка мелетин-
скаго. похвала стѣому мѣчѣнкѣ. Полиекту „Иже на треды бранныя.
и на ратныя доблести написоующе“. Похвальное слово муче-
нику.

л. 195 обор. Мѣца геваря. і. житіе прѣбнаго ѿ пше Маркіяна.
„Блгвѣстъ Бѣгъ и Сѣць Гѣ нашего Іс Хѣ“. Въ концѣ авторъ Сер-

гій говорить о себѣ, какъ о близкомъ современникѣ святаго. Въ печ. Миней положено житіе Метафрастово.

л. 205. Мѣца того, въ і днь, житіе стго ѿца ншего Григорія ниськаго. „Добра оубо мѣ и полезна прележащихъ повѣсть“. Обширное похвальное слово св. Григорію.

л. 230 обор. В той же днь, житіе и подвизи прѣбнаго ѿца вашего Павла, иже пречтнъ монастырь во славѣ всестѣа Трца оустрои, и в немъ общее житіе съставляшаго къ спнію мнозѣ. „Яже изрядныи моужей бголюбивныи житія написана полага-ти“. Житіе Павла комельскаго или обнорскаго. См. Ключевскаго стр. 271. Къ житію здѣсь приложено сказаніе о чудесахъ (числомъ 19).

л. 267. Мѣца генваря, въ м днь, житіе и бытіе, стго і прѣбнаго ѿца нше Февсіа, архимандрита всеа пстыня, я по стмъ Ха Ба нше градо, списано ѿ прѣобнаго Февра епѣпа петрська, бывшѣ того оученикѣ. „Тресобное и неразлучное единосвщіе и бжво“. См. Fabric. IX, 148. Житіе древнѣйшее Метафрастова, по которому составлено въ печ. Миней.

л. 312. Мѣца того, ѣ днь, житіе и жизнь прѣбнаго ѿца нашего Іванна иже Ха ради нищаго. „Томителна нѣкая вещь, рожьши любви, и союзы естества перѣшима“. См. Fabric. t. IX, p. 102. A. Sanct. Iann. II, 313.

л. 322 обор. Мѣца того, и днь, житіе и жительство и во стѣ ѿца ншего, и исповѣдника, Аванасія велика архіепѣпа александрскаго. „Іви оубо иная блаженныхъ мѣжь воспоминанія къ добродѣтельному оуказанію и рвенію да сказзють“. Неизвѣстнаго автора. Migne Patrol. t. XXV, p. CLXXXV въ началѣ твореній св. Аванасія.

л. 350. В той же днь житіе и жизнь стѣа Тансіа. „Братія моя пріая, хоцѣ вамъ повѣствовати“. Migne Patr. (s. lat.) LXXIII, 661.

л. 352. Мѣца геваря въ ѡл. житіе и жизнь прибнаго ѡца ншего Макарія. египтянина. списано Серапіоноу оучнко великаго Антонія. „Аще и многа прилежанія, многа и различна врачевная хитрость“.

л. 381 обор. Мѣца генваря въ ка. мѣвнїе стго Нешфита. „Нешфитъ нѣкто Бжїй рабъ, въ Га ншего Іс Хѡ, ѡ рода христіаньска“. Fabric. Bibl. IX. 126. Сергія Мѣсяцосл. II, 25.

л. 386 обор. Мѣца генваря въ кв. моученіе стго апла Тимоѡѡя. оучнкоу бывшую стго апла Павла. „Вѣмы многы многоповѣстники мужа“. Приписывается Поликрату еписк. ефесскому. A. Sanct. Iann. III, 181.

л. 388 обор. Мѣца того ж въ кг днѣ. житіе и моученіе стго Климента ангурьскаго. „Въ лѣто двосотное прѡ нашего Га Іс Хѡ. по шествїи во второнадесате Оуалеріанѣ прѣтва“. A. Sanct. Iann. III, 73.

л. 416. Мѣца того ж въ ке. житіе и жизнь. иже во стѣ ѡца нашего Григоріа. архїепкпа Константія града. бгослова. списаво оучнко его. „Съзываетъ оубо насъ ш мужи Григорій“. См. Опис. ч. I, стр. 249.

л. 441. Мѣца геваря въ кв. исповѣданіе ѡчѣско. ш жизни прибнаго ѡца нашего. Ксенофонта. и чадъ его. „Сповѣда намъ нѣкый ѡ стѣхъ великихъ ѡцѣ. яко Ксенофонть нѣкто сиглиткъ бѣ“. Выше въ Опис. ч. I, стр. 328. 561.

л. 452. Мѣца генваря въ кз. принесеніе тѣла иже во стѣ ѡца ншего Іванна Златаустаго. „Изгнанъ бывъ иже покаянїю оучитель“. Далѣе на л. 453 обор. В той же днѣ принесеніе мощемъ стго Іванна Златаустаго. „Изгнанъ бысть стый Іваннь Златаустый ѡ престола своего“.

л. 458. Мѣца генваря въ кв. ѡбрѣтеніе моще стго чистаго моученика Игнатія. „Сїе блжннй великій Игнатїе. иже бгоно-

№№ 625—626

сець. ѿ Си́рія в Римскій градъ послася“. См. Сергія Мѣсяцосл. т. II, ч. 2, стр. 33.

л. 459 обор. Мѣца генваря въ лл. житіе рекше бытіе и мѣніе стѣю моученикоу. Кура. Іоанна. „Бгоначалное намъ Слово соущая истинна Хсѣъ Бгъ нашъ“. Въ предисловіи авторъ называетъ себя самовидцемъ чудесъ Кура и Іоанна. А. Sanct. Iann. III, 699. Сказанія о чудесахъ въ рѣпси не имѣется.

626 (509). Минейя Четья на февраль. Полууставъ XVI в. въ листъ на 265 лл. На перепл. листѣ помѣчено, что книга монастырская старая. Въ началѣ на двухъ нумерованныхъ лл. оглавленіе, раздѣленное на 28 главъ.

л. 1. Фе^в въ а днь. Житіе стго мѣнка Трифона. ѿ двою лѣтъ емоу в Никей сѣтворися начало стрти его. в Сатастіи веси бы. идѣже вѣнецъ емѣ съблюде. „Сии стый баше оучимъ и грѣемъ ѿ мѣре своея. оучимъ же ѿ аггль“. На л. 7 новое заглавіе для продолженія того же житія: Мѣніе стаго великомѣчника Трифона. „Гордіанъ кесарь. и принкипсѣ Аникія соувклитъ нарицаема“. См. Lambec. t. VIII, 153—154 и t. VII, 527. Въ редакцію Метафраста, изъ которой заимствовано житіе въ печ. Минейю, вошла только вторая половина актовъ св. Трифона.

л. 14. Мѣца февраля въ в днь. Исоухія прозвитера іероусалимьска. слово на Стрѣтеніе Спса Хѣа. „Да или не вѣсте яко Дхъ пррѣа Сіменна сотвори. и бѣ емоу речено не видѣти смрти“.

л. 17 обор. В той же днь. Авраамья архиепѣпа ефесьска. слово на Срѣтеніе Гѣа нашего Ісѣу Хѣа „Елма словеса на конци третиаго ѱальма глѣща. Гне сісєніе и на людехъ твои блвнїе твое“.

л. 22. Мѣца февраля въ г днь мѣніе стѣа Февдѣліи. мѣнѣ бывши въ гра Аназавронѣ. „Въ црство Діоклитіана прѣ

двою лѣтоу і Максимиана“. См. въ печати. Ч.-Минеѣ 5 февраля.

л. 27 обор. Мѣца февраля въ ̄ днѣ. мѣніе стѣа мѣвцы Агаѳіи. „Цртвѣющѣ Декию црю старѣйшинствѣющѣ же Коунтиану Сикелстей вбласти“. На греч. и лат. въ *Patrolog. Migne. t. CXIV, 1331*. Житіе оканчивается на обор. л. 33, а на 34 опять повторенъ конецъ его въ той же редакціи, но въ другомъ переводѣ. Строки этого повторенія были, судя по слѣдамъ клеа на бумагѣ, заклеены. Вѣроятно листы, предшествующіе этому листу, приставлены къ рукописи вмѣсто другихъ, на которыхъ было житіе Агаѳіи другаго превода. Рука писца впрочемъ одна по всей рукописи.

л. 34. В той же днѣ мѣніе стѣа Авраама епѣпа аровинскаго. „Въ ̄ е лѣто нашему гоненію. ятъ бы престѣй епѣпѣ Авраамъ града Ароувіиска“. Краткое сказаніе. См. *A. Sanctor. Febr. I. 473 ad 4 diem*. Изъ персидскихъ мучениковъ.

л. 34 обор. Мѣца февраля въ ̄ днѣ. моученіе стѣою мѣнцю. Марѣфы и Марія. сестреницема. Аоуваріоноу (Ликаріона) черньноризцѣ. „Въ днѣхъ тѣхъ. егда стѣи Хѣви мѣчени бываху. имене ради Хѣа“. Проложное сказаніе по *Минол. Василя (8 февр.)*.

л. 36. В той же днѣ. моученіа стѣхъ моученикѣ. Папы (Папія). Ивиwdора (Діодора). и Клавдіана. „Цртвоующюу Декию в то время. и воя водящюу Поуплій“. Прологъ 3 февр. См. архим. *Сергія Мѣсяцосл. II, ч. 2, 42—43*.

л. 37. Мѣца февраля въ ̄ житіе и жизнь прибнаго вѣа нашего. Парфеніа епѣпа бывшаго града Лампсаческаго. „Жажею и любовію подвизаемъ азъ грѣшный Скорпинъ (Криспинъ) поттихся писати“... Тоже съ обычными измѣненіями въ Ч.-Минеѣ Димитрія ростовскаго. На греч. и лат. у *Миня въ Patrol. t. CXIV, 1347*. На лат. въ *A. Sanct. Febr. II, 38*.

л. 44. Мѣца февраля въ ѿ дѣнь мѣніе стго Феодора Стратилата. „Яко же сіяеть слнце сѣдящимъ. тако и ш мѣнцѣхъ слова слышащихъ“. См. выше № 454, л. 372. Тоже житіе въ печ. Ч.-Минеѣ. Рукописное сокращеніе. См. также у Лямбеція t. IV, 287—289. У Фабриція (t. IX, 147) св. Ѳеодоръ Стратилать смѣшанъ съ Ѳеодоромъ Тирономъ (17 февр.).

л. 50. Мѣца февраля въ ѿ стѣхъ мѣникъ ѿ тысяць (тысяща и ѿ въ другомъ спискѣ) мѣныхъ бывшихъ в Никомидіи. „Бѣ въ времена цртвѣна Димклитѣана“. Въ печ. Минеѣ 7 февр. и въ Прологѣ 2 сент. См. Мѣсяцосл. архим. Сергія, т. II, ч. 2, стр. 48 и 269.

л. 51. Мѣца февраля въ ѿ дѣнь мѣніе стго Никифора мучена въ Антиохии. „Бѣваше вѣкто прозвѣтеръ именемъ Сапривіи“. Тоже въ печ. Минеѣ. На греч. и лат. у Миня въ *Patrolog.* t. CXIV, 1367.

л. 54. Мѣца февраля въ ѿ дѣнь. мучение стго Харлампія. „Цртвоующоу Гоу нашему Іс Хоу. и вся служба бѣсовская оупразнися“. Тоже въ печ. Минеѣ. См. *A. Sanct. Fabr.* II, 382.

л. 62. Мѣца февраля въ ѿ мѣ. Мѣніе стго спѣномѣнка. Власія епѣпа. мѣннаго в Севастіи градѣ. „Въ время шно. идольстіи слоужбѣ вдержаци, и мнози члци сзданю твари поклоняхоу“. Въ *A. Sanct. Febr.* I, 331—353. Тоже въ печ. Минеѣ.

л. 67. Мѣца февраля въ ѿ стго Григоріа епѣпа поусьскаго ш Мелетіи епѣпѣ. слово надѣгробное. „Възрасти намъ число аплкое. новыи апл“. *Migne. Patrol.* XLVI, 851.

л. 72. Мѣца февраля въ ѿ гѣ. житіе и жизнь прѣбаго шѣца нашего Мартиніана чрѣноризца „Близъ града Кесарія палестинския, гора есть“. Житіе, написанное современникомъ, лично знавшимъ святаго; оно слегка метафразировано въ редакціи Метафраста, по которой изложено въ печатн. Минеѣ. На греч.

церкви архіерейскаго дома, постриженъ Его Высокопреосвященствомъ въ монашество съ нареченіемъ ему имени „Антоній“, пятаго числа сего же марта новопостриженный монахъ Антоній, при служеніи въ той же церкви, произведенъ Его Высокопреосвященствомъ во іеродіакона, а 6 марта рукоположенъ во іеромонаха при служеніи въ казанскомъ кафедральномъ благовѣщенскомъ соборѣ“.

Справка: Вслѣдствіе отношенія казанской духовной консисторіи отъ 22 февраля за № 1049 препровождена была копія съ формулярнаго списка доцента академіи Александра Вадковскаго, нынѣ іеромонаха Антонія.

Правленіе академіи, на основаніи § 183 академическаго устава и отношенія канцеляріи г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 28 октября 1868 г. за № 4918, отношеніемъ своимъ отъ 8 сего марта за № 201 обратилось въ Хозяйственное Управление при Святѣйшемъ Синодѣ съ просьбою о высылкѣ о. Антонію магистерскаго креста.

Постановили: За сдѣланнымъ распоряженіемъ принять къ свѣдѣнію о постриженіи доцента академіи Александра Вадковскаго въ монашество съ нареченіемъ ему имени „Антоній“ и рукоположеніи его въ іеромонаха внести въ формулярный его списокъ.

V. Слушали: Записку бібліотекаря академіи Ѳ. Троицкаго отъ 22 марта сего 1883 года: „Имѣю долгу донести Совѣту академіи, что въ бібліотеку пожертвованы слѣдующія книги: 1) преподавателемъ еврейскаго и ассирійскаго языковъ въ Императорскомъ московскомъ университетѣ М. В. Никольскимъ „Ассирійскіе клинообразные тексты съ транскрипціей и подстрочнымъ русскимъ переводомъ“. Вып. 1. 4°, Москва, 1883 г. и 2) Людмилою Григорьевною г-жей Завьяловой, „Сынъ Отечества“ (воскресные №№) за 1882 г. Указанныя книги записаны въ хронологическій каталогъ подъ №№ 5482 и 5479-і“.

Постановили: Принявъ къ свѣдѣнію, жертвователей благодарить.

VI. Слушали: Стношеніе Императорскаго московскаго университета отъ 9 прошлаго февраля мѣсяца 1883 года за № 388: „Извѣщія о Высочайшемъ разрѣшеніи повсемѣстной по Россійской Имперіи подписки для составленія ка-

питала на учрежденіе при московскомъ университетѣ стипендіи и преміи за историческія сочиненія имени покойнаго почетнаго члена университета, заслуженнаго профессора Сергѣя Михайловича Соловьева, правленіе университета въ увѣренности, что сіе дѣло будетъ встрѣчено сочувствіемъ со стороны академіи, честь имѣеть представить при семъ какъ самое извѣщеніе о подпискѣ, такъ и подписной листъ на сей предметъ за № 204.

При семъ правленіе считаетъ не лишнимъ присоединить, что для учрежденія стипендіи, предполагаемой въ 300 руб., потребуется капиталъ не менѣе 6000 р., а для учрежденія преміи за историческія сочиненія, полагая полную премію въ 1000 руб., въ размѣрѣ 30000 руб., и что самая подписка можетъ быть производима, согласно волѣ жертвователей, или на стипендію и премію вмѣстѣ, или только на премію, или же только на стипендію“.

Постановили: Циркулировать прописанное отношеніе и подписной листъ гг. преподавателямъ и прочимъ должностнымъ лицамъ академіи и о послѣдующемъ имѣть сужденіе.

VII. Слушали: Донесеніе инспектора академіи В. Митроворцева отъ 15 марта сего 1883 года: „Имѣю честь донести Совѣту академіи, что 24 мипувшаго февраля скончался студентъ II курса Михаилъ Николаевскій отъ сибирской язвы, какъ оказалось по вскрытіи труна“.

Постановили: Принявъ къ свѣдѣнію, исключить покойнаго Николаевского изъ студенческихъ списковъ.

VIII. Слушали: а) Прошеніе студента III курса церковно-практическаго отдѣленія Ивана Лебедева отъ 22 марта сего 1883 года: „Простудившись въ январѣ мѣсяцѣ я не могъ съ этого времени надлежащимъ образомъ заниматься своимъ курсовымъ сочиненіемъ. Грудная боль, которая явилась отъ этой простуды, часто отрывала меня отъ занятій, а въ послѣднее время заставила даже лежать въ больницѣ. Вслѣдствіе такого разстройства здоровья я рѣшительно не надѣюсь къ апрѣлю мѣсяцу приготовить свое сочиненіе. Поэтому осмѣливаюсь просить Совѣтъ академіи отстрочить мнѣ подачу его до 15 августа 1883 года“.

Врачъ академіи засвидѣтельствовалъ что „студентъ академіи Иванъ Лебедевъ съ января текущаго года по насто-

ящее время пользуется у него отъ ревматизма межреберныхъ мышць“.

б) Прошеніе студента III курса церковно-практическаго отдѣленія Павла Ложкина отъ 22 марта сего 1883 года: „Вслѣдствіе моея болѣзни, въ настоящее время я не могу надлежащимъ образомъ продолжать работу по курсовому сочиненію и не могу представить послѣдняго къ назначенному сроку 1-му апрѣля. Покорнѣйше прошу Совѣтъ академіи отложить мнѣ работу на время ваката. При семъ представляю удостовѣреніе доктора о моея болѣзни“.

Врачъ академіи засвидѣтельствовалъ, что „студентъ академіи Павелъ Ложкинъ лѣчится въ больницѣ академіи отъ желудочно кишечнаго катарра“.

Справка: По опредѣленію Совѣта отъ 8 іюня 1877 г. неподавшіе кандидатскихъ сочиненій до экзаменовъ не допускаются къ испытаніямъ.

Постановили: Припимая во вниманіе болѣзненное состояніе студентовъ III курса Ивана Лебедева и Павла Ложкина, засвидѣтельствованное врачомъ академической больницы г. Кремлевымъ, отсрочить имъ подачу кандидатскаго сочиненія до 15 августа сего 1883 года, допустивъ на ряду съ другими студентами къ сдачѣ устныхъ испытаній, о чемъ и сообщить церковно-практическому отдѣленію и студентамъ Лебедеву и Ложкину.

IX. Слушали: Отношеніе намѣстника московскаго каедральнаго Чудова монастыря отъ 12 марта 1883 года за № 48: „На отношеніе Совѣта академіи отъ 4 сего марта за № 192 имѣю честь отвѣтствовать, что просимая Совѣтомъ рукопись на пергаменѣ „Требникъ XIV в. подъ № 5“, для пользованія привать-доценту академіи Алексѣю Дмитриевскому на мѣсячный срокъ препровождена съ почтою на имя Совѣта академіи подъ № 47, по минованіи нужды, покорнѣйше прошу возвратить рукопись въ каедральный Чудовъ монастырь“.

Справка: Означенный требникъ полученъ и переданъ привать-доценту А. Дмитриевскому подъ росписку въ дѣлѣ.

Постановили: Принявъ къ свѣдѣнію, увѣдомить о полученіи рукописи его высокошреподобіе намѣстника московскаго каедральнаго Чудова монастыря о. архимандрита Веніамина и по минованіи срока и надобности возвратить рукопись съ благодарностію.

Х. Слушали: Отношеніе директора московскаго публичнаго и румянцевскаго Музеевъ отъ 14 марта 1883 года за № 133: „На отношеніе Совѣта академіи отъ 4 сего марта, за № 194 имѣю честь увѣдомить, что я, на основаніи § 24 устава Музеевъ, вошелъ сего же числа съ представленіемъ къ господину министру народнаго просвѣщенія объ исходатайствованіи Высочайшаго Государя Императора разрѣшенія на высылку въ Совѣтъ академіи, на одинъ мѣсяць, греческаго рукописнаго каноника XV в., изъ собранія П. И. Севастьянова № 498 (по описанію Викторова 42)“.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

ХІ. Слушали: Прошеніе доцента академіи Николая Красносельцева отъ 21 марта 1883 года: „Честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ академіи выписать для моихъ ученыхъ работъ изъ московской синодальной бібліотеки слѣдующія греческія рукописи: свхологій XV в. № 281 и сборникъ чиновъ принятія обращающихся изъ разныхъ ересей къ православной церкви, рукопись XII в. № 443 и одну славянскую рукопись XIII в. № 262 (по указателю Саввы), содержащую въ себѣ поученія Константина пресвитера, срокомъ на два мѣсяца.“

Постановили: Ходатайствовать предъ московской синодальной бібліотекой о высылкѣ въ Совѣтъ академіи просимыхъ доцентомъ Красносельцевымъ рукописей на двухмѣсячный срокъ.

ХІІ. Слушали: Докладъ секретаря Совѣта академіи М. Соловьева: „Помощникъ бібліотекаря академіи Ѳеодоръ Троицкій, избранный въ засѣданіи Совѣта 23 февраля сего года большинствомъ голосовъ на должность бібліотекаря академіи, резолюціей Его Высокопреосвященства отъ 7 сего марта за № 80, послѣдовавшей на журналѣ Совѣта № 6, утвержденъ въ означенной должности. Велѣдствіе сего неуютно ли Совѣту войти въ сужденіе о замѣщеніи должности помощника бібліотекаря академіи; при семъ имѣю честь представить прошенія лицъ, изъявившихъ свое желаніе баллотироваться на означенную должность“.

а) Прошеніе священника Серафимо-Дивѣева монастыря нижегородской епархіи ардатовскаго уѣзда Іоанна Ми-

ловскаго: „Честь имѣю почтительнѣйше просить Совѣтъ казанской академіи, въ случаѣ имѣющейся быть вакантной при академіи должности помощника бібліотекаря, я желалъ бы занять эту должность. При семъ прошу Совѣтъ академіи, не найдетъ ли онъ возможнымъ оповѣстить меня для вытребованія документовъ нужныхъ при баллотировкѣ по адресу: станц. Верьтьяново, нижегородской губерн. ардаговскаго уѣзда, въ Серафимо-Дивѣевъ женскій монастырь“.

б) Прошеніе настоятеля Скорбяще-Богородицкой церкви, что при казанской окружной лечебницѣ, священника Гавріила Павловскаго: „Съ 1869 года я состою священникомъ при Скорбяще-Богородицкой церкви казанской окружной лечебницы, желательно было бы и еще послужить при означенномъ заведеніи, но такъ какъ я получаю довольно ограниченное содержаніе, всего 480 руб. въ годъ, каковаго содержанія едва достасть на удовлетвореніе самыхъ необходимыхъ потребностей моего семейства, то вслѣдствіе сего я желалъ бы оставить мою службу при церкви окружной лечебницы и занять такое мѣсто, которое болѣе обезпечивало бы мое семейное положеніе. Въ настоящее время при казанской духовной академіи должность помощника бібліотекаря состоитъ вакантною, а такъ какъ я желалъ бы занять оную должность, то посему покорнѣйше прошу Ваше Высокопреподобіе допустить меня къ баллотировкѣ на должность помощника бібліотекаря казанской духовной академіи. При семъ почтительнѣйше имѣю честь представить копію съ моего послужнаго списка и свидѣтельство о моемъ поведеніи за № 91, выданныя директоромъ казанской окружной лечебницы“.

в) Прошеніе діакона казанской кладбищенской церкви Петра Александрова: „Мнѣ стало извѣстно, что при казанской духовной академіи должность помощника бібліотекаря считается свободною,—имѣя желаніе занять вышеозначенную должность, я всепокорнѣйше просилъ бы васъ, Ваше Высокопреподобіе, предоставить оную мнѣ. При семъ прилагаю мой формулярный, засвидѣтельствоваанный мѣстнымъ о. благочиннымъ, списокъ“.

г) Прошеніе приватъ-доцента академіи Алексѣя Дмитріевскаго: „Честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ академіи баллотировать меня на должность помощника бібліотекаря академіи“.

д) Прошеніе казанской губерні лаишевскаго уѣзда села Карадуль Вознесенской церкви, псаломщика-священника Николая Кольвицкаго: „Имѣю честь покорнѣйше просить ваше высокопреподобіе сдѣлать распоряженіе о допущеніи меня къ баллотировкѣ на должность помощника библіотекаря при казанской духовной академіи“.

Кромѣ означенныхъ лицъ заявили свое желаніе баллотироваться на должность помощника библіотекаря студентъ Вологодской семинаріи Андрей Доброумовъ, баллотировавшійся на должность библіотекаря академіи.

Справка: По ст. 194 III т. Св. Зак. изд. 1876 г. Уст. Сл. прав. „Всѣ вообще начальства и мѣста должны всемѣрно стараться о замѣщеніи подвѣдомственныхъ имъ должностей людьми достойными и способными; почему при удостоеніи кого либо къ открывшейся вакансіи, если оны прежде состоялъ уже въ службѣ, обязаны не только разсматривать послужной его списокъ, но и стараться удостовѣриться въ поведеніи его и раченіи при исправленіи прежней должности, дабы тѣмъ основательнѣе можно было заключить о способности его къ занятію новаго мѣста“.

Личность гг. Дмитріевскаго и Доброумова извѣстна Совѣту по дѣлу о соисканіи ими должности библіотекаря академіи.

Изъ приложенныхъ при прошеніяхъ прочихъ лицъ документовъ видно: Священникъ Іоаннъ Миловскій окончилъ курсъ въ нижегородской духовной семинаріи въ 1878 г.; священникъ Гавріиль Павловскій окончилъ курсъ въ чебоксарскомъ духовномъ училищѣ въ 1864 г. Всѣ означенныя лица судимы и штрафованы не были.

О службѣ псаломщика священника Кольвицкаго ничего не извѣстно, такъ какъ при прошеніи никакихъ документовъ не приложено и самое прошеніе гербовымъ сборомъ не оплачено.

Постановили: Священниковъ Миловскаго и Павловскаго, діакона Александрова, привать-доцента Дмитріевскаго и студента семинаріи Андрея Доброумова допустить къ баллотированію въ слѣдующее засѣланіе Совѣта на вакантную должность помощника библіотекаря академіи; отцу ректору академіи поручить принимать прошенія, съ разсмотрѣніемъ документовъ, и отъ другихъ могущихъ явиться на соисканіе сей, должности, лицъ;

неаломщику же Вознесенской церкви села Карадуль священнику Николаю Кольвицкому сообщить чрез канцелярію академіи, чтобы онъ въ возможно непродолжительномъ времени, во 1-хъ выслалъ 60-ти копѣечную гербовую марку для приложенія ея на доставленное имъ въ Совѣтъ прошеніе и во 2-хъ, надлежаще засвидѣтельствовавшую и оплаченную гербовымъ сборомъ копію съ послужнаго его списка, необходимую для допущенія его къ баллотированію на должность помощника бібліотекаря.

ХІІІ. Слушали: Докладъ секретаря М. Соловьева: „Честь имѣю доложить Совѣту, что, на основаніи § 124 академическаго устава, Совѣту надлежитъ войти въ сужденіе о вызовѣ семинарскихъ воспитанниковъ въ составъ новаго академическаго (XXVIII) курса и объявить объ имѣющемъ быть пріемѣ студентовъ въ настоящемъ году въ академію, для желающихъ поступить въ оную“.

Справка: 1) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 13 мая 1871 года за № 1048, вмѣнено въ обязанность академическому начальству, чтобы оно а) предназначало, по возможности, въ составъ академическаго курса воспитанниковъ изъ тѣхъ семинарій, которые составляли прежній учебный округъ академіи, принимая при этомъ въ соображеніе количество въ каждой семинаріи и нужду епархій въ которыхъ сіи заведенія находятся; б) чтобы, въ видахъ составленія академическаго курса изъ наилучшихъ воспитанниковъ, старалось комплектовать каждый курсъ воспитанниками преимущественно изъ семинарій преобразованныхъ по новому уставу и при томъ изъ тѣхъ, которые получили преобразование за годъ, за три года или за пять лѣтъ до требованія въ академіи, такъ какъ во время преобразования семинарій, при раздѣленіи бывшихъ двухгодичныхъ отдѣленій на годичные шесть классовъ, во 2, 4 и 6-й классы поступають лучшіе ученики въ сравненіи съ помѣщенными въ 1, 3 и 5 классы, и потому выпускные курсы въ такихъ семинаріяхъ, падающіе на нечетные послѣ преобразования годы представляютъ возможность значительно лучшаго выбора воспитанниковъ для академіи и в) чтобы, по силѣ §§ 124 и 125 академ. устава, не допускатись вызова и пріема въ академію семинарскихъ воспитанниковъ, не окончившихъ курса ученія семинаріи.

2) Указомъ изъ Святѣйшаго Синода, отъ 22 іюля 1870 г. за № 93, предписано было, чтобы для большаго удобства при замѣщеніи вакантныхъ учительскихъ мѣстъ въ отдаленныхъ сѣверовосточныхъ епархіяхъ: иркутской, томской, тобольской, архангельской и пермской, вызывать изъ тамошнихъ семинарій въ академіи большее число воспитанниковъ, которымъ, по окончаніи курса, было бы удобнѣе, по климатическимъ привычкамъ, поступать на училищную службу на ихъ родинѣ или въ ближайшихъ къ оной мѣстностяхъ

3) Къ бывшему казанскому округу причислены были семинаріи: казанская (223 воспитанника), нижегородская (216 воспитан.), тамбовская (410 воспитан.), симбирская (353 воспитан.), самарская (158 воспитан.), саратовская (281 воспитан.), уфимская (122 воспит.), астраханская (108 воспитан.), вятская (367 воспит.), пермская (231 воспитан.), пензенская (324 воспит.), кавказская (144 воспитан.), томская (230 воспитан.), тобольская (252 воспит.) и иркутская (166 воспитанниковъ). Изъ нихъ преобразованы по новому уставу семинаріи: въ 1867 году—нижегородская, астраханская и самарская, въ 1871 году казанская, вятская, пермская, иркутская и кавказская; въ 1873 году—симбирская, уфимская и саратовская, въ 1875 году—пензенская и тобольская и въ 1877 году—тамбовская и томская.

Изъ числа семинарій, входившихъ въ составъ с.-петербургскаго округа, преобразованы: въ 1868 году—с.-петербургская (223 восп.), смоленская (281 воспитан.), и псковская (216 воспит.); въ 1872 году—оловонецкая (223 восп.), витебская (122 воспит.) и литовская (115 воспитан.); въ 1874 году—могилевская (166 восп.) и минская (158 воспитан.) и въ 1876 году—рижская (65 воспитан.). Сверхъ поименованныхъ семинарій преобразована также семинарія тверская (317 воспитанниковъ).

Изъ семинарій, входившихъ въ составъ московскаго округа, преобразованы: въ 1867 году рязанская (324 воспитан.) и костремская (302 воспитан.); въ 1869 году—тульская (317 воспитан.), калужская (302 воспитан.), владимірская (367 воспитан.) и вологодская (295 воспитан.); въ 1873 году—ярославская (245 воспит.); московская (432 воспитан.) и въ 1881 году—виѣанская (274 воспитанника).

Изъ семинарій, входившихъ въ составъ кievскаго округа, преобразованы: въ 1868 году—кишиневская (511 воспитан.); харьковская (281 воспитан.) и херсонская (238 воспитан.); въ 1870 году—черпиговская (137 воспитан.); въ 1872 году—волинская (605 воспитан.), екатеринославская (238 воспитан.), орловская (281 воспитан.), подольская (418 воспитан.) и тифлисская (187 воспитан.); въ 1874 году—воронежская (468 воспитан.) въ 1876 году—полтавская (334 воспитан.) и въ 1878 году кievская семинарія (410 воспитан., курская (331 воспитанникъ).

5) По § 124 академ. устава „Совѣтъ академіи, предъ началомъ академическаго года, по разчисленіи, сколько изъ какой семинаріи предполагается нужнымъ вызвать лучшихъ воспитанниковъ въ составъ новаго академическаго курса, представляетъ въ опредѣленномъ, по § 86 подъ лит. В. п. 1, порядкѣ Святѣйшему Синоду о вызовѣ таковыхъ въ академію и вмѣстѣ съ симъ объявляетъ объ имѣющемъ быть приѣмѣ въ академію, для желающихъ поступить въ оную“.

5) По § 6 академ. устава въ студенты академіи принимаются лица всѣхъ состояній православнаго исповѣданія.

6) По § 3 правилъ для приѣма студентовъ въ казанскую академію: „Просьбы о приѣмѣ въ студенты подаются на имя ректора не позже 15 августа“.

7) По § 4 тѣхъ же правилъ, къ просьбамъ прилагаются потребные документы: а) семинарскій или гимназическій аттестатъ или свидѣтельство о вполнѣ удовлетворительномъ выдержаніи полного семинарскаго или гимназическаго курса; б) метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи, или выписка изъ метрическихъ книгъ; в) документы о состояніи, къ которому проситель принадлежитъ, г) для лицъ податнаго состоянія увольнительное отъ общества свидѣтельство и д) медицинское свидѣтельство о здоровомъ состояніи и привитіи оспы; кромѣ се о лица, подлежащія въ настоящемъ году призыву къ отправленію воинской повинности, обязаны представить свидѣтельство о припискѣ къ какому либо призывному участку.

8) Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ ^{15 октября} ~~13 ноября~~ 1843 года и указомъ Святѣйшаго Синода отъ 23 мая

1873 года за № 1022, даннымъ Совѣту кievской духовной академіи, по поводу возбужденнаго въ Совѣтѣ академіи вопроса относительно формы въ какой должны быть доставляемы академическимъ начальствамъ свидѣнія о рожденіи и крещеніи отправляемыхъ воспитанниковъ въ академію, разрѣшено принимать вмѣсто метрическихъ о рожденіи и крещеніи ихъ свидѣтельствъ, надлежаще удостоверенныя духовными консисторіями выписи изъ метрическихъ книгъ, не воспрепятствія и метрическихъ свидѣтельствъ, если таковыя будутъ представляемы. Что же касается тѣхъ изъ семинарскихъ воспитанниковъ, которые отправляются въ академію не по назначенію семинарскаго начальства, а по собственному желанію, то они обязуются представить непосредственно академическому начальству установленныя по указу метрическія свидѣтельства“.

9) По § 5 правилъ для пріема въ студенты академіи: „Поведеніе желающихъ поступить въ академію должно быть не ниже очень хорошаго. Окончившіе курсъ въ средне-учебномъ заведеніи за годъ и болѣе до поступленія въ академію должны представить одобрительныя свидѣтельства о своемъ поведеніи отъ мѣстнаго подлежащаго начальства“.

10) По § 6 тѣхъ же правилъ: „Желающія поступить въ академію лица, прежде принятія, подвергаются повѣрочному испытанію по предметамъ, всякій разъ назначаемымъ Совѣтомъ академіи“ (уст. 127).

11) По § 8 тѣхъ правилъ: „Поступающіе въ академію, сверхъ устнаго испытанія, должны написать два сочиненія на заданныя темы“.

12) Въ п. II Высочайше утвержденныхъ 8 іюля 1869 года дисциплинарныхъ правилъ для учащихся въ открытыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, кои, на основаніи опредѣленія Святѣйшаго Синода отъ $\frac{3}{16}$ сентября того же года, примѣняются къ духовно-учебнымъ заведеніямъ, между прочимъ, сказано: „предложить чрезъ попечителей учебныхъ округовъ Совѣтамъ университетовъ, чтобы повѣрочныя испытанія, которыя, на основаніи § 86 устава университетовъ, разрѣшено Совѣтамъ устанавливать для поступающихъ въ университеты, производить по возможности изъ нѣсколькихъ предметовъ, выбирая для того предметы болѣе или менѣе подходящія къ наукамъ того факультета, въ который молодой человекъ желаетъ поступить, и съ обращеніемъ надле-

жащаго вниманія на письменные отвѣты, какъ на одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ оцѣнкѣ зрѣлости сужденія и знанія отечественнаго языка“.

13) Въ указѣ Святѣйшаго Синода отъ 7 апрѣля 1876 года за № 1004, между прочимъ, сказано: „Пояснить Совѣту академіи, что для поступленія въ число студентовъ экзаменующіеся должны имѣть удовлетворительныя отвѣтки (не менѣе 3-хъ) по каждому предмету повѣрочнаго испытанія, и что снисхожденіе, по усмотрѣнію Совѣта, можетъ быть оказываемо въ томъ случаѣ, когда одна неудовлетворительная отвѣтка (2) покрывается удовлетворительнымъ балломъ по однородному предмету, наприм., баллъ отвѣта по богословію, философскимъ наукамъ и исторіи балломъ сочиненія по этимъ предметамъ“.

14) Циркулярнымъ отношеніемъ г. О'еръ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 17 августа 1865 года за № 4538, предписано, чтобы лица духовнаго званія, желающія поступить въ академію, являлись на испытаніе не иначе, какъ съ документами и одобреніемъ своего епархіальнаго начальства.

15) Определеніемъ Святѣйшаго Синода отъ 10 декабря—10 января 1875—76 г. за № 1834, между прочимъ, постановлено: „Предоставляя женатымъ священникамъ полную свободу поступать въ академіи въ качествѣ вольнослушателей или же, въ случаѣ окончанія ими семинарскаго курса въ первомъ разрядѣ, въ число своекоштныхъ академическихъ студентовъ, если они удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ повѣрочнаго испытанія, на казенное содержаніе таковыхъ не принимать, равно какъ и на стипендію, по которымъ требуется обязательная, по окончаніи академическаго курса, служба въ духовно учебномъ вѣдомствѣ по распоряженію высшаго духовнаго начальства или по положеніямъ о стипендіяхъ. Правило это съ равною силою и въ той же мѣрѣ должно быть распространено и на женатыхъ лицъ, пеимѣющихъ священнаго сана, въ случаѣ представленія ими прошеній о принятіи ихъ въ академію для продолженія въ оной курса наукъ“.

16) Смѣтныхъ суммъ въ 1883 г. ассигновано на содержаніе 160 казеннокоштныхъ студептовъ: на 100 положенныхъ по штату 30 мая 1869 года и на 60 по увеличенному штату 1880 г. Казеннокоштныхъ студентовъ съ

начала текущаго учебнаго года состояло 150 человѣкъ, именно на I курсѣ 43, на II 40, на III 39 и на IV курсѣ 28. Изъ нихъ на I, II и III курсахъ по 15 человѣкъ, а на IV 5 человѣкъ (а всего 50) были припаты на казенное содержаніе согласно Высочайше утвержденному въ 11 день января 1880 г. опредѣленію Святѣйшаго Синода объ увеличеніи штата студентовъ академіи. Въ теченіи текущаго учебнаго года освободились двѣ казеннокоштные студенческія вакансіи: одна на I курсѣ за выходомъ изъ академіи студента I к. священника Богородицкаго, а другая за смертію студента II к. Николаевского. Обѣ эти вакансіи имѣютъ быть замѣщены своекоштными студентами, состоящими въ настоящее время на I и II курсѣ. За выходомъ изъ академіи студентовъ IV к. освободится 28 казеннокоштныхъ вакансій и кромѣ того можетъ быть открыто еще по увеличенному штату 10 вакансій, на содержаніе которыхъ уже ассигнована сумма съ 15 августа 1883 года. Такимъ образомъ къ началу будущаго учебнаго года имѣетъ быть 38 казеннокоштныхъ вакансій; по по заявленію г. инспектора зданія академіи могутъ помѣстить вмѣсто 38 только 30 студентовъ.

Постановили: 1) Вызвать въ составъ новаго XXVIII курса студентовъ казанской духовной академіи окончившихъ курсъ воспитанниковъ изъ слѣдующихъ семинарій: астраханской одного, владимірской одного, вятской двоихъ, иркутской одного, казанской двоихъ, костромской одного, нижегородской двоихъ, пензенской двоихъ, пермской одного, рязанской одного, самарской одного, саратовской двоихъ, симбирской двоихъ, тамбовской двоихъ, тверской одного, тобольской одного, томской одного и уфимской одного, всего 25 воспитанниковъ, и кромѣ того пять казеннокоштныхъ вакансій предоставить волонтерамъ на основаніяхъ, изложенныхъ въ правилахъ о пріемѣ студентовъ въ казанскую духовную академію. О вышесказанномъ проситъ Его Высокопресвященство представить Святѣйшему Синоду, съ присовокупленіемъ, что а) изъ семинарій кавказской и тифлисской Совѣтомъ не предполагается вызова потому, что воспитанники означенныхъ семинарій, какъ показалъ опытъ и какъ свидѣтельствуетъ академическій врачъ, трудно переносятъ климатическія условія города Казани и что б) такъ какъ академическія зданія мо-

гуть вмѣстѣ только 152 студента, для осьми же студентовъ, которые могли бы быть приняты на казенное содержаніе по увеличенному штату, не оказывается въ оныхъ помѣщеніяхъ, то Совѣтъ академіи вынужденъ ограничить вызовъ воспитанниковъ семинарій въ составъ новаго академическаго курса только 30-тью лицами, остальные же восемь человѣкъ могутъ быть помѣщены развѣ на частныхъ квартирахъ, если это будетъ угодно Святѣйшему Синоду, съ выдачею имъ на руки казеннаго содержанія.

2) Объявить чрезъ Православный Собесѣдникъ и Церковный Вѣстникъ, что въ казанской духовной академіи имѣеть быть въ августѣ мѣсяцѣ настоящаго года приемъ студентовъ въ составъ новаго курса на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Въ студенты академіи принимаются лица всѣхъ состояній православнаго исповѣданія, окончившія вполнѣ удовлетворительно курсъ семинаріи съ званіемъ студента или классической гимназіи. 2) Просьбы о приемѣ въ студенты подаются на имя ректора не позже 15 августа. 3) Къ просьбамъ прилагаются слѣдующіе документы: а) билетъ на проѣздъ въ г. Казань, б) семинарскій или гимназическій аттестатъ о вполнѣ удовлетворительномъ выдержаніи экзамена изъ наукъ полнаго семинарскаго или гимназическаго курса; в) законенное метрическое свидѣтельство (а не выписку или справку) о рожденіи и крещеніи для лицъ, поступающихъ въ академію не по назначенію семинарскаго начальства, а по собственному желанію; лица же, поступающія въ академію по назначенію семинарскаго начальства, могутъ представить, вмѣсто свидѣтельства, выписку изъ метрическихъ книгъ, надлежаще удостовѣренную мѣстною консисторіею; г) свидѣтельства о привитіи оспы и состояніи здоровья; д) документы о состояніи, къ которому проситель принадлежитъ и е) лица податнаго состоянія увольнительное отъ общества свидѣтельство; ж) лица, подлежащія въ настоящемъ году призыву къ отправленію воинской повинности, обязаны представить свидѣтельство о припискѣ къ какому либо призывному участку и явкѣ къ исполненію воинской повинности, если вышли къ тому срокъ. 4) Поведеніе желающихъ поступить въ академію должно быть не ниже очень хорошаго; окончившіе курсъ въ среднемъ учебномъ заведеніи за годъ и болѣе до поступленія въ академію должны представить одобritelъ-

ное свидѣтельство о своемъ поведеніи отъ мѣстнаго подлѣжащаго начальства. 5) Лица духовнаго званія, желающія поступить въ академію, обязаны представить при своемъ прошеніи одобрительное свидѣтельство спархіальнаго начальства о своемъ поведеніи. в) Желающіе поступить въ студенты академіи, прежде пріятія, подвергаются повѣрочному испытанію по слѣдующимъ предметамъ: а) по догматическому богословію (воспитанники гимназій по пространному катихизису), б) по общей церковной исторіи, в) по обзору философскихъ ученій, а для воспитанниковъ гимназій по логикѣ; г) по обоимъ классическимъ языкамъ и д) по одному изъ новыхъ языковъ, по желанію экзаменующихся. 7) Поступающіе въ академію, сверхъ означеннаго устнаго испытанія, должны дать два письменные отвѣта—одинъ по богословію, а другой по философіи, а воспитанники классической гимназій, если бы таковыя оказались, вмѣсто философскаго сочиненія должны написать сочиненіе по словесности, богословское же сочиненіе имѣютъ писать наравнѣ съ прочими. На сочиненіе будетъ обращать особенное вниманіе, какъ на одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ оцѣнкѣ зрѣлости сужденій и знанія отечественнаго языка. 8) Успѣшно выдержавшіе повѣрочное испытаніе, т. е. получившіе по каждому предмету испытанія не менѣе 3, принимаются въ студенты академіи—лучшіе на казенное содержаніе, а остальные на свое, за исключеніемъ лицъ жепатыхъ, которыя ни въ какомъ случаѣ, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 10 января 187⁹/_{10 декабря} года, на казенное содержаніе не будутъ принамаемы.

XIV. Слушали: Предложеніе ректора академіи, протоіерея А. Владимірскаго: „Согласно отношенію Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ отъ 25 августа 1879 года, за № 7709, Совѣтъ академіи опредѣленіемъ отъ 11 сентября 1879 года поручилъ правленію составить, при содѣйствіи архитектора, планы и смѣты на расширеніе существующихъ академическихъ зданій для помѣщенія сверхъ 100 человекъ, положенныхъ по штату 30 мая 1869 г., еще 60-ти казеннокоштныхъ студентовъ по увеличенному Святѣйшимъ Синодомъ штату студесческихъ вакансій. Вслѣд-

ствіе сего правленіе академіи, при содѣйствіи бывшаго казанскаго губернскаго инженеръ-архитектора барона Розена, составило (1 декабря 1879 г. и 11 января 1880 г.) два эскиза плановъ пристроекъ въ академическимъ зданіямъ. Означенные эскизы плановъ препровождены были на предварительное заключеніе осматривавшему, по распоряженію высшаго начальства, зданія академіи въ октябрѣ 1879 года г. архитектору Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ коллежскому ассесору Люшину, согласно его желанію. Означенные эскизы плановъ г. Люшинымъ правленію академіи не возвращены и дѣло о расширеніи академическихъ зданій доселѣ не получило окончательнаго рѣшенія. Между тѣмъ Совѣтъ академіи съ 1879/... учебнаго года припаялъ на казенное содержаніе сверхъ положенныхъ по штату 30 мая 1869 года 100 воспитанниковъ еще 50 человекъ—по увеличенному штату и размѣстилъ большую часть ихъ, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, въ квартирахъ чиновниковъ академіи, которые временно выведены съ казенныхъ въ академическихъ зданіяхъ квартиръ на частныя, съ выдачею имъ денежнаго квартирнаго пособія. До полнаго комплекта по увеличенному штату остается припаять на казенное содержаніе еще 10 человекъ, но помѣстить ихъ въ зданіяхъ академическихъ не представляется никакой возможности. Да и размѣщеніе уже принятыхъ студентовъ крайне стѣснительно и сопряжено со многими неудобствами какъ въ гигиеническомъ, такъ и дисциплинарномъ отношеніи. Въ настоящее время помѣщается 106 человекъ въ главномъ корпусѣ и 44 человека въ восточномъ флигелѣ. Въ главномъ корпусѣ особенно недостаточно помѣстительны столовая и спальни. Въ первой почти все пространство занято столами, и для прохода служителей, подающихъ кушанья, осталось между столами только $1\frac{1}{2}$ аршина; буфетъ при столовой, въ которомъ хранятся столовые принадлежности и производится мытье посуды, занимаютъ всего $1\frac{1}{2}$ квадратныхъ сажени; помѣщенія для буфетчиковъ вовсе нѣтъ. Спальныя комнаты настолько тѣсны, что въ нихъ даже мѣста около оконъ заняты койками; воздухъ въ нихъ бываетъ часто спущенъ до того, что приходится держать отворенными нѣкоторые вентиляторы и ночью. Нельзя назвать вполне помѣстительными и занятныя комнаты, изъ коихъ въ нѣкоторыхъ на

пространствѣ трехъ квадратныхъ сажень помѣщается по 12 человекѣ. Всѣ эти неудобства особенно чувствительны при существующемъ въ академическихъ зданіяхъ амосовскомъ отопленіи. Но помѣщенія въ главномъ корпусѣ, за исключеніемъ столовой, еще сносны—при существованіи широкихъ корридоровъ во всѣхъ трехъ этажахъ и отдѣльныхъ комнатъ классныхъ, занятныхъ, спальныхъ, гардеробныхъ и умывальной. Ничего подобнаго нѣтъ въ восточномъ флигелѣ, гдѣ въ пяти квартирахъ для чиновниковъ размѣщено 44 студента. Здѣсь необходимость заставляетъ въ однихъ и тѣхъ же комнатахъ и заниматься и пить чай, и спать и умываться и помѣщать гардеробы, каммоды и шкафы. При такихъ условіяхъ невозможно соблюсти чистоты, ни хорошаго воздуха. При томъ живущимъ въ этомъ флигелѣ студентамъ приходится по нѣскольку разъ въ день ходить въ главный корпусъ—къ богослуженію, на молитвы, лекціи, обѣдъ и ужинъ, ходъ изъ флигеля въ главный корпусъ открытый и хотя разстояніе между ними не очень велико, но постоянный переходъ изъ одного зданія въ другое представляетъ много затрудненій въ зимніе морозы и мятели и верѣдко служитъ причиною для заблужданія студентовъ.

Наконецъ настоящее размѣщеніе студентовъ въ двухъ, отдѣленныхъ значительнымъ пространствомъ, зданіяхъ имѣетъ много неудобствъ въ дисциплинарномъ отношеніи. Главное условіе для соблюденія дисциплины составляетъ то, чтобы всѣ студенты были сгруппированы въ одномъ мѣстѣ и жили при одинаковыхъ общихъ условіяхъ. Въ такомъ только случаѣ возможно надлежащее соблюденіе академическихъ порядковъ и наблюденіе за исполненіемъ ихъ со стороны инспекціи. Но при настоящемъ размѣщеніи двѣ трети студентовъ живутъ въ комнатахъ, приспособленныхъ къ условіямъ общей студенческой жизни, а одна треть помѣщается въ комнатахъ, устроенныхъ для частной жизни. При томъ послѣдніе, т. е. живущіе во флигелѣ, часто неизбѣжно являются нарушителями общихъ академическихъ порядковъ, опаздываютъ приходитъ во время къ богослуженію, молитвѣ, въ столовую на лекціи, особенно въ зимнюю пору и во время мятелей.

Къ этому нужно присоединить еще то, что скоро въ восточномъ флигелѣ въ одной изъ занимаемыхъ теперь сту-

дентами квартиръ, доведется помѣстить эконома; онъ теперь занимаетъ комнаты, которыя въ непродолжительномъ времени должны быть присоединены къ библіотекѣ, вслѣдствіе постоянного увеличенія книгъ.

Принимая все это во вниманіе, имѣю честь предложить Совѣту академіи, не найдетъ ли онъ возможнымъ ходатайствовать чрезъ Его Высокопреосвященство предъ Святѣйшимъ Синодомъ о разрѣшеніи Совѣту возобновить дѣло о пристройкѣ къ существующимъ академическимъ зданіямъ новыхъ помѣщеній для 60 студентовъ по увеличенному въ послѣднее время штату и приступить къ составленію подробныхъ плановъ и смѣтъ на означенную пристройку“.

Постановили: Соглашаясь съ предложеніемъ отца ректора, просить Его Высокопреосвященство ходатайствовать о вышеизложенномъ предъ Святѣйшимъ Синодомъ.

XV. Слушали: Составленное отдѣленіями академіи по порученію отца ректора росписаніе времени и порядка производства испытаній студентовъ за 188²/₄ учебный годъ.

Справка 1) По § 136 академическаго устава: „при переходѣ изъ курса въ курсъ студенты подвергаются экзаменамъ по установленнымъ правиламъ (§ 86 лит. Б. п. 2)“.

2) По § 86 лит. Б. п. 2 академич. устава назначеніе времени и порядка производства испытаній въ академіи принадлежитъ къ предметамъ занятій Совѣта академіи, представляемымъ на утвержденіе епархіальнаго преосвященнаго.

Постановили: Испытанія студентовъ академіи за 1882—1883 учебный годъ начать съ 26 апрѣля и кончить 31 мая; составленное отдѣленіями росписаніе о времени и порядкѣ производства испытаній студентовъ представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства и по утвержденіи объявить чрезъ канцелярію Совѣта преподавателямъ и студентамъ академіи.

Резолюція Его Высокопреосвященства на семь журналовъ послѣдовала отъ 31 марта по статьямъ I—XII: „Къ исполненію“, по статьямъ XIII—XV: „Утверждается“.

27 марта 1883 года.

Въ открытомъ общемъ собраніи Совѣта казанской духовной академіи, подъ предѣдательствомъ Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Палладія, Архіепископа казанскаго и сѣвѣрскаго, присутствовали всѣ ординарные и экстраординарные профессора академіи, кромѣ экстраординарнаго профессора В. Снегирева, не присутствовавшего по болѣзни.

Привать-доцентъ казанской духовной академіи по кафедрѣ русскаго языка и славянскихъ нарѣчій, кандидатъ богословія, Алексѣй Царевскій публично защищалъ диссертацию подъ заглавіемъ: „Обзоръ сочиненій Посошкова со стороны ихъ религіознаго характера и историко-литературнаго значенія“, представленную имъ на соисканіе степени магистра богословія.

Официальными оппонентами были: ординарный профессоръ Иванъ Порфирьевъ и доцентъ іеромонахъ Антоній.

Справка 1) По § 35 Положенія объ испытаніяхъ на ученія степени въ духовныхъ академіяхъ: „При публичномъ защищеніи диссертациі на степень магистра ректоръ наблюдаетъ за правильностію и порядкомъ диспута, заключаетъ оный и, собравъ мнѣнія присутствовавшихъ членовъ Совѣта, публично объявляетъ о состоявшемся рѣшеніи. Затѣмъ Совѣтъ, на основаніи отзыва представленнаго изъ отдѣленія и акта защиты, представляетъ удостоеннаго степени магистра къ утвержденію въ этой степени узаконеннымъ порядкомъ“.

2) По § 88 лит. Б. п. 2, утвержденіе въ степени магистра относится къ дѣламъ общаго собранія Совѣта, представляемымъ на утвержденіе епархіальнаго преосвященнаго (авад. уст. § 88).

Постановили: Признавъ защиту удовлетворительною, удостоить привать-доцента казанской духовной академіи Алексѣя Царевскаго степени магистра богословія, о чемъ и представить журналомъ симъ на утвержденіе Его Высокопреосвященства.

Резолюція Его Высокопреосвященства на сѣмъ журналѣ послѣдовала: „Март. 31 дня. Утверждается“.

8 апреля 1883 года.

Въ *общемъ* собраніи Совѣта казанской духовной академіи, подъ предѣдательствомъ ректора академіи протоіерея А. Владимірскаго, присутствовали всѣ ординарные и экстраординарные профессора, кромѣ экстраординарнаго профессора А. Гренкова, неприсутствовавшаго по болѣзни.

І. Слушали: Доклад секретаря Совѣта академіи М. Соловьева: „Честь имѣю доложить Совѣту академіи, что сочиненіе преподавателя кавказской духовной семинаріи Константина Кутепова „Секты хлыстовъ и скопцовъ“, представленное имъ на соисканіе степени магистра богословія и опредѣленіемъ Совѣта отъ 5 декабря 1881 г. признанное удовлетворительнымъ для соисканія сей степени, согласно опредѣленію Совѣта отпечатано на счетъ суммъ, ассигнуемыхъ на печатаніе магистерскихъ диссертаций, и требуемые § 32 Положенія объ испытаніяхъ на ученія степени въ академіяхъ 50 экземпляровъ сего сочиненія доставлены. Не угодно ли будетъ Совѣту назначить время публичной защиты сего сочиненія“.

Справка: 1) Совѣтъ академіи опредѣленіемъ отъ 5 декабря 1881 г., между прочимъ, постановилъ о назначеніи времени публичной защиты сочиненія Кутепова имѣть сужденіе по напечатаніи его.

2) По § 34 Положенія объ испытаніяхъ на ученія степени въ академіяхъ, „официальныхъ оппонентовъ, заблаговременно назначаемыхъ подлежащимъ отдѣленіемъ, должно быть не менѣе двухъ“. По заявленію помощника ректора, профессора Знаменскаго отдѣленіе предполагаетъ назначить официальными оппонентами проф. Н. Ивановскаго и проф. В. Миротворцева, при чемъ профессоръ Миротворцевъ словесно заявилъ Совѣту, что онъ по должности инспектора и въ виду предстоящихъ студенческихъ испытаній затрудняется покончить разборъ сочиненія Кутепова къ іюню мѣсяцу сего года и желалъ бы назначенія диспута въ началѣ будущаго учебнаго года.

Постановили: Преподавателя кавказской духовной семинаріи Константина Кутепова допустить къ публичному защищенію представленнаго имъ на степень магистра сочиненія „Секты хлыстовъ и скопцовъ“, диспутъ

назначить во второй половинѣ будущаго августа сего года, а официальными оппонентами назначить профессоровъ Ивановскаго и Миротворцева. О чемъ и сообщить отдѣленію и означеннымъ профессорамъ, а также и г. Кутепову, предложивъ послѣднему, не пожелаетъ ли онъ самъ указать день во второй половинѣ августа сего года, въ который онъ находитъ для себя болѣе удобнымъ по своимъ служебнымъ обязанностямъ назначеніе защиты своего сочиненія, и въ такомъ случаѣ сообщилъ бы объ этомъ Совѣту академіи заблаговременно, дабы онъ могъ въ свое время сдѣлать о семъ публикацію.

II. Слушали: Проектъ положенія о стипендіяхъ въ казанской духовной академіи имени покойнаго протоіерея Іоанна Васильевича Рождественскаго на проценты съ завѣщаннаго имъ капитала въ 7600 р., составленный, по порученію Совѣта отъ 14 декабря 1882 года, профессорами В. Миротворцевымъ и Я. Богородскимъ.

Справка: 1) Совѣтъ академіи опредѣленіемъ отъ 14 декабря 1882 г. составилъ комиссію изъ экстраординарныхъ профессоровъ В. Миротворцева и Я. Богородскаго, которой и поручилъ представить въ Совѣтъ свои соображенія о томъ, на какихъ условіяхъ должно быть назначено пользованіе учреждаемыми при казанской академіи стипендіями имени покойнаго протоіерея Іоанна Рождественскаго, сообщилъ сей комиссіи копію съ письма покойнаго отъ 5 мая 1876 г.

2) Въ официальной части №№ 29 и 33 Церковнаго Вѣстника за 1876 годъ напечатано слѣдующее Высочайше утвержденное 28 мая того же года положеніе комитета министровъ: „ходатайства объ учреденіи стипендій при учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ, при желаніи учредителей присвоить стипендіямъ постоянныя наименованія, могутъ быть подвергаемы главными начальствами отдѣльных вѣдомствъ на Высочайшее благоусмотрѣніе только въ тѣхъ случаяхъ, когда стипендіи эти будутъ вполнѣ обеспечены взносомъ, наличными деньгами или въ русскихъ государственныхъ или же гарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумагахъ, такой капитальной суммы, ежегодные проценты съ коей соотвѣтствовали бы размѣру учреждаемой стипендіи“.

3) Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, въ 9 день мая 1881 г., Высочайше соизволилъ, между прочимъ, предоста-вить Святѣйшему Синоду право учреждать въ духовно-учеб-ныхъ заведеніяхъ именныя стипендіи на пожертвованныя суммы.

4) Предполагаемыя стипендіи обезпечиваются пожертво-ванными покойнымъ протоіереемъ Іоанномъ Рождественскимъ тринадцатю пятипроцентными облигаціями за №№ 138447—138453 по 1000 руб. каждая и за №№ 245427, 252700, 263160, 263430, 270085 и 326484 по 100 р. каждая, всё-го на сумму 7600 руб. съ текущими купонами съ 1 мая 1883 г. Сии документы даютъ процентовъ въ годъ 380 руб.

Постановили: Одобривъ проэктъ положенія о сти-пендіяхъ, просить Его Высокопреосвященство ходатайство-вать предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ учрежденіи въ ка-занской духовной академіи, на проценты съ завѣщаннаго покойнымъ протоіереемъ Іоанномъ Васильевичемъ Рожде-ственскимъ капитала въ 7600 руб., двухъ стипендій его имени, причемъ представить и самый проэктъ положенія о стипендіяхъ имени покойнаго Рождественскаго.

Резолюція Его Высокопреосвященства на семь журна-лъ послѣдовала: „Апр. 25 дня. Согласенъ“.

8 апрѣля 1883 года.

Въ собраніи Совѣта казанской духовной академіи, подъ предсѣдательствомъ ректора академіи протоіерея А. Влади-мирскаго, присутствовали: помощники ректора: П. Зна-менскій, И. Бердниковъ и Н. Бѣляевъ, Инспекторъ В. Ми-ротворцевъ, члены Совѣта: ординарные профессора: И. Нор-фирьевъ, Ѳ. Кургановъ; экстраординарные профессора: прото-іерей Е. Маловъ, А. Некрасовъ, А. Волковъ и Н. Ивановскій.

1. Слушали: Допсненіе инспектора академіи экстра-ординарнаго профессора В. Миротворцева отъ 2 апрѣля сего 1883 гоода: „На основаніи § 39 академическаго уста-ва имѣю честь донести Совѣту академіи, что за студента-ми въ минувшемъ мартѣ мѣсяцѣ предосудительныхъ пос-тупковъ замѣчено не было“.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

II. Слушали: Вѣдомость, представленную правленіемъ академіи на основаніи § 109 уст. прав. духовн. академій, о наличныхъ суммахъ казанской духовной академіи за мартъ мѣсяцъ сего 1883 года. По вѣдомости значится: въ остаткѣ къ 1-му марта состояло: наличными деньгами 39390 р. 68 к., билетами кредитныхъ учрежденій 23211 р. 41 к., итого 62602 р. 09 к.; въ мартѣ мѣсяцѣ на приходъ поступило: наличными деньгами 7736 р. 76¼ к., билетами кредитныхъ учрежденій 200 р., итого 7936 руб. 76¼ к.; въ остаткѣ къ 1-му апрѣля состоитъ: наличными деньгами 31753 р. 91¼ к., билетами кредитныхъ учрежденій 23011 р. 41 к., итого 54765 р. 32¼ коп.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

III. Слушали: Представленіе ректора академіи, протоіерея Александра Владимірскаго, отъ 5 апрѣля сего 1883 года: „На основаніи п. 8 Высочайше утвержденныхъ дисциплинарныхъ правилъ, долгъ имѣю представить Совѣту, что въ минувшемъ мартѣ мѣсяцѣ сего 1883 года изъ преподавателей академіи не читали лекцій по болѣзни экстраординарные профессеры: В. Снегиревъ 1, Я. Богородскій 2, протоіерей Е. Маловъ 1, доценты: Д. Гусевъ 1, П. Милославскій 2 лекціи, лекторы новыхъ языковъ Э. Боржимовскій 2 и В. Кубли 1 лекцію.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

IV. Слушали: Отношеніе казанской духовной консисторіи отъ 26 марта сего 1883 г. за № 1760: „Приватъ-доцентъ казанской духовной академіи Димитрій Бѣликовъ резолюціею Его Высокопреосвященства отъ 15 октября 1882 года опредѣленъ на священническую въ званіи настоятеля вакансію къ Покровской церкви г. Казани съ оставленіемъ за нимъ и должности приватъ-доцента академіи, 24 октября произведенъ во священника, а 25 марта сего года удостоенъ набадренника.

О чемъ казанская духовная консисторія имѣетъ честь увѣдомить Совѣтъ духовной академіи на отношеніе отъ 6 октября 1882 года № 1141-й“.

Постановили: Принявъ къ свѣдѣнію, внести о рукоположеніи Бѣликова во священника къ Покровской церк-

ви и о награжденіи его набедренникомъ въ формулярный о службѣ его списокъ.

V. Слушали: Записку экстраординарнаго профессора академіи, протоіерея Е. Малова отъ 28 марта сего 1883 года: „Честь имѣю возвратить въ Совѣтъ академіи рукопись „Разныя записки и сочиненія, собранныя покойнымъ преосвященнымъ, новгородскимъ митрополитомъ Гаврииломъ Петровымъ“, для пересылки ея въ Совѣтъ с.-петербургской академіи. Выражая мою глубокую благодарность Совѣту Спб. академіи за присылку мнѣ этой рукописи, я покорнѣйше прошу Совѣтъ казанской академіи ходатайствовать предъ Совѣтомъ Спб. академіи, не найдеть ли онъ возможнымъ дать мнѣ позволеніе на изданіе (въ журналѣ „Православный Собесѣдникъ“) „Записки 1770 г. марта 15 дня“ (см упомянутой рукописи стр. 92—109) съ необходимыми примѣчаніями. Записка эта миссіонерскаго содержанія и имѣетъ важное значеніе въ исторіи русской противомухаммеданской миссіи“.

Постановили: Рукопись „Разныя записки и сочиненія, собранныя покойнымъ преосвященнымъ, новгородскимъ митрополитомъ Гаврииломъ Петровымъ“ возвратити въ Совѣтъ с.-петербургской духовной академіи съ благодарностію за присылку сей рукописи и согласно прошенію профессора протоіерея Малова, ходатайствовать предъ Совѣтомъ сей академіи, не найдеть ли онъ возможнымъ дать профессору протоіерею Малову свое позволеніе на изданіе въ журналѣ Православный Собесѣдникъ „Записки 1770 г. марта 15 дня“ (помѣщенной въ означенной рукописи на стр. 92—109) съ необходимыми примѣчаніями въ виду миссіонерскаго полемическаго (противъ мухаммеданъ) содержанія сей записки и важнаго значенія въ исторіи русской противомухаммеданской миссіи.

VI. Слушали: Представленіе ординарнаго профессора казанской академіи И. Бердникова отъ 3 апрѣля сего 1883 г.: „Честь имѣю представить въ Совѣтъ академіи составленный мною разборъ сочиненія профессора Горчакова „О тайнѣ суицидства“ для препровожденія его въ Императорскую академію наукъ, при семъ прилагается для той же цѣли и книга Горчакова“.

Справка: Означенный разборъ сочиненія о. Горчакова и самое сочиненіе препровождены по распоряженію о. ректора академіи къ г. непремѣнному секретарю Императорской академіи наукъ при отношеніи отъ 7 сего апрѣля за № 268.

Постановили: За сдѣланнымъ распоряженіемъ принять къ свѣдѣнію.

VII. Слушали: Представленіе комисіи по изданію миссіонерскаго сборника отъ 3 апрѣля сего 1883 г.: „Комисіія по изданію миссіонерскаго сборника имѣтъ честь представить при семъ: а) отчетъ о приходѣ и расходѣ суммъ за 1882 годъ, б) отчетъ о приходѣ и расходѣ изданій за тотъ же годъ. При семъ прилагаются: а) денежная приходо-расходная книга комисіи, б) книга мелочныхъ расходовъ; в) книга для записи прихода и расхода изданій комисіи и г) дѣло о приходѣ и расходѣ суммъ по комисіи за 1882 годъ“.

Справка: По § 12 правилъ относительно изданія „Миссіонерскаго противомусульманскаго сборника“ комисіія должна представлять въ Совѣтъ академіи отчетъ въ израсходованіи переданныхъ ей суммъ.

Постановили: Поручить произвести повѣрку означенныхъ отчетовъ экстраординарнымъ профессорамъ академіи А. Волкову и А. Некрасову, съ тѣмъ, чтобы они въ свое время донесли Совѣту о послѣдствіяхъ сей ревизіи; отчеты и документы препроводить означеннымъ профессорамъ.

VIII. Слушали: Прошеніе студента III курса богословскаго отдѣленія академіи Анатолія Чистовскаго отъ 30 марта 1883 года: „Болѣзнь, изнуряющая меня почти весь текущій учебный годъ, не дала мнѣ возможности написать курсовое сочиненіе и она же препятствуетъ сдавать экзамены. Вслѣдствіе всего этого покорнѣйше прошу Совѣтъ казанской духовной академіи оставить меня на повторительный курсъ. вмѣстѣ съ тѣмъ осмѣливаю утрудять Совѣтъ еще одной просьбою—назначить мнѣ денежное пособіе на леченіе кумысомъ, которое по мнѣнію академическаго врача, необходимо при моей болѣзни“.

Справка: Врачъ академической больницы Кремлевъ засвидѣтельствовалъ, что „студенту Чистовскому для по-

правления здоровья, разстроеннаго хроническимъ катарральнымъ воспаленіемъ легкихъ, необходимо лечение кумысомъ“.

По § 149 академ. устава: „Въ случаѣ неуспѣшности, зависѣвшей единственно отъ болѣзни, студенты трехъ первыхъ курсовъ могутъ быть оставляемы, съ разрѣшенія Совѣта, на второй годъ въ томъ или другомъ курсѣ, но одинъ только разъ въ продолженіи трехъ курсовъ“. Студентъ Чистовскій ни на одномъ курсѣ на второй годъ еще не былъ оставляемъ.

Постановили: Принимая во вниманіе болѣзненное состояніе здоровья студента III курса богословскаго отдѣленія Анатолія Чистовскаго, засвидѣтельствованное врачомъ академической больницы, оставить его на второй годъ въ III курсѣ съ правомъ пользованія казеннымъ содержаніемъ, о чемъ и сообщить богословскому отдѣленію и студенту Чистовскому. Относительно же назначенія ему денежнаго пособія на лечение кумысомъ передать на усмотрѣніе правленія академіи.

IX. Слушали: Прошеніе студента III курса историческаго отдѣленія академіи Александра Образцова отъ 29 марта сего 1883 года: „Сдать въ надлежащее время экзамень по предметамъ III курса я по болѣзни не могу. Эта же болѣзнь настолько разрушила мое здоровье, что для возстановленія его необходимо мнѣ пользованіе кумысомъ; средствъ своихъ для поѣздки на кумысъ я не имѣю. Поэтому покорнѣйше прошу Совѣтъ академіи: 1) позволить мнѣ здать экзамень въ началѣ будущаго 18⁸³/₈₄ учебнаго года и 2) отпустить мнѣ денежное пособіе для леченія въ размѣрѣ, какой Совѣтъ найдетъ возможнымъ“.

Справка: Врачъ академической больницы Кремлевъ засвидѣтельствовалъ, что „студенту Образцову для поправленія здоровья, разстроеннаго хроническимъ катарральнымъ воспаленіемъ легкихъ, необходимо лечение кумысомъ“.

Постановили: Принимая во вниманіе болѣзненное состояніе здоровья студента Образцова, засвидѣтельствованное академическимъ врачомъ, разрѣшить ему сдать переводные экзамены въ началѣ будущаго 18⁸³/₈₄ учебнаго года; о чемъ и сообщить церковно-историческому отдѣленію и студенту Образцову. Относительно же выдачи ему денеж-

паго пособія для леченія кумысомъ передать на усмотрѣніе правленія академіи.

Х. Слушали: а) Прошеніе студента III курса практическаго отдѣленія академіи Давида Солодовникова отъ 22 марта сего 1883 г.: „Вслѣдствіе головной боли первые мѣсяцы настоящаго 1883го учебнаго года я не могъ заниматься курсовымъ сочиненіемъ на тему: „Способы распространенія христіанства въ Россіи до Екатерины II-й“. Хотя потомъ я и излѣчился, благодаря помощи врача, но не въ состояніи былъ вознаградить потери времени настолько, чтобы представить свою работу въ желательномъ видѣ и къ узаконенному сроку. Сейчасъ заниматься ею нахожу положительно невозможнымъ, въ виду предстоящихъ экзаменовъ. Поэтому, покорнѣйше прошу Совѣтъ академіи отсрочить мнѣ подачу сочиненія на время ваката, допустивъ меня къ устнымъ испытаніямъ“.

Врачъ академической больницы Кремлевъ засвидѣтельствовалъ, что „студентъ академіи Давидъ Солодовниковъ въ первой половинѣ текущаго учебнаго года весьма часто страдалъ головными болями, вызываемыми сильными перепадами крови къ мозгу“.

б) Прошеніе студента III курса практическаго отдѣленія академіи Петра Петрова отъ 26 марта 1883 года: „По причинѣ болѣзни, отнявшей у меня много времени (былъ боленъ съ 21 сентября до 10 января) и не позволявшей мнѣ на первыхъ порахъ систематически заняться работою по курсовому сочиненію; я не успѣлъ переписать всего черноваго матеріала къ положенному сроку, а въ виду наступающихъ экзаменовъ не имѣю возможности сдѣлать этого и теперь; поэтому покорнѣйше прошу Совѣтъ академіи,— не найдетъ ли онъ возможнымъ отложить мнѣ срокъ подачи сочиненія по крайней мѣрѣ до послѣднихъ чиселъ мѣсяца іюня сего 1883 года“.

Врачъ академической больницы Кремлевъ засвидѣтельствовалъ, что „студентъ академіи Петръ Петровъ съ 21 сентября 1882 г. по 10 января текущаго года лечился въ больницѣ академіи отъ воспаленія подреберной плевры“.

в) Прошеніе студента III курса практическаго отдѣленія Константина Гусева отъ 26 марта 1883 года: „Вслѣдствіе болѣзни, продолжавшейся съ 1 ноября прошлаго

года до 1 марта 1883 года, я не могъ написать кандидатскаго сочиненія къ назначенному сроку, поэтому покорнѣйше прошу Совѣтъ академіи, не найдетъ ли онъ возможнымъ отсрочить подачу сочиненія до 15 августа 1883 года“. Врачъ академической больницы Кремль въ засвидѣтельствовавалъ, что студентъ Гусевъ съ поября мѣсяца 1882 г. по 1 марта текущаго года лечился въ больницѣ академіи отъ мышечнаго ревматизма въ ногахъ“.

г) Прошеніе студента 3 курса богословскаго отдѣленія Ивана Троицкаго отъ 1-го сего апрѣля 1883 года: „Вынужденный перемѣнить тѣму по недостатку пособій, доступныхъ мнѣ, я не имѣлъ достаточно времени окончить сочиненіе на вновь избранную тѣму своевременно, почему покорнѣйше прошу Совѣтъ академіи отсрочить мнѣ подачу его до 15 августа“.

Справка: Студенты III курса обязаны написать и представить кандидатскія сочиненія не позже 1-го апрѣля сего 1883 г.

Постановили: Принимая во вниманіе болѣзненное состояніе здоровья студентовъ III курса церковно-практическаго отдѣленія Давида Солодовникова, Петра Петрова и Константина Гусева, засвидѣствованное врачомъ академической больницы, и считая причину неподачи кандидатскаго сочиненія студентомъ богословскаго отдѣленія Иваномъ Троицкимъ уважительною, отсрочить симъ студентамъ подачу кандидатскихъ сочиненій до сроковъ, испрашиваемыхъ ими въ прошеніяхъ, допустивъ ихъ къ сдачѣ устныхъ испытаній на ряду съ другими студентами, о чемъ и сообщить подлежащимъ отдѣленіямъ и означеннымъ студентамъ.

XI. Слушали: а) Прошеніе студента I курса богословскаго отдѣленія Якова Благовидова отъ 2 апрѣля сего 1883 года: „По причинѣ болѣзни, въ которой нахожусь съ 12 марта, я приготовить третьяго сочиненія не могу, почему всепокорнѣйше прошу Совѣтъ, не найдетъ ли онъ возможнымъ освободить меня отъ подачи третьяго сочиненія“.

Врачъ академической больницы засвидѣтельствовавалъ, что сей „студентъ академіи съ 13 марта текущаго года лечился въ больницѣ академіи отъ нарыва въ миндалевидной желѣзѣ съ лѣвой стороны“.

б) Прошеніе студента I курса церковно-практическаго отдѣленія Серафима Старосивильскаго отъ 8 апрѣля 1883 года: „Вслѣдствіе болѣзни я не могу приготовить къ назначенному сроку сочиненія по психологіи. Поэтому покорнѣе прошу Совѣтъ академіи освободить меня отъ подачи послѣдняго сочиненія“.

Врачъ академической больницы засвидѣтельствовалъ, что „студентъ академіи Старосивильскій съ 27 февраля по 15 марта пользовался въ хирургической клиникѣ казанскаго университета (опухоль на правомъ вискѣ—atheroma) и съ 23 марта по настоящее время пользуется въ больницѣ академіи отъ мышечнаго ревматизма“.

Справка: Срокъ подачи третьяго семестроваго сочиненія назначенъ 10-го сего апрѣля.

Постановили: Припимая во вниманіе болѣзненное состояніе студентовъ I курса Якова Благовидова и Серафима Старосивильскаго, засвидѣтельствованное врачомъ академической больницы, освободить ихъ отъ подачи третьяго семестроваго сочиненія, о чемъ и сообщить подлежащимъ отдѣленіямъ и студентамъ Благовидову и Старосивильскому.

ХII. Слушали: Представленіе казанскаго духовно-цензурнаго комитета отъ 20 марта за № 4 съ вѣдомостію о книгѣ, выпущенной въ свѣтъ въ январѣ 1883 года: „Краткое руководство къ собесѣдованію съ мнимыми старообрядцами, отпадшими отъ святой церкви“. Составлено главнымъ миссіонеромъ вятской епархіи, каедральнымъ протоіереемъ Стефаномъ Камшенскимъ. Изданіе 3-е исправленное и дополненное. Вятка, типографія Куклина. Издано въ количествѣ 10000 экземпляровъ.

Справка: По ст. 262 XIV т. Св. Зак. уст. цензурн. изд. 1857 года: „Цензурный комитетъ, по прошествіи каждаго мѣсяца представляетъ академическому Совѣту (конференціи), съ изложеніемъ главныхъ причинъ, отчетъ: какія книги и когда вступили въ комитетъ, и какія изъ нихъ рассмотрѣны однимъ или всеми членами комитета, какія изъ нихъ пропущены къ печатанію или не пропущены, а въ Совѣтъ (конференціи), по прошествіи года, составляется изъ таковыхъ отчетовъ общій и представляется духовно-учебному управленію“.

Постановили: Принявъ къ свѣдѣнію, вѣдомостѣ представить на благоусмотрѣніе Его Высокопреосвященства.

XIII. Слушали: Докладъ секретаря Совѣта академіи М. Соловьева: „Имѣю честь представить при семъ присланную г. директоромъ ташкентской учительской семинаріи Н. П. Остроумовымъ въ даръ для академической библиотеки книгу подъ заглавіемъ: „Proceedings of the Church Missionary society“. Книгу эту доставилъ г. инспекторъ В. Митворцевъ“.

Постановили: Книгу сдать въ бібліотеку подъ росписку бібліотекаря, а жертвователя благодарить.

XIV. Слушали: Отношеніе прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы отъ 18 марта сего 1883 г. за № 617: „Влѣдствіе отношенія отъ 4 сего марта за № 193 имѣю честь увѣдомить Совѣтъ казанской духовной академіи, что возвращенная греческая рукопись за № 445 мною получена въ цѣлости. При этомъ имѣю честь присовокупить, что въ рукописяхъ за №№ 601 и 330 встрѣчается нерѣдко надобность для бесѣды съ старообрядцами, а потому я бы покорнѣйше просилъ Совѣтъ казанской духовной академіи означенныя рукописи возвратить въ возможно-непродолжительномъ времени“.

Справка: Рукописи за № 601 (по опис. 344) славяно-русскій служебникъ и № 330 (по опис. 38⁰) славяно-русскій уставъ находятся у приватъ-доцента А. Дмитріевскаго.

Постановили: Означенныя рукописи, истребовавъ отъ приватъ-доцента Дмитріевскаго, препроводить ихъ къ г. прокурору московской Святѣйшаго Синода Конторы, выразивъ благодарность за присылку ихъ.

XV. Слушали: Докладъ секретаря Совѣта академіи М. Соловьева: „Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 4 іюля 1879 года за № 2376 ординарный профессоръ Николай Бѣляевъ утвержденъ въ должности помощника ректора по богословскому отдѣленію на четырехлѣтіе съ 4 іюля 1879 г. по 4 іюля 1883 года. Въ виду скорого окончанія четырехлѣтней службы профессора Бѣляева въ означенной должности помощника ректора и согласно указу Святѣйшаго Си-

пода отъ 30 октября 1881 года за № 4098—о заблаговременномъ производствѣ баллотировокъ инспектора и помощниковъ ректора до окончанія сроковъ службы лицъ, занимающихъ эти должности по прежнимъ избраніямъ, не угодпо ли Совѣту сдѣлать распоряженіе о заблаговременной баллотировкѣ на должность помощника ректора по богословскому отдѣленію на слѣдующее четырехлѣтіе съ 4 іюля сего 1883 года по 4 іюля 1887 года“.

Справка: 1) По § 119 академическаго устава: „Помощники ректора избираются изъ ординарныхъ профессоровъ отдѣленія посредствомъ закрытой баллотировки, профессорами каждаго отдѣленія по принадлежности, въ присутствіи Совѣта, и утверждаются, по представленію епархіальнаго пресвященнаго, Святѣйшимъ Синодомъ“.

2) На богословскомъ отдѣленіи, кромѣ ректора академіи, состоитъ ординарнымъ профессоромъ только г. Бѣляевъ.

3) Профессорами богословскаго отдѣленія произведена была 8 сего апрѣля, въ присутствіи Совѣта, баллотировка ординарнаго профессора Бѣляева на должность помощника ректора по сему отдѣленію, при чемъ онъ единогласно избранъ на сію должность.

Постановили: Ординарнаго профессора казанской духовной академіи Николая Бѣляева считать избраннымъ на должность помощника ректора академіи по богословскому отдѣленію на четырехлѣтіе, съ 4 іюля сего 1883 г. по 4 іюля будущаго 1887 года, и просить журналомъ симъ Его Высокопреосвященство ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи г. Бѣляева въ означенной должности на указанный срокъ.

XVI. Слушали: Представленіе церковно-практическаго отдѣленія академіи: „Въ виду полученія приватъ-доцентомъ по кафедрѣ русскаго языка и славянскихъ нарѣчій Алексѣемъ Царевскимъ степени магистра богословія и его двухлѣтней успѣшной преподавательской дѣятельности, церковно-практическое отдѣленіе находитъ справедливымъ представить Совѣту академіи о возведеніи его въ званіе доцента академіи“.

Справка: 1) По уставу и штату духовныхъ академій положено 9 кафедръ ординарнаго профессора, 9 экстраор-

диварнаго и 8 кафедръ доцентскихъ. Профессорскія кафедры, указомъ Святейшаго Синода отъ 8 іюля 1870 г. за № 1549, съ точностію распределены по отдѣленіямъ; доцентскія же кафедры не приурочиваются къ отдѣленіямъ.

2) Въ настоящее время въ казанской духовной академіи имѣется одна доцентская вакансія.

3) По § 48 академическаго устава для полученія званія доцента надлежитъ имѣть степень магистра. Изъ состоящихъ при академіи по штатнымъ кафедрамъ приватъ-доцентовъ степень магистра имѣеть приватъ-доцентъ Алексѣй Царевскій.

4) По § 85 того же устава избраніе доцентовъ относится къ предметамъ занятій Совѣта, представляемымъ на утвержденіе епархіальнаго преосвященнаго.

5) Закрытою баллотировкою, произведенною Совѣтомъ 8 сего апрѣля, приватъ-доцентъ Алексѣй Царевскій единогласно избранъ въ званіе доцента академіи.

Постановили: Приватъ-доцента академіи Алексѣя Царевскаго, единогласно избраннаго въ званіе доцента по кафедрѣ русскаго языка и славянскихъ нарѣчій, возвести въ означенное званіе, съ производствомъ ему содержанія по сему званію со дня избранія, т. е. съ 8 сего апрѣля, о чемъ и представить журналомъ симъ на утвержденіе Его Высокопреосвященства, приложивъ при журналѣ и баллотировочный листъ. По утвержденіи же сего постановленія Его Высокопреосвященствомъ сообщить по содержанію онаго правленію академіи, церковно-практическому отдѣленію и г. Царевскому.

XVII. Слушали: Докладъ секретаря Совѣта академіи М. Соловьева: „Совѣтъ академіи опредѣленіемъ отъ 22 марта сего 1883 года постановилъ, между прочимъ: священниковъ Миловскаго и Павловскаго, діакона Александрова, приватъ-доцента Дмитріевскаго и студента семинаріи Андрея Доброумова допустить къ баллотированію въ слѣдующее засѣданіе Совѣта на вакантную должность помощника бібліотекаря академіи; ректору академіи поручить принимать прошенія, съ разсмотрѣніемъ документовъ, и отъ другихъ, могущихъ явиться на соисканіе сей должности, лицъ; псаломщику же Вознесенской церкви села Карадуль священнику Николаю Кольвицкому сообщить чрезъ

канцелярію академіи, чтобы онъ въ возможно непродолжительномъ времени во 1-хъ выслалъ 60-ти копѣчную гербовую марку для приложенія ея на доставленное имъ въ Совѣтъ прошеніе и во 2-хъ надлежаще засвидѣтельствованную и оплаченную гербовымъ сборомъ копию съ послужнаго его списка, необходимую для допущенія его въ баллотированію на должность помощника бібліотекаря. Объ означенномъ постановленіи Совѣта сообщено было псаломщику села Карадуль священнику Кольвицкому отношеніемъ отъ 22 марта за № 226, но отвѣта отъ него не послѣдовало. Изъ вновь явившихся соискателей должности помощника бібліотекаря подали прошенія коллежскій секретарь Александръ Аполлоновъ Александровъ и заштатный діаконъ Выборгскаго Преображенскаго собора Ѳеодоръ Васильевъ. Личность перваго извѣстна Совѣту по соисканію имъ въ февралѣ мѣсяцъ сего 1883 года должности бібліотекаря академіи; документы его находятся еще въ Совѣтѣ академіи. Діаконъ Ѳеодоръ Васильевъ обучался въ новгородской духовной семинаріи; уволившись въ 1864 году по болѣзни изъ высшаго отдѣленія семинаріи, онъ съ 1 декабря 1866 года по 20 января 1874 года состоялъ на службѣ въ с.-петербургской духовной консисторіи канцелярскимъ служителемъ, причемъ неоднократно поручаемо было ему исправленіе штатныхъ должностей. 20 же января 1874 года рукоположенъ во діакона къ Выборгскому Преображенскому собору, а 27 октября 1878 года зачисленъ по болѣзни въ заштатъ“.

Справка: По возбужденному Совѣтомъ казанской духовной академіи вопросу о томъ, можно ли допускать къ замѣщенію должностей секретаря академіи и помощника его, а также бібліотекаря и его помощника, штатныхъ преподавателей и привать-доцентовъ академіи, подъ условіемъ совмѣщенія обѣихъ должностей, Святѣйшій Синодъ указомъ отъ 8 февраля 1882 г. за № 469 опредѣлялъ: „объявить Совѣту казанской духовной академіи, въ разрѣшеніе возбужденнаго имъ вопроса, что штатные преподаватели академіи и привать-доценты, занимающіе штатные каѳедры, не могутъ быть допускаемы къ баллотировкѣ и замѣщенію должностей секретаря и помощника секретаря, а также бібліотекаря и его помощника, съ совмѣщеніемъ сихъ должностей съ преподавательскими“.

4. **Оеофилакта**, архіеп. болгарскаго: **Благовѣстникъ**, или толкованіе на св. евангелія. 1874—1875 гг. За всѣ четыре тома цѣна 7 руб. 50 к.
5. Его же толкованіе на соборныя посланія свят. апостоловъ. 1865. Цѣна 1 руб. 50 к.
6. Его же толкованіе на посланіе къ Римлянамъ. 1866. Ц. 1 р. 50 к.
7. Его же толкованіе на Дѣянія св. апостоловъ. 1872. Ц. 1 р. 50 к.
8. **Св. отца нашего Григорія Двоеслова** Собесѣдованія о жизни ита-
лійскихъ отцевъ и о безсмертіи души (съ предисловіемъ). 1858. Цѣна 1 р. 50 к.
9. **Сказанія о мученикахъ христіанскихъ**, чтимыхъ православною кано-
лическою Церковію (съ предисловіемъ). Томъ 1-й. 1865. Цѣна 3 р. Томъ 2-й.
Цѣна 1 руб. 50 к.
10. **Сказанія о святыхъ**, т. 1. Ц. 3 руб.
11. **Просвѣтитель**, или обличеніе ереси жидовствующихъ, препод. Іосифа Волоцкаго. Изданіе второе. Напечат. славянск. шрифт. Цѣна 3 р. съ перес.
12. **Посланія Игнатія**, митрополита сибирскаго и тобольскаго (съ пред-
варительными замѣчаніями). Одинъ томъ. 1855. Цѣна 1 р.
13. **Сочиненія преподобнаго Максима грека** (съ предисловіемъ). Три
тома. 1859—1862. Цѣна за первый томъ (съ портретомъ преп. Максима) 2 руб.
50 коп., за второй 1 руб. 50 коп., за третій 1 руб. За всѣ три тома 5 руб.
14. **Стоглавъ** (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1862. Цѣна 2 руб
15. **Сочиненіе инока Зиновія**: Истинны показаніе къ вопросившимъ о
новомъ ученіи (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1863—1864. Цѣна 2 руб. 50 к.
16. **Остенъ**. Памятникъ русской духовной письменности XVII вѣка (съ
предисловіемъ и съ портретомъ патріарха Іоакима). 1865. Цѣна 1 р.
17. **Сборникъ древностей казанской епархіи и другихъ приснопамятныхъ**
обстоятельствъ, архимандрита Платона Любарскаго. 1868. Цѣна 1 р. 25 к.
18. **Житіе Трифона**. вятскаго чудотворца. 1868. Цѣна 50 к.
19. **Житіе Иларіона**, митрополита суздальскаго, бывшаго Флорищевой
пустыни перваго строителя. Памятникъ начала XVIII вѣка. 1868. Цѣна 50 к.
20. **Устройство управленія въ церкви королевства греческаго**.
Ө. Курганова. 1872. Ц. 2 р.
21. **Западныя миссіи противъ татаръ - язычниковъ и особенно**
противъ татаръ-мусульманъ. Н. Красносельцева. 1872. Ц. 1 р.
22. **Ересь антитрипитаріевъ III вѣка**. Д. Гусева. 1872. Ц. 1 р.
23. **Древнее языческое ученіе о странствованіяхъ и переселені-**
яхъ душъ и слѣды его въ первые вѣка христіанства. Исслѣдованіе
П. Милославскаго. Ц. 2 р.
24. **Книга о антихриствъ и о прочихъ дѣйствахъ**, иже при немъ быти
хотящихъ. 1873. Цѣна 1 р. 25 к.
25. **Стародубье**. Записки протоіереея Т. А. Верховскаго, Высочайше ко-
мандированнаго 1845—48 гг. въ черниговскіе раскольническіе посады для
водворенія единовѣрія. Цѣна 2 руб.
26. **Толковая Надея**. В. Успенскаго. Цѣна 1 р.
27. **Указатель статей**, помѣщенныхъ въ «Православномъ Собесѣдникѣ»
съ 1855 по 1876 годъ. Цѣна 30 коп.
28. **Азбуковники или алфавиты иностранныхъ рѣчей** по спискамъ
воловецкой бібліотеки. Соч. А. Карпова. Казань. 1878. Ц. 1 руб. 50 к.
29. **Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря**, находящихся въ
бібліотекѣ Казанской духовной академіи. Ч. 1. Цѣна 3 р. съ пересылкою.
30. **Исторія старой Казанской академіи**. А. Благовѣщенскаго. Ц. 1 р.
съ перес.
31. **Московскій митрополитъ Платонъ Левшинъ**, какъ проповѣдникъ.
Цѣна 1 р. 25 к.

При казанской д. академіи съ 1873 г. издается особю комиссіей «Миссіонерскій противомусульманскій сборникъ». Издано *шестнадцатъ выпусковъ*. Цѣна съ перес. за всѣ выпуски, кромѣ распроданныхъ I и V, 19 р. 25 к.

Тою же редакціею изданы: 1) КОРАНЪ, переводъ съ арабскаго языка Г. Саблукова. Цѣна съ перес. 2 р. 50 к.; 2) Приложенія къ переводу Корана. Г. Саблукова. Выпускъ I (приложеніе первое). Цѣна съ перес. 1 р. 50 к.; 3) Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры. Собраны въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ казанской губерніи. Цѣна съ перес. 1 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться къ члену комиссіи по изданію Сборника при каз. д. академіи, а. пр. *В. В. Миротворцеву*.

Изъ редакціи и отъ издателей можно выписывать книги:

1. ИСТОРИЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ. Сост. И. Порфирьевъ. Ч. I Древній періодъ. Изд. 3-е. Ц. 2 р. 30 коп. съ перес. Ч. II Новый періодъ. Отдѣлъ 1. Отъ Петра В. до Екатерины II. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 70 к. Исторія древней рус. словесности. (Сокращенно по 3-му издан.). Ц. 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 50 к.

2. АПОКРИФИЧЕСКІЯ СКАЗАНІЯ О ВѢТХОЗАВѢТНЫХЪ ЛІЦАХЪ И СОБЫТІЯХЪ по рукописямъ соловедской бібліотеки. И. Я. Порфирьева. Цѣна 1 р. 25 к съ перес.

3. РУКОВОДСТВО КЪ РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ. Н. Знаменскаго. Изданіе третіе. Цѣна 1 р. 50 коп. На пересылку 25 коп.

4. ДУХОВНЫЯ ШКОЛЫ въ Россіи до реформы 1808 года. Сочиненіе Его же. Цѣна 4 р. съ пересылкою.

5. ХАРАКТЕРИСТИКА РИМСКАГО КАТОЛИЧЕСТВА СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ ЦАПСКАГО ДОГМАТА. Н. Я. Бѣляева. Казань. 1878. Цѣна 30 к.

6. ДОГМАТЪ ЦАПСКОЙ ЦЕНОГРѢШНОСТИ. Н. Бѣляева. Вып. 1-й. Нацскій догматъ въ процесѣ образованія и развитія до XIV в. Ц. 1 р. 50 к.

7. ТЕОРІЯ ЦАПСКОЙ ЦЕНОГРѢШНОСТИ ВЪ СОНОСТАВЛЕНІИ СЪ ФАКТАМИ ИСТОРИИ. Полемическій этюдъ. Н. Бѣляева. Ц. 30 к.

8. ОУНОШЕНІЯ МЕЖДУ ЦЕРКОВНОЮ И ГРАЖДАНСКОЮ ВЛАСТЮ ВЪ ВІЗАНТІЙСКОЙ ИМПЕРІИ. Соч. О. Курганова. 1880 г. Ц. 3 р. съ перес.

9. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ РЕЛИГІИ въ Римско-византійской имперіи. Томъ 4-й. Н. Бердникова. Ц. 3 р. съ пересылкою.

10. СБОРНИКЪ ВЕСЕДЪ СО СТАРООБРІДЦАМИ. Изд. подъ редакціей а.-орд. проф. П. Ивановскаго. Цѣна 1 р. 25 к.

11. АНТИТРИНИТАРИ ХVI В. Вып. 1-й. Н. Бударина. 1878. Ц. 3 руб.

12. УЧЕНІЕ ВѢТХАГО ЗАВѢТА О БЕЗСМЕРТІИ ДУШИ И ЗАГРОВНОЙ ЖИЗНИ. Изд. Юнгера. Ц. 4 р.

13. ГЛАВНЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ ВѢМЕЦКАГО БОГОСЛОВІЯ XIX В. Сост. А. Гренковъ. Ц. 4 р.

14. СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ ПО СВ. ПИСАНІЮ. Сост. П. Знаменскій. 4 выпуска. Всѣ вып. вмѣстѣ—1 р. 50 к. съ перес.

15. БОРЬБА ПАПЫ БОНИФАЦІЯ VIII СЪ ФРАНЦУЗСКИМЪ ВОРОЛЕМЪ ФИЛИППОМЪ IV КРАСИВЫМЪ. О. А. Курганова. Ц. 75 к.

16. ОСНОВАНІЯ ФИЛОСОФИИ, КАКЪ СПЕЦІАЛЬНОЙ НАУКИ. П. Милославскаго. Т. I. Ц. 3 р.

17. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ ХРИСТІАНСКАГО ХРАМА. Н. Красносельцева. Вып. I. Ц. 2 р.

18. ВЛІЯНІЕ ЦЕРКОВНАГО УЧЕНІЯ И ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ДУХОВНО ПИСЬМЕННОСТИ НА МІРОСОЗЕРЦАНІЕ РУССКАГО НАРОДА. Соч. А. Попова. Казань. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСЪДНИКЪ,

ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ,

1884.

І Ю Н Ъ.

СОДЕРЖАНІЕ

	<i>страницы.</i>
РАСКОЛЬ ДОНАТИСТОВЪ. Н. Кутепова	139—180.
ЗАПИСКИ ВАСИЛИЯ ЛУЖИНСКАГО архієпископа по- лоцкого	181—204.
ТИПЫ ДУХОВЕНСТВА въ русской художественной ли- тературѣ за послѣднее 12-лѣтіе. А. Менова	202—238.
НОВЫИ ЕДИНОВѢРЧЕСКИИ ПРИХОДЪ. П. Н. Ива- новскаго.	239—247.
ЗАМѢТКА о покойномъ архимандретѣ Чалладіѣ, на- чальникѣ православной миссіи въ Пекинѣ. І. П.	248—252.
ОПИСАНІЕ РУКОПИСЕЙ Соловецкаго монастыря, нахо- дящихся въ библіотекѣ казанской духовной академіи	417—432.
ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІИ СОВѢТА казанской духов- ной академіи за 1883 годъ.	65—112.
УСТАВЪ И ШТАТЪ православныхъ духовныхъ акаде- мій, Высочайше утвержденный 20 апрѣля 1884 года.	1—48.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

въ 1884 году

Православный Собесѣдникъ

продолжаетъ издаваться по прежней программѣ, въ томъ же строго-православномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, *ежемесячно*, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой.

Цѣна за полное годовое изданіе, со всѣми приложениями къ нему, остается прежняя: съ пересылкою во все мѣста Имперіи—

СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

При журналѣ: „Православный Собесѣдникъ“ издаются

Извѣстія по казанской епархіи,

выходяція два раза въ мѣсяцъ, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта.

Причты казанской епархіи, выписывающіе „Православный Собесѣдникъ“, получаютъ за ту же цѣну и „Извѣстія“, съ приплатою 1 руб. за пересылку по почтѣ.

Цѣна „ИЗВѢСТІИ“ для мѣстъ и лицъ другихъ епархій и другихъ вѣдомствъ, за оба изданія вмѣстѣ десять руб. сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редакціи Православнаго Собесѣдника, при Духовной Академіи.

Въ тойже редакціи продаются

ПО ПОНИЖЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ

А. **Православный Собесѣдникъ въ полномъ составѣ** книжекъ (т. е. съ приложениями): за 1855 г. 4 руб. за годъ, за 1858, 1860, 1861, 1862, 1864, 1865 и 1866 годы по 5 руб. за годъ, за 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1879, по 6 р. сер. 1880, 1881 и 1882 годы по 7 руб. сер. Поляныхъ экземпляровъ за 1856, 1857, 1859, 1863, 1867, 1868, 1869, 1870 и 1871 гг. въ продажѣ нѣтъ. Можно получать и отдѣльныя книжки Собесѣдника за 1855, 1856 и 1857 гг. по 1 руб., а за остальные годы по 80 коп. за книжку.

Б. **Отдѣльно** отъ приложений одинъ Православный Собесѣдникъ: за 1855 и 1856 годы цѣна по 1 руб.; за 1857 г. цѣна 1 р. 50 к.; за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 4 руб. 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, и 1876 годы, по 3 тома въ каждомъ, по 5 руб. за годъ.

В. **Отдѣльно** отъ Православнаго Собесѣдника приложения къ нему:

1. **Посланія св. Игнатія богоносца** (съ свѣдѣніями о немъ и его посланіяхъ). Одинъ томъ. 1855. Цѣна 75 коп.

2. **Дѣянія вселецкихъ соборовъ** въ переводѣ на русскій языкъ. Семь томовъ. 1859—1878. Цѣна каждому тому въ отдѣльности: за 1-й томъ 4 руб., за второй 2 руб. 50 коп., за третій 2 руб. 50 коп., за четвертый 2 р. 50 к., за пятый 3 руб., за шестой 3 руб. 50 коп., за седьмой 4 руб. 50 коп. А за все семь томовъ 20 руб.

3. **Дѣянія девяти помѣстныхъ соборовъ** въ переводѣ на русскій языкъ. Одинъ томъ. 1878. Цѣна 2 руб.

(см. на концѣ)

РАСКОЛЬ ДОНАТИСТОВЪ.

IV.

Борьба церкви съ расколомъ въ первое десятилѣтіе V в.

Преслѣдованіе донатистами православнаго духовенства.—Соборъ въ Карѳагенѣ 403 года.—Отказъ донатистовъ вступать въ собесѣдованія съ православными.—Письмо къ Емериту.—Письма къ Прокулеяну и всѣмъ донатистамъ.—Карѳагенскій соборъ 404 года.—Законы Гонорія противъ донатистовъ.—Переходъ нѣкоторыхъ донатистовъ въ церковь.—Письмо къ Цециліану.—Письмо къ Январію.—Письмо къ Фесту.—Письмо къ Винценцію.—Письмо къ донатистамъ.—Неистовства донатистовъ.—Соборъ въ Карѳагенѣ 407 года.—Законы противъ донатистовъ императора Гонорія.—Полемика Августина противъ Кресконія.—Сочиненіе Августина «О единомъ крещеніи противъ Петиліана».

Подъ вліяніемъ постоянной и энергичной борьбы церкви съ расколомъ у многихъ изъ фанатичныхъ донатистовъ начало обнаруживаться сильнѣйшее возбужденіе противъ православныхъ. Имѣя недостатки въ духовномъ оружіи для борьбы съ церковью, донатисты призвали на помощь циркумцеллюновъ и подстрекали ихъ открыто грабить и убивать православныхъ на дорогахъ, нападать на нихъ въ домахъ и при отправленіи богослуженія и причинять имъ всевозможныя притѣсненія. Особенно опасно было положеніе православныхъ клириковъ, какъ главныхъ борцовъ съ расколомъ (1). Въ одной изъ своихъ пропо-

(1) Epist. 185. Con. Cres. don. l. 3. p. 48.

вѣдѣй Августинъ говоритъ: „мы находимся со всѣхъ сторонъ въ рукахъ разбойниковъ и въ зубахъ волковъ. Чего вы хотите отъ насъ, что вы ищете въ насъ“? (¹). Когда православный клирикъ попался въ руки циркумцелліоновъ, то они или брали съ него обѣщаніе на будущее время ничего не говорить противъ раскола, или же жесточайшимъ образомъ мучили и липали жизни. Всего болѣе желали циркумцелліоны захватить Августина. Его друзья постоянно опасались за его жизнь. Но Богъ чудеснымъ образомъ хранилъ его отъ враговъ (²). Такъ однажды когда Августинъ объѣзжалъ свою епархію, циркумцелліоны рѣшили напасть на него изъ засады. Но проводникъ Августина заблудился и Августинъ такимъ образомъ спасся.

Особенно жестоко мстили донатисты православнымъ епископамъ, оказывавшимъ имъ какое либо противодѣйствіе. Такъ напримѣръ, когда православный тубурзикубургскій епископъ Сервъ требовалъ отъ донатистовъ возвращенія одного мѣста, которымъ они завладѣли насильственно (³), и обратился съ жалобою на это къ проконсулу, донатисты вооруженной толпой напали на городъ Тубурзикубургъ, и Сервъ бѣгствомъ едва спасся отъ смерти. Донатисты схватили его отца, престарѣлаго священника, и били его такъ сильно, что онъ чрезъ нѣсколько дней умеръ.

Другой случай: православный епископъ города Каламы, Поссидій просилъ донатистскаго епископа своего города, Криспина на собесѣдованіе. Послѣдній отвѣчалъ, что ожидаетъ своего собора (⁴), на которомъ будетъ рѣшенъ вопросъ о собесѣдованіяхъ съ православными. Спустя нѣсколько времени Поссидій снова предложилъ Криспину бесѣдовать, и послѣдній, ссылаясь на слова св. писанія: *словеса мужа грѣшна не*

(¹) Serm. 46.

(²) Possid. Vit. Aug. с. 12.

(³) Con. Cresc. 1, 3, p. 47.

(⁴) Ibid. p. 50.

убойся (1 Мак. 2, 62) и *во ушю безумнаго ничтоже глаголи, да не когда порушаетъ разумная словеса твоя* (Прит. 23, 9); далъ такой отвѣтъ: „уклонитесь отъ меня нечестивые, я не желаю знать путей вашихъ“. Когда вскорѣ послѣ этого Поссидій прибывъ въ мѣстечко Фигулію (по другому названію Трагиліонъ) обратился съ проповѣдію къ православнымъ и дона-тистамъ, и предлагалъ имъ слушать и усвоить исти-ну — дона-тистскій пресвитеръ Криспинъ, подвѣдомый епископу Криспину, узнавъ о содержаніи этой про-повѣди, рѣшился отомстить Поссидію за обличеніе дона-тистовъ и, скрывшись въ засадѣ, съ вооруженною толпою хотѣлъ напасть на него, когда онъ будетъ проходить мимо. Поссидій уже приближался къ мѣ-сту засады, но, предувѣдомленный о козняхъ Криспина укрылся въ одномъ домѣ. Тогда толпа дона-тистовъ окружила этотъ домъ, бросала камни въ окна, клала огонь подъ кровлю дома, пыталась ворваться въ него. Хозяева три раза тушили уже начинавшійся пожаръ; они умоляли толпу оставить ихъ въ покоѣ. Но Кри-спинъ, заправлявшій толпой, былъ неумолимъ. Дона-тисты разломали ворота двора, изрубили скотъ, быв-шій на дворѣ, ворвались въ самый домъ, выбросили Поссидія изъ верхняго этажа дома, начали мучить его и оставили его когда онъ былъ уже едва живъ. Когда распространилась молва о поступкѣ пресвитера Кри-спина, всѣ интересовались знать, какъ отнесется къ этому епископъ Криспинъ. Гражданская власть на-помнила ему о поступкѣ подвѣдомаго ему пресвитера и требовала подвергнуть послѣдняго примѣрно стро-гому наказанію, дабы подобные случаи не повторялись на будущее время. Но епископъ оставилъ безъ вни-манія требованіе гражданской власти. Послѣ этого случая дона-тисты сдѣлались еще фанатичнѣе прежня-го; они завладѣли воротами города Каламы и не впу-скали въ него ни православныхъ епископовъ, ни пра-вославныхъ проповѣдниковъ. Послѣ донесенія, сдѣ-ланнаго однимъ изъ знатныхъ православныхъ мірянъ,

проконсулу Нумидіи (¹), гражданскій судъ приговорилъ Криспина къ уплатѣ Поссидію десяти фунтовъ золота. Криспинъ отказывался уплатить этотъ штрафъ заявляя, что по закону этотъ штрафъ долженъ взиматься съ еретиковъ, а донатисты не еретики. Тогда проконсулъ приказалъ Поссидію доказать, что Криспинъ еретикъ. Поссидій доказалъ это, и долженъ былъ получить штрафъ съ Криспина, но добровольно отказался взять его; тѣмъ не менѣе Криспинъ и этимъ не былъ доволенъ и апеллировалъ къ императорамъ Аркадію и Гонорію, хотя донатисты и не одобряли этой аппелляціи, опасаясь дурныхъ послѣдствій за нее. Дѣйствительно, императоры подтвердили опредѣленіе проконсула относительно штрафа и вмѣстѣ оштрафовали тѣхъ судей, которые, съ согласія Поссидія, освободили Криспина отъ уплаты штрафа.

Не меньшее варварство обнаружили донатисты въ отношеніи къ православному багайскому епископу, Максиміану, которому они мстили за то, что онъ чрезъ судъ возвратилъ православнымъ церковь, нѣкогда отнятую у нихъ донатистами. Они напали на него днемъ, когда онъ былъ въ алтарѣ предъ престоломъ, разломали престолъ, подъ которымъ онъ думалъ укрыться, и били его палками и осколками престола до тѣхъ поръ, пока полъ около него покрылся кровью. Изъ ранъ особенно опасна была одна, нанесенная ножомъ въ брюшную полость, изъ которой кровь лилась ручьемъ. Можно было опасаться за самую жизнь Максиміана. Но когда донатисты выволокли Максиміана полумертвымъ изъ церкви и потащили по землѣ, пыль земная, смѣшавшись съ кровью, образовала какъ бы пластырь, остановившій кровь. Послѣ этихъ мученій донатисты на нѣкоторое время оставили Максиміана. Православные взяли его и понесли съ пѣніемъ псалмовъ, какъ мертваго. Спустя нѣсколько времени донатисты снова

(¹) Possid. c. 12.

схватили Максиміана, били его и, когда наступила ночь, бросили его въ яму, наполненную нечистотами. Изъ этой ямы Максиміанъ вытащенъ былъ однимъ горожаниномъ, весь покрытый ранами. Оправившись отъ болѣзни, Максиміанъ отправился къ императорскому двору просить православнымъ защиты отъ донатистовъ. И въ Европѣ ему всюду оказывали уваженіе, какъ мученику ⁽¹⁾. При дворѣ Максиміанъ встрѣтился съ нѣкоторыми тубурзикубурцами, которые также просили защиты отъ донатистовъ.

Циркумцелліоны преслѣдовали и донатистовъ, переходившихъ въ церковь; между прочимъ епископа Угра Марціана, пресвитера Касфалии Марка, пресвитера Викторины (въ иппонской провинціи) Реститута. Марціанъ, по присоединеніи къ церкви, опасаясь преслѣдованій, хотѣлъ бѣжать изъ Угра, но донатисты, поймавъ его, били камнями чуть не до смерти, а домъ его разрушили до основанія. Маркъ ⁽²⁾, послѣ своего присоединенія къ церкви, едва спасъ свою жизнь отъ циркумцелліоновъ. На Реститута ⁽³⁾, послѣ его присоединенія къ церкви, циркумцелліоны напали въ его собственномъ домѣ, били палками и хотѣли посадить въ ближайшій замокъ, но потомъ, разсудили посадить его въ мѣшокъ, сплетенный изъ веревокъ, и бросить въ лужу. Черезъ нѣсколько времени, взявши его изъ лужи, они поставили его у позорнаго столба, издѣвались надъ нимъ и посадили въ заключеніе, откуда онъ былъ выпущенъ на свободу, только спустя двѣнадцать дней, вѣроятно, по повелѣнію иппонскаго донатистскаго епископа, Прокулеяна, можетъ быть, опасавшагося судебного взыскательства. Многіе изъ православныхъ были свидѣтелями мученій Реститута, но, будучи малочисленнѣе донатистовъ, боялись

⁽¹⁾ Epist. 185.

⁽²⁾ Epist. 105.

⁽³⁾ Con. Cresc. don. l. 3, 83. Epist. 105. Epist. 88.

вступить за него. Августинъ дважды жаловался Прокулеяну на донатистовъ. Но послѣдній въ своемъ отвѣтѣ Августину старался исказить самый фактъ въ пользу донатистовъ и оставилъ жалобы безъ удовлетворенія. Впослѣдствіи донатисты замучили Ресгитута (1). Тѣ донатисты, которые не принимали непосредственнаго участія въ мученіяхъ и притѣсненіяхъ православныхъ, всячески поощряли жестокихъ фанатиковъ и награждали ихъ высшими духовными должностями. Опасаясь въ будущемъ подвергаться еще болѣе жестокимъ преслѣдованіямъ отъ донатистовъ (2), православные рѣшились искать защиты у императора. Но нѣкоторые изъ донатистовъ стали высказывать желаніе войти въ мирныя собесѣдованія съ православными относительно спорныхъ вопросовъ. Православные епископы подтвердили этотъ вопросъ соборному обсужденію.

На карфагенскомъ соборѣ 403 года (25 августа), карфагенскій епископъ Аврелій между прочимъ говорилъ членамъ собора: „всѣ вы предложили уже обѣщаніе, что каждому изъ насъ въ своемъ городѣ слѣдуетъ или отдѣльно одному вступить въ сношенія съ предводителями донатистовъ или пригласить къ себѣ другаго сосѣдняго епископа и также вступить въ сношеніе съ ними во всѣхъ городахъ и мѣстахъ, при посредничествѣ мѣстныхъ властей. Желательно, чтобы заявлено было, всѣ ли согласны на это. Со всѣхъ сторонъ говорили: всѣ согласны, и всѣ мы скрѣпимъ это нашей подписью. Желаемъ также, чтобы посланія отъ имени собора къ свѣтскимъ властямъ подписаны были за всѣхъ твоею (т. е. епископа Аврелія) святостію. Епископъ Аврелій сказалъ: не слѣдуетъ ли, съ согласія вашей любви, прочитатъ образецъ сношенія съ донатистами, дабы

(1) Epist. 133.

(2) Con. lit. Pet. c. 2, p. 184. De un. eccles. p. 53.

всѣ, если вамъ угодно, держались одного и того же тона въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла? Всѣ епископы сказали: пусть прочитаютъ“. Предъ чтеніемъ „епископъ католической церкви (т. е. Аврелій) сказалъ: приглашеніе, которое препровождено отъ вашей честности къ донатистамъ, благоволите выслушать, включить его въ соборные акты и послать къ нимъ, а отвѣтъ ихъ благоволите объявить намъ посредствомъ вашихъ актовъ“ (1). — Образецъ сношенія читался такъ: „бывъ посланы католическимъ соборомъ нашимъ, полноправно вступаемъ въ сношеніе съ вами и хотимъ порадоваться вашему исправленію; вѣдаемъ бо любовь Господа, рекшаго: *блажени миротворцы: яко тии сынове Божіи нарекутся* (Мат. 5, 9). А чрезъ пророка Господь внушилъ намъ говорить: „вы братья наши“, даже не желающимъ называться нашими братьями. Итакъ, вы не должны пренебрегать этимъ нашимъ, отъ мирной души исходящимъ, напоминаніемъ. Если вы что либо изъ того, чего вы держитесь, признаете за истину; то не усумнитесь защитить истину, то есть, во время нашего собора изберете изъ вашей среды лицъ, которымъ бы можно было вѣрить дѣло защищенія правоты вашей, чтобы и мы могли сдѣлать тоже, то есть, избрать изъ нашего собора лицъ, которые вмѣстѣ съ избранными изъ вашей среды, въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время, обязаны были бы мирно изслѣдовать все, что требуетъ изслѣдованія и что отдѣляетъ васъ отъ общенія съ нами, и чтобы закосявившее заблужденіе, при помощи Господа Бога нашего, хотя поздно, исчезло въ конецъ, да не погибнуть въ святотатственномъ раздѣленіи немощныя и несвѣдущія души, послѣдовавшія человѣческому увѣренію. Если вы братски примете это приглашеніе, то истина легко раскроется предъ вами, если же не хотите сдѣлать это-

(1) Дѣянія девяти помѣстныхъ соборовъ въ русскомъ переводѣ, изданныя при Казанской духов. акад. Прав. 91.

го, то невѣріе ваше тотчасъ изобличится“. По прочтеніи сего образа всѣ епископы сказали: „совершенно согласны, да будетъ такъ“ (1).

Представители мѣстной гражданской власти передали предложеніе собора донатистскимъ епископамъ, но послѣдніе отвергли его—многіе даже съ позорною бранью (2). Карфагенскій епископъ Приміанъ отправилъ гражданской власти такой письменный отвѣтъ: „не прилично сынамъ мучениковъ собираться вмѣстѣ въ отродьемъ предателей“. Затѣмъ Приміанъ отправилъ ко всѣмъ донатистскимъ епископамъ посланіе, въ которомъ воспрещалось имъ входить въ какія бы то ни было разсужденія съ православными епископами, дабы не заразиться отъ нихъ грѣхомъ и чрезъ то не погубить святости и истины донатистской церкви.

Между тѣмъ Августинъ лично обратился къ нѣкоторымъ изъ донатистскихъ епископовъ съ предложеніемъ о собесѣдованіи. Такъ онъ писалъ къ епископу Кесаріи, Емериту, человѣку образованному, порицавшему насилія производимыя донатистами и вмѣстѣ уважаемому ими. Въ письмѣ Августинъ выражаетъ глубокое почтеніе къ Емериту, утверждаетъ, что нельзя оскверниться чужими грѣхами (3), говоритъ, что гражданская власть обязана охранять общественное спокойствіе отъ фанатичныхъ донатистовъ и что если иногда правительство и преступаетъ границы умѣренности въ сдерживаніи фанатизма донатистовъ, то нужно жаловаться на это, а не чуждаться изъ-за этого церкви. Затѣмъ высказавши свое мнѣніе о крещеніи, Августинъ ставитъ вопросъ объ истинной церкви, но не хочетъ отвѣчать на него до тѣхъ поръ, пока Емеритъ не отвѣтитъ ему, желаетъ ли онъ разсуждать съ нимъ.

(1) Дѣян. дев. пом. соб. прав. 92. Serm. 3 ad psalm. 32.

(2) Serm. 2 ad psalm. 35.

(3) Epist. 87.

Въ то же время Августинъ обратился съ предложениемъ о собесѣдованіи къ иппонскому епископу, Прокулеяну ⁽¹⁾. Послѣдній отвѣчалъ, что у нихъ скоро будетъ соборъ, на которомъ рѣшится вопросъ о собесѣдованіяхъ съ православными, а до соборнаго рѣшенія онъ не можетъ бесѣдовать съ Августиномъ. Соборъ, дѣйствительно, былъ и на немъ постановлено не только не входить въ собесѣдованія съ православными, но даже и не отвѣчать на ихъ предложенія. Поэтому, когда потомъ Августинъ вторично предложилъ Прокулеяну бесѣдовать, послѣдній отказался. По поводу этого отказа Августинъ составилъ отъ лица церкви посланіе ко всѣмъ донатистамъ, въ которомъ, на основаніи св. писанія, увѣщевалъ донатистовъ вступить въ единеніе съ церковію, оставить ложь и принять истину, рассказывалъ донатистамъ исторію ихъ раскола и спрашивалъ ихъ: неужели они могутъ сказать, что такіе люди, какъ циркумпелліоны, были жателю, которые должны отдѣлять пшеницу отъ плевель. „Конечно, говорилось въ заключеніи посланія, ваши епископы, нежелающіе говорить съ нами, могутъ опровергнуть мои доказательства; но ради Бога подумайте о томъ, почему они отказываются разсуждать съ нами. Если волки опредѣлили не отвѣчать пастухамъ, то почему же овцы боятся приблизиться къ стойлу овецъ“ ⁽²⁾.

Въ виду того, что донатисты отказывались отъ собесѣдованій съ православными, а между тѣмъ жестокости циркумпелліоновъ продолжались, православные епископы на карфагенскомъ соборѣ 404 года (17 іюня) подняли вопросъ объ изгнаніи мѣръ къ оправденію отъ жестокостей циркумпелліоновъ ⁽³⁾. Одни изъ ихъ предлагали просить императоровъ, чтобы

⁽¹⁾ Epist. 88.

⁽²⁾ Epist. 76.

⁽³⁾ Epist. 88. 185.

они повелѣли поступать съ донатистами на основаніи закона, изданнаго противъ еретиковъ императоромъ Θεодосіемъ въ 392 году. Другіе, въ томъ числѣ и бл. Августинъ, высказывались противъ строгихъ мѣръ ⁽¹⁾. Епископы требовавшія строгихъ мѣръ указывали между прочимъ на то, что многія донатистскія общества, изъ страха предъ императорскими законами присоединились къ церкви. Между прочимъ приводили въ примѣръ городъ Тагастъ, мѣсто родины Августина, гдѣ уже не осталось и слѣда раскола ⁽²⁾ и въ концѣ концовъ всѣ епископы согласились просить императоръ обуздать фанатизмъ донатистовъ ⁽³⁾.

Съ жалобой на донатистовъ отъ лица собора отправились къ императорамъ епископы: Θεазій и Еводій. Имъ дана была отъ собора слѣдующая инструкция: „когда, съ помощію Господнею, предстануть они предъ благочестивѣйшими царями; то пусть объяснятъ имъ, какъ во время собора пропедшаго (403) года старѣйшины донатистовъ приглашаемы были собраться и, если имѣютъ дерзновеніе отстаивать свое ученіе, избрать изъ своей среды нѣсколько лицъ, которые были бы способны мирно состязаться съ нами и, если была какая-либо доля истины на ихъ сторонѣ, то явили бы ее не колеблясь и съ христіанскою кротостію, — дабы такимъ образомъ по невѣжеству и односторонности противоборниковъ, можно было познать, гдѣ находится нынѣ издревле сіявшая каѳолическая чистота. Но такъ какъ они рѣшили не вступать въ разсужденія, то почти ни на что и не отвѣчали. Итакъ, поелику со стороны епископовъ употребленъ въ отношеніи къ нимъ мирный образъ дѣйствій, а они, не имѣя возможности отвѣчать противъ истины, обратились къ насильственнымъ поступкамъ, такъ

(1) Epist. 93.

(2) Coll. earth d. 1, p. 176.

(3) Gesele т. 2, стр. 86.

что многихъ епископовъ и клириковъ (умолчимъ о мірянахъ) ставили своими навѣтами въ стѣсенное положеніе и вторгнулись въ нѣкоторыя церкви, покушаясь вторгнуться также и въ другія церкви; то ихъ царскому челобѣколѣбію предстоитъ попещись, чтобы родившая ихъ благочестивыми во Христѣ и крѣпостію вѣры воспитавшая католическая церковь была ограждена ихъ заботливостію, дабы въ благочестивое царствованіе ихъ дерзкіе люди, не могущіе совратить народъ посредствомъ убѣжденія, не воздѣйствовали надъ немощными членами ея посредствомъ устрашенія. Извѣстно и многократно законами оглашено, что производятъ гнусныя скопища отщепенцевъ. Посему противъ неистовства оныхъ отщепенцевъ просимъ подать намъ высочайшую помощь, не необычайную и не противную святымъ писаніямъ; ибо апостоль Павелъ, какъ видно изъ подлинныхъ Дѣяній апостольскихъ, побѣдилъ соумышленіе людей безчинныхъ воинскою помощію. Итакъ мы просимъ о томъ, чтобы безъ всякаго замедленія послѣдовало распоряженіе объ охраненіи церковныхъ чиновъ въ каждомъ городѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ просить благочестивѣйшихъ самодержцевъ и о томъ, чтобы соблюдаемъ былъ законъ, изданный блаженныя памяти отцемъ ихъ Теодосіемъ, о взысканіи по десяти фунтовъ золота съ еретиковъ рукополагающихъ и рукополагаемыхъ, равно и съ владѣльцевъ, у которыхъ замѣчено будетъ собраніе еретиковъ. Да повелятъ утвердить этотъ законъ, съ распространеніемъ при томъ силы его на тѣхъ, чьи навѣты доказаны будутъ людьми, принявшими на себя попеченіе о католической церкви, чтобы отлагающіе свое очищеніе и исправленіе, не смотря на напоминаніе имъ о вѣчномъ наказаніи, по крайней мѣрѣ этимъ страхомъ удерживаемы были отъ произведенія расколовъ и безумной еретической лживости. слѣдуетъ просить также и о томъ, чтобы былъ возобновленъ существовавшій до сихъ поръ законъ, которымъ отнимается у еретиковъ

право брать что либо отъ рукополагаемыхъ, или по завѣщанію, равно какъ и другимъ оставлять что либо по завѣщанію, кратко сказать: да отнимается у заблуждающихся право какъ брать у другихъ, такъ и оставлять другимъ что нибудь. А тѣмъ, кто ради единенія и мира желаетъ исправить себя, да будетъ разрѣшено, и при существованіи такого закона, получать наслѣдство, хотя бы это наслѣдство, или какой либо даръ достались имъ еще тогда, когда они находились въ еретическомъ заблужденіи, за исключеніемъ впрочемъ лицъ, которые сочли нужнымъ перейти въ католическую церковь уже по призваніи ихъ къ суду; потому что о такихъ слѣдуетъ думать, что они пожелали католическаго единенія не по страху суда небеснаго, но по алканію земныхъ выгодъ. Кромѣ всего этого предстоить нужда въ помощи со стороны властей каждой области. Впрочемъ, если уполномоченные усмотрятъ еще что либо, споспѣшествующее церковной пользѣ, то и на это даемъ имъ позволеніе.

„Опредѣлено также послать съ собора граматы къ славнѣйшимъ императорамъ и важнѣйшимъ сановникамъ съ увѣдомленіемъ ихъ, что уполномоченные посланы нами съ общаго согласія. А такъ какъ всѣмъ подписываться подъ этими граматами неудобно,—это значило бы слишкомъ обременять ихъ; то мы просимъ твою любовь, братъ Аврелій, — благоволи подписать ихъ отъ имени всѣхъ насъ“ (1). Кромѣ того соборъ отправилъ съ Феазіемъ и Еводиємъ письма къ римскому епископу Иннокентію и нѣкоторымъ другимъ, прося у нихъ покровительства депутаціи. Отправивъ депутацію соборъ обратился къ мѣстнымъ провинціальнымъ властямъ съ просьбою о защитѣ православныхъ отъ жестокостей циркумцелліоновъ.

Прибывъ къ императорскому двору депутаты встрѣтили тамъ нѣкоторыхъ донатистовъ, которые, намѣ-

(1) Дѣянія девяти помѣстныхъ соборовъ въ русскомъ переводѣ, изданныя при Казанской духов. акад. прав. 93.

ревяясь оставить расколъ, желали обезопасить себя отъ циркумцеллюновъ, съ особеннымъ звѣрствомъ мстившихъ за измѣну расколу. Говоря о ходатайствѣ депутатовъ предъ императоромъ и о законодательствѣ императора по поводу этого ходатайства Петиліанъ между прочимъ сообщаетъ, что депутаты жаждали крови донатистовъ, желали запугать и изгнать ихъ и осквернили свои руки убійствомъ.

По поводу ходатайства депутатовъ императоръ Гонорій издалъ пять законовъ противъ донатистовъ. Въ одномъ изъ нихъ ⁽¹⁾ говорится: „пусть не существуетъ болѣе ни манихеевъ, ни донатистовъ, которые, какъ намъ извѣстно, не перестаютъ свирѣпствовать. Пусть содержится одно православное поклоненіе и одно спасеніе и одна и таже Троица“. Кто осмѣлится совершить запрещенныя церемоніи, тотъ подвергнется наказанію прежде бывшихъ законовъ и того, который будетъ изданъ. Въ другомъ законѣ воспрещается перекрещиваніе. Въ третьемъ законѣ ⁽²⁾ повелѣвается конфисковать имѣніе, какъ у того, кто перекрещивается, такъ и у того, кто перекрещивается, съ тѣмъ впрочемъ, что дѣти перекрещеннаго, если они обратятся къ православной церкви, могутъ получить имѣніе своихъ родителей. Такой же конфискаціи подвергаются тѣ дома, гдѣ собранія донатистовъ бывають, съ согласія или въ присутствіи хозяина дома; если же собраніе происходитъ безъ согласія хозяина, при участіи мѣстнаго начальника, то подвергаются позорному изгнанію главные виновники этихъ собраній. Рабы, перекрещенные по принужденію своихъ господъ, могутъ свободно присоединяться къ церкви и въ такомъ случаѣ получаютъ свободу отъ рабства. Упорствующие въ расколѣ не могутъ ни получать, ни дѣлать духовныхъ завѣщаній. Это наказаніе простирается и на тѣхъ, которые какимъ ли-

⁽¹⁾ Cod. Theod. l. 16, tit. 5, l. 38, tit. 6, l. 3.

⁽²⁾ Ibid l. 4. et 5.

бо образомъ будутъ оказывать покровительство донатистамъ; если то будутъ императорскіе чиновники, то въ такомъ случаѣ они должны платить десять фунтовъ золота. Содержаніе четвертаго закона почти тождественно съ третьимъ. Въ пятомъ законѣ ⁽¹⁾ донатисты порицаются за малодушіе и вѣроломство, а православные восхваляются за постоянство и твердость, оказанныя при Юліанѣ. Кромѣ этихъ пяти законовъ былъ изданъ императоромъ эдиктъ на имя проконсула Африки, Діотимія ⁽²⁾, которымъ повелѣвалось ему обнародовать во всѣхъ африканскихъ провинціяхъ одинъ изъ прежде изданныхъ Гоноріемъ законовъ, именно тотъ, въ которомъ императоръ изъявлялъ, чтобы всѣ африканскія общества находились въ церковномъ единеніи, чтобы всѣ вѣровали во всемогущаго Бога и содержали единую истинную православную вѣру.

Послѣ изданія этихъ законовъ многіе изъ донатистовъ присоединились къ церкви. „О если бы я могъ показать тебѣ, писалъ въ это время бл. Августинъ епископу рогатистовъ Винценцію, какое множество даже и изъ циркумцелліоновъ теперь у насъ сдѣлались истинными христіанами, какъ они проклинають свою прежнюю жизнь и достойное слезъ заблужденіе, при которомъ они о всемъ, что дѣлали въ своемъ фанатическомъ воодушевленіи, думали, что дѣлають это для церкви Божіей“ ⁽³⁾. „Старанія защитниковъ христіанскаго мира ты не будешь называть напрасными и безплодными, писалъ Августинъ къ другому донатисту Кресконію ⁽⁴⁾, если посмотришь, какъ въ Африкѣ, прежде всюду наполненной заблужденіемъ, теперь мало осталось тѣхъ, которые еще не

⁽¹⁾ Tit. 5. l. 37. Въ кодексѣ Феодосія время изданія этого закона обозначено 400 годомъ, но Норисъ и нѣкоторые другіе ученые относятъ время изданія его къ 405 году.

⁽²⁾ Tit. 11. l. 2.

⁽³⁾ Epist. 93.

⁽⁴⁾ Con. Cresc. l. 1, p. 7. l. p. 74.

присоединились къ православному миру. Мы радуемся твердой и постоянной вѣрѣ не немногихъ, которые вслѣдствіе императорскихъ законовъ обратились къ православному миру, для спасенія которыхъ мы охотно подвергали себя даже опасности. За это еще теперь отъ жестокихъ и свирѣпыхъ мы переносимъ страшныя нападенія, которыя вмѣстѣ съ нами терпѣливо переносятъ и нѣкоторые изъ недавно обратившихся; но мы весьма опасаемся за ихъ слабость, пока они научатся и придутъ въ состояніе съ мужественнымъ спокойствіемъ сердца смотрѣть на настоящее (¹). А если лицемѣры переходятъ къ намъ, то объ этомъ судить не намъ, а Богу. Однако и нѣкоторые изъ лицемѣровъ, перешедшихъ въ церковь изъ страха предъ императорскими повелѣніями, позднѣе въ нѣкоторыхъ искушеніяхъ оказались подобны утвердившимся въ вѣрѣ православнымъ“ (²).

Помимо этого общаго свидѣтельства бл. Августина намъ извѣстно, что въ данное время присоединилось къ церкви большинство кареагенскихъ донатистовъ (³), такъ что у кареагенскаго епископа донатистовъ Приміана осталось весьма небольшое общество. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ всѣ донатисты, кромѣ епископа, оставили расколъ. Такъ между прочимъ было въ Либертинѣ. Когда на кареагенскомъ соборѣ 411 года Януарій назвалъ себя донатистскимъ епископомъ Либертины (⁴), то православные замѣтили ему, что въ Либертинѣ нѣтъ ни одного донатиста и Януарій ничего не могъ возразить на это. На этомъ же соборѣ 411 года православный епископъ Багая,

(¹) Epist. 97.

(²) Epist. 89.

(³) Въ лѣтописи Идатія за 405 годъ говорится, что въ этомъ году въ Кареагенѣ было восстановлено единство церкви, хотя Приміанъ и оставался тамъ донатистскимъ епископомъ. *Patrol. curs. comp. ser. lat. t. 51.*

(⁴) *Coll. carth. d. 1, p. 116.*

Адеодатъ сообщилъ, что прежде въ этомъ городѣ было весьма много донатистовъ, а теперь навсегда выбылъ изъ него и донатистскій епископъ, Калипотій, такъ какъ тамъ не осталось ни одного донатиста (¹). Во многихъ мѣстахъ церкви переходили въ руки православныхъ, при чемъ весьма много содѣйствовалъ православнымъ вышеупомянутый нами экономъ африканскаго вельможи Целера, Спондей (*). Вслѣдствіе всего этого на карфагенскомъ соборѣ 405 года было постановлено послать къ императору двухъ депутатовъ съ изъявленіемъ благодарности за изданные имъ законы противъ донатистовъ. Депутаты были избраны не изъ епископовъ, такъ какъ не задолго предъ тѣмъ римскій папа Иннокентій писалъ африканскимъ епископамъ, что частое путешествіе епископовъ за море онъ считаетъ дѣломъ неудобнымъ (³). На этомъ же соборѣ было опредѣлено просить гражданскихъ начальниковъ всячески содѣйствовать возстановленію церковнаго единенія во всѣхъ городахъ и селахъ.

Но фанатичные донатисты тѣмъ съ большею яростію стали теперь мстить главнымъ виновникамъ упадка раскола. Особенно часто дѣлали они нападенія на иппонскій діоцезъ, гдѣ епископомъ былъ Августинъ, такъ что Августинъ вынужденъ былъ жаловаться на нихъ императорскому президенту Цециліану (⁴). „Насколько мы радуемся удивительному успѣху православнаго единенія въ другихъ провинціяхъ Африки, писалъ онъ Цециліану, настолько же скорбимъ и о томъ, что иппонская область и сосѣдніе города еще не видали никакой особенной помощи отъ силы твоей власти“. Цециліанъ былъ только оглашенъ, но уже отличался благочестіемъ и преданностію православною церкви. Онъ еще до полученія письма Авгу-

(¹) Coll. carth. d. 1, p. 129.

(*) Epist. 139.

(³) Gesele т. 2, стр. 87.

(⁴) Epist. 86.

стина, издалъ эдиктъ противъ донатистовъ, въ которомъ подъ угрозою строгаго наказанія воспрещалъ циркумцелліонамъ беспокоить православныхъ. Такъ какъ циркумцелліоновъ возбуждали въ это время нѣкоторые изъ донатистскихъ епископовъ, напримѣръ, епископъ Каламы, Криспинъ, то Августинъ отъ лица всего духовенства составилъ особое посланіе къ донатистскому епископу Казы Нигрійской, Януарію ⁽¹⁾, жалуясь ему на грабежъ и жестокости донатистовъ. Представивъ прежде всего исторію раскола, Августинъ пишетъ: православные неоднократно предлагали донатистамъ вступить въ мирныя разсужденія съ ними для соглашенія, но донатисты со смѣхомъ и гордостію отвергали эти предложенія. Въмѣстѣ съ тѣмъ они причиняли и теперь причиняютъ намъ страшныя мученія. „Они не только бьютъ насъ и наносятъ намъ раны палками и мечами, но и съ неслыханною жестокостію ослѣпляютъ глаза извѣстною и укусомъ, грабятъ наши дома и вооруженными толпами ходятъ по области, имѣя намѣреніе причинять и причиняя смерть, грабежъ и пожаръ“. Эти люди не мученики, какъ они называютъ себя, а разбойники и даже хуже разбойниковъ. Разбойники, правда, убиваютъ людей, но онъ лишаетъ людей зрѣнія. Далѣе въ посланіи Августинъ ставитъ на видъ донатистамъ, что если они вступятъ въ мирныя разсужденія съ православными, то результатомъ этого можетъ быть отмѣненіе или смягченіе строгихъ императорскихъ законовъ противъ нихъ. Они говорятъ, пишетъ онъ, что нѣкоторые изъ ихъ епископовъ уже обращались къ итальянскому префекту и православному епископу Валенту съ просьбою о смягченіи законовъ противъ нихъ, и префектъ отказалъ имъ, говоря, что теперь уже поздно вступать въ соглашеніе съ право-

⁽¹⁾ Epist. 88. Въ память Доната епископъ Казы Нигрійской Януарій имѣлъ такой титулъ: «Епископъ перваго престола партіи Доната»; онъ имѣлъ преимущество чести предъ карагенскимъ епископомъ.

славными; такъ какъ законы уже изданы; но императоръ, какъ неограниченный властелинъ, и теперь не отказался бы выполнить просьбу донатистовъ... „Но если вы, говоритъ Августинъ донатистамъ, и не уважите нашихъ просьбъ, все-таки мы будемъ продолжать миролюбивыя отношенія къ вамъ. Господь будетъ съ Его церковію и вы раскаяетесь въ томъ, что не уважаете нашей снисходительности къ вамъ“.

По тому же поводу писалъ Августинъ и къ Фесту (¹), вѣроятно, императорскому чиновнику, прося его тайно отъ донатистовъ послать въ иппонскую область своего уполномоченнаго для совѣщанія о томъ, какъ лучше дѣйствовать противъ донатистовъ. По видимому этотъ Фестъ прежде извѣстенъ былъ, какъ покровитель донатистовъ, такъ какъ въ письмѣ къ нему Августинъ старается возможно яснѣе и несомнѣннѣе представить насилія донатистовъ и въ концѣ письма проситъ у него извиненія, если обширность письма при чтеніи покажется ему обременительною и отниметъ много времени. „Но я желалъ, говоритъ Августинъ, дать тебѣ въ руки нѣчто письменное, чтобы ты имѣлъ въ виду не только мое желаніе, но и основаніе исправительнымъ образомъ дѣйствовать на донатистовъ, и если они будутъ возражать, могъ отвѣчать имъ“.

Около этого же времени Августинъ отвѣчалъ на письмо епископа рогатистовъ Винценція (²), выразившаго въ своемъ письмѣ удивленіе тому, что Августинъ, котораго онъ зналъ какъ рѣшительнаго противника насильственныхъ мѣръ въ дѣлѣ вѣры, согласился просить императора объ изданіи строгихъ законовъ противъ донатистовъ. „Насилія и жестокости донатистовъ, пишетъ Августинъ, были такъ велики, что ихъ необходимо было обуздать карательными мѣрами. Опасно

(¹) Epist. 89.

(²) Epist. 93.

больнымъ нужно помогать. Когда наставленіе не соединяется съ угрозою, то сила привычки можетъ сдѣлать наставленіе бесполезнымъ. Раны друга лучше поцѣлюя врага. Лучше съ строгостію любить, чѣмъ съ кротостію обманывать. Неужели не должно заставлять поступать справедливо. Какъ Сарра преслѣдовала Агарь, такъ и церковь можетъ преслѣдовать донатистовъ. Какъ поступилъ Моусей съ евреями, слившими золотого тельца (Исх. 32, 27)? Что сдѣлалъ Илія съ жрецами Ваала? Апостоль Павелъ не предалъ ли нѣкоторыхъ сатанѣ (1 Тим. 1, 20)? Во второмъ псалмѣ царямъ повелѣвается защищать церковь. Не соглашаетесь ли вы съ законами императоровъ противъ язычниковъ? Почему же нельзя принудить васъ оставить свою ересь? Не сами ли вы обращались за помощію къ Юліану? Для чего же вы осужденіями и ложью нарушили миръ церкви? При извѣстныхъ обстоятельствахъ хорошо и принуждать узнать истину. Съ этимъ согласны и донатисты, присоединившіеся къ церкви. Они радуются, что Богъ чрезъ императорскіе законы возвратилъ ихъ къ церкви. Они говорятъ, что прежде для нихъ было безразлично принадлежать къ тому или другому обществу, но теперь, присоединившись къ обществу православныхъ, они радуются о своемъ единеніи и благодарятъ Бога. Такимъ образомъ принужденіе, въ отношеніи къ заблуждающимся, можетъ быть спасительнымъ средствомъ.

Затѣмъ Августинъ изображаетъ величіе истинной православной церкви и грѣхъ донатистовъ, состоящій въ отдѣленіи отъ нея. Винценцій доказывалъ, что церковь давно уже погибла, приводилъ слова Иларія, сказанныя на соборѣ противъ аріанъ: *въ десяти провинціяхъ Азіи очень немногіе знаютъ что нибудь о Богѣ*. Августинъ замѣчаетъ на это, что хотя апостоль Павелъ и назвалъ коринѳянь плотскими, но коринѳская церковь отъ этого не погибла. Въ концѣ письма Августинъ говоритъ о крещеніи и не одо-

бруютъ преслѣдованій, проистекающихъ не изъ любви, а изъ ненависти. Я скорблю, говоритъ Августинъ, если донатистовъ грабятъ, обворовываютъ, и принимаютъ въ церковь изъ-за корыстолюбія; но и ради этихъ насилій не должно оставлять церковь. Я надѣюсь, что это письмо не Винценцію только но и многимъ другимъ послужитъ ко вразумленію.

Тотъ же взглядъ на отношеніе свѣтской власти къ донатистамъ Августинъ высказывалъ и нѣсколько позднѣе — въ письмѣ, обращенномъ ко всѣмъ донатистамъ ⁽¹⁾. „Любовь Христа, такъ начинается это письмо, не позволяетъ намъ молчать“. Донатисты жалуются на гоненія, но они сами причинили множество насилій и часто лгутъ. Власть, которою теперь пользуется церковь, обѣщала и дала ей Господь. Императоры только выполняютъ заповѣдь Божию. Вы жалуетесь на строгость императоровъ потому только, что не можете пользоваться ихъ силою. Эту мысль Августинъ доказываетъ фактами исторіи донатистовъ. Затѣмъ онъ съ искреннею любовію проситъ донатистовъ оставить споръ и присоединиться къ церкви. „Христосъ хочетъ этого и императоры желаютъ этого. Соединитесь же съ нами, братья. Мы любимъ васъ и желаемъ вамъ того же, чего и себѣ. Богъ не хочетъ, чтобы вы погибли въ нечестивомъ расколѣ, вдали отъ своей каѳолической матери. Мы имѣемъ одно общее св. писаніе, почему же не имѣемъ общаго Христа и церкви“? Послѣ многихъ доказательствъ истинности православной церкви и нерушимости ея благодатныхъ даровъ отъ плевелъ, находящихся въ ней, Августинъ заключаетъ письмо новымъ увѣщаніемъ прекратить раздоръ съ церковію. „Если вы имѣете Христа, почему же не имѣете и церкви? Если вы вѣруете во Христа, Котораго не видите, но о Которомъ только читаете въ писаніи, то почему же отрицаете церковь, о которой читаете и которую видите“?

(1) Epist. 105.

Но старанія церкви вразумить донатистовъ и обуздать ихъ фанатизмъ и теперь не увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Въ Вагаѣ циркумцелліоны зажгли церковь и бросили въ огонь св. книги ⁽¹⁾. Въ Либертинѣ донатисты до основанія разрушили церковь православныхъ ⁽²⁾. Въ Циртѣ разрушили все алтари въ православныхъ храмахъ ⁽³⁾. Въ Макомидіи насильственно перекрестили ⁽⁴⁾, а потомъ умертвили ⁽⁵⁾ православнаго епископа, уже девяносто-лѣтняго старца. Въ Кесаріи, когда часть донатистовъ присоединилась къ церкви, донатистъ Кресконій ограбилъ церковь, завладѣвъ ея деньгами и хлѣбомъ. Въ Пуденціи Кресконій разрушилъ четыре церкви и завладѣлъ ихъ утварью. Въ Синитѣ, послѣ присоединенія къ церкви нѣкоторыхъ донатистовъ съ епископомъ Максиминомъ ⁽⁶⁾, фанатики заявили: „кто перейдетъ на сторону Максимиана, того домъ будетъ сожженъ“. Многіе изъ циркумцелліоновъ оканчивали жизнь самоубійствомъ ⁽⁷⁾.

Православные епископы, собравшись въ Каррагенѣ въ 107 году (13 іюня) ⁽⁸⁾, въ виду насилій донатистовъ, рѣшили послать двухъ депутатовъ къ императору, епископа Калузиса, Винценція и епископа Сикка, Фортунациана, съ просьбою дать церкви особыхъ защитниковъ отъ донатистовъ и пять комиссаровъ, которые заботились бы о выполненіи законовъ, изданныхъ противъ донатистовъ, и имѣли бы полномочіе просить императора постановить относительно донатистовъ то, что они найдутъ нужнымъ. Затѣмъ

⁽¹⁾ Coll. Carth. d. 3. p. 238.

⁽²⁾ Ibid. d. 4. p. 433.

⁽³⁾ Ibid. d. 4. p. 139.

⁽⁴⁾ Ibid. d. 4. p. 488.

⁽⁵⁾ Ibid. d. 4. p. 447.

⁽⁶⁾ Этотъ Максиминъ былъ членомъ депутаціи 406 г. къ префекту Италіи, заявившей готовность бесѣдовать съ православными.

⁽⁷⁾ Brev. Coll. c. don. 3, 23.

⁽⁸⁾ Gefele т. 2, стр. 87.

соборъ запретилъ открывать новыя епископскія каедръ безъ разрѣшенія провинціального собора епископовъ и примаса. Что же касается донатистскихъ обществъ, присоединившихся къ церкви, то онѣ если желаютъ, могутъ имѣть своихъ особыхъ епископовъ; а если по смерти своего отдѣльнаго епископа не пожелаютъ избирать ему преемника, то будутъ присоединены къ другимъ обществамъ. Донатистскія общества, присоединившіяся къ церкви до изданія императорскаго закона относительно ихъ присоединенія, со всѣми церковными постройками и утварью должны поступить подъ власть того епископа, которымъ они обращены; общества же, присоединившіяся къ церкви послѣ изданія императорскаго закона, должны признать власть того епископа, въ епархіи котораго они живутъ. Если какой либо епископъ управляетъ какимъ либо изъ этихъ обществъ, несогласно съ опредѣленіями настоящаго собора, то онъ долженъ передать это общество тому епископу, которому оно должно принадлежать по правиламъ настоящаго собора.

Велѣдствіе просьбы депутатовъ собора 407 года, императоръ издалъ два закона противъ донатистовъ (14 ноября 407 г.) ⁽¹⁾, адресованные на имя проконсула Африки, Порфирія. Спустя восемь дней послѣ изданія этихъ законовъ Гонорій издалъ новый законъ, въ которомъ повелѣвалось: „все, что опредѣлено противъ донатистовъ, всѣхъ прочихъ сектантовъ и язычниковъ исполнять въ точности и строжайшимъ образомъ. Всѣ ихъ церкви и молитвенные дома передать православнымъ“. Далѣе, въ силу указа, всякій называющійся донатистомъ долженъ подвергнуться наказанію и всѣ донатисты безусловно должны присоединиться къ православному обществу. Въ распоряженіе православныхъ епископовъ даны были три императорскихъ комиссара: Максимъ, Эліанъ и Евтихій ⁽²⁾.

⁽¹⁾ Cod. Theod. De episc. l. 38. De haeres l. 44

⁽²⁾ Ibid. De haeres. l. 43.

Но вѣроятно, эти распоряженія императора не принесли надлежащей пользы церкви, такъ какъ карфагенскій соборъ бывшій въ юнѣ 408 года, снова чрезъ епископа Фортунациана просилъ императора защитить церковь отъ язычниковъ и донатистовъ. Въ 408 году донатисты даже стали дерзновеннѣе. Дѣло въ томъ, что въ этомъ году императоръ Гонорій умертвилъ главнаго своего министра Стилихона, котораго донатисты считали главнымъ виновникомъ строгихъ законовъ противъ нихъ ⁽¹⁾; поэтому они очень обрадовались его смерти, распространили молву, что Гонорій значительно смягчилъ свои законы противъ всѣхъ враговъ церкви ⁽²⁾ и начали преслѣдовать православныхъ. Одни изъ православныхъ епископовъ спасались отъ донатистовъ бѣгствомъ къ императорскому двору, другіе, какъ на примѣръ, Θεазій и Еводій, бывшіе депутатами къ императору, и Викторъ подверглись истязаніямъ, Северъ и Макарій были умерщвлены.

По случаю этихъ жестокостей карфагенскій соборъ въ томъ же году (13 октября) опять отправилъ къ императору двухъ депутатовъ—Реститута и Флоренція съ просьбою защитить церковь отъ язычниковъ и еретиковъ ⁽³⁾.

Мѣсто Стилихона занялъ Олимпій, по свидѣтельству Августина, человекъ благочестивый и высоко-нравственный. Въ поздравительномъ письмѣ къ Олимпію ⁽⁴⁾ Августинъ высказываетъ надежду, что онъ не будетъ гордиться своимъ новымъ положеніемъ. Насилія и жестокости донатистовъ побудили Августина снова писать Олимпію и просить обуздать донатистовъ ⁽⁵⁾. „Пресвитеръ, передавшій тебѣ письмо, пи-

⁽¹⁾ Epist. 97.

⁽²⁾ Epist. 103.

⁽³⁾ Epist. 97.

⁽⁴⁾ Epist. 96.

⁽⁵⁾ Epist. 97.

саль Августинъ, подробно и обстоятельно можетъ рассказать тебѣ о насиліяхъ донатистовъ. Съ этимъ пресвитеромъ и придворнымъ епископомъ ты можешь посоветоваться о томъ, какъ поступить съ ними“. Велѣдствіе ли этого письма Августина къ Олимпію, или, какъ думаетъ Норисъ, велѣдствіе миссіи Фортунациана, императоръ издалъ два закона противъ донатистовъ (¹). Въ первомъ изъ нихъ, адресованномъ на имя гражданскаго чиновника, Курція, подтверждались прежніе законы противъ донатистовъ; во второмъ, адресованномъ на имя проконсула Африки, Доната, повелѣвалось, согласно законамъ, наказывать донатистовъ за порицаніе таинствъ православной вѣры. Вскорѣ потомъ (въ январѣ 409 года), былъ изданъ новый третій законъ противъ донатистовъ, адресованный на имя префекта преторіи, Θεодора (²). Въ этомъ законѣ повелѣвалось вточности исполнять прежніе законы противъ донатистовъ, но вмѣстѣ—избѣгать немедленнаго отрѣшенія донатистовъ отъ должностей и другихъ болѣе строгихъ наказаній. Гражданскіе чиновники, не выполнявшіе законовъ, изданныхъ противъ донатистовъ, присуждались къ штрафу въ десять фунтовъ золота, умалчивавшіе о преступленіяхъ донатистовъ, послѣ конфискаціи ихъ имѣнія, присуждались къ изгнанію. Нѣсколько раньше императоръ издалъ еще два закона противъ всѣхъ неправославныхъ. Въ силу этихъ законовъ всѣ неправославные, а слѣд. и донатисты лишались права занимать придворныя должности и имѣть собранія (³).

Побуждая однихъ къ защитѣ церкви, Августинъ въ тоже время другихъ старался умѣрить въ строгости къ донатистамъ. Узнавъ, что проконсулъ Африки, Донатъ строго наказывалъ донатистовъ, Августинъ

(¹) Cod. Theod. De haeres. l. 43 et 44.

(²) Ibid. l. 46.

(³) Ibid. 42 et 43.

просилъ его мягче относиться къ нимъ ⁽¹⁾. Онъ совѣтовалъ ему съ строгостію соединять снисходительность и никого изъ донатистовъ не приговаривать къ смерти, исправлять еретиковъ, а не лишать жизни. Ты можешь, писалъ онъ ему, дать понять донатистамъ, что императоры своими законами стараются не истребить ихъ, а обуздать ихъ безбожную гордость. Я скорѣе самъ желалъ бы потерпѣть смерть отъ донатистовъ, чѣмъ ихъ лишать жизни. „Вскорѣ потомъ Августинъ вторично писалъ этому Донату ⁽²⁾, который уже не былъ проконсуломъ и просилъ его заботиться о томъ, чтобы его рабы, жившіе на его землѣ приняли православіе.

Изложивъ внѣшнюю судьбу раскола во второе пятилѣтіе V вѣка, переходимъ къ обзору полемическихъ сочиненій, писанныхъ въ это время противъ раскола бл. Августиномъ. Со стороны донатистовъ въ данное время выступилъ на защиту раскола нѣкто мірянинъ Кресконій, пытавшійся въ своемъ сочиненіи опровергнуть первую книгу Августина. Августинъ долгое время не зналъ о существованіи сочиненія Кресконія, но получивши его, спѣшилъ отвѣтить на него. Онъ сообщаетъ ⁽³⁾, что сочиненіе противъ Кресконія написано имъ по издаваніи законовъ императора, то есть, вѣроятно, въ 409 году.

Въ началѣ своего сочиненія, Кресконій доказываетъ, что донатисты имѣютъ истинное крещеніе ⁽⁴⁾. „Такъ какъ ты (Августинъ) признаешь, пишетъ онъ, что и наше крещеніе дѣйствительно, а мы ваше отвергаемъ, то отсюда слѣдуетъ, что мы должны имѣть правильное крещеніе“. Здѣсь Кресконій допускаетъ ошибку, извѣстную въ логикѣ подъ названіемъ *peti-*

⁽¹⁾ Epist. 100.

⁽²⁾ Epist. 112.

⁽³⁾ Retract. 2, 26.

⁽⁴⁾ Con. Cresc. l. 1, p. 31.

tio principii, то есть доказывает истинность своего крещенія тѣмъ, что само требуетъ доказательства. Онъ говоритъ, что есть только одна церковь, слѣдовательно и одно крещеніе ⁽¹⁾, но въ этомъ случаѣ забываетъ, что этому доказательству должно предшествовать еще одно и очень важное доказательство, именно, что донатизмъ есть единая истинная церковь. Затѣмъ Кресконій старается доказать истинность сказаннаго Петиліаномъ о значеніи душевнаго состоянія крещающаго и вмѣстѣ избѣжать противорѣчій Петиліана. „Нужно, говоритъ онъ, обращать вниманіе на совѣсть крестителя“ ⁽²⁾, а чтобы узнать совѣсть его, нужно обратиться къ слухамъ, которые существуютъ о немъ, хотя иногда слухи бываютъ и ложные. Но если по слухамъ я и ошибусь относительно совѣсти крестителя, то для меня достаточно, что я не знаю о его порочности, и крещеніе, полученное мною отъ него, дѣйствительно, потому что я считалъ крестителя чистымъ. Я стараюсь узнать о совѣсти крестителя только то, что говорятъ о ней публично, и не забочусь о томъ, что скрыто отъ меня, чего знать я не могу. Всемогуцій Богъ сказалъ: „извѣстное принадлежитъ вамъ, тайное Мнѣ“. Самъ я не могу видѣть совѣсть крестителя, посему довольствуюсь только тѣмъ, что извѣстно о ней по слухамъ. Для меня не важно, если втайнѣ говорится другое, чѣмъ въ ходячихъ слухахъ. Для меня достаточно знать, что совѣсть моего крестителя не осуждена публично.

Оправдывая донатистовъ съ этой точки зрѣнія Кресконій пишетъ: Иуда предатель *только до своего осужденія* отправлялъ апостольскія обязанности, а въ католической церкви крестятъ и тѣ, которые осуждены церковью (то есть донатистами) ⁽³⁾. Это осуж-

⁽¹⁾ Con. Cresc. l. 4, p. 35.

⁽²⁾ Liber. 2, p. 24.

⁽³⁾ Ibid. 24. 25.

деніе относится и къ прошедшему и къ настоящему. Ваши предки осуждены какъ предатели и курившіе оуміамъ предъ идолами, а вы какъ гонители“⁽¹⁾. Дальше Кресконій, цитуя слова Августина, что „крещеніе идолопоклонниковъ не можетъ оказать никакой помощи, потому что идолы суть мертвые боги“. Выводитъ отсюда заключеніе, что Августинъ якобы считаетъ невѣрующими только идолопоклонниковъ. „Если тебѣ угодно подражать идолопоклонникамъ, то что ты скажешь на слова писанія: *елей же грѣшника да не намаститъ главы моея* (Псал. 140, 5). Идолопоклонникъ ли только грѣшникъ, или грѣшникъ и тотъ, который допускаетъ недозволенное. Если ты идолопоклонника считаешь грѣшникомъ, то не долженъ ли считать грѣшникомъ и христіанина, совершающаго что либе противозаконное“? Поэтому не только идолопоклонникъ, но и каждый грѣшникъ не можетъ присвоить себѣ право крестить. Дальше Кресконій старается доказать: 1) что православные—грѣшники, 2) что они несправедливо присвояютъ себѣ право крестить и 3) что они даютъ право крестить каждому желающему. Изъ всѣхъ этихъ положеній Кресконій выводитъ такое заключеніе: „ничто не побуждаетъ вести праведную жизнь, такъ какъ что позволительно праведнику и грѣшникъ можетъ совершить“⁽²⁾. Что можетъ быть несправедливѣе такого положенія: оскверненный можетъ очищать другаго, загрязненный омыватъ его, нечистый очистить его, невѣрующій дать ему вѣру, преступникъ сдѣлать его невиннымъ“⁽³⁾. Конечно, Августинъ опять скажетъ, что Христось дѣлаетъ это. Но „мы спрашиваемъ: чрезъ какого челоуѣка это лучше сдѣлается? Конечно, растить Богъ“⁽⁴⁾,

⁽¹⁾ Liber. 2, 27.

⁽²⁾ Liber. 3, p. 4.

⁽³⁾ Ibid. 3.

⁽⁴⁾ Ibid. 8.

но какъ для посѣва и поливанія лучше вѣрный и прилежный работникъ, такъ и для совершенія таинства годенъ только вѣрующій и праведный служитель“. Самъ Господь сказалъ: *дамъ вамъ пастыри по сердцу Моему, и унасутъ васъ разумомъ и ученіемъ* (Іер. 3, 15). Но Богъ не можетъ дать мнѣ вѣры и праведности, если я не имѣю человѣка, который крестилъ бы меня“. Говоря о крещеніи Іоанна, Кресконій спрашиваетъ: „если крещеніе не можетъ быть повторяемо, хотя бы оно совершилось кѣмъ угодно по произволу, то почему апостолы крестили послѣ Іоанна? Почему Петръ крестилъ іудеевъ, крещенныхъ Моусеемъ? Изъ этого я заключаю, что все написанное *святымъ Петилянѣмъ* вѣрно“ (1).

Августинъ указывалъ Петилянѣ на Оутата Гильдониета, какъ тяжкаго грѣшника. Кресконій говоритъ на это: „я не осуждаю и не оправдываю Оутата“ (2). Относительно максиміанистовъ Кресконій сознается, что прежде онъ не зналъ, въ чемъ заключалась истина, но потомъ отъ своихъ епископовъ узналъ весь ходъ дѣла. Двѣнадцать епископовъ, посвятившихъ Максиміана, и многіе другіе не были отлучены отъ церкви, а были приговорены къ церковному покаянію на извѣстный срокъ; они раскаялись и вторично крестить ихъ не было нужды; а нераскаявшіеся потеряли крещеніе и церковь (3). Кресконій обвиняетъ Августина въ искаженіи исторіи возникновенія раскола и рассказываетъ се иначе. По его разсказу, напримѣръ, Сильванъ, епископъ циртекій за то будто бы былъ осужденъ, что не хотѣлъ имѣть общенія съ гонителями Урзакіемъ и Зенофиломъ (4). Донатисты, говоритъ Кресконій, хорошо знаютъ истинный ходъ

(1) Liber. 3, 10. 11.

(2) Ibid. 16.

(3) Ibid. 29

(4) Ibid. 34.

дѣла; они получили свѣдѣнія о немъ отъ предковъ. Недавно умерли вѣрные свидѣтели и доселѣ существуютъ вѣрные письменные документы о прошедшемъ. Въ доказательство того, что истинный ходъ дѣла былъ извѣстенъ и на востокъ, Кресконій ссылается на сардикійскій соборъ, который писалъ письмо Донату; но къ несчастію теперь и востокъ совратился ⁽¹⁾.

Положеніе Августина, что вѣрующій въ церкви не оскверняется невѣрующими, Кресконій находятъ страннымъ и неразумнымъ. Церковь, по Кресконію, тяжело грѣшитъ, если не осуждаетъ грѣшниковъ. Поэтому онъ убѣждаетъ самого Августина бѣжать изъ церкви, дабы не сдѣлаться участникомъ въ грѣхахъ своихъ предковъ. Презирая слова апостола Павла: *ниже приобщайся чужимъ грѣхамъ, себе чиста соблюдай* (1 Тим. 5, 22), ты самъ дѣлаешь себя предателемъ. „Изъ источника вытекаетъ ручей и главѣ повинуются члены. Если голова здорова, то и все тѣло здорово; но если въ ней есть болѣзнь или недостатокъ, то всѣ члены болятъ. Все, что произрастаетъ изъ корня, зависитъ отъ своего начала. Поэтому тотъ не можетъ быть невиннымъ, кто не слѣдуетъ обществу невинныхъ ⁽²⁾. Господь заповѣдалъ: *въ законѣхъ отецъ вашихъ не ходите* (Иезек. 20, 18). Ты долженъ имѣть сужденіе не только о живыхъ, но и о мертвыхъ. Ибо хотя грѣшникъ можетъ умереть, но никогда не умираетъ то, что дѣлалъ онъ“ ⁽³⁾. Противъ положенія Августина, что церковь распространена по всей землѣ, Кресконій возражаетъ такъ: „какъ можетъ церковь наполнить всю землю, когда существуетъ множество ересей и ни одна изъ нихъ не имѣетъ общенія съ вами ⁽⁴⁾. Истина есть у немно-

⁽¹⁾ Liber. 3. 38.

⁽²⁾ Ibid. 41.

⁽³⁾ Ibid. 43.

⁽⁴⁾ Ibid. 74.

гихъ, большинство заблуждается. *Мало есть спасающихся* (Лук. 13, 23), хотя бы постоянно проповѣдовали Христа всему міру (1). Ни востокъ не имѣеть общенія съ Африкою, ни Африка съ востокомъ (2). Церковь сама себя осудила своими гоненіями (3). Кто болѣе грѣшитъ—гонитель или гонимый (4)? Кресконій возмущается тѣмъ, что его единовѣрцевъ называютъ *донатистами*. Наше начало, говоритъ онъ, Христось, а не Донатъ (5). Несправедливо называютъ насъ еретиками, такъ какъ между нами и каѳолическою церковію существуетъ только расколъ. „У насъ и у васъ одна вѣра, одни таинства и нѣтъ никакого различія въ обрядахъ (6). Расколъ же произошелъ отъ того, что вы изгнаны, а мы остались въ полной и каѳолической церкви (7). Вы, пребывая въ расколѣ, потеряли церковь и крещеніе (8). Если садъ запертъ и родникъ запечатанъ, то находящійся внѣ сада, то есть церкви, и внѣ источника, то есть крещенія, какъ можетъ дать то, чего онъ самъ не имѣеть“ (9). Всѣ члены донатистскаго общества, по мнѣнію Кресконія, не только вѣрующіе, но и святые (10), а въ церкви каждый членъ невѣрующій и грѣшникъ. Цециліанъ, по мнѣнію Кресконія, совершилъ грѣхъ противъ Св. Духа (11). Въ заключеніе Кресконій упрекаетъ Августина въ противорѣчій самому себѣ, что

(1) Liber. 3, 75.

(2) Ibid. 77.

(3) Ibid. 80.

(4) Ibid. 83.

(5) Liber. 4, p. 7.

(6) Ibid. 13.

(7) Ibid. 70.

(8) Ibid. 76.

(9) Ibid. 77.

(10) Liber. 2, 35.

(11) Liber. 4, 10.

онъ не исполнилъ своего обѣщанія съ любовію и миромъ относиться къ донатистамъ, такъ какъ онъ Приміана называетъ сатаною. Въ концѣ концовъ Кресконій съ горячностію укоряетъ Августина въ томъ, что прежде онъ держался манихейскаго образа мыслей.

Опровергая Кресконія, Августинъ говоритъ: крещеніе есть дѣйствительное таинство и у донатистовъ; но оно не вводитъ ихъ въ царствіе Божіе. Вопросъ не о томъ—гдѣ есть истинное крещеніе, а—гдѣ оно приноситъ пользу. Деньги хороши сами по себѣ и хорошими остаются въ рукахъ вора; но изъ этого не слѣдуетъ, что тотъ, кто хочетъ имѣть деньги, долженъ вступить въ общеніе съ ворами (¹). Все дѣло зависитъ отъ добраго употребленія. Одинъ и тотъ же евѣтъ для здоровыхъ глазъ составляетъ наслажденіе, а для больныхъ мученіе, одна и таже пища для однихъ здорова, а другимъ причиняетъ болѣзнь, одно и то же лекарство однихъ вылѣчиваетъ, а другимъ только вредить. Не то же ли бываетъ съ таинствами? И таинства не всѣмъ, принявшимъ ихъ, приносятъ пользу. Апостоль Павелъ говоритъ: *добръ законъ есть, аще кто его законнѣ творитъ* (1. Тим. 1, 8). Можно и имѣть законъ, но не исполнять его должнымъ образомъ. Апостоль Павелъ такъ говоритъ о людяхъ, имѣющихъ законъ, но не исполняющихъ его: *нѣсть праведенъ никтоже. Нѣсть разумывай, и нѣсть възскайя Бoga. Всеи уклонишася, вкупѣ непотребни быша: нѣсть творяй благостыню, нѣсть даже до единого. Грѣбъ отверстѣ гортань ихъ, языки своими лщаху: ядъ аспидовъ подѣ устами ихъ. Ихже уста клятвы и горести полна суть. Скоры ноги ихъ проліяти кровь. Сокрушеніе и озлобленіе на путехъ ихъ; и пути мирнаго не познаша. Нѣсть страха Божія предѣ очима ихъ* (Рим. 3, 10—18). И грѣшникъ получаетъ ехва-

(¹) Liber. 1. 27.

ристію, но получаетъ къ своему осужденію. Вы имѣете правильное крещеніе, но имѣете его въ наказаніе и осужденіе. Правильное крещеніе можетъ быть и внѣ церкви, не только у раскольниковъ, но и у еретиковъ. Иудеи признавали, что и самаряне имѣютъ правильное обрѣзаніе. Наконецъ, въ апостольской исторіи мы не видимъ ни одного примѣра, чтобы еретики были перекрещиваемы ⁽¹⁾. Да не тоже ли слѣдуетъ и изъ твоихъ словъ? Не самъ ли ты сказалъ, что мы имѣемъ одну общую вѣру и таинства. А крещеніе развѣ не таинство ⁽²⁾? Если мы имѣемъ одни общіе христіанскіе обряды, то имѣемъ и одно общее крещеніе ⁽³⁾. Но отъ этого ты еще не сдѣлался чистымъ, такъ какъ не одно крещеніе очищаетъ насъ, а слово истины (Іоан. 15, 3), жертва сокрушеннаго сердца (Псал. 50, 19), милостыня (Лук. 11, 40), а по преимуществу любовь, покрывающая множество грѣховъ (1 Петр. 4, 8). Но все это заключается въ Св. Духѣ, почему Онъ и сходитъ въ водѣ крещенія, при совершеніи его ⁽⁴⁾. Поэтому крещенный внѣ церкви, обращаясь къ церкви, нуждается не въ крещеніи, а въ благодати Св. Духа ⁽⁵⁾.

Дѣйствительность крещенія не зависитъ отъ личности крещающаго. Ты, Кресконій, самъ призналъ это, если обращаешь главное вниманіе на слухи о крестителѣ, а не на дѣйствительное его душевное настроеніе. Если все дѣло зависитъ отъ слуховъ, то и нечестивый креститель, когда о немъ распространяются добрые слухи, можетъ сдѣлать крещаемаго чистымъ. А если въ этомъ случаѣ Богъ самъ оmyваетъ, или Его ангелъ очищаетъ, то не дѣлаетъ ли этого

⁽¹⁾ Liber. 1, 27—38.

⁽²⁾ Liber. 2, 5.

⁽³⁾ Ibid. 7.

⁽⁴⁾ Ibid. 15.

⁽⁵⁾ Ibid. 18.

Богъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ ⁽¹⁾? Не то хорошо, что дѣлаеть Иуда, когда онъ крестить, а то что Богъ дѣлаеть чрезъ Иуду. Поэтому не только тѣ крестятъ, которые осуждены церковію, а и тѣ, которыхъ и Богъ давно уже осудилъ. Омыватъ водою могутъ добрые и злые люди, а очищаетъ только Тотъ, Который всегда благъ ⁽²⁾. Но если ты скажешь: ни одинъ грѣшникъ не можетъ крестить, такъ какъ онъ мертвъ, то и тайный грѣшникъ не можетъ, потому что скрытность не дѣлаеть его святымъ и Св. Духъ избѣгаетъ лицемѣровъ ⁽³⁾. И если, наконецъ, явный грѣшникъ не можетъ крестить, то неужели вы безгрѣшны? Вы можете сказать: я не предатель, не развратникъ, не идолопоклонникъ, не еретикъ, не схизматикъ. Но можете ли вы сказать „я не грѣшникъ“? Я не знаю, можно ли найти такого гордеца, который осмѣлился бы сказать это. Можетъ ли кто либо быть настолько ослѣпленъ высокомеріемъ, чтобы такъ думать о себѣ. Если бы ты не былъ крещенъ, то ты или бы отвергъ это мнѣніе, или бы искалъ ангела, который крестилъ бы тебя ⁽⁴⁾. Конечно, праведный служитель лучше, такъ какъ при слабости человеческой труднѣе исполнять заповѣди Бога, не имѣя предъ собою добраго примѣра; чрезъ подражаніе доброму пастырю пасомый получаетъ болѣе твердости въ доброй жизни ⁽⁵⁾. Но не люди дѣйствительные пастыри, а Господь, Который пасеть свое стадо. Если человекъ дѣлаеть праведнымъ, то мы должны вѣровать въ человека. Затѣмъ, указавъ разные случаи изъ исторіи раскола, Августинъ дѣлаеть такіе выводы для опроверженія своего противника: 1) Ты говоришь, что

⁽¹⁾ Liber 2, 21—23.

⁽²⁾ Ibid. 27.

⁽³⁾ Ibid. 31—33.

⁽⁴⁾ Ibid. 34—35.

⁽⁵⁾ Liber 3, 6, 13. 14.

отдѣленный отъ вашего общества не можетъ крестить, но я вижу, что крестили максиміанисты. 2) Ты говоришь, что не можетъ крестить тотъ, который грѣшитъ противъ Бога, но я вижу, что богохульники крестили. 3) Ты говоришь, что въ крещеніи все зависитъ отъ душевнаго настроенія крещающаго, но я вижу, что крестили соблазненные діаволомъ. 4) Ты говоришь, что о душевномъ состояніи крещающаго нужно судить по ходячимъ о немъ слухамъ, но я вижу, что крестили обвиненные въ тяжкихъ грѣхахъ ⁽¹⁾. Здѣсь Августинъ фактически показываетъ, что различіе во взглядахъ между донатистами и церковію очень незначительно. Я говорю, продолжаетъ Августинъ, что лучше если таинство совершается добрымъ пастыремъ, но лучше для самого пастыря, когда онъ свою жизнь и поведеніе согласуетъ съ тѣми правилами, которыя онъ преподаетъ другимъ, а не для того, который получаетъ отъ него таинство. Я прибавлю только, что получать таинство отъ добраго пастыря лучше, потому что въ такомъ случаѣ легче подражать его добродѣтели и святости, но самое таинство отъ этого не дѣлается истиннѣе и святѣе ⁽²⁾.

„Церковь, говоритъ Августинъ, есть святое тѣло Христа. Въ ней одной находится Св. Духъ, и любовь можетъ быть присуща только тому, кто находится въ церкви. Но и не каждый, находящійся въ церкви, имѣетъ Св. Духа, а только тотъ, который находится въ дѣйствительномъ союзѣ съ членами церкви. Церковь основана Тѣмъ, Который спасъ людей своимъ уничтоженіемъ и смертію. Святой Духъ есть запечатанный источникъ, а церковь есть запертый садъ, и только тотъ имѣетъ доступъ къ источнику церкви, кто достоинъ вѣчной жизни ⁽³⁾. Эта церковь для

⁽¹⁾ Liber 4, 16.

⁽²⁾ Ibid. 24. 26. 54.

⁽³⁾ Liber 2, 15—17. 20. 34.

всѣхъ видима и славна. Она есть городъ, стоящій на горѣ, который не можетъ остаться скрытымъ, городъ, изъ котораго Христосъ господствуетъ отъ одного моря до другаго и отъ потока до концовъ земли; сѣмя Авраама, которое многочисленно какъ звѣзды небесныя и какъ песокъ морей; сѣмя, въ которомъ благословятся всѣ роды (¹). Эта церковь возрастаетъ и увеличивается и не можетъ погибнуть даже и тогда, когда въ ней злые смѣшаны съ добрыми (²); чрезъ это она не теряетъ своего характера и ея живые члены не теряютъ ничего. Если въ церкви есть невѣрующіе, то я отвращаюсь отъ нихъ, какъ отъ духовно мертвыхъ; но ради этихъ мертвыхъ я не отдѣляюсь отъ тѣхъ, которые остаются живыми членами въ святомъ союзѣ церкви. Церковь основана не людьми, но они находятся въ ней, какъ пшеница, если они добры, и какъ плевелы, если злы. Этихъ злыхъ я исправляю, сколько могу, словомъ и закономъ Господа и терплю тѣхъ, которыхъ не могу исправить. Я избегаю плевелъ, чтобы самому не сдѣлаться плевелами, но я не оставлю гумна, чтобы не сдѣлаться ничѣмъ. Тотъ, кто не въ церкви, есть ничто“ (³). Августинъ доказываетъ многими мѣстами св. писанія, что церковь Христова распространится между всѣми народами: *и поклонятся ему вси царіе земстїи, вси языци поработаютъ ему* (Псал. 71, 11). *Отъ востокъ солнца и до западъ имя Мое прославится во языцехъ, и на всякомъ мѣстѣ огнѣмъ приносится имени моему, и жертва чиста: зане велие имя Мое во языцехъ, глаголетъ Господь Вседержитель* (Малах. 1, 11). (⁴). *И проповѣстся сіе евангеліе царствїя по всей вселеннїи, во свидѣтельство всемъ языкомъ; и тогда придетъ кон-*

(¹) Liber 2, 45. Liber 4, 70.

(²) Liber 2, 46. 47.

(³) Liber. 3, 39—42 71.

(⁴) Ibid. 72.

чтва (Мат. 24, 14). *Помянутся и обратятся ко Господу вси концы земли, и поклонятся предъ Нимъ вся отечествія языкъ* (Псал. 21, 28). Затѣмъ онъ приводитъ свидѣтельство св. Кипріана, что церковь Господа распространила свои корни и вѣтви по всей землѣ⁽¹⁾. Число истинно вѣрующихъ въ церкви не велико, но при всемъ томъ она безконечно велика. Звѣзды небесныя означаютъ духовныхъ христіанъ, а песокъ морской плотскихъ, чрезъ которыхъ и въ которыхъ возникаютъ даже ереси и расколы. Но какъ одиннадцать апостоловъ не были въ сообществѣ съ Іудею, хотя видимо были соединены однимъ Господомъ, слушали одного Учителя, получили одно Евангеліе, приняли таинства, связаны были внѣшнимъ общеніемъ, но отдѣлены были духовнымъ различіемъ, и какъ апостоль Павелъ не имѣлъ гордости и зависти, то есть пороковъ тѣхъ людей, которые не истинно проповѣдывали Христа, хотя проповѣдывалъ и общаго съ ними Христа, участвовалъ въ общихъ таинствахъ; такъ и мы должны знать, что пшеница, чрезъ смѣшеніе ея съ плевелами, не перестаетъ быть на гумнѣ Господа, и хорошія рыбы, ради дурныхъ, не разрываютъ сѣтей и не оставляютъ ихъ, и чистые сосуды милосердія остаются въ томъ же домѣ, гдѣ есть сосуды нечестія и порока⁽²⁾. Смѣшеніе приноситъ даже нѣкоторую пользу, такъ какъ чрезъ него испытывается благочестіе церкви⁽³⁾. Наконецъ, и сами донатисты должны сознаться, что въ ихъ обществѣ между пшеницей есть много плевелъ⁽⁴⁾.

Въ настоящемъ сочиненіи Августинъ измѣняетъ свой взглядъ на донатистовъ. Въ прежнихъ сочиненіяхъ онъ называлъ донатистовъ раскольниками, а те-

(1) Liber 3, 73.

(2) Liber 4, 33. 71.

(3) Ibid. 74.

(4) Ibid. 77.

перь говорить, что ихъ нужно назвать еретиками. Перекрещиваніе есть ничто иное, какъ ересь. Расколъ есть новое разногласіе въ обществѣ, произшедшее изъ извѣстнаго различія мнѣній, ересь же есть устарѣвшій, долговременный расколъ ⁽¹⁾. Донатисты могутъ быть названы еретиками и потому, что они имѣютъ не все общее съ церковью; они не имѣютъ церкви, а вмѣстѣ и христіанской любви ⁽²⁾. Но они могутъ примириться съ церковью и возвратиться въ нее. Между донатистами и язычниками есть различіе. Грѣхи донатистовъ велики, но донатисты все же знаютъ истину; язычники же не знаютъ и не знали истины, почему они и отвергнуты ⁽³⁾.

Августинъ старается доказать, что строгіе императорскіе законы противъ донатистовъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ могутъ быть оправданы. *Оклеветающаго тай искренняго своего, сего изгоняхъ* (Псал. 100, 5). *Пожену враги моя, и постигну я, и не возвращуся дождеже скончуются* (Псал. 17, 38). Припоминая жестокости и насилія, производимыя донатистами, припоминая крайнее упорство, съ которымъ они отказываются отъ всякихъ способовъ къ мирному окончанію распри ⁽⁴⁾, Августинъ называетъ императорскіе законы „удивительно мягкими“ и хвалитъ кротость православной церкви, которая мало пользуется предоставленною ей властію ⁽⁵⁾. Никто изъ добрыхъ членовъ православной церкви, говоритъ онъ, не желаетъ того, чтобы противъ кого нибудь, хотя бы и еретика, дѣйствовала свѣтская власть. Мы не одобряемъ, если зло желаютъ искоренить зломъ, и еще болѣе презираемъ того, кто подъ предлогомъ заботъ о цер-

⁽¹⁾ Liber 2, 6—10.

⁽²⁾ Liber 3, 11. 12.

⁽³⁾ Ibid. 19.

⁽⁴⁾ Ibid. 48

⁽⁵⁾ Ibid. 47. 52.

кви скрываетъ свои личные интересы. Добрые члены церкви, по возможности, противятся всему этому, а когда сопротивление оказывается безсильнымъ, то терпятъ (¹). Впрочемъ императорскими законами исправляются порочные. Цари въ этомъ случаѣ служатъ Богу. Преслѣдующій христіанъ, безъ сомнѣнія, есть врагъ церкви; но тотъ, кто въ христіанахъ преслѣдуетъ противное Христу, не врагъ Христа. Хотя бы и обѣ стороны были христіанами, однако господинъ въ своихъ рабахъ, отецъ въ сынѣ, мужъ въ женѣ должны преслѣдовать все противное христіанской истинѣ. Понятно, что во всемъ нужно соблюдать мѣру чело-вѣчности и согласоваться съ любовію, такъ какъ не все, что дозволяетъ сила, можетъ и должно быть употреблено (²). Но прежде чѣмъ жаловаться на гоненія и преслѣдованія, донатисты должны вспомнить о томъ, какія жестокости и насилія произведены ими (³).—Удаленіе отъ церкви, говоритъ Августинъ, оскверняетъ пороками, а потому должно осуждать и презирать удалившагося (⁴). Кто упорствуетъ въ расколѣ, тотъ долженъ ожидать вѣчнаго наказанія, хотя бы онъ имѣлъ крещеніе и вѣру (⁵). Донатисты находятся въ странной слѣпотѣ и безстыдствѣ (⁶). Пребываніе донатистовъ въ расколѣ является особенно большимъ грѣхомъ потому, что онъ возникъ изъ лжи и личныхъ интригъ (⁷), а не изъ разногласія по какимъ нибудь принципиальнымъ вопросамъ. Притомъ же, донатисты забываютъ съ какимъ ожесточеніемъ они преслѣдовали своихъ сепаратистовъ—максиміанистовъ (⁸). Если дона-

(¹) Liber 3, 55.

(²) Ibid. 57.

(³) Вся четвертая книга.

(⁴) Liber 3, 78.

(⁵) Liber 4, 26.

(⁶) Liber 3, 17.

(⁷) Ibid. 24—35.

(⁸) Ibid. 24—28.

тисты будутъ упорствовать во злѣ, они погибнутъ (¹).— Августинъ выражаетъ глубокое убѣжденіе въ истинности своихъ доказательствъ и думаетъ, что каждый безпристрастный христіанинъ непременно долженъ согласиться съ нимъ. Если донатисты справедливы, говоритъ Августинъ, они должны признать себя побѣжденными (²).

Почти одновременно съ сочиненіемъ противъ Кресконія Августинъ написалъ противъ донатистовъ еще три сочиненія (³). Первое изъ нихъ озаглавлялось такъ: „Свидѣтельства и доказательства противъ донатистовъ“. Оно представляло собою сборникъ ссылокъ на св. писаніе и историческихъ актовъ, и было направлено противъ неизвѣстнаго донатистскаго писателя. Другое сочиненіе, также написанное для опроверженія какого-то донатиста, содержало въ себѣ доказательства той мысли, что въ церкви не болѣе тернія, чѣмъ въ сектахъ. Въ третьемъ сочиненіи популярно излагалась краткая исторія максиміанистовъ. Всѣ эти сочиненія Августина потеряны.

Когда Августинъ писалъ указанная сочиненія, одинъ изъ его друзей, Константинъ доставилъ ему сочиненіе Петиліана *о единомъ крещеніи* и просилъ написать опроверженіе на это сочиненіе. Августинъ исполнилъ просьбу друга и далъ своему сочиненію тоже самое заглавіе, которое имѣло сочиненіе Петиліана.

Въ своемъ сочиненіи о крещеніи Петиліанъ утверждаетъ, что единое истинное крещеніе есть только у донатистовъ, доказывая это главнымъ образомъ тѣмъ, что и церковь признаетъ дѣйствительнымъ донатистское крещеніе. Затѣмъ слѣдовали въ его сочиненіи старья и уже извѣстныя возраженія противъ

(¹) Liber 3, 44.

(²) Ibid. 2. 3. 2, 39—49.

(³) Retract. 2, 27—29.

крещенія православныхъ и защита перекрещиванія. Православные, говоритъ Петиліанъ, не имѣютъ права крестить; они только оскверняютъ святое таинство ⁽¹⁾. Поэтому я съ спокойною совѣстію могу крестить православныхъ, какъ некрещеныхъ. Изложивъ исторію раскола, Петиліанъ заключаетъ свою рѣчь требованіемъ оставить церковь ⁽²⁾.

Въ началѣ своего полемическаго сочиненія противъ Петиліана Августинъ говоритъ, что донатисты ставили ему въ тяжкій грѣхъ разоблаченіе ихъ исторіи при опроверженіи Петиліана. Опровергая Петиліана, Августинъ говоритъ, что повторяемость крещенія противорѣчитъ достоинству этого таинства ⁽³⁾; затѣмъ показываетъ различіе между крещеніемъ Іоанна и Христа ⁽⁴⁾ и, наконецъ, доказываетъ независимость дѣйствительности таинства отъ нравственнаго поведенія совершителя его ⁽⁵⁾. Всѣмъ этимъ Августинъ выясняетъ Петиліану, признающему два крещенія, что есть только одно крещеніе, которое у донатистовъ и въ церкви ⁽⁶⁾. Дальше Августинъ говоритъ о св. Кипріанѣ, епископѣ карфагенскомъ и выставляетъ на видъ особенно то, что Кипріанъ и Стефанъ, не смотря на свои разногласія по вопросу о крещеніи еретиковъ, остались въ одной церкви и не подвергали другъ друга отлученію ⁽⁷⁾. Вездѣ мы должны отличать истину отъ лжи, говоритъ Августинъ, признавать вѣрное вѣрнымъ и у заблудившихся и исправлять ложное. Я далекъ отъ того, чтобы отрицать истину Христа, которую нахожу у тебя ⁽⁸⁾.

⁽¹⁾ Liber 3, 9. 10.

⁽²⁾ Ibid. 24. 29.

⁽³⁾ Ibid. 3. 4.

⁽⁴⁾ Ibid. 9.

⁽⁵⁾ Ibid. 12.

⁽⁶⁾ Ibid. 16. 21.

⁽⁷⁾ Ibid. 22. 26.

⁽⁸⁾ Ibid. 11. 18. 19. 82.

Добрые только внутренно, духовно, должны отдѣляться отъ злыхъ (¹). Считать же всѣхъ донатистовъ праведными есть высокоуміе и тяжкій грѣхъ. Будетъ ли доказана невинность обвиняемыхъ членовъ церкви или нѣтъ, предъ Господомъ достоинство церкви остается однимъ и тѣмъ же; въ первомъ случаѣ церковь не приобретаетъ пользы, во второмъ вреда (²).

Въ концѣ перваго десятилѣтія V вѣка въ Римѣ произошли нѣкоторыя обстоятельства, на короткое время измѣнившія отношенія императора Гонорія къ донатистамъ. Еще въ началѣ 409 года онъ издалъ новый законъ противъ донатистовъ (³), въ которомъ подтверждались всѣ прежніе законы. Но вскорѣ затѣмъ, когда предводитель Вестготовъ, Аларихъ осадилъ Римъ и принудилъ его жителей провозгласить императоромъ римскаго префекта, Аттала, когда въ Римѣ распространилась молва, что донатисты, преслѣдуемые Гоноріемъ, перешли на сторону Аттала, Гонорій опасаясь потерять Африку, издалъ законъ, въ которомъ воспрещалось кого бы то ни было принуждать къ принятію православной вѣры и вступленію въ православную церковь (⁴). Пользуясь свободою, донатисты начали преслѣдовать и мучить православныхъ. Но ихъ буйство было не продолжительно. Карфагенскій соборъ 410 года отправилъ къ императору депутацію изъ епископовъ Флоренція, Поссидія, Президія и Венената съ жалобою на жестокости донатистовъ. Такъ какъ опасность со стороны Вестготовъ миновалась, то Гонорій отмѣнилъ прежній законъ о терпимости всѣхъ сектантовъ (⁵) и издалъ

(¹) Liber 3, 29.

(²) Ibid. 30.

(³) Cod. Theod. de haeres. l. 47.

(⁴) На африканскомъ соборѣ 410 года упоминалось объ этомъ законѣ.

(⁵) De relig. l. 51.

противъ донатистовъ новый законъ, въ которомъ, подъ угрозою ссылки и смертной казни, воспрещалось имъ имѣть молитвенныя собранія; а въ октябрѣ того же года подтвердилъ все прежніе законы противъ еретиковъ и раскольниковъ (¹).

Н. Кутеповъ.

(Продолженіе будетъ)

(¹) De relig. l. 3.

ЗАПИСКИ ВАСИЛІЯ ЛУЖИНСКАГО

АРХІЕПИСКОПА ПОЛОЦКАГО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Краткое изложеніе начала, хода и окончательнаго совершенія дѣла возсоединенія греко-унитской церкви въ имперіи съ православною Церковію, сопровождавшагося многими скорбями и утѣсненіями дѣятелей его.

Въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ журналовъ и брошюръ промелькнули рассказы о дѣлѣ возсоединенія въ Имперіи греко-унитовъ съ восточно-каѳолическою Церковію, которыми *инициатива* его приписывается епископу литовскому Іосифу Сѣмашкѣ⁽¹⁾. Но это несправедливо. Великое сіе дѣло еще 1799 года начато незабвеннымъ архіепископомъ полоцкимъ, витебскимъ и мстиславскимъ Иракліемъ Одровонжъ-Лисовскимъ, по прекрасно и мудро задуманному имъ плану.

⁽¹⁾ Епископъ Іосифъ Сѣмашко былъ священнической сынъ Луцкой греко-унитской епархіи Волынской губерніи. Онъ, окончивши науки въ свѣтскихъ школахъ, поступилъ въ виленскую главную Императорскую семинарію и проходилъ курсъ наукъ богословскихъ въ факультетѣ виленскаго университета и, исшедъ со степенью магистра богословія, потомъ былъ ассесоромъ консисторіи луцкой и за симъ посланъ епископомъ Мартусевичемъ на должность ассесора же во 2-й департаментъ римско-католической коллегіи и былъ впоследствии епископомъ литовскимъ въ Вильнѣ и членомъ греко-унитской коллегіи въ Петербургѣ.

Не можемъ бо еже видѣхомъ и слышашомъ не глаголати (Дѣян. 4, 20). Съ юныхъ лѣтъ еще былъ я очевидцемъ начала и хода этого дѣла, слышалъ и даже видѣлъ, какія онъ Лисовскій принималъ мудрыя и рѣшительныя со стороны своей мѣры къ осуществленію своихъ стремленій по сему предмету. Но по неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла Божія, трудясь неутомимо слишкомъ десять лѣтъ съ самопожертвованіемъ, онъ не могъ достигъ преслѣдуемой цѣли. Послѣ его смерти (1810 года) дѣло это выпало на долю преемника его, имъ же самимъ избраннаго, архіепископа полоцкаго, витебскаго и мстиславскаго Юанна Ястрембецъ - Красовскаго, а за смертію этого доблестнаго подвижника и ревнителя воссоединенія церкви греко-унитской съ Православіемъ, намъ: епископу Іосифу Сѣмашкѣ въ Литвѣ, а мнѣ въ Бѣлорусіи и Волыни, какъ это будетъ показано ниже.

Скажу не обинуясь, отдавая справедливость епископу Іосифу, что онъ вызвалъ меня на это апостольское дѣло и велъ благоразумно по плану Лисовскаго къ успѣху, живя постоянно, по званію члена греко-унитской духовной коллегіи, въ С.-Петербургѣ.

Предварительно изложенія этой истины, почту краткою рѣчью намятъ доблестнаго архипастыря полоцкаго, архіепископа (потомъ митрополита всѣхъ греко-унитскихъ въ имперіи церквей) Ираклія Одровонжъ-Лисовскаго.

Архіепископъ и священно-архимандритъ св. Онуфріевскаго монастыря, существовавшаго въ Мстиславскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи, одного изъ богатѣйшихъ, Ираклій Одровонжъ - Лисовскій по происхожденію былъ сынъ небогатаго помѣщика Лепельскаго уѣзда Витебской губерніи, а по исповѣданію, до поступленія въ монашество ордена базильянскаго, какъ и родители его, римско-католической вѣры. Но онъ съ юныхъ своихъ лѣтъ любилъ богослуженіе отправляемое на славянскомъ языкѣ. Обучаясь въ свѣтской школѣ въ мѣстечкѣ Умачѣ, онъ, оставляя ла-

тинскій орденa доминиканскаго костель, всегда въ праздничные и воскресные дни ходилъ на богослуженіе въ базильянскую монастырскую церковь и всегда становился на клиросѣ съ священно-монахами. Это знаютъ все туземцы. По окончаніи въ упомянутой школѣ наукъ съ отличнымъ успѣхомъ, онъ, съ согласія и благословенія благочестивыхъ родителей своихъ, поступилъ въ монашество орденa базильянскаго. Въ высшемъ учебномъ сего орденa заведеніи, существовавшемъ въ полоцкомъ при Софійскомъ кафедральномъ соборѣ монастырѣ, окончилъ онъ философско-богословскія науки, такъ же съ отличнымъ успѣхомъ при поведеніи примѣрномъ. Потомъ, исполняя съ усердіемъ и ревностію возлагаемыя на него обязанности, по назначенію орденской капитулы, удостоенъ наконецъ высокаго повышенія, за полезную службу поставленія и посвященія въ архимандрита вышеупомянутаго монастыря. Неподдѣльная любовь его къ греко-восточнымъ обрядамъ, конечно внушенная ему свыше, побудила его къ устройству въ церкви монастырской свято-Онуфріевской иконостаса и всего прочаго по греко-восточному и къ постепенному уничтоженію латинскихъ нововведеній. — Бывшій въ то время генераль-губернаторомъ Бѣлоруссіи, кажется, графъ Чернышевъ зналъ его архимандрита Лисовскаго лично и то, что онъ, не смотря на негодованіе начальства орденa базильянскаго, сдѣлалъ въ своемъ архимандричемъ храмѣ. А онъ генераль-губернаторъ Бѣлоруссіи, которому Высочайшею волею императрицы Екатерины II поставлено было въ обязанность: „недреманно ⁽¹⁾ смотрѣть за орденомъ іезуитовъ, яко за коварнѣйшимъ изъ всехъ латинскихъ орденовъ“, а слѣдственно и за базильянами, и не могъ не знать того.

Архимандритъ Лисовскій сдѣлался извѣстнымъ съ хорошей стороны и императрицѣ, конечно чрезъ

(1) Собр. Закон. №№ 13807 и 13808 г. 1772 маія 28 дня.

генераль-губернатора Бѣлоруссіи. И вотъ, когда по присоединеніи того края къ Россіи бывший тогда полоцкимъ, витебскимъ и мстиславскимъ архіепископомъ Іасонъ Смогоржевскій, уклоняясь отъ присяги на подданство императрицѣ, уѣхалъ въ Варшаву, то Ея Величество, въ материнской заботливости своей о благѣ всѣхъ ея вѣрноподданныхъ, обращая вниманіе на положеніе греко-унитовъ, остававшихся въ томъ краѣ безъ архипастыря, Всемилостивѣйше изволила назначить архіепископомъ полоцкимъ, витебскимъ и мстиславскимъ упомянутаго священно-архимандрита Ираклія Лисовскаго, съ пожалованіемъ изъ кабинета драгоценной панагіи, которой уніатскіе архіереи не носили, и выборъ этотъ былъ весьма удачный, какъ показали потомъ Лисовскаго дѣйствія. Онъ и въ званіи архіепископа, какъ специалистъ въ механикѣ, въ свободное время отъ дѣлъ по управленію епархіею дѣлалъ собственными руками часы. Таковыя устроилъ онъ одни на башнѣ Онуфріевской монастырской церкви, другіе на башнѣ же полоцкаго Софійскаго кафедральнаго собора, которые и до сихъ поръ тамъ существуютъ, не требуя исправленія. Онъ открылъ прежде при монастырѣ Онуфріевскомъ минеральныя воды и устроилъ помѣщеніе при нихъ для пользовавшихся ими. Такъ же съ поступленіемъ во владѣніе его и имѣній въ Лепельскомъ уѣздѣ Витебской губерніи: Судиловичъ, Звоня, Гутова, Мягель и Черствятъ, замѣтивъ потомъ въ Борковцизнѣ два источника минеральныхъ водъ—сѣрныхъ и желѣзныхъ, онъ провелъ оныя трубами въ два отдѣльные колодца, и устроилъ обширныя помѣщенія для пріѣзжающихъ и для ваннъ съ комфортомъ; и также для пріѣзжающихъ туда пользоваться оными поставилъ отъ себя при тѣхъ водахъ опытнаго ученаго медика, куда стекалось множество больныхъ изъ трехъ губерній, Могилевской, Минской и Витебской, кои получали исцѣленіе отъ этихъ водъ. И еще 1821 года содержалось это полезное заведеніе въ отличномъ порядкѣ, въ ко-

торомъ находились многія высокопоставленныя лица, даже изъ столицы, въ числѣ коихъ былъ и товарищъ министра народнаго просвѣщенія г. Карташевскій.

Онъ, Лисовскій (1787 г.) въ званіи архіепископа, встрѣчалъ императрицу Екатерину II-ю въ г. Мстиславлѣ вмѣстѣ съ православнымъ архіепископомъ могилевскимъ Конисскимъ и архіепископомъ латинскимъ, Богушъ-Сестренцевичемъ, когда она путешествовала въ Крымъ.

Теперь я изложу на вѣрныхъ данныхъ благотворныя дѣянія архіепископа Лисовскаго, дѣянія вполне согласныя съ интересами Церкви и государства. Архіепископъ Лисовскій, не оставляя сельскаго Студенецкаго мѣстожительства своего въ Могилевской губерніи, по своему прекрасно задуманному плану, сначала заботился о подготовленіи къ воссоединенію съ Православіемъ духовенства и народа греко-унитскаго исповѣданія нагляднымъ освоеніемъ ихъ съ греко-восточными обрядами.

Съ этою цѣлію онъ устраивалъ иконостасы въ униатскихъ церквахъ ввѣренной ему Полоцкой архіепархіи и чрезъ посредство преданныхъ ему и его идеѣ высшихъ духовныхъ въ епархіи сановниковъ направлялъ умы и сердца приходскихъ священниковъ. Съ этою же цѣлію были имъ учреждены въ уѣздахъ у протопресвитеровъ конгрегации (соборники) духовенства, подъ предѣдательствомъ самихъ же протопресвитеровъ (1). Съѣздъ на эти, въ опредѣленный срокъ, конгрегации священниковъ съ своими благочинными былъ для всѣхъ строго обязательнымъ. Сами протопресвитеры, начальствовавшіе надъ благочинными, должны были и экзаменовывать, и наставлять священниковъ, съ особенною осторожностію въ словахъ, внушая имъ всю важность греко-восточныхъ обрядовъ и необходимость возобновленія оныхъ въ церквахъ, а

(1) Начальники надъ благочинными въ уѣздахъ; а округи ихъ вѣдомства назывались протопресвитеріями.

слѣдовательно и устройства въ нихъ иконостасовъ. Я помню какъ теперь, что отецъ мой, настоятель Старо-руднянской церкви Рогачевского уѣзда Могилевской губерніи, ѣздилъ на соборикъ къ уѣздному протопресвитеру канонику Василию Мацкевичу въ село Боркалабовъ съ своимъ благочиннымъ каноникомъ Николаемъ Глыбовскимъ и, возвратившись, хлопоталъ о устройствѣ на церковную сумму иконостаса въ своей церкви.

Такимъ образомъ, дѣло подготовленія духовенства и народа къ будущему воссоединенію подвигалось къ успѣху. Считаю неизлишнимъ упомянуть здѣсь о содѣйствовавшихъ ему въ этомъ духовныхъ сановникахъ. Первымъ и главнымъ былъ дѣятелемъ по сему предмету умный и энергичный officialъ консисторіи каноникъ архипресвитеръ Іоаннъ Ястржембець-Красовскій, окончившій съ особеннымъ успѣхомъ науки философскія и богословскія въ бывшемъ виленскомъ, такъ именованномъ папскомъ алюмнатѣ, и вице-officialъ консисторіи мужъ образованный каноникъ Григорій Кохановичъ; — протопресвитеръ въ Быховскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи каноникъ Василій Мацкевичъ; благочинный въ Рогачевскомъ уѣздѣ каноникъ Николай Глыбовскій; протопресвитеръ въ Мстиславскомъ, Климовицкомъ и Чериковскомъ уѣздахъ каноникъ Демяновичъ; протопресвитеръ въ Сеннинскомъ и Копысскомъ уѣздахъ каноникъ Ермоловичъ; протопресвитеръ въ Оршанскомъ и Бабиновичскомъ уѣздахъ каноникъ Савиничъ, окончившій философскія и богословскія науки въ папскомъ алюмнатѣ; и Витебской губерніи протопресвитеръ въ Витебскомъ, Суражскомъ и Велижскомъ уѣздахъ каноникъ Юрьевичъ; — протопресвитеръ въ Городецкомъ и Невельскомъ уѣздахъ каноникъ Михаилъ Копецкій, также окончившій философскія и богословскія науки въ вышеупомянутомъ алюмнатѣ; протопресвитеръ въ Люцинскомъ, Дрисенскомъ и Себежскомъ уѣздахъ каноникъ Конюшевскій, и протопресвитеръ въ Полоцкомъ уѣздѣ каноникъ Род-

звѣтъ, окончившій также съ отличнымъ успѣхомъ философскія и богословскія науки въ упомянутомъ выше алюминатѣ.

При всемъ томъ архіепископъ Лисовскій не могъ дать широкое развитіе этому дѣлу, по тогдашнимъ весьма затруднительнымъ обстоятельствамъ. Уніатская церковь была тогда въ зависимости отъ римско-католической коллегіи, предсѣдательствуемой архіепископомъ моголевскимъ митрополитомъ Сестренцевичемъ, который былъ единственнымъ митрополитомъ всѣхъ римско-католическихъ и римско-унитскихъ въ Имперіи церквей; а монахи ордена базильянскаго не знали надъ собой власти епархіальныхъ архіереевъ ни въ какихъ отношеніяхъ, они непосредственно управлялись провинціалами, имѣвшими свои капитулы въ зависимости отъ генерала ордена базильянскаго же, который именовался прото-архимандритомъ,—и отъ папы, стоя въ крѣпкомъ братскомъ союзѣ съ іезуитами бѣлорусскими, сильно покровительствуемыми самымъ верховнымъ правительствомъ по вліянію хитраго іезуита Грубера на Государя Императора Павла I (*). Со стороны-то

(*). Объ уніатахъ лаконически и энергически сказано было въ новомъ регламентѣ императора Павла: «что такъ какъ они, присоединенные или къ намъ, или къ католикамъ, а не сами по себѣ, членовъ не могутъ имѣть въ департаментѣ римско-католической коллегіи». № 19706. Эти два три слова, оброненныя въ указѣ Павла I, были произведеніемъ іезуита Грубера, убившаго ими наповалъ не только самостоятельность унитской церкви, но и ея существованіе и толкавшаго ее самыми усиленными ударами въ нѣдра латинской церкви. Уничтожая или поглощая латинствомъ унитскую церковь, іезуиты совершенно иначе относились къ унитскому монашескому ордену базильянскому; зная самую тѣсную связь его съ іезуитскимъ своимъ институтомъ и видя въ немъ не восточное монашеское учрежденіе, но совершенно западный орденъ, да и притомъ еще совершенный сколокъ и копію съ своего ордена, они старались его не только поддерживать, но и возвысить, уровнять съ своимъ орденомъ и дать ему такую же автономію, какая дана была новымъ регламентомъ всѣмъ латинскимъ орденамъ. Послѣ удаленія и ссылки Сестренцевича-Богуша, бывъ президентомъ въ департаментѣ, его коадьюторъ епископъ Беняславскій далъ базиліанамъ права: избирать себѣ

сильныхъ и богатыхъ базильяновъ и ихъ могущественныхъ союзниковъ іезуитовъ онъ архіепископъ Лисовскій видѣлъ не только великую помѣху въ своихъ дѣйствіяхъ, но и опасность для себя въ грозной ихъ силѣ и замыслѣ—низложить его съ кафедръ. Въ это неблагопріятныхъ для него обстоятельствъ время внушилъ ему Промыслъ Божій мысль и желаніе путешествовать въ Палестину для поклоненія Гробу Господа нашего Іисуса Христа.

Итакъ онъ, испросивъ Высочайшее на то соизволеніе, а равно и на вѣреніе управления Полоцкою епархіею въ его отсутствіе изъ Россіи своему официалу въ званіи архипресвитера полоцкой кафедръ, Іоанну Красовскому, и снабдивъ его надлежащею по сему случаю грамотою,—поспѣшилъ въ началѣ весны 1795 года въ Іерусалимъ съ малочисленною свитою, въ составѣ которой были именно: каноникъ Калиновскій съ высшимъ образованіемъ, духовникъ его іеромонахъ Гейкингъ, умный и преданный архипастырю, и архидіаконъ Рогожинскій, взятые имъ съ тою мудрою цѣлію, чтобы совмѣстно съ ними почерпнуть въ самомъ чистомъ источникѣ знаніе и твердое уразумѣніе восточныхъ обрядовъ; такъ же составляли свиту его одинъ діаконъ съ прекраснымъ голосомъ тенора, одинъ иподіаконъ, заступавшій мѣсто регента пѣвческаго хора, два послушника съ хорошими голосами басса и тенора, знавшіе итальянское пѣніе, три дисконта и три альты съ лучшими голосами.

Тамъ іерусалимскимъ патріархомъ и епископами синода его блаженства и всѣми гражданскими чиновначаліями—музульманами былъ онъ принимаемъ весьма благосклонно съ подобающимъ уваженіемъ. Тамъ

орденскихъ начальниковъ, освободилъ и отъ власти и надзора епархіальныхъ архіереевъ, позволилъ имъ безъ всякаго епархіальнаго контроля распоряжаться монастырскими имѣніями и церковнымъ имуществомъ, однимъ словомъ во всемъ сравнялъ этотъ орденъ съ іезуитскимъ, чтобы сынокъ совершенно походилъ на своего отца или ученикъ на учителя.

довольно часто совершалъ онъ божественную литургію въ іерусалимскомъ храмѣ и бывалъ на богослуженіяхъ патріаршихъ съ своимъ священникомъ и архидиакономъ; тамъ онъ, съ бывшими при немъ, изучалъ наглядно обряды греко-восточной Церкви, посѣщая храмы и служенія, греческими священниками и епископами совершаемыя. Тамъ онъ пробылъ почти годъ и возвратился въ Россію въ мѣсто пребыванія своего, Могилевской губерніи Мстиславскаго уѣзда — Студенецъ, съ отрощеною бѣлою бородою и съ такими же на головѣ волосами и въ бѣлой скуфейкѣ, въ одеждѣ на подобіе рясы, но не съ широкими рукавами, полубѣлаго цвѣта, въ каковой ходилъ до смерти. Такъ же бывшіе съ нимъ каноникъ Калиновскій и іеромонахъ его духовникъ, подражая примѣру его, отростили бороды и волосы на своихъ головахъ (¹). А бывшіе въ епархіи оставались въ уніатской одеждѣ, подобной одеждѣ римско-католическихъ ксендзовъ: каноники—въ чемаркахъ до лифа сдѣланныхъ, узкихъ, съ частыми маленькими пуговками, на краю лѣвой полы съ верху до низу и на рукавахъ по локоть пришитыми, и съ пелеринками краткими въ шесть вершковъ ширины; а священники—въ палендрахъ (или сутанахъ), такъ же до лифа сдѣланныхъ, безъ пуговокъ и безъ пелеринокъ, чернаго цвѣта, суконныхъ или матері шелковой по состоянію своему, съ поясами длинными (на второмъ платѣ), съ золотыми или шелковыми кистями.

На память бытности своей въ Іерусалимѣ онъ Лисовскій соорудилъ, по плану оттуда привезенному, на собственный счетъ, великолѣпный храмъ каменный съ каменными же 14 часовнями вокругъ его съ росписаніемъ страстей Господнихъ,—и устроилъ въ хра-

(¹) Вскорѣ потомъ отростили бороды и прочіе духовные сановники въ епархіи, а именно: протопресвитеры каноникъ Василій Мацкевичъ, кан. Михаиль Копецкій и кан. Іермоловичъ, также священники Фіалковскій и Красовскій—отецъ архіепископа Іоанна Красовскаго.

мѣ все совершенно по греко-восточному обряду, — при резиденціи Струньской полоцкихъ архіепископовъ, въ 6 верстахъ отъ города Полоцка. Но самъ онъ со свитою оставался еще въ прежнемъ помѣщеніи своемъ, Студенцѣ Мстиславскаго уѣзда Могилевской губерніи, невдалекѣ отъ св. Онуфріевскаго архимандричьяго монастыря своего; а въ самомъ монастырѣ этомъ помѣщалась консисторія. Онъ же архіепископъ Лисовскій писалъ 3 сентября 1796 г. къ холмскому и белзскому уніатскому епископу въ Царствѣ Польскомъ Порфирію Важинскому письмо, въ коемъ между прочимъ выразился даже, подробно разъясняя ему, что Россійская Церковь въ тоже вѣритъ, что и греко-униты, что эта Церковь по тому же обряду совершаетъ таинства, какъ и греко-униты прежнихъ временъ, даже въ случаѣ нужды по одному и тому же служебнику и по одному требнику. Въ тоже время устраивалъ онъ въ своей Полоцкой епархіи съ особеннымъ рвеніемъ и церкви сельскія по чисто-восточному обряду и искоренялъ въ нихъ нововведенія латинскія. Теперь то особенно увидѣли латино-польскіе защитники уніи, къ чему стремился святитель Божій: они поняли страшный первоначальный ударъ, наносимый этими распоряженіями уніи. Очень понятнымъ образомъ всѣ поборники римскаго католицизма, а съ ними вмѣстѣ въ дружной коалиціи и монахи уніатскіе — базильяне, вмѣстѣ заинтересованные и затронутые вдругъ и столь больно, обобщали свою опасность и тайно и явно вели страшные подкопы противъ архіепископа Ираклія Лисовскаго съ горькимъ для него замысломъ своимъ — низложить его съ архикаѳедры полоцкой.

Сначала люди зла и коварства изрыгали повсемѣстно клевету, запятывая честь и благочестіе святителя и осыпая его злорѣчіемъ. Злоба ихъ противъ Лисовскаго не имѣла никакихъ границъ, они выпускали цѣлыя тучи пасквилей. Но когда онъ, не смотря на то, продолжалъ дѣйствія свои въ предѣлахъ

Могилевской губерніи, гдѣ имѣлъ свое мѣстопробываніе,—тогда въ наглости своей базилиане стали возводить извѣтъ на него предъ Государемъ Императоромъ Павломъ I посредствомъ высланныхъ отъ своего общества повѣренныхъ въ С.-Петербургѣ, а именно: игуменовъ Амвросія Дорошевскаго и Кириата, и іеромонаха Ермоловича ⁽¹⁾; въ этомъ извѣтѣ высказывали разныя злоупотребленія, будто-бы произведенныя Лисовскимъ по монастырямъ, и даже такіе проступки, за которые долженъ онъ быть лишенъ архіерейскаго сана. — Главными дѣятелями были архимандриты монастырей: Бѣлоцерковскаго—Солятыцкій, Полоцкаго—Новаковскій, Пустинскаго—Жабо и Полоцкаго Борисоглѣбскаго—Шулякевичъ.

Узнавши о семъ, архіепископъ Лисовскій послалъ такъ же и отъ себя въ С.-Петербургъ дѣльнаго повѣреннаго ⁽²⁾, который представилъ бы на видъ Государю всѣ интриги, козни и замыслы общества монаховъ базилиановъ противъ него за устройство церковей уніатскихъ по греко-восточному, — и всеподданѣйше просилъ Государя дать аудіенцію повѣренному для личнаго поясненія Его Императорскому Величеству всѣхъ тяжкихъ страданій его, оканчивая прошеніе сими словами: „О, прости дерзновенію моему, Государь, къ которому побудили меня скорбь, мое невинное страданіе! Велика печаль моя, Государь, но несравненно обширѣе вѣра моя въ неограниченность милости твоей“. — Аудіенція была дана повѣренному, и его рѣчи Всемилостивѣйше выслушаны. Повѣренные базилианскіе, бывши еще въ столицѣ, Кириать и Ермоловичъ, по Высочайшему повелѣнію, заточены

⁽¹⁾ Одного изъ этихъ монашествующихъ лицъ подучилъ подать Государю ябедническій допись на архіепископа нѣкто Любаржовскій, вице-президентъ римско-католической коллегіи (Дневникъ м. Сестренцевича 1798 г.).

⁽²⁾ Это былъ Григорій Кохановичъ, избранный Лисовскимъ впоследствии въ епископа.

въ Петропавловскую крѣпость. Такъ Богъ въ награду за страданія незаслуженныя далъ святителю превозмочь дѣлавшихъ ему зло.

Такимъ образомъ грозная сила ордена базильянскаго ослабла. Но для совершеннаго разрушенія этой силы въ будущемъ и достиженія своей цѣли вошло и глубоко врѣзалось въ душу его то: *во-первыхъ*, чтобы не допускать лицъ изъ общества базильянскаго до воспріятія архіерейства, а всегда назначать въ будущемъ въ санъ епископа лицъ изъ бѣлаго духовенства, безбрачныхъ или вдовыхъ, вполне достойныхъ сего высокаго сана по образованію, благоповеденію и надежности своей; а до того времени, по примѣру латинской церкви, введенъ былъ въ унитской обычай и даже принято было за правило избирать лицъ изъ ордена базильянскаго на высшія іерархическія должности, по происхожденію поляковъ; такимъ образомъ всѣ епископскія мѣста занимались лицами изъ богатыхъ польскихъ фамилій, которыя не знали ни греко-восточнаго чина, ни славянскаго языка, которыя даже презирали и то и другое.

Во-вторыхъ всеусильно стараться выхлопотать у правительства, чтобы общество базильянское подчинено было непосредственной власти мѣстнаго епархіальнаго архіерея.

Въ третьихъ, для большаго успѣха въ достиженіи цѣли возсоединенія унитской церкви съ православною, ему нужно было особенно позаботиться объ учрежденіи семинаріи въ своей Полоцкой епархіи, раскинутой на протяженіи Могилевской, Витебской и Курляндской губерній, дабы подготовить въ оной дѣятелей по мысли своей; на что онъ и обращалъ все вниманіе свое. Правда, прежними полоцкими архіепископами, особенно митрополитомъ Гребницкимъ, налагался сборъ денегъ на этотъ предметъ на все духовенство по талеру съ лица, и было собрано такимъ образомъ 200 т. талеровъ. Но предметникъ его, Лисовскаго, архіепископъ Смогоржевскій, уѣзжая въ

Варшаву, не хотѣвъ присягать на подданство императрицѣ Екатеринѣ II, возвратившей къ Россіи Бѣлорусскій край, захватилъ значительную часть той суммы. Существовали также и имѣнія до 1000 дворовъ населенныхъ крестьянъ въ Лепельскомъ уѣздѣ Витебской губерніи, укрѣпленныя формальнымъ документомъ князя Вишневецкаго, которыя были просто предназначены симъ княземъ на духовную семинарію, въ епархіи Полоцкой открытыя долженствующую для пользы униатской церкви; но и тѣми имѣніями владѣли издавна монахи базилиане, обративъ оныя въ свою собственную пользу. Это было положительно извѣстно архіепископу Лисовскому. Не зналъ однако же онъ, гдѣ скрывается тотъ документъ Вишневецкаго. Принимая все мѣры къ открытію его, онъ наконецъ узналъ, что сей документъ хранится у полоцкихъ базильяновъ подъ крѣпкими сводами въ потаенныхъ шкафахъ, и досталъ его посредствомъ преданныхъ ему лицъ. Затѣмъ по снятіи съ него въ консисторіи копии онъ архіепископъ Лисовскій всеподданнѣйше представилъ его подлинникомъ Государю Императору (1802 г.) Александру I, всеподданнѣйше прося Его Величество, чтобы по силѣ и разуму онаго Высочайше повелѣно было: передать тѣ имѣнія, именно: Судиловичи, Дзвонъ, Гутовъ, Черствяты и Мягили, въ непосредственное владѣніе и распоряженіе полоцкихъ архіепископовъ со всѣмъ въ нихъ движимымъ имуществомъ, для которыхъ, т. е. архіепископовъ, строго должно быть обязательнымъ содержать на доходы съ нихъ семьдесятъ по меньшей мѣрѣ семинаристовъ,—священническихъ дѣтей сиротъ, и ихъ начальниковъ и наставниковъ, а вмѣстѣ съ симъ передать и все зданія полоцкаго базильянскаго монастыря подъ помѣщеніе семинаріи, въ наискорѣйшемъ учрежденіи и въ открытіи которой столь нуждается Полоцкая епархія,—а базилианъ размѣститъ по другимъ мужескимъ монастырямъ; коихъ тогда находилось въ Полоцкой епархіи числомъ девятнадцать съ

населенными же имѣніями (кромѣ Онуфрейскаго архимандричьяго монастыря, въ непосредственномъ управленіи его архіепископа Лисовскаго состоявшаго).—И Государь Императоръ, по особенному вниманію своему къ ходатайству архіепископа Лисовскаго въ пользу вѣренной ему епархіи, (1803 г.) Высочайше повелѣтъ соизволилъ исполнить оное на упомянутомъ условіи. Затѣмъ и приступлено было къ скорѣйшему приведенію въ дѣйство той Высочайшей воли. Затѣмъ архіепископъ Лисовскій, ревнуя истинною ревностію объ образованіи духовенства, съ своей стороны, избравъ предварительно способныхъ и надежныхъ лицъ, сыновей священническихъ, въ наставники семинаріи, а именно: Венедикта Родзевича и Іеремію и Кондратія Мальчевскихъ, бывшихъ гувернерами у богатыхъ помѣщиковъ (¹), предписалъ имъ явиться въ Струнь Витебской губ., въ резиденцію полоцкаго архіепископа, и тамъ заняться предварительно устройствомъ помѣщенія и всего нужнаго для 15-ти семинаристовъ на первый разъ. Предписано было и протопресвитерамъ уѣзднымъ высылать немедленно въ Струнь священническихъ сиротъ, кои знаютъ хорошо читать порусски, послavianски и польски. И протопресвитеры не замедлили исполнить архипастырскую волю. Всѣхъ мальчиковъ собралось въ резиденцію архипастырскую Струнь пятнадцать, въ числѣ коихъ былъ и я, пишущій эти Записки, окончившій курсъ наукъ въ свѣтской школѣ въ I классѣ иждивеніемъ двоюроднаго дяди моего по матери, помѣщика Кельчевскаго, который незадолго предъ тѣмъ уже умеръ. Пять мальчиковъ поступили въ I классъ этой семинаріи,—трое изъ насъ признаны достойными перевода во второй классъ, а послѣдніе оставлены въ приходскомъ училищѣ. Всѣ мы имѣ-

(¹) Не смотря на то, что монашествующихъ лицъ много было образованныхъ и способныхъ къ занятію паставническихъ мѣстъ въ новооткрытой семинаріи.

ли одежду подобную священнической, но зеленого сукна, длинную, до стану (лифа) сдѣланную съ понсовыми маленькими пуговками на краю лѣвой полы сверху до низу, и съ поясами фіолетоваго цвѣта.

За симъ перемѣстился и архіепископъ Лисовскій изъ своего студенецкаго помѣщенія въ Струнь съ консисторіею и свитою своею на постоянное жительство, — и число учащихся въ семинаріи увеличилось изъ пѣвческаго архіерейскаго хора шестью мальчиками, поступившими въ первый классъ.

Но архіепископу Лисовскому оставалась еще въ *четвертыхъ* самая трудная задача, отъ удачнаго разрѣшенія которой зависѣлъ успѣхъ его благихъ намѣреній и стремленій: это освобожденіе греко-унитской церкви отъ гибельнаго преобладанія латинской. Тогда она подчинялась высшей власти римско-католической коллегіи, предсѣдательствуемой митрополитомъ архіепископомъ могилевскимъ Станиславомъ Богупъ-Сестренцевичемъ, въ которой не было ни одного члена изъ духовенства унитскаго. Но Господь помощникъ ему Лисовскому помогъ и эту столь трудную задачу удачно разрѣшить. Дѣло это поручено было снискавшему у него полную довѣренность умному и энергическому архипресвитеру Іоанну Ястржембелъ-Красовскому. Сей исходатайствовалъ, посредствомъ его архіепископа Лисовскаго, аудіенцію у Государя Императора Александра I, и во время оной представилъ Его Величеству на видъ въ самомъ яркомъ свѣтѣ существованіе въ Россіи около трехъ милліоновъ греко-унитовъ, страдавшихъ отъ насильственнаго преобладанія римско-католиковъ, и то, что ими отторгнута уже въ римскій католицизмъ значительная часть унитскаго русскаго народа, съ многими священниками (1),

(1) Именно: села Пауль Лепельскаго уѣзда каноника Оссовскаго; мѣстечка Освѣи, св. Булгака, — села Дзѣрновичъ — св. Яновскаго, села Росяцы — св. Оссовскаго же Дризенскаго уѣзда. Всѣ они люди образованные и многосемейные.

и постоянно отторгаютъ его насиліемъ цѣлыми приходами съ ихъ пастырями, а церкви ихъ освящаютъ и забираютъ въ латинское вѣдомство, и что архіепископъ Лисовскій обращался съ протестомъ противъ такихъ совращеній и даже съ жалобами къ Императору Павлу I, но по сильному и могущественному преобладанію римско-католиковъ протестъ и жалоба его оставались безъ послѣдствій. Такое смѣлое, энергическое умнаго Красовскаго представленіе объяло всю душу и сердце благословеннаго Монарха. За симъ пожалованъ въ митрополиты всѣхъ въ Имперіи церквей греко-унитскихъ архіепископъ Лисовскій, и Высочайше повелѣно учредить въ римско-католической коллегіи 2-й департаментъ по уніатскимъ дѣламъ, подъ предсѣдательствомъ его митрополита Лисовскаго, и вызвать съ каждой епархіи греко-унитской, Полоцкой, Луцкой, Брестской и Виленской, по одному духовному сановнику для присутствованія въ томъ департаментѣ (¹). А этимъ и пополнилась греко-унитская іерархія. Вслѣдъ за симъ послѣдовалъ Высочайшій указъ и о возвращеніи отпавшихъ въ латинство греко-унитскихъ священниковъ и народа, совращеннаго цѣлыми приходами съ 1798 года.

Все вышеизложенное о дѣйствіяхъ архіепископа митрополита Лисовскаго основано мною на оставшейся послѣ смерти его въ канцеляріи митрополитовъ греко-уніатскихъ перепискѣ, а равно на словахъ преемника его архіепископа Іоанна Красовскаго, сообщившаго мнѣ (1820, 1821 и 1823 годовъ), бывшему тогда при немъ въ званіи комиссарія его *ad latus* и принимавшему участіе по управленію Полоцкою епархією.

Но онъ митрополитъ при жизни своей успѣлъ возвратитъ изъ латинства только священниковъ, а народъ, по интригамъ польскихъ помѣщиковъ и ксенд-

(¹) Опъ каноникъ Красовскій былъ первый изъ Полоцкой епархіи ассесоромъ во 2-мъ департаментѣ той коллегіи.

зовъ, большею частію остался въ латинствѣ. И на мою долю выпало бороться за него, и тогда только успѣлъ я присоединить къ Православію, когда Государь Николай I 1843 г. далъ Высочайшій указъ правительствующему Сенату о сдѣланіи разбора прихожанъ самому латинскому духовенству съ православнымъ касательно совращенныхъ людей по имѣющимся при церквахъ документамъ, и такимъ образомъ передано изъ латинства 8000 въ одной только Витебской губерніи. Не могъ онъ святитель Божій и повести дѣло воссоединенія къ успѣху и осуществить свое благотворное намѣреніе при своей жизни, по той простой причинѣ, что тогда Могилевская и Витебская губерніи усѣяны были коллегіями іезуитскими и ихъ миссіями. А іезуиты вездѣ принимали съ своей стороны самыя дѣйствительныя мѣры и всякія средства къ тому, чтобъ удержать въ униі народъ. Они въ ту эпоху царствованія Екатерины II и Павла I были столько сильны вліяніемъ своимъ на правительство, что дѣлали свое дѣло безъ помѣхи, и какъ сами хотѣли (1).

Удивляться надобно, какъ до того времени мало заботилось о благѣ Россіи само правительство, по-

(1) Вотъ существовавшія въ то время іезуитскія коллегіи: въ губернскомъ городѣ Могилевѣ, въ уѣздномъ городѣ Мстиславѣ, въ м. Черчерскѣ Рогачевского уѣзда, въ уѣздномъ городѣ Оршѣ, въ губернскомъ городѣ Витебскѣ, въ уѣзд. г. Полоцкѣ и въ городѣ Динабургѣ. А іезуитскія миссіи имѣли постоянное свое помѣщеніе и свои костелы: Витебской губерніи въ Дагдѣ въ Динабургскомъ уѣздѣ, въ Авалѣймѣ и Ужвалдѣ того же уѣзда, въ мѣстечкѣ Пушѣ Рѣжицкаго уѣзда, въ погостѣ Сокольниковъ или Соколицѣ Витебскаго уѣзда; и Могилевской губерніи: въ мѣстечкѣ Лозовичахъ Климовицкаго уѣзда, въ м. Хальчѣ или Радогѣ, находящихся въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, въ м. Раснѣ Рогачевского уѣзда, и въ м. Фацевѣ Могилевского уѣзда. Они іезуиты притомъ были и весьма богаты: цѣнность всего имущества, принадлежащаго бѣлорусскимъ іезуитамъ въ эпоху оную, можно съ достовѣрностію полагать въ миліонъ рублей серебромъ съ капиталовъ и недвижимыхъ имуществъ, 20,000 душъ крестьянъ въ своемъ владѣніи.

кровительствовавшее римскимъ католикамъ и въ особенности іезуитамъ, дѣйствовавшимъ явно, даже торжественно во вредъ государству (1). Они разъѣзжали съ чиновачаліями гражданскими по предѣламъ Витебской, Могилевской и Минской губерніи, совращая и отторгая русскій народъ въ латинство насиліемъ, и печатали латинскіе служебники польскими буквами для уніатскихъ священниковъ, отпавшихъ въ латинство, кои не знали латинскаго языка.

Архіепископъ полоцкій, митрополитъ всѣхъ грекоунитскихъ церквей въ Россіи, Лисовскій имѣлъ счастье встрѣчать благословеннаго Монарха Александра I въ своемъ Струнскомъ новоустроенномъ великолѣпномъ храмѣ и мы, семинаристы, присутствовавшіе при томъ, были представляемы Его Величеству послѣ краткаго молебствія въ томъ храмѣ и осмотра Государемъ всѣхъ 14 часовень, вокругъ него устроенныхъ во имя страстей Господа нашего Іисуса Христа. Въ это незабвенное время мы имѣли счастье услышать слова Монарха: „благодарю ваше преосвященство за столь быстрое открытіе сего духовнаго разсадника во вѣренной вамъ епархіи“, а потомъ обратившись къ намъ: „учитесь, дѣти, и преуспѣвайте для блага Церкви и собственнаго своего“. Затѣмъ, сѣвши въ экипажъ, Его Величество изволилъ сказать митрополиту: „Я васъ ожидаю въ С.-Петербургѣ, прошу васъ поспѣшить къ мѣсту высокаго служенія своего“.

Итакъ онъ митрополитъ архіепископъ Лисовскій вскорѣ за симъ, поручивъ управленіе епархіею старшему канонику мужу высокообразованному протопресвитеру Родзевичу и особенному его попеченію семинарію, остававшуюся въ Струнѣ, за неустрой-

(1) Не даромъ сказалъ митрополитъ Сестренцевичъ: «Государь вскорѣ увидитъ, сколь противно политикѣ терпѣть во владѣніяхъ своихъ людей сихъ (іезуитовъ), враговъ монархической власти и республиканцевъ безъ всякихъ правилъ». (Слова публично произнесенныя митрополитомъ Сестренцевичемъ. См. перениску іезуитовъ № 56).

ствомъ еще по-базильянскаго въ Полоцкѣ монастыря, Высочайше предназначеннаго подѣ помѣщеніе оной, выѣхаль въ столичный городъ.

О, и сколько мы пролили слезъ, разставаясь съ добрымъ архипастыремъ благодѣтелемъ нашимъ, лелеявшимъ насъ! Поплакаль и онъ, нѣжный отецъ, благословляя и цѣлуя каждого изъ насъ порознь. Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ онъ прибыль въ С.-Петербургъ, почувствовалъ упадокъ силъ тѣлесныхъ, но бодрый еще духомъ, онъ и въ своей болѣзни не переставаль преслѣдовать цѣль, по прекрасно обдуманному плану своему, къ ослабленію грозной силы общества ордена базильянскаго. Ему нужно было, чтобы это общество, уповавшее на поддержку архіереями другихъ епархій, поставленными изъ среды монашествующихъ, по происхожденію поляковъ, лишилось этой опоры своей, поспѣшить избраніемъ кандидатовъ въ епархіальныя архіереи лицъ изъ среды блага духовенства, своимъ образомъ мыслей и направленіемъ вполнѣ соответствующихъ его мысли. Скоро послужилъ ему и удобный къ тому случай, и онъ святитель Божій имъ воспользовался. Въ епархіи Луцкой открылась вакансія епархіальнаго архіерея, на которую не замедлил онъ избрать и съ Высочайшаго соизволенія рукоположить во епископа старшаго каноника Григорія Кохановича (1). Потомъ избралъ въ преемника себѣ на кафедре полоцкую изъ блага же духовенства умнаго Іоанна Красовскаго, архипресвитера епархіи Полоцкой, бывшаго въ званіи ассесора 2 департамента римско-католической духовной коллегіи, предсѣдательствуемаго имъ, митрополитомъ Лисовскимъ. И Государь Императоръ Александръ I, утвердивъ все распоряженія митрополита Лисовскаго, сдѣланныя имъ предъ смертію, Всеми-

(1) Съ возведеніемъ Кохановича въ санъ епископа луцкаго онъ Кохановичъ отстригалъ и бороду.

достигъйше пожаловалъ кандидата епископа Красовскаго въ архіепископа полоцкаго, о чемъ и данъ ему Красовскому Высочайшій рескриптъ, а Правительствующему Сенату указъ. Но, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, митрополитъ Лисовскій не имѣлъ утѣшенія совершить лично хиротонію надъ своимъ возлюбленнымъ преемникомъ, архипресвитеромъ Красовскимъ, и предчувствуя близкую кончину дней своихъ, онъ выразилъ желаніе свое, чтобы Высочайше повелѣно было экзарху епископу луцкому Григорію Кохановичу исполнить это. 1810 года въ началѣ сентября мѣсяца смерть постигла митрополита Лисовскаго, сего святителя подвижника, перваго, искренно желавшаго воссоединенія греко-унитской церкви съ православно-восточною католическою Церковію (1).

Тѣло покойнаго архіепископа митрополита Лисовскаго было бальзамировано и, согласно выраженному желанію въ Бозѣ почившаго въ духовномъ завѣщаніи, перевезено въ городъ Полоцкъ и поставлено было въ полоцкомъ кафедральномъ Софійскомъ соборѣ, гдѣ въ продолженіи цѣлой недѣли отправлялись духовенствомъ заупокойныя богослуженія за душу его. Духовенство Полоцкой епархіи, собравшееся съ разныхъ мѣстъ Могилевской и Витебской губерній въ большомъ числѣ, чтобъ заявить покойному искреннюю любовь свою, дѣлало и проводъ самымъ торжественнымъ образомъ въ струнскую Крестовоздвиженскую, имъ сооруженную церковь, въ 6 верстахъ отъ Полоцка, вблизи резиденціи полоцкихъ архіепископовъ находящуюся. Въ церкви сей смертные останки незабвеннаго святителя оставались на катафалкѣ

(1) Послѣ всего вышезложеннаго о намѣреніяхъ, стремленіяхъ и дѣйствіяхъ архіепископа полоцкаго митрополита Ираклія Одровонжъ-Лисовскаго кто не станетъ приписывать собственно ему первому *иниціативу* въ великомъ дѣлѣ воссоединенія бывшей въ Имперіи Россійской греко-унитской церкви съ православною?

чрезъ шесть дней и непрерывно отправлялись каждый день соборнѣ божественныя литургіи и панихиды въ присутвіи великаго множества людей разныхъ сословій изъ города Полоцка и сель. Не было только монаховъ ордена базилианскаго. Насъ, семинаристовъ, привозили изъ Полоцка каждый день на эти богослуженія и мы все участвовали въ торжественномъ проводѣ изъ кафедральнаго Софійскаго собора и при погребеніи въ Струнской церкви со свѣщами въ рукахъ, съ горькими слезами на глазахъ. Тѣло покойнаго погребено по правой сторонѣ въ этой церкви, при стѣнѣ къ востоку.

(Продолженіе будетъ)

ТИПЫ ДУХОВЕНСТВА

ВЪ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРѢ ЗА ПОСЛѢДНЕЕ 12-ЛѢТІЕ.

Какъ бы въ противовѣсъ типу о. Андрея Андреича въ повѣсти „Велѣно прискивать“, въ томъ же (77) году вышла въ свѣтъ бытовая хроника изъ жизни русскаго духовенства Ѳ. Ливанова—„Жизнь сельскаго священника“ съ идеальнымъ якобы типомъ молодого священника о. Александра Алмазова.

О. Александръ Алмазовъ, по заявленію автора хроники, типъ *новаго, передоваго* священника. И это заявленіе дѣлается неоднократно. Такъ, когда о. Алмазовъ, предъ отправленіемъ въ село, заходитъ проститься къ ректору семинаріи (тоже идеальному, передовому человѣку), ректоръ даетъ ему совѣтъ, какъ жить въ приходѣ, „гдѣ почва не тронута еще,—дѣла много, а дѣлателей мало“, и предрекаетъ, что онъ принесетъ громадную пользу дѣлу, „если пойдетъ по *новой* дорогѣ, а не по старой“. Проживъ нѣкоторое время въ приходѣ и обзрѣвъ свою дѣятельность, о. Алмазовъ находитъ, что они съ женой дѣйствительно идутъ „по новому пути“. Замѣтили это и сосѣдніе помѣщики. На вопросъ одного изъ помѣщиковъ: изъ семинаріи ли о. Александръ?, — о. Алмазовъ отвѣчаетъ: „Да! изъ семинаріи! При благопріятныхъ обстоятельствахъ и изъ этого разсадника выходятъ иногда *новые люди*, которые добиваются-таки того, что сди-

раютъ съ себя грубую кожу „ветхаго человѣка“ и облекаются въ „человѣка новаго“. Года черезъ полтора священнической жизни, о. Алмазовъ уже смотрѣлъ съ сожалѣніемъ на другихъ священниковъ.

— Но вѣдь ты идешь *новою дорогою*? говорила Вѣра Николаевна (жена). О чемъ же тутъ жалѣть?

— Жалѣю о тѣхъ, отвѣчалъ Алмазовъ, кто, благодаря своему одностороннему и неумѣлому воспитанію, не ищетъ этой новой дороги... и искать ее не хочетъ“.

Какія же благопріятныя обстоятельства, по мнѣнію автора хроники, спасли о. Алмазова отъ стараго пути?

Спасло его знакомство и вліяніе Вѣры Николаевны Татищевой, институтки петербургскаго Николаевскаго института, жившей гувернанткою у мѣстнаго совѣтника губернскаго правленія Протопопова, куда былъ Алмазовъ приглашенъ на кондицію. По-знакомившись съ Алмазовымъ, Вѣра Николаевна стала его развивать, давала ему книги для чтенія, которыя онъ поглощалъ. При окончаніи курса въ семинаріи, Алмазова назначили въ академію. Но онъ уже успѣлъ полюбить Вѣру Николаевну,—предложилъ ей руку и отъ академіи отказался. Алмазовъ рѣшился поступить въ священники. „Не столкнись Алмазовъ съ Протопоповымъ и съ Вѣрою Николаевною, говоритъ авторъ хроники, онъ остался бы, быть можетъ, *рутиннымъ семинаристомъ*, теперь же онъ одушевленъ... въ немъ развилась *живая сила*... и онъ уже задается задачею быть *идеальнымъ пастыремъ сельскимъ* и въ этомъ найти высокое блаженство“... Какимъ благодарнымъ трудомъ представляется ему трудъ дѣйствовать на простой, воспріимчивый, неиспорченный классъ народа, избавить его отъ бѣдности, дать довольство, передать образованіе, исправить пороки, порожденные невѣжествомъ и суевѣріемъ, развить нравственность, заставить полюбить добро! „Я и жена, которую я люблю такъ, какъ никто никогда не

любилъ на свѣтѣ,—мечтаетъ передъ свадьбою Алмазовъ,—мы всегда живемъ среди этой спокойной, поэтической деревенской природы, съ дѣтьми, со старухой матерью моею; у насъ есть наша взаимная любовь, любовь къ дѣтямъ, и мы оба знаемъ, что наше назначеніе добро. Мы помогаемъ другъ другу идти къ этой цѣли... Я дѣлаю общія распоряженія, даю общія справедливыя пособія, завожу фермы, сберегательныя кассы, мастерскія; а она своею хорошенькою головкой, въ простомъ платьѣ, поднимая его надъ стройною ножкой, идетъ по грязи въ крестьянскую школу, въ сельскую больницу, къ несчастному мужику, и вездѣ утѣшаетъ, помогаетъ“...

Свадьба Алмазова съ Татищевой была сыграна у Протопоповыхъ. Пріѣхалъ въ городъ къ свадьбѣ и отецъ Алмазова, бѣдный пономарь Григорій Мартыновичъ. Но жениху стало стыдно взять къ Протопоповымъ отца, потому что тамъ должна была собратъся знать—разныя чиновники.

— Зачѣмъ намъ, батюшка, говорилъ сынъ отцу своему, конфузить чужія хоромы своею бѣдностію?.. Благослови меня здѣсь, въ этой комнатѣ, и твое благословеніе одинаково дорого для меня, —получу ли я его отъ тебя на постояломъ дворѣ, или въ хоромахъ совѣтника губернскаго правленія. Отецъ благословилъ сына въ чуланчикѣ на постояломъ дворѣ; но все-таки не утерпѣлъ, забрался на кухню къ совѣтнику, чтобы хоть отъ прислуги узнать, что дѣлается съ сыномъ... Вѣра Николаевна, узнавъ, что отецъ Алмазова въ кухнѣ, привела пономаря въ залъ и отрекомендовала гостямъ. Старикъ былъ внѣ себя отъ радости.

Послѣ свадьбы, молодые поѣхали въ приходъ свой „Быково“. По дорогѣ, давъ крюку, они завернули къ родителямъ Алмазова. Стариковъ одарили подарками, и даже пообѣщали имъ ежегодную пенсію: 200 рублей отъ Вѣры Николаевны (у ней было пять тысячъ приданаго) да 200 рублей отъ сына. — Явившись въ

приходъ, о. Алмазовъ созвалъ сходъ и сталъ просить себѣ квартиры. Но сходъ казенной квартиры ему не далъ. Тогда о. Александръ нанялъ домъ у вдовой попады за 300 рублей въ годъ въ пять комнатъ, и поселился въ немъ. О. Алмазовъ съ супругою рѣшили „сразу стать въ селѣ *на порядочную ногу*“, „жить по-человѣчески“. Поэтому квартиру они реставрировали. Домъ имѣлъ залъце, гостиную, женскій будуаръ, спальную и кабинетъ. И всюду въ домѣ была чистота и убранство. „Бѣлыя кисейныя занавѣсы на вѣсѣхъ окнахъ, ковры въ гостиной, будуарѣ, спальномъ и кабинетѣ, картины и зеркала на стѣнахъ, городская мебель вдоль стѣнъ придавала недавно неуклюжему дому характеръ уютнаго и довольно комфортабельнаго жилья“.

Съ перваго же воскресенія начинается пастырская дѣятельность о. Александра. За обѣдней онъ говоритъ своимъ прихожанамъ слово.

„Всѣ теперь говорятъ,—между прочимъ говорить прихожанамъ въ словѣ о. Алмазовъ,—что народъ намъ нужно вести къ лучшему. Но что такое *это лучшее*? Какія тутъ идеи, какія начала, какія цѣли? Вы укажете на народное просвѣщеніе, развитіе народной дѣятельности и такъ далѣе, а мы скажемъ, что если все это не основано на началахъ строго-нравственныхъ, не проникнуто высокимъ духомъ нравственнымъ, если при этомъ не имѣется въ виду нравственная жизнь народа, съ ея потребностями и законами, тогда все это—пустоцвѣтъ, гниль: скажемъ болѣе—все это легко обращается въ ложь и зло. Неужели же безнравственность можетъ быть добромъ и къ добру? Народъ! помни Бога!

И что такое этотъ народъ? Народъ есть сила живая, сознательная, нравственная. Его нельзя усовершенствовать пустыми учебниками, какъ машину.—Хотимъ ли мы въ самомъ дѣлѣ, чтобы народъ былъ *истинно образованнѣе*, гражданственнѣе, дѣятельнѣе и крѣпче въ своей жизни общественной, чтобы онъ

умѣлъ хорошо пользоваться своими народными силами и правами? Сдѣлаемъ его нравственнѣе, по крайней мѣрѣ дадимъ ему возможность и средства къ тому... А что сдѣлала европейская цивилизація съ первобытными народами, необразованными, когда пришла къ нимъ безъ религіи и нравственности? Она ихъ погубила. Народъ! помни Бога!—Есть въ жизни народной стороны, не подлежащія преобразованію. Это именно христіанская вѣра и нравственность. Но духъ нынѣшняго времени посягаетъ и на это! Ему кажется, что люди будутъ умнѣе и просвѣщеннѣе, если не будутъ обязаны вѣровать въ Бога, что народы будутъ счастливѣе, если не религія, а что нибудь другое, напр: *соціализмъ, матеріализмъ* (курсивъ подлинника) будутъ опредѣлять для нихъ правило нравственности. Чтожъ? Безъ дальнихъ разсужденій мы можемъ сейчасъ же повѣрить это умозаключеніе“ и пр. Въ проповѣди, какъ говоритъ авторъ хроники и какъ видитъ читатель, о. Алмазовъ „не прибѣгнулъ къ сухой схоластикѣ проповѣдей обыкновенныхъ, а прямо ударилъ въ жизнь современную“. Проповѣдь произвела „сильное впечатлѣніе“ на слушателей. Мало того, вызвала даже „враговъ“. Дочь помѣщика либералка Кашеварова, которая послѣ этой проповѣди увидѣла въ о. Александрѣ духовную силу, стала смотрѣть на о. Алмазова, какъ на „кровнаго врага“ своего.

Черезъ мѣсяць по пріѣздѣ въ „Быково“, о. Алмазовъ сталъ изучать свой приходъ, для чего завелъ „записную книжку“, въ которую заносилъ каждую семью своего прихода, осмотрѣнную имъ. На это дѣло о. Александръ ежедневно употреблялъ часъ или два. Вотъ, напр., посѣщаетъ онъ бѣднаго мужика Телятникова, у котораго больна жена. Посѣщеніе священникомъ дома семьѣ Телятникова кажется въ диковинку. „Зачѣмъ же тебѣ беспокоиться: мало ли насъ въ селѣ, ко всѣмъ и ходи?“ говоритъ Телятниковъ. Но мало того, пришла къ Телятникову и супруга о. Александра, Вѣра Николаевна, — принесла большой горчичники, фунтъ сахару и полфунта малины...

— „Боже мой! думаль о. Александръ, уходя отъ Телятникова и припоминая его бѣдную обстановку. — И это мой прихожанинъ; мой *кормилецъ*, и онъ долженъ *кормить меня?* Это ужасно! *Побираться у нищаго со сумою*, — да это святотатство!.. Банкъ, сельскій банкъ надобно скорѣе завести здѣсь“.

Въ другіе дни о. Алмазовъ заходитъ къ другимъ прихожанамъ. Одному даетъ выговоръ, зачѣмъ онъ изувѣчилъ и прогналъ свою жену и связался съ распутной солдаткой; другому дѣлаетъ наставленіе о гнусности воровства, и т. п. Не прошло 4-хъ мѣсяцевъ пастырскаго служенія о. Александра, какъ онъ успѣлъ уже заслужить себѣ репутацію передоваго священника въ уѣздѣ, такъ что на первомъ созваніи земскаго собранія ему было поручено духовенствомъ сказать рѣчь. — И о. Александръ, говоритъ авторъ хроники, не посрамилъ себя, сказалъ рѣчь, которая произвела сильное впечатлѣніе на всѣхъ слышавшихъ ее, а духовенство низкими поклонами привѣтствовало о. Александра, какъ „передоваго бойца“... — Да, отцы! отвѣчайте имъ Алмазовъ, — *пора намъ проснуться* отъ сна латаргическаго и *дѣйствовать*.

На земскихъ выборахъ о. Алмазовъ былъ избранъ гласнымъ земства.

Наступилъ праздникъ Рождества Христова. Нужно было „славить Христа“ по приходу. Но вспомнивъ всѣ неудобства славленія: и возможные отказы, и нечистоту избѣ, въ которыхъ можно встрѣтить молодыхъ телятъ, ягнятъ и пр., и дымъ избной, — о. Алмазовъ, „чтобы не унижать своего сына“, рѣшился пока оставить это славленіе по приходу, предоставивъ оное совершать дьякону и причетнику, какъ „людямъ единственно только питающимся отъ этого униженія предъ мужиками“.

Болѣзнь и смерть прислуживавшей у Алмазовыхъ крестьянки Маши побудила о. Александра скорѣе устроить сельскую больницу и аптеку. Вѣра Николаевна соглашалась съ мужемъ: „Непремѣнно! Непре-

мѣнно!“ „Едва произнесла она эти слова, какъ послышался дорожный колокольчикъ; тройка подъѣхала къ крыльцу и въ переднюю вошелъ молодой человекъ“,—врачъ (передовой, идеальный) Геденовъ. Геденовъ одобрилъ намѣреніе о. Алмазова. Но вопросъ: гдѣ взять денегъ? Рѣшено было устроить попечительство. О. Алмазовъ сказалъ проповѣдь „о боготворительности“ (благотворительности?), въ которой убѣждалъ прихожанъ къ открытію попечительства. Попечительство дѣйствительно было открыто и предѣдателемъ избранъ былъ самъ о. Александръ. Первою дѣятельностію попечительства было закрытіе въ селѣ пяти кабаковъ, вмѣсто которыхъ былъ оставленъ одинъ кабакъ съ платой 1000 руб. въ годъ въ пользу попечительства. Потомъ дало много денегъ попечительству устройство плотины на рѣкѣ. О. Алмазовъ собралъ сходъ и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы въ слѣдующее воскресенье 50 дворовъ привезли хворосту къ рѣкѣ, 50 дворовъ старой соломы, 100 дворовъ навозу, 50 дворовъ съ береговъ нарыли земли... Еще до обѣдни въ воскресенье 50 мужиковъ вбили 12 свай для плотины; а послѣ обѣда до 300 работниковъ живо устроили на рѣкѣ плотину. Плотина была отдана въ аренду по 500 р. въ годъ богатому землевладѣльцу Вакулѣ Лысому для мельницы, съ условіемъ 1500 р. внести немедленно для устройства школы. Вакула взялся самъ выстроить школу. Черезъ три недѣли училище было уже выстроено,—училище большое, на 12 саженьяхъ длины и 5 ширины. При освященіи училища, о. Алмазовъ сказалъ проповѣдь, которая доставила множество учениковъ въ школу. Съ мальчиками въ новоустроенной школѣ занимался самъ о. Александръ, а съ дѣвочками супруга. Вѣра Николаевна завела руководѣльную, при чемъ нитки, иголки, шерсть и пр. раздавались дѣвочкамъ безденежно.

Къ горю о. Алмазова въ школу, имъ устроенную, инспекторомъ народныхъ училищъ были назначены учитель и учительница — нигилисты, которые стали

развращать дѣтей. Только благодаря прїѣзду въ село архіерея, о. Алмазову удалось выжить изъ школы нигилистовъ. Въмѣсто изгнанныхъ учителей, о. Александръ, на подмогу себѣ для занятія съ младшими мальчиками, беретъ причетника съ жалованьемъ 120 р. въ годъ, (которому за 60 р. въ годъ назначаетъ еще торговлю книгами въ книжной лавкѣ при училищѣ); для занятія съ старшими дѣвочками по прежнему беретъ Вѣру Николаевну, а для занятія съ младшими дѣвочками приглашаетъ дьякона своего тоже за 120 р. въ годъ.

Открывъ школу, о. Алмазовъ открываетъ сначала больницу съ сидѣлкой (тещей дьякона) за 120 р.,—потомъ богадѣльню со смотрительницей (женой дьякона) тоже за 120 р. въ годъ.—пріютъ для нищихъ;—пріобрѣтаетъ казенные дома для духовенства: священнику въ 1000 рублей, дьякону въ 450 р., пономарю въ 300 р.; при каждомъ открытіи, говоритъ онъ, обыкновенно, сильную проповѣдь.

Быковское попечительство хотя тратило большія суммы на расходы по устройству училища, богадѣльни и больницы, но и постоянно находило новые источники доходовъ. О. Алмазовъ, замѣчаетъ авторъ хроники, уклонялся отъ молебновъ частныхъ, напр. по случаю сруба избы, удачной торговли, пожалуй, угара (особыя выдумываемыя дьякономъ прошенія въ этихъ случаяхъ въ родѣ: „о еже въ комнатѣ сей не угарати, и печкѣ сей не дымитися, Господу помолимся“—были противны его убѣжденіямъ), и напротивъ поощрялъ молебствія общественныя. Молебствіе объ избавленіи отъ саранчи дало попечительству до 1000 р. Хотя саранча выпала на поля и огороды въ несмѣтномъ количествѣ (зелени было не видно, деревья ломались отъ тяжести), однако во время молебствія, „какъ бы гонимая нѣкою невидимою силою, съ необыкновеннымъ шумомъ поднялась съ своихъ мѣстъ и въ несмѣтныхъ, непроницаемыхъ массахъ, заслонившихъ самые лучи солнца... на протяженіи пяти верстъ

устремилась вонъ изъ селенія“.—Послѣ благодарственнаго молебна о. Алмазовъ предложилъ въ рѣчи прихожанамъ, въ благодарность Богу, пожертвовать по 1 р. съ десятины на устройство больницы.

На свадьбѣ врача Гедеонова, друга о. Алмазова, въ ознаменованіе свадебнаго дня было собрано 1750 р. для пріюта нищихъ. Пожаръ въ „Быковѣ“ ускорилъ открытіе сельскаго банка. Рѣшено было уполномочить доктора Гедеонова исхлопотать у земства 3000 р. заимообразно въ банкъ, Вѣра Николаевна дала 500 р., Осокинъ 500 р., Часовниковъ 1000 р., Вакула Лысый 1000 р. И сельскій банкъ осуществился. Хотя за свою энергичную дѣятельность о. Александръ Алмазовъ вообще пользовался уваженіемъ прихожанъ; но были у него и враги, которые привлекли его даже къ отвѣтственности. Одного прихожанина о. Александра, старика Трофима, нашли въ канавѣ мертвымъ. Сосѣди говорили, что Трофимъ былъ въ кабакѣ и, идя изъ кабака домой, пьяный свалился въ канаву. О. Александръ, считая Трофима вообще за человѣка хорошаго, похоронилъ его безъ суда и слѣдствія. Къ о. Александру явился старшина съ допросомъ: по какому праву онъ осмѣлился похоронить безъ суда и слѣдствія человѣка, умершаго не своею смертію?

— Почтенный старшина! Если бы ты не былъ круглымъ невѣждой въ теологіи; то я доказалъ бы тебѣ, что смерть Трофима не есть актъ человѣческой воли, желанія, намѣренія; значить тутъ смертнаго грѣха самоубійства нѣтъ! Тѣмъ не менѣе на о. Александра сдѣланъ былъ доносъ благочинному. На допросѣ предъ благочиннымъ и архіереемъ, которому донесъ благочинный объ этомъ дѣлѣ, о. Александръ оправдывается тѣмъ, что старика онъ зналъ за образцоваго человѣка въ приходѣ. Архіерей оправдалъ Алмазова, — назвалъ его даже „благороднымъ и энергичнымъ“, а благочиннаго смѣнилъ.

Черезъ два года пастырской дѣятельности, когда введено было выборное начало, о. Александръ былъ избранъ благочиннымъ. Черезъ годъ затѣмъ онъ (за трехлѣтнее служеніе) былъ награжденъ скуфьею, а въ слѣдующій годъ получилъ наперстный крестъ.

Но въ 1871 г. дѣятельность о. Алмазова въ „Быковѣ“ прервалась. Вѣра Николаевна умерла отъ родовъ. Оставшись одинокимъ, о. Алмазовъ поступилъ въ академію; а проучившись годъ въ академіи, принялъ монашество.

Типъ священника міроѣда, смотрящаго на прихожанъ, какъ на хамовъ, не закончился о. Андреемъ въ „Велѣно прискивать“, а еще въ болѣе рѣзкихъ чертахъ выведенъ въ лицѣ отца Стефана въ разсказѣ Р. Сосны: „Отецъ Иванъ и отецъ Стефанъ“ (Вѣстникъ Европы, 1881 г.).

О. Стефанъ — младшій священникъ въ селѣ Лемехахъ—былъ человекъ высокаго роста, съ рыжеватой окладистой бородой и непричесанными волосами. Ходилъ быстро, гордо поднимая голову; въ рукѣ держалъ палку „орудіе угрозы“. По отзыву знающихъ о. Стефана, это былъ „страшный человекъ“, „мстительный“. Ни одной обиды, ни одного оскорбленія не забывалъ онъ. Крестьяне - прихожане боялись его, какъ огня. Еще далеко завидя его, они снимали шапки и кланялись. Ребятишки, игравшіе на улицѣ, при его приближеніи, пугливо разбѣгались. „Если о. Стефанъ входилъ въ чью либо хату, это значило, что онъ пришелъ просить. Впрочемъ, — онъ не просилъ, а требовалъ“. Недовольный чѣмъ нибудь, онъ ругался, и ругался такъ, что „въ этомъ отношеніи ни одинъ пьяный мужикъ не могъ бы перещеголять его“ (?!). Требованія о. Стефана были таковы, что никто не рѣшался отказать ему.

Дай мнѣ гречихи,—говорилъ о. Стефанъ хозяину, отчеканивая каждое слово. А голосъ его былъ громкій, грубый. Тонъ рѣчи не допускалъ возраженій. Крестьянинъ приносилъ гречихи.

— Хлѣба!

Мужикъ давалъ хлѣба.

— Масла!

Хозяйка безропотно уходила и черезъ минуту возвращалась съ горшечкомъ масла, которое она такъ долго, съ такой заботой собирала къ празднику, который скоро подойдетъ. Случалось и такъ, что у хозяйки не оказывалось масла, и она съ сокрушеннымъ сердцемъ признавалась, что не могла собрать: корова молока не даетъ.

— Займи, а мнѣ дай,—спокойно говорилъ о. Стефанъ. И она занимала, и онъ никогда не уходилъ съ пустыми руками.

Все боялись мстительности о. Стефана. И нужно сказать, что о. Стефанъ такъ былъ мстителемъ, что ни передъ чѣмъ не останавливался. „Для него, говоритъ авторъ разсказа, ничего не было святаго, чтобы внушить ему благоговѣнiе, чтобы удержать его. Это былъ атеистъ въ рясахъ священника. Это былъ служитель алтаря, въ которомъ для него не было Божества“ (!).

Случится у прихожанина какая нибудь треба, о. Стефанъ начинаетъ мудрить надъ своими прихожанами. Крестить онъ, положимъ, младенца, — и вдругъ даетъ ему какое нибудь ужасное для народнаго слуха имя, напр. Пудъ. Крестьянинъ просить о. Стефана переимѣнить имя. А тотъ начинаетъ подсмѣиваться надъ мужикомъ. „Глупый ты человекъ, какъ я посмотрю на тебя,—говоритъ отецъ Стефанъ,—не обидѣлъ я тебя, а заплатилъ добромъ за твое зло.—Я просилъ у тебя... Можетъ, фунтъ какой удовлетворилъ бы меня и тебя бы не раззорилъ. Ты отказалъ. Теперь, я тебѣ далъ—Пудъ, и ты не доволенъ. Видишь,—я не скупъ; я и Пуда для тебя не пожалѣлъ“. Разъ крестьяне, за неимѣниемъ, не дали о. Стефану коляды, — и о. Стефанъ отомстилъ имъ самымъ жестокимъ образомъ. Былъ постъ. Прихожане исповѣдывались. О. Стефанъ каждого изъ недавшихъ ему коляды послѣ исповѣди заставлялъ класть поклоны.

„Послѣ вечерни — говорить рассказъ — вышелъ отецъ Стефанъ изъ алтара въ своемъ черномъ облаченіи и обратился къ народу, безмолвно стоящему предъ нимъ:

— Братіе!—воскликнулъ онъ,—видите вы сихъ, стоящихъ предъ алтаремъ Всевышняго, Создателя нашего и Искупителя? Они наказаны. И не я ихъ наказалъ. Самъ Господь Богъ, въ лицѣ меня, недостойнаго пастыря, наказалъ ихъ. Я пастырь вашъ, поставленный надъ вами Богомъ, а они оскорбили меня. Да, братіе, взирайте! Они оскорбили меня, они нанесли мнѣ смертельную рану. Мнѣ, своему пастырю, они пожалѣли удѣлить отъ своего избытка, они...

И онъ заплакалъ...

— Развѣ мнѣ много надо? Ну, скажите, развѣ мнѣ много надо?

Онъ продолжалъ плакать.

— Вы видите, братіе, я плачу. Да, я плачу о вашихъ грѣхахъ. Я молю Бога, чтобъ Онъ отпустилъ ихъ вамъ, ибо Онъ милосердъ; но за то, что они оскорбили своего пастыря, Господь *отвергаетъ* ихъ. Онъ не хочетъ допустить ихъ къ себѣ. А я, по власти дарованной мнѣ Богомъ и по волѣ Бога, *отлучаю* ихъ отъ церкви и святаго причастія и предаю ихъ анаѣемѣ.

Микитичъ (причетникъ), заранѣе увѣдомленный,—торжественно и громогласно пропѣлъ на клиросѣ: анаѣема! анаѣема! анаѣема!.. Народъ стоялъ безмолвный, недвижимый, онѣмѣвшій, не зная, что дѣлать“...

Отлученные плакали... Тяжесть отлученія такъ поразила и давила ихъ, что „они не смѣли поднять своихъ очей на алтарь, не смѣли глянуть на лики святыхъ, смотрѣвшихъ на нихъ со всѣхъ сторонъ. Они не знали, что имъ думать, что имъ дѣлать“. Рѣшились идти къ о. Стефану и просить о помилованіи. О. Стефанъ оказался неумолимъ: „Нельзя, нельзя и нельзя. Не просите, не молитесь. Я отлучилъ васъ отъ церкви и не жалѣю. Вы изгнанные члены,

вы изсохшіе сучья, которые надо обрубить. Я и обрубил. Ступайте“!

Отлученные отъ церкви прихожане обращаются за помощью къ другому священнику села Лемеховъ о. Ивану; но тотъ боится о. Стефана, отъ помощи отказывается, — совѣтуетъ обратиться къ благочинному. Чтобъ успѣшнѣе было дѣло, мужики идутъ къ благочинному — протопопу съ подаркомъ: несутъ бутылку вина и пѣтуха. Дѣло бы по всей вѣроятности какъ нибудь уладилось (пѣтухъ протопопицѣ понравился), да случилось несчастіе. Пѣтухъ вырвался у хозяина изъ рукъ. Черезъ столъ бросился къ окну и, неподозрѣвая преграды, разбилъ стекло. Между тѣмъ бутылка, стоявшая на столѣ, и графинъ съ квасомъ опрокинулись на колѣна отца протопопа, и квасъ залилъ его атласный подрясникъ.

— Вонь! вонь! Чтобъ на глаза не смѣли никогда показываться“. Смущенные мужики, по милости пѣтуха, должны были удалиться ни съ чѣмъ. О. Стефанъ торжествовалъ. „Жалуйтесь, пожалуй, говорилъ онъ мужикамъ. Не только къ протопопу, хоть къ архіерею отправляйтесь,—я никого не боюсь. И знать никого не хочу. У меня дядя въ синодѣ служить“...

Быль ли дядя у о. Стефана въ синодѣ, неизвѣстно; но благочинный изъ-за „дяди въ синодѣ“ боялся о. Стефана, и притворялся незнающимъ о поступкахъ его. Доходили слухи объ о. Стефанѣ и до архіерея. Но преосвященный думалъ: „благочинному эти дѣла лучше знать, а онъ не доносить, слѣдовательно это ложь и клевета“...

Случилось такъ, что крестьяне рѣшились наконецъ жаловаться на отца Стефана и самому архіерею. О. Стефанъ не сталъ хоронить одной женщины. Сначала обратились мужики къ становому. „Становаго дѣйствительно возмутилъ подобный фактъ, да и кого онъ не возмутилъ бы, кромѣ самихъ духовныхъ отцовъ, слишкомъ привыкшихъ ко всему подобному“ (?). Но становой безъ священника сдѣлать ни-

чего не могъ. Обращались лемеховцы къ другому священнику своего села, потомъ къ благочинному, — и тоже толку не вышло никакого. Обратились наконецъ лемеховцы къ архіерею. Архіерей жалобѣ мужиковъ не повѣрилъ: благочинный-де бы донесъ о безобразіи о. Стефана если бы оно случилось, и далъ мужикамъ только пастырское наставленіе. „Братіе, грѣхъ великій жаловаться, — терпите, вѣдь вы христіане, а Христосъ то, Спаситель нашъ, развѣ столько терпѣлъ? Васъ притѣснили немного, вы ужъ и жаловаться... терпите, а я Богу за васъ буду молиться, чтобы Онъ вамъ терпѣнія послалъ“. Не найдя удовлетворенія въ просьбѣ даже у архіерея, лемеховцы перестали писать прошенія и покорились неизбежному злу. О. Стефанъ послѣ этого случая еще выше поднялъ голову. Въ одинъ праздникъ, когда церковь была биткомъ набита народомъ, о. Стефанъ не вздумалъ служить обѣдню. Колоколъ звонилъ-звонилъ, не переставая, народъ ждалъ-ждалъ службы, священникъ не идетъ. Вдругъ... является и о. Стефанъ. Причетникъ быстро зачиталъ часы, „по церкви такъ и раздавалось: по-ми-насть, по-ми-насть... (помилуй насть)“. О. Стефанъ, пройдя въ алтарь, облачился, раскрылъ царскія врата и произнесъ: Влагословенно царство и пр.

— Аминь... подхватилъ было Никитичъ.

— За молчи, скотина, — вскрикнулъ на него о. Стефанъ. Никитичъ съежился, и не зналъ, что ему дѣлать. Отецъ Стефанъ снова началъ.

— Влагословенно царство Отца и Сына и Св. Духа, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь! Произнесъ онъ самъ и особенно громко. Затѣмъ вышелъ, сдѣлалъ отпущекъ, какъ по окончаніи обѣдни и снова ушелъ въ алтарь. Снявъ облаченіе, онъ пошелъ домой. Народъ стоитъ въ недоумѣніи. „Что жъ вы стоите, обратился онъ къ народу, — вѣдь, я сказалъ аминь. Аминь, значитъ конецъ. Служба кончена. Ступайте по домамъ, пора обѣдать“. Одна баба стала умолять отслужить молебень за больнаго..

— Нельзя! Крикнулъ на нее о. Стефанъ такъ, что она отлетѣла въ другой уголь.

За свои проступки о. Стефанъ не только избѣгалъ наказаній, онъ умѣлъ даже получать награды. Устроилъ о. Стефанъ номинально въ своемъ домѣ школу. Въ отчетахъ о школѣ онъ сообщалъ, что школа преуспѣваетъ, что учениковъ уже болѣе тридцати человекъ, хотя на дѣлѣ всего было трое, да и съ тѣми занимался не онъ, а причетникъ. Являлись въ школу ревизоры, но о. Стефанъ умѣлъ ихъ обмануть, говоря, что ученики только что распущены по домамъ и что въ школѣ оставлено только трое самыхъ плохихъ. При этомъ онъ высказывалъ жалобу на невниманіе со стороны начальства къ его трудамъ по школѣ. Въ поощреніе о. Стефана къ школьнымъ занятіямъ инспекторъ народныхъ училищъ выхлопоталъ ему камилавку.

Впрочемъ, буйство о. Стефана не прошло же совершенно безнаказанно. Послѣ того какъ онъ избилъ своего товарища священника о. Ивана, изъ-за сельской святыни—иконы, о. Стефана сослали въ монастырь подъ начало. Пробывъ нѣкоторое время въ монастырѣ, о. Стефанъ не успокоился, а сталъ „воевать“ попрежнему, что не помѣшало ему получить современемъ протоіерейство.

Старшій священникъ въ Лемехахъ о. Иванъ составлялъ противоположность о. Стефану;—онъ былъ мягкій священникъ, съ мечтательнымъ складомъ ума. Въ семинаріи о. Иванъ не отличался блестящими способностями, но числился въ первомъ разрядѣ. Вралъ усидчивымъ трудомъ. Оканчивая курсъ въ семинаріи, онъ думалъ поступить въ священники, Впрочемъ не задумываясь: будетъ ли способенъ къ пастырскому служенію? Для поступленія въ священники нужно было о. Ивану жениться. Всѣ дѣвушки, какихъ зналъ онъ, казались ему похожими одна на другую: ни убѣжденій у нихъ, ни взглядовъ, ничего сознательнаго, кромѣ желанія выйти замужъ, онъ не видѣлъ. Поэтому

женился о. Иванъ, какъ говорится, на обумъ. Невѣстѣ онъ не нравился, но она вышла за него изъ своихъ расчетовъ. „Смирный будетъ слушаться и уважать; подружки будутъ завидовать, что скоро вышла“. Жена о. Ивана оказалась личностію холодною, суровою, — и скоро прибрала мужа къ своимъ рукамъ. Хорошая хозяйка и экономка, съ утра до вечера занятая работой, Настасья Петровна супруга о. Ивана постоянно казалась разсерженной. Кричала и на дѣтей, и на мужа. О. Иванъ съ годами привыкъ къ крику и брани жены, сроднился съ ними. Даже болѣе, онъ сталъ жить жизнью жены. „Она думала за него, дѣлала за него. Спросить ли бывало его кто либо о чемъ, онъ отвѣчаетъ: подожди, вотъ пойду у попадьи спрошу, — что она скажетъ“. Въ своихъ прямыхъ обязанностяхъ: отслужить обѣдню, причастить больного, похоронить, окрестить — онъ не зналъ ничего, исключая развѣ своего сада, о которомъ заботился онъ, а не жена.

Какъ священникъ о. Иванъ былъ пріятнымъ священникомъ, даже по своей внѣшней фигурѣ. „Роста онъ былъ немного выше средняго; худой, съ клинообразной темнорусой бородкой, съ задумчиво спокойнымъ выраженіемъ лица, онъ напоминалъ исповѣдниковъ христіанской церкви первыхъ вѣковъ, какъ ихъ обыкновенно изображаютъ на стѣнахъ и дверяхъ церкви. Злоба казалось, не могла быть причастна его дѣтски-любящей, дѣтски-довѣрчивой натурѣ. Ходилъ онъ обыкновенно немного сторбившись, наклонивъ голову, о чемъ-то размышляя“.

Жилъ о. Иванъ, по словамъ его самого, потихоньку, помаленьку, смирененько, какъ слѣдуетъ добрымъ людямъ. Исполнялъ хозяйственныя обязанности: пахаль, сѣяль, косилъ; исполнялъ пастырскія обязанности: крестилъ, причащаль, вѣнчалъ, хоронилъ. — Книги и газетъ о. Иванъ не выписывалъ, да и не интересовался ими. „Что намъ за дѣло до того, что совершается на бѣдомъ свѣтѣ? разсуждалъ онъ. Міръ великъ,

жителейское море широко, его не исчерпать. Желаніе много знать есть желаніе суетное, — грѣшное. Да и зачѣмъ? Наши Лемехи, наша семья — вотъ нашъ міръ. Есть у насъ въ этомъ мірѣ свои и скорби и радости, свои потери и пріобрѣтенія; свои побѣды и пораженія. — Родится кто въ царствующемъ домѣ, мы и безъ того узнаемъ, узнаемъ и безъ газетъ: Государь пришлетъ манифестъ, мы отслужимъ молебень и на ектењи новое имя станемъ произносить. Война настанетъ, намъ также объявятъ, чтобъ мы молились за успѣхъ русскаго воинства. Миръ заключатъ, опять таки мы узнаемъ, и все безъ газетъ. Начто же намъ газеты? А что тамъ разныя мелкія событія бываютъ, такъ Господь съ ними! Намъ одно желательно, чтобъ прожить свой вѣкъ тихо и мирно; чтобъ насъ не трогали и не обижали. Что намъ за дѣло до того, что дѣлается въ святѣйшемъ синодѣ? Когда придутъ къ важному рѣшенію, намъ скажутъ; а заранѣе знать всякія предположенія намъ нѣтъ никакой нужды. Возвышать свой голосъ... ну, куда намъ соваться?! Тамъ ужъ не подстать нашимъ. Развѣ насъ послушаютъ? Только гнѣвъ на себя можно навлечь этимъ“

О. Иванъ искалъ тишины и мира; но мало онъ видѣлъ мира даже въ своемъ домѣ. Настасья Петровна, какъ уже замѣчено, постоянно бранилась. О. Ивану не мало доставалось отъ жены, особенно за сборы по приходу. Посылаетъ жена о. Ивана, положимъ, собирать „коляду“. О. Иванъ ходитъ по приходу исправно. Но мужики, зная его доброту и слабость, даютъ ему мало, а въ иномъ домѣ и ничего не даютъ. Домой является о. Иванъ усталый, — ему нужно отдохнуть. А жена накидывается на него съ бранью. „Такъ это по твоему слава Богу? — гнѣвно восклицаетъ она, ворочая мѣшки:—чтожъ тутъ? вишь, вишь ты! Развѣ столько слѣдовало бы, если бъ ты добрый былъ, если бъ ты былъ, какъ люди“? И въ примѣръ указываетъ на его сослуживца о. Стефана, который умѣетъ свое взять съ прихожанъ. Прихо-

жане боялись Настасья Петровна, не меньше о. Стефана. „Обыкновенно крестьянинъ, идя къ о. Ивану общалъ поставить свѣчку Николаю Угоднику, если мицуетъ матушку“. Если мужикъ, по мнѣнію матушки, мало давалъ о. Ивану хлѣба, то она начинала бранить мужика. „Брань кончалась тѣмъ, что мужикъ долженъ былъ уплатить удесятеренную контрибуцію хлѣбомъ, гречихой, овсомъ, льномъ и т. п. И онъ готовъ уплатить; онъ охотно соглашался; лишь бы освободиться отъ этого крика“.

Въ свободное время (котораго было чрезвычайно много) о. Иванъ ничего не дѣлалъ, а ходилъ изъ угла въ уголь въ своей комнатѣ и думалъ, или вѣрнѣе, мечталъ... О. Ивану хотѣлось написать сочиненіе, въ которомъ было бы доказано, что антихристъ долженъ возстать изъ Рима. Это сочиненіе, по мнѣнію о. Ивана, должно было раскрыть всѣмъ глаза. Вотъ объ этомъ-то сочиненіи онъ и думалъ, — и что особенно его занимало: о. Иванъ надѣялся своимъ сочиненіемъ обратить на себя вниманіе и получить чрезъ сочиненіе камилавку, наперсный крестъ, протоіерейство.

Хотя о. Иванъ былъ тихій священникъ, однако его сотоварищъ по приходу сгубилъ его. Прежде всего о. Стефанъ до глубины души потрясъ о. Ивана полученіемъ камилавки за несуществовавшую школу (о которой, т. е., камилавкѣ, такъ мечталъ о. Иванъ); а потомъ подвелъ подъ судъ. Въ селѣ Лемехахъ была чтимая икона. Такъ какъ икона давала доходъ, то чтобъ не было обидно ни тому, ни другому священнику, духовное начальство велѣло имъ служить молебны понедѣльно. Въ одну изъ недѣль о. Стефана попросили его отслужить молебенъ предъ чтимой иконой у одного прихожанина на дѣмѣ. О. Стефанъ не захотѣлъ служить молебна. Тогда обратились съ просьбою къ о. Ивану. О. Иванъ, хотя и боялся мести о. Стефана, рѣшился однако удовлетворить просьбу, думая только отслужить молебенъ, а деньги за молебенъ передать о. Стефану. Икону понесли изъ цер-

кри. О. Иванъ пошелъ вслѣдъ за иконой. Вдругъ изъ-за угла появился о. Стефанъ.

— Стой! — крикнулъ онъ страшнымъ голосомъ, весь поблѣвшій, дрожащій отъ злости.

Несшіе икону остановились.

— Какъ! въ мою седмицу!... отнимать у меня доходы... не дамъ... не позволю... долой икону!.. не смѣйте дальше нести.

Начался страшный шумъ. Народъ бѣжалъ со всѣхъ сторонъ, думая, что случилось какое-либо несчастіе.

— Долой икону!—кричалъ о. Стефанъ не своимъ голосомъ. И страшныя непередаваемая ругательства сыпались на головы носильщиковъ, нерѣшавшихся опустить икону на землю.

— Не забывайте, что вѣдь это икона, — дрожащимъ голосомъ проговорилъ отецъ Иванъ;—ступайте дальше, обратился онъ къ несшимъ икону. Но это переположило чашу.

— А!—почти прохрипѣлъ отъ злобы отецъ Стефанъ. Онъ въ одну минуту подскочилъ къ отцу Ивану—раздалась громкая пощечина.

Отецъ Иванъ зашатался.

Раздалась вторая пощечина.

Отуманенный обидою, съ сверкающими глазами, защищаясь, отецъ Иванъ безсознательно замахнулся крестомъ. Бышимъ въ его рукахъ и ударилъ отца Стефана по головѣ. Крестъ сломался на нѣсколько частей. Разсвирѣпѣвшій о. Стефанъ вцѣпилъ въ бороду отца Ивана и повалилъ его на землю. Что было тутъ дальше, не повернется рука описывать“...

Послѣ драки, о. Ивана съ о. Стефаномъ сослали въ монастырь на исправленіе. По выходѣ изъ монастыря, какъ уже сказано, о. Стефанъ пошелъ въ гору; а о. Иванъ сталъ пить и пить,—и вскорѣ снова попалъ въ монастырь на исправленіе.

Тотъ же въ основныхъ чертахъ типъ, что и отца Ивана, былъ выведенъ въ слѣдующемъ году въ лицѣ

отца Герасима въ разказѣ И. Салова — „Бдетъ!“ (Отеч. Записки, 1882 г.).

О. Герасимъ внѣшней фигурой своею не походилъ на отца Ивана, — онъ былъ человѣкъ „весьма плотный, крѣпкаго сложенія и съ кругленькимъ брюшкомъ, значительно поднимающимъ передъ его рясы“. О. Герасимъ былъ добродушнѣйшій, тихій и безобидный человѣкъ. Онъ никогда никого не обижалъ, никому никогда не сказалъ дерзкаго слова, — и за это заслужилъ любовь отъ своего прихода. О. Герасимъ былъ не жаденъ, поэтому не вводилъ въ своемъ приходѣ ни таксъ за совершеніе требъ, ни какихъ либо сборовъ и натуральныхъ повинностей; онъ не собиралъ на пасху яйцами и пирогами и даже конфузился за дьякона и дьячка, ходившихъ въ это время съ карманами, наполненными яйцами. — Держалъ себя о. Герасимъ просто и ровно со всѣми. Любилъ выпить водочки, но пилъ въ мѣру. Чтеніемъ не занимался; даже „не распечатывалъ“ Епархіальныхъ вѣдомостей. „Тоже и чтеніе, говорилъ онъ: — на кого какъ дѣйствуетъ. Иному оно въ пользу, а иной изъ прочитаннаго только и почерпнетъ самое что ни на есть негодящее; мысли-то не пойметъ, а верхушку подхватитъ“. Если за доброту о. Герасима и любилъ приходъ, то причтъ недолюбливалъ. „Этакъ не жрамши насидишься, у насъ дѣти“, жаловался причтъ на отца Герасима.

Выходили у о. Герасима непріятности и съ своею супругой. Какъ о. Герасимъ былъ тихъ и скромнень, подобно о. Ивану, такъ и матушка о. Герасима, подобно Настасьѣ Петровнѣ, была бойка, шумлива и постоянно всѣмъ недовольна, отличаясь впрочемъ отъ послѣдней лѣнностію, бездѣятельностію и легкомысліемъ. — Много разговаривать отецъ Герасимъ не любилъ; говорилъ едва слышно какими-то отрывочными фразами, словно только намекалъ. „Эхъ, скажетъ бывало, — обѣдня завтра!“ и всякому становилось ясно, что отцу Герасиму служить обѣдню не

хочется. Вслѣдствіе безхарактерности о. Герасима, прихожане надавали ему не мало прозваній. Одни называли его „тряпкой“, другіе „бабой“, третьи „мокрой курицей“, а одинъ шутникъ—управляющій далъ ему кличку „попадывнъ подмастерье“. „Мѣткое названіе это, говоритъ Саловъ, подходило къ нему, какъ нельзя лучше“.

Въ прошломъ году, этотъ же типъ священника, только въ болѣе благообразномъ видѣ, былъ представленъ въ лицѣ о. Павла въ повѣсти „Тернистый путь“ („Вѣкъ“).

О. Павелъ Покровскій, по повѣсти,—бѣдный священникъ Литвиновскаго погоста. Сынъ дьячка, Покровскій рано лишился родителей и съ грѣхомъ пополамъ былъ воспитанъ однимъ суровымъ родственникомъ. Учасъ въ духовномъ училищѣ, онъ крайне бѣдствовалъ. Въ семинаріи же былъ принятъ на казенное содержаніе. Въ богословскомъ классѣ Покровскій обнаружилъ любовь къ проповѣди. Но вотъ онъ и кончилъ курсъ. Прошли выпускные экзамены. Положеніе Покровскаго было безвыходное: дѣваться некуда. На счастье или несчастье Покровскаго, пріѣзжаетъ въ городъ жена благочиннаго изъ села Лохчанокъ и ищетъ жениха для мужниной крестницы. Покровскій изъявилъ желаніе поступить на предлагаемое мѣсто съ согласіемъ взять и предлагаемую съ мѣстомъ невѣсту. Сваха говорила жениху, что „невѣста его—нрава добраго, тихаго, и будетъ ему хорошею женой“. Покровскій повѣрилъ сказанному и ни о чемъ больше не заботился. Что невѣста сирота, это возвышало еще ея цѣну въ глазахъ Покровскаго. Покровскій думалъ, что они, оба сироты, поймутъ другъ друга и жить будутъ хорошо. Приходъ о. Павлу Покровскому достался умѣренный, а онъ, при своей добротѣ, сдѣлалъ его въ отношеніи къ духовенству даже бѣднымъ приходомъ. Церковной земли въ приходѣ не существовало. О. Павелъ долженъ былъ жить ругою, то есть получать съ крестьянъ вату-

рою — известное количество хлѣба, овощей и всего прочаго. Смотря по человѣку, для однихъ изъ духовенства лучше обезпеченіе ругою, для другихъ — землей. Дѣло въ томъ, говоритъ авторъ „Тернистаго пути“, что хотя народъ признаетъ законность руги, но въ теоріи, а на практикѣ плохо выплачиваетъ ее, если священникъ не употребляетъ со своей стороны вымогательствъ. Собирая ругу по крестьянскимъ дворахъ, священнику приходится по десяти разъ приставать къ каждому мужику, то изъ-за пуда сѣна, изъ-за мѣрки картофеля, просить, хитрить, кланяться, унижаться и въ концѣ концовъ получать въ видѣ милостыни то, что ему слѣдовало по праву. Священники ближайшихъ селъ къ Литвиновскому погосту не стѣснялись попрошайничества. „Что бы они не увидали у крестьянъ (говоритъ авторъ), — все имъ сейчасъ подавай! Овецъ ли кто стрижетъ, — дай шерсти! Холстъ ли бабы бѣлятъ, — отрѣжь холста! Дай ржи, дай овса, дай капусты, масла, сметаны! Дай всего, что только можетъ появиться въ незатѣйливомъ хозяйствѣ мужика — даже до самыхъ орудій земледѣльческихъ“. Чтобы получить все это, духовенство „все шуточками да прибаутчками себѣ дорогу прокладываетъ къ разному добру мужицкому“, не брезгуетъ для корыстной цѣли и винцомъ угостить крестьянина. — Но литвиновскій священникъ о. Павелъ не походилъ на своихъ сосѣдей. Онъ былъ человѣкъ характера совѣстливаго; на попрошайство былъ не способенъ. Видя, что сами мужики терпятъ нужду, онъ не могъ притѣснять ихъ. Жалость о. Павла къ бѣднякамъ повела къ тому, что и состоятельные прихожане стали уклоняться отъ ружныхъ взносовъ, надѣясь на добродушіе о. Павла. Поэтому о. Павелъ жилъ очень бѣдно: отказывалъ себѣ въ чаѣ и сахарѣ, въ праздники сидѣлъ безъ блага хлѣба. Духовенство окружающее, какъ состоятельное, водило другъ съ другомъ знакомство: ѣздило другъ ко другу попить чайку, отвѣдать пивца или настоечки

и провести часъ другой въ пріятной бесѣдѣ—пересудахъ и сплетняхъ. О. Павелъ никуда не ѣздилъ. Его считали за это чудакомъ и недолюбливали. А жена о. Павла Глафира Власьевна и совсѣмъ враждебно относилась къ своему мужу. Ей не нравилась мягкость обращенія о. Павла съ прихожанами, поведшая за собою обѣднѣніе семьи. Глафира Власьевна, нужно отдать ей справедливость, была отличная хозяйка, но не понимала своего мужа. Тяготясь бѣдностію, она завидовала женамъ другихъ священниковъ и даже пономарихамъ. „Каждая пономариха предо мною чужарится, носъ задираетъ. У каждой пономарихи есть наряды, есть шляпка! А я и въ праздникъ-то Господень не знаю, что въ церковь надѣть. Стыдно просто людямъ показаться,—жаловалась Глафира Власьевна на свое житіе кумъ, богатой дьяконицѣ. Про своего мужа, виновника ихъ бѣдности, Глафира Власьевна отзывалась очень неодобрительно, что у о. Павла „ума нѣтъ“, что онъ „только другихъ учить умѣетъ, а самого его Господь умомъ вовсе обидѣлъ“. О. Павелъ, по словамъ супруги, когда бы ни отправился за ругой, всегда являлся домой „съ пустыми руками“. „Встрѣтишь его: гдѣ у тебя? скажешь, давай! А онъ: нѣту, говоритъ, у самихъ нѣту, чего съ нихъ возьмешь“. Во время болѣзни о. Павла, Глафира Власьевна сама вздумала походить по приходу. И когда о. Павелъ выздоровѣлъ, супруга подвела его къ чулану и начала ему читать правоученіе. „Вотъ пока ты хворалъ, я за тебя службу справляла, по дворамъ ходила, Петровщину собирала и, гляди, чего набрала!—и она съ гордостію показала ему цѣлый ворохъ печенаго хлѣба, полную кадущку масла, два горшка сметаны и сотни двѣ яиць,—ни у одного мужика не видала отказу, потому знаю, какъ съ этимъ народомъ разговаривать“.

Разсказъ „Тернистый путь“ застаеть о. Павла, когда ему было уже лѣтъ 40. Съ внѣшняго вида о. Павелъ представлялъ изъ себя человѣка худощаваго,

серьезнаго, вѣсколько робкаго, но наружности довольно пріятной. Онъ 17 уже лѣтъ былъ женатъ и занималъ должность священника погоста Литвинова.

О. Павелъ работалъ въ полѣ. Былъ октябрь мѣсяцъ, а пашня подъ будущій посѣвъ яроваго у него не была еще приготовлена, тогда какъ его прихожане-мужики давно уже управились. Лишь воротился о. Павелъ домой, — усталый, истомленный, какъ за нимъ посылаетъ богатый мужикъ изъ Лимапева Сидоръ Шуйка—служить молебны по полямъ. Отъ Шуйки о. Покровскій явился домой уже совершенно изнуреннымъ. Нужно бы теперь отцу Павлу отдохнуть, услышать слово привѣта и ободренія; но жена, только что вернувшаяся изъ гостей отъ кумы—дьяконицы, возвратилась злая. Заикнулся о. Павелъ о самоварчикѣ, а Глафира Власьева и не думала исполнить его просьбы. Только когда уже самъ о. Покровскій пошелъ выгрести въ кухню изъ печки угли, — жена оттолкнула его и поставила ему самоваръ.

Среди неприглядной жизни, о. Павелъ находилъ утѣшеніе въ кругу своихъ дѣтей. Мать была сердита. Дѣти боялись ея и, обыкновенно, съ дѣтскимъ горемъ и радостью шли къ отцу, которому часто приходилось даже ходатайствовать за нихъ предъ матерью.

Отдохнувъ въ кругу дѣтей, о. Покровскій снова предавался своему труду. Отецъ Павелъ, нужно сказать, былъ добрый пастырь; онъ съ благоговѣніемъ относился къ своему высокому призванію и врачевалъ не только нравственныя немощи, но и физическія болѣзни своихъ прихожанъ, никому никогда не отказывалъ въ совѣтѣ и сильной помощи. У о. Павла былъ домашній лечебникъ, по которому онъ лечилъ довольно удачно, а кромѣ того онъ и по преданію отъ своей покойной старушки зналъ очень много средствъ и употреблялъ ихъ съ пользою. Нечего и говорить, что медицинскія средства о. Покровскаго были очень ограничены, многихъ приходило въ отцу-

скать ни съ чѣмъ, напутствуя ихъ лишь пастырскимъ благословеніемъ да добрымъ словомъ. Однако репутація о. Павла, какъ врача, въ народѣ стояла высоко. Ее особенно поднялъ случай возстановленія на ноги одного угорѣвшаго, котораго считали уже умершимъ.

Другимъ любимымъ дѣломъ о. Павла было писаніе поученій, которыя онъ говорилъ почти каждое воскресеніе и непременно каждый большой праздникъ. Хотя о. Павелъ былъ не особенно ученый священникъ, но онъ былъ „человѣкъ искренній и добрый христіанинъ“. Въ своихъ поученіяхъ о. Покровскій вооружался противъ пороковъ и суевѣрныхъ обычаевъ своихъ прихожанъ,—вооружался противъ пьянства, воровства, дурнаго обращенія съ женами и т. п. За 17 лѣтъ служенія успѣлъ онъ отъучить прихожанъ отъ страннаго обычая послѣ приобщенія св. таинъ отправляться въ кабакъ, чтобы запить или, какъ нѣкоторые выражались, „ополоснуть причастіе“.

Отзывчивость въ проповѣди на пороки и недостатки, замѣчаемые въ приходѣ, повела о. Покровскаго къ непріятностямъ. Въ приходѣ о. Павла, какъ уже сказано выше, былъ богатый мужикъ Сидоръ Шуйка, у котораго, замѣтитъ кстати, о. Павелъ арендовалъ землю. Шуйка—типъ обыкновеннаго сельскаго кулака, жесткаго, холоднаго, безсердечнаго.—Приходитъ разъ къ о. Павлу вдова-крестьянка, жалуется, что хлѣбъ у ней сгорѣлъ, а Шуйка увелъ за долгъ ея послѣднюю корову. О. Павелъ согласился похлопотать за вдову предъ Шуйкой. Но ходатайство цѣли не достигло, а только озлобило Шуйку противъ самого ходатая. Чрезъ нѣсколько времени Шуйка совсѣмъ сдѣлался врагомъ о. Павла. Въ храмовой праздникъ Казанской Божіей Матери о. Павелъ, по обыкновенію, сказалъ проповѣдь. Въ проповѣди онъ излагалъ сущность любви христіанской, говорилъ о милосердіи, о высокомъ значеніи, какое имѣетъ въ глазахъ Божіихъ всякое добро, оказываемое ближ-

нимъ; порицалъ благочестіе внѣшнее, выражающееся лишь въ наружной молитвѣ, и всѣ жертвоприношенія, которыя не сопровождаются добрыми дѣйствіями въ отношеніи людей насъ окружающихъ. „Таковыхъ Господь отвергнетъ, говорилъ о. Павелъ. И отвратитъ лицо свое отъ тѣхъ, кто вмѣсто того, чтобъ призирать вдовъ и сиротъ, притѣсняетъ ихъ, отнимаетъ послѣднее, заставляетъ неутѣшно плакать. Отъидите отъ Меня, скажетъ Онъ, вы говорящіе себѣ: мы отдали Богу, чѣмъ бы нашъ ближній могъ отъ насъ пользоваться! Приносящіе богатые дары, лишь бы предъ людьми похвастать своимъ благочестіемъ, своею щедростію! Все это Господь отвергаетъ, какъ отвергъ жертвоприношеніе братоубійцы Каина!“—Впереди всѣхъ въ храмѣ стоялъ Шуйка и доселѣ любовался новыми паникадилами предъ мѣстными образами,—пожертвованными имъ къ празднику. Проповѣдь отца Павла привела Шуйку въ ярость. Онъ съ гнѣвомъ вышелъ изъ церкви, произведя въ молящемся народѣ смущеніе. Выходка Шуйки должна была повести его къ суду; но о. Павелъ не захотѣлъ, по добротѣ своей, вести Шуйку на судъ. Между тѣмъ Шуйка, со своей стороны, рѣшился отомстить отцу Павлу за проповѣдь. Онъ написалъ архіерею прошеніе на о. Павла, будто бы тотъ назвалъ его въ церкви Каиномъ. Наряжено было слѣдствіе надъ о. Павломъ. Явился въ Литвиново благочинный съ двумя слѣдователями священниками, изъ которыхъ одному, Галактіонову, давно хотѣлось самому попасть въ Литвиновскій погостъ. О. Павелъ, не считая себя виновнымъ, не смутился слѣдствія, думая, что народъ будетъ на его сторонѣ. Но Шуйка не дремалъ; онъ поилъ народъ водкой, убѣждалъ крестьянъ говорить въ его пользу и требовать удаленія о. Павла изъ села. Съ другой стороны, къ несчастію о. Павла, и о. Галактіоновъ желалъ очернить его, чтобы выжить изъ Литвинова. Интересенъ ходъ производившагося дознанія о винѣ о. Павла. Народъ, обыкновенно, боитъ-

ся дознаній и особенно своихъ подписовъ. Галактіоновъ пригрозилъ крестьянамъ, что худо будетъ имъ, если ихъ показанія разойдутся съ прошеніемъ. Мужики стали говорить, что они „запомнили“, какъ было дѣло. Отецъ благочинный не вмѣшивался въ дѣло,— допросы производилъ Галактіоновъ.

— Были вы въ храмѣ въ день Казанской Божіей Матери? началъ онъ допрашивать народъ.

— Какъ не быть, были!

— И проповѣдь слышали?

— Слышали.

— И про Каина слышали?

— И про Каина!

— Ну, такъ какъ же вы говорите, что запомнили? Крикнулъ онъ на нихъ строго. — Сказывайте, какъ было дѣло?

— Да вотъ, такъ и было! Какъ батюшка-то про Каина помянулъ, то Шуйка осерчалъ и изъ церкви вонъ пошелъ.

— А вы почтожь не осерчали?

— Да насъ онъ не обидѣлъ, мы всегда имъ довольны!—былъ ихъ дружный отвѣтъ.

— Значитъ—одного только Шуйку обидѣлъ?

— Вѣстимо его одного—отвѣтили мужики, съ дуру попавъ на закинутую имъ удочку.

Галактіонову только того и нужно было. Было записано, что словесными показаніями крестьянъ подтверждается то, въ чемъ обвиняло о. Павла прошеніе. Допросъ о. Галактіоновъ намѣренно производилъ безъ отца Павла, который верстъ за 7 былъ вызванъ съ требой—причастить умирающую старушку.

Шуйка, узнавъ про слѣдствіе надъ отцемъ Павломъ, рѣшился употребить все мѣры, чтобъ выжить о. Павла изъ Литвинова. Онъ обѣщалъ крестьянамъ денегъ, хлѣба, поилъ ихъ водкой, чтобы они просили удаленія о. Павла. Дѣйствительно, на второмъ допросѣ крестьяне стали просить удаленія о. Павла, хотя видимо стѣснялись выразить такое заявленіе,

и на вопросъ: чѣмъ же не хорошъ о. Павелъ, отвѣчали, что довольны имъ. Увидѣвъ такой неблагопріятный для себя поворотъ дѣла, о Павелъ рѣшился перенести дѣло на гражданскій судъ. Мировой судья, внимательно разсмотрѣвъ дѣло, приговорилъ Шуйку за нарушеніе тишины въ церкви къ двухмѣсячному заключенію въ острогъ. Это спасло о. Павла отъ пристрастнаго суда Галактіонова.—Жизнь о. Павла послѣ описанной непріятности пошла еще хуже. Шуйка отнялъ у о. Павла землю, которую прежде давалъ ему въ аренду, разстроилъ планъ устроить въ селѣ школу, въ которой о. Павелъ хотѣлъ быть учителемъ и нѣсколько улучшить тѣмъ свое матеріальное благосостояніе. О. Павелъ уѣхалъ изъ Литвинова. Благочинный, зазвалъ о. Павла въ гости, предложилъ ему переѣхать въ другое село, верстъ за 200, расхваливъ новый приходъ. О. Павелъ согласился. Но переѣздка еще болѣе раззорила его, — приходъ оказался бѣднымъ, да въ добавокъ были еще въ немъ раскольники. Бѣдность всю жизнь гнала о. Павла. И что особенно было для него тяжело, такъ то, что онъ не могъ дать другую карьеру своему любимому сыну Андрюшѣ. Андрюша кончилъ курсъ въ семинаріи и, въ ожиданіи свободной священнической вакансіи, поступилъ въ псаломщики. Не радовало это о. Павла, онъ съ каждымъ днемъ становился хилѣе. На предложеніе сына полечиться, о. Павелъ отвѣтилъ: „а хочешь ли ты знать, Андрюша, что меня болѣе всего гложеть?.. Я не могу помириться съ тѣмъ, что не удалась твоя жизнь, что и предъ тобою все тотъ же тяжелый и тернистый путь, какимъ шелъ я, и отъ котораго хотѣлъ тебя спасти. Для тебя одного я всю жизнь трудился, всю жизнь мечталъ проложить тебѣ дорогу, увидать тебя магистромъ, докторомъ.—И вотъ ты псаломщикъ!

— Это на время! произнесъ Андрюша.

— Я знаю, ты будешь священникомъ. Но много ли это лучше? Что такое сельскій священникъ? Вотъ

отъ этой-то доли и хотѣлось мнѣ тебя избавить,— продолжалъ Покровскій, вздохнувъ,— да видно гордость это во мнѣ была, человѣческое мудрованіе, за которое и наказалъ меня Господь“.

Хотя о. Павелъ былъ священникомъ по призванію, но жилось ему тѣмъ не менѣ весьма тяжело. Нужда, забота о насущномъ хлѣбѣ, заботы о паствѣ и тутъ же—жена со своимъ вѣчнымъ недовольствомъ, вѣчными упреками... Женитьба о. Павла была неудачна,—онъ не нашель въ женѣ помощницы; хотя „такъ, за рѣдкими исключеніями, женятся всѣ молодые люди въ ихъ быту, замѣчаетъ авторъ „Тернистаго пути“. „Бракъ является у нихъ не результатомъ сердечнаго влеченія, а какою-то сдѣлкой, чтобы такъ или иначе себя пристроить“. Такъ и о. Павелъ, когда женился, не задавался вопросомъ, что жена его можетъ оказать ему не парюю, что ихъ характеры, взгляды, вкусы и убѣжденія могутъ быть совершенно различны, что подобный союзъ вообще общаетъ мало счастья. Можетъ быть, о. Павелъ такъ бы и прожилъ весь вѣкъ свой, и потребность иной жизни никогда бы въ немъ не пробудилась, если бы не представился ему одинъ случай... О. Павелъ получилъ изъ города извѣстіе о смерти своей названной матери. Подъ письмомъ подписалась Ольга Сланская. Эта-то Сланская, дочь бывшаго предводителя дворянства, и возбудила въ о. Павлѣ чувство, близкое къ любви. Двои сутки, которыя пришлось пробыть въ городѣ, о. Павелъ прожилъ этимъ мучительнымъ чувствомъ. Только въ сновидѣніи это чувство скользнуло лучемъ счастья. Но пробужденіе было уже моментомъ самоосужденія, виновности и чуть не отчаянія, что онъ человѣкъ женатый, отецъ семейства, *священникъ*, вдругъ увлекся чужою женщиною,—пусть это увлеченіе не шло дальше скромныхъ грѣзъ. О. Павелъ постарался подавить въ себѣ это чувство. Тѣмъ и кончился его романъ. „Сердце на одно мгновеніе вспыхнуло, чтобы понять, что любовь и счастье на землѣ существуютъ, да не про него пи-

сано"! А затѣмъ снова пошла обычная жизнь съ ея нуждой, дразгами, ворчаніемъ и укорами Глафиры Власьевны. Отецъ Павелъ Покровский — несчастный священникъ. Несчастенъ онъ въ силу своего добраго характера, въ силу своихъ честныхъ, высокихъ христіанскихъ убѣжденій. Преемникъ о. Павла въ литвиновской церкви о. Галактіоновъ въ томъ же Литвиновѣ зажилъ припѣваючи. Шуйка, у котораго о. Галактіоновъ сдѣлался слугою, подарилъ ему въ пожизненное владѣніе тѣ земли, которыя арендовалъ о. Павелъ, кромѣ того благодѣтельствовалъ и хлѣбомъ, и деньгами, и всѣми продуктами, нужными въ хозяйствѣ.—Вѣдность о. Павла повела за собою семейныя дразги. Имѣй Глафира Власьевна приличную по ея мнѣнію обстановку и одежду, она была бы конечно добрѣе къ о. Павлу. Во всякомъ случаѣ о. Павелъ представляетъ изъ себя личность живую и симпатичную. Пусть не отличается онъ особеннымъ умомъ и дальновидностью, пусть простота и довѣрчивость его къ людямъ наивно-дѣтскія, пусть мягкость характера его пассивная, а не активная, доброта женственная, а не мужественная; тѣмъ не менѣе о. Павелъ дѣйствительный пастырь своего прихода. Онъ не забываетъ своихъ пастырскихъ обязанностей, чутко отзывается на нужды своихъ прихожанъ. Къ сожалѣнію, въ повѣсти дѣятельность о. Павла поставлена на второй планъ, а выдвинуты впередъ его невзгоды,— не вообще путь его пастырской жизни, а только терніи пути. Для человѣка съ другимъ характеромъ, чѣмъ характеръ отца Павла, можетъ быть, невыносима была бы подобная жизнь; но о. Павелъ идеалистъ по душѣ, и этотъ идеализмъ освѣжаетъ его.

Главнымъ терніемъ въ жизни о. Павла былъ способъ обеспеченія его ругою, которую онъ, по добротѣ своей, не могъ получать съ прихожанъ въ должной мѣрѣ. Неисправность руги влекла за собою нужду и семейныя дразги въ домѣ о. Павла.

Кромѣ повѣсти „Тернистый путь“ въ прошломъ году печатался еще въ послѣднихъ книжкахъ журнала „Дѣло“ романъ изъ духовнаго быта „Ряса“. Въ романѣ Альбова „Ряса“ выдвигается на видъ другое терніе въ жизни священника, выражающееся русской пословицей (которую Альбовъ ставитъ девизомъ своего романа): „у попа одна жена“. Впрочемъ прежде еще въ 81 г. это терніе въ яркихъ чертахъ изображено было въ повѣсти Забытаго „Миражи“. Герои— какъ въ повѣсти „Миражи“, такъ въ и романѣ „Ряса“ имѣютъ не мало общаго между собою и по характеру, и по обстоятельствамъ жизни.

Николай Алексѣичъ Роковъ, главный герой повѣсти Забытаго „Миражи“, кончилъ курсъ въ академіи и поступилъ сначала въ преподаватели семинаріи. Познакомившись чрезъ товарища-преподавателя съ семействомъ казначея, Николай Алексѣичъ увлекся дочерью казначея и женился на ней. Жизнь семейная, при небольшомъ жалованьи преподавателя семинаріи, стала казаться уже труднѣе. Представился случай переимѣнить карьеру. Въ городѣ сдѣлалось свободнымъ священническое мѣсто. Тесть предложилъ Рокову проситься на свободную вакансію. Роковъ сначала не соглашался, какъ онъ выражается, такъ рано „закабалить себя“. На вопросъ тестя: въ чемъ же тутъ кабала? Роковъ отвѣчаетъ, что „надѣтъ рясу значитъ окончательно закрыть для себя Божій свѣтъ“, лишиться многихъ „льготъ“, подвергнуться многимъ „стѣсненіямъ“ и „ограниченіямъ“. Но сторону тестя приняла и супруга Николая Алексѣича, Анна Егоровна. Тогда Роковъ рѣшился подумать. Долго Роковъ взвѣшивалъ доводы за и противъ священства. „Съ одной стороны рисовалась ему картина широкой общественной дѣятельности, успѣхъ проповѣди, сближеніе съ паствою, поднятіе религіознаго и нравственнаго ея уровня, собственное матеріальное обезпеченіе; съ другой представлялось невольное попрошайство, копеечничество, разнаго рода

ограниченія и стѣсненія въ жизни, мелькали неприглядные образы мертвецовъ и т. п.

Въ концѣ концовъ Николай Алексѣичъ всетаки рѣшился попробовать подать прошеніе преосвященному. На прошеніе послѣдовало опредѣленіе. И Николай Алексѣичъ сдѣлался священникомъ. Приходъ Рокова главнымъ образомъ состоялъ изъ мѣщанъ; хотя были въ приходѣ и купечество и аристократія. Скоро о. Николай Роковъ пріобрѣлъ себѣ популярность и сталъ пользоваться въ приходѣ общимъ уваженіемъ. Купечество цѣнило его за заботливость о великолѣпнн храма и церковной службы, аристократія — за тактъ, мягкость пріемовъ и умѣнье поговорить о разныхъ предметахъ задумешно, бѣдняки—за доступность и простоту въ обращеніи.

Въ короткое время о. Роковъ привыкъ къ новому своему сану и чувствовалъ полное довольство своимъ положеніемъ. Но къ несчастію о. Рокова, это довольство продолжалось не долго. Черезъ два года Анна Егоровна, жена его, умерла. Тоска и уныніе охватили о. Николаемъ. Чтобъ ободриться, о. Роковъ хочетъ найти себѣ такое дѣло, которое бы заняло все его мысли, чувства и время. Сначала онъ отдается проповѣдничеству, потомъ воспитанію сына, но здѣсь и тамъ находитъ себя безсильнымъ довести дѣло до конца... Въ скорбныя минуты Рокова сближается съ нимъ нѣкая Болотова. О. Роковъ сталъ посѣщать Болотову, и чѣмъ чаще видѣлъ ее, тѣмъ больше привязывался къ ней. Но и въ данномъ случаѣ онъ долженъ былъ получить разочарованіе. Между тѣмъ о частыхъ посѣщеніяхъ Роковымъ Болотовой донесено было архіерею, который сдѣлалъ Рокову внушеніе. Считаая свое горе безысходнымъ и положеніе невыносимымъ, Роковъ наложилъ на себя руки.

Настолько же женственно - слабохарактернымъ, какъ о. Николай, является и о. Петръ Елеонскій въ романѣ Альбова „Ряса“. Будущій о. Петръ Еле-

онскій только что оканчивалъ курсъ въ Петербургской духовной академіи. Мысли его переносились уже къ его будущей дѣятельности. Петръ Васильичъ думалъ сдѣлаться сельскимъ священникомъ. „Быть сельскимъ священникомъ—моя мечта“, говорилъ онъ предъ сдачей послѣдняго экзамена, своему дядѣ Гедееону, монаху одного изъ петербургскихъ монастырей. „Сельскій священникъ, стоящій близко къ народу, видящій его горе и радость, и, замѣтите, — продолжалъ Елеонскій—такое лице, къ которому народъ долженъ питать довѣріе въ десять разъ большее, чѣмъ къ учителю, земскому дѣятелю, врачу и т. п. — Да это вѣдь сила! А между тѣмъ что представляетъ изъ себя нашъ сельскій священникъ? Онъ и кулакъ, часто держащій въ сѣтяхъ всю округу, онъ и торгашъ, вымогающій подчасъ послѣднія крохи изъ мужика за исполненіе требы, онъ и кабаки содержитъ (?), онъ и подъ проценты даетъ (?). Позоръ!.. А коли не таковъ, то—бѣдное, безотвѣтное существо, зависящее отъ послѣдней дряни въ деревнѣ и принужденное, подъ опасеніемъ потерять свой насущный кусокъ, ходить со всѣми, и пить, и якшаться со всякимъ, какъ послѣдній мужикъ“... Хотя Петръ Васильевичъ выражалъ желаніе сдѣлаться сельской силой, но желанія желаніями и остались: сельскимъ священникомъ быть ему не пришлось. Дядя Петра Васильича, монахъ Гедееонъ во что бы то ни стало рѣшился оставить своего племянника въ Петербургѣ. Гедееонъ знакомитъ Елеонскаго съ семьей петербургскаго священника о. Ильи Плавскаго. Плавскій, по роману, представляется человѣкомъ богатымъ и виднымъ въ Петербургѣ. Онъ состоитъ благочиннымъ петербургскихъ церквей, состоитъ членомъ консисторіи, братства, попечительства, — ведетъ бесѣды въ одной изъ петербургскихъ общинъ сестеръ милосердія. Дѣятельный священникъ, о. Илья пользуется у всѣхъ уваженіемъ, считается „умнымъ“ и „добрымъ“ человѣкомъ. Держитъ себя о. Плавскій съ достоинствомъ,

рѣчь вести любить солидную. Когда являються къ о. Плавскому посѣтителю, то онъ съ каждымъ обойдется сообразно его достоинствамъ. Если посѣтитель носить скромный видъ, о. Плавскій паскоро благословить его, дастъ поцѣловать руку, сядеть рядомъ и, принявъ видъ дѣловой, спросить о цѣли посѣщенія. Если же посѣтитель личность вліятельная, то лицо Плавскаго сіяетъ любезностію, хотя и не оставляетъ дѣловито-озабоченнаго оттѣнка. Внимаетъ чужой рѣчи о. Илья, повидимому, съ простотой и, пожалуй, равнодушіемъ, но за этимъ равнодушіемъ скрывается совсѣмъ другое: онъ составляетъ въ то время въ умѣ своемъ практическія комбинаціи, все взвѣшиваетъ и мотааетъ сказанное себѣ на усъ. О. Илья постоянно курить сигару.

Семья Плавскихъ произвела на первыхъ порахъ непріятное впечатлѣніе на Елеонскаго. О. Илья совершенно не понравился ему своей сухостію. Уѣхавъ послѣ перваго визита отъ Плавскихъ, Елеонскій заявилъ Гедсону, что онъ болѣе у Плавскихъ бывать не намѣренъ, чѣмъ не мало разсердилъ дядю, который хотѣлъ женить племянника своего на племянницѣ о. Ильи. Но получивъ отъ о. Плавскаго записку съ приглашеніемъ посѣтить его въ его именины, 20 іюля, Елеонскій не устоялъ въ своемъ намѣреніи. Явившись къ Плавскимъ, онъ на этотъ разъ внимательнѣе отнесся къ племянницѣ о. Ильи. Худенькая и миниатюрная, Софья Павловна не была красавицей и въ глаза не кидалась, но „лицо ея было одно изъ тѣхъ счастливыхъ лицъ, которыя тѣмъ болѣе нравятся, чѣмъ дольше въ нихъ всматриваешься“. Софья Павловна понравилась Петру Васильевичу. „Знаете ли вы, говорилъ уже, вскорѣ послѣ этого посѣщенія, Елеонскій своему товарищу Краснокутскому, который писалъ магистерское сочиненіе, — знаете ли вы, что всякое это магистерство, всякія мечты о карьерѣ, о будущемъ—подчасъ совершенная дрянь въ сравненіи просто съ женскою улыбкой“. Елеонскій сталъ уча-

щать прогулки въ Парголово, гдѣ жили Шлавскіе, — и въ одно изъ посѣщеній онъ сдѣлалъ Софьѣ Павловнѣ предложеніе. — Вторая часть романа съ девизомъ: „Одна у попа жена“ представляетъ Елеонскаго священникомъ при кладбищенской церкви. Не долго наслаждался о. Петръ семейною жизнью. Софья Павловна, родивъ первенца—дочь, умерла. Тяжело отозвалось это горе на о. Петрѣ. Первые дни послѣ смерти жены, онъ „съ ума сходилъ съ отчаянія“. То онъ рыдалъ, запершись на ключъ въ своемъ кабинетѣ, то бросался къ тѣлу мамурочки (какъ онъ называлъ свою жену) и молилъ ее встать, потому что ему вдругъ начинало казаться, что она не умерла, а въ летаргическомъ снѣ, а то подолгу простаивалъ, не трогаясь съ мѣста, какъ каменный, не спуская съ покойницы сухихъ безсмысленныхъ глазъ... На поминальномъ обѣдѣ по женѣ о. Петръ „въ первый разъ въ жизни жестоко напился“. Послѣ похоронъ каждый день о. Петръ являлся на могилу своей жены и сидѣлъ въ глубокой думѣ. Всѣ дѣйствія о. Елеонскаго, начиная съ требъ и хожденія въ церковь и кончая ѣдою, носили теперь характеръ какой-то тупой, покорной апатіи. Даже молодое личико дочери не веселило его. Напротивъ, онъ старался не видѣть дочь, потому что она бередила его больныя раны.

Въ домѣ о. Елеонскаго стала завѣдывать хозяйствомъ хлопотавшая во время похоронъ Софьи Павловны ея родственница Кропотова. Кропотова старалась всячески разсѣять и развеселить о. Петра; но онъ на всѣ ея разсужденія отвѣчалъ молчаніемъ. Такая невнимательность о. Петра разсердила Кропотову. Она стала упрекать его въ неблагодарности, черствости, безсердечности, безсовѣстности... Выведенный изъ терпѣнія сварливой сожительницей, о. Елеонскій выгналъ ее изъ дома, и остался совершенно одинокимъ.

Дни потянулись за днями. Съ наступленіемъ весны, для развлеченія, сталъ о. Петръ ходить на рѣку—удить рыбу. Сядетъ на берегу и задумается...

Вотъ проѣзжаетъ мимо его въ лодкѣ молодая компанія! всѣ веселы, оживлены, раздаются остроты, пѣсни, смѣхъ. Лодка скростея изъ виду, а о. Петръ все еще смотритъ въ слѣдъ и завистливо думаетъ: „молоды, беззаботны, и смѣхъ, и пѣсня у нихъ на устахъ... и любятъ, должно быть!.. А я?“.. Выйдетъ на рѣку полоскаться бѣлье молодая женщина, и снова сожмется сердце о. Петра. Вернется о. Петръ домой. Пройдетъ по саду. Тамъ сидитъ все кладбищенское духовенство. Всѣ веселы. Но не можетъ заразиться общимъ весельемъ о. Елеонскій. Спѣшитъ въ свою квартиру. Въ квартирѣ мракъ и тишина. И чувствуетъ о. Петръ, какъ будто незримое и безпощадное чудовище выступаетъ изъ мрака квартиры и охватываетъ его своими холодными лапами... Онъ спѣшитъ къ шкапчику и достаетъ бутылку недавно початаго рома... Ромъ скоро оказываетъ свое дѣйствіе: въ головѣ дѣлается туманъ, вмѣсто ясно сознаваемой дѣйствительности, бродятъ обрывки лицъ, сценъ и рѣчей прошлыхъ—нерѣдко радостныхъ... Впрочемъ такая жизнь продолжалась не долго. О. Петръ устыдился своего малодушія, желавшаго найти успокоеніе въ ромѣ. Но что же въ такомъ случаѣ дѣлать? Какъ установить свою жизнь? О. Петръ рѣшился извиниться предъ вздорной родственницей, и снова просить Кропотову поселиться въ его домѣ. Кропотова согласилась жить у о. Петра, но на правахъ не экономки или ключницы, а хозяйки.

На этомъ романъ заканчивается. Авторъ не говоритъ, какъ пойдетъ жизнь о. Петра дальше. Но можно видѣть, что едвали будетъ хорошо жить о. Петру со сварливой родственницей. Несомнѣнно, что Кропотова начнетъ распоряжаться въ домѣ, какъ ей вздумается, и при первомъ удобномъ случаѣ станетъ вычитывать о. Петру свои заслуги, вызывая его на благодарность себѣ; несомнѣнно, что не разъ отравитъ она покой его своими упреками. Во всякомъ случаѣ, ужъ не Кропотовой разсѣять тоску о. Петра...

Романъ „Ряса“ не останавливается на пастырской дѣятельности о. Петра Елеонскаго. Романъ разсматриваетъ о. Елеонскаго, какъ только человѣка, потерявшаго любимую, единственную жену. Всѣ мысли вдовца - священника сводятся къ одному предмету, именно — потерянной женѣ, замѣнить которую ужъ не можетъ никакая другая женщина. О. Петръ переноситъ свою скорбь съ самымъ крайнимъ малодушіемъ... Онъ является не мужественнымъ человѣкомъ, старающимся побороть уныніе духа хотя бы представленіемъ о загробной жизни, а натурой женственною, пассивной. Нѣкогда онъ издѣвался надъ забитымъ сельскимъ священникомъ, и говорилъ, что сельскій священникъ можетъ быть „силой“... Но „силой“ ли бы оказался онъ, немощный отъ скорби по женѣ, онъ, который не могъ оказать отпора даже своему дядѣ, — онъ, который вопреки своимъ замысламъ, сдѣлался только скромнымъ требоисправителемъ при кладбищенской церкви—это вопросъ?!

А. Поповъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)

НОВЫЙ ЕДИНОВѢРЧЕСКІЙ ПРИХОДЪ.

Болѣе двадцати лѣтъ назадъ многіе изъ прихожанъ пригорода Билярска чистопольскаго уѣзда, населяющіе приходскую деревню Абалдуевку стали уклоняться отъ православной церкви. Къ бывшимъ казанскимъ преосвященнымъ Аѳанасію и Антонію они обращались съ просьбами перейти въ единовѣріе. Понятно, что епархіальные преосвященные не могли удовлетворить ихъ желаніе. Тогда дѣло было перенесено просителями въ св. Синодъ; послѣдовало прошеніе даже на Высочайшее имя; но и Высшая власть не нашла возможнымъ нарушить одно изъ точныхъ правилъ единовѣрія, — которымъ воспрещается переходъ въ оное православнымъ. Отъ какихъ причинъ произошло это движеніе, кто впервые его произвелъ, намъ неизвѣстно. Не получивъ удовлетворенія, жители Абалдуевки стали болѣе и болѣе уклоняться отъ православной церкви. Видя это, преосвященный Антоній далъ имъ словесное позволеніе обращаться за совершеніемъ требъ къ священнику казанской единовѣрческой церкви. Въ то же время онъ разрѣшилъ, также словесно, священникамъ пригорода Билярска совершать у абалдуевцевъ требы по старопечатнымъ книгамъ, съ соблюденіемъ, такъ называемыхъ, старыхъ обрядовъ. Но сдѣланная уступка не оказала благопріятныхъ послѣдствій. Мѣстное духовенство жители Абалдуевки принимать не хотѣли; въ Казань къ единовѣрческому священнику обращались слиш-

комъ немногіе исключительно для исповѣди и ср. причастія въ великомъ постѣ; и эти обращенія годъ отъ году становились меньше и меньше. Между тѣмъ для удовлетворенія религіозныхъ потребностей въ самой деревнѣ образовалась моленная, въ которой міряне совершали богослуженіе. Одинъ изъ вожаковъ сдѣлался и требоисправителемъ: онъ совершалъ крещеніе младенцевъ, читалъ сорокодневныя молитвы родильницамъ, погребалъ умершихъ. Такимъ образомъ была порвана связь съ церковію и мѣстное духовенство считало ихъ уклонившимися. Но замѣчательно, что уклонившись отъ церкви жители Абулдуевки не примкнули ни къ какому безпоповщинскому толку, и не хотѣли принять „австрійское священство“. Такъ продолжалось до конца 1882 года. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ этого года повѣренные отъ жителей Абалдуевки, а также отъ нѣкоторыхъ уклонившихся двухъ деревень Марасинскаго прихода спасскаго уѣзда—Гоголихи и Ерыклы, явились въ Казань съ общественнымъ приговоромъ, и на имя казанскаго губернатора подали прошеніе о построеніи въ д. Абалдуевкѣ единоувѣрскаго храма. Прошеніе было принято и передано по принадлежности епархіальному Преосвященному. Преосвященнѣйшій Палладій, прежде, чѣмъ дать движеніе означенному прошенію, поручилъ пишущему эти строки отправиться въ Абалдуевку узнать о религіозномъ состояніи просителей. Слѣдствіемъ поѣздки было убѣжденіе, что съ одной стороны нѣтъ никакой надежды на безусловное воссоединеніе ихъ съ православною церковію, но что, съ другой желаніе единовѣрія искреннее, и поэтому разрѣшеніе устроить единовѣрскаго храма представлялось единственнымъ наилучшимъ исходомъ. Высокопреосвященнѣйшій Палладій согласился съ этимъ заключеніемъ и далъ движеніе прошенію абалдуевцевъ въ благоприятномъ смыслѣ. Духовная консисторія, разсмотрѣвъ дѣло со стороны юридической, не встрѣтила препятствій къ построенію храма, планъ котораго

въ маѣ прошедшаго года и былъ подписанъ Преосвященнымъ Кирилломъ, викаріемъ казанской епархіи, за отсутствіемъ изъ Казани епархіальнаго Преосвященнаго на коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ. — Почти годъ прошелъ въ приготовленіи къ постройкѣ и предварительныхъ работахъ по сооруженію храма. Между тѣмъ въ февралѣ текущаго года былъ рукоположенъ единовѣрческій священникъ Григорій Вдовинъ. Это—обратившійся изъ раскола бывшій лжесвященникъ бѣлокриницкой іерархіи. Обращеніе его послѣдовало въ 1882 году. До своего обращенія онъ проживалъ въ г. Чистополѣ, гдѣ около этого времени изъявили желаніе присоединиться къ прав. церкви на правахъ единовѣрія нѣсколько семействъ. Присоединившимся устроенъ молитвенный домъ, и имъ дано разрѣшеніе устроить домовую церковь. Рукоположенный Григорій Вдовинъ и былъ назначенъ для отправленія требъ чистопольскимъ и абалдуевскимъ единовѣрцамъ. Такимъ образомъ въ Абалдуевкѣ зимою открылось законное богослуженіе; Высокопреосвященнѣйшій Палладій благословилъ совершать службы въ прежней моленной. Въ то же время онъ отечески-внимательно отнесся и къ матеріальнымъ нуждамъ усердныхъ строителей Божія храма; изъ суммъ епархіальныхъ было выдано на этотъ предметъ 200 р. кромѣ того разрѣшенъ сборъ пожертвованій въ предѣлахъ епархіи; и сдѣлано представленіе въ св. Синодъ о большемъ пособіи.

Храмъ созидается въ честь Живоначальныя Троицы. 27 мая, въ праздникъ Св. Троицы происходила закладка храма, на которую жители Абалдуевки пригласили пріѣхать и насъ. Стеченіе народа было громадное; многіе прибыли верстъ за 20 и болѣе: былъ между прочимъ и билярскій священникъ съ псаломщикомъ, хотя не принималъ участія въ богослуженіи. Часы и вечерню совершалъ въ моленной единовѣрческій священникъ Вдовинъ. Собранныя далеко не могли вмѣститься въ моленной комнатѣ; многіе

стояли на дворѣ и по улицѣ; окна были открыты и чтеніе и пѣніе было хорошо слышно. По окончаніи вечерни послѣдовалъ выходъ на мѣсто, предназначенное для построения храма; священникъ несъ св. крестъ, прихожане—св. иконы и небольшіе хоругви. По прибытіи на мѣсто постройки, на мѣстѣ назначеномъ для св. престола былъ водруженъ крестъ, положены около него кирпичи и прочитаны слѣдующія по уставу молитвы. Затѣмъ началось молебное пѣніе св. Троицы, на которомъ были прочитаны оба праздничные канона съ пѣніемъ ирмосовъ. По окончаніи канона въ определенное время были положены крестообразно кирпичи по сторонамъ строящагося храма священникомъ и нѣкоторыми изъ присутствующихъ. Передъ отпускомъ была сказана ниже помѣщаемая рѣчь. Живое слово очень рѣдко раздается при единоувѣрческихъ богослуженіяхъ; но нужда въ ономъ ощущается очень сильно. По окончаніи рѣчи слѣдовалъ отпустъ и многолѣтіе Государю Императору, св. Синоду и Высокопреосвященнѣйшему Палладію, архіепископу казанскому и свіяжескому, затѣмъ создателямъ храма, нѣкоторымъ изъ присутствующихъ, по именамъ, въ томъ числѣ и православ. священнику, всѣмъ молящимся и всѣмъ православнымъ христіанамъ. Присутствіе служителей и членовъ православной церкви, молившихся трехперстно ни мало не смущало единоувѣрцевъ; билярскій священникъ пріѣхалъ также по приглашенію. Присутствующіе были видимо тронуты своимъ религіознымъ торжествомъ. Утѣшительно было видѣть общее усердіе единоувѣрцевъ къ построению храма, ихъ доброе настроеніе и благодарность церковной власти за дарованное разрѣшеніе и отеческое вниманіе. Въ составъ новаго единоувѣрскаго прихода, кромѣ Абалдуевки, входятъ 25 домовъ изъ деревни Гоголихи и 3 дома изъ д. Брыклы. Общее количество прихожанъ-единоувѣрцевъ простирается болѣе 1000 душъ обоюго пола. Да поможетъ Господь этимъ вошедшимъ въ церковную огра-

ду овцамъ укрѣпляться въ союзѣ и преданности святой Божіей церкви!

Р Ѣ Ч Ъ

СКАЗАННАЯ ПРИ ЗАКЛАДКѢ ХРАМА.

Архипастырь церкви казанской плетъ свое благословеніе на созиданіе сего святаго храма.

Съ живѣйшею радостію и молитвеннымъ благодареніемъ къ Господу положилъ и я камень въ основаніе онаго.

Основаніе сему храму во имя Святыя Живоначальныя Троицы полагается въ тотъ день, когда произошло ниспосланіе на землю въ чудесномъ видѣ Святаго Духа. Да ниспошлется же благодать Его на устрояемое священное зданіе, на священныхъ его служителей, на создателей и благодотворителей и на всѣхъ вѣрующихъ, которые будутъ приносить въ немъ свои молитвы!

Созиданіе храма составляетъ радость для вѣрующаго. Но кромѣ видимой церкви, изъ кирпичей и дерева создаваемой, есть иного рода церковь, — „душами созданный домъ“, по выраженію св. Златоуста. Внѣшняя церковь является слѣдствіемъ сей послѣдней. Когда сердца человѣческія созидаются въ эту церковь, т. е. дѣлаются едино съ устроенною на землѣ Христовою церковію, тогда внѣшній храмъ является какъ ихъ естественное стремленіе, какъ ихъ усердіе. Тутъ не слишкомъ много и нужно; не болѣе, какъ нѣсколько рублей съ каждаго, средства имѣющаго, и нѣсколько рабочихъ дней. Несравненно труднѣе душу свою содѣлать домомъ Божиимъ, привить ее какъ маленькій отрѣзокъ къ великой Лозѣ — Христу, расположить ее къ живому, тѣсному союзу тѣла Христова, — вѣчной, неодолимой, всеми дарами благодати обладающей Христовой церкви. И объ этомъ-то благо-

потребно сказать нѣчто... И этою-то радостію да благословить Господь наиболѣе вамъ порадоваться. И сея радости да никтоже возметъ отъ васъ; ибо эта радость Господомъ дарована.

Много лѣтъ вы пребывали внѣ крова церковнаго, обрѣтались внѣ благодати Св. Духа, не вкушали хлѣба небеснаго, отъ негоже ядый не умираетъ. Вмѣсто истиннаго хлѣба въ жизнь вѣчную вы ѣли только то, что ѣдятъ люди въ голодные годы: — мякину, лебеду и разные коренья; вы были овцы безъ пастыря, дѣти безъ отца, больные безъ врача. И сколько сошло въ могилу безъ духовнаго утѣшенія, безъ прощенія грѣховъ, безъ таинственнаго со Христомъ соединенія, безъ залога живота вѣчнаго и вѣчнаго царства!.. Но радоватися подобаетъ, яко братія наша мертва бѣхомъ, и оживе, изгнана бѣхомъ, и обрѣтесе. Благодареніе Отцу небесному, приѣмлющему и во единонадесятый часъ пришедшихъ. Да простятся грѣхи отцовъ по молитвамъ дѣтей; ибо нѣтъ грѣха, побѣждающаго Божіе человеколюбіе!

Начало тому церковному единенію, выраженіемъ коего служить созидаемый по благословенію епископа храмъ сей, положено было 100 лѣтъ назадъ. Въ лѣсистой мѣстности черниговской губерніи, въ старобрядческихъ поселеніяхъ извѣстныхъ подъ именемъ Стародубья, возникла мысль просить законнаго, благословеннаго священства, съ дозволеніемъ совершать службу по старымъ книгамъ, и обрядамъ. Разрѣшеніе было охотно дано; но постороннія обстоятельства, не имѣвшія никакого отношенія къ вопросамъ вѣры и церкви, замедлили дачу священниковъ на 8 лѣтъ. Не мало ждали и томились бѣдные просители. Но вотъ въ Стародубье пріѣзжаетъ посланный с.-петербургскимъ митрополитомъ Гавріиломъ священникъ Андрей Іоанновъ. Одинъ изъ простыхъ русскихъ людей, старобрядецъ изъ числа согласныхъ, встрѣчаетъ его привѣтвенною рѣчью. „Вы причиною измѣны нашей, говоритъ онъ, изъ скорбей въ радость, изъ болѣзней

въ веселіе. Если теперь спросятъ насъ: „гдѣ ваше благословенное священство?“—мы скажемъ: „вотъ оно, да и еще будетъ... Вы—мужъ духоносный, имѣющій ключи отъ прекраснаго рая, чтобы освященныхъ насъ пускать въ оный блаженствовать. И такую несказанную радость кто отъиметъ отъ насъ?!“...

И у насъ были препятствія, не отъ прихоти людей, но отъ самого положенія дѣла зависящія. Но и вы теперь можете сказать, — если кто спроситъ васъ: „гдѣ ваше благословенное священство на старше обряды?“—вотъ оно, есть и будетъ!

За существенно важнымъ,—устроеніемъ священства, какъ слѣдствіе, неизбѣжно началось въ Стародубѣ и устроеніе новыхъ храмовъ. Прежніе храмы были общіе у согласныхъ и несогласныхъ, такъ какъ строились съобща. Въ 1791 году въ слободѣ Злынкѣ происходила, также какъ и у насъ, закладка новой церкви въ честь Вознесенія Господня. Также какъ и у насъ, много сошлось народу; были и несогласные, которые, какъ обыкновенно водится и въ наши дни, подматривали, не будетъ ли чего новаго; но „сказываютъ опосля, что похваляли“. Послѣ церковнаго торжества, по обычаю русскому, была мирная, праздничная трапеза. Всѣ были веселы; вспоминали, что Злынка вотъ уже около ста лѣтъ, какъ не рубила съ благословенія епископскаго. Въ концѣ обѣда мальчикъ, сынъ хозяина неожиданно всталъ на стулъ предъ гостями и дѣтскимъ языкомъ сказалъ: „церковь безъ епископа не бываетъ“. Это не было дѣтскимъ только, бессмысленнымъ лепетаньемъ, а убѣжденіемъ всѣхъ взрослыхъ, высказаннымъ только устами незлобиваго младенца. И это не пустое, напрасное, мало-значущее слово, а ученіе древнѣйшихъ отцовъ церкви: священно-мученика Игнатія,—мужа апостольскаго, звѣрjami растерзаннаго за исповѣданіе Христова, св. и знаменитаго епископа карфагенской церкви Кипріана и другихъ свѣтильниковъ церковныхъ. „Почитайте епископа аки Христа, пресвитеровъ какъ

сонмъ апостоловъ. Безъ нихъ церковь нѣсть избранна, ниже собраніе святое, ниже сонмъ преподобныхъ; уповаю яко и вы тако нещуете“. — Это слова св. Игнатія. „Епископъ въ церкви и церковь въ епископѣ; кто не съ епископомъ, тотъ не въ церкви. А кому церковь не мать, тому Богъ не отецъ“. — Это ученіе св. Кипріана... Радоватися подобаеть и вамъ, что вы рубите съ благословенія епископа.

Да не омрачается ваша радость препретельной человѣческой мудрости словесами и наносными сумнительствами, что созидаемый вами храмъ будетъ окруженъ такими храмами, которые въ нѣкоторыхъ предметахъ на вашъ не похожи. Воистину, въ тѣхъ и другихъ призывается единъ Господь, исповѣдуются едина вѣра, совершается едино крещеніе, приносится едина умиловительная безкровная жертва Христова, пріемлется одно и тоже пречистое тѣло и кровь животворящая; словомъ: и тамъ и здѣсь одно и тоже и одинаково все то, что живить и питаетъ чловѣка. Посему и заповѣдалъ св. апостоль блюсти не единеніе внѣшняго обряда, а единеніе духа, — единство вѣры и упованія, въ союзѣ мира. Посему и св. церковь сегодня воспѣваетъ, что егда Господь огненныя языки раздаяше, т. е. благодать на совершеніе таинъ, „въ совокупленіе вся призва“.

Итакъ, никто да не соблазняется тѣмъ, что около васъ совершается, и что пріемлетъ neodолѣяная вратами ада церковь Христова. Знайте и помните, что сила единовѣрія лишь въ союзѣ съ церковію, что безъ этого союза нѣтъ единовѣрія! Знайте, при этомъ, что никто не будетъ вамъ дѣлать стѣсненія въ содержаніи вашего любимаго обряда; но не унижайте же, а тѣмъ паче не похуляйте и другой обрядъ, который по его внутреннему смыслу также святъ и спасителенъ! Помните, что похуленіе обряда содержимаго церковію, есть похуленіе самой церкви, безъ союза съ которою вы—ничто! Хорошій, благоразумный хозяинъ развѣ будетъ много и долго сму-

щаться, что его изба и изба сосѣда по внѣшнему виду и устройству не совсѣмъ похожи одна на другую? — Лишь бы тепло было, да было что ѣсть и пить; — вотъ что важно! Такъ разсуждаемъ, когда вопросъ касается тѣла и тѣлеснаго здоровья; такъ же должны разсуждать, когда рѣчь идетъ и о состояніи души, о ея питаніи и укрѣпленіи.

И съ другой стороны, никто да не дерзаетъ унижать и порицать то, что церковію благословляется; никто ни на минуту не помыслить даже, что единовѣріе есть какое-то худшее благочестіе, что тайны въ немъ преподаваемая менѣе имѣютъ силы и святости. Да не будетъ такого омышленія! Ибо тайны не могутъ быть *болѣе* святыми, или *менѣе* святыми, чѣмъ каковы онѣ суть. Онѣ могутъ быть только святы или несвяты, законны или незаконны, и отсюда, спасительны или неспасительны; но слово: *болѣе*, или *менѣе* сюда не идетъ. Сомнѣнія нѣтъ, что въ вашемъ храмѣ будетъ приноситься тоже тѣло и кровь Христовы, каковыя приносятся и въ сосѣднихъ съ вашимъ храмахъ. И вашимъ пастыремъ преподается тоже, и настолько же властное и дѣйственное разрѣшеніе грѣховъ, какъ и другими законно поставленными пастырями. А слабому и грѣшному человѣку чего же болѣе и нужно?...

Итакъ, да крѣпнетъ и живится вашъ союзъ церковный въ единствѣ вѣры и упованія! Да свѣтлѣется трезвенностію и чистотою ваша жизнь, вспомоцествуемая благодатію Божіею *священнотайно!* И есть въ настоящемъ торжествѣ то, что служить выраженіемъ этого союза, когда вмѣстѣ съ вами въ мирѣ, радости и любви молятся и люди, держащіеся иного обряда.

Богу нашему во Святѣй Троицѣ слава во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Н. Ивановскій.

ЗАМѢТКА

О ПОКОЙНОМЪ АРХИМАНДРИТѢ ПАЛЛАДІѢ, НАЧАЛЬНИКѢ ПРАВОСЛАВНОЙ МИССІИ ВЪ ПЕКИНѢ.

Во французскомъ журналѣ „Обозрѣніе крайняго Востока“ (Revue de l'extrême-Orient), издаваемомъ французскимъ ученымъ синологомъ Кордье (Cordier), въ 1-й книжкѣ за 1882-й годъ (№ 1-й Janvier-Mars) помѣщена краткая біографическая замѣтка о покойномъ отцѣ Палладіѣ, бывшемъ начальникѣ духовной миссіи въ Пекинѣ⁽¹⁾. Насколько намъ извѣстно, изъ нашихъ журналовъ только одинъ „Церковный Вѣстникъ“ въ нѣсколькихъ строкахъ упомянулъ о смерти о. Палладія. Тѣмъ пріятнѣе встрѣтитъ въ иностранномъ журналѣ оцѣнку личности нашего земляка, вполне заслужившаго уваженіе своей миссіонерскою и ученою дѣятельностью въ Китаѣ. Благодаря любезности г-на Готвальда, бібліотекаря Казанскаго университета, давшего намъ въ руки книжку указаннаго французскаго журнала, мы можемъ перевести эту біографическую замѣтку о покойномъ о. Палладіѣ.

Отецъ архимандритъ Палладій, въ мѣрѣ Петръ Ивановичъ Кагаровъ, родился 17-го сентября 1817 года въ Чистополѣ, уѣздномъ городѣ казанской губер-

(¹) Эта замѣтка составлена на основаніи данныхъ, сообщенныхъ редакціи означеннаго журнала врачомъ при русской пекинской миссіи д-ромъ Бретшнейдеромъ.

ни, гдѣ отецъ его былъ священникомъ ⁽¹⁾. Первоначальное свое образованіе онъ получилъ въ школахъ своего роднаго города и въ Казанской семинаріи, а въ 1837 году поступилъ въ С.-Петербургскую духовную академію, гдѣ продолжалъ свои богословскія занятія до 1839 года. Когда новая духовная миссія, во главѣ которой поставленъ былъ архимандритъ Поликарпъ, должна была отправиться въ Пекинъ, молодой Кааарогъ изъявилъ желаніе примкнуть къ ней, что и было ему разрѣшено. Постригшись въ монашество съ именемъ Палладія, подъ которымъ онъ былъ всегда извѣстенъ съ того времени, онъ былъ произведенъ во іеродіакона. Эта миссія прибыла въ Пекинъ въ сентябрѣ 1840 года и вернулась въ Россію только въ апрѣлѣ 1847 года. О. Палладій прибылъ въ С.-Петербургъ 7-го марта 1848 года. Здѣсь онъ былъ произведенъ во іеромонаха, а въ ноябрѣ 1848 года возведенъ въ санъ архимандрита. Въ этомъ санѣ онъ былъ назначенъ начальникомъ новой миссіи, которая должна была отправиться въ Пекинъ. О. Палладій прибылъ съ миссіей 29-го сентября 1849 года. На этотъ разъ онъ не покидалъ Китая до 25-го мая 1859 года. Замѣщенный въ Пекинѣ архимандритомъ Гуріемъ, о. Палладій вернулся въ свое отечество съ намѣреніемъ здѣсь остаться. Предполагалось произвести его во епископа, или поставить во главѣ одного изъ первыхъ монастырей въ Россіи (Юрьевского въ Новгородѣ). Но онъ скромно отказался отъ всѣхъ этихъ предположеній, сталъ просить себѣ мѣста настоятеля посольской церкви въ Римѣ, надѣясь здѣсь спокойно продолжать свои занятія. Просьба его была

(1) По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ намъ родственниками покойнаго, извѣстіе французскаго журнала о мѣстѣ рожденія о. Палладія не совсемъ точно, именно онъ родился въ пригородѣ Старошешминскѣ чистопольскаго уѣзда, гдѣ отецъ его былъ долгое время протоіереемъ. Послѣдній умеръ въ 1842 году, дослужившись до рѣдкой между духовенствомъ награды—палицы. (Примѣч. перевод.).

исполнена и 2-го августа 1860 года ему порученъ былъ этотъ постъ, который онъ занималъ почти 4 года.—Въ 1864 году, по случаю преобразованія духовной мисси въ Пекинѣ, о. архимандрита Палладія пригласили еще разъ вернуться въ этотъ городъ въ качествѣ начальника мисси, и онъ поспѣшилъ принять это предложеніе и въ третій разъ прибылъ въ Пекинъ 25-го марта 1865 года.

Въ 1870 году Географическое общество въ С.-Петербургѣ поручило о. Палладію произвести археологическія и этнографическія изслѣдованія въ русской Манчжуріи. 30-го апрѣля 1870 года онъ отправился въ путь, направляясь къ сѣверо-западу. Пройдя всю китайскую Манчжурію, черезъ Мукдель, Гериль, Чичикеръ (Tsitsiakhar), Мергуень, онъ 17 іюня прибылъ въ Айгунь, манчжурскую деревню, расположенную на правомъ берегу Амура и извѣстную по договору, заключенному здѣсь между Россіей и Китаемъ въ 1858 году. Для продолженія пути къ мѣсту назначенія отъ этого пункта, находящагося вблизи Благовѣщенска, о. архимандритъ воспользовался пароходами, которые ходятъ по Амуру и его притоку Уссуріи. Пробывши почти годъ въ южной части русской Манчжуріи (въ Уссурійскомъ краѣ), о. Палладій осенью 1871 года сѣлъ во Владивостокѣ на судно и черезъ Японію вернулся въ Пекинъ.

Пользуясь во всю свою жизнь хорошимъ здоровьемъ, о. архимандритъ въ іюлѣ 1878 года подвергся болѣзни сердца, заставившей его покинуть Китай. Въ октябрѣ того же года онъ выѣхалъ изъ Шанхая въ Европу на французскомъ пароходѣ, прибылъ благополучно въ Марсель, но здѣсь скоропостижно скончался вскорѣ послѣ своего пріѣзда. По распоряженію св. Синода смертныя останки его были перевезены въ Ниццу, гдѣ есть русскія церковь и кладбище. Надъ могилой его поставленъ памятникъ соотечественниками его, знавшими его въ Пекинѣ.

О. архимандритъ Палладій пользовался въ средѣ своихъ сослуживцевъ и соотечественниковъ большимъ уваженіемъ и высокой репутаціей не только ученаго, но и добраго умнаго человѣка, какихъ мало. Такого взгляда на него держалось и русское Министерство иностранныхъ дѣлъ, въ вѣдѣніи котораго русская миссія въ Пекинѣ находилась до 1860 года и которое многократно отдавало справедливость заслугамъ и характеру о. Палладія. Равнымъ образомъ имъ очень дорожила и иностранная колонія въ Пекинѣ, съ которой онъ поддерживалъ самыя лучшія отношенія, и часто начальники миссіи (между прочимъ покойный графъ Рошшуаръ) находили помощь въ его свѣдѣніяхъ и глубокомъ знаніи китайской жизни.

Архимандритъ Палладій былъ однимъ изъ первыхъ синологовъ своего времени, и его знаніе обнимало все отрасли китайской литературы. Онъ прочиталъ все главнѣйшія произведенія китайской литературы, а также все, что было писано о Китаѣ французскими или англійскими учеными. Владѣя удивительной памятью, онъ считался какъ бы живой энциклопедіей. Онъ изучилъ, преимущественно по оригинальнымъ китайскимъ источникамъ, исторію, древнюю и современную географію Азіи, буддизмъ, таоизмъ, христіанство въ Китаѣ. Ему мы обязаны первыми изслѣдованіями по исторіи мусульманъ восточной Азіи. Очень жаль, что о. архимандритъ Палладій такъ мало заботился о будущемъ. Хотя онъ оставилъ послѣ своей смерти массу интереснѣйшихъ рукописныхъ замѣтокъ и переводовъ съ китайскаго, но въ свѣтъ выпустилъ немного произведеній. Большая часть его сочиненій, написанныхъ порусски (нѣсколько поанглійски), помѣщена въ Сборникѣ трудовъ членовъ русской духовной миссіи въ Пекинѣ (т. 1—4) и въ изданіяхъ Русскаго географическаго общества въ С.-Петербургѣ. Послѣдній трудъ о. Палладія, которому онъ посвящалъ досуги

послѣднихъ лѣтъ своей жизни, китайско-русскій словарь, остался къ несчастію недоковченнымъ.

Въ числѣ многихъ наградъ, полученныхъ покойнымъ отъ правительства, особенно достойны замѣчанія: наперсный крестъ съ драгоценными камнями, пожалованный покойному изъ Кабинета Его Величества въ 1864 году и орденъ св. Анны 1-ой степени. Кроме сего, 11-го августа 1875 года географическимъ конгрессомъ онъ былъ награжденъ медалью втораго класса.

Г. Н.

см. ообъ немъ у Fabric. IX, 120 и у Lambec. VIII, 180. На лат. языкѣ въ A. Sanct. Febr. II, 666—671.

л. 82 обор. Мѣца февраля въ дѣ. Житіе и дѣянія. и трѣды прибнаго мѣца нашего Авксентіа. „Прввыи мѣцѣ дѣла и словеса просвѣтившихся“. На лат. въ A. Sanct. Febr. II, 770. На греч. и лат. въ Patrol. Migne, t. CXIV, 1377. Житіе написано почти современникомъ (см. л. 102 обор.—103).

л. 107. Мѣца февраля въ дѣ. Житіе блженнаго зчителя нашего. Кирила философа прваго наставника словенъскѣхъ языкѣхъ. „Бгѣ мѣтливый и щедрый жадаю покаанія члчѣ. да бы спсєни были“. См. выше окт. Минею № 619, л. 197.

л. 121 обор. Мѣца февраля въ еѣ де мѣнїе стго Анисима оучника стго апостола Павла. „Раоуется ро работвы блговѣрный познаваемъ“. *Χαῖρε καὶ γένος ἰκετικόν ἐπ' εὐσεβίας υἰωροζόμενον*. См. Lambec. VIII, 181. A. Sanct. Febr. II, 855.

л. 132. Мѣца феврѣ въ зѣ де мѣнїе стѣ Пафїла, Авлента (Валента), Павла, Селевкіа, Перфиріа, Февла, Фліана. сѣ въ Египтѣ мчєни быша. „Время оубо зоветъ во всемъ великое и славшєе повѣдати исповѣданїе“. A. Sanct. Ian. I, 62. Fabric. Bibl. VI, 101, IX, 130.

л. 134. Мѣца февраля въ зѣ дѣ. Житіе и жизнь стго и славнаго мѣца нашего. архїеппа Авксївіа (Авксивїа еписк. Солова кипрскаго, + 102 г.). „Хощѣ вамъ сказати чудвѣю и неглѣмѣю жизнь“. См. Lambec VIII, 185. Въ A. Sanct. 19 februarii t. III, p. 127.

л. 142 обор. Мѣнїе стго Февра Тирона. емѣ памѣ творимъ в првѣю сѣботѣ по. „Максиміанъ црѣ посла по всемъ своемъ цртѣхъ“. Житіе, написанное очевидцемъ мученїа Θεодорова (см. л. 146). Тоже въ печ. Ч.-Минѣѣ. На греч. см. Lambec. IV, 222—223, 142 и далѣе, t. VIII, 184—Л. 146. Чудо бывшее

стго Февдора Гирова. како выведе мѣрь ѿ змиа. „Въ времена вна Балента цря. прѣствующъ въ Афистѣмъ градѣ. и болярѣ его мѣжествѣющимъ“. Апокрифическое сказаніе. Изд. въ Памяти. отреч. литг. Тихонравова, т. II, 33. Упоминается у Лямбеція на греч. языкѣ.

л. 149 обор. Мѣца февраля въ ѿ днѣ житіе прѣбнаго вѣца нашего Власія. „Иже вѣшняя доблести на дскахъ написати хотящей“. Писатель этого обширнаго житія представляетъ себя современникомъ преподобнаго (IX в.). См. объ этомъ житіи замѣтку въ Мѣсяцесловѣ архим. Сергія, т. II, ч. 2, 283, по поводу памяти преп. Евфросина.

л. 165 обор. Мѣца февраля въ мѣ. житие и хоженіе преподобнаго вѣца нашего Александра. „Стыи блженный Александръ ѿ Асіанскыя страны сый. ѿ нарочитѣ родителю“. Преп. Александръ начальникъ обители неусыпающихъ, + 430 г. Житіе написано современникомъ. Въ печати. Ч.-Минеяхъ 3 іюля.

л. 183. Мѣца февраля въ к днѣ. память стго сѣщенномѣчка Садофа епкпа. и иже с нимъ поповъ и дьяконовъ числомъ рки. „По скончаніи мѣченія стго Семишна“. См. выше окт. Минею № 620, л. 284 обор.

л. 185 (почисленъ дважды). Мѣца февраля въ ка днѣ. житіе прѣбнаго вѣца нашего Помѣплия. „Бысть нѣкто въ время вно Помплій. и відомъ доброзрачепъ и дшѣ тако подобнѣ добротѣ имѣя“. См. Прол. 25 янв. Θεодорит. Ист. боголюбцевъ. 5 глава.

л. 186 обор. Мѣца февраля кз (поправлено кз) днѣ житие прѣбнаго вѣца нашего Петра. „Галааты слышимъ иже въ Европийи в законныхъ странахъ. вѣмъ бо тѣхъ иже въ Асіи иже тѣ ввѣцы“. Изъ Θεодоритовой Истории боголюбцевъ, гл. 9. Въ Ч.-Минеѣ память Петра отъ Галатіи 1 февр. Тогда же въ А. Sanct.

л. 190. Мѣца февраля въ кѣ днь житіе и мѣние прѣбнаго вѣца нашего Поликарпа епѣпа змиръскаго. „Цркви Бжїи. яже есть въ Змиръ цркви блжний свщїи въ Филаделфїи и во всѣхъ мѣстѣхъ“. Посланїе отъ Смирнской церкви о мученичествѣ святаго. Въ Ч.-Минеяхъ Димитрія ростовскаго издано почти дословно.

л. 195 обор. Мѣца февраля въ кѣ днь слово на обрѣтенїе чтныи главы стго и славнаго пррѣка и пртчи. и крестителя Господня Иованна. „Праведникъ еще постигнетъ скончатися. въ покои бѣдетъ“. Повѣствованїе о кончинѣ св. Іоанна Предтечи, о первомъ обрѣтенїи его главы: „Придоста два мниха ѿ востока (л. 197)“, и о второмъ (сказанїе архимандрита Маркелла). См. А. Sanct. Ian. IV, 711. Lambec. VIII, 188 и далѣе. Мѣсяцосл. архим. Сергія, т. II, ч. 2, 62—64. Сравн. Опис. ч. 1, 677—678.

л. 200 обор. На тотъ же день слово: „Хощемъ исповѣдати. вѣжа ны есть въ страннѣмъ роженїи памяти творити“. По содержанїю относится къ празднику Рождества І. Предтечи.

л. 202 обор. Мѣца февраля въ кѣ. Житїе прѣбнаго вѣца нашего Пафнотія. „Блаженный и прѣбный вѣцъ нашъ. рекомый Кефала. имѣ блгты разсмѣ бжтвенныхъ писанїи“. Изъ Лавсаика Палладїя, по русск. изд. 1850 г. стр. 230—238.

л. 206. Мѣца февраля въ кѣ днь житїе и жизнь прѣбнаго вѣца нашего Порфирїя епископа гасска. „Стыхъ мѣжь стртѣ. и Бжїе подражанїе и любы. добро есть вчїма видѣти“. Житїе написано ученикомъ святаго, діакономъ Маркомъ. Въ А. Sanct. Febr. III, 451—666. Оно же въ сокращенїи въ печ. Ч.-Минеяхъ.

л. 238 обор. Мѣца февраля въ кѣ днь. мѣние с похвалою стго исповѣдника Фаддѣя. иже при Лвѣ законопрестѣпникѣ. „Звѣзды

оубо ꙗвѣнъ толико числомъ свѣтъ, елико же и родися ихъ испрѣва“. Въ Прологѣ память 29 декабря.

л. 241 обор. Мѣца фѣвра въ кѣ днь житіе прѣбнаго ѡца нашего Македонія. „Прѣбный ѡцъ нашъ Македоній. рекомый ячно-ядецъ, такова бо его пища“. Въ Прологѣ 24 явв. Въ Ист. боголюбцевъ Θεодорита гл. 13.

л. 246. Мѣца фѣвралѣ въ кѣ. стаго прѣбнаго ѡца нашего Касіяна римлянина. в разсоуженіи. „Понеже в долготу толико слово распростре наша любовь“.—Съ л. 298 того же... сказаніе разсѣдно в злы ѡсмихъ помышленіи. Восемь бесѣдъ.—Л. 265. 69 въспоминаніи смрти. и ненавидѣти мира и яже въ мирѣ. „Братіе и ѡци. коль добро поученіе“.

627 (508). Минея Четья на февраль. Полууставъ XVI в. на 548 лл. въ листъ. Впереди помѣчено, что книга „казенная, боярина князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго дачи“. Въ началѣ оглавленіе изъ 39 главъ. Передъ текстомъ на л. 4 красивая раскрашенная заставка, наклеенная на листъ.—Отмѣчаемъ далѣе только тѣ статьи, которыхъ нѣтъ въ предыдущемъ спискѣ.

На 2 число, кромѣ словъ Исихія іерусалимскаго и Авраамія ефесскаго, положены: л. 25 обор. св. Аѡнасія александрійскаго слово на Срѣтеніе. . „Иже настоящаго сщеннаго тржества еѡвальская трѣба“. Migne. Patrol. XXVIII, 973, spuria.—Л. 44. обор. Стго ѡца нашего Кирила, архіепѣпа Костянтина града (нужно іерусалимскаго) слово... „Радоуйся зѣло дщи Сіюна“. Есть въ Прологѣ. Patrol. Migne. XXXIII, 1188.—Л. 63 обор. Слово безъ имени автора. „Паки возглашаетъ прркъ. правеникъ яко ѡниксъ процвѣте“.—Л. 67. Другое слово безыменное. „Се паки свѣло празнество наста. празникъ праздника преспѣваа“.—Л. 71. Иже въ сты... Іѡанна Златоустаго... „Свѣгъ прѣветимъ

прно всіа, имя же нечестивы оугасаетъ.—Л. 77. Стго ꙗца нашего Тимофея прозвитера іерлимьска в пррць Сумешне. „Се възлюбленніи. нынѣ намъ почтеннаго в Лоуцивѣ Еваліи видимъ правдиваго Сумешна“.—Л. 82 обор. Кано внесенію въ прѣвь Га вшего Іса Ха. Толковый. Нач: „Стихъ. Да каплють воду вблады... То. Яко красно вблады въ время ведра“.

л. 94 обор. Мца февралѣ в г. слово иже въ стыхъ ꙗца нашего Амфилохія епкпа иконискаго. в престѣи Бци и в бгопрінци Сумешнѣ і Аннѣ пррочицы. „Мнози великы члкъ дивятся двѣствъ“. Въ *Patrol. Migne. t. XXXIX, 44.*

л. 109. Мца февралѣ въ ѡ днѣ прѣбнаго ꙗца нашего и исповѣтника Никола игоумена Стоудійскаго монастыря. „Сій прѣбный ꙗць нашъ Никола баше в Критьскія земля“. Житіе, написанное современникомъ, однимъ изъ учениковъ преподобнаго. Въ печ. Ч. Минсѣхъ въ сокращеніи. Въ *A. Sanct. Febr. I, 545.*

л. 129 обор. Февр. 5. Мученіе Агаіи нѣскольکو отличнаго отъ предыд. списка (л. 27 обор.) перевода. Другое сказаніе того же дня объ Аврааміи аравійскомъ опущено.

л. 154. Въ житіи Теодора стратилата 8 февралѣ, какъ въ печ. Минсѣ, пропущено вставленное въ него апокрифическое сказаніе о побѣдѣ мученика надъ змѣемъ. Затѣмъ пропущено на то же число сказаніе о никомидійскихъ мученикахъ и перенесено на 10 день.

л. 188. Февр. 11, кромѣ житія священномуч. Власія, еще: Житіе и жизнь и подвизи и чудесѣ похваленіе прѣбнаго ꙗца нашего Дмитрія вологоскаго чудотворца, иже на Прилоуцѣ, твореніе Макарія, игоумена тое же обители. „Иже стое житіе пожившихъ“. См. выше въ Минсѣ новымъ чудотворцемъ № 616, л. 216 обор. Житіе распространенной редакціи. Въ концѣ,

кромѣ указаннаго тамъ похв. слова, еще другое: „Придѣте стое и честное постни сословіе“.

л. 232. Въ той же днь житіе и жизнь прѣбнаго вѣа нашего Григоріа Синаита. списано стѣйшимъ митрополито, куръ Калисто. „Иже оубо в блгы мужей поваламъ и славамъ хотѣти сподобляти“. Опис. ч. I, 443. Въ печ. Ч.-Минеѣ 8 авг.

л. 278. Въ той же днь. житіе и жизнь стго блговѣрнаго великаго кнзя Всеволода Мьстиславича нареченнаго въ сто крщеніи Гавріила нова чютворца псковскаго. „Радѣйтеся правеніи в Гѣ“. Житіе написанное пресвитеромъ Василиемъ, въ иночествѣ Варлаамомъ. См. объ немъ у Ключевскаго, стр. 257—258. Чудесь не приложено.

л. 295 обор. На 12 число, кромѣ похвальнаго слова св. Мелетію, сказаніе о св. митрополитѣ Алексіѣ. „Сій оубо прѣбный вѣцъ нашъ Алексій митрополи бѣаше родомъ бояринъ“. Краткой редакціи. Съ л. 249 полное житіе, списанное ермовахомъ Пахоміемъ. „Елма оубо иже в бжтвены муже хотяще повѣсти написати“. При житіи 8 чудесь и сказаніе объ изцѣлѣвшемъ хромцѣ митроп. Θεодосіа. См. выше № 616, л. 258.

14 февраля пропущено житіе Кирилла философа первоучителя славянъ.—17 числа при житіи Θεодора Тирона не написано чуда, како выведе мать свою отъ змія.—20-го опущена память священномуч. Садока персидскаго.

л. 467 обор. Мѣа февраля въ кд днь. вбрѣтеніе честныя главы стго... крѣля Іванна. „Явился требогатый вселеньскый аплѣ“. См. Опис. ч. I, 677—678.—Л. 473 обор. Сказаніе како обрѣтена бысть и проч. „Ипока два ѡ востока оустремилася“. См. тамъ же стр. 677. Затѣмъ съ л. 477 обѣ статьи, соединенныя въ одномъ словѣ: „Праведный аще постигнѣ скончати“, какъ въ предыд. спискѣ.—Л. 484. вмѣсто слова: „Хочемъ исповѣдати“,

(пред. спис. л. 200 обор.), другое: преп. Теодора стоудійскаго похвальное. „Третіе явленіе прѣчевы памяти вѣшней день принося. созывает ны в хртолюбци“.

Рукопись оканчивается житіемъ (28 февр.) преп. Македонія.

628 (510). Миней Четья на мартъ. Полууставъ XVI в. въ листъ на 319 лл. Въ началѣ два листа оглавленія изъ 31 гл. Въ началѣ текста полное общее заглавіе Четіихъ Миней, какое выписано выше въ началѣ сентябрьскихъ книгъ. Послѣ него:

л. 3. Мѣца марта. въ 1 днь. Жіе стѣя прѣбныя мѣнды Евдокии. „Въ время вѣхъ Трояна цря. бы вѣкаа отроковица именемъ Евдокиа. въ градѣ нарицаемомъ Ераполи“ (Иліополѣ). На л. 16 продолженіе того же житія подь особымъ заглавіемъ: В той же днь моученіе стѣя и блженныа Евдокии. „Внегѣ еллинскы требамъ неправедныа законы держаще“. Тоже житіе въ А. Sanct. Mart. t. I, 10 и 870 и на славянскомъ яз. въ печ. Ч. Миней.

л. 20 обор. Мѣца марта. въ 6 днь. мѣніе стѣго Феодота еппа Кіринѣя куврѣскаго. „Много имѣаше прельсти время то в дерзостѣ нечтивы елины. яко же и коонецъ взя при велицѣмъ страстницѣ Феодотѣ“. Тоже съ небольшими измѣненіями въ изложеніи въ печ. Ч.-Миней. На греч. и лат. неизвѣстно. Въ А. Sanct. Маіи 6 только два краткихъ проложныхъ сказанія.

л. 25 обор. В той же днь. памя стѣго мѣнка Амфіяна. „Лютый змій и томитель безмилостивъ оуже в всѣ приимъ новѣю власть в то годъ“. Въ печ. Ч.-Мин. 2 апр. Изъ Евсевія: О палестинск. мученикахъ гл. 4 и 5.

л. 28 обор. Мѣца марта. въ 7 днь. Моученіе стѣю Еоутропія, и Клевника, и Василиска. „Блаженный Феодоръ съвершивъ своего мученія мѣтвою створи“. Подь Оеодоромъ разумѣтся

Θеодоръ Тиронъ, въ дружинѣ котораго принадлежатъ эти мученики. Тоже въ печ. Ч.-Минеѣ съ небольшими измѣненіями въ изложеніи. См. объ этомъ мученіи въ *A. Sanct. Mart.* III, p. 233.

л. 37. Мѣца марта, въ 8 днѣ мѣніе стѣ мѣкъ Павла. і Оуліаніи сестры его. и инѣ тре мѣкъ въ Птолемаидѣ финикійстѣ мѣныхъ. „Авріанъ (Авреліанъ) црѣ заповѣдь положи на хртіаны. всей вселеннѣй жрети коумиромъ“. Тоже въ печ. Ч.-Минеѣ. На латинск. у *Migne* въ *Patrol. t. CXV*, 575 и въ *A. Sanct. Aug.* III, 446. На греч. упомин. у *Fabric.* IX, 105.

л. 48. Мѣца марта въ 6 днѣ моуніе стѣо Василица. „В то время цртвовавшоу Максиміану приде переменникъ въ Асклипода мѣсто инѣ въвода. именемъ Агрипа“. Составляетъ продолженіе мученическихъ актовъ Евтропія, Клеоника и Василица 3 марта. Акты эти выше (съ 28 л. обор. по 37) прерваны на описаніи кончины только первыхъ двухъ мучениковъ. *A. Sanct. Mart.* III, 236.

л. 51 обор. Мѣца марта. въ 3 днѣ мѣніе стѣо Конона. мѣна бывша въ Ликаоніи. „Въ времена Авриліана мля бѣ члкъ въ Люкаонѣстѣи области. емѣ имя Коновъ“. Житіе Конона иконійскаго и сына его Конона же. См. въ печ. Ч.-Минеѣ 6 числа. Въ *A. Sanct. Maii VII*, 8 и далѣе. Упоминается на греч. языкѣ у *Fabric.* IX, 68.

л. 57 обор. В той же днѣ. чудотворенія стѣо Конона. иже въ Ликаоніи Исавріи моучень бысть. „Въ временѣ стѣ аплѣ, ввегда словоу Бжества, и воплощенія смотреніе члко проповѣдающися“. Въ печ. Ч.-Минеѣ 5 числа: Житіе Конона исаврійскаго. *A. Sanct. Maii VII*, 4; сисс. *Mart.* I, 360.

л. 72. Мѣца марта въ 3 днѣ. моуніе стѣ добронобѣдны мѣкъ въ Сиріи моучены. Февра, Константина, Калиста, Февфи-

ла, Васоя, и иже с ними. сложено стѣ Софроніемъ, архієпкопо кипрскимъ. „На моченическая возстрагіа ныѣ мочениколюбци слоухы простремъ“. Софронія іерусалимскаго. См. Fabris. IX, 121.

л. 78 обор. Мѣца марта. въ 3 днѣ. житіе и стрѣть стѣхъ ѿць епѣ бывши. Василя, и Капитола. мочившемася въ Херсонѣ. „Хсъ ми да начинаеть слово едипомоудрь и моудрый исправи-тель“. Въ печ. Ч.-Минеѣ „отъ греческихъ рукописныхъ“ разсказаны тѣже подвиги херсонесскихъ епископовъ, какъ и здѣсь. Настоящее сказаніе имѣеть форму слова, написаннаго жителемъ Херсона и обращеннаго къ сограждамамъ. Точно такое же слово естъ въ древней Супрасльской Минеѣ XI в. (Monum. linguae palaeoslov).

л. 85 Мѣца марта. 1 днѣ. моуѣіе стааго Конѣдрата и дружины его. „Ѣ многихъ и различни градъ. въсьхищевы бывше христіане. Ѣво времяѣ Декію и Оуліана“ (т. е. Валеріана). Тоже житіе въ Маварьевской Ч.-Минеѣ, откуда взято и въ теперешнюю печатн. Минею. Въ А. Sanctior. Maii II, 362, вмѣсто него только проложныя сказанія. У Фабриція тоже не упоминается.

л. 96. Мѣца марта, а 1 днѣ житіе Григорія папы. стѣя Бѣжіа црѣве. „Блженный Григорій бывъ прѣвостолникъ рѣскіа стѣя Бѣжіа цркви“. Два отрывка (о ницелюбіи св. Григорія) изъ обширнаго житія его, составленнаго діакономъ Іоанномъ. У Миня въ Patrol. ser. lat. LXXV t. Почти тоже въ печ. Ч.-Минеѣ 12 марта.

л. 99. Мѣца марта. въ 1 днѣ. Савы черныца похвала ѿ оци нашемъ и ісповѣдницѣ Оеофанѣ. „Трезвѣніа непростаго и трѣда потреба пражисющемъ, ѿ словесехъ похвалныхъ. дѣнааго потребная изрещи. и дѣховная извѣщати“. Похвальное слово преп. Оеофану сиріанскому († 820), пострадавшему за св. иконы.

Инокъ Савва, авторъ слова, вѣроятно есть тотъ самый, который написалъ древнѣйшее житіе преп. Іоаннікія великаго (4 ноября † 846). См. объ немъ Lambec. t. VIII, 566 и у Филарета: Ученіе объ отцахъ, стр. 316.

л. 110. Мѣца марта въ г̄ днѣ. мч̄ніе ст̄го Пӣввіа презвитера змирьска града. „Памя ст̄ги(хъ) вбщевати апломъ (апостоль) вели“. Сказаніе современника. Въ печ. Минеѣ 11 марта. Въ А. Sanct. Febr. I, 37. Въ концѣ прибавлена: Молитва ст̄го Пӣввіа. иж вбрѣтена во ино писаніи. „По сихъ ввигѣ чтется римскый Пӣввій самся исповѣдавъ хрт̄іана соуца“. Послѣ молитвы замѣчено: „Азъ же Власъ во Ефесѣ сѣ. в то время оупразнився ѿ дѣла црева. преписахъ протолковавъ ѿ римска языка на греческъ“, т. е. акты мученика. Тоже въ Супрасльской Минеѣ 12 марта, гдѣ находится самый древній славянскій переводъ мученія св. Піюнія.

л. 121. Мѣца марта въ д̄ днѣ. мочуеніе святаго Савина. „Црт̄вс-ующ Дивклитіяноу. заповѣдь послася ѿ всеи вселенѣи“. См. въ замѣткахъ при Мѣсяцосл. Сергія подъ 16 марта.

л. 126 обор. Мѣца марта въ е̄. мочуеніе святаго Алексанра прозвитера, мочена въ Сидѣ. „При црт̄віи Авриліани. вбладающоу Панфілію Антонинъ в Сидѣ градѣ. взыскаемомъ хрт̄іаномъ на жреніе бѣсомъ“. Въ печатп. Минеѣ сокращенно изъ великія Четвы. Тоже житіе въ Супрасльской Минеѣ безъ начала. Въ западныхъ изданіяхъ и библиографіяхъ неизвѣстно.

л. 136. Мѣца марта въ е̄ днѣ мч̄ніе стоюу Трофима и Фалла мочившоуюся въ Лаодикіи. „Въ Ференже в Лаудикіи владоущоу Асклипиѣдотоу“. Въ печ. Минеѣ сокращено. Въ А. Sanct. Mart. II, 58.

л. 140. Мѣца марта восьмйнадесять. житіе и жизнь преподобнаго отца нашего Анпина. „Послоушавъ радостнѣ прошенія

твоего. в бголюбче“. Въ печати. Минеѣ отъ великія Четьи вкратцѣ. Въ А. Sanct. Mart. II, 427 тоже сокращенно. Полное житіе есть также въ Супрасльской Минеѣ. Авторъ почти современникъ святаго.

л. 163 обор. Мѣца марта въ 11 днь. моченіе стѣхъ Хрисанфа и Даріи. мѣнома в Римѣ, „Моужъ нѣкто. именемъ Полемій боляринъ“. См. выше окт. Минею № 620, л. 297.

л. 175 обор. Мѣца марта. въ 11 днь. Житіе преподобнаго вѣца нашего Павла простаго. „Повѣдаше стѣй Бжій Ераксъ и Кроній. и дрзїи мнози в братїа. в немже мышлю глати“. Изъ Руфиновой Hist. monach. с. 31 и Палладіева Лавсаика гл. 28.

л. 179. Мѣца марта въ 11 днь. мѣнїе стѣ Терентїа. Африкіана. и Поплія. „Цртвоующую Декїю в рїстѣй власти и хотящѣ вся на свою вѣрс привлещи. вѣца бо имѣя діавола“. На греч. у Миня въ Patrolog. CXV, 96. Сравн. А. Sanct. April. I, 852. Въ печ. Минеѣ 10 апрѣля вкратцѣ.

л. 181 обор. Мѣца марта. въ 11 дн. житіе прѣбнаго вѣца вѣрго Ісакїа мѣтрян Далмаскѣ. „(По) поклоненїи престо и поклоняемаго крта“. Въ печ. Минеѣ 30 мая. На греч. и лат. въ А. Sanctor. Maii. VII, 244.

л. 193 обор. Мѣца марта въ 11 днь мѣнїе стѣю Трофима. и Евкарпїишна. „Многоу бывающѣ воплю любимая братїя“. По Прологу память ихъ 18 марта. Сказанїе есть въ Супрасльской Минеѣ и въ великой Четьѣ. А. Sanct. Mart. II, 616.

л. 195 обор. Мѣца марта въ 11 днь. Мѣнїе стѣго Дометїа и оучнкоу его. „Иоуліаноу тога пришешоу на Авѣтїишхїйскїй гра“. Въ печ. Минеѣ 7 августа. Въ Супрасльской 23 марта. См. объ этомъ житїи въ Полн. Мѣсяцосл. архим. Сергїя, т. II, ч. 2, стр. 235—236.

л. 199. Мѣца марта, кѣ днѣ, страсть стго сѣномѣвка Артемона. „Влѣто двадесяти четвертое цря Дивклитіана. мятежь бѣ великъ“. Въ А. Sanct. Oct. IV, 41 только краткое сказаніе. Полные акты этого лаодикійскаго мученика въ Ч.-Миней м. Макаріи, откуда въ сокращеніи заимствованы въ печ. Минею 13 апрѣля.

л. 206 обор. Мѣца марта, кѣ. прибнаго вѣца ншего Февдора игоумена стоудійскаго. на Блговѣщеніе в дѣвствѣ слово зг е. „Братіе и вѣцы. попеже Блговѣщеніе приде“. Migne. Patrol. t. XCIX, 596.

л. 207 обор. В той же днѣ иж во стѣ вѣца нашего Івана Злаоустаго... слово на Блговѣщеніе прѣта влѣци нашей Бѣци и прѣодѣвѣи Мріи. „Црѣски таинѣ празньствоуе днѣ“. Есть въ Прологѣ. У Миня t. LX, 775 spuria.

л. 212 обор. Мѣца марта въ кѣ днѣ. иж во стѣ вѣца ншего архидіакопа стго Ха Ба ншего воскрніа. и архіеипа бывшаго крисксаго Анрѣя ермлявина. слово на Блговѣщеніе прѣтѣи влѣцѣи нашей Бѣци. и прѣодѣвѣи Мріи. „Приде всѣмъ дне радость рѣшащи первою клятвѣ“. Migne. t. XCVII, 881.

л. 224 обор. Иже во стѣ вѣца ншего Іванна Злаоустаго... слово на Блговѣщеніе прѣтѣи... Мріи. и на невѣрѣющая пречистѣи Бѣци стѣи Мріи. „Тайно и дивно вижю в слнца мѣсто Слнце правдѣ. неуписанно вместившееся въ двѣцю“.

л. 232 обор. На тотъ же день слово безыменное. „Краснаго дни и свѣтлаго празьдника Благовѣщенія празпоующе. началный и прѣвый сѣи влѣци празникѣ. и главизна нашему спсєнію“.

л. 235 обор. Мѣца марта, кѣ днѣ. на соборѣ архаггла Гавріила. и похвала гжи Бѣци слово стго Іванна Злаоустаго. „Наки радостно Блговѣщеніе. наки свободное возвѣщеніе“. См. Опис. ч. I, стр. 678—679.

л. 239. Мѣца марта въ кѣ днѣ. житіе блженана Исаакіа. бывшоу прозвѣтерѣ и архимандритѣ. „По шбрѣтеніи прѣтаго и прѣтнаго крѣта“. Вторая половина житія преп. Исаакіа далматскаго, начинающаяся прямо со времени гоненія аریانъ на православіе при Валентѣ. См. выше л. 184 обор.; но разсказъ по изложенію нѣсколько отличенъ отъ имѣющагося въ написанномъ тамъ полномъ житіи.

л. 243 обор. Мѣца марта въ кѣ днѣ. мѣніе стго Иринея епѣпа. „Егда нравъ блгъ со блгочтіемъ сочъся. лоучши желая. стра Бжій пріиметь“. Въ печ. Минееѣ 26 числа отъ „греческихъ рукописей“. См. Lambec. VIII, 436 — 441. Сравн. A. Sanct. Mart. III, 19.

л. 245 обор. Мѣца марта въ кѣ днѣ. мѣніе стго Феодора прозвѣтера. моученъ бывшоу въ Антиохіи при Оуліяни цри. „Доблю и бголюбномъ изволенію. блженаго мѣнка Феодорита не точію е дивитися“. Въ печ. Минееѣ 8 числа отъ великія Четви. Описаніе мученія составлено очевидцами (л. 152 обор.—153). Полный Мѣсяц. архим. Сергія, т. II, ч. 2, 73.

л. 253. Мѣца марта. въ кѣ днѣ. моученіе стыхъ. Івны и Варахисіа. и дрѣжины ею. „В лѣто шмоенадеся князя и цря перьскѣ Саворіа. гоненіе сотвори на цркви Хвѣ“. Въ концѣ сказано, что мученіе это описаль очевидецъ, чиновникъ Саворія, Исаія сынъ Алавова. A. Sanct. Mart. III, 768.

л. 262 обор. Мѣца марта. въ л днѣ. житіе стго Іванна епископа. и безмольника монастыря стго Савы. „Первое полагаю слово шца Іванна“. Написано очевидцемъ святаго (л. 275), монахомъ Кирилломъ скиѣопольскимъ. Въ A. Sanctor. Maii III, 13 die, p. 231 и 14. Въ Супрасльскоѣ Минееѣ подъ 31 числомъ.

л. 275 обор. Мѣца марта. л днѣ. Повѣсть има сказаніе собрано шчасти житія и чудотворенія. иже во сты шца шшего

Ины митрополита всея Рсѣи. в неже пѣчто има в оуложеніи празнства рсѣскы чудотворцо. в прочи знаменосны митрополитѣ. в велики кнзе. і яко вскорѣ Бжій сѣдѣ постиже встоупниковъ истиннаго православія. греческаго цря и патріарха іже латынскомѣ соборѣ привбщишася. и како блггрозмыный великій кнзь Василей Васильевичъ ѿ ереси латынскіе державоу свою свободи. и о повизѣ его. иже показа в православіи. „Прїидѣте возлюбленніи добріи послѣшницы. прїидѣте чада црковная“. Обширная редакція житія святителя Іоны, содержащая въ себѣ сводъ прежнихъ редакцій и разныхъ сказаній, имѣвшихъ какое либо отношеніе къ судьбѣ Іоны. См. объ ней въ книгѣ Ключевскаго стр. 241—242 и въ прилож. 4, гдѣ напечатанъ самый любопытный отрывокъ изъ этого житія о соборахъ 1547 и 1549 гг., установившихъ церковное празднованіе новымъ чудотворцамъ.

629 (511). Минея Четья на мартъ и апрѣль. Полууставъ XVII в. въ листѣ на 498 лл. На послѣднемъ листѣ запись переписчика: „Написана бысть сія книга избраннымъ святымъ житія, мѣць мартъ и апрѣль, в лѣта 1333 го. во обители Пандократоровы сущемъ понта окіана Соловецкаго отока киновархъ прѣбныхъ и блггосныхъ мѣць нашихъ Зосима и Савватія чудотворцовъ. повелѣніемъ и блггословеніемъ тояже чтныя обители духовнаго настоятеля игумена Вареоламея. рукою многогрѣшнаго раба Калинка Наумова сына москвитина“. Далѣе слово къ читающимъ съ обычнымъ у переписчиковъ моленіемъ не клясть за ошибки.

Въ началѣ оглавленіе изъ 17 главъ. Въ л. 3 вклеена въ прорѣзь тафта, составляющая прокладку для богатой раскрашенной и прозолоченной заставки изъ цвѣтовъ, которою начинается начальный листъ (въ ркиси 4-й) текста на мартъ мѣ-

сидѣ. Содержаніе рукописи, какъ сказано въ записи переписчика, состоитъ изъ собранія только избранныхъ житій. Сначала тѣже статьи, которыя находятся въ предыдущемъ спискѣ: марта 1 житіе и мученіе преп. Евдокіи, 5 (л. 30) чудотвореніе св. Конона, иже въ Ликаоніи Исавріи мучень бысть, 6 (л. 49)—мученіе 42 мучениковъ, въ Сиріи мученыхъ, 7 (л. 57)—житіе и страсть Василя и Капитона епископовъ, въ Херсонѣ мучившихся, — безъ вступленія, которое предшествуетъ этому сказанію въ предыдущемъ спискѣ,—начинается прямо: „Во времена говенія нечестиваго царя Діоклитіана“...

л. 64. Мѣца марта въ ̅̅ днѣ. мѣченіе стѣхъ мѣнѣкъ четыридесятихъ, иже въ Севастіи мѣченыхъ. „Въ времена Ликинія царя бѣ гоненіе веліе на хртны“. На греч. см. у Лямбеція, t. IV, 172 и 237. На лат. въ A. Sanctor. Mart. II, 19, die 10.—Л. 71. Василя великаго похвала четыредесяте мученикомъ. „Мѣченикъ память, которая оубо бѣдетъ сытость мучениколюбцы“. Migne. Patrol. XXXI, 508.

л. 81. Мѣца марта въ ̅̅ днѣ. житіе иже во святыхъ мѣца нашего, преосвященнаго архіеппа великаго Новаграда Еоуфіміа. „Понеже оубо онѣмъ великимъ и бжтвеннымъ мужемъ“. См. выше: Житія новгор. владыкъ № 580, л. 62 обор.

л. 99. Григорія стѣйшаго и апльскаго папы старѣйшаго Рима словеса по вопросу и отвѣту о жительствѣ стаго Венедикта. „Мужъ нѣкій бѣ, жительствомъ убо благоговѣнѣ“. Изъ II кн. Собесѣдованій Григорія Двоеслова. Въ печатн. Миней 14 числа сокращенно.

л. 149. Мѣца марта въ 3̅. житіе стго Алексѣя челоѡка Божія. „Бѣ челоѡкъ благовѣренъ въ Римстѣмъ градѣ“. См. Ламбес. t. VI, 305—306. VIII, 748.

л. 156. Житіє и подвизи преподобнаго отца нашего игумена Макарія новаго чудотворца, составльнаго монастырь стѣя Трѣца, еже естъ Колязино именуемо. „Бысть нѣкто мужъ отъ предѣлъ Тверскія области, отъ града нарицаемаго Кашина“. Написано въ 1546—1547 г. въ 64 лѣто отъ копчины преподобнаго. См. объ этомъ житіи у Ключевского стр. 289. Въ рѣпси оканчивается припиской автора; посмертныхъ чудесъ нѣтъ.

л. 170. Слово св. Іоанна Златоустаго на Благовѣщеніе. „Восія намъ днесь праведное Солнце“. См. Опис. ч. I, стр. 679.—

л. 175. Другое слово на тотъ же праздникъ св. Іоанна Дамасківа. „Ныпѣшнему честному и царьскому собранію“. См. тамъ же.—

л. 189. Слово на тотъ же день св. Іоанна Златоустаго. „Паки радость благовѣстія“. Тоже въ предыдущемъ спискѣ. Между 194 и 195 лл. одинъ листъ затерянъ; на немъ было написано окончаніе послѣдняго слова и начало еще новаго слова Іоанна Златоустаго на тотъ же праздникъ, которое въ уцѣлѣвшемъ отрывкѣ начинается словами: „Слово единосущенъ сый Отцу, приемъ наше существо, единосущенъ быти рабомъ восхотѣ“. Настоящее начало его: „Въ первую недѣлю православную“. См. Опис. ч. I, 678 (л. 202).

л. 203. Мѣца марта въ 1 днѣ. Сказаніе ѿ части житія иже во святыхъ отца нашего Іоны митрополита всея Русіи. „Сей стѣй великій во святителехъ Іона бысть родомъ отъ мѣстъ града Галича“. См. Степ. книг. II, 69. Въ концѣ 10 посмертныхъ чудесъ и похвала кратцѣ: „Мы же возлюбленни, со страхомъ и любовію протекающе“...

221. Зиновія черноризца слово на память преподобнаго... Зосимы чудотворца. См. Опис. ч. I, стр. 3.

л. 272. Мѣца апрѣля въ 11 днѣ. житіе прѣбнаго ѿца нашего Феодора архимандрита Сикейскаго монастыря. списано Георгіемъ

Привать-доцентъ Алексѣй Дмитріевскій не занимаетъ штатной преподавательской кафедры, а состоитъ сверхъ штата привать-доцентомъ при кафедрѣ литургіи.

По выслушаніи сего Совѣтъ академіи произвелъ закрытое баллотированіе на должность помощника бібліотекаря всѣхъ означенныхъ лицъ, кромѣ псаломщика села Карадуль Кольвицкаго, не представившаго своихъ документовъ, и большинствомъ голосовъ избралъ на означенную должность привать-доцента казанской духовной академіи при кафедрѣ литургіи Алексѣя Дмитріевскаго.

По § 86 лит. Б. п. 6 избраніе помощника бібліотекаря относится къ дѣламъ Совѣта, представляемымъ на утвержденіе епархіальнаго преосвященнаго.

Постановили: Привать-доцента академіи Алексѣя Дмитріевскаго считать избраннымъ на должность помощника бібліотекаря академіи, съ производствомъ ему содержанія по сей должности со дня избранія, т. е. съ 8 сего апрѣля, о чемъ и представить журналомъ симъ на утвержденіе Его Высокопреосвященства; при журналѣ приложить баллотировочный листъ. По утвержденіи же журнала сего Его Высокопреосвященствомъ, сообщить о семъ г. Дмитріевскому и правленію академіи.

XVIII. Слушали: Представленія отдѣленій академіи со списками книгъ, рекомендуемыхъ преподавателями къ выпискѣ въ академическую бібліотеку.

По запискѣ ординарнаго профессора *Н. Бяляева* и экстраординарнаго профессора *Е. Бударина*:

	Руб.	Коп.
Sehet, jetzt ist gnadenreiche Zeit. Eingehender Unterricht und Ermahnung zur würdigen Feier des grossen Jubiläums im Jahre des Heils. 1875 г.	—	50
Hirscher. Die katholische Lehre vom Ablass. Tübingen. 1855 г.	—	60
Kübel. Ueber den Unterschied zwischen der positiven und der liberalen Richtung in der modernen Theologie. 1881 г.	1—	50
Haupt. Die Kirche und die theologische Lehrfreiheit. Kiel. 1881 г.	1	—
Holsten. Die protest. Kirche und die theolog. Wissenschaft. Berlin. 1881 г.	—	50
Протокол. ад. сов. 1888 г.		5

Harnisch. Das Leiden beurtheilt vom theistischen Standpunkt. Halle. 1881 г.	1—60
Oehninger. Princip, Beruf und Entartung des Protestantismus. Augsburg. 1881 г.	— 80
Schneider. Die jubeläumsrede Bourdaloms. Paderborne. 1875 г.	— 60
Stahl. Der Protestantismus als politisches Princip. Berlin. 1853 г.	1—25
Stähelin. Erasmus Stellung zur Reformation Basel. 1873 года	— 60
Thischhauser. Das Uebel nach biblische Lehre. Zürich. 1881 г.	— 65
Schneemann. Die Entstehung der thomistisch-molinistischen Controverse 1879 г.	1—55
Oertel. Hades. 1863.	2 —
Mariano. Christenthum, Katholicismus und Kultur. 1880 г.	4—90
Oswald. Eschatologie. 1879 г.	3—15
Rüetschi. Geschichte und Kritik d. kirchl. Lehre von der ursprünglich Vollkommenheit und vom Sündefoll. 1881 г.	3 10
Bonet-Maury. Des Origines du christianisme unitaire chez les anglais. Paris. 1881 г.	3—50
Bühler. Altkatholicismus 1880 г.	4—40
Maurenbrecher. Geschichte der kathol. Reformation Erst. Band. Nördlingen 1880 г.	5—20
Luken. D. Traditionen des Menschen geschlecht.	3 —
Vatke. Die menschl. Freiheit in ihren Verhältn. zur Sünde u. zur götth. Gnade. 1841 г.	марокъ 8 —
По запискѣ экстраординарнаго профессора <i>Е. Малова:</i>	протоіереа
D-r M. A. Levy: Geschichte der jüdischen Münzen. Breslau. 1862 г.	} 13 —
D-r Arthur Hager: Die Münzen der Bibel. Stuttgart. 1868 г.	
Das Münz-Mass-und Gewichtswesen in vorderasien bis auf Alexander den grossen, von. J. Brandis. Berlin. 1866 г.	
Levy. J. Neuhebräisches und chaldäisches Wörterbuch über die Talmudim und Midraschim Leipzig. 1882 г.	марокъ 6 —

<p>Основныя начала мусульманскаго права согласно ученію имамовъ Абу-Ханифы и Шафиі. Л. В. С. Фанъ-день-Берга. Перев. Гиргастъ .</p>		
Гюлистанъ. Переводъ Ив. Н. Холмогорова.		1 —
По запискѣ экстраординарнаго профессора	<i>А. Волкова:</i>	
Fouillée. La philosophie de Platon. 2 т.		8 —
Fouillée. Extraits des grandes philosophes		3 —
Hirzel. Untersuchungen zu Cicero's philoso- phischen Schriften		10—80
По запискѣ доцента <i>П. Милославскаго:</i>		
Бэвъ. Душа и тѣло		1—25
Мейвертъ. Механика душевныхъ явленій .		— 40
Рибо. Англійская Психологія		2 —
Bray. On Force		3—25
Wundt. Die physikalischen Axiome.		1—75
Fick Ursache und Wirkung		— 75
„ Lectures of Philosophical Society		2—75
Lotze. Metaphisik		5 —
Bain: A First English Grammar		— 90
„ A Key to Above		1—10
„ A Higher English Grammar		1—60
„ A Companion to		2—10
Thum: Englische Grammatik		1—25
По запискѣ доцента <i>Д. Гусева:</i>		
Dr. Johannes Dräseke. Der Brief an Diog- netos sebst Beiträgen zur Geschichte des Lebens und der Schriften des Gregorios v. Neocäsar.	марки	
Leipzig. 1881 г.		3 —
Kahnis. Die Lehre von heiligen Geiste. Hal- le. 1847 г.		3 —
Johannes Lorenz Mosheim. Origenes acht Bücher von der Wahrheit der christlich. Religion wider den Weltweisen Celsus. Hamburg. 1745 г.		
По запискѣ доцента <i>М. Богословскаго:</i>		
The New Testament, translated out of the Grec. Being the version est fort a. . 1611, com- pared with the most ancient authorities and re- vised. 1881 г.		2 —

Сравнительный объяснительный словарь на Новый Заветъ, въ 5 книгахъ, издав. Гильтебранд-томъ	9—50
Мысли на каждый день года по церковнымъ чтеніямъ изъ слова Божія, еписк. Теофана. Москва. 1881 г.	1—25
Schanz, Dr. P. Commentar über d. Evangelium d. chl. Markus	3—60
Оберленъ. Пророкъ Даниилъ и Апокалипсисъ св. Іоанна. Перев. протоіерея А. Романова Тула 1882 г.	3—50
По запискѣ доцента <i>П. Юнгера</i> : Ружемонъ. Объясненіе на 12 послѣднихъ пророковъ.	3 —
Орда. Руководственное пособие къ объясненію псалтири	1 —
Щеголевъ. Призваніе Авраама въ церковно-историческомъ отношеніи	1—20
Wogue. Histoire de la Bible et de l' exegese biblique	6 —
Reuss. Die Geschichte der heiligen Schriften Alten Testaments. 1882 г.	4 —
Weiss. Die grossen Kappadocier—Basilius, Gregor von Nazianz und Gregor von Nyssa als exegeten. 1872 г.	grosch 18 —
Smend. Der prophet Ezechiel. Leipzig. 1880 г. По запискѣ ординарнаго профессора <i>Ө. Курянова</i> : C. N. Sathas. Monumenta historiae Hellenicae T. I—III.	33 —
W. Preger. Geschichte der deutschen Mystik in Mittelalter. Th. 2	5—90
По запискѣ экстраординарнаго профессора <i>В. Миротворцева</i> : Столѣтіе вятской губерніи (1780—1880 г.). Сборникъ матеріаловъ къ исторіи вятскаго края, 2 тома, 1880—1881 г. Вятка	4 —
Русская историческая бібліотека. Т. VI. 1880 г.	3 —
Архивъ князя Воронцова. Т. 28 и д. Николай Бантышъ-Каменскій. Дипломатическое собраніе дѣлъ между россійскимъ и китай-	

скимъ государствами съ 1619 по 1792 изд. В. М. Флоринскаго 1882 г. Казань.	5	—
Графъ П. Д. Киселевъ и его время. Заблоцкаго-Десятовскаго Т. I—IV.	8	—
Каталогъ актовъ и бумагъ, относящихся до Сибири и хранящихся въ Московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. 1879 г.		
Лѣтопись Кунгурская (сибирская). Изд. Зостомъ. 1880 г.		
Сочиненія С. М. Соловьева. Москва. 1882 г.	3	—
Біографіи и характеристики К. Бестужева-Рюмина. 1882 г. Спб.	2	50
Сборникъ Императорскаго Русскаго историческаго Общества съ 37 т. и дал.		
Боярская Дума древней Руси. Ключевскаго.	1	50
Графъ А. С. Уваровъ. Археологія Россіи. I. Каменный періодъ. 1881 г. I и II т. Москва.	18	—
Поволжье въ XVII и началѣ XVIII стол. Перегятковича.	2	50
Сибирь какъ колонія. Ядринцова.	3	—
Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества (пополнить), т. I—IX.		
Посольскія и торговыя сношенія Россіи съ Китаемъ (до XIX в.). Соч. Х. Трусевича. Москва.		
Русская историческая библіографія за 1865—1876 гг. включительно. Состав. Межовъ, т. I и II. Спб. 1882 г.	1	—
Цесаревичъ Павелъ Петровичъ (1754—1796). Историч. изслѣдованіе Д. Кобеко. Спб. 1882 г.	3	—
Сборникъ Московскаго архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Вып. I и II. Изд. комисіи печатанія грамотъ и договоровъ. Москва.		
Сборникъ статей, касающихся Пермской губерніи, помѣщ. въ неофициальной части Губернскихъ Вѣдомостей въ періодъ 1842—1881 г.	2	50
Князья и царскія грамоты ярославской губерніи. Изд. Вахромѣевымъ. Москва 1881 г.		
Reisen und Forschungen im Amur-Lande in den Jahren 1854—1856. I—III вып. Изд. акад. наукъ		

Развѣдка о доисторическихъ временахъ Русь-
славянскаго народа А. С. Васильчикова. Одесса.

Дозорныя и переписныя книги древняго го-
рода Ростова. Титова. Москва. 1880 г. 1—50

Исторія Серпухова въ связи съ серпухов-
скимъ княжествомъ и вообще съ отечественною
исторіею, Симеона. Москва. 1880 г. 2—75

Бутарскій Ив. Опытъ древней исторіи горо-
да Опочки. Псковъ. 1879 г. Изд. П. И. Куколь-
ника. 1 —

Матеріалы для описанія мѣстностей и пле-
менъ Кавказа. Изд. Управл. Кавказ. Уч. Окру-
га. Вып. I. Тифлисъ 1881 г.

По запискѣ ординарнаго профессора *П. Знаменскаго*:

Исторія преосвящ. Макарія, посмертный
томъ въ 5 экзмп. 10 —

Jul. Pelesz. Geschichte der Union der Rut-
henischen Kirche mit Rom, Bde 1 und 2. 1881 г. 12 —

По запискѣ экстра-ординарнаго профессора *Н. Иванов-
скаго*:

„Дѣло патріарха Никона“. Губбенета. 3 —

По запискѣ доцента *С. Терновскаго*:

Keim. Rom und das Christenthum. Eine
Darstellung des Kampfes zwischen den alten und
den neuen Glauben in romischen Reiche während
der beiden ersten Jahrhunderte unsrer Zeitrech-
nung, herausgegeben von H. Ziegler. Berlin. 1881 г. марокъ
10 —

Langen. Geschichte der romischen Kirche
bis zum Pontificate Leo 's I quellenmassig dar-
gestellt. Bonn. 1881 г. 15 —

Pothast. Bibliotheca historica medii aevi. Ber-
lin. 1862 г. 7½ —

Ebrard. Handbuch der christl. Kirchen und
Dogmengeschichte. Erlangen. 1865 г. Три тома
около : 18½ —

Stuffken. Diss. de Theodosii M. in rem christi-
aniam meritis. Lugd. 1828 г. 1—44

Heydenreich. Incerti auctoris de Constantino
Magno ejusque matre Helena libellus, edidit E.
Heydenreich. Lipsiae. 1879 г. 60 —

Koffmane. Die Gnosis nach ihrer Tendenz und Organisation. Breslau, 1881 г.	пфен. 60 —
Harnack. Das Monchtum, seine Ideale und seine Geschichte. 2-te Auflage. Giessen, 1882 г.	марк. 1 —
Koppallik. Cyrillus von Alexandrien. Eine Biographie nach den Quellen gearbeitet. Mainz 1881 г.	мар. 6 —
Lipsius. Die edessenische Abgarsage, kritisch untersucht. Braunschweig. 1880 г.	мар. пф. 2 40
Gelzer. Sextus Julius Africanus und byzantinische Chronographie. Leipzig. 1880 г.	мар. 1 —
Brieger. Constantin der grosse als Religionspolitiker. Gotha. 1880 г.	марк. 1 —
Salmon. Traite de l' etude des Conciles et de leurs collections. Par. 1724 г.	
По запискѣ приватъ-доцента В. Зефирова: Sybel. Geschichte des ersten Kreuzuges. 2 Auflage. 1881 г.	мар. 10 —
Waitz Deutsche Verfassungsgeschichte. 4 Bände. Von der ältesten Zeiten bis zur Mitte 9 Jahrhundert	12 —
Laugier. Histoire de la republique de Venise. Paris. 1866 г. 3 tom	
Caro. Geschichte Polens. 2 и 3 Bände (продолжение Geschichte Polens von R. Roepell).	мар. пф. 8 40
По запискѣ приватъ-доцента Д. Бѣликова: Krall. Studien zur Geschichte d. alten Aegypten. Wien	мар. 1 —
Zaüth. Aus Aegyptens Vorzeit. Berlin	2 —
Hommel. Abriss der Babylonisch-Assyrischen und Israelischen Geschichte. Leipzig	мар. 2 —
Schrader. Zur Kritik der enschrifteten Tiglath-Pileser II, d. Assarhaddon und d. Asurbanipal.	мар. 3 —
Dondorff. Aphorismen zur Beurtheilung der solonischen Verfassung. Berlin	мар. 1 —
Herbst u. Baumeister. Quellenbuch zur alten Geschichte für obere Gymnasialklassen	мар. 2 —
Schaefer. Abriss d. Quellenkunde d. griechischen u. römischen Geschichte	мар. 3 —

Schmitz. Quellenkunde d. römischen Geschichte bis auf Paulus Diaconus	мар.	2	—
Dahn. Urgeschichte d. Germanischen u. Romanischen Völker	мар.	3	—
Радлинскаго Надписи персидскихъ царей. Вып. 1-й.		1	50
Цезари. Шампаньи. Перев. Кирѣева въ 2 томахъ		7	50
По запискѣ ординарнаго профессора <i>Ив. Порфирьева</i> : Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго по неизданнымъ источникамъ и личнымъ воспоминаніямъ К. К. Зейдлица. Спб. 1883 г.		2	—
Дидро и энциклопедисты Джона Морлея. Переводъ Невѣдомскаго. Москва. 1882 г.		2	50
Драматическій словарь 1787 г. Спб. 1881 г.		2	—
А. С. Пушкинъ въ его поэзи. Первый и второй періоды жизни и дѣятельности. А. Незелова. Спб. 1882 г.		1	70
Баллады Шиллера. Опытъ объясненія Д. В. Цвѣтсва. Воронежъ 1882 г.		1	10
Макиавелли, какъ политическій мыслитель. А. С. Алексѣева. Москва. 1880 г.		2	75
Европейскіе писатели и мыслители В. В. Чуйко:			
1) Свифтъ.		1	—
2) Боккачіо		1	—
3) Ренанъ.		1	—
4) Вольтеръ и Екатерина		1	15
5) Лассаль и др.			
Дантъ Аллигери, его жизнь и сочиненія. Франца Вегеля. Перев. А. Веселовскаго. Москва. 1881 г.		3	25
Г. Э. Лессингъ какъ преобразователь нѣмецкой литературы. Куно-Фишера. Перев. Рассадина		1	50
Просвѣтительныя идеи Бѣлинскаго. Систематическій сводъ всѣхъ главнѣйшихъ положеній Бѣлинскаго. Н. Турбина. Москва. 1882 г.		—	50
Н. А. Некрасовъ. Біографія. Критическій обзоръ поэзи. Голубева		—	60
Всеобщая исторія литературы по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Изд. В. О. Корша. Продолжить выписку вышедшихъ выпусковъ.			

Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. А. Веселовскаго.	2	—
Исторія русскаго театра Н. С. Тихонравова.	3	—
Описаніе сборниковъ Императорской публичной библіотеки. Бычкова.		
По запискѣ ординарнаго профессора <i>И. Бердникова</i> : Maassen. Neun Capitel über freie Kirche und Gewissensfreiheit. Eratz. 1876 г.	3	36
Friedlich. Zur ältesten Geschichte des Primats in der Kirche, Bonn. 1879 г.	3	30
Rein. Das Criminalrecht der Römer. Leipzig. 1844 г.	6	60
Krüger. Kritik des Justinianischen Codex. Berlin. 1867 г.	2	40
Biener. Beiträge zur Revision des Justinianischen Codex. Berlin. 1833 г.	—	75
Witte. Die leges restitutae des Justinianischen Codex. Breslau. 1830 г.	1	10
Heimbach. De basilicorum origine Lipsiae. 1825 г.	1	5
Jacobson. De codicibus Gregoriano et Hermogeniano 1726 г.	1	—
Löhr. Übersicht Constitutionen der römischen Kaiser von Constantin I bis auf Theodos II und Valentinian III.	1	20
Degen. Bemerkungen über das Zeitalter und die Institutionen Paraphrase des griechischen Rechtslehrers Theophilos. 1809. Lüneburg	—	40
Woeniger. Das Sacralsystem und das Provocationsverfahren der Römer. 1813 г. Leipzig.	2	75
Ordo judiciorum. Ed. Haenel. Lipsiae 1838 г.	—	45
Fasellius. Der Attische Kalender. 1866 г. Weinar	—	80
Constant. Du polyteisme romain. Paris. 1833 г. t. I et II	5	20
Alm. Die Urtheile heidnischen und jüdischen Schriftsteller der vier ersten christlichen Jahrhunderten über Jesus und die ersten Christen. Leipzig. 1864 г.	—	66
Zachariä. Beiträge zur Kritik und von Lingenthal. Restitution der Basiliken. St. Petersburg 1877 г.	—	60

Die Handbücher des geistlichen Rechts aus den Zeiten des untergehenden bysantinischen Reiches. St. Petersburg 1881 г.	— 50
Schürer. Die Gemeinverfassung der Juden in Rom in der Kaiserzeit. 1879 г. Leipzig	2—50
Champagny, Rome et la Judée au temps de la chute de Neron. Paris. 1876 г. t. I et II . . .	4—10
Горчаковъ. Къ исторіи эпитимійныхъ номоканоновъ прав. церкви. Спб. 1874 г.	1 —
Маврицкій. Церковное благоустройство. Москва. 1882 г.	2 —
Хойнацкій. Церковь и ея служители. Практическое руководство для священнослужителей при совершеніи св. Таинъ. Ч. 3 и 4. Мкв. 1882 г.	
Альбовъ. Краткій курсъ лекцій по церковному праву. Спб. 1882 г.	2 —
Поповъ. О Св. Синодѣ и установленіяхъ при немъ въ царствованіе Петра I. Спб. 1881 г. . .	1 —
Способинъ. О разводѣ въ Россіи. Москва. 1881 г.	2 —
Лопухинъ. Законодательство Моисея. Спб. 1881 г.	2 —
Чижевскій. Церковное письменоводство, или собраніе правилъ, постановленій и формъ къ правильному веденію онаго. Харьковъ. 1880 г.	1—40
Срѣтенскій. Критическій анализъ главнѣйшихъ ученій объ отношеніи между церковію и государствомъ. Москва. 1878 г.	
Владимірскій-Булановъ. Христоматія по исторіи русскаго права. Изд. 2-е.	
Казанскій. Правда ли, что наше духовенство не хочетъ и не умѣетъ учить народъ. 1882 г.	— 60
По запискамъ доцента <i>Н. Красносельцева</i> и приватъ-доцента <i>А. Дмитриевскаго</i> :	
Ciampini. Vetera monumenta in quibus praeicipue musiva opera, sacrarum profanarumque aedium structura, ac nonnulli antiqui ritus dissertationibus iconibusque illustrantur. 1690—1699 г. Roma. 2 vol in fol. 2) Еложе: De sacris aedificiis a Constantino magno constructis. Roma. 1693 г.	
In fol.	30 —

Мапсчетовъ. Митрополитъ Кипріянь въ его литургической дѣятельности. Москва	1—50
Серафимовъ. Правила и практика церкви относительно присоединенія къ православію неправославныхъ христіанъ	1 —
Лебедевъ. Литургика. 2 части	2 —
Никольскаго. О чинѣ Православія	2 —
По запискѣ приватъ-доцента <i>А. Царевскаго</i> : Практическая славянская грамматика. Св. Крылова	— 85
Вукъ Караджичъ, его дѣятельность и значеніе въ сербской литературѣ. Соч. Пл. Кулаковскаго. Москва 1882 г.	
Моравія и Мадыары. Соч. Конст. Грота	
А. А. Титова. Охранный каталогъ славяно-русскихъ рукописей	
Гр. Воскресенскаго. Славянская христоматія. Вып. I. Языкъ церковно-славянскій и древнерусскій. 10 экз. для учебной библіотеки	7—50
S. Ranka. Rusko-česky slovník	2—50
А. Путьаты. Къ теоріи индо-европейскаго вокализма	1 —
Т. Бѣленькій. Сербская грамматика	— 50
Д. Гутниковъ. Сравнительный курсъ русской и церковно-славянской грамматикъ	1 —
И. Соснецкій. Курсъ русскаго языка.	— 50
В. Стоюнина. Высшій курсъ русской грамматики	— 50
В. Караѳиѣ. Српски рјечник	2 50
Бѣлявскаго. Этимологія церковно-славянскаго и русскаго языка.	— 60
Гебауера. Славянскія нарѣчія	— 50
По запискѣ приватъ доцента <i>А. Говорова</i> : Homer und sein Zeitalter. W. E. Gladstone (съ англ.) 1877 г.	3—20
Книга для чтенія при изученіи исторіи древней классической поэзіи, Н. Мизко. 1865 г.	1 —
Sophocles Sein Leben und Wirken v. A. Schöll. Aristophanes u. sein Zeitalter. Eine philologisch-philosophische Abhandlung znr Alterthumsforschung v. H. Th. Rötcher	1 —

Oelsner. Mohamed. Darstellung des Einflusses seiner Glaubenslehre auf die Völker des Mittelalters	4	50
Beaume. Le Koran analyse.	11	50
Шарх-уль-'Акаидъ	3	—
Transactions of the Royal Asiatic Society of Great-Britain and Ire land.	6	—
По запискѣ ректора протоіерея А. <i>Владимірскаго</i> : Hirn, Refutation scientifique de materia- lisme.	1	25
Письма о христіанской жизни, еп. Ософана	3	—
Буньянъ, путешествіе пилигрима	5	—
L'abbé Pasty, L' Idee de Dieu 2 vol.	6	—

Справка: 1) По § 87 л. А. п. 9 акад. устава выборъ книгъ для бібліотеки принадлежитъ къ предметамъ занятій, предоставленнымъ утвержденію Совѣта.

2) По § 5 инструкции для бібліотекаря и его помощника „бібліотекарь выписываетъ (по опредѣленію Совѣта) книги отъ книгопродавцевъ и ведетъ съ послѣдними счета, представляя объ уплатѣ по этимъ счетамъ правленію академіи“.

3) Стоимость прописанныхъ въ запискахъ преподавателей книгъ, по приблизительному разсчету, не превышаетъ размѣра суммы 800 р., опредѣленной Совѣтомъ отъ 23 февраля на выписку книгъ въ 1883 году.

Поста повили: Поручить г. бібліотекарю академіи Ѡ. Троицкому приобрести означенныя книги для академической бібліотеки, съ тѣмъ, чтобы онъ представилъ въ свое время правленію академіи счета для уплаты по нимъ денегъ за приобретенныя книги.

Резолюція на семь журналъ Его Высокопреосвященства послѣдовала: по ст. I—XVII: „Утверждается“, по ст. XVIII: „Согласенъ“.

11 мая 1883 года.

Въ собраніи Совѣта казанской духовной академіи, подъ предсѣдательствомъ ректора академіи, протоіерея А. Владимірскаго, присутствовали помощники ректора: П. Знаменскій, И. Бердниковъ, Н. Бѣляевъ, инспекторъ В. Миротворцевъ, члены Совѣта: ординарный профессоръ Ѳ. Кургановъ и экстраординарные профессора: А. Некрасовъ, А. Волковъ, протоіерей Е. Маловъ. Не присутствовали по болѣзни члены Совѣта: ординарный профессоръ И. Порфирьевъ и экстраординарный профессоръ Н. Ивановскій.

1. Слушали: а) Отношеніе казанской духовной консисторіи отъ 25 апрѣля 1883 года за № 2306: „Казанская духовная консисторія, согласно опредѣленію своему, 7 марта сего 1883 года состоявшемуся,—при семъ имѣетъ честь препроводить въ правленіе казанской духовной академіи копію съ указа Святѣйшаго Синода, отъ 5 февраля сего же года за № 3, о возможно большемъ обезпеченіи суммъ духовнаго вѣдомства отъ потерь и убытковъ къ свѣдѣнію и должному исполненію“.

б) Копію съ указа изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода на имя Высокопреосвященнаго Палладія, Архіепископа казанскаго и свѣяжскаго отъ 5 февраля 1883 г. за № 3: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 30 ноября 1882 г. за № 13808, о необходимости возможно большаго обезпеченія суммъ духовнаго вѣдомства отъ потерь и убытковъ. Приказали: Со времени учрежденія въ Россіи частныхъ городскихъ, земскихъ и другихъ банковъ, Святѣйшимъ Синодомъ неоднократно было предписываемо епархіальнымъ начальствамъ, чтобы на суммы духовнаго вѣдомства непремѣнно были приобрѣтаемы именныя государственныя процентныя бумаги, и чтобы таковыя бумаги неотложно были передаваемы для храненія въ государственный банкъ или мѣстныя конторы и отдѣленія онаго, подъ опасеніемъ, за неисполненіе сего, законной отвѣтственности. Между тѣмъ изъ поступившихъ въ Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ свѣдѣній видно, что монастырскія начальства и цер-

ковные причты со старостами, для получения наибольшей прибыли отъ церковныхъ суммъ, отсылають ихъ для приращенія процентами въ частныя банки и при томъ иногда на вѣчное время. Въ виду столь явнаго несоблюденія постановленій о храненіи и обращеніи суммъ духовнаго вѣдомства и съ цѣлію возможно большаго обезпеченія на будущее время таковыхъ суммъ отъ потерь и убытковъ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ предписать особыми циркулярными указами Синодальнымъ конторамъ, всѣмъ епархіальнымъ Преосвященнымъ и главнымъ священникамъ гвардіи и гренадеръ и арміи и флотовъ къ непремѣнному исполненію, чтобы 1) суммы монастырскія, церковныя, епархіальныхъ попечительствъ, духовно-учебныхъ и другихъ, состоящихъ въ вѣдѣніи духовнаго вѣдомства, заведеній и учреждений, ни подъ какимъ видомъ и ни на какихъ условіяхъ не были помѣщаемы на будущее время, для приращенія процентами, въ частныя, общественныя, городскіе и другіе, подъ разными наименованіями, банки, 2) вклады, уже сдѣланные церквами, монастырями и другими духовными учрежденіями въ означенныя банки, на условіяхъ возврата ихъ до востребованія, или по прошествіи извѣстнаго срока, были вытребованы изъ этихъ банковъ, въ первомъ случаѣ (до востребованія)—немедленно, а во второмъ (на извѣстный срокъ)—по истеченіи срока; процентныя же бумаги такихъ банковъ, имѣющіяся въ духовныхъ учрежденіяхъ были бы обмѣнены на государственныя процентныя бумаги; 3) принадлежащія всѣмъ вообще духовнымъ учрежденіямъ суммы, въ случаѣ ихъ свободности, были помѣщаемы, для приращенія процентами, только въ государственный банкъ или его отдѣленія и конторы, а равнымъ образомъ и обращаемы на покупку только государственныхъ процентныхъ бумагъ, съ написаніемъ ихъ на имя тѣхъ учреждений духовнаго вѣдомства, на суммы которыхъ они пріобрѣтены и 4) лица, ревизующія отчетность суммъ духовныхъ учреждений, о всякомъ замѣченномъ ими несоблюденіи этихъ правилъ доносили бы епархіальному начальству, которому вмѣнить въ обязанность виновныхъ въ такомъ несоблюденіи правилъ подвергать надлежащей отвѣтственности“.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію и руководству и сообщить сей указъ правленію академіи.

II. Слушали: а) Прошение студента I-го курса богословскаго отдѣленія академіи Стефана Ильминскаго: „По причинѣ сильной болѣзни я не имѣлъ возможности приготовить третье семестровое сочиненіе. Въ настоящее время, чувствуя себя еще больнымъ, я точно также не имѣю возможности сдѣлать должнаго курсоваго экзамена и, по совѣту врача, долженъ ѣхать для окончательнаго поправленія здоровья въ деревню. А посему прошу Совѣтъ казанской духовной академіи, не найдеть ли онъ возможнымъ освободить меня отъ подачи третьяго семестроваго сочиненія по предмету психологіи и дозволить мнѣ держать курсовой экзаменъ въ августѣ мѣсяцѣ сего 1883 г.“

б) Прошение студента I курса церковно-практическаго отдѣленія Серафима Старосивильскаго: „Не имѣя возможности вслѣдствіе болѣзни продолжать экзамены, почтительно прошу Совѣтъ академіи дозволить мнѣ держать экзамены въ августѣ мѣсяцѣ“.

Справка: Академическій врачъ засвидѣтельствовалъ 1) „Студентъ Ильминскій съ 23 марта по настоящее время пользовался въ больницѣ академіи отъ воспаленія брюшины“. 2) „Студентъ Старосивильскій съ 23 марта по 26 апрѣля текущаго года пользовался въ больницѣ академіи отъ ревматизма мышцъ въ ногахъ“.

Постановили: Принимая во вниманіе болѣзненное состояніе студентовъ Ильминскаго и Старосивильскаго, засвидѣтельствованное врачомъ академической больницы, дозволить имъ держать курсовыя испытанія въ августѣ мѣсяцѣ, освободивъ при семъ Ильминскаго отъ подачи третьяго семестроваго сочиненія; о чемъ и сообщить означеннымъ студентамъ и подлежащимъ отдѣленіямъ.

III. Слушали: Донесеніе инспектора академіи экстраординарнаго профессора В. Миротворцева отъ 25 апрѣля 1883 года: „Имѣю честь донести Совѣту, что на страстной седмицѣ св. четырехдесятницы настоящаго года всѣ студенты академіи были исповѣданы и приобщены св. Таинъ. При семъ прилагаются исповѣдные списки, подписанные духовникомъ, іеромонахомъ Іоанно.-Предтечевскаго монастыря Сергіемъ“.

Постановили: Принявъ къ свѣдѣнію, приложить исповѣдные списки къ дѣлу.

IV. Слушали: Отношеніе г. директора Императорской публичной бібліотеки отъ 26 марта 1883 г. за № 302, при которомъ препровожденъ въ казанскую духовную академію отчетъ о дѣятельности бібліотеки за 1880 годъ.

Справка: Означенный отчетъ полученъ и сданъ подъ росписку бібліотекаря и записанъ въ хронологическомъ каталогѣ подъ № 5488-а. Библіотекарь академіи заявилъ, что въ академической бібліотекѣ нѣтъ отчета за 1875 годъ и просилъ, не найдетъ ли Совѣтъ академіи съ своей стороны возможнымъ ходатайствовать предъ г. директоромъ Императорской публичной бібліотеки о высылкѣ отчета за 1875 г., чтобы образовалась полная (безъ пробѣловъ) серія ихъ съ 1873 года.

Постановили: Выразить благодарность г. директору Императорской публичной бібліотеки за присланный для академической бібліотеки отчетъ, причѣмъ просить его, не найдетъ ли онъ возможнымъ выслать для академической бібліотеки и отчетъ за 1875 годъ, котораго по заявленію бібліотекаря не имѣется въ бібліотекѣ.

V. Слушали: Письмо Преосвященнаго Епископа Порфирія, члена московской Святѣйшаго Синода конторы, отъ 25 апрѣля 1883 г.: „Будучи избранъ Совѣтомъ сей академіи въ почетные члены ея, и получивъ дипломъ на такое званіе, премного благодарю Совѣтъ и Преосвященнаго архіепископа казанскаго Палладія, удостоившихъ меня высокоцѣнимаго мною почета, и въ память сего академическаго дѣянія, пріятнаго мнѣ, посылаю при семъ нѣсколько сочиненій и переводовъ моихъ, какіе только нашлись у меня, прося академію принять ихъ въ свою бібліотеку студенческую, ежели всѣ они уже приобрѣтены академіею прежде“.

РЕЭСТРЪ

Сочиненій и переводовъ, составленныхъ Преосвященнымъ Епископомъ Порфиріемъ, членомъ московской Св. Синода конторы, и пожертвованныхъ имъ въ бібліотеку казанской духовной академіи.

№№ Названіе сочиненій и переводовъ:

- 1) Востокъ Христіанскій. Сирія. Антиохійскіе патріархи въ арабскомъ спискѣ священника Іоанна Жеми, 1756 г. Кіевъ. 1875 г. бум. 2 экз.

- 2) Востокъ Христіанскій. Сирія. I. Списокъ антиохійскихъ патріарховъ. II. Сказаніе о сирійской Уніи. Кіевъ. 1875 г. 2 экземляра, бум.
- 3) Востокъ Христіанскій. Сирія. Списокъ антиохійскихъ патріарховъ. 1876 г. Кіевъ. 2 экз. бум.
- 4) Исторія Аѳона ч. I, II и III. Кіевъ. 1877 г. бум.
- 5) Первое путешествіе въ Аѳонскіе монастыри и скиты, ч. I-я, 1 и 2 отд., ч. 2-я 1 и 2 отд. и приложенія 2-й части, всего 5 вв. бум.
- 6) Второе путешествіе по св. горѣ Аѳонской; бум. Москва. 1880 г.
- 7) Путешествіе по Египту; бум. 1856 г. Спб.
- 8) Первое путешествіе въ Синайскій монастырь. Спб. 1856 г.
- 9) Второе путешествіе въ Синайскій монастырь. Спб. 1856 г.
- 10) Вѣроученіе, богослуженіе, чиноположеніе и правила церковнаго благочинія египетскихъ христіанъ (коптовъ). Спб. 1856 г.
- 11) Четыре бесѣды Фотія святѣйшаго архіепископа константинопольскаго и разсужденія о нихъ. Спб. 1864 г. 2 экз.
- 12) Мнѣніе о Синайской рукописи, содержащей въ себѣ вѣтхій завѣтъ неполный, и весь новій завѣтъ съ посланіемъ св. апостола Варнавы и книгою Ерма. 1862 г. Спб.
- 13) Виды, очерки, планы и надписи къ путешествіямъ по Египту и Синаю. 1857 г.
- 14) Исповѣдь кающагося грѣшника. Москва. 1879 года.

Справка: Книги сданы въ бібліотеку подъ росписку г. бібліотекаря.

Постановили: Принявъ къ свѣдѣнію, выразить Его Преосвященству, Преосвященнѣйшему Епископу Порфирію, благодарность за высланныя для академической бібліотеки книги.

VI. Слушали: Отношеніе Совѣта с.-петербургской духовной академіи отъ 29 апрѣля сего 1883 года за № 438: „Совѣтъ с.-петербургской духовной академіи честь имѣетъ увѣдомить Совѣтъ казанской духовной академіи, что возвращенная при отношеніи отъ 13 апрѣля сего 1883 го-

да за № 283 рукопись: „Разныя записки и сочиненія, собранныя покойнымъ преосвященнымъ новгородскимъ митрополитомъ Гавріиломъ Петровымъ“ получена въ цѣлости и что къ изданію экстраординарнымъ профессоромъ протоіереемъ Маловымъ въ журналѣ „Православный Собесѣдникъ“ помѣщенной въ означенной рукописи на стр. 92—109 „Записки 1770 г. марта 15 дня“ со стороны Совѣта с.-петербургской духовной академіи препятствій не имѣется“.

Побстановили: Принявъ къ свѣдѣнію, сообщить по содержанію сего отношенія экстраординарному профессору протоіерею Е. Малову.

VII. Слушали: а) Отношеніе прокурора московской Святѣйшаго Синода каторы отъ 13 апрѣля 1883 года за № 854: „Вслѣдствіе отношенія отъ 26 марта сего 1883 года за № 238, препровождая при семь греческія рукописи: Евхологій XV в. № 281, сборникъ чиновъ принятія обращающихся изъ разныхъ ересей къ православной церкви XII в. № 443 и одну славянскую рукопись XIII в. № 262, имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ казанской духовной академіи о полученіи рукописей меня увѣдомить и по минованіи двухмѣсячнаго срока возвратить. При семь прилагается копія описи препровождаемыхъ рукописямъ“.

б) Опись рукописей московской синодальной бібліотеки, препровождаемыхъ въ Совѣтѣ казанской духовной академіи вслѣдствіе отношенія онаго отъ 26 марта сего 1883 года за № 238.

№№ Названіе и содержаніе рукописей.

281. Греческая рукопись подъ названіемъ „*Ευχολόγιον*“ содержитъ въ себѣ требникъ и служебникъ вмѣстѣ. Писана въ XV вѣкѣ скорописью на 344 бумажныхъ въ 8 долю листахъ, а первый листъ пергаменный вклеенъ изъ другой рукописи. Эта рукопись принадлежала сначала Ватжедскому монастырю, а въ Москву привезена Арсеніемъ Сухановымъ, что видно изъ подпису его на л. 2 внизу. Переплетъ кожаный простой.
443. Греческая рукопись содержитъ въ себѣ сборникъ 66 статей догматико-полемическаго содержанія, направленныхъ противъ древнихъ сретиковъ, какъ то: Манихеевъ, Аріанъ, также Армянъ, Латипъ и другихъ, съ присоедине-

ніемъ чинопослѣдованій принятія обращающихся изъ ересей къ православной церкви. Писано въ XII вѣкѣ на 203 пергаменныхъ малаго формата листахъ; привезена изъ Иверскаго монастыря, что видно изъ надписи, находящейся на л. 1 вверху надъ раскрашенной заставкой. Переплетъ кожаный простой.

262
163. Славянская рукопись содержитъ въ себѣ поученія на воскресные дни, составленная Константиномъ пресвитеромъ болгарскимъ изъ бесѣдъ св. Іоанна Златоустаго (37), Кирилла александрійскаго (5), Исидора Пелусіота (7) и одно поученіе собственнаго сочиненія переводчика. Рукопись эта писана крупнымъ уставомъ XIII вѣка въ два столбца. Всѣхъ листовъ пергаменныхъ крупнаго формата 265; переплетъ кожаный простой. На л. 1 обор. живописное изображеніе по золотому полю князя съ подписью „сты кориса“, а подъ изображеніемъ кто то написалъ въ XV вѣкѣ.

Справка: Означенныя рукописи получены и сданы подъ росписку въ дѣлѣ доценту Н. Красносельцеву; о полученіи книгъ сообщено г. прокурору московской Святѣйшаго Синода конторы отношеніемъ отъ 3 мая за № 357.

Постановили: Припавъ къ свѣдѣнію, возвратитъ рукописи по минованіи срока по принадлежности съ благодарностію.

VIII. Слушали: Отношеніе Совѣта с.-петербургской духовной академіи отъ 8 марта сего 1883 года за № 321: „Совѣтъ с.-петербургской духовной академіи честь имѣть препроводитъ при семь экземпляръ журналовъ своихъ засѣданій за 1881, учебный годъ, отчетъ о состояніи академіи за 1882 годъ и экземпляръ магистерской диссертациі г. Жуковича: „Кардиналь Гойте польская церковь его времени“.

Справка: Означенные отчетъ и диссертациія сданы въ бібліотеку подъ росписку бібліотекаря академіи Ѳ. Троицкаго; увѣдомленіе о полученіи ихъ съ выраженіемъ благодарности отъ лица Совѣта послано 15 апрѣля за № 293.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

IX. Слушали: Представленіе ректора академіи протоіерея А. Владимірскаго отъ 4 мая сего 1883 года: „На

основаніи п. 8 Высочайше утвержденныхъ дисциплинарныхъ правилъ долгъ имѣю представить Совѣту, что въ минувшемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ сего 1883 года изъ преподавателей академіи не читали лекцій по болѣзни доценты П. Милославскій 2 и Д. Гусевъ 1 лекцію. Чтеніе лекцій кончено 8 апрѣля.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

Х. Слушали: Вѣдомость, представленную правленіемъ казанской академіи, на основаніи § 109 устава правосл. дух. академіи, о наличныхъ суммахъ академіи за апрѣль мѣсяцъ 1883 года. По вѣдомости значитъ: въ остаткѣ къ 1 апрѣля состояло наличными деньгами 31753 руб. 91³/₄ к., въ билетахъ кредитныхъ учрежденій 23011 руб. 41 коп., итого 54765 р. 32³/₄ к.; въ апрѣлѣ мѣсяцѣ поступило на приходъ наличными деньгами 790 р., въ билетахъ кредитныхъ учрежденій 20000 руб., итого 20500 р.; въ апрѣлѣ израсходовано наличными деньгами 10105 р. 83 к.; въ остаткѣ къ 1 мая состоитъ наличными деньгами 22148 р. 8³/₄ к. въ билетахъ кредитныхъ учрежденій 43,011 р. 41 к., итого 65159 руб. 49³/₄ к.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

XI. Слушали: Донесеніе инспектора академіи В. Миротворцева отъ 5 мая сего 1883 года: „На основаніи § 39-го академическаго устава имѣю честь донести Совѣту академіи, что за студентами въ минувшемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ предосудительныхъ поступковъ замѣчено не было.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

XII. Слушали: Записку бібліотекаря академіи Θ. Троицкаго отъ 11 мая сего 1883 года: „Имѣю долгъ донести Совѣту академіи, что въ бібліотеку пожертвованы слѣдующія книги: 1) студентомъ IV к. Иваномъ Брызгаловымъ „Краткое собраніе дѣлъ Льва Миротворца, августѣйшаго греч. кесаря, показующее дѣлъ воинскихъ обученіе, отъ латинскаго языка на славянороссійск. достоверне преведенное по указу Государя Петра Алексѣевича. 1700“. (Рукопись). Въ началѣ печатное молебное пѣніе „О побѣдѣ на супостаты“... 2) Директоромъ туркестанской учительской семинаріи Н. П. Остроумовымъ 2 экз. книги подъ заглавіемъ „Что такое коранъ? 3°, Ташкентъ. 1883 г. Въ хронологическій ка-

талогъ 1-я записана подъ № 123, а 2-я подъ № 5490. 3) Студентомъ IV к. А. Алфіоновымъ рукопись подъ заглавіемъ: „Похожденіе достигнувшей знати и богатства мужички чрезъ добродѣтель и осторожность“. Рукоп. въ 12 частяхъ въ 1 кор. Записана въ хронологическій каталогъ подъ № 124.

Постановили: Принявъ къ свѣдѣнію, благодарить жертвователей.

XIII. Слушали: Прошеніе доцента Николая Краспосельцева и приватъ-доцента Алексѣя Дмитріевскаго; „По роду своихъ спеціальныхъ занятій, мы нерѣдко чувствуемъ потребность въ рукописномъ типикѣ святителя Варсонофія, хранящемся въ настоящее время въ архивномъ складѣ казанскаго Спасскаго монастыря, а между тѣмъ пользованіе имъ сопряжено съ нѣкоторыми весьма значительными затрудненіями; посему честь имѣемъ покоряѣйше просить Совѣтъ академіи войти къ настоятелю названнаго монастыря съ ходатайствомъ объ уступкѣ этой рукописи въ вѣчное владѣніе Академіи. Рукописный типикъ св. Варсонофія, представляющій полный и сравнительно хорошо сохранившійся списокъ съ устава Пѣсношскаго монастыря, который основанъ въ XIV вѣкѣ и за свой уставъ пользовался извѣстностію даже и въ прошломъ столѣтіи, можетъ быть весьма цѣннымъ приобрѣтеніемъ для академической бібліотеки, какъ по своему научному интересу вообще, такъ и по тѣмъ историческимъ даннымъ, которыя разсѣяны по полямъ и въ послѣсловіи настоящаго типика рукою современника, въ частности. Помимо всего этого приобрѣтеніе названной рукописи желательно и въ интересѣ чисто археологическомъ, какъ рукописи болѣе половины написанной собственною рукою святителя казанскаго Варсонофія“.

Постановили: Ходатайствовать предъ настоятелемъ казанскаго спасскаго монастыря объ уступкѣ въ вѣчное владѣніе казанской духовной академіи находящагося въ складѣ означеннаго монастыря рукописнаго типика святителя Варсонофія.

XIV. Слушали: Прошеніе студента I курса богословскаго отдѣленія казанской академіи Якова Благовидова отъ 30 апрѣля сего 1883 года: „Года три тому назадъ я сошл-

ся съ одной дѣвушкой, которой въ прошломъ году далъ слово вступить съ нею въ бракъ по окончаніи академическаго образованія. Но въ нынѣшнемъ году у ней умеръ отецъ, въ силу чего она очутилась въ самомъ безвыходномъ положеніи. Я, какъ уже теперь лице близкое къ ней, не могу равнодушно относиться къ ея положенію и естествен-но желаю облегчить ея участь, а для этого единственное средство ускорить время брака; въ виду этого я всепокорнѣйше прошу Совѣтъ, не найдетъ ли онъ возможнымъ дозволить мнѣ вступить въ бракъ въ предстоящее вакаціонное время“.

Справка: Въ указѣ Святѣйшаго Синода отъ 26 октября 1879 года за № 3768, данномъ на имя Высокопреосвященнаго митрополита московскаго, между прочимъ, о правѣ воспитанниковъ Академіи вступать въ бракъ сказано: „Что же касается общаго вопроса возбужденнаго Совѣтомъ московской академіи о правѣ воспитанниковъ оной вступать въ бракъ, то святѣйшій Синодъ находитъ, что вступленіе воспитанниковъ духовныхъ академій, въ продолженіи курса ученія, въ бракъ сопряжено съ важными неудобствами, какъ въ научномъ, такъ и въ дисциплинарномъ отношеніяхъ; ибо семейныя заботы и обязанности не могутъ не препятствовать всецѣлому посвященію себя ученію наукъ; а потому академическіе Совѣты озаботятся по возможности, отклонять воспитанниковъ духовныхъ академій отъ вступленія въ бракъ прежде окончанія курса, допуская изытіе только въ крайне исключительныхъ случаяхъ по особу уважительнымъ причинамъ, съ неперемѣннымъ при томъ смѣщеніемъ воспитанниковъ съ казеннаго на собственное содержаніе, взыскивая за первое деньги по расчету, и съ довсесеніемъ о семъ каждый разъ, чрезъ мѣстнаго преосвященнаго, Святѣйшему Синоду“.

Студентъ Благовидовъ въ текущемъ учебномъ году состоялъ и состоитъ на казенномъ содержаніи, за которое обязанъ уплатить 190 руб.

Постановили: Поручить г. инспектору В. Миротворцеву предложить студенту Благовидову отложить задуманный имъ бракъ до окончанія академическаго курса, сообщивъ ему прописанный въ справкѣ указъ Святѣйшаго Синода, и о послѣдующемъ имѣть сужденіе въ слѣдующее засѣданіе.

XV. С л у ш а л и. Донесеніе инспектора академіи, экстраординарнаго профессора В. Миротворцева, отъ 5 мая сего 1883 года: „Имѣю честь донести Совѣту академіи, что студентъ III курса Евгеній Кесаревъ, уволенный мною по прилагаемому при семъ прошенію на пасхальную недѣлю, до сихъ поръ не явился изъ отпуска и не представилъ никакого увѣдомленія о причинѣ своей неявки въ академію“.

Справка: 1) Студенту III курса Евгенію Кесареву выданъ билетъ на проѣздъ къ зятю священнику села Старой Майны ставропольскаго уѣзда самарской губерніи.

2) По указу Святѣйшаго Синода отъ 1^о/₂₆ ноября 1877 года за № 1738 студенты академіи послѣ лѣтнихъ, рождественскихъ и пасхальныхъ вакацій обязаны возвращаться въ заведеніе непремѣнно въ назначенный начальствомъ срокъ, возвращая при семъ инспектору отпускной билетъ съ подписью родителей или попечителей о времени отправленія его изъ дому; неявившійся въ заведеніе болѣе недѣли послѣ назначеннаго срока и не представившій уважительнаго, по мнѣнію академическихъ Совѣтовъ, свидѣтельства о законной причинѣ своей неявки, считается выбывшимъ изъ заведенія и отъ усмотрѣнія Совѣтовъ зависить вновь принять его въ заведеніе или отказать въ приемѣ.

Поставовили: Студента III курса церковно-практическаго отдѣленія Евгенія Кесарева считать, согласно указу Святѣйшаго Синода отъ 1^о/₂₆ ноября 1877 года за № 1738, выбывшимъ изъ казанской духовной академіи; о препровожденіи же его документовъ имѣть сужденіе по окончаніи текущаго учебнаго года.

Резолюція на семъ журналѣ Его Высокопреосвященства послѣдовала: „Любя 4 дня. Къ исполненію“.

11 мая 1883 года.

Въ *общемъ* собраніи Совѣта казанской духовной академіи, подъ предѣдательствомъ ректора академіи, протоіерея А. Владимірскаго, присутствовали всѣ ординарные и экстраординарные профессора, кромѣ ординарнаго профессора И. Порфирьева и экстраординарныхъ профессоровъ Е. Будрина, Н. Ивановскаго, не присутствовавшихъ по болѣзни, и А. Гренкова, не присутствовавшаго вслѣдствіе увольненія его въ отпускъ.

1. Слушали: а) Донесеніе церковно - практическаго отдѣленія казанской академіи отъ 19 марта сего 1883 года: „Церковно-практическое отдѣленіе честь имѣетъ донести Совѣту академіи, что оно въ засѣданіи своемъ 19 марта разсмотрѣло сочиненіе учителя краснослободскаго духовнаго училища Александра Архангельскаго „Духовное образованіе и духовная литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ“, и согласно отзыву о немъ заслуженнаго ординарнаго профессора И. Я. Порфирьева, признало его заслуживающимъ степени магистра богословія, для полученія которой оно представлено. При семъ прилагается сочиненіе г. Архангельскаго и отзывъ о немъ профессора Порфирьева“.

2) Отзывъ заслуженнаго ординарнаго профессора казанской духовной академіи Ивана Порфирьева отъ 14 марта сего 1883 года о сочиненіи учителя краснослободскаго духовнаго училища Александра Архангельскаго: „Духовное образованіе и духовная литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ“, представленномъ на соисканіе степени магистра богословія.

„Сочиненіе г. Архангельскаго, согласно съ характеромъ избраннаго предмета, раздѣляется на два отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ, послѣ общей характеристики образованія въ петровскую эпоху, изображаются первые опыты ввести въ Россіи школьное научное образованіе. Здѣсь авторъ разбираетъ три пріема, которымъ слѣдовали лучшие люди петровской эпохи, стремившіеся распространить образованіе въ Россіи: 1) старый пріемъ простыхъ грамотныхъ людей, выразившійся въ проэктѣ ученія и заведенія школъ, представленномъ крестьяниномъ Посошковымъ; 2) кіевскій или схоластическій пріемъ южно-русскихъ школъ, которому слѣдо-

вали всё южно-русские архіереи, заводившіе при своихъ архіерейскихъ домахъ архіерейскія, или епархіальныя школы, и 3) новый приёмъ, стремящійся освободиться отъ узъ схоластики, выразившійся въ проэктъ духовныхъ училищъ Теофана Прокоповича. Въ другомъ отдѣлѣ разсматривается состояніе духовной литературы въ петровскую эпоху. При этомъ авторъ разбираетъ: 1) учебники, употреблявшіеся въ школахъ и вообще книги, служившія руководствами и пособиями при образованіи: латинскія и славянскія грамматикки, славяно-греко-латинскіе словари Поликарпова и Максимовича; руководства по реторикѣ, цѣтнику и другимъ наукамъ братьевъ Лихудовъ; философскія и богословскія системы Теофилакта Лопатинскаго и Іоасафа Кроковскаго; 2) сочиненія по догматическому богословію, изъ коихъ авторъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на богословской системѣ Теофана Прокоповича, излагаетъ ея содержаніе, сравниваетъ ее съ католическими и протестантскими богословскими системами, представляетъ ея обстоятельную характеристику и указываетъ ея значеніе въ ряду другихъ богословскихъ системъ; 3) полемическія сочиненія: а) противъ протестантовъ, при чемъ весьма подробно разсматриваетъ „Камень вѣры“ Стефана Яворскаго; и б) противъ раскольниковъ, и преимущественно останавливался на „Пращицѣ“ нижегородскаго епископа Птирима, 4) сочиненія проповѣднической литературы, особенно проповѣди Теофана Прокоповича и Стефана Яворскаго; 5) сочиненія по объясненію священнаго писанія и сочиненія нравственно-назидательнаго характера. Въ концѣ сочиненія сдѣланъ общій взглядъ на характеръ и значеніе духовной литературы въ петровскую эпоху. Сочиненіе г. Архангельскаго не имѣетъ характера оригинальности. Обзоръ духовныхъ епархіальныхъ школъ и учебныхъ книгъ составленъ по книгѣ Пекарскаго „Наука и литература при Петрѣ В.“, по исторіямъ кievской и московской академій. При разборѣ сочиненій полемической и апологетической духовной литературы руководствомъ для автора служили разныя изслѣдованія, помѣщенныя въ духовныхъ журналахъ за послѣднее двадцатилѣтіе. Но авторъ весьма хорошо воспользовался всеми этими источниками и на основаніи ихъ составилъ полный и обстоятельный обзоръ духовнаго образованія и духовной литературы при Петрѣ Великомъ. Подробное сочиненіе,

представляющее основательный сводъ всего сдѣланнаго прежними учеными изслѣдователями, имѣеть большую цѣнность въ общей исторіи русскаго просвѣщенія и литературы, и потому я нахожу трудъ автора заслуживающимъ полного одобренія и признаю его сочиненіе достойнымъ той степени, на соисканіе которой оно представлено“.

Справка: 1) Совѣтъ академіи опредѣленіемъ отъ 31 января сего года постановилъ передать на разсмотрѣніе церковно-практическаго отдѣленія сочиненіе г. Архангельскаго подъ заглавіемъ „Духовное образованіе и духовная литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ“, представленное имъ на соисканіе степени магистра, съ тѣмъ, чтобы отдѣленіе представило въ Совѣтъ въ свое время чрезъ помощника ректора съ своимъ заключеніемъ письменный отзывъ объ означенномъ сочиненіи того преподавателя, которому отдѣленіе поручить разборъ его.

2) По § 31 положенія объ испытаніяхъ на ученныя степени въ академіяхъ: „Сочиненіе, представленное на степень магистра и признанное удовлетворительнымъ, должно быть напечатано“...

3) По § 180 акад. устава: „Академіи имѣють свою собственную цензуру для тезисовъ, разсужденій и иныхъ учено-литературнаго содержанія сочиненій и сборниковъ, ими издаваемыхъ“.

4) По § 29 положенія объ испытаніяхъ: „Если диссертация будетъ признана удовлетворительною, то Совѣтъ допускаетъ кандидата къ публичному ея защищенію“.

5) По § 32 того же положенія: „Ищущіе степени магистра обязаны представить ректору по крайней мѣрѣ за двѣ недѣли до защищенія 50 экземпляровъ напечатанной диссертации“.

Постановили: Сочиненіе помощника смотрителя краснослободскаго духовнаго училища Александра Архангельскаго „Духовное образованіе и духовная литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ“ признать, согласно заключенію церковно-практическаго отдѣленія, удовлетворительнымъ для соисканія степени магистра богословія и одобрить его къ напечатанію; о времени же диспута имѣть сужденіе по напечатаніи сего сочиненія и представленіи его въ 50 экземплярахъ отцу ректору академіи, о чемъ и сообщить отдѣленію и г. Архангельскому.

II. Слушали: а) Представленіе церковно-историческаго отдѣленія академіи: „Церковно-историческое отдѣленіе честь имѣетъ представить при семъ Совѣту академіи отзывъ доцента С. А. Терновскаго о сочиненіи преподавателя псковской семинаріи В. Дмитревскаго: „Александрійская школа“, поданномъ для соисканія степени магистра богословія. Соглашаясь съ мнѣніемъ рецензента, отдѣленіе съ своей стороны тоже признаетъ означенное сочиненіе удовлетворительнымъ для цѣли, съ какой оно представлено въ отдѣленіе для разсмотрѣнія“.

б) Отзывъ доцента казанской духовной академіи С. Терновскаго: „О сочиненіи преподавателя псковской духовной семинаріи В. Дмитревскаго, на тему: Александрійская школа. Очеркъ изъ исторіи духовнаго просвѣщенія отъ I до начала V вѣка по Р. Хр.“

„Авторъ поставилъ себѣ задачею выяснитъ, съ православной точки зрѣнія, значеніе Александрійской школы въ исторіи христіанской церкви и духовнаго просвѣщенія за все время существованія этой школы съ I по V вѣкъ. „Александрійская школа, пишетъ онъ, по крайней мѣрѣ въ вѣкоторыхъ отношеніяхъ, все еще остается загадкою, разрѣшить которую не успѣла исторія. Главною причиною такого положенія дѣла служить, по нашему мнѣнію, предвзятый взглядъ на ученіе александрійской школы, съ какимъ приступаютъ къ изученію исторіи этой школы ученые. Такъ протестанты, держащіеся раціоналистическаго взгляда на происхожденіе самого христіанства, видятъ въ александрійской школѣ не болѣе, какъ подражаніе языческимъ философскимъ школамъ того времени, а въ ея ученіи соединеніе въ одно цѣлое и развитіе до высшей степени религіозно-нравственныхъ идей, заимствованныхъ изъ различныхъ философскихъ системъ того времени... Напротивъ католическіе ученые, пользующіеся сочиненіями учителей этой школы въ латинскомъ переводѣ, по большей части испорченными, стараются во что бы то ни стало оправдать александрійскую школу отъ всякихъ обвиненій въ неправославіи. Чтобы правильно оцѣнить заслуги александрійской школы для христіанства, понять ея значеніе и задачи, нужно установить такую точку зрѣнія, съ которой можно было бы безпристрастно изложить исторію этой школы. Такою точкою опоры можетъ, по нашему мнѣнію, служить взглядъ

на эту школу православной церкви. Этот взгляд выразился въ признаніи Климента и Оригена только учителями, а не отцами церкви, и равно чуждъ, какъ раціонализма протестантовъ, такъ и излишняго пристрастія католиковъ“. Сказавъ затѣмъ въ введеніи вообще о значеніи школьнаго образованія для распространенія какого бы то ни было новаго ученія, а также о томъ, что и апостолы заботились объ устроеніи христіанскихъ школъ, авторъ переходитъ къ изложенію исторіи собственно александрійской школы. Начало ея онъ относитъ ко времени проповѣди въ Александріи св. Марка, коротко описываетъ внѣшнее устройство этой первоначальной александрійской школы и на основаніи свидѣтельства Евсевія характеризуетъ ее за это время, какъ огласительное, катехизическое училище, какъ школу святыхъ словесъ. Но такой характеръ александрійской школы скоро долженъ былъ измѣниться подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій и потребностей времени. Въ виду этого авторъ говоритъ объ Александріи, какъ центрѣ научнаго образованія въ первые вѣка христіанства, и о господствовавшихъ въ ней научныхъ направленіяхъ неоплатоническомъ и іудейско-философскомъ. „Такимъ образомъ, пишетъ онъ, христіанству со II вѣка угрожала большая опасность со стороны философско-языческаго и философско-іудейскаго міра—опасность быть уничтоженнымъ въ неравной борьбѣ идей, въ которой на сторонѣ враговъ христіанства была вся тогдашняя интеллигенція и народныя массы, тогда какъ послѣднее насчитывало въ своихъ рядахъ небольшое количество людей ученыхъ: „Еще опаснѣе была философія для христіанства по своему вліянію на его послѣдователей, породивъ въ средѣ ихъ еретическое гностическое направленіе, которое авторъ также подробно характеризуетъ. При такомъ положеніи дѣла Александрійская школа въ концѣ II вѣка изъ простаго огласительнаго училища преобразовалась въ философско-христіанскую школу, принявъ на себя выполнение трудной задачи—соединенія вѣры съ знаніемъ, не оставляя впрочемъ и прежней своей задачи. вмѣстѣ съ усложненіемъ задачъ школы измѣнился и внѣшній и внутренній строй самой школы. Сказавъ коротко объ этомъ новомъ внѣшнемъ устройствѣ александрійской школы и новыхъ ея задачахъ, авторъ затѣмъ подробно излагаетъ ученіе главнѣйшихъ наставниковъ александрійской школы: Пантена, Климента и Оригена, говоря о каждомъ

порознь и стараюсь опредѣлить взаимоотношеніе ихъ ученій. При этомъ изложеніи ученій знаменитѣйшихъ наставниковъ александрійской школы, авторъ болѣе всего старается выяснитъ какой теоріи держались они по вопросу объ отношеніи вѣры къ знанію, а за тѣмъ—какъ осуществляли они свою теорію при изложеніи отдѣльныхъ вопросовъ христіанскаго ученія. Онъ находитъ, что въ теоріи всѣ указанные учителя александрійской школы находили необходимымъ, чтобы знаніе было въ подчиненномъ отношеніи къ вѣрѣ, но въ своихъ ученыхъ богословскихъ трудахъ часто измѣняли этому принципу и неумѣренно подчинялись вліянію философскихъ началъ, особенно послѣдній изъ упомянутыхъ представителей александрійской школы Оригенъ. „Мы видѣли, говоритъ авторъ въ заключеніе этого отдѣла сочиненія, мы видѣли что александрійская школа благодаря дѣятельности такихъ образованныхъ и глубокомысленныхъ наставниковъ какъ Пантень, Климентъ и Оригенъ, вслѣдствіе принятаго этими наставниками философскаго направленія, достигла высшей степени процвѣтанія и возбудила къ себѣ вниманіе людей ищущихъ мудрости, привлекая къ себѣ и отвлекая отъ другихъ, тоже славныхъ въ Александріи, школъ. Она успѣла не только побѣдить враговъ христіанства, но и поставить христіанство на ту высоту, на которой оно фактически явилось знаніемъ покоряющимъ и побѣждающимъ все остальное, не христіанское знаніе... Но благодаря неумѣнью и нежеланію представителей александрійской школы удержатъ испытующій разумъ въ должныхъ границахъ, александрійской школѣ угрожала опасность превратить христіанство изъ божественной, и потому самому заключающей въ себѣ много таинственнаго и непостижимаго для человѣческаго разума, религіи, въ религію пустую, формальную, въ богословско-раціоналистическую систему религіозно-нравственныхъ идей“.

Третій періодъ исторіи александрійской школы авторъ характеризуетъ, какъ періодъ реакціи противъ господствовавшего доселѣ въ школѣ раціоналистическаго направленія, реакціи, которая открылась тотчасъ же по удаленіи Оригена отъ должности наставника школы. „Періодъ существованія александрійской школы отъ Оригена до окончательнаго паденія ея въ началѣ пятаго столѣтія, пишетъ онъ, можно назвать временемъ борьбы въ школѣ началъ христіанскаго и раціоналистическаго и постепеннаго преобладанія

перваго надъ послѣднимъ съ одной стороны и постепеннаго упадка самой школы съ другой. Исторія продолжаетъ авторъ, насчитываетъ до 12 наставниковъ школы преемственно слѣдовавшихъ другъ за другомъ: Прокла, Діонисія, Піерія, Θεогноста, Серапіона, Петра, Ахилла, Арія, Макарія, Аѳанасія, Дидима и Родона“. Затѣмъ авторъ говоритъ о каждомъ изъ этихъ наставниковъ александрійской школы порознь, особенно подробно останавливаясь на изложеніи ученія Діонисія александрійскаго и Дидима. Авторъ замѣчаетъ, что этотъ отдѣлъ его труда составляетъ отличіе его сочиненія объ александрійской школѣ отъ другихъ сочиненій объ этой школѣ. „Всѣ историки и ученые, пишетъ онъ, касавшіеся почему либо александрійской школы, ограничиваютъ свое повѣствованіе о ней только періодомъ трехъ учителей—Пантена, Климента и Оригена; объ исторіи же ея послѣ Оригена или совершенно умалчиваютъ, какъ Неклѣберъ, Вашро, Маттеръ и др.; или же говорятъ въ видѣ отрывочныхъ замѣчаній о томъ или другомъ изъ довольно значительнаго числа представителей школы, напр. Прессансе, Гаттѣ, Гассе и др., не связывая притомъ этихъ свѣдѣній съ общею исторіею школы“. Но авторъ не ограничивается и этимъ. „Съ перенесеніемъ центра дѣятельности Оригена въ Кесарію палестинскую, говоритъ онъ, съ увеличеніемъ извѣстности Оригена и съ распространеніемъ его сочиненій въ Палестинѣ и прилегающихъ къ ней мѣстностяхъ, иди александрійцевъ, ихъ задачи, сдѣлались достояніемъ большинства восточныхъ отцевъ и учителей. Съ этого времени такимъ образомъ къ александрійцамъ, по единству образованія и направленія, по тожеству задачъ и цѣлей причислены и болѣе видные отличные дѣятели изъ восточныхъ отцовъ и учителей церкви и слѣдовательно исторія школы Александрійской должна обнимать собою и этихъ дѣятелей, рамки ея должны расширяться. Въ числѣ этихъ дѣятелей самое видное мѣсто занимаютъ три великіе учителя церкви IV вѣка: Василій Великій, Григорій Богословъ и Григорій Нисскій, воспитавшіеся на сочиненіяхъ Оригена и потому авившіеся достойными продолжателями его дѣла, только безъ его ошибокъ. „Въ силу этого авторъ въ той же части своего сочиненія, послѣ рѣчи о борьбѣ Аѳанасія Александрійскаго съ арианствомъ, включаетъ изслѣдованіе

о борьбѣ Василя Великаго, Григорія Богослова и Григорія Нисскаго съ Юліаномъ и Евноміемъ и затѣмъ излагаетъ положительное догматическое ученіе этихъ отцевъ церкви. Сочиненіе оканчивается изслѣдованіемъ о Дидимѣ Александрійскомъ, который, по автору, повторилъ заблужденія Оригена, что и послужило ближайшею причиною окончательнаго паденія александрійской школы. Таково въ общихъ чертахъ содержаніе сочиненія.

Нельзя не признать особенной стройности и логичности въ такомъ планѣ сочиненія и особенной способности автора обращать вниманіе на наиболѣе важныя стороны изучаемаго предмета. Весьма коротко описывая внѣшнее устройство александрійской школы, ничего почти не сообщая объ исторіи жизни представителей этой школы, авторъ все вниманіе свое сосредоточиваетъ на изученіи внутренняго развитія школы, на положеніи ученія замѣчательнѣйшихъ представителей школы, на опредѣленіи заслугъ школы въ исторіи христіанской церкви. Въ общемъ сочиненіе, такимъ образомъ, представляетъ собою очень капитальное изслѣдованіе по исторіи изложенія христіанскихъ догматовъ и по исторіи духовнаго просвѣщенія въ первые четыре вѣка христіанской эры. Многіе вопросы, которыхъ касается авторъ,— о догматической системѣ Оригена, о борьбѣ Аѳанасія Александрійскаго съ аrianствомъ и т. д.—составляли уже предметъ обстоятельныхъ изслѣдованій въ русской литературѣ, изслѣдованій, которыя могли служить пособіемъ для автора,—но авторъ трактуетъ о тѣхъ же вопросахъ на основаніи самостоятельнаго изученія твореній замѣчательнѣйшихъ представителей александрійской школы, ведѣ имѣя въ виду общую свою задачу—прослѣдить ходъ внутренняго развитія богословскихъ воззрѣній въ александрійской школѣ, выяснить отношеніе различныхъ представителей школы къ вопросу объ отношеніи вѣры къ знанію, какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ.—Особенною стройностію отличается первый отдѣлъ сочиненія, заключающій въ себѣ исторію Александрійской школы до Оригена включительно. Нѣсколько слабѣе изложена авторомъ, какъ въ общемъ такъ и въ частностяхъ исторія Александрійской школы въ послѣ-оригеновскій періодъ. Въ общемъ авторъ характеризуетъ этотъ періодъ александрійской школы, какъ періодъ реакціи Оригеновскому увлеченію философіею, а между прочимъ вы-

нуждается говорить здѣсь объ Аріи, который былъ крайнимъ рационалистомъ, и о Дидимѣ Александрійскомъ, который повторилъ заблужденія Оригена. Далѣе—утверждая въ началѣ, что паденіе Александрійской школы въ этомъ періодѣ шло пропорціонально побѣдѣ православныхъ началъ надъ увлеченіемъ философіею, въ концѣ авторъ ближайшею причиною окончательнаго паденія Александрійской школы признаетъ то, что Дидимъ повторилъ ошибки Оригена.. Что касается частныхъ этого отдѣла, то, по моему мнѣнію, авторъ напрасно здѣсь такъ положительно включаетъ въ число представителей Александрійской школы—Арію и трехъ великихъ каппадокійскихъ учителей церкви, не обращая никакого вниманія на существующій въ настоящее время въ русской литературѣ оживленный споръ по этому вопросу. Многочисленное повтореніе заблужденій Евномія, въ концѣ сочиненія, также, по моему мнѣнію, свидѣтельствуетъ только объ ослабленіи авторской энергіи сочинителя. Слогъ сочиненія соответствуетъ общему серьезному содержанію сочиненія и всегда отличается ясностію, хотя по мѣстамъ авторъ допускаетъ очень длинныя періоды. Въ виду означенныхъ достоинствъ сочиненія нахожу возможнымъ признать его вполне удовлетворительнымъ для присужденія автору степени магистра“.

Справка: 1) Преподаватель псковской духовной семинаріи Василій Дмитревскій окончилъ курсъ въ казанской духовной академіи въ 1875 году со степенью кандидата и правомъ при исканіи степени магистра не держать новаго устнаго испытанія.

2) Дальнѣйшія справки изложены въ предыдущей статьѣ сего журнала (справки 2—5).

Поставили: Сочиненіе преподавателя псковской духовной семинаріи Василія Дмитревскаго „Александрійская школа“ признать, согласно заключенію церковно-историческаго отдѣленія, удовлетворительнымъ для соисканія степени магистра богословія и одобрить его къ напечатанію; о времени же диспута Дмитревскаго имѣть сужденіе по напечатаніи сего сочиненія и представленіи его въ 50 экземплярахъ отцу ректору академіи. Постановленіе сіе сообщить церковно-историческому отдѣленію и г. Дмитревскому.

III. Слушали: Докладъ секретаря Совѣта академіи: „По духовному завѣщанію Высокопреосвященнѣйшаго Макарія, митрополита московскаго, назначено, между прочимъ, на казанскую духовную академію, какъ извѣстно Совѣту (см. прот. Сов. 14 декабря 1882 г.), двадцать тысячъ рублей. Означенная сумма, заключающаяся въ двухъ пятипроцентныхъ государственныхъ билетахъ 1861 г. за № 52 и 53 по 10000 руб. и съ купонами съ 1 марта 1883 г. каждый билетъ, правленіемъ академіи получена при отношеніи московской духовной консисторіи отъ 24 марта 1883 года за № 1886 и записана на приходъ по приходорасходной книгѣ въ статьѣ подъ № 11.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

IV. Слушали: Представленіе ординарныхъ профессоровъ казанской академіи П. Знаменскаго и И. Бердникова: „Честь имѣемъ представить при семъ Совѣту академіи составленный нами по его порученію проектъ правилъ относительно выдачи учрежденныхъ при академіи премій имени покойнаго Высокопреосвященнаго Макарія митрополита московскаго за лучшія сочиненія наставниковъ и воспитанниковъ казанской академіи“.

Постановили: Циркулировать означенный проектъ гг. членамъ Совѣта для разсмотрѣнія и о послѣдующемъ имѣть сужденіе въ слѣдующее засѣданіе.

V. Слушали: Прошеніе экстра-ординарнаго профессора академіи Н. Ивановскаго: „Имѣю честь представить въ Совѣтъ академіи сочиненіе свое подъ заглавіемъ: „Критическій разборъ ученія непріемлющихъ священства старообрядцевъ о церкви и таинствахъ“ на соисканіе ученой степени доктора богословія, и прошу дать сему надлежащее движеніе“.

Справка: Въ положеніяхъ объ испытаніяхъ на ученые степени сказано:

1) „Имѣющей степень магистра можетъ искать степени доктора богословія не ранѣе, какъ чрезъ годъ по полученіи имъ степени магистра“ (§ 46).

2) „Магистръ, ищущій степени доктора богословія, не подвергается устному испытанію, но обязанъ представить въ Совѣтъ диссертацию, которая должна заключать въ себѣ

самостоятельное изслѣдованіе какого либо научнаго вопроса, относящагося къ богословію“ (§ 47)

3) „Диссертацию на степень доктора можетъ замѣнить самостоятельное ученое сочиненіе, хотя бы написанное и не съ цѣлію полученія ученой степени“. (§ 48).

4) „Диссертация на степень доктора разсматривается тѣмъ же порядкомъ, какъ и магистерская (§ 49), т. е. докторская диссертация, къ которой должны быть приложены главные ея тезисы, разсматривается, по распоряженію помощника ректора, въ отдѣленіи, письменный разборъ оной дѣлаетъ преподаватель той науки, по которой написано сочиненіе, отзывъ преподавателя обсуждается въ засѣданіи отдѣленія, которое и представляетъ оный Совѣту съ своимъ заключеніемъ чрезъ помощника ректора. На такое разсмотрѣніе и разборъ назначается не болѣе четырехъ мѣсяцевъ“ (§ 28).

По § 88 лит. В, п. 3 академическаго устава удостое- ніе степени доктора относится къ дѣламъ общаго собранія Совѣта.

Поставили: Сочиненіе экстра-ординарнаго профессора П. Ивановскаго подъ заглавіемъ; „Критическій разборъ ученія непріемлющихъ священства старообрядцевъ о церкви и таинствахъ“, представленное имъ на соисканіе степени доктора богословія, передать въ церковно-историческое отдѣленіе академіи съ тѣмъ, чтобы оно представило въ свое время въ Совѣтъ академіи отзывъ объ этомъ сочиненіи того преподавателя, которому оно поручить письменный разборъ его вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ о немъ.

VI. Слушали: а) Прошеніе окончившаго курсъ академіи Николая Ливанова отъ 6 мая сего 1883 года: „Болѣзненное состояніе заставляеть меня обратиться съ покорнѣйшею просьбой въ Совѣтъ академіи, не найдетъ ли онъ возможнымъ ходатайствовать предъ Учебнымъ Комитетомъ о назначеніи меня на мѣсто службы въ одну изъ южныхъ или центральныхъ губерній Европейской Россіи“.

Врачъ академической больницы засвидѣтельствовалъ: „Студентъ Ливановъ въ послѣдніе два года академическаго курса довольно часто страдалъ мышечнымъ ревматизмомъ и хроническимъ катарромъ легкихъ“.

б) Прошеніе окончившаго курсъ въ казанской академіи Ивана Казанскаго: „Крайне разстроивное состояніе моего здоровья вынуждаетъ меня покорнѣйше просить Совѣтъ академіи ходатайствовать за меня, предъ кѣмъ слѣдуетъ, о томъ, чтобы назначили меня на службу въ одну изъ южныхъ губерній Европейской Россіи“.

Врачъ академической больницы засвидѣтельствовалъ: „Студенту Казанскому вслѣдствіе разстройства здоровья, вызваннаго хроническимъ катарромъ верхушекъ легкихъ, было бы полезно служить въ южныхъ губерніяхъ Россіи“.

в) Прошеніе окончившаго курсъ въ казанской академіи Анатолія Панова: „Крайне болѣзненное состояніе моего здоровья необходимо вынуждаетъ меня покорнѣйше просить Совѣтъ казанской духовной академіи, не пайдетъ ли онъ возможнымъ похотатайствовать, предъ кѣмъ слѣдуетъ, о томъ, чтобы назначили меня на мѣсто службы въ одну изъ центральныхъ губерній Европейской Россіи“.

Врачъ академической больницы засвидѣтельствовалъ: „Студентъ Пановъ дѣйствительно нуждается въ благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, для излеченія здоровья, разстроеннаго часто повторявшимся въ продолженіе академическаго курса мышечнымъ ревматизмомъ“.

г) Прошеніе окончившаго курсъ въ казанской академіи Владиміра Иванова: „Не обладая хорошимъ здоровьемъ, всепокорнѣйше прошу Совѣтъ казанской духовной академіи, не вайдетъ ли онъ возможнымъ ходатайствовать предъ центральнымъ управленіемъ духовнаго вѣдомства о назначеніи меня на должность въ одну изъ губерній южной или средней полосы Европейской Россіи, какъ болѣе благопріятствующую въ климатическомъ отношеніи поддержанію моего здоровья“.

Врачъ академической больницы засвидѣтельствовалъ: „Студентъ Ивановъ дѣйствительно страдаетъ порокомъ сердца“.

Постановили: Заявленія окончившихъ курсъ въ академіи Ливанова, Казанскаго, Панова и Иванова служить въ виду слабаго ихъ здорввья, засвидѣтельствовапнаго врачомъ академической больницы, въ одномъ изъ городовъ южной или средней Европейской Россіи, внести въ таблицу объ окончившихъ курсъ, препровождаемую въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ, если будетъ предоставлено имъ на такое заявленіе право по ихъ успѣхамъ и поведенію.

VII. Разсматривали: Представленные комиссіями преподавателей Казанской духовной академіи акты магистерскихъ испытаній студентовъ IV курса за 1882—1883 учебный годъ. Изъ означенныхъ актовъ видно, что магистерское испытаніе держали всѣ студенты IV курса, именно: 1) по священному писанію и еврейскому языку: Воскресенскій Алексѣй, Алякритскій Валеріанъ, Урановъ Анатолій и Ивановъ Владиміръ; 2) по богословію основному, догматическому и нравственному: Смирновъ Михаилъ и Николаевскій Павелъ; 3) по пастырскому богословію, гомилетикѣ, литургикѣ и каноническому праву: Вознесенскій Николай, Ильинскій Василій, Ливаповъ Николай, Алфіоновъ Алексѣй и Флоринскій Николай; 4) по всеобщей церковной исторіи и исторіи русской церкви: Сіонскій Петръ, Прозоровъ Василій, Скворцовъ Петръ и Казанскій Иванъ; 5) по всеобщей и русской гражданской исторіи и исторіи русской церкви: Преображенскій Павелъ, Москвитинъ Николай, Пальмовъ Никандръ и Брызгаловъ Иванъ; 6) по словесности съ исторіей литературы, логикѣ и основному богословію: Петропавловскій Иванъ; 7) по словесности съ исторіей литературы, логикѣ и гомилетикѣ: Городецкій Павелъ, Радугинъ Сергѣй, Кудѣевскій Арсеній и Смирновъ Сергѣй; 8) по словесности съ исторіей литературы, логикѣ и исторіи проповѣдничества: Черняевъ Петръ и Снегиревъ Иванъ; 9) по латинскому и греческому языкамъ и основному богословію: Пановъ Анатолій и Вечтомовъ Александръ; 10) по латинскому и греческому языкамъ и исторіи русской церкви: Высотскій Василій и 11) по латинскому и греческому языкамъ и каноническому праву: Добровъ Николай.

Всѣ означенные студенты сдали магистерское испытаніе удовлетворительно, кромѣ: Алфіонова Алексѣя, Кудѣевского Арсенія, Петропавловскаго Ивана, Флоринскаго Николая, Смирнова Сергѣя, Городецкаго Павла, Ильинскаго Василя и Радугина Сергѣя.

Кромѣ сего слушали вѣдомость о поведеніи студентовъ IV курса, представленную инспекторомъ академіи экстраординарнымъ профессоромъ В. Миротворцевымъ за 1882½ учебный годъ.

Справка: 1) По § 19 положенія объ испытаніяхъ на ученые степени и званіе дѣйствительнаго студента въ духовныхъ академіяхъ, „студенты академіи, выдержавшіе устное испытаніе (на степень магистра) съ успѣхомъ, если пред-

ставять магистерскую диссертацию и публично защитят ее, получают степень магистра (уст. § 148 и 139)“.

2) По § 20 того же положения „выдержавшіе испытание, но неудовлетворившіе требованіямъ магистерской диссертации, получаютъ дипломъ на ученую степень кандидата и право на преподаваніе въ семинаріи (§ 140 уст.“).

3) По § 21 того же положенія, „удостоенный по § 20 степени кандидата можетъ получить степень магистра, если представитъ удовлетворительную магистерскую диссертацию и защититъ ее установленнымъ порядкомъ, не подвергаясь новому устному испытанію“.

4) По § 22 того же положенія „не выдержавшіе удовлетворительнаго устнаго испытанія на степень магистра получаютъ дипломъ на степень кандидата и право на преподаваніе въ семинаріи, но при исканіи степени магистра подвергаются новому устному испытанію“.

5) По § 88 л. Б. п. 2 акад. устава, утвержденіе въ степени кандидата принадлежитъ къ дѣламъ, вносимымъ въ общее собраніе Совѣта и представляемымъ утвержденію епархіальнаго преосвященнаго.

6) По § 86 л. А. п. 6 устава, распоряженіе о выдачѣ дипломовъ принадлежитъ къ предметамъ запятій Совѣта, представляемымъ его утвержденію.

7) По § 69 устава „казенпокоштные студенты, по окончаніи курса, обязаны прослужить за каждый годъ содержанія въ академіи полтора года по духовно-учебному вѣдомству, дѣйствительные студенты въ духовныхъ училищахъ, а кандидаты и магистры въ семинаріяхъ или духовныхъ академіяхъ сообразно съ уставами сихъ заведеній“.

8) Всѣ означенные студенты четвертаго курса во время своего четырехлѣтняго образованія въ казанской академіи состояли на казенномъ содержаніи, кромѣ Алфіонова Алексѣя, Кудѣвскаго Арсенія, Петропавловскаго Ивана и Флоринскаго Николая, поступившихъ на казенное содержаніе съ 1 сентября 1880 г., и Смирнова Сергѣя, поступившаго на оное содержаніе съ 15 августа 1881 г.; а также кромѣ Воскресенскаго Алексѣя, состоявшаго на стипендіи костромскаго епархіальнаго миссіонерскаго общества и Алякритскаго Валеріана, состоявшаго на своемъ содержаніи.

9) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 12 іюня 1870 года за № 33, между прочимъ, предписано: „чтобы въ атте-

статахъ, выдаваемыхъ обучающимся на казенномъ содержаніи въ духовныхъ академіяхъ воспитанникамъ, было непременно прописываемо, что воспитанники сіи обязаны прослужить положенное за воспитаніе въ академіи число лѣтъ въ духовномъ вѣдомствѣ и что до выслуги этого срока они не могутъ быть уволены изъ духовнаго вѣдомства безъ особаго разрѣшенія Святѣйшаго Синода, при чемъ показывать и самое число лѣтъ обязательной службы“.

10) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 19 мая 1871 г. за № 32, п. 6, предписаво: „дипломы на ученые степени окончившихъ курсъ ученія казеннокоштныхъ академическихъ воспитанниковъ препровождаются Совѣтами академіи, согласно уст. служ. правил. ст. 407, въ правленія подлежащихъ семинарій или духовныхъ училищъ для приобщенія къ дѣламъ объ опредѣленіи сихъ воспитанниковъ на службу“.

11) Въ правилахъ о порядкѣ замѣщенія учительскихъ должностей въ семинаріяхъ и смотрительскихъ въ духовныхъ училищахъ, установленныхъ опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода 1/2 мая 1874 года за № 613, между прочимъ, въ п. 6 сказано: „Совѣты академій не позже 15 іюня сообщаютъ въ Учебный Комитетъ списки окончившихъ курсъ ученія казеннокоштныхъ академическихъ воспитанниковъ, а равно и тѣхъ изъ своекоштныхъ, которые изъявляютъ желаніе служить по духовно-учебному вѣдомству, съ обозначеніемъ: а) мѣста ихъ происхожденія, б) принадлежности къ тому или другому отдѣленію академіи, в) отмѣтокъ по ихъ успѣхамъ и поведенію за первые три курса, г) спеціально практическихъ занятій въ четвертомъ курсѣ, д) отмѣтокъ по окончательному испытанію ихъ въ опредѣленныхъ для четвертаго курса группахъ учебныхъ предметовъ и е) требуемыхъ по указу Святѣйшаго Синода отъ 29 августа 1871 года свѣдѣній о томъ, кто изъ нихъ по какому предмету выдержалъ пробныя лекціи и на какую учительскую кафедру въ семинаріяхъ признается болѣе способнымъ“.

Примѣчаніе: академическіе Совѣты могутъ присовокуплять къ вышеизложеннымъ свѣдѣніямъ и заявленія лучшихъ изъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ о желаніи ихъ поступить на духовно-учебную службу въ ту или другую епархію“.

12) Канцелярія г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отношеніемъ отъ 4 ноября 1875 г. за № 3699, просила

академическій Совѣтъ сообщать ей ежегодно (не позже 15 іюня) списки всѣхъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ академіи, съ обозначеніемъ въ тѣхъ спискахъ противъ каждаго изъ воспитанниковъ, на какомъ содержаніи находился во время академическаго курса и къ какой епархіи принадлежитъ по своему происхожденію и обученію въ семинаріи, а также съ объясненіемъ семейнаго положенія окончившихъ курсъ студентовъ.

13) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 23 мая 1880 года за № 1993 Совѣту академіи предписано для точнѣйшаго обозначенія поведенія оканчивающихъ курсъ въ академіяхъ воспитанниковъ, особенно принимаемаго центральнымъ управленіемъ при замѣщеніи различныхъ вакансій по духовно-учебному вѣдомству, отмѣчать въ представляемыхъ ежегодно къ 15 іюня въ Учебный Комитетъ спискахъ академическихъ воспитанниковъ ихъ поведеніе за каждый изъ 4-хъ курсовъ отдѣльно, а не посредствомъ средняго выводнаго балла.

14) Согласно указу Святѣйшаго Синода отъ 19 сентября 1880 г. за № 3453 студенты IV курса обязаны были знакомиться (и познакомились) съ методами и приѣмами преподаванія учебныхъ предметовъ курса духовныхъ училищъ подъ руководствомъ преподавателей соответствующихъ наукъ въ академіи; руководство же по ариѳметикѣ и общее наблюденіе за подготовкой учителей училищъ ввѣрено было профессору педагогики Гренкову.

15) Въ опредѣленіи Святѣйшаго Синода ^{10 декабря} 187⁵/₆ г. ^{10 января} за № 1834, между прочимъ, изображено, „нельзя не признать вполнѣ цѣлесообразнымъ предложеніе, чтобы окончившимъ курсъ въ духовныхъ академіяхъ казеннокоштнымъ воспитанникамъ не разрѣшать вступленіе въ бракъ до наступленія новаго учебнаго года, къ началу коего (къ 1 сентября) дѣлается общее распредѣленіе кончившихъ курсъ академическихъ воспитанниковъ на должности по духовно-учебнымъ заведеніямъ. Дѣйствию этой мѣры и послѣ 1-го сентября должны бы подлежать не получившіе назначенія, при общемъ распредѣленіи, воспитанники духовныхъ академій до имѣющаго послѣдовать опредѣленія ихъ на мѣста, но такъ какъ съ одной стороны трудно съ точностію опредѣлнить срокъ, до котораго они могутъ оставаться безъ назначенія, съ другой—по самой неопредѣленности времени, при-

мѣненіе вышеуказанной мѣры могло бы оказаться для нѣ-
которыхъ изъ нихъ стѣсненіемъ въ устройствѣ не служеб-
наго порядка ихъ жизни, то, не воспрещая симъ воспитан-
никамъ вступленіе въ бракъ до назначенія ихъ на мѣста,
ограничиться объявленіемъ имъ, что они должны будутъ
безпрекословно подчиниться распоряженіямъ начальства отно-
сительно назначенія ихъ на службу и что вступленіе ихъ
въ бракъ и могущія послѣдовать изъ сего семейныя затруд-
ненія при назначеніи ихъ на мѣста не будутъ принимаемы
въ уваженіе, въ чемъ воспитанники и обязываются до всту-
пленія въ бракъ давать подписки, о чемъ и объявить цир-
кулярно епархіальнымъ преосвященнымъ и Совѣтамъ духов-
ныхъ академій, поручивъ преосвященнымъ предписать по
епархіямъ, чтобы оубдчившимъ курсъ казеннокопитнымъ вос-
питанникамъ академій не были разрѣшаемы браки до 1 сен-
тября того года, въ который послѣдовалъ выпускъ изъ ака-
демій сихъ воспитанниковъ, и предложивъ Совѣтамъ ака-
демій объявить оставшимся до времени безъ назначенія и
отправляемымъ въ епархіи по мѣсту своего происхожденія
воспитанникамъ академій, что они должны будутъ исполнѣ под-
чиниться послѣдующему распоряженію о нихъ духовнаго на-
чальства, не смотря на обстоятельства, въ которыя ипые
изъ нихъ могутъ себя поставить вступленіемъ въ бракъ“.

16) Въ указѣ Святѣйшаго Синода отъ 28 ноября
1877 года за № 3534, между прочимъ, предписано Совѣ-
тамъ духовныхъ академій, чтобы въ сообщаемыхъ ими
ежегодно свѣдѣніяхъ объ окончившихъ курсъ воспитанни-
кахъ упоминалось, между прочимъ, отѣхъ изъ сихъ воспи-
танниковъ, которые по своему крайне болѣзневному со-
стоянію не могутъ до поправленія ихъ здоровья занять тѣ
или другія должности по духовно-учебному вѣдомству, дабы
предотвратить назначеніе на сіи должности лицъ совершен-
но неспособныхъ по своему разстроенному здоровью зани-
мать оныя.

17) Студенты: Вечтомовъ Александръ, Высотскій Ва-
силій, Москвинъ Николай, Преображенскій Павелъ, Сквор-
цовъ Петръ, Сіюпскій Петръ, Алфіоновъ Алексѣй, Смирновъ
Сергѣй, Вознесенскій Николай, Городецкій Павелъ, Ильин-
скій Василій, Ливановъ Николай, Радугинъ Сергѣй и Чер-
няевъ Петръ, на основаніи 53 ст. воинскаго устава, Высо-
чайше утвержденнаго 1 января 1874 г., подлежатъ отбыва

нію воинской повинности по мѣсту приписки ихъ къ призывнымъ участкамъ. Студенты: Воскресенскій Алексѣй, Ивановъ Владиміръ, Николаевскій Павелъ, Пановъ Анатолій, Смирновъ Михаилъ, Урановъ Анатолій, Брызгаловъ Иванъ, Казанскій Иванъ, Пальмовъ Никандръ, Прозоровъ Василій, Петропавловскій Иванъ, Флоринскій Николай, Добровъ Николай и Снегиревъ Иванъ зачислены въ ратники ополченія. Своеконтный студентъ Алякритскій Валеріанъ, какъ вольноопредѣляющійся, подлежитъ на основаніи 185 ст. воинскаго устава отбыванію воинской повинности.

18) Студентъ Алексѣй Воскресенскій, состоявшій во время обученія своего въ академіи, какъ сказано выше въ 8-й справкѣ сего журнала, на стипендіи костромскаго епархіальнаго комитета православнаго миссіонерскаго общества, обязанъ за свое содержаніе въ академіи, согласно постановленіямъ означеннаго комитета отъ 14 іюня и 12 сентября 1878 г., изложеннымъ въ отношеніяхъ онаго комитета въ Совѣтъ академіи отъ 9 августа и 29 сентября 1878 г. за №№ 227 и 239, посвятить себя по окончаніи курса въ академіи въ теченіи четырехъ лѣтъ дѣлу обращенія въ христіанство костромскихъ татаръ магометанъ.

19) Заявили поступить на службу слѣдующіе студенты, которымъ Совѣтъ предоставляетъ право сего заявленія, и въ слѣдующія епархіи: 1) Николаевскій Павелъ въ одну изъ поволжскихъ епархій; 2) Пановъ Анатолій въ одну изъ центральныхъ, 3) Смирновъ Михаилъ въ одну изъ приволжскихъ, 4) Казанскій Иванъ въ одну изъ южныхъ и преимущественно въ Малороссію, 5) Преображенскій Павелъ въ новооткрываемую оренбургскую семинарію, 6) Прозоровъ Василій въ одну изъ приволжскихъ, преимущественно же въ нижегородскую семинарію, 7) Рознесенскій Николай въ уфимскую семинарію, 8) Ливановъ Николай въ одну изъ губерній астраханской, саратовской, тамбовской или самарской.

Постановили: 1) Окончившихъ курсъ воспитанниковъ казанской духовной академіи: *богословскаго отдѣленія*: 1) Алякритскаго Валеріана, 2) Воскресенскаго Алексѣя, 3) Вечтомова Александра, 4) Иванова Владиміра, 5) Николаевскаго Павла, 6) Панова Анатолія, 7) Смирнова Михаила, 8) Уранова Анатолія; 6) *церковно-историческаго отдѣленія*: 9) Брызгалова Ивана, 10) Высотскаго Василя, 11) Казанскаго Ивана, 12) Москвина Николая, 13) Паль-

мова Никандра, 14) Преображенскаго Павла, 15) Прозорова Василя, 16) Скворцова Петра, 17) Сіонскаго Петра; в) *церковно-практическаго отдѣленія*: 18) Вознесенскаго Николая, 19) Добра Николая, 20) Ливанова Николая, 21) Свигирева Ивана и 22) Черилева Петра—удостоить степени кандидата богословія съ предоставленіемъ имъ права на преподаваніе въ семинаріи и права при исканіи степени магистра не держать новаго устнаго испытанія; воспитанниковъ же *церковно-практическаго отдѣленія*: 23) Алфіонова Алексѣя, 24) Кудѣвскаго Арсенія, 25) Петропавловскаго Ивана, 26) Флоринскаго Николая, 27) Смирнова Сергѣя, 28) Городскаго Павла, 29) Ильинскаго Василя и 30) Радугина Сергѣя—удостоить степени кандидата богословія съ предоставленіемъ имъ права на преподаваніе въ семинаріи, о чемъ и представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства.

2) По утвержденіи сего постановленія изготovitъ для означенныхъ студентовъ установленныя на степень кандидата богословія дипломы со внесеніемъ въ нихъ свѣдѣній о числѣ лѣтъ обязательной службы въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ казеннокоштныхъ воспитанниковъ. Означенные дипломы препроводить въ свое время вмѣстѣ съ прочими документами воспитанниковъ къ мѣстамъ ихъ службы, съ просьбою увѣдомить Совѣтъ о полученіи оныхъ; дипломъ же и прочіе документы воспитанника Алексѣя Воскресенскаго, состоявшаго въ теченіи академическаго курса стипендіатомъ костромскаго спархіяльнаго комитета Миссіонерскаго Общества и обязаннаго за свое содержаніе прослужить сему Обществу четыре года, препроводить въ указанный комитетъ, обративъ его въ вѣдѣніе онаго комитета.

3) Препроводить въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ и въ канцелярію Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода требуемыя свѣдѣнія объ окончившихъ курсы воспитанникахъ казанской духовной академіи и сообщить Учебному Комитету, что Совѣтомъ академіи означенные воспитанники признаются болѣе способными на слѣдующіе каѳедры: а) богословскаго отдѣленія: 1) Алякритскій Валеріанъ на каѳедру греческаго и латинскаго языка; 2) Вечтомовъ Александръ и 3) Пановъ Анатолій на каѳедру тѣхъ же языковъ и основнаго богословія; 4) Нвановъ Владиміръ и 5) Урановъ Анатолій на каѳедру священнаго писанія и еврейскаго языка; б) Николаевскій Павелъ на каѳедру богословія основнаго,

догматическаго и нравственнаго, а также философскихъ ученій; 7) Смирновъ Михаилъ на кафедрѣ богословія основнаго, догматическаго и нравственнаго, священнаго писанія и греческаго языка; б) церковно-историческаго отдѣленія 8) Брызгаловъ Иванъ на кафедрѣ всеобщей и русской гражданской исторіи, исторіи русской церкви, греческаго и латинскаго языка; 9) Высокій Василій на кафедрѣ латинскаго и греческаго языка и исторіи русской церкви; 10) Казанскій Иванъ на кафедрѣ всеобщей церковной исторіи, исторіи русской церкви, исторіи философіи, греческаго и латинскаго языка; 11) Москвинъ Николай на кафедрѣ всеобщей и русской гражданской исторіи, исторіи русской церкви и философскихъ ученій; 12) Пальмовъ Никандръ на кафедрѣ всеобщей и русской гражданской исторіи, исторіи русской церкви, греческаго и латинскаго языка; 13) Преображенскій Павелъ на кафедрѣ всеобщей и русской гражданской исторіи, исторіи русской церкви и обзору философскихъ ученій; 14) Прозоровъ Василій на кафедрѣ всеобщей церковной исторіи, исторіи русской церкви, священнаго писанія и кромѣ того на кафедрѣ ученія о расколѣ; 15) Скворцовъ Петръ на кафедрѣ всеобщей церковной исторіи, исторіи русской церкви и древнихъ языковъ; 16) Сіучскій Петръ на кафедрѣ всеобщей церковной исторіи, исторіи русской церкви и греческаго языка; в) церковно-практическаго отдѣленія: 17) Алфіоновъ Алексѣй на кафедрѣ пастырскаго богословія, гомилетики, литургіи и каноническаго права; 18) Кудѣвскій Арсеній на кафедрѣ словесности съ исторіей литературы, логики и гомилетики; 19) Петропавловскій Иванъ на кафедрѣ словесности съ исторіей литературы, логики и основнаго богословія; 20) Флоринскій Николай на кафедрѣ пастырскаго богословія, гомилетики, литургіи и каноническаго права; 21) Смирновъ Сергій на кафедрѣ словесности съ исторіей литературы, логики и гомилетики; 22) Вознесенскій Николай на кафедрѣ пастырскаго богословія, гомилетики, литургіи, каноническаго права, словесности, греческаго и латинскаго языка; 23) Городецкій Павелъ на кафедрѣ словесности съ исторіей литературы, логики и гомилетики; 24) Добровъ Николай на кафедрѣ латинскаго и греческаго языка, каноническаго права, литургіи, гомилетики практическаго руководства для пастырей; 25) Ильинскій Василій на кафедрѣ пастырскаго богословія, гомилетики, литур-

гики, каноническаго права и древнихъ языковъ; 26) Ливановъ Николай на кафедре пастырскаго богословія, гомилетики, литургики, каноническаго права и древнихъ языковъ; 27) Снегиревъ Иванъ на кафедре словесности съ исторіей литературы, логики, гомилетики и древнихъ языковъ; 28) Радугинъ Сергѣй на кафедре словесности съ исторіей литературы, логики гомилетики и древнихъ языковъ и 29) Черняевъ Петръ на кафедре словесности съ исторіей литературы, логики, гомилетики, философіи и священнаго писанія.

4) Заявленія студентовъ о томъ, кто въ какія епархіи желалъ бы поступить на службу, изложенныя въ справкѣ, сего журнала, внести въ таблицу объ окончившихъ курсъ, представляемую Учебному Комитету при Святѣйшемъ Синодѣ

5) Объявить (и объявлено) окончившимъ курсъ казенно-коштнымъ воспитанникамъ академіи прописанное въ 15 справкѣ сего журнала опредѣленіе Святѣйшаго Синода отъ ^{10 декабря} 187⁵/₆ года за № 1834.
_{10 января}

6) О студентахъ, подлежащихъ отбыванію воинской повинности, увѣдомить тѣ городскія по воинской повинности присутствія, къ которымъ они приписаны, что студенты эти въ настоящемъ году окончили академическій курсъ.

Резолюція на семь журналѣ Его Высочайшаго Святѣйшаго Синода отъ 4 іюня послѣдовала по ст. I—V „Согласенъ“ по ст. V—VII „Утверждается“.

27 мая 1883 года.

Въ *общемъ* собраніи Совѣта казанской духовной академіи, подъ предсѣдательствомъ ректора академіи протоіерея А. Владимірскаго, присутствовали всѣ ординарные и экстраординарные профессора, кромѣ ординарныхъ профессоровъ И. Порфирьева, Н. Бѣллева, экстраординарныхъ профессоровъ Е. Будрина, протоіерея Е. Малова, не присутствовавшихъ по болѣзни, и экстраординарнаго профессора А. Гренкова, не присутствовавшаго вслѣдствіе увольненія его въ отпускъ.

I. Слушали: Отношеніе предсѣдателя Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ протоіерея Алексѣя Парво-

ва отъ 7 мая сего 1883 г. за № 195 на имя ректора академіи протоіерея Александра Владимірскаго: „Въ виду предстоящаго размѣщенія на службу по духовно-учебному вѣдомству окончившихъ въ текущемъ году курсъ воспитанниковъ духовныхъ академій, Учебный Комитетъ, желая при означенномъ распредѣленіи имѣть точнѣйшія свѣдѣнія о степени способности и благонадежности каждаго изъ академическихъ воспитанниковъ къ прохожденію различныхъ должностей на духовно-училищной службѣ, положилъ просить оо. ректоровъ духовныхъ академій сдѣлать распоряженіе о внесеніи въ доставляемые Учебному Комитету списки окончившихъ курсъ воспитанниковъ, кромѣ установленныхъ свѣдѣній объ ихъ успѣхахъ въ наукахъ, спеціальныхъ занятіяхъ и поведеніи, кромѣ обычныхъ заявленій о желаніи поступить на службу въ тѣ или другія мѣстности Россіи, и болѣе подробныя указанія на то, кто изъ внесенныхъ въ списки воспитанниковъ предпочтительно предъ другими можетъ быть назначенъ на преподавательскія должности въ духовныя семинаріи, кто признается болѣе способнымъ къ прохожденію учительскихъ обязанностей въ училищахъ и кто съ успѣхомъ можетъ занимать должность помощника инспектора въ семинаріяхъ. Въ исполненіе таковаго заключенія Учебнаго Комитета имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Высокопреподобіе сдѣлать зависящее съ Вашей стороны распоряженіе о внесеніи вышепроеписанныхъ свѣдѣній въ имѣющій быть доставленнымъ въ Учебный Комитетъ списокъ окончившихъ въ текущемъ году курсъ воспитанниковъ ввѣренной Вамъ академіи“.

Постановили: Въ дополненіе къ постановленію Совѣта академіи, изложенному въ журналѣ его отъ 11 мая № 18, внести въ таблицу, доставляемую Учебному Комитету объ окончившихъ курсъ воспитанникахъ, что по мнѣнію Совѣта академіи предпочтительно предъ другими могутъ быть назначены на преподавательскія должности въ духовныя семинаріи слѣдующіе воспитанники академіи: Вечтомовъ Александръ, Ивановъ Владиміръ, Николаевскій Павелъ, Пановъ Апатолій, Смирновъ Михаилъ, Брызгаловъ Иванъ, Высотскій Василій, Казанскій Иванъ, Москвинъ Николай, Преображенскій Павелъ, Прозоровъ Василій, Вознесенскій Николай, Ливановъ Николай, Снегиревъ Иванъ и Черняевъ Петръ; б) на преподавательскія должности въ духовныхъ

училищахъ: Аватолій Урановъ, Никандръ Пальмовъ, Петръ Сіонскій, Алексѣй Алфіоновъ, Павелъ Городецкій, Николай Добровъ, Арсеній Кудѣевскій, Иванъ Петропавловскій, Николай Флоринскій и Сергѣй Смирновъ и в) съ успѣхомъ могутъ занимать должность помощника инспектора въ семинаріяхъ, какъ отличающіеся положительнымъ и солиднымъ характеромъ: Петръ Скворцовъ, Василій Ильинскій и Сергѣй Радугинъ. Своекостный студентъ Валеріанъ Алекритскій, изъявившій свое желаніе служить по духовно-учебному вѣдомству, съ успѣхомъ можетъ занимать кафедру по древнимъ языкамъ и въ семинаріи и въ училищѣ.

II. Слушали: Отношеніе канцеляріи казанскаго губернатора отъ 23 мая сего 1883 года за № 1965: „Препровождая при семъ копию съ утвержденного г. Товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ 30 апрѣля сего года устава общества вспомошествованія недостаточнымъ студентамъ казанской духовной академіи, покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, объявить учредителямъ общества, что послѣднее можетъ открыть свои дѣйствія на точномъ основаніи сего устава, съ тѣмъ, чтобы о времени открытія было сообщено мнѣ своевременно“.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію и руководству. Уставъ напечатать въ протоколахъ совѣта и отдѣльными оттисками въ 1200—1500 экземплярахъ и разослать въ правленія духовно-учебныхъ заведеній, къ почетнымъ членамъ академіи и другимъ почетнымъ лицамъ съ предложеніемъ, не пожелаетъ ли кто вступить въ члены учреждаемаго общества. Напечатать также объявленія объ открываемомъ обществѣ въ Православномъ Собесѣдникѣ, въ казанскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ и въ Извѣстіяхъ по казанской епархіи съ тѣмъ же приглашеніемъ и съ присовокупленіемъ, что членами общества могутъ быть лица обоюго пола, всѣхъ званій и состояній, кромѣ учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ, что желающіе поступить въ пожизненные члены Общества вносятъ единовременно въ пользу его не менѣе 75 руб., дѣйствительные же члены вносятъ не менѣе 3 руб. ежегодно, и что до открытія сего общества и избранія казначея его заявленія и деньги могутъ быть адресованы на имя г. инспектора казанской духовной академіи В. В. Миро-

творцева. О двѣ же открытія общества имѣть сужденіе по окончаніи наступающихъ лѣтнихъ каникулъ.

Резолюція на семь журналѣ Его Высокопреосвященства отъ 4 іюня послѣдовала: „Къ исполненію“.

27 мая 1883 года.

Въ собраніи Совѣта казанской духовной академіи, подъ предсѣдательствомъ ректора академіи протоіерея А. Владимірскаго, присутствовали помощники ректора: П. Знаменскій, И. Бердниковъ, инспекторъ В. Миротворцевъ, члены Совѣта ординарный профессоръ Ѡ. Кургановъ и экстраординарные профессора: А. Некрасовъ, А. Волковъ, Н. Ивановскій. Не присутствовали по болѣзни: помощникъ ректора Н. Бѣляевъ, члены Совѣта: ординарный профессоръ И. Порфирьевъ и экстраординарный профессоръ протоіерей Е. Маловъ.

I. Слушали: Отношеніе Совѣта казанскаго Родіоновскаго института благородныхъ дѣвиць отъ 19 мая 1883 года за № 671: „Государь Императоръ изволилъ Всемилостивѣйше пожаловать, въ торжественный день священнаго коронованія, преподавателю педагогики въ Родіоновскомъ Институтѣ, статскому совѣтнику Александру Гренкову, за отличпо-усердную службу, орденъ св. Анны второй степени“.

Постановили: Принявъ къ свѣдѣнію, внести о Всемилостивѣйшемъ пожалованіи профессора Гренкова орденомъ св. Анны 2-й степени въ формулярный его списокъ.

II. Слушали: а) Отношеніе и. д. герольдмейстра Правительствующаго Сената отъ 12 мая сего 1883 году за № 1129 на имя Его Высокопреосвященства Архіепископа казанскаго и свіяжскаго: „На основаніи 218 ст. I т. Св. Зак. Учрежд. Прав. Сената по продолженіи 1863 года, имѣю честь преисповодитъ при семъ выписку изъ журнала Правительствующаго Сената, состоявшагося 12 января 1883 года, съ приложеніемъ о производствѣ секретаря Совѣта и Прав-

УСТАВЪ И ШТАТЪ
ПРАВОСЛАВНЫХЪ
ДУХОВНЫХЪ АКАДЕМІЙ,

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденный 20 Апрѣля 1884 года.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1884.

Перепечатано по определению Совета Казанской Духовной Академии.
Секретарь Совета *М. Соловьевъ.*

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
рукою написано:

«Быть по сему»

Въ Гатчинѣ.
20 Апрѣля 1884 года

У С Т А В Ъ

ПРАВОСЛАВНЫХЪ ДУХОВНЫХЪ АКАДЕМІЙ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общая положенія.

§ 1. Православная духовная академія имѣеть пѣлію доставлять высшее богословское образованіе, въ духѣ православія, для просвѣщеннаго служенія Церкви на пастырскомъ, духовно-учебномъ и другихъ поприщахъ дѣятельности.

§ 2. Духовная академія, состоя въ главномъ завѣдываніи Святѣйшаго Синода, находится подъ начальственнымъ попеченіемъ мѣстнаго Епархіальнаго Преосвященнаго и содержится на средства, имѣющіяся въ распоряженіи Святѣйшаго Синода.

§ 3. Управление академіею, при ближайшемъ наблюденіи и руководствѣ ректора, предоставляется Совету и Правленію академіи.

§ 4. Въ академіи, кромѣ ректора, состоятъ: инспекторъ, профессоры и другіе преподаватели, помощ-

ники инспектора, секретарь и его помощникъ, библиотекаръ и его помощникъ, врачъ, экономъ и почетный блюститель по хозяйственной части.

§ 5. Въ студенты академіи принимаются лица всѣхъ сословій, православнаго исповѣданія, удовлетворяющія требованіямъ, изложеннымъ въ § 111 сего устава.

§ 6. Въ академіи полагается опредѣленное число казеннокоштныхъ студентовъ.

§ 7. Въ академію, кромѣ того, допускаются своекоштные студенты въ качествѣ пансіонеровъ.

§ 8. Духовная академія предоставляетъ ученныя степени Кандидата, Магистра и Доктора богословскихъ наукъ, по правиламъ сего устава.

§ 9. Сверхъ сего академія имѣетъ право избирать въ званіе своихъ Почетныхъ членовъ, на основаніи устава.

§ 10. Ревизія академіи производится по назначенію Святѣйшаго Синода.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ОВЪ отношеніяхъ Епархіальнаго Преосвященнаго къ академіи.

§ 11. Епархіальному Преосвященному принадлежитъ начальственное наблюденіе за направлениемъ преподаванія и воспитанія въ академіи и вообще за исполненіемъ въ академіи сего устава.

§ 12. Епархіальный Преосвященный посѣщаетъ академію, входитъ во всѣ подробности управленія,

удостоверяется въ степени ея благоустройства и, когда признаетъ нужнымъ, присутствуетъ на лекціяхъ, въ засѣданіяхъ Совѣта и Правленія, въ ученыхъ собраніяхъ академіи и на испытаніяхъ.

§ 13. Поставляя на видъ, кому слѣдуетъ, усмотрѣнную неисправность по службѣ, Преосвященный, въ случаѣ важнаго проступка со стороны должностнаго лица, даетъ Совѣту или Правленію, по принадлежности, предложеніе о временномъ устраненіи виновнаго отъ должности, а по обслѣдованіи вины законнымъ порядкомъ, дѣлаетъ соотвѣтственное, въ предѣлахъ предоставленной ему власти, распоряженіе.

§ 14. Въ случаѣ нерадѣнія кого-либо изъ должностныхъ лицъ, Преосвященный объ увольненіи тѣхъ изъ нихъ, которыя утверждаются въ должностяхъ Святѣйшимъ Синодомъ, представляетъ Синоду, а о прочихъ предлагаетъ по принадлежности Совѣту или Правленію академіи, для зависящихъ распоряженій.

§ 15. Епархіальный Преосвященный дѣлаетъ Совѣту и Правленію, смотря по надобности, письменныя предложенія къ исполненію или для обсужденія.

§ 16. Епархіальный Преосвященный разрѣшаетъ самъ, въ положенныхъ уставомъ предѣлахъ, представленія Совѣта и Правленія академіи по дѣламъ, превышающимъ власть Совѣта и Правленія, или входитъ по такимъ дѣламъ представленіями въ Святѣйшій Синодъ.

§ 17. Епархіальный Преосвященный увольняетъ въ отпуски ректора и инспектора на срокъ до 29 дней;

отъ него же зависить отпускъ и прочихъ должностныхъ лицъ въ учебное время на срокъ болѣе 14 дней, но не свыше четырехъ мѣсяцевъ, въ случаяхъ крайней необходимости.

§ 18. Епархіальный Преосвященный охраняеть права и преимущества академіи и ходатайствуетъ о награжденіи должностныхъ лицъ.

§ 19. Болѣе подробно отношенія Епархіальнаго Преосвященнаго къ академіи опредѣляются въ подлежащихъ главахъ устава.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О РЕКТОРѢ АКАДЕМІИ.

§ 20. Ректоръ академіи, по представленію Епархіальнаго Преосвященнаго, назначается Святѣйшимъ Синодомъ изъ извѣстныхъ своими достоинствами лицъ духовнаго сана.

Примѣчаніе. Если на должность ректора будетъ назначенъ изъ монашествующихъ не имѣющій сана архимандрита, а изъ бѣлаго духовенства священникъ, то первый возводится въ санъ архимандрита, а послѣдній въ санъ протоіерея.

§ 21. Ректоръ преподаеть одну изъ богословскихъ наукъ по своему избранію, имѣя не болѣе двухъ лекцій въ недѣлю.

§ 22. Ректоръ есть ближайшій начальникъ академіи, отвѣтствующій за благосостояніе ея по всеѣмъ частямъ управленія.

§ 23. Ректоръ обязывается посѣщать лекціи преподавателей, наблюдать за ходомъ и направлениемъ преподаванія и точнымъ выполнениемъ программъ.

§ 24. Ректоръ имѣетъ главное наблюдение за нравственнымъ и религіознымъ направлениемъ студентовъ академіи и ихъ учебными занятіями; за проступки онъ подвергаетъ виновныхъ выговорамъ и другимъ взысканіямъ, о проступкахъ же особенно важныхъ доноситъ Епархіальному Преосвященному и вноситъ на разсмотрѣніе Правленія.

§ 25. Ректоръ назначаетъ, открываетъ и закрываетъ засѣданія Совѣта и Правленія и предѣдательствуетъ въ нихъ.

§ 26. Ректоръ даетъ преподавателямъ и другимъ служащимъ въ академіи лицамъ отпуска, какъ на вакаціонное время, такъ и на сроки не свыше 14 дней, въ теченіе учебнаго времени, собственною властію; на болѣе же продолжительные сроки — съ разрѣшенія Епархіальнаго Преосвященнаго.

§ 27. Ректоръ наблюдаетъ за точнымъ исполненіемъ всеми должностными лицами академіи ихъ обязанностей, въ случаѣ надобности дѣлаетъ имъ внушенія и замѣчанія; при недѣйствительности же сихъ мѣръ доноситъ Епархіальному Преосвященному.

Примѣчаніе. Внушенія и замѣчанія не должны быть дѣлаемы въ аудиторіи предъ студентами.

§ 28. По истеченіи каждаго мѣсяца, ректоръ представляетъ Преосвященному краткія свѣдѣнія о состоя-

ній академії, а о значительныхъ происшествіяхъ доносить ему немедленно.

§ 29. Ректору предоставляется ходатайствовать предъ Епархіальнымъ Преосвященнымъ о награжденіи преподавателей и другихъ лицъ, служащихъ при академіи.

§ 30. Ректоръ входитъ представленіями къ Преосвященному, а съ посторонними учрежденіями и лицами сносится сообщеніями, хранитъ большую академическую печать и вскрываетъ бумаги, поступающія въ академію.

§ 31. Ректоръ одобряетъ къ напечатанію тезисы, разсужденія и иныя учено - литературнаго содержанія сочиненія и сборники, издаваемые при академіи (§ 173).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Объ инспекторъ и его помощникахъ.

§ 32. Инспекторъ назначается, по представленію Епархіальнаго Преосвященнаго, Святѣйшимъ Синодомъ изъ ординарныхъ профессоровъ академіи, предпочтительно, имѣющихъ духовный санъ.

Примѣчаніе. По особо уважительнымъ причинамъ должность инспектора можетъ быть возлагаема и на экстраординарнаго профессора, имѣющаго духовный санъ.

§ 33. Инспекторъ, въ случаѣ болѣзни или отсутствія ректора академіи, исправляетъ его должность.

§ 34. На инспектора возлагается ближайшее попечение о нравственности и благоприличіи студентовъ и наблюденіе за исполненіемъ правилъ, установленныхъ для нихъ въ академіи. Виновнымъ въ нарушеніи сихъ правилъ инспекторъ дѣлаетъ внушенія и замѣчанія, а въ случаѣ важныхъ проступковъ доводитъ о нихъ до свѣдѣнія ректора.

§ 35. Инспекторъ выслушиваетъ частныя просьбы студентовъ, дѣлаетъ по нимъ зависящія отъ него распоряженія, а въ случаяхъ важныхъ немедленно обращается къ ректору.

§ 36. Инспекторъ, имѣя общее наблюденіе за чистотою и опрятностію студенческихъ помѣщеній, а также за надлежащимъ содержаніемъ студентовъ пищею и одеждою, на усмотрѣнные въ семъ отношеніи недостатки обращаетъ вниманіе эконома, въ случаѣ же надобности, доводитъ о нихъ до свѣдѣнія ректора.

§ 37. Инспекторъ даетъ студентамъ отпуска на дни воскресные и праздничные, также и на вакаціонное время, въ случаяхъ же экстренныхъ, въ дни несвободные отъ занятій увольняетъ ихъ въ отпускъ съ согласія ректора.

§ 38. Инспекторъ, по окончаніи года, представляетъ въ Правленіе вѣдомости о поведеніи студентовъ.

Примѣчаніе. Поведеніе студентовъ обозначается баллами; высшій баллъ 5.

§ 39. Въ случаѣ болѣзни или отсутствія инспектора, исполненіе его обязанностей возлагается Прео-

священнымъ на одного изъ профессоровъ, состоящаго членомъ Правленія.

§ 40. Помощники инспектора, которыхъ полагается два, опредѣляются Епархіальнымъ Преосвященнымъ, по рекомендаціи инспектора и представленію ректора.

§ 41. Помощники инспектора должны имѣть ученую степень магистра или кандидата духовной академіи.

Примѣчаніе. Должность помощника инспектора можетъ быть соединяема съ должностью преподавателя академіи.

§ 42. Обязанность ихъ заключается въ наблюденіи, подъ руководствомъ инспектора, за порядкомъ и точнымъ исполненіемъ правилъ, установленныхъ для студентовъ академіи.

§ 43. Подробныя обязанности помощника инспектора опредѣляются инструкціею, составляемою инспекторомъ и, по разсмотрѣніи въ Правленіи, утверждаемою Епархіальнымъ Преосвященнымъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О ПРЕПОДАВАТЕЛЯХЪ.

§ 44. Преподавателями въ академіи состоятъ: профессеры ординарные и экстраординарные, доценты и лекторы. Преподавателями могутъ быть только лица православнаго исповѣданія; исключеніе изъ сего допускается только въ отношеніи лекторовъ новыхъ языковъ.

§ 45. Ординарные профессора академіи должны имѣть степень доктора богословскихъ наукъ.

Примѣчаніе. Преподаватели не богословскихъ наукъ въ академіи, имѣющіе степень магистра богословія, могутъ быть опредѣляемы на вакантныя кафедры ординарнаго профессора съ званіемъ исправляющихъ должность ординарнаго профессора.

§ 46. Экстраординарными профессорами могутъ бытъ и имѣющіе степень магистра богословія.

§ 47. Получившій степень доктора или магистра въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, можетъ быть опредѣляемъ на кафедру въ духовной академіи соотвѣтственно его специальности и ученой степени.

§ 48. Для полученія званія доцента надлежитъ имѣть степень не ниже магистра.

§ 49. Лекторы языковъ опредѣляются по предварительномъ удостовѣреніи Совѣта въ ихъ свѣдѣніяхъ и способностяхъ къ преподаванію.

Примѣчаніе. Въ случаѣ крайней нужды Совѣтъ можетъ допустить къ преподаванію новыхъ языковъ и наличныхъ преподавателей академіи.

§ 50. Ищущіе званія профессора или доцента, но неизвѣстные Совѣту своими преподавательскими способностями, сверхъ условій, изложенныхъ въ §§ 45 и 48, должны прочесть публично, въ присутствіи Совѣта, двѣ пробныя лекціи: одну на тему по собственному избранію, а другую по назначенію Совѣта.

§ 51. На открывшуюся вакансію штатнаго преподавателя Совѣтъ представляетъ Епархіальному Преосвященному своихъ кандидатовъ.

§ 52. Если Совѣтъ не имѣетъ въ виду кандидата, достойнаго занять открывшееся мѣсто преподавателя, то доводитъ о семъ до свѣдѣнія Епархіальнаго Преосвященнаго для дальнѣйшихъ распоряженій.

§ 53. Профессоры утверждаются въ должности Святѣйшимъ Синодомъ, а доценты и лекторы—Епархіальнымъ Преосвященнымъ.

§ 54. Для приготовленія къ занятію преподавательскихъ вакансій въ академіи, Совѣту предоставляется оставлять при оной на годичный срокъ наиболѣе даровитыхъ студентовъ, кончившихъ курсъ съ отличнымъ успѣхомъ.

Примѣчаніе. Лица сіи получаютъ содержаніе изъ особо назначенныхъ для того суммъ, въ размѣрѣ не свыше 700 рублей на cadaго.

§ 55. По истеченіи года, они представляютъ отчетъ Совѣту въ своихъ занятіяхъ, и затѣмъ могутъ быть опредѣляемы на соотвѣтственныя ихъ приготовленію вакантныя кафедры, съ званіемъ исправляющихъ должность доцента, до окончательнаго утвержденія въ степени магистра. Срокъ для полученія ими сей степени назначается не болѣе двухъ лѣтъ со дня поступленія на должность.

§ 56. Если приготовлявшійся къ преподавательской должности въ академіи по какимъ-либо обстоятельствамъ не займетъ оную, то установленнымъ по-

рядкомъ назначается на соотвѣтствующую предмету его занятій преподавательскую должность въ одной изъ духовныхъ семинарій.

Примѣчаніе. Въ случаѣ перехода такого лица на службу въ другое вѣдомство ранѣе выслуги обязательнаго по духовно-учебному вѣдомству срока, оно обязано, сверхъ денегъ, слѣдующихъ съ него по § 161 сего устава, возвратить въ академію сумму, полученную имъ въ теченіе годичнаго приготовленія къ занятію преподавательской должности въ академіи.

§ 57. Профессоръ, ординарный или экстраординарный, по выслугѣ 25-лѣтъ въ должности штатнаго преподавателя въ академіи, удостоивается званія заслуженнаго ординарнаго или экстраординарнаго профессора.

§ 58. Профессоры и прочіе преподаватели обязываются представлять отчетъ о своемъ преподаваніи ректору, принимать участіе въ испытаніяхъ и исполнять находящіяся въ связи съ ихъ учеными занятіями порученія Совѣта.

§ 59. Профессоры и прочіе преподаватели должны употреблять на изложеніе своего предмета столько часовъ въ недѣлю, сколько назначено будетъ Совѣтомъ.

§ 60. Одинъ преподаватель не можетъ занимать двухъ каѳедръ, кромѣ крайнихъ случаевъ и никакъ не далѣе одного года. За исполненіе должности преподавателя по вакантной каѳедрѣ онъ получаетъ, по усмотрѣнію Совѣта, съ разрѣшенія Преосвященнаго, воз-

награжденіе въ размѣрѣ, не превышающемъ жалованья доцента.

§ 61. Просьбы профессоровъ и прочихъ преподавателей объ увольненіи отъ службы вносятся въ Совѣтъ ректоромъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О прочихъ должностныхъ лицахъ.

§ 62. Прочія должностныя лица академіи опредѣляются Епархіальнымъ Преосвященнымъ: секретарь Совѣта и Правленія и помощникъ секретаря, бібліотекаръ и его помощникъ—по представленію Совѣта, а врачъ, экономъ и почетный блюститель по хозяйственной части—по представленію Правленія.

§ 63. Секретарь обязывается: изготавлять къ докладу поступающія въ Совѣтъ и Правленіе дѣла, докладывать оныя, составлять журналы и исполненія по нимъ, приготавливать, совмѣстно съ экономомъ, экономическіе отчеты, вести переписку по части ректора и вообще исполнять все, что до дѣлопроизводства касается.

§ 64. Секретаремъ нанимаются, съ разрѣшенія ректора, писцы, получающіе содержаніе по его назначенію, утверждаемому Правленіемъ академіи.

§ 65. Второстепенныя занятія по дѣлопроизводству Совѣта и Правленія возлагаются на помощника секретаря, который, въ случаѣ болѣзни или отсутствія секретаря, исправляетъ его должность.

§ 66. Библиотечарь избирается изъ лицъ, имѣющихъ достаточное образованіе и нужные для успѣшнаго исполненія этой должности опытъ и свѣдѣнія.

§ 67. Обязанности библиотечаря и его помощника, по храненію библиотеки и управленію оною, опредѣляются инструкціею отъ Совѣта академіи.

§ 68. Врачъ обязанъ лечить какъ студентовъ, такъ и всѣхъ служащихъ при академіи; подробнѣе обязанности его въ отношеніи къ академіи опредѣляются Правленіемъ.

§ 69. Экономъ избирается какъ изъ духовныхъ, такъ и изъ свѣтскихъ лицъ.

§ 70. На него возлагаются исполнительныя распоряженія по хозяйственной части.

§ 71. Экономъ выбираетъ служителей, назначаетъ имъ, съ утвержденія Правленія, жалованье, распределяетъ между ними занятія и заботится о немедленномъ замѣщеніи выбывающихъ.

§ 72. Экономъ долженъ смотрѣть за исправнымъ состояніемъ академическихъ зданій, надлежащимъ ихъ отопленіемъ и освѣщеніемъ, чистотою и опрятностію, а также за пищею и одеждою студентовъ.

§ 73. На его отвѣтственности лежитъ соблюденіе всѣхъ по дому полицейскихъ правилъ.

§ 74. Ближайшія, на разные случаи, указанія по всѣмъ этимъ обязанностямъ экономъ получаетъ отъ ректора, инспектора или Правленія академіи.

§ 75. Экономъ ведетъ приходорасходныя книги, и, по окончаніи каждаго мѣсяца, представляетъ Прав-

ленію вѣдомости: одну о суммѣ на расходы ему выданой, а другую о приходѣ, расходѣ и остаткѣ всѣхъ матеріаловъ и припасовъ.

§ 76. Почетный блюститель по хозяйственной части избирается изъ дворянъ, почетныхъ гражданъ и купцовъ.

§ 77. Главная обязанность почетнаго блюстителя состоятъ въ содѣйствіи къ лучшему содержанію академіи по хозяйственной части.

§ 78. Почетный блюститель способствуетъ сему какъ денежными и другими, по усердію своему, приношеніями, единовременными и постоянными, такъ и участіемъ въ дѣлахъ Правленія въ качествѣ члена онаго по хозяйственной части,

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О Совѣтъ академіи.

§ 79. Совѣтъ академіи, подъ предѣлательствомъ ректора, составляютъ: инспекторъ и всѣ ординарные и экстраординарные профессора.

Примѣчаніе. Въ случаѣ надобности, ректоръ можетъ пригласить въ собраніе Совѣта доцентовъ и прочихъ преподавателей, съ правомъ совѣщательнаго голоса по всѣмъ вопросамъ, по которымъ Совѣтъ признаетъ нужнымъ потребовать ихъ мнѣній или объясненій.

§ 80. Для дѣлъ, требующихъ предварительнаго разсмотрѣнія, могутъ быть образуемы Совѣтомъ, какъ изъ членовъ онаго, такъ и изъ прочихъ преподавате-

лей академіи, комиссії, которыя и представляютъ Совѣту свои соображенія и заключенія.

§ 81. Предметы занятій Совѣта:

а) Окончательно рѣшаемые самими Совѣтомъ:

1. Назначеніе предметовъ повѣрочнаго испытанія при приѣмѣ въ студенты академіи.

2. Распредѣленіе предметовъ ученія и порядка ихъ преподаванія въ академіи.

3. Разсмотрѣніе и утвержденіе программъ преподаванія.

4. Составленіе списковъ студентовъ послѣ испытаній.

5. Переводъ студентовъ изъ курса въ курсъ и оставленіе на томъ же курсѣ.

6. Распоряженіе о разсмотрѣніи диссертацій на ученые степени и оцѣнка оныхъ.

7. Принятіе мѣръ къ замѣщенію профессорскихъ и другихъ преподавательскихъ вакансій.

8. Распоряженія о выдачѣ дипломовъ и аттестатовъ.

9. Выборъ книгъ для библіотеки.

10. Одобреніе къ напечатанію сочиненій, писанныхъ на учрежденныя въ академіи преміи или наисканіе ученыхъ степеней.

б) Представляемые на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго:

1. Зачисленіе въ студенты академіи, увольненіе по прошеніямъ и исключеніе изъ академіи.

2. Назначеніе времени и порядка производства испытаній въ академіи.

3. Распредѣленіе суммъ на учебныя пособия.

4. Избраніе кандидатовъ въ члены Правленія и на должности доцентовъ, лекторовъ, секретаря Совѣта и Правленія и помощника секретаря, бібліотекаря и его помощника.

5. Оставленіе при академіи окончившихъ курсъ студентовъ, для приготовленія къ занятію преподавательскихъ кафедръ въ оной и назначеніе имъ содержанія.

6. Увольненіе и удаленіе должностныхъ лицъ, въ п. 4 поименованныхъ.

7. Составленіе инструкціи для бібліотекаря.

8. Составленіе правилъ о пріемѣ студентовъ въ академію и о переходѣ изъ одной академіи въ другую.

9. Мѣры и средства, ведущія къ усиленію ученой дѣятельности въ академіи.

10. Присужденіе званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата.

11. Разрѣшеніе преподавателямъ академіи публичныхъ чтеній.

12. Присужденіе премій за ученые труды на предложенныя отъ академіи задачи.

в) Представляемые, чрезъ Епархіальнаго Преосвященнаго, въ Святѣйшій Синодъ.

1. Распоряженія о вызовѣ воспитанниковъ семинарій въ составъ академическихъ курсовъ.

2. Предположенія о распредѣленіи кончившихъ академическій курсъ на учебно-воспитательныя должности въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ.

3. Избраніе въ званіе почетныхъ членовъ академіи лицъ, извѣстныхъ покровительствомъ духовному просвѣщенію или прославившихся своими заслугами церкви и учеными трудами.

4. Избраніе кандидатовъ на должности профессоровъ.

5. Увольненіе и удаленіе ихъ.

6. Удостоеніе степени магистра и доктора.

7. Предположенія объ учрежденіи при академіи ученыхъ обществъ.

8. Назначеніе изъ среды профессоровъ ревизоровъ по учебно-воспитательной части въ семинаріи своего округа, разсмотрѣніе ихъ отчетовъ и соображенія о мѣрахъ къ поднятію уровня семинарскаго образованія.

§ 82. Собранія Совѣта должны происходить по мѣрѣ надобности, по распоряженію ректора, или по желанію, заявленному письменно не менѣе, какъ половиною членовъ Совѣта.

§ 83. Предъ каждымъ засѣданіемъ Совѣта за три дня рассылаются къ членамъ, отъ имени ректора, повѣстки, съ обозначеніемъ въ нихъ предметовъ, подлежащихъ обсужденію въ этомъ засѣданіи.

§ 84. Всѣ члены Совѣта обязаны присутствовать въ его засѣданіяхъ. Въ случаѣ невозможности, они извѣщаютъ ректора о причинахъ своего отсутствія, о чемъ и вносятся въ журналъ.

§ 85. Отсутствовавшіе члены не могутъ требовать перерѣшенія постановленій, безъ нихъ состоявшихся.

§ 86. Совѣтъ не приступаетъ къ разсмотрѣнію и рѣшенію дѣлъ, если въ собраніи будетъ менѣе половины его членовъ.

§ 87. Дѣла въ Совѣтѣ рѣшаются, по возможности, единодушнымъ соглашеніемъ, въ случаѣ же разногласія, отдѣльныя мнѣнія подаются письменно и представляются на усмотрѣніе Преосвященнаго.

§ 88. Всѣ журналы Совѣта представляются председателемъ Епархіальному Преосвященному: по дѣламъ, означеннымъ въ 81 § подъ буквою *а*, для свѣдѣнія, по дѣламъ, означеннымъ въ томъ же § подъ буквою *б*, для утвержденія, по дѣламъ, означеннымъ подъ буквою *в*, для представленія въ Святѣйшій Синодъ.

§ 89. Журналы по дѣламъ, относящимся до ученой дѣятельности академіи, могутъ быть печатаемы, вполнѣ или въ извлеченіи, съ разрѣшенія Епархіальнаго Преосвященнаго.

§ 90. По истеченіи года, Совѣтъ, чрезъ одного изъ своихъ членовъ, состоящаго вмѣстѣ и членомъ Правленія, составляетъ отчетъ о состояніи академіи. Отчетъ этотъ представляется Епархіальнымъ Преосвященнымъ Святѣйшему Синоду и печатается во всеобщее свѣдѣніе.

§ 91. Совѣтъ назначаетъ ежегодно день для торжественнаго собранія академіи, въ которомъ, сверхъ чтенія отчета, раздаются студентамъ награды и представляется преподавателямъ произносить рѣчи.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

О Правленіи.

§ 92. Правленіе, подъ предсѣдательствомъ ректора, составляютъ: инспекторъ и три члена изъ ординарныхъ профессоровъ, а по дѣламъ хозяйственнымъ, сверхъ того, почетный блюститель по хозяйственной части и экономъ.

§ 93. Члены Правленія изъ ординарныхъ профессоровъ академіи утверждаются Епархіальнымъ Преосвященнымъ, по представленію Совѣта.

§ 94. Правленіе имѣеть слѣдующіе предметы занятій:

а) *Окончательно рѣшаемые самимъ Правленіемъ:*

1. Разсмотрѣніе вѣдомостей о поведеніи студентовъ и дѣлъ по проступкамъ студентовъ.

2. Разсмотрѣніе дѣлъ, касающихся учебныхъ занятій студентовъ.

3. Производство расходовъ въ границахъ смѣтнаго на каждый предметъ назначенія и сверхсмѣтные, изъ остаточныхъ суммъ, расходы до 300 р. сер. въ годъ.

4. Заключение контрактовъ на подряды и поставки до 2 тыс. руб. сер.

5. Назначеніе квартиръ лицамъ, имѣющимъ право на оныя.

6. Выдача потребныхъ шнуровыхъ книгъ.

7. Взиманіе платы съ пансіонеровъ.

б) *Представляемые на утверждение Епархіального
Преосвященнаго:*

1. Рассмотрѣніе инструкціи для дѣйствій помощниковъ инспектора и составленіе инструкціи для дѣйствій врача.

2. Составленіе правилъ: а) объ обязанностяхъ студентовъ академіи и б) о взысканіяхъ за нарушеніе этихъ обязанностей.

3. Избраніе эконома, врача и почетнаго блюстителя по хозяйственной части.

4. Присужденіе студентамъ наградъ.

5. Назначеніе прибавочнаго жалованья преподавателямъ за чтеніе лекцій по другой каедрѣ.

6. Присужденіе денежныхъ наградъ преподавателямъ изъ пожертвованныхъ на то суммъ.

7. Разрѣшеніе сверхсметныхъ, изъ остаточныхъ суммъ, расходовъ до 1000 руб. сер. въ годъ.

8. Заключение контрактовъ на подряды и поставки до 10 тыс. руб. сер.

9. Предположенія, касающіяся улучшенія по хозяйственной части.

10. Рассмотрѣніе экономическихъ отчетовъ.

в) *Представляемые, чрезъ Епархіальнаго Преосвященнаго,
на утвержденіе Святѣйшаго Синода:*

1. Увольненіе въ отпускъ ректора и инспектора свыше 29 дней.

2. Составленіе смѣтъ по содержанію академіи.

3. Разрѣшеніе сверхсмѣтныхъ расходовъ свыше 1000 руб. сер.

4. Заключеніе контрактовъ на подряды и поставки свыше 10 тыс. руб. сер.

5. Дѣла о назначеніи пенсій и пособій служащимъ при академіи.

Примѣчаніе. Дѣла о назначеніи пенсій и пособій служащимъ въ академіи, равно и касающіяся до отбыванія воинской повинности студентовъ академіи представляются Правленіемъ Епархіальному Преосвященному для надлежащихъ сношеній съ Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода.

§ 95. Правленіе получаетъ всѣ поступающія въ академію суммы, хранитъ и расходуетъ ихъ согласно со штатомъ и смѣтою или отдѣльными предписаніями, наблюдая въ отношеніи какъ расходованія суммъ, такъ и отчетности въ оныхъ, порядокъ, установленный общими законами и распоряженіями по духовному вѣдомству.

§ 96. Правленіе имѣетъ въ главномъ своемъ завѣдываніи академическую собственность, ведетъ все хозяйство по академіи, наблюдаетъ за благочиніемъ и порядкомъ въ зданіяхъ академіи, за содержаніемъ ихъ въ чистотѣ и исправности и за предохраненіемъ отъ порчи и пожара.

§ 97. Правленіе имѣетъ засѣданія, по крайней мѣрѣ, однажды въ недѣлю.

§ 98. По всѣмъ дѣламъ, разсматриваемымъ въ Правленіи, журналы онаго представляются председа-

телемъ Епархіальному Преосвященному, для свѣдѣнія, утвержденія или представленія въ Святѣйшій Синодъ, соотвѣтственно роду дѣлъ и указаніямъ § 94.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О НАУКАХЪ, ПРЕПОДАВАЕМЫХЪ ВЪ АКАДЕМИИ.

§ 99. Изъ наукъ, преподаваемыхъ въ академіи, однѣ изучаются всеми студентами, а другія, раздѣляясь на группы, предоставляются выбору студентовъ.

§ 100. Къ предметамъ, изучаемымъ всеми студентами, относятся:

1. Введеніе въ кругъ богословскихъ наукъ.
2. Священное Писаніе съ библейскою исторіею.
3. Догматическое богословіе.
4. Нравственное богословіе.
5. Гомилетика и исторія проповѣдничества.
6. Пастырское богословіе и педагогика.
7. Церковное право.
8. Исторія церкви, вселенской до раздѣленія церковей, православно-восточной и русской.
9. Патристика.
10. Церковная археологія и литургика.
11. Философія:
 - а) логика, психологія, метафизика,
 - б) исторія философіи.

§ 101. Изъ всеѣхъ прочихъ предметовъ академическаго курса составляются двѣ параллельныя группы:

Къ первой группѣ относятся:

1. Теорія словесности и исторія иностранныхъ литературъ.

2. Русскій и церковно-славянскій языкъ (съ палеографіей) и исторія русской литературы.

3. Еврейскій языкъ и библейская археологія.

Одинъ изъ древнихъ и одинъ изъ новыхъ языковъ.

Ко второй группѣ относятся:

1. Исторія и разборъ западныхъ исповѣданій.

2. Исторія и обличеніе русскаго раскола.

3. Гражданская исторія общая и

4. Русская гражданская исторія.

Одинъ изъ древнихъ и одинъ изъ новыхъ языковъ.

§ 102. Въ Казанской академіи къ общему курсу академическихъ наукъ, согласно съ первоначальною цѣлью ея учрежденія, присоединяется группа предметовъ миссіонерскихъ параллельная двумъ вышеозначеннымъ группамъ, и раздѣляющаяся на два отдѣла:

а) татарскій

и б) монгольскій.

§ 103. Студенты Казанской академіи, избравшіе какой либо изъ этихъ отдѣловъ, освобождаются отъ изученія наукъ, входящихъ въ составъ двухъ вышепоименованныхъ группъ, за исключеніемъ одного изъ древнихъ и одного изъ новыхъ языковъ.

Къ татарскому отдѣлу относятся:

1. Исторія и обличеніе магометанства.

2. Этнографія татаръ, киргизовъ, башкиръ, чувашъ, черемисъ, вотяковъ и мордвы.

3. Исторія распространенія христіанства между означенными инородческими племенами.

4. Арабскій и татарскій языкъ съ общимъ филологическимъ обзоромъ языковъ и нарѣчій означенныхъ племенъ.

Къ монгольскому отдѣлу относятся:

1. Исторія и обличеніе ламайства.

2. Этнографія монголовъ, бурятъ, калмыковъ, остяковъ, самоѣдовъ, якутовъ, чукчей, тунгузовъ, манѣжуръ, корейцевъ, гольдовъ, гиляковъ, коряковъ и другихъ.

3. Исторія распространенія христіанства между означенными племенами.

4. Монгольскій языкъ съ его нарѣчіями—бурятскимъ и калмыцкимъ—и общій филологическій обзоръ языковъ и нарѣчій другихъ вышепоименованныхъ племенъ.

§ 104. Съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, по усмотрѣнію нужды, могутъ быть вводимы и новые предметы, сверхъ вышепоименованныхъ, а также вообще дѣлаемы измѣненія въ учебной части академіи.

§ 105. Преподаваніе наукъ, входящихъ въ академическій курсъ, распредѣляется между преподавателями по штату, которымъ полагается: 8 ординарныхъ, 9 экстраординарныхъ профессоровъ, 9 доцентовъ и, для преподаванія новыхъ языковъ, 3 лектора.

Примѣчаніе. Доцентовъ въ академіи можетъ быть и болѣе 9-ти, если, за выбытіемъ кого либо изъ ординарныхъ профессоровъ, его кафедра не будетъ почему либо занята лицомъ съ тѣмъ же званіемъ.

§ 106. Восемь вакансій ординарнаго профессора распредѣляются по слѣдующимъ группамъ предметовъ.

1) по наукамъ богословскимъ (введенію въ кругъ богословскихъ наукъ, богословію догматическому и нравственному); 2) Св. Писанію съ библейскою исторіею; 3) пастырскому богословію, педагогикѣ, гомилетикѣ и исторіи словесности; 4) церковному праву, литургикѣ и патристикѣ; 5) церковной исторіи—общей и русской; исторіи западныхъ исповѣданій и исторіи русскаго раскола; 6) философіи; 7) гражданской исторіи—общей и русской, и 8) языкамъ—русскому и церковно-славянскому, еврейскому съ библейскою археологіею, греческому и латинскому.

§ 107. Сверхъ общаго числа штатныхъ преподавателей въ академіяхъ, въ Казанской академіи, для преподаванія миссіонерскихъ предметовъ, полагается: 2 ординарныхъ профессора, 1 экстраординарный, 1 доцентъ и 2 практиканта.

Примѣчаніе. Предметы академическаго курса распределяются между преподавателями на основаніи таблицы, при семъ прилагаемой.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

О ПРИЕМѢ УЧАЩИХСЯ ВЪ АКАДЕМІЮ.

§ 108. Приемъ студентовъ бываетъ одинъ разъ въ году, по окончаніи лѣтнихъ вакацій.

§ 109. Совѣтъ академіи предъ началомъ академическаго года, по расчисленіи, сколько изъ какой семинаріи предполагается нужнымъ вызвать лучшихъ воспитанниковъ въ составъ новаго академическаго курса, представляетъ, въ опредѣленномъ по § 81 порядкѣ, Святѣйшему Синоду о вызовѣ таковыхъ въ

академію и вмѣстѣ съ симъ объявляетъ объ имѣющемъ быть пріемѣ въ академію, для желающихъ поступить въ оную.

§ 110. Порядокъ подачи прошеній и соблюденіе требуемыхъ при семъ условій опредѣляются особыми правилами (§ 81 лит. б. п. 8).

§ 111. Желающіе поступить въ академію допускаются къ повѣрочному испытанію, если представятъ установленный аттестатъ о вполнѣ удовлетворительномъ знаніи курса семинаріи или классической гимназіи, и принимаются не иначе, какъ по успѣшномъ выдержаніи означеннаго испытанія.

§ 112. Изъ числа подвергавшихся повѣрочному испытанію, какъ по вызову академій (§ 109), такъ и по прошеніямъ, выдержавшіе оное удовлетворительно принимаются: лучшіе — казеннокоштными студентами, а остальные—своекоштными.

§ 113. Своекоштные студенты допускаются въ академію только въ качествѣ пансіонеровъ и живутъ въ зданіяхъ академіи, подчиняясь всѣмъ правиламъ, установленнымъ для казеннокоштныхъ студентовъ; число ихъ опредѣляется вмѣстительностію академическихъ зданій.

Примѣчаніе. Въ зданій академіи своекоштнымъ студентамъ дозволяется жить только у родителей.

§ 114. Переходъ студентовъ изъ одной академіи въ другую производится на основаніи особыхъ правилъ (§ 81 лит. б. п. 8).

§ 115. Сверхъ студентовъ могутъ быть допускаемы къ слушанію академическихъ лекцій и постороннія лица, по усмотрѣнію Епархіальнаго Преосвященнаго.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Овъ учебномъ курсѣ въ академіи, занятіяхъ студентовъ, испытаніяхъ и ученыхъ степеняхъ.

§ 116. Полный курсъ академическаго преподаванія распредѣляется на четыре года.

§ 117. Академическій годъ продолжается отъ 15 августа до 15 іюня.

§ 118. Для чтенія наукъ академическаго курса составляется Совѣтомъ академіи особое распisanіе.

§ 119. При составленіи распisanія Совѣтъ академіи имѣеть въ виду, чтобы

а) преподаванію наукъ богословскихъ, по возможности, предшествовало преподаваніе прочихъ наукъ, входящихъ въ курсъ академическій,

и б) при распредѣленіи богословскихъ наукъ, соблюдался порядокъ, опредѣляемый ихъ послѣдовательностію и взаимною зависимостію.

§ 120. Лекціи по каждому предмету распредѣляются Совѣтомъ такъ, чтобы въ первыхъ трехъ курсахъ было не менѣе 20, а въ четвертомъ не менѣе 12 лекцій въ недѣлю, каждая лекція по часу.

§ 121. Въ теченіе академическаго курса занятія студентовъ состоятъ:

а) въ неопустительномъ слушаніи лекцій,

б) въ письменныхъ сочиненіяхъ и

в) въ чтеніи книгъ.

§ 122. Степень вниманія студентовъ и усвоенія ими лекцій провѣряется преподавателями посредствомъ

предлагасмыхъ имъ вопросовъ по прочитаннымъ отдѣламъ наукъ.

§ 123. Въ теченіе года въ первыхъ трехъ курсахъ студентамъ назначается не менѣе трехъ сочиненій. Кромѣ того для студентовъ всѣхъ курсовъ обязательно составленіе проповѣдей въ томъ количествѣ, какое будетъ опредѣлено Совѣтомъ академій.

§ 124. Сочиненія пишутся по всѣмъ наукамъ, преподаваемымъ въ академіи, но по наукамъ богословскимъ сочиненій должно быть не менѣе двухъ третей общаго ихъ количества.

§ 125. Студенты IV курса, для полученія ученой степени, пишутъ одно особое сочиненіе на тему богословскаго содержанія.

§ 126. Темы какъ семестровыхъ сочиненій, такъ и для диссертаций на ученую степень, предлагаются преподавателями и, по разсмотрѣніи, утверждаются ректоромъ.

§ 127. Чтеніе книгъ студентами должно быть направляемо къ болѣе основательному усвоенію преподаваемыхъ имъ наукъ. Частныя правила относительно этого предмета составляются Совѣтами академій.

§ 128. Студенты пользуются книгами изъ академической библіотеки.

§ 129. Въ академіи дозволяется имѣть и особую студенческую библіотеку. Наблюденіе за составомъ и пополненіемъ таковой библіотеки принадлежитъ ректору, безъ разрѣшенія котораго не должна посту-

пать въ оную ни одна книга, журналъ или газета. Надзоръ же за благоустройствомъ библіотеки и порядкомъ пользованія книгами возлагается на инспектора академіи.

§ 130. Въ концѣ cadaго учебнаго года производятся испытанія студентовъ въ знаніи преподаваемыхъ имъ наукъ.

§ 131. Испытанія производятся посредствомъ комиссій, особо назначаемыхъ для сего Совѣтомъ, изъ преподавателей академіи.

Примѣчаніе. Правила о времени и порядкѣ производства испытаній составляются Совѣтомъ академіи.

§ 132. По окончаніи испытаній, на каждомъ курсѣ составляется Совѣтомъ списокъ студентовъ по успѣхамъ и поведенію. При составленіи списка на четвертомъ курсѣ принимаются во вниманіе успѣхи студентовъ за все время академическаго образованія.

§ 133. При опредѣленіи сравнительнаго достоинства студентовъ и составленіи списка ихъ принимаются во вниманіе сочиненія, устные отвѣты и поведеніе.

Примѣчаніе. При составленіи списка новые языки въ общій счетъ предметовъ не вводятся.

§ 134. Въ случаѣ неуспѣшности, зависѣвшей единственно отъ болѣзни, студенты могутъ быть оставляемы, съ разрѣшенія Совѣта, на второй годъ въ томъ или другомъ курсѣ, но одинъ только разъ въ продолженіе четырехлѣтняго академическаго курса.

§ 135. При окончаніи полнаго академическаго курса студенты академіи удостоиваются степени кандидата богословія и званія дѣйствительнаго студента.

§ 136. Студенты академіи, оказавшіе за весь четырехлѣтній курсъ отличные успѣхи и представившіе сочиненіе, признанное Совѣтомъ удовлетворительнымъ для степени магистра, утверждаются въ степени кандидата, съ правомъ полученія степени магистра безъ новаго устнаго испытанія, но удостоиваются этой послѣдней степени не иначе, какъ по напечатаніи сочиненія и удовлетворительномъ защитеніи его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ (коллоквиумъ).

§ 137. Студенты, оказавшіе въ теченіе четырехлѣтняго курса очень хорошіе и хорошіе успѣхи и представившіе при окончаніи курса удовлетворительное для степени кандидата сочиненіе, утверждаются въ этой степени. Но для полученія степени магистра, они должны выдержать новое устное испытаніе по тѣмъ предметамъ, по коимъ не оказали успѣховъ, соотвѣтствующихъ сей степени, и представить новое сочиненіе.

§ 138. Студенты, оказавшіе въ теченіе академическаго курса посредственные успѣхи и не представившіе сочиненія на степень кандидата или представившіе сочиненіе неудовлетворительное для сей степени, получаютъ званіе дѣйствительнаго студента.

§ 139. Если получившій степень кандидата за весь четырехлѣтній курсъ оказалъ отличные успѣхи

въ наукахъ, но не удовлетворилъ требованіямъ относительно сочиненія на степень магистра, или если представилъ сочиненіе, заслуживающее сей степени, но не оказалъ успѣховъ, соотвѣтствующихъ оной, то, при соисканіи такими лицами степени магистра, Совѣтъ не требуетъ отъ перваго изъ нихъ новаго устнаго испытанія, а отъ послѣдняго новаго сочиненія.

§ 140. Примѣнительно къ сему Совѣтъ поступаетъ и при соисканіи дѣйствительными студентами степени кандидата.

§ 141. Получающіе въ академіи кандидатскую или магистерскую степень именуются кандидатами или магистрами богословія, удостоенные же докторской степени носятъ наименованіе доктора или богословія, или церковной исторіи, или каноническаго права, соотвѣтственно отличительному характеру ихъ ученыхъ трудовъ, или представленной диссертациі.

§ 142. Степени доктора богословія, равно какъ церковной исторіи и церковнаго права, удостоиваются магистры богословія безъ устнаго испытанія, по представленіи напечатанной диссертациі или сочиненія, хотя бы и написаннаго не съ цѣлю полученія ученой степени.

§ 143. Лица, пріобрѣтшія извѣстность отличными по своимъ достоинствамъ учеными трудами, возводятся въ степень доктора также безъ испытанія.

§ 114. Подробныя правила испытаній на ученая степени опредѣляются особымъ положеніемъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Овъ учащихся.

§ 145. Студенты обязаны посѣщать лекціи, представлять сочиненія на даваемыя въ теченіе года преподавателями темы, сдавать репетиціи и экзамены и въ образѣ жизни и поведеніи неуклонно исполнять установленныя по академіи правила.

§ 146. Студенты по всѣмъ своимъ дѣламъ, касающимся учебныхъ занятій, репетицій и испытаній, обращаются къ ректору, а по остальнымъ дѣламъ къ инспектору.

§ 147. Студенты обязаны соблюдать посты, установленные Православною церковію, а въ первую и страстную седмицы великаго поста говѣть и приобщаться Святыхъ Таинъ.

§ 148. Въ дни воскресные и праздничные студенты должны неопустительно присутствовать при богослуженіи всенощномъ или утреннемъ и литургіи и участвовать въ богослужебномъ чтеніи и пѣннн. Начальствующіе и учащіе подаютъ въ семъ отношеніи назидательный примѣръ.

§ 149. Предъ началомъ лекціи и по окончаніи оныхъ, однимъ изъ студентовъ читается молитва; кромѣ того, ежедневно въ положенные часы студентами по очереди читаются молитвы утреннія и вечернія, равно и предъ обѣдомъ и ужиномъ и послѣ оныхъ.

§ 150. Казеннокоштные студенты пользуются отъ академіи полнымъ содержаніемъ. Своекоштные сту-

денты принимаются на таковое же содержаніе пансіонерами.

Примѣчаніе. Плата съ пансіонеровъ взимается въ размѣрѣ оклада, отпускаемаго на казеннокоштного студента.

§ 151. Пансіонеры вносятъ годовую плату въ два срока: въ сентябрѣ и январѣ; не удовлетворившіе этому требованію въ теченіе мѣсяца увольняются изъ академіи.

§ 152. Въ случаѣ оставленія пансіонеромъ академіи въ теченіе учебнаго года, внесенныя имъ деньги не возвращаются.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

О помѣщеніи и содержаніи студентовъ въ академіи.

§ 153. Всѣ студенческія помѣщенія должны быть достаточно просторны, какъ можно чаще освѣжаемы воздухомъ и надлежащимъ образомъ отопляемы и освѣщаются.

§ 154. Чистота и опрятность въ содержаніи студентскихъ помѣщеній, а также всѣхъ вещей, служащихъ къ употребленію студентовъ, должны быть наблюдаемы со всею строгостію.

§ 155. Пища дается студентамъ изъ свѣжихъ припасовъ и въ достаточномъ количествѣ.

§ 156. Студенты носятъ одежду однообразную.

§ 157. Число вещей, выдаваемыхъ студентамъ изъ одежды, обуви и бѣлья, и сроки пользованія оны-

ми опредѣляются, съ утвержденія Епархіальнаго Преосвященнаго, Правленіемъ академіи.

§ 158. При окончаніи курса, студентамъ предоставляется право удерживать за собою находившіяся у нихъ въ употребленіи платье и бѣлье.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Объ окончившихъ курсъ въ академіи.

§ 159. Студенты, по окончаніи академическаго курса, или принимаютъ священный санъ или поступаютъ на духовно-учебную службу.

Примѣчаніе 1. Казеннокоштные студенты, по окончаніи курса обращаемые въ вѣдѣніе епархіальныхъ начальствъ, могутъ быть опредѣляемы на священнослужительскія мѣста. О каждомъ такомъ опредѣленіи Епархіальные Преосвященные сообщаютъ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода, для надлежащаго свѣдѣнія.

Примѣчаніе 2. Своекштные студенты, въ случаѣ заявленнаго ими желанія поступить на духовно-учебную службу, опредѣляются на оную и на священнослужительскія мѣста на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и казеннокоштные.

§ 160. Казеннокоштные студенты обязаны за каждый годъ содержанія въ академіи прослужить полтора года на духовно-учебной службѣ, куда-бы они ни были начальствомъ назначены.

§ 161. Казеннокоштные студенты, въ случаѣ выхода изъ духовно-учебнаго вѣдомства до окончанія

учебнаго курса или послѣ онаго до истеченія установленнаго обязательнаго срока службы, должны возвратить сумму, употребленную на ихъ содержаніе въ академіи, по расчету проведеннаго въ академіи или недослуженнаго времени.

Примѣчаніе 1. Тѣ изъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ, которые поступаютъ на священнослужительскія мѣста, освобождаются отъ взноса денегъ за воспитаніе въ академіи.

Примѣчаніе 2. Окончившіе курсъ казеннокоштные студенты опредѣляются на священнослужительскія мѣста, по предварительномъ сношеніи мѣстнаго Епархіальнаго Преосвященнаго съ Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода о безпрепятственности къ освобожденію ихъ отъ обязательной духовно - учебной службы.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

О СРЕДСТВАХЪ КЪ СОВЕРШЕНСТВОВАНІЮ И РАСПРОСТРАНЕНІЮ БОГОСЛОВСКИХЪ ЗНАНІЙ.

§ 162. Каждой академіи предоставляется, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, предлагать къ рѣшенію задачи, предметомъ которыхъ должны быть новые вопросы, относящіеся къ той или другой изъ преподаваемыхъ въ академіи наукъ, и выдавать за рѣшеніе сихъ задачъ преміи, какія могутъ быть установлены.

§ 163. Равнымъ образомъ академіи предоставляется право открывать публичныя лекціи, учреждать

ученія общества, предметами дѣятельности которыхъ могутъ быть: разработка и изданіе источниковъ христіанскаго вѣроученія, памятниковъ и вообще матеріаловъ, относящихся къ исторіи и современному состоянію церкви, обзоръ произведеній отечественной и иностранной богословской литературы, изысканіе способовъ къ возвышенію уровня всѣхъ отраслей богословскихъ наукъ, а равно и прочихъ наукъ съ тѣхъ сторонъ, которыми они соприкасаются съ христіанствомъ и богословскою ученостію, и т. п.

§ 164. Уставы ученыхъ обществъ при академіи утверждаются Святѣйшимъ Синодомъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

О ПРАВАХЪ И ПРЕИМУЩЕСТВАХЪ АКАДЕМІЙ И ЛИЦЪ, ПРИНАДЛЕЖАЩИХЪ КЪ НИМЪ.

§ 165. Духовныя академіи имѣютъ собственныя печати, большую и малую, съ изображеніемъ государственнаго герба съ подписью: „*такой-то* духовной академіи“.

§ 166. Академіи входятъ представленіями только къ Епархіальному Преосвященному, ко всѣмъ же прочимъ мѣстамъ и лицамъ обращаются отношеніями.

§ 167. Академіи свободны отъ платежа вѣсовыхъ денегъ за отправляемыя по дѣламъ ихъ письма и посылки, когда послѣднія вѣсомъ не болѣе пуда.

§ 168. Академіи свободны отъ гербоваго сбора и отъ платежа крѣпостныхъ пошлинъ по совершаемымъ отъ имени ихъ актамъ.

§ 169. Зданія академіи освобождаются отъ квартирной повинности какъ постоемъ, такъ и деньгами, а равно и отъ денежныхъ въ пользу города сборовъ. Правило сіе не распространяется на тѣ изъ принадлежащихъ академіямъ зданія, которыя приносятъ доходъ посредствомъ отдачи ихъ въ наемъ.

§ 170. Академіи могутъ издавать періодическіе труды ученаго содержанія, имѣть собственныя типографіи и книжныя лавки, на общемъ основаніи.

§ 171. Академіямъ предоставляется право свободно и безпошлинно выписывать изъ заграницы всякаго рода учебныя пособія, на одинаковыхъ основаніяхъ съ Императорскими Россійскими университетами.

§ 172. Книги, рукописи и повременныя изданія, получаемыя академіями изъ чужихъ краевъ, не подлежатъ разсмотрѣнію цензуры.

§ 173. Академіи имѣютъ свою собственную цензуру для тезисовъ, разсужденій и иныхъ учено-литературнаго содержанія сочиненій и сборниковъ, ими издаваемыхъ.

§ 174. Права и преимущества какъ служащихъ при академіи лицъ, такъ и получающихъ отъ оной ученія степени опредѣляются особымъ положеніемъ.

§ 175. Окончившіе курсъ въ академіяхъ, при отправленіи ихъ къ должностямъ по духовно-учебному вѣдомству, получаютъ прогонныя деньги и не въ зачетъ жалованья въ установленномъ размѣрѣ.

§ 176. Кандидатамъ и магистрамъ духовныхъ академій, по принятіи ими духовнаго сана, выдается

отъ Святѣйшаго Синода установленный крестъ, для ношенія въ петлицѣ, первымъ серебряный, а послѣднимъ золотой.

§ 177. Удостоеннымъ степени доктора выдается отъ Святѣйшаго Синода, по принятіи ими духовнаго сана, особо установленный наперсный крестъ.

Подлинный подписали:

Исидоръ, Митрополитъ Новгородскій и С. - Петербургскій.

Платонъ, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій.

Іоанникій, Митрополитъ Московскій и Коломенскій.

Леоптій, Архіепископъ Холмско-Варшавскій.

Савва, Архіепископъ Тверскій и Каминскій.

Іонафанъ, Архіепископъ Ярославскій и Ростовскій.

Скрѣпилъ: Оберъ-секретарь А. Гавриловъ.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ

предметовъ академическаго курса между преподавателями академіи.

	Число преподавателей.
1. Священное Писаніе и библейская исторія.	3
2. Введеніе въ кругъ богословскихъ наукъ.	1
3. Догматическое богословіе	1
4. Нравственное богословіе	1
5. Патристика	1
6. Общая церковная исторія	1
7. Исторія русской церкви	1
8. Исторія и разборъ западныхъ исповѣданій	1
9. Исторія и обличеніе русскаго раскола.	1
10. Пастырское богословіе, педагогика, гомилетика и исторія проповѣдничества	2
11. Церковная археологія и литургика	1
12. Церковное право	1
13. Философія (логика, психологія, метафизика) и исторія философіи	3
14. Общая гражданская исторія	2
15. Русская гражданская исторія	1
16. Теорія словесности и исторія иностранныхъ литературъ	1
17. Русскій и церковно - славянскій языкъ (съ палеографіей) и исторія русской литературы	1
18. Еврейскій языкъ и библейская археологія	1
19. Греческій языкъ и его словесность	1
20. Латинскій языкъ и его словесность	1
21. Французскій языкъ	1
22. Нѣмецкій языкъ	1
23. Англійскій языкъ	1
Итого	29

Число
препода-
вателей.

Сверхъ того

въ Казанской академіи:

1. Исторія и обличеніе магометанства съ этнографіей татарь , киргизовъ, банкирь, чувашь, черемись, вотяковъ и мордвы, съ исторіей распространенія христіанства между означенными ино-родческими племенами, арабскій и та-тарскій языки	3*
2. Исторія и обличеніе ламайства съ эт-нографіей монголовъ, бурятъ, калмы-ковъ и проч., съ исторіей распро-страненія христіанства между ними и монгольскій языкъ съ нарѣчїями	3*

*) Въ томъ числѣ одинъ практикантъ.

Подлинный подписали:

Исидоръ, Митрополить Новгородскій и С.-Петербург-скій.

Платонъ, Митрополить Кіевскій и Галицкій.

Іоанникій, Митрополить Московскій и Коломенскій.

Леонтій, Архіепископъ Холмско-Варшавскій.

Савва, Архіепископъ Тверскій и Кашинскій.

Іопаѳанъ, Архіепископъ Ярославскій и Ростовскій.

Скрытилъ: Оберъ-секретарь А. Гавриловъ.

Въ Гатчинѣ.
20 апрѣля 1884 года.

Ш Т А

П Р А В О С Л А В Н Ы Х Ъ Д У

	Число лицъ въ академіи.			
	С.-Петербургской.	Московской.	Кіевской.	Казанской.
<i>А. На содержаніе личною состава.</i>				
1. Ректору (при казенной квартирѣ)	1	1	1	1
2. Ординарнымъ профессорамъ	8	8	8	10
3. Экстраординарнымъ профессорамъ	9	9	9	10
4. Доцентамъ	9	9	9	10
5. Лекторамъ	3	3	3	3
6. Практикантамъ	—	—	—	2
7. Помощникамъ инспектора (при казенной квартирѣ)	2	2	2	2
8. Библіотекарю (при казенной квар.)	1	1	1	1
9. Помощнику библіотекаря (при казенной квартирѣ)	1	1	1	1
10. Секретарю Совѣта и Правленія (при казенной квартирѣ)	1	1	1	1
11. Помощнику секретаря (при казенной квартирѣ)	1	1	1	1
12. Эконому (при казенной квартирѣ)	1	1	1	1
13. Врачу	1	1	1	1
<i>На добавочное жалованье.</i>				
14. Инспектору (при казенной кварт.)	1	1	1	1
15. Членамъ правленія	3	3	3	3
<i>Б. На учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы.</i>				
16. На библіотеку и періодическія изданія.	—	—	—	—

Т Ъ

Х О В Н Ы Х Ъ А К А Д Е М І Й.

Одному.			Всего по академіямъ.					Итого.
Жалованья.	Столовыхъ.	Квартирныхъ.	Итого.	С.-Петербургской.	Московской.	Кіевской.	Каванской.	
Руб.	Руб.	Р.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.
3,000	1,200	—	4,200	4,200	4,200	4,200	4,200	16,800
2,400	300	300	3,000	24,000	24,000	24,000	30,000	102,000
1,600	200	200	2,000	18,000	18,000	18,000	20,000	74,000
900	150	150	1,200	10,800	10,800	10,800	12,000	44,400
480	120	—	600	1,800	1,800	1,800	1,800	7,200
600	—	—	600	—	—	—	1,200	1,200
800	—	—	800	1,600	1,600	1,600	1,600	6,400
800	—	—	800	800	800	800	800	3,200
500	—	—	500	500	500	500	500	2,000
1,000	—	—	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	4,000
500	—	—	500	500	500	500	500	2,000
800	—	—	800	800	800	800	800	3,200
500	—	—	500	500	500	500	500	2,000
1,000	—	—	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	4,000
300	—	—	300	900	900	900	900	3,600
—	—	—	—	2,500	2,500	2,500	2,500	10,000

	Число лицъ въ академіи.			
	С.-Петербургской.	Московской.	Кіевской.	Казанской.
17. На печатаніе протоколовъ и магистерскихъ диссертаций	—	—	—	—
18. На канцелярскіе расходы и на писцовъ	—	—	—	—
19. На содержаніе дома и прислуги	—	—	—	—
20. „ содержаніе церкви	—	—	—	—
21. „ содержаніе больницы	—	—	—	—
22. „ содержаніе студентовъ, оставляемыхъ для приготовленія къ замѣщенію каедръ при академіяхъ	2	2	2	2
23. На мелочныя и экстраординарныя расходы	—	—	—	—
<i>В. На содержаніе студентовъ.</i>				
24. На содержаніе казеннокоштныхъ студентовъ с.-петербургской академіи, въ числѣ 180 по 225 р. на каждого, московской въ числѣ 180 по 220 р. на каждого, кіевской въ числѣ 180 по 210 р. на каждого и казанской въ числѣ 160 по 190 р. на каждого	—	—	—	—
Итого	—	—	—	—

Примѣчаніе 1. Число писцовъ предоставляется усмотрѣнію
Примѣчаніе 2. Инспекторъ, пользуясь казенною квартирою, пользуется казенною квартирою.

Подлинный подписали:

Исидоръ, митрополитъ повгородскій и с.-петербургскій.

Платонъ, митрополитъ кіевскій и галицкій.

Іоанникій, митрополитъ московскій и коломенскій.

Леонтій, архіепископъ холмско-варшавскій.

Савва, архіепископъ тверскій и кашинскій.

Іоаннъ, архіепископъ ярославскій и ростовскій.

Скрѣпилъ: Оберъ-Секретарь

Одному.				Всего по академіямъ.				Итого.
Далованья.	Столовыхъ.	Квартирныхъ.	Итого.	С.-Петербургской	Московской.	Кіевской.	Казанской.	
Руб.	Руб.	Р.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.
—	—	—	—	2,500	2,000	2,000	2,000	8,500
—	—	—	—	850	850	850	850	3,400
—	—	—	—	18,000	13,800	12,000	10,000	53,800
—	—	—	—	300	300	100	100	800
—	—	—	—	1,400	1,400	1,400	900	5,100
700	—	—	700	1,400	1,400	1,400	1,400	5,600
—	—	—	—	350	350	350	350	1,400
—	—	—	—	40,500	39,600	37,800	30,400	148,300
—	—	—	—	134,200	128,600	124,800	125,300	512,900

нію академическаго начальства.

рою, не получаютъ квартирныхъ денегъ по профессорской

А. Гаерилловъ.

4. **Ософилакта**, архіеп. болгарскаго: **Благовѣстникъ**, или толкованіе на св. евангелія. 1874—1875 гг. За всѣ четыре тома цѣна 7 руб. 50 к.
5. Его же толкованіе на соборныя посланія свят. апостоловъ 1865. Цѣна 1 руб. 50 к.
6. Его же толкованіе на посланіе къ Римлянамъ. 1866. Ц. 1 р. 50 к.
7. Его же толкованіе на Дѣянія св. апостоловъ. 1872. Ц. 1 р. 50 к.
8. **Св. отца нашего Григорія Двоеслова Собесѣдованія о жизни италійскихъ отцевъ и о безсмертіи души** (съ предисловіемъ). 1858. Цѣна 1 р. 50 к.
9. **Сказанія о мученикахъ христіанскихъ, чтимыхъ православною католическою Церковію** (съ предисловіемъ). Томъ 1-й. 1865. Цѣна 3 р. Томъ 2-й. Цѣна 1 руб. 50 к.
10. **Сказанія о святыхъ**, т. 1. Ц. 3 руб.
11. **Просвѣтитель**, или обличеніе ереси жидовствующихъ, препод. Іосифа Волоцкаго. Изданіе второе. Напечат. славянск. шрифт. Цѣна 3 р. съ перес.
12. **Послалія Игнатія**, митрополита сибирскаго и тобольскаго (съ предварительными замѣчаніями). Одинъ томъ. 1855. Цѣна 1 р.
13. **Сочиненія прендобнаго Максіма грека** (съ предисловіемъ). Три тома. 1859—1862. Цѣна за первый томъ (съ портретомъ преп. Максіма) 2 руб. 50 коп., за второй 1 руб. 50 коп., за третій 1 руб. За всѣ три тома 5 руб.
14. **Стоглавъ** (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1862. Цѣна 2 руб.
15. **Сочиненіе инока Зиновія: Истины показаніе къ вопрошавшемъ о новомъ ученіи** (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1863—1864. Цѣна 2 руб. 50 к.
16. **Остенъ**. Памятникъ русской духовной письменности XVII вѣка (съ предисловіемъ и съ портретомъ патріарха Іоакима). 1865. Цѣна 1 р.
17. **Сборникъ древностей казанской епархіи и другихъ приснопамятныхъ обстоятельствъ**, архимандрита Платона Любарскаго. 1868. Цѣна 1 р. 25 к.
18. **Житіе Трифона вятскаго чудотворца**. 1868. Цѣна 50 к.
19. **Житіе Иларіона**, митрополита суздальскаго, бывшаго Флорішевой пустыни перваго строителя. Памятникъ начала XVIII вѣка. 1868. Цѣна 50 к.
20. **Устройство управленія въ церкви королевства греческаго**. Ю. Курганова. 1872. Ц. 2 р.
21. **Западныя миссіи противъ татаръ-язычниковъ и особенно противъ татаръ-мусульманъ**. Н. Красносельцева. 1872. Ц. 1 р.
22. **Ересь аятитринитаріевъ III вѣка**. Д. Гусева. 1872. Ц. 1 р.
23. **Древнее языческое ученіе о странствованіяхъ и переселеніяхъ душъ и слѣды его въ первые вѣка христіанства**. Изслѣдованіе П. Милославскаго. Ц. 2 р.
24. **Книга о антихристѣ и о прочихъ дѣйствахъ, иже при немъ быти хотящихъ**. 1873. Цѣна 1 р. 25 к.
25. **Стародубье**. Записки протоіеря Т. А. Верховскаго, Высочайше командированнаго 1845—48 гг. въ черниговскіе раскольническіе посады для водворенія единовѣрія. Цѣна 2 руб.
26. **Толковая Псалѣя**. В. Успенскаго. Цѣна 1 р.
27. **Указатель статей, помѣщенныхъ въ «Православномъ Собесѣдникѣ» съ 1855 по 1876 годъ**. Цѣна 30 коп.
28. **Азбуковники или алфавиты иностранныхъ рѣчей по спискамъ соловецкой бібліотеки**. Соч. А. Карпова. Казань. 1878. Ц. 1 руб. 50 к.
29. **Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ бібліотекѣ Казанской духовной академіи**. Ч. 1. Цѣна 3 р. съ пересылкою.
30. **Исторія старой Казанской академіи**. А. Благовѣщенскаго. Ц. 1 р. съ перес.
31. **Московскій митрополитъ Платонъ Левшинъ, какъ проповѣдникъ**. Цѣна 1 р. 25 к.

При казанской д. академіи съ 1873 г. издается особю комиссіей «Миссіонерскій противомусульманскій сборникъ». Издано *шестнадцать выпусковъ*. Цѣна съ перес. за всѣ выпуски, кромѣ распроданныхъ 1 и V. 19 р. 25 к.

Тому же редакцію изданы: 1) КОРАНЪ, переводъ съ арабскаго языка Г. Саблукова. Цѣна съ перес. 2 р. 50 к.; 2) Приложенія къ переводу Корана. Г. Саблукова. Выпускъ I (приложеніе первое). Цѣна съ перес. 1 р. 50 к.; 3) Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры. Собраны въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ казанской губерніи. Цѣна съ перес. 1 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться къ члену комиссіи по изданію Сборника при каз. д. академіи, э. пр. *В. В. Миротворцеву*.

Изъ редакціи и отъ издателей можно выписывать книги:

1. ИСТОРИЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ. Сост. И. Порфирьевъ. Ч. I Древній періодъ. Изд. 3-е. Ц. 2 р. 30 коп. съ перес. Ч. II Новый періодъ. Отдѣлъ 1. Отъ Петра В. до Екатерины II. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 70 к. Исторія древней рус. словесности. (Сокращенно по 3-му издан.). Ц. 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 50 к.

2. АПОКРИФИЧЕСКІЯ СКАЗАНІЯ О ВЕТХОЗАВѢТНЫХЪ ЛИЦАХЪ И СОБЫТІЯХЪ по рукописямъ соловецкой бібліотеки. И. Я. Порфирьева. Цѣна 1 р. 25 к. съ перес.

3. РУКОВОДСТВО КЪ РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ. П. Знаменскаго. Изданіе третіе. Цѣна 1 р. 50 коп. На пересылку 25 коп.

4. ДУХОВНЫЯ ШКОЛЫ въ Россіи до реформы 1808 года. Сочиненіе Его же. Цѣна 4 р. съ пересылкою.

5. ХАРАКТЕРИСТИКА РИМСКАГО КАТОЛИЧЕСТВА СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ ПАПСКАГО ДОГМАТА. Н. Я. Бѣляева. Казань. 1878. Цѣна 30 к.

6. ДОГМАТЪ ПАПСКОЙ НЕПОГРѢШИМОСТИ. Н. Бѣляева. Вып. 1-й. Папскій догматъ въ процессѣ образованія и развитія до XIV в. Ц. 1 р. 50 к.

7. ТЕОРИЯ ПАПСКОЙ НЕПОГРѢШИМОСТИ ВЪ СОНОСТАВЛЕНІИ СЪ ФАКТАМИ ИСТОРИИ. Полемическій вѣткъ. Н. Бѣляева. Ц. 30 к.

8. ОТНОШЕНІЯ МЕЖДУ ЦЕРКОВНОЮ И ГРАЖДАНСКОЮ ВЛАСТІЮ ВЪ ВИЗАНТІЙСКОЙ ИМПЕРІИ. Соч. Ѳ. Курганова. 1880 г. Ц. 3 р. съ перес.

9. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ РЕЛИГИИ въ Римско-византійской имперіи. Томъ 1-й. И. Бердякова. Ц. 3 р. съ пересылкою.

10. СБОРНИКЪ БЕСѢДЪ СО СТАРООБРЯДЦАМИ. Изд. подъ редакціей э.-орд. проф. Н. Ивановскаго. Цѣна 1 р. 25 к.

11. АНТИТРИНИТАРИИ XVI В. Вып. 1-й. Е. Бударина. 1878. Ц. 3 руб.

12. УЧЕНІЕ ВЕТХАГО ЗАВѢТА О БЕЗСМЕРТІИ ДУШИ И ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ. Изсл. Юнгера. Ц. 1 р.

13. ГЛАВНЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ НѢМЕЦКАГО БОГОСЛОВІЯ XIX В. Сост. А. Гренковъ. Ц. 1 р.

14. СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ ПО СВ. ПИСАНИЮ. Сост. И. Знаменскій. 4 выпуска. Всѣ вып. вмѣстѣ—4 р. 50 к. съ перес.

15. ОСНОВАНІЯ ФИЛОСОФІИ, КАКЪ СПЕЦІАЛЬНОЙ НАУКИ. П. Милославскаго. Т. I. Ц. 3 р.

16. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ ХРИСТІАНСКАГО ХРАМА. Н. Красносельцева. Вып. I. Ц. 2 р.

17. ВЛІЯНІЕ ЦЕРКОВНАГО УЧЕНІЯ И ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ДУХОВНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ НА МИРОСОЗЕРЦАНІЕ РУССКАГО НАРОДА. Соч. А. Попова. Казань. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к.

18. КРИТИЧЕСКІЙ РАЗБОРЪ УЧЕНІЯ НЕПРІЕМЛЮЩИХЪ СВЯЩЕНСТВА СТАРООБРЯДЦЕВЪ О ЦЕРКВИ И ТАИНСТВАХЪ. Н. И. Ивановскаго. Ц. 1 р. 50 к. съ перес. 1 р. 70 к.

Печатать дозволяется. Доцентъ академіи *Н. Красносельцевъ*.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ,

ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ,

1884.

І Ю Л Ъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

	<i>Страницы.</i>
ЗАПИСКИ ВАСИЛІЯ ЛУЖИНСКАГО архіепископа по- лоцкаго	253—277.
ТИПЫ ДУХОВЕНСТВА въ русской художественной ли- тературѣ за последнее 12-лѣтіе. А. Попова	278—331.
КЪ ВОПРОСУ О ПЕССИМИЗМѢ. (Жизнь стоитъ ли того, чтобы ее жить?). А. Волкова	332—371.
АЛЕКСАНДРІЙСКАЯ ШКОЛА. Очеркъ изъ исторіи ду- ховнаго просвѣщенія отъ I до начала V вѣка по Р. Хр. В. Дмитревскаго.	1—64.
ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ СОВѢТА казанской духов- ной академіи за 1883 годъ.	113—144.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

въ 1884 году

Православный Собесѣдникъ

продолжаетъ издаваться по прежней программѣ, въ томъ же строго-православномъ духѣ и въ томъ же ученomъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, *ежемесячно*, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой.

Цѣна за полное годовое изданіе, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: съ пересылкою во все мѣста Имперіи—

СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

При журналѣ: „Православный Собесѣдникъ“ издаются

Извѣстія по казанской епархіи,

выходящія два раза въ мѣсяцъ, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта.

Причты казанской епархіи, выписывающіе „Православный Собесѣдникъ“, получаютъ за ту же цѣну и „Извѣстія“, съ приплатою 1 руб. за пересылку по почтѣ.

Цѣна „ИЗВѢСТІИ“ для мѣстъ и лицъ другихъ епархій и другихъ вѣдомствъ, за оба изданія вмѣстѣ десять руб. сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редакціи Православнаго Собесѣдника, при Духовной Академіи.

Въ тойже редакціи продаются

ПО ПОНИЖЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ

А. **Православный Собесѣдникъ въ полномъ составѣ** книжекъ (т. е. съ приложеніями): за 1855 г. 4 руб. за годъ, за 1858, 1860, 1861, 1862, 1864, 1865 и 1866 годы по 5 руб. за годъ, за 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1879, по 6 р. сер. 1880, 1881 и 1882 годы по 7 руб. сер. Полныхъ экземпляровъ за 1856, 1857, 1859, 1863, 1867, 1868, 1869, 1870 и 1871 гг. въ продажѣ нѣтъ. Можно получать и отдѣльныя книжки Собесѣдника за 1855, 1856 и 1857 гг. по 1 руб., а за остальные годы по 80 коп. за книжку.

Б. **Отдѣльно** отъ приложеній одинъ Православный Собесѣдникъ: за 1855 и 1856 годы цѣна по 1 руб.; за 1857 г. цѣна 1 р. 50 к.; за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 4 руб. 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, и 1876 годы, по 3 тома въ каждомъ, по 5 руб. за годъ.

В. **Отдѣльно** отъ Православнаго Собесѣдника приложенія къ нему:

1. **Послания св. Игнатія богоносца** (съ свѣдѣніями о немъ и его посланіяхъ). Одинъ томъ. 1855. Цѣна 75 коп.

2. **Дѣянія вселенскихъ соборовъ** въ переводѣ на русскій языкъ Семь томовъ. 1859—1878. Цѣна каждому тому въ отдѣльности: за 1-й томъ 4 руб., за второй 2 руб. 50 коп., за третій 2 руб. 50 коп., за четвертый 2 р. 50 к., за пятый 3 руб., за шестой 3 руб. 50 коп., за седьмой 4 руб. 50 коп. А за все семь томовъ 20 руб.

3. **Дѣянія девяти помѣстныхъ соборовъ** въ переводѣ на русскій языкъ. Одинъ томъ. 1878. Цѣна 2 руб.

(см. на концѣ)

ЗАПИСКИ ВАСИЛІЯ ЛУЖИНСКАГО

АРХІЕПИСКОПА ПОЛОЦКАГО.

1810 года преемникъ митрополита Лисовскаго, архіепископъ полоцкій Іоаннъ Ястржембець - Красовскій прибылъ изъ С.-Петербурга въ резиденціальный струнскій домъ архіепископовъ уніатскихъ и былъ хиротонисованъ въ полоцкомъ Софійскомъ кафедральномъ соборѣ во исполненіе Высочайшаго повелѣнія епископомъ луцкой епархіи экзархомъ митрополіи Григоріемъ Кохановичемъ съ епископами: бржесткимъ Іосафатомъ Булгакомъ и виленскимъ Адрианомъ Головнею, и съ латинскимъ епископомъ Одинцомъ, жившимъ на покоѣ въ Полоцкѣ.

Послѣ того и епископъ луцкій, уже митрополитъ всѣхъ уніатскихъ церквей въ Россіи, Григорій Кохановичъ по идеѣ покойнаго митрополита Лисовскаго избралъ изъ среды блага духовенства и, съ Высочайшаго соизволенія Государя Императора Александра I, рукоположилъ во епископа викарнаго луцкой своей епархіи, каноника Іакова Окелло Миртусевича. Тутъ ясно увидѣвъ свое униженіе, монашествующіе ордена базилианскаго скрежетали зубами и мало по малу теряли свою грозную силу, а вмѣстѣ съ симъ и обдумывали средства къ отмщенію за это. И вотъ ихъ базилиановъ ненависть, ихъ жажда мести, ихъ оскорбленное тщеславіе, ихъ уязвленное самолюбіе, дождалось дня, когда имъ можно было осуществить съ успѣхомъ свой замыселъ, свои желанія. Смутныя

для Россіи обстоятельства (1812 г.) послужили имъ къ тому, каковыми они и воспользовались при содѣйствіи имъ враговъ воссоединенія латино-польской партіи.

Вотъ какъ это было: когда императоръ французъ Наполеонъ I нагрянулъ на Россію съ союзниками своими и обладалъ западными губерніями ея, тогда въ городѣ Вильнѣ учрежденъ былъ религіиный комитетъ подъ предѣдательствомъ ректора виленскаго университета Ивана Снядецкаго, въ составѣ коемъ были и монашествующіе ордена базильянскаго, именно: епископъ виленскій Головня ⁽¹⁾, архимандритъ Троцкаго монастыря Ленартовичъ и Троицкаго виленскаго монастыря Каминскій — провинціалъ сего ордена, съ своими консульторами ⁽²⁾; а такъ же и лица латинской вѣры, высокопоставленныя свѣтскія и духовныя, вмѣстѣ съ базильянами злоумышлявшія митрополиту Кохановичу и архіепископу Красовскому, ярые католики. Въ комитетѣ этомъ былъ задуманъ планъ, по которому должны были митрополитъ Кохановичъ и архіепископъ Красовскій лишиться своихъ мѣстъ и званій. Рѣшено уже было въ ономъ наложить на нихъ такія контрибуціи, которыхъ они не могли бы никогда уплатить, а за неуплатою ими таковыхъ отобрать отъ нихъ все населенныя имѣнія, удаливъ ихъ самихъ отъ занимаемыхъ ими каѳедръ, и на ихъ мѣста назначить и рукоположить во епископовъ изъ среды монашествующихъ ордена базильяновъ; а имѣнія обратить въ пользу открывающейся Рѣчи-Посполитой. Съ этою цѣлію были уже комитетомъ избраны и кандидаты на полоцкую и луцкую каѳедры изъ монашествующихъ ордена базилианскаго

(1) Епископъ Головня изъ помѣщиковъ витебской губ., римско-католическаго исповѣданія до поступленія въ монашество ордена базилианскаго.

(2) Такъ же изъ поляковъ помѣщиковъ римско-католическаго исповѣданія поступившіе въ базилианское монашество.

лица, по происхожденію поляки, а по исповѣданію, до поступленія въ монашество базилианское, римско-католики, которые и были представлены виленскому губернатору, назначенному императоромъ Наполеономъ I (comte Hogendorf), а симъ послѣднимъ императору Наполеону I на утверженіе. Въ то же время были высланы изъ Вильны въ Варшаву послы, обязанные ходатайствовать предъ архіепископомъ мехлинскимъ (нидерландской Бургундіи), который былъ уполномоченъ отъ престола апостольскаго въ дѣлахъ духовныхъ, о скорѣйшемъ утвержденіи тѣхъ кандидатовъ. Это видно изъ подлиннаго письма митрополита Бюхановича, писаннаго его собственною рукою конфиденціально по-польски изъ Жидичина волынской губерніи къ архіепископу Красовскому въ Полоцкъ, 6 числа марта 1813 года, которое нужнымъ считаю прописать здѣсь слово до слова съ переводомъ на русскій языкъ.

ПЕРЕВОДЪ (').

Ваше Преосвященство!

Вотъ уже десятый мѣсяцъ на исходѣ, какъ военныя обстоятельства прервали между нами всякія сношенія. Въ настоящее время, когда въ странѣ восстановлено спокойствіе и почта опять устроена, возобновляю съ Вашимъ Преосвященствомъ сношеніе и свидѣтельствуя Вамъ мое почтеніе, извѣщаю, что я живъ и кое-какъ здоровъ. Все неспокойное время я

(')

Jasnie Wielmożny Mosci
Dobrodziej!u!

Dziesiąty miesiąc upływa iak okoliczności wojenne przerwały wszelkie wzajemne między nami znośnienie. Dopiero, kiedy inż w kraju spokoyność i poczty zostały uregulowane, czynię ninieyszą do I. W. W. mosci Pana Dobrodzieja odezwcę, i przy oświadczeniu moiey attencyi, donoszę, iż żyję i iakokolwiek zdrowy iestem; wszystek czas niespokojny przemiesz-

прожилъ въ Жидичинѣ и никуда не выѣзжалъ. Четыре недѣли мы смотрѣли на непріятеля, который занялъ было два уѣзда волынской губерніи — владимірскій и ковельскій цѣликомъ и часть луцкаго, лежащую по ту сторону за Стыремъ, но мы были безопасны отъ его нападенія, потому что нашу сторону охраняли огромная наша 3-я западная и молдавская армія, расположенная подлѣ самого города Луцка, и 10000 авангардъ въ Жидичинѣ. Такимъ образомъ мы были въ безопасности, но послѣдствія войны, ея жестокость, давали намъ себя чувствовать въ разнообразныхъ случаяхъ.

Бѣлорусскій край, какъ доходятъ до насъ извѣстія, пострадалъ еще больше, потому что два раза былъ военной дорогой, разъ, когда непріятель шелъ къ Москвѣ, другой, когда онъ бѣжалъ изъ Москвы. Думаю, что имѣнія, принадлежащія къ каѳедрѣ Вашего Преосвященства, и мѣсто Вашего пребыванія Струнь превращены въ развалины. Раззорены также, безъ сомнѣнія, и имѣнія помѣщиковъ, особенно лежащія близъ большихъ дорогъ. Намъ теперь одно утѣ-

kałem w Żydyczynie nie wydalając się nigdzie. Palzalis'my przez cztery tygodnie na nieprzyaciół, ktorzy guberniy Wołyńskiej dwa powiaty Włodzimierski i Kowelski byli całkiem zajęli, a Łuckiego część za rzeką Styrem leżącą, lecz byliśmy bezpieczni od napadnienia onych, gdyż podrugiey stronie rzeki ogromna nasza 3-cia zachodnia; mōldawska armija przy samym mieście Łucku, a awangarda z 10000 złożona w Żydyczynie obserwowwała; byliśmy więc bezpieczni, lecz czulis'my skutki woyny, i srogość oney w rozmaitych gatkach.

Krai Białoruski, iak nas dochodzą wiesci, więcy nierownie ucierpiał, będąc podwakroć traktem woyny, raz gdy ciągnął nieprzyjaciel do Moskwy, drugi raz gdy z Moskwy uciekał. Domyslam się iż dobra Katedry I. W. W. m. Pana Dōbrodzieya i Strunska jego rezydencja do ostalniy przywiedzione ruiny, a pewnie i obywatelskie majątki, osobliwie przy traktach leżące zostały zniszczone. Ta dziś iedyna po-

шеніе, что нѣтъ теперь въ русской Имперіи ни одного врага съ оружіемъ и, можетъ быть, мы уже никогда его не увидимъ. Всемогуцій Богъ и отецъ народа милостивый Монархъ изыщутъ способы, какъ вывести подданныхъ Государя изъ нужды, въ которую ихъ ввергла жестокая война. Въ то время, какъ мы съ Вами и вся страна выносили столь великія бѣдствія и несчастія, учрежденный въ Вильнѣ непріателемъ религіозный комитетъ, въ которомъ председателемъ былъ ректоръ Янъ Снядецкій, а членами мой викарный и другіе, обсуждая какъ увеличить доходы для возстановляющейся польской Ойчизны, положилъ на наши имѣнія такой большой налогъ, что если бы пришлось платить его, мы не были бы въ состояніи заплатить и за неуплату лишены были бы нашихъ имѣній. Но что еще важнѣе, меня извѣстили изъ Вильны, что тотъ же комитетъ представилъ бывшему въ Вильнѣ губернатору, а онъ Наполеону I новыхъ кандидатовъ на полоцкую архіепис-

ciecha dla nas w panu, iż żadnego już niemamy zbroynego nieprzyaciela w Imperium Rossiyskiem, i możè go nigdy oczy nasze nie uyrzą. Bóg wszechmogący i łaskowy Monarcha ociec narodu obmysli sposoby do podzwignienia z nędzy poddanych cwoich, w którą do pogrążyła ta sroga woyna. Gdy my z całym krajem tak wiele znosis'emy bied i nieszczęśliwości, wtedy Religiyny w Wilnie od nieprzyacioł ustanowiony Komitet, którego prezesem był Rektor (Uniwersyteta) Jan Sniadecki, a mój suffragan zinnemi do niego należał, obmyslając szrodki pomnożenia dochodow dla powstającej Oyczyzny, tak wielki na nas od Tytułow naszych opłaty postanowił był podatek, iż go opłacić (icsliby do tego docyzii miało) nie bylibys'emy w stanie, a za nieopłatą tracilibysmy posiadane beneficia. Co zaś większe, iak mam doniesienie z Wilna, na Połockie arcybiskupstwo i opactwo Onyfreeskie, niby bezprawnie przez nas violente modo zabrane, Zakonowi tenże Komitet kandydatow byłemu w Wilnie gubernatorowi comte Hogendorp, a ten Napoleonowu przedstawił; a posłowie, z Wilna do Warszawy deputowani, mieli

скопію и онуфріевскую архимандрію, которыя мы съ Вами будто бы насильно отняли у базильяновъ, и отправленные изъ Вильны въ Варшаву послы получили порученіе выхлопотать этимъ кандидатамъ утвержденіе у мехлинскаго архіепископа (въ нидерландской Бургундіи), уполномоченнаго будто бы папой по дѣламъ вѣры (въ Польши).

Если все это правда, то можно сказать, что о насъ хорошо помнили и хорошо заботились. Но, благодареніе Богу и Государю вѣчная слава за побѣду, замыслы нашихъ враговъ разсѣялись и исчезли, и *обратися болѣзнь на главу ихъ*. Это извѣщеніе пусть будетъ тайною между нами, пока это дѣло не выяснится и не обнаружится.

Ввѣряю себя милости Вашего Преосвященства, а также моего брата, находящагося въ крайней нуждѣ, поручаю Вашему вниманію и покровительству. Съ истиннымъ почтеніемъ остаюсь преданнымъ и нижайшимъ слугою: Григорій Кохановичъ митрополитъ — епископъ луцкій.

1813 года 6 марта.

Издичинь.

dla nominowanych wystarać się od arcybiskupa Mechlinskiego (Niderlandskiey Burgundi), iako by Sede Apostolica in rebus spiritualibus upełnomocnionego, instytucyi. Jéśli wszystko to prawda, bardzo dobrze ò nas pamiętano i myslono. Lecz Bogu dzięki, a Monarsze niesmiertelna z Zwycięstwa slawa niech będą, takowe nieprzyiaciół zamysły rosproszyły się i исчезли и *обратися болѣзнь на главу ихъ*. Te doniesienie niech tym czasem będzie między nami dwõma, nimsię ta rzecz wyswietli i da się widzieć.

Pozostaje mi polecieć się laskawey J. W. Wm. Pana Dobrodzieja przyiaźni, oraz brata moiego będącego w ostałniej nędzy, Jego względom i protekcyi, będącemu zawsze z повиннымъ uszanowaniem zyczliwymy naynizszymъ слугою. Grzegorz Kochanowicz Metropolita Biskup Lucki.

6 Marca 1813 г.

в Жыдучыне.

Но всемогущій помощникъ и покровитель Россіи Богъ, посредствомъ доблестнаго русскаго воинства разрушилъ силу двадцати языковъ, ополчившихся на нее и стеръ ихъ съ лица земли русской. За тѣмъ и страшная гроза, висѣвшая надъ головами митрополита Кохановича и архіепископа Красовскаго, исчезла и буря превратилась въ тихій вѣтерокъ къ утѣшенію ихъ ⁽¹⁾.

Но когда онъ архіепископъ Красовскій, пользуясь благопріятствовавшими ему обстоятельствами въ Бѣлоруссіи, сталъ рѣшительно преслѣдовать цѣль свою касательно возсоединенія, тогда монашествующіе ордена базильянскаго, въ коалиціи съ римскими католиками, сначала изрыгали черноту на него изъ своей внутренности, запятывая честь и благочестіе доблестнаго архипастыря, и осыпали его злорѣчьемъ, которое продолжалось до 1820 г. и которое мы слышали собственными нашими ушами, а потомъ, бывъ ободренны смертію митрополита Кохановича и Высочайшимъ назначеніемъ на его мѣсто въ митрополиты епископа бржесткаго Юсафата Булгака, не прощая ему Красовскому побѣды надъ ихъ замысломъ

⁽¹⁾ Базильяне съ этого времени ограничивались только злобною ненавистію своею противъ всѣхъ безбрачныхъ изъ бѣлага духовенства савонниковъ, получившихъ высшее образованіе въ виленскомъ университетѣ съ учеными степенями доктора богословія, дающими имъ право на епископство, и терпѣть не могли униятскихъ священническихъ сыновей, воспитывавшихся въ виленской главной семинаріи, называя ихъ франкъ-масонами. Я помню, какъ насъ воспитанниковъ той семинаріи 1817 года и каноника Михаила Бобровскаго профессора виленскаго университета, который въ праздникъ Пресвятой Троицы взялъ насъ съ собою въ Троицкій виленскій базильянскій монастырь, пожелавъ участвовать въ торжественномъ выходѣ изъ своихъ покоевъ епископа Годовни *со славю* въ церковь для служенія, — поразила архимандритъ того монастыря Каминскій, состоявшій тамъ съ монашествующими своими, возгласивъ вслухъ всѣмъ: «За чѣмъ вы сюда пришли? Подите прочь; это нашъ епископъ, а не вашъ; вашъ архіепископъ схизматикъ въ Полоцкѣ». Умный каноникъ Бобровскій, пораженный такимъ неожиданнымъ приѣмомъ его и насъ, отвелъ насъ обратно въ главную семинарію.

изгнать его съ полоцкой кафедры, взяли за оружіе клеветъ.

И такъ (¹) 1820 года сдѣланъ ими доносъ правительству: что архіепископъ Красовскій предается пьянству; что тирански обходится съ духовенствомъ, наказывая священниковъ въ пьяномъ видѣ тѣлесно пятихвостною плетью; что вмѣшивается противозаконно въ дѣла ихъ ордена; что разрушаетъ въ церквахъ древнее устройство, по своенавію своему, къ общему пререканію. Базиліане имѣли въ столицѣ своихъ агентовъ, а въ средѣ ихъ и каноника уніатскаго полоцкой епархіи Григорія Лавецкаго, который запродажнымъ сталъ ихъ орудіемъ, бывъ въ званіи ассесора во 2-мъ департаментѣ римско-католической коллегіи, и поддерживалъ ихъ клевету лично. Въ числѣ же многихъ монашествующихъ лицъ въ полоцкой епархіи былъ наиболѣе злоумышлявшимъ ему Красовскому архимандритъ полоцкаго Борисоглѣбовскаго монастыря Изаиашъ Шулякевичъ, который пользовался особенною милостію вельможи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Александра Николаевича Голицына, бывшаго тогда главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій. Сей-то высокій сановникъ далъ дѣлу, основанному на злостной клеветѣ, самый быстрый ходъ, мстя Красовскому за свое оскорбленіе.

Вотъ какъ это было: когда онъ Голицынъ предложилъ ему Красовскому принять дѣятельное участіе въ библейскомъ обществѣ, тогда Красовскій въ отвѣтномъ письмѣ своемъ высказалъ, что онъ считаетъ это общество нечестивымъ, франкъ-масонскимъ, карбоніерскимъ, а дѣйствія сего общества въ распространеніи Библии ветхаго завѣта на всѣхъ языкахъ самыми вредными для Церкви и государства, ибо это самое вѣрное средство къ введенію реформаціи въ

(¹) Здѣсь на полѣ рукописи поставлено особое заглавіе: страданія архіепископа Красовскаго. Прим. ред.

благословенной Россіи (¹). Такой отзывъ Красовскаго крайне оскорбилъ вельможу—поборника библейскаго общества и президента онаго—князя Александра Николаевича Голицына, и онъ поклялся такъ или иначе стараться низложить архіепископа Красовскаго съ кафедры архіепархіи полоцкой какъ противника мистическому духу его Голицына (²). Въ жаждѣ мести своей доложилъ онъ Государю Императору Александру I о вышеозначенныхъ доносахъ съ всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ о томъ, чтобы на мѣсто Красовскаго былъ Высочайше назначенъ другой іерархъ. Но мудрый монархъ, знавшій лично архіепископа Красовскаго съ хорошей стороны, понялъ злой замысль доносчиковъ и, оставивъ безъ вниманія домогательство, Высочайше поручилъ митрополиту Булгаку собрать лично, на мѣстѣ, безъ огласки, свѣденія о поведеніи архіепископа Красовскаго. Митрополитъ Булгакъ во исполненіе сей Высочайшей воли прибылъ въ г. Полоцкъ, вызывалъ къ себѣ по секрету нѣкоторыхъ настоятелей монастырей, ближайшихъ отъ города Полоцка, а именно: махировскаго—іеромонаха Толвинскаго, сѣротинскаго—іеромонаха Гейкина и добригорскаго—іеромонаха Торосвича, а также изъ блага духовенства благочинныхъ, именно: полоцкаго Ляхтоновича, дризенскаго—Стефана Плещинскаго и нѣкоторыхъ другихъ священниковъ не молодыхъ лѣтъ, которыхъ разспрашивалъ устно, и давалъ имъ письменные секретные вопросы по всѣмъ вышеозначеннымъ доносамъ. Покончивъ съ ними дѣло, Высочайше ему порученное, онъ митрополитъ Іосафатъ Булгакъ продолжалъ свои дознанія такимъ же образомъ и въ сельскомъ мѣстопребываніи архіепископа

(¹) Такого же мнѣнія были тогда и весьма многіе іерархи православной Церкви російской

(²) Голицынъ часто молился съ квакерами и участвовалъ въ собраніяхъ Татариновой, — въ этой странной религіозной оргіи, напоминавшей религіозныя дѣйствія шамановъ, хлыстовъ и т. п.

Красовскаго въ имѣніи Судиловичахъ лепельскаго уѣзда, допрашивая по секрету и устно и письменно всѣхъ чиновъ консисторіи и меня, бывшаго инспектора съ правами ректора полоцкой духовной семинаріи, давая видъ строгой ревизіи и консисторіи и семинаріи, греко-унитскою коллегіею будто бы ему порученной, которыя дѣйствительно онъ и ревизовалъ; въ Судиловичи вызывалъ онъ и благочинныхъ и священниковъ сельскихъ церквей лепельскаго уѣзда, ближайшихъ отъ Судиловичъ съ тою же цѣлію. Но какъ ни искусно велъ митрополитъ Булгакъ секретныя дознанія о поведеніи архіепископа Красовскаго, прикрывая суть дѣла, ему Высочайшею волею порученнаго, ревизією консисторіи и семинаріи, весьма не спѣшно производимую, подъ личиною преобразования той и другой (это было сказано и въ указѣ коллегіи), но всѣ мы каждый поняли дѣло, особенно когда узнали, что и духовника священника Гринкевича и прочихъ приближенныхъ къ архіепископу Красовскому лицъ вызывалъ онъ вечерами къ себѣ. И всѣ мы каждый, любившіе мудраго архіепископа Красовскаго любовію постоянною, горевали, думая, что противъ него дѣлаются страшные подкопы. Выѣзжающаго изъ Судиловичъ митрополита Булгака я, по порученію архіепископа Красовскаго, провожалъ до станціи почтовой Клясицкой, отстоящей отъ Судиловичъ на 84 версты; митрополитъ приказалъ мнѣ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ его каретѣ и между прочимъ разговоромъ еще спрашивалъ меня и уже съ совершенною откровенностію объ архіепископѣ Красовскомъ по сдѣланнымъ на него доносамъ и, замѣтивъ слезы катившіяся изъ глазъ моихъ, сказалъ: „Не плачь, возлюбленнѣйшій, всѣ показанія, я говорю тебѣ конфиденціально, въ пользу вашего архипастыря. Змѣи, согрѣтыя непріятельскимъ дыханіемъ и выползшія изъ норъ, не долго пошипятъ, потомъ спрячутся, низложенныя истиною“. А я, лобызая святительскія руки его, омывалъ ихъ еще болѣе обильными

слезами. Добродушный митрополитъ къ утѣшенію моему высказалъ еще и похвалу мнѣ за отличный порядокъ по семинаріи, найденный имъ въ оной и за неподдѣльное усердіе и ревность мою по званію богослова *ad latus* и комиссарія, принимавшаго участіе въ нѣкоторыхъ дѣлахъ по епархіальному управленію, поручавшихся мнѣ архіепископомъ Красовскимъ. Въ Клясицахъ на станціи былъ ночлегъ, а на слѣдующій день рано по утру вызывалъ онъ въ свою спальню мѣстнаго священника. Послѣ же чая мы разстались, какъ расстаются, прощаясь, любвеобильный отецъ съ сыномъ.

Послѣ возвращенія своего въ С. Петербургъ, онъ митрополитъ имѣлъ аудіенцію у Государя Императора, на которой всеподданнѣйше представилъ актъ изложенія собранныхъ имъ свѣдѣній о Красовскомъ и пояснилъ устно несправедливость доноса на него. За симъ означенные доносы были признаны плодомъ злонамѣренныхъ людей зла и коварства, лжи и клеветы. Вслѣдствіе этого и каноникъ Григорій Лавецкій, отъ должнѣности ассесора коллегіи устраненный, возвратился изъ Петербурга въ сельскій свой приходъ въ село Нище себежскаго уѣзда витебской губерніи. Но ему, архіепископу Красовскому, секретнымъ указомъ изъ духовной коллегіи предписано перемѣститься изъ сельскаго мѣстопребыванія своего Судиловичъ, въ которомъ онъ находился вмѣстѣ съ консисторіей и семинаріей съ 1812 г., по причинѣ разоренія французами резиденціи струнской и семинарскаго помѣщенія въ Полоцкѣ, въ резиденцію полоцкихъ архіепископовъ — Струнь, вмѣстѣ же перевести и консисторію и семинарію въ зданія полоцкаго по-базилянскаго монастыря. Предварительно посланія къ нему указа коллегіи митрополитъ Булгакъ конфиденціальнымъ письмомъ своимъ, поздравляя его съ побѣдою надъ злоумышлявшими ему и увѣдомляя его, что онъ получитъ указъ изъ коллегіи о перемѣщеніи своемъ въ Струнь, совѣтовалъ между про-

чимъ ускорить перемѣненіе свое для избѣжанія неприятностей въ будущемъ отъ сильныхъ міра сего,.... мстящихъ ему и ищущихъ гибели его. Это архіепископъ Красовскій, по своему раздражительному характеру принявшій за угрозу, въ отвѣтственномъ конфиденціальномъ же письмѣ своемъ къ митрополиту Булгаку между прочимъ выразился крайне рѣзко—оскорбительно для князя Александра Николаевича Голицына, сказавъ въ заключеніе: „Не убоюся, что сотворить мнѣ чловѣкъ: *civis romanus sum, Caesarem appello*“.

Іеромонахъ Мудровичъ, бывшій секретаремъ канцеляріи митрополита Булгака и чаявшій епископства, кѣмъ-то въ С. Петербургѣ обѣщаннаго ему, подхвативъ тайно оное письмо, доставилъ его князю Голицыну, у котораго имъ же и списана была копія съ него. Князь Голицынъ, кипѣвшій неудовольствіемъ за оправданіе архіепископа Красовскаго и ожесточенный означеннымъ письмомъ возгордившагося побѣдою надъ замысломъ низложить его съ кафедры,—въ своемъ раздраженіи, которое вышло изъ всякихъ предѣловъ, и въ волненіи души своей, обнадежилъ іеромонаха Мудровича, что архіепископа Красовскаго постарается низложить съ кафедры, лишь бы только поступили вновь какіе либо доносы на него болѣе сильные и на вѣрныхъ данныхъ основанные. Послѣ сего подстрекнутые монашествующіе базилианскаго ордена, а впереди всѣхъ ихъ стоялъ и дѣйствовалъ архимандритъ полоцкаго Борисоглѣбовскаго монастыря Изаіашъ Шулякевичъ (1), также искатель епископства, врагъ

(1) Архимандритъ сей, сильно ненавидѣлъ архіеп. Красовскаго за то, что сей послѣдній официальною бумагою (послѣ словесныхъ внушеній) строго воспретилъ архимандриту Шулякевичу служить, какъ архіерею, съ посохомъ въ богослуженіи и въ богослужебныхъ обрядахъ осѣнять свѣчами въ дикарѣ и трикарѣ, а выходя изъ храма въ мантии, подобно архіереямъ, послѣ богослуженія преподавать народу благословеніе. Это воспрещалось архимандритамъ и постановленіями уніатской церкви. Это не дозволялось и на востокѣ.

православія и всего русскаго, совмѣстно съ латинопольскою партією, они обдумали новый планъ злостной клеветы на погубленіе архіепископа Красовскаго для спасенія уніи и осуществили свой планъ. Вотъ какъ было ведено это темной силы дѣло.

Архимандритъ Шулякевичъ, держа себя въ сторонѣ, дѣйствовалъ съ напряженными усиліями чрезъ пьяницъ монаховъ Борисоглѣбовскаго и Ушачскаго монастырей и чрезъ папистовъ-шляхтъ бездомныхъ, прогнанныхъ изъ имѣній архіепископскихъ, бывшихъ экономами (въ Судиловичахъ, Дзвонѣ и Гутовѣ), за воровство и развратъ. Монахамъ, конечно пьяницамъ или развратной жизни, Борисоглѣбовскаго и Ушачскаго монастырей дозволено было отлучиться изъ монастырей по своимъ нуждамъ въ означенныя (семинарскія) имѣнія, бывшія въ непосредственномъ распоряженіи архіепископа Красовскаго, въ сотовариществѣ съ упомянутыми прогнанными изъ оныхъ имѣній экономами Пузиновскимъ и Бѣлявскимъ. Эти негодяи монахи и бывшіе экономы, подружившись съ нѣкоторыми пьяницами же и ворами крестьянами, пируя съ ними днемъ и ночью на счетъ сказанныхъ монастырей безъ помѣхи, пользуясь перемѣщеніемъ архіепископа Красовскаго въ Струнь, именуя его тираномъ и разорителемъ крестьянъ, и кружкою водки крѣпкой, одна за другою, распалаяли и венависть ихъ къ нему и замысль выйдти изъ крестьянства на волю. Бывшіе экономами шляхтичи имѣли уже заготовленное прошеніе отъ имени упомянутыхъ крестьянъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, которое потомъ подписали за всѣхъ крестьянъ три лица изъ среды оныхъ. Въ прошеніи ономъ выразились четыре слѣдующія обвиненія: а) что архіепископъ Красовскій тирански обходился съ ними, наказывая кнутомъ до ста и больше ударовъ за малѣйшій проступокъ крестьянина бѣднаго; б) что сажалъ въ колоду или налагалъ на ноги и руки тяжелые желѣза, и въ такомъ положеніи держалъ по нѣскольку дней голодныхъ и изнеможен-

ныхъ; в) что раззорилъ до крайности всѣхъ крестьянъ противозаконными поборами и работами сверхъ барщины; г) что отдавалъ молодыхъ людей изъ среды ихъ въ солдаты за имѣнія другихъ помѣщиковъ, и деньги, полученныя за нихъ отъ тѣхъ господъ, забиралъ въ свою пользу. Вслѣдъ за этимъ прошеніемъ послали и отъ себя жалобу выше упомянутые шляхтичи польскіе, бывшіе экономами (и выгнанные изъ имѣній за воровство или пьянство и развратную жизнь), будто бы архіепископъ Красовскій удалилъ ихъ cadaго отъ должности экономокой за то только, что они, боясь Бога и страшась строгой ответственности по законамъ, отказывались наказывать крестьянъ такъ, какъ приказывалъ лютый архіепископъ, и не принимали строгихъ мѣръ ко взысканію съ крестьянъ налагаемой имъ на нихъ противозаконной дани и не заставляли ихъ работать сверхъ барщины (1822 г.) (1).

Мощный вельможа, дышавшій злобною местию, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, пользуясь такими вымышленными страшными обвиненіями архіепископа Красовскаго, устроилъ самый быстрый грозный дѣлу ходъ. Исходатайствовано Высочайшее повелѣніе о преданіи архіепископа Красовскаго суду и объ устраненіи его отъ управленія имѣніями и епархіею полоцкою, съ порученіемъ первыхъ управленію комиссіи, а послѣдней архимандриту полоцкаго Борисоглѣбовскаго монастыря, въ званіи администратора оной, Изаіашу Шулякевичу, и о назначеніи наистрожайшаго слѣдствія посредствомъ губернскаго начальства.

Вдругъ составлена была слѣдственная комиссія изъ лицъ латино-поляковъ, подъ предсѣдательствомъ

(1) Задняя мысль у базиліановъ была та еще, что съ удаленіемъ архіепископа Красовскаго семинарскія имѣнія поступятъ по прежнему въ ихъ непосредственное распоряженіе и управленіе, какъ это было до 1800-го года.

уѣзднаго предводителя дворянства и при стряпчемъ римско-католическаго же исповѣданія. *Благородная* комиссія, въ угоду своему министру, впавши въ поздній вечеръ въ резиденцію Красовскаго Струнъ, опечатала все его движимое имущество. Полоцкій уѣздный стряпчій Петръ Кулеша остался въ Струнъ ночевать, но, не спя всю ночь, обходилъ домъ и всѣ кладовыя съ сотскими и десятскими, наблюдая, чтобы не вывезено было чего либо; а въ наступившее утро, собравшіеся члены комиссіи, описали въ присутствіи моемъ и главноуправляющаго архіепископскими имѣніями Малевича, женатаго на родной племянницѣ Красовскаго (по сестрѣ), урожденной Васильевской, а за тѣмъ наложено на все имущество и запрещеніе.

Пораженный такою наглостію, бѣдный страдалецъ архіепископъ Красовскій, едва двигавшій свои ноги, предавъ себя всецѣло волѣ Божіей, не хотѣлъ быть свидѣтелемъ горькихъ для него дѣйствій людей зла и коварства, и потому всеподданнѣйше просилъ, чрезъ посредство митрополита Вулгака, Государя Императора дозволить ему имѣть мѣстопробываніе, впредь до окончанія дѣла, въ С. Петербургѣ, на что и послѣдовало Все милостивѣйшее разрѣшеніе. Получивши о семъ указъ изъ 2-го департамента коллегіи по унитскимъ дѣламъ, велѣлъ мнѣ прочитатъ оный; по прочтеніи котораго съ тяжелымъ вздохомъ сказалъ мнѣ: „Dilectissime fili! надѣюсь, что ты не оставишь меня въ настоящемъ моемъ тяжкомъ положеніи и поѣдешь со мною въ С. Петербургъ“. Заявивши ему полную готовность поплакать и потужить вмѣстѣ съ нимъ, я просилъ по начальству уволить меня отъ должности инспектора полоцкой семинаріи. Мы и отправились въ скоромъ времени въ столицу. Едва размѣстились мы въ наемной квартирѣ, какъ прибывшій къ нему архіепископу Красовскому митрополитъ римско-католическихъ церквей Богущъ Сестренцевичъ, сочувствуя горькой участи его, предложилъ ему помѣщеніе съ полнымъ содержаніемъ въ своемъ домѣ и

настоялъ на томъ, что архіепископъ Красовскій радужно, въ глубокомъ чувствѣ благодарности, принялъ предложеніе. Тутъ я первый разъ услышалъ, что и онъ митрополитъ Сестренцевичъ, подобно архіепископу Красовскому, тяжело страдалъ отъ козней своихъ монаховъ іезуитовъ.

Удивляться надобно, что сей мудрый митрополитъ латинскій оказывалъ постоянно явные знаки высокаго своего уваженія подесудимому архіепископу греко-унитскому. Часто посѣщалъ его и нашъ митрополитъ Булгакъ⁽¹⁾.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ пріѣзда нашего въ С. Петербургъ архіепископъ Красовскій имѣлъ аудіенцію у Государя Императора Александра Павловича, долго продолжавшуюся, во время которой Красовскій представилъ на видъ Его Величеству всѣ злостроенія монаховъ базилиановъ (начиная съ 1799 г.) ко вреду православія въ Бѣлоруссіи и преданныхъ оному архипастырей, и то, что онъ страдаетъ за то же самое, за что страдалъ предмѣстникъ его архіепископъ (потомъ митрополитъ) Лисовскій; и что они, базилиане, въ дружной коалиціи съ латино-польскою партіею

(1) Во время пребыванія моего при архіепископѣ Красовскомъ въ С. Петербургѣ я также узналъ съ достовѣрностію о томъ, что князь А. Н. Голицынъ былъ президентомъ библейскаго общества, въ С. Петербургѣ существовавшаго, и въ отдѣленіяхъ онаго, открывавшихся въ губернскихъ городахъ; что по духу и направленію мистическому часто молился съ квакерами и участвовалъ въ собраніяхъ Татаринной — этой странной религіозной оргіи напоминавшей религіозныя дѣйствія шамановъ, хлыстовъ и т. п.; что бывъ сильнымъ сановникомъ при дворѣ и пользовавшійся неограниченнымъ довѣріемъ и любовью Государя, онъ былъ въ полной мѣрѣ деспотъ, не терпѣлъ противорѣчій и всякому мстилъ за оныя; что онъ же Голицынъ былъ почитатель и несчастнаго патера Госнера, который, состоя подъ его мощнымъ покровительствомъ, проповѣдывалъ въ латинскомъ (что на Невскомъ проспектѣ) костелѣ страшную ересь, и онъ Голицынъ, окружая кафедру во время проповѣдей Госнера съ прочими сообщниками своими, бросался на колѣни, то тяжело вздыхалъ, то плакалъ. Потому не удивительно, что хотѣлъ онъ отомстить и архіепископу Красовскому за его противорѣчіе.

имѣють вездѣ сильную для своего замысла podporу, что замыселъ этотъ заключается по духу латино-польской партіи въ томъ, чтобы, во что бы то ни стало; поддержать въ Имперіи унію, слѣдственно и низлагать съ кафедръ архіереевъ, преданныхъ православію и Россіи; что въ видахъ своихъ выставили уже они и двухъ кандидатовъ на кафедре полоцкую, именно: нынѣшняго администратора полоцкой епархіи, полоцкаго Борисоглѣбовскаго монастыря архимандрита Шулякевича *первымъ*, а іеромонаха Мудровича, состоящаго въ должности секретаря канцеляріи митрополита Булгака, *вторымъ*, о которыхъ заготовляется и всеподданнѣйшій докладъ Вашему Императорскому Величеству, сказалъ Красовскій. Энергическое представленіе архіепископа Красовскаго объяло всю душу благословеннаго Монарха, который высказалъ и нѣсколько словъ утѣшительныхъ для архіепископа Красовскаго. Все это передалъ мнѣ Красовскій возвратившись отъ Государя.

• Слѣдствіе и повальный обыскъ производились болѣе года. Къ счастію архіепископа Красовскаго надѣлаемые тайные вопросы помѣщикамъ тѣхъ уѣздовъ, въ которыхъ находились архіепископскія и семинарскія, бывшія въ непосредственномъ владѣніи полоцкихъ архіепископовъ, населенныя имѣнія, о томъ, въ какомъ положеніи крестьяне тѣхъ имѣній и какое было управленіе ими,—все до единого отвѣчали, что крестьяне архіепископскіе не бѣдствовали отъ недостатковъ или притѣненій и управлялись такъ, какъ управляются лучшими помѣщиками крестьяне помѣщичьи, получая вспомошествованіе во всѣхъ случаяхъ дѣйствительной нужды ихъ отъ архіепископа, какъ и помѣщичьи отъ владѣльцевъ своихъ.

Въ это самое время совѣтъ виленскаго университета избралъ меня вторично въ префекты виленской Императорской семинаріи, и я вызванъ былъ (1824 г.) по распоряженію высшаго начальства на

предназначенное мнѣ мѣсто съ возведеніемъ въ каѳедральные каноники.

Вскорѣ потомъ въ Вильнѣ я получилъ утѣшительныя для меня свѣденія о томъ, что по разсмотрѣніи въ министерствѣ повального обыска и слѣдственнаго о Красовскомъ дѣла и по рѣшеніи онаго въ 2-мъ департаментѣ духовной коллегіи (¹) онъ, Красовскій, былъ совершенно оправданъ и Высочайшею волею возвращенъ на полоцкую каѳедру со славою и честію; но по нежеланію его, Красовскаго, оставаться на этой каѳедрѣ, среди тьмы людей зла и коварства, злоумышлявшихъ ему, Высочайшею же волею, согласно его просьбѣ, назначенъ онъ 1824 года на каѳедру луцкую, съ правами и преимуществами, усвоенными званію архіепископа. Но тамъ, гдѣ надѣялся онъ найти для себя спокойствіе, постигла его чрезъ два года нечаянная смерть въ Жидичинскомъ монастырѣ ордена базилианскаго. Базилиане, для которыхъ какъ и для іезуитовъ, всѣ средства были хороши, отравили его и въ тотъ самый день предали смертные останки Красовскаго землѣ.

Послѣ перемѣщенія архіепископа Красовскаго въ епархію луцкую, полоцкою управлялъ перемѣщенный оттуда луцкій епископъ Іаковъ Мартусевичъ. И когда луцкая епархіа лишилась доблестнаго архипастыря, архіепископа Красовскаго, то и ею управлялъ онъ же епископъ Мартусевичъ; но не былъ удостоенъ сана архіепископскаго. По истинѣ нельзя не назвать мудрымъ такого распоряженія о епископѣ Мартусевичѣ, не возведенномъ въ полоцкаго архіепископа. Я скажу не обинуясь, что онъ былъ по образу мыслей и направленію самый опасный для дѣла воссоединенія греко-унитовъ съ православно-восточною каѳолическою церковію. Онъ, и временно управляя епархіею полоцкою, уничтожалъ уже введенные греко-восточные обряды въ церквахъ и возобновлялъ въ нихъ

(¹) Во второмъ департаментѣ по дѣламъ униатскимъ.

нововведенія латинскія, даже въ самомъ кафедральномъ полоцкомъ соборѣ. По его идеѣ только одна римско-католическая церковь, а съ нею и римско-унитская, была истинною Церковію Христовою. Но Промыслъ Божій не попустилъ ему продолжать во вредъ пражославію; онъ умеръ въ началѣ 1833 г., и за смертью его, немедленно Высочайше пожалованъ полоцкимъ архіепископомъ митрополитъ Іосафатъ Булгакъ епископъ брестскій.

Архіепископъ полоцкій митрополитъ всѣхъ греко-унитскихъ въ Имперіи Россійской церковей избралъ меня, бывшаго въ званіи соборнаго протоіерея ассесоромъ греко-унитской духовной коллегіи, и занимавшагося въ его собственной канцеляріи (сверхъ занятій въ коллегіи) дѣлами и снискавшаго у него особенное довѣріе, — и съ Высочайшаго Государя Императора Николая Павловича соизволенія командировалъ меня въ свою новую архіепархію для благоустройства оной по части, относящейся къ духовенству и церквамъ, и для прицятія въ его владѣніе имѣній архіепископскихъ, съ даннымъ мнѣ на то полномочіемъ, снабдивъ меня архипастырскою грамотою (¹).

Вотъ она: „Мы, греко-унитскихъ въ Россіи церковей митрополитъ, будучи именованъ Его Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго Государя нашего Николая Павловича Высочайшимъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату 2-го дня сего мѣсяца и года назначены полоцкимъ архіепископомъ, по случаю смерти управлявшаго епархією преосвященнаго епископа и кавалера Іакова Мартусевича, и находясь по должности предсѣдателя греко-унит-

(¹) Митрополитъ Булгакъ былъ сынъ помѣщика гродненской губерніи, по происхожденію и языку полякъ, а по исповѣданію римско-католикъ, какъ и его родители. Принялъ онъ уніатскій обрядъ съ поступленіемъ въ монашество ордена базилианъ. Обучался въ свѣтской школѣ, потомъ слушалъ философскія науки и богословіе у монаховъ базилиановъ и былъ посланъ въ Римъ для высшаго образованія.

ской духовной коллегіи въ невозможности отправиться нынѣ въ городъ Полоцкъ, для учиненія на мѣстѣ зависящихъ отъ насъ распоряженій къ благоустройству по части относящейся къ духовенству, равно какъ и для принятія въ вѣденіе и непосредственное наше управленіе имѣній полоцкихъ архіепископовъ, извѣщая подчиненное намъ духовенство объ отеческомъ Всемилостивѣйшемъ попеченіи августѣйшаго Монарха, не оставившаго епархію безъ мѣстнаго пастыря съ званіемъ архіепископа полоцкаго, спѣшилъ привести вышеозначенное въ дѣйствиіе чрезъ избраннаго нами его высокопреподобіе господина полоцкой архикаедрой соборнаго протоіеря, ассесора греко-унитской духовной коллегіи, доктора богословія Василія Лужинскаго, за послѣдовавшимъ на сіе Высочайшимъ соизволеніемъ, въ лицѣ нашемъ командированнаго и отъ насъ симъ уполномоченнаго съ тѣмъ, чтобы онъ, прибывъ на мѣстопробыванія полоцкихъ архіепископовъ въ городъ Полоцкъ, именовъ нашимъ объявилъ о семъ духовной консисторіи, правленію епархіальной семинаріи и всѣмъ управителямъ по имѣніямъ полоцкаго архіепископства, и именно его преподобію іеромонаху Флоріану Буковскому, имѣющему до селѣ въ своемъ управленіи выше означенныя имѣнія, и чтобы къ исполненію возложенныхъ нами на него обязанностей, какъ по части относящихся къ намъ по управленію духовенствомъ, такъ въ особенности касательно принятія отъ имени нашего имѣній полоцкаго архіепископства, управленія и распоряженія оными впредь до дальнѣйшихъ нашихъ по сему предмету постановленій немедленно онъ господинъ протоіерей Лужинскій приступилъ. Съ симъ вмѣстѣ поставляемъ въ обязанность всѣмъ вообще и каждому въ особенности, по части своей, съ нимъ же его высокопреподобнымъ (высокопреподобіемъ) соборнымъ протоіереемъ, ассесоромъ греко-унитской духовной коллегіи, докторомъ богословія Василіемъ Лужинскимъ, какъ отъ насъ уполномоченнымъ, въ случаѣ нужды

сноситься и въ своихъ потребностяхъ объясняться, а равно во всѣхъ отношеніяхъ и случаяхъ по его требованію ему со стороны своей вспомоществовать, такъ чтобы мы, архипастырь, могли имѣть самыя точныя свѣденія и поясненія, необходимо намъ нужныя для приведенія въ надлежащее исполненіе всего того, что къ намъ въ нынѣшнемъ званіи нашемъ относиться можетъ. Тѣмъ же самымъ мы желаемъ и симъ обязуемъ повиноваться и быть съ почтеніемъ къ посланному отъ насъ оному господину Лужинскому—каждому въ особенности и вообще по принадлежности. Сіе наше съ полнымъ довѣріемъ препорученіе, съ приложеніемъ нашей печати, собственноручнымъ подписаніемъ утверждаемъ. — Данъ въ столичномъ городѣ С. Петербургѣ. 1833 г. Апрѣля 30 дня.“—На подлинномъ подписано:

„Митрополитъ Юсафатъ Булгакъ“.

Съ этого времени богоугодное дѣло воссоединенія греко-унитской въ Имперіи церкви съ православною и мой къ успѣху его стремленія и дѣйствія наши крѣпкую опорѣ въ митрополитѣ греко-унитскихъ церквей архіепископѣ полоцкомъ Юсафатѣ Булгакѣ, —особенно же опиралось оно, по особому стеченію обстоятельствъ, на крѣпкую руку епископа литовскаго и дѣятельнаго члена греко-унитской коллегіи Юсифа Сѣмашки. Правда, что для него епископа Юсифа Сѣмашко многое двумя архипастырями, Лисовскимъ и Красовскимъ, было приготовлено. Стоило только надлежащимъ образомъ воспользоваться ему тѣми благопріятными для воссоединенія духовенства и народа въ Литвѣ и въ Вѣлоруссіи и Волини обстоятельствами нашего времени. Но, чтобы вести это дѣло и возводить къ успѣху, ему, преосвященному Юсифу, предстояла въ самомъ началѣ задача, отъ удачнаго разрѣшенія которой зависѣлъ успѣхъ. Для вѣроятности преуспѣянія, ему нужно было сначала обладать вполне душою и сердцемъ маститаго старца предсѣдателя коллегіи, полоцкаго архіепископа

скопа митрополита Иосафата Булгака, благотворно и могущественно вліять на него и руководить его во всемъ, касающемся успѣха относительно будущаго общаго воссоединенія греко-унитской церкви съ православною. Впрочемъ онъ, преосвященный Иосифъ Сѣмашко, изучилъ и твердо уразумѣлъ изъ ясныхъ и положительно вѣрныхъ устныхъ расказовъ выше упомянутаго архіепископа полоцкаго Іоанна Красовскаго, жившаго тогда по своимъ дѣламъ долго въ С. Петербургѣ (1822—1824 г.).

И такъ онъ епископъ Сѣмашко взялся энергически сначала за дѣло разрушенія грозной силы ордена базилиановъ, бывшихъ всегда великою помѣхою доблестнѣйшимъ архипастырямъ полоцкой архикаедры Лисовскому и Красовскому и постоянно злоумышлявшихъ такъ или иначе низложить ихъ съ архикаедры полоцкой, а митрополита Кохановича съ каедрой луцкой за преданность православію сихъ святителей. Съ этою цѣлію и испрошено было 1828 года, чрезъ посредство митрополита Булгака, Высочайшее Государя Императора Николая Павловича соизволеніе: а) на упраздненіе многихъ базилианскихъ монастырей въ Бѣлоруссіи, Литвѣ и Волыни, съ назначеніемъ *однихъ* — подъ помѣщеніе духовной семинаріи и уѣздныхъ училищъ въ Литвѣ и училищъ (семинарія существовала уже съ 1803 года) въ бѣлорусской епархіи (¹), *другихъ* — подъ помѣщеніе причтовъ, и съ передачею недвижимыхъ имѣній монастырскихъ въ литовской епархіи въ пользу семинаріи, училищъ и церковныхъ причтовъ и приходскихъ училищъ, долженствующихъ существовать при монастырскихъ церк-

(¹) Уѣздыныя духовныя училища: въ *витебской губ.* себежскаго уѣзда въ Вербилковомъ монастырѣ, который владѣлъ населенными крестьянами въ числѣ 1000 душъ; въ *могилевской губ.* въ уѣзд. городѣ Оршѣ, имѣвшемъ крестьянъ до 600 душъ; въ *минской губ.* дисненскаго уѣзда въ погостѣ Березвѣ, владѣвшемъ крестьянами около 500 душъ, — игуменскаго уѣзда въ Лядинскомъ монастырѣ съ 300 душъ **крестьянъ.**

вахъ; б) на подчиненіе базилиановъ непосредственной власти въ іерархическомъ порядкѣ епархіальныхъ архіереевъ съ упраздненіемъ монашескихъ капитулъ и провинціаловъ, управлявшихъ самостоятельно и полновластно монастырями и монашествующими. При такомъ устройствѣ базилиане разомъ потеряли и свою силу и свое значеніе. Все это быстро приведено въ дѣйствіе. Въ одной только бѣлорусской епархіи изъ 35 монастырей упразднено 16, съ назначеніемъ однихъ подъ помѣщеніе духовныхъ училищъ, а другихъ—подъ помѣщеніе церковныхъ причтовъ съ приходскими школами и съ обращеніемъ монастырскихъ въ некоторыхъ церквей на приходскія (1). Всѣ вышеозначенные монастыри владѣли имѣніями, большею частію населенными крестьянами отъ 500 до 2000 душъ, а самыя бѣдныя изъ нихъ—отъ 100 до 200 душъ, съ значительными капиталами, отъ которыхъ получались исправно въ пользу монастырей проценты по семи со ста.

Тѣмъ же Высочайшимъ указомъ 22 апрѣля 1828 года, по примѣру духовной коллегіи, управляющей

(1) Высочайшій указъ 22 апрѣля 1828 года. Монастыри ордена базилианскаго въ бѣлорусской епархіи были слѣдующіе: *могилевской* губ. въ мстиславскомъ уѣздѣ Онуфріевскій архимандричій и Пустинскій; въ чериковскомъ Безводзичскій и Сушанскій; въ оршанскомъ Любавичскій, и въ самомъ городѣ Оршѣ одинъ мужескій, другой женскій монастырь; въ сенинскомъ уѣздѣ Пустинскій; въ копыскомъ уѣздѣ: Бѣлоцерковскій архимандричій и Телочинскій; *витебской* губерніи: въ губернскомъ городѣ Витебскѣ Свято-Духовскій женскій; въ суражскомъ уѣздѣ Тадулинскій мужской; лепельскомъ уѣздѣ Добригорскій и Ушачскій; въ городѣ Полоцкѣ Борисоглабовскій архимандричій монастырь и женскій при Софійскомъ кафедральномъ соборѣ; въ полоцкомъ уѣздѣ Махировскій и Сиротинскій; въ себежскомъ уѣздѣ Вербиловскій; *курляндской* губерніи въ городѣ Иллукштѣ Иллукштанскій и въ городѣ Якуштатѣ Якуштатскій; *минской* губерніи: въ дисненскомъ уѣздѣ—Березвечскій; въ игуменскомъ уѣздѣ—Лядинскій; въ мозырскомъ уѣздѣ—Мозырскій; рѣчицкомъ уѣздѣ—Браганоселецкій; бобруйскомъ уѣздѣ—Лясковскій; *волинской* губ.: Дорманскій, Мелецкій, Тригурскій, Овручскій и Ивдичинскій; *киевской* губ.: Уманскій, Кавевскій, Лясинскій и Дубевскій

дѣлами римско-католической церкви въ Россіи, учреждена особо духовная же коллегія греко-унитская, подъ предсѣдательствомъ митрополита уніатскихъ въ Россіи церквей Іосафата Булгака. При томъ было Высочайше воспрещено полякамъ, римскимъ-католикамъ, вступать въ монашество базилианское.

Но дабы въ будущемъ не встрѣтилось помѣхи въ дѣлѣ воссоединенія и со стороны епископовъ другихъ епархій, которые могли бы быть возводимы въ этотъ санъ изъ среды дворянъ, по происхожденію поляковъ, а по исповѣданію римскихъ-католиковъ, опредѣлено греко-унитскою духовною коллегіею, съ согласія предсѣдательствующаго въ оной митрополита Іосафата Булгака, уменьшить на половину и число греко-унитскихъ епархій (¹), и на это было испрошено Высочайшее соизволеніе. И такъ изъ *четырёхъ* епархій, именно: архіепархіи полоцкой и епархіи луцкой, бржеской (брестской) и виленской, составились *два* только епархіи подъ наименованіемъ: *бѣлорусской* и *литовской*. Къ первой причислены всѣ монастыри, церкви и духовенство семи губерній: волынской, подольской, кіевской, херсонской, могилевской, витебской, курляндской и минской (въ шести уѣздахъ: дисненскомъ, борисовскомъ, игуменскомъ, рѣчицкомъ, мозырскомъ и бобруйскомъ), а къ послѣдней перечислены всѣ монастыри и церкви съ причтами и приходами бывшихъ двухъ епархій: бржеской и виленской.

Но ускоренію дѣла воссоединенія болѣе всего и паче всего послужило: а) осуществленіе идеи митрополита Лисовскаго не допускать къ воспріятію архіерейскаго сана никого изъ среды базилианскаго общества, и б) изыятіе греко-унитской іерархіи и духовной коллегіи изъ-подъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ и подчиненіе вѣдомству одного оберъ-про-

(¹) Эта мысль принадлежитъ собственно Іосифу Сѣмашко, которая **имъ же** внушена и митрополиту Булгаку.

курора святѣйшаго Синода, графа Протасова, съ такими точно правами и отношеніями его, прокурора, къ греко-унитской духовной коллегіи, съ какими онъ былъ къ святѣйшему Синоду, что и послѣдовало въ началѣ 1837 года.

Теперь приступаю къ изложенію моихъ дѣяній на пользу православной церкви въ бѣлорусской обширнѣйшей епархіи, на которую Промыслъ Божій избралъ меня въ дѣятели.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ТИПЫ ДУХОВЕНСТВА

ВЪ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРѢ ЗА ПОСЛѢДНЕЕ
12-ЛѢТІЕ.

Въ художественной литературѣ настоящаго года духовные лица фигурируютъ въ трехъ повѣстяхъ: „Жилка“ Мамина (Вѣстн. Европы. Янв. Февр. Мар. Апр.), „Не соблюла“ Борскаго (Отеч. Зап. Апр.) и „Аввъ“ Сибиряка (Дѣло. Мартъ и Апр.) и романъ Мещерскаго „Недоразумѣніе“ (гдѣ выведенъ вышеуказанный о. Іоаннъ изъ романа „Женщины петербур. большаго свѣта“, котораго „Недоразумѣніе“ служитъ продолженіемъ).

„Жилка“ собственно останавливается на судьбѣ одного золотопромышленника Брагина. Гордый Брагинъ, купецъ Вѣлоглинскаго завода, торговалъ сначала „панскимъ товаромъ“. Одинъ умиравшій проповѣдь указалъ Брагину неразработанную золотоносную жилку, черезъ которую тотъ скоро разбогатѣлъ. Но богатство не повело къ счастью. Самъ Брагинъ сталъ пить, и дѣти—тоже. Съ сосѣдями всѣми изъ-за гордости Брагинъ разошелся. Но поссорившись съ однимъ изъ горныхъ чиновниковъ, который на незаконную разработку жилки смотрѣлъ до поры—до времени сквозь пальцы, Брагинъ лишился жилки. Поддавшись на удочку ловкаго челоуѣка Головинскаго—открыть на паяхъ винную торговлю, Брагинъ потерялъ и остальной свой капиталъ. Раззоривъ семью, онъ скоропостижно умеръ.

Семья Брагиныхъ принадлежала къ единовѣрческой церкви. Съ жизнью этой семьи связана жизнь и дѣятельность единовѣрческаго священника о. Крискента.

О. Крискентъ, съ виду низенькій, юркій старичекъ съ жиденькими косицами и тоненькимъ разбитымъ тенорикомъ, по словамъ автора „Жилки“, принадлежалъ къ симпатичнѣйшимъ представителямъ того типа батюшекъ, который специально выработался на уральскихъ горныхъ заводахъ.

Домъ о. Крискента отличался простотой, уютностью и нѣкоторою какъ бы церковностію. При входѣ въ домъ, „въ маленькой передней уже обдавало тѣмъ специально благочестивымъ запахомъ, какой священники уносятъ съ собой изъ церкви въ складкахъ платья; пахло смѣшаннымъ запахомъ ладона и воска и, можетъ быть, къ этому запаху примѣшивался аромать княженичной наливки, которою о. Крискентъ гордился особенно“.

Жизнь о. Крискента всецѣло была отдана своей паствѣ съ ея семейными дѣлами, разными напастями и невзгодами интимнаго характера. Особенно благочестивыя старушки любили поговорить съ о. Крискентомъ о всехъ сомнительныхъ предметахъ, и о. Крискентъ умѣлъ говорить съ женщинами. „Онъ никогда не употреблялъ рѣзкихъ выраженій, когда дѣло коснется большаго грѣха, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не умалялъ и проступка; затѣмъ онъ всегда умѣлъ во время согласиться. Наконецъ, вообще въ о. Крискентѣ привлекалъ неотразимо къ себѣ тотъ духъ всеобщаго примиренія и незлобія, какой такъ обаятельно дѣйствуетъ на женщинъ; онѣ уходили изъ его дома успокоенныя и довольныя, хотя собственно о. Крискентъ никогда ничего не говорилъ новаго, а только соглашался и успокоивалъ уже однимъ своимъ видомъ“. Ведя рѣчь, о. Крискентъ имѣлъ странную привычку разстегивать и застегивать пуговицы у своего подрясника.

Прежде чѣмъ начать разработывать жилку, мать Брагина вздумала посоветоваться съ о. Крискентомъ. Едва она успѣла въ неопредѣленныхъ словахъ заявить, что у нихъ „вышло дѣло“, отъ котораго она „дня два ходила не своя“, какъ о. Крискентъ разразился цѣлымъ потокомъ общихъ утѣшительныхъ фразъ.

— Такъ, такъ... Конечно, бывають случаи, Татьяна Власьевна. — Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Это ужъ не отъ насъ, а свыше. Мы со своей стороны должны претерпѣвать и претерпѣвать... Какъ сказалъ апостолъ: претерпѣвый до конца той спасенъ будетъ... именно!

Когда Татьяна Власьевна прямо уже рассказала о намѣреніи сына заняться разработкой жилки и выразила боязнь по этому поводу, о. Крискентъ сталъ говорить, что золото можетъ служить на пагубу человѣку, но судя по притчѣ о рабѣ, получившемъ 10 талантовъ, можетъ быть и добромъ, что оно дается на испытаніе человѣку.

„Добрый старикъ, замѣчается въ рассказѣ, говорилъ битый часъ на эту благодарную тему, при чемъ опровергалъ нѣсколько разъ свои же доводы, повторялся, объяснялъ и снова запутывался въ благочестивыхъ дебряхъ краснорѣчія“.

Рѣчь свою закончилъ о. Крискентъ такими словами:

— Замѣьте, Татьяна Власьевна, я не говорилъ: берите жилку, и не говорилъ — откажитесь. — Тѣмъ не менѣе Татьяна Власьевна ушла успокоенная.

Когда дѣла Брагина пошли хорошо, о. Крискентъ задумалъ пригласить его въ церковные старосты вмѣсто прежняго старосты Пятова. Хотя о. Крискенту пришлось отъ недовольнаго Пятова выслушать для себя оскорбительныя замѣчанія, тѣмъ не менѣе выборъ новаго старосты оказался, какъ нельзя болѣе, удачнымъ. Старая церковь, передѣланная нѣкогда изъ раскольнической молельни, была отдѣлана заво-

во, было повѣшено паникадило, были сшиты новыя ризы и т. п.

Но сдѣлавшись богатымъ, какъ уже замѣчено, Брагинъ возгордился, и въ семьѣ у него пошла неурядица. Прежде всего Брагинъ выгналъ изъ дома своего брата Зотушку. Случилось такъ, что, когда выгнанный Зотушка пошелъ искать новаго пристанища, на встрѣчу ему попался ѣхавшій давать молитву младенцу о. Крискентъ.

— Куда Зотѣй Евстратычъ? окликнулъ его о. Крискентъ.—Садись, подвезу.

— Спасибо на добромъ словѣ, о. Крискентъ... А я иду, куды глаза глядятъ. Братецъ меня выгналъ изъ дому.

О. Крискентъ такъ былъ пораженъ этимъ, что даже не могъ сразу подыскать подходящаго къ случаю словоназиданія.

— Какъ же ты думаешь, Зотѣй Евстратычъ, устроиться?

— А что мнѣ думать, о. Крискентъ? Свѣтъ не клиномъ сошелся... Намъ добраго не изжить, а уголокъ-то и мнѣ найдется. Мы какъ соловецкіе угольники, въ немощахъ силу обрѣтаемъ...

— А, вѣдь, это точно... Да! согласился о. Крискентъ и, приподнявъ брови, глубокомысленно прибавилъ: можетъ, это даже тебѣ на пользу Господь посылаетъ испытаніе, Зотѣй Евстратычъ... Судьбы Божьи неисповѣдимы. Сидя въ своемъ тепломъ домикѣ, о. Крискентъ всегда любилъ распространяться на тему о благодати Провидѣнія и о Промыслѣ Божіемъ, тѣмъ болѣе, что ему, т. е. о. Крискенту, было всегда такъ тепло и уютно, и онъ глубоко вѣрилъ въ благодать и Промыселъ, какъ другіе люди вѣрятъ въ испытанныя медицинскія средства. И теперь, глядя на смиренную фигуру Зотушки, онъ испытывалъ настоящее умиленіе и даже прослезился, благословляя Зотушку, какъ „взыскующаго града“.

Увидѣвъ бѣду отъ богатства, Татьяна Власьевна снова пришла посоветоваться съ о. Крискентомъ.

— Да, да... Помните, я говорилъ вамъ тогда, Татьяна Власьевна: богатство — это испытаніе. Оно испытаніе и выходитъ. Только и сказалъ въ утѣшеніе старухѣ Брагиной о. Крискентъ.

О. Крискентъ не только не заступился предъ Гордѣемъ Евстратычемъ за Зотушку, не только не вразумилъ Брагина, а даже самъ сдѣлался орудіемъ въ рукахъ Брагина. Брагинъ, уже старикъ, задумалъ жениться на дочери бывшаго до него церковнаго старосты Пятова Ѳенѣ, и попросилъ о. Крискента уговорить дѣвушку выйти за Брагина.

Явившись къ Пятовымъ, о. Крискентъ повелъ душеспасительную рѣчь о значеніи и святости брака вообще, какъ таинства, потомъ о бракѣ, какъ неизбежной формѣ несквернаго гражданскаго житія, и наконецъ о бракѣ, какъ христіанскомъ подвигѣ, въ которомъ человѣкъ меньше всего долженъ думать о себѣ, а только о своемъ ближнемъ. А потомъ онъ и прямо сталъ увѣщевать Ѳеню выйти замужъ за Брагина, выставляя на видъ, что она можетъ спасти семью Брагиныхъ, много можетъ утѣшить сиротъ, вдовицъ и убогихъ. Когда Ѳеня заявила, что боится этого брака, о. Крискентъ говоритъ ей, что „хорошихъ дѣлъ не нужно бояться“, что она смотритъ на бракъ съ земными мыслями, забывая, что въ этомъ мірѣ мы „временные гости, какъ путники въ придорожной гостинницѣ“. Но убѣжденіе о. Крискента осталось безсильнымъ. Отвращеніе къ старику Брагину взяло перевѣсъ, и Ѳеня рѣшительно отказалась выйти за него замужъ.

Между тѣмъ богатство Брагина росло и росло. Онъ задавалъ пиры, на которыхъ было повальное пьянство. Участвовалъ на этихъ пирахъ и о. Крискентъ, дополняя веселую картину бражничества благочестивымъ разговоромъ. Отрѣзавъ кусокъ пирога съ осетриной, о. Крискентъ не прочь былъ повести

благочестивую рѣчь, напр., о домостроительствѣ и даже привести „въ примѣръ Соломона, тонко сплетая лстивыя слова тароватому домохозяину“.

Но хозяинъ оказался плохимъ Соломономъ,—вскорѣ лишился жилки, а тутъ и окончательно раззорился на виноторговлѣ.

Типъ о. Крискента при всѣхъ недостаткахъ этого священника,—во всякомъ случаѣ,—живой типъ. И не у единовѣрцевъ только, а и у православныхъ священникъ сплошь и рядомъ является совѣтникомъ прихожанъ и принимаетъ живое участіе въ ихъ семейной жизни.

Очеркъ Н. Сибиряка „Авва“, тоже какъ и „Жилка“, беретъ духовенство одного изъ уральскихъ заводовъ.

Въ Мугайскомъ заводѣ—два священника: о. Андроникъ и о. Георгій. О. Андроникъ и о. Георгій представляютъ изъ себя два противоположныхъ типа: первый—типъ стараго священника, второй—молодаго. Жизнь и характеръ о. Андроника, по очерку „Авва“, рисуется въ такомъ видѣ. Жилъ о. Андроникъ хозяйственно. При домѣ имѣлись крѣпкія службы, конюшни, баня, небольшой садикъ, гдѣ любилъ хозяинъ пить чай лѣтомъ. Домъ у о. Андроника устроенъ былъ постаринному съ низенькими теплыми комнатами, безъ форточекъ и съ высокими порогами въ каждой двери. На окнахъ стояли припечатанныя сургучемъ бутылки съ наливками. На стѣнахъ въ каждой комнатѣ висѣли стѣнные чаеы. Въ домѣ о. Андроника была чистота и опрятность, хотя чувствовалась въ тоже время здѣсь жизнь одинокаго чело-вѣка.

Невысокій ростомъ, коренастый, плечистый, мощный, о. Андроникъ по внѣшности своей былъ представительный священникъ. „Надиво сколоченную фигуру его портилъ только большой животъ“. Дома о. Андроникъ любилъ ходить въ одномъ только атласномъ жилетѣ; а при посѣтителяхъ облакался въ си-

ній люстриновый подрясникъ. Для хорошихъ посѣтителей у него имѣлись въ запасѣ tenerифъ и лиссабонское съ приличной закуской изъ соленыхъ грибовъ, паюсной икры и пирожковъ съ капустой. Самъ о. Андроникъ tenerифу и лиссабонскому предпочиталъ русское „очищенное“.

О. Андроникъ представлялъ изъ себя, по словамъ автора „Аввы“, вырождающійся типъ стараго попа, а не батюшки, который всю жизнь высматривалъ старымъ бурсакомъ, не подавленнымъ новыми вѣянiями. О. Андроникъ былъ истинно русскимъ человѣкомъ съ его достоинствами и недостатками. То хитрый — то наивный, то добрый — то скупой, онъ не скрывалъ своихъ недостатковъ и не выставялъ на показъ своихъ добродѣтелей. Священствуя сначала въ деревнѣ, о. Андроникъ привыкъ къ сборамъ, которыми живетъ сельское духовенство, и эти сборы продолжалъ онъ, и живя въ Мугайскомъ заводѣ. „Петровское беру, разсказывалъ о. Андроникъ, ругу беру, осеннее беру... Гдѣ парочку яичекъ, гдѣ масла ложку, гдѣ овса — оно и сбѣжится малую толику. Другая баба заартачится, а я ей: ой, баба, баба, попу жалѣешь, а умрешь, все останется... Ха-ха!.. Ну, бабенка испугается и лишнюю ложку масла накинеть. Въ другой разъ лаской берешь: „А вѣдь ты, Матрена, ровно помолодѣла... а?“ Опять баба раступится яичкомъ попу Андронику за ласковое слово. Такъ-то... Не легко нашему брату добыча-то достается, ежели разобрать; тоже живой человѣкъ — и языкъ переболтается“.

Прожилъ бы о. Андроникъ свой вѣкъ тихо-мирно въ Мугайскомъ заводѣ, да на бѣду его, въ товарищи къ нему пріѣхалъ священникъ „изъ новыхъ“, съ которымъ о. Андроникъ не ужился... Пошли неприятности.

Новый священникъ, помощникъ о. Андроника, о. Георгій, по очерку, былъ юноша еще лѣтъ двадцати пяти, — съ блѣднымъ красивымъ лицомъ и окладистой русой бородкой. — Голосъ имѣлъ мягкій,

пѣвучій. Первое впечатлѣніе на незнакомаго человѣка производилъ подкупающее, только холодный взоръ нѣсколько ослаблялъ впечатлѣніе. — Бѣлый шикейный подрясникъ на о. Георгіѣ, крахмальные, безукоризненно бѣлые воротнички и лѣтнія панталоны изъ чечун-чи, выставившіяся изъ-подъ подрясника свидѣтельствовали, что о. Георгій принадлежалъ къ новому типу батюшекъ.

Обстановка у о. Георгія также изобличала священника „новаго“ поколѣнія. Кабинетъ его хотя былъ простъ, но отличался изяществомъ, у окна стоялъ письменный столъ, у дверей шкафъ съ книгами, въ дальнемъ концѣ виднѣлись мягкая кушетка и круглый лакированный столикъ съ раскрытой книгой и яшмовой пепельницей. Мягкій коверъ у письменнаго стола и глубокое рабочее кресло довершали картину. Все въ кабинетѣ было мило, ничего лишняго, „со всѣмъ не попоповски, какъ у о. Андроника“. На стѣнахъ висѣли преміи „Нивы“. Супруга о. Георгія была попадья „съ музыкой“, то есть играла на роялѣ. Молодая матушка хотя была духовнаго родопроисхожденія, но держала себя, какъ подобаетъ свѣтской барынѣ. Стрѣнное бережливое платье со вкусомъ сдѣланное, пѣломудренной бѣлизны воротнички и манжеты и манеры свидѣтельствуютъ, что „матушка не жила живмя въ кухнѣ, какъ другія попадьи“, что напротивъ, она „раздѣляла мнѣніе мужа о необходимости поднятія престижа русскаго духовенства“.

По характеру о. Георгій представляетъ изъ себя противоположность о. Андронику. „Ласковый такой, обходительный, а самъ веревки изъ всѣхъ вьетъ“. „Проворный человѣкъ... хоть ни съ чемъ пирогъ“. „Ума настоящаго мало, а хитрости пропасть“. Такъ характеризуетъ о. Георгія сотоварищъ его о. Андроникъ. Лишь только о. Георгій явился въ приходъ, хотя былъ вторымъ священникомъ, но скоро, по замѣчанію того же о. Андроника, прибралъ къ рукамъ всѣхъ, въ томъ числѣ и настоятеля. Все въ приходѣ

по церковнымъ дѣламъ стало совершаться по волѣ о. Георгія. О. Георгій ходилъ на крестьянскіе сходы, каждое воскресенье говорилъ проповѣди, раздавалъ мужикамъ книжки, дѣлалъ увѣщанія раскольникамъ. Написалъ даже статью въ Епарх. Вѣдомостяхъ: „И еще благочестивый крестьянинъ“. Вообще о. Георгій былъ въ высшей степени дѣятельнымъ священникомъ, такъ что дѣятельностію своею удивлялъ о. Андроника.

Отношеніе къ прихожанамъ, какъ источнику доходовъ, у о. Георгія было другое, чѣмъ у о. Андроника. О. Андроникъ жилъ сборами; о. Георгій сборовъ не дѣлалъ, а бралъ оброкъ деньгами. Когда у прихожанина была свадьба, о. Георгій, заставивъ мужика походить къ себѣ недѣли двѣ, бралъ съ него, сколько ему хотѣлось. Тѣмъ не менѣе о. Георгій не былъ доволенъ своимъ положеніемъ. Такъ онъ характеризуетъ свое положеніе за стаканомъ кофе.

„Поставьте себя на мое мѣсто... Нужно жить и хочется жить, какъ всѣ другіе, трудящіеся люди, а между тѣмъ съ первыхъ же шаговъ встрѣчаешься съ этой прозой жизни, въ видѣ разныхъ сборовъ, платы за требы и прочихъ дрязгъ нашей бытовой обстановки. Конечно, во многомъ, даже очень во многомъ виноваты и мы сами, но съ другой стороны нужно же войти и въ наше положеніе. Я хочу сказать о томъ, что необходимо поднять престижъ русскаго духовенства по меньшей мѣрѣ до того уровня, на которомъ стоитъ духовенство за границей. Простой народъ не уважаетъ попа за его сборы натурой и пятаками, интеллигенція—за необразованность, купечество—за недостатокъ самоуваженія. Мы компрометируемъ собственный санъ изъ-за пятаковъ и ложекъ сметаны!.. По моему, ужъ лучше сидѣть голодомъ, чѣмъ добывать себѣ пропитаніе путемъ униженія“. Затѣмъ о. Георгій высказываетъ сожалѣніе, что духовенство живетъ слишкомъ изолированной жизнью, что оно устранило себя отъ всякой общественной дѣятельности, кромѣ

узко-церковной. „Общественныя дѣла, земство, школа — вотъ, по мнѣнію о. Георгія, на первый разъ и широкое поле для труда“ духовенству.

О. Георгій, какъ видитъ читатель, не только не походилъ на о. Андроника по жизни, но и расходился съ послѣднимъ даже во взглядахъ на задачи паствы.

О. Георгій не возлюбилъ о. Андроника и рѣшилъ выжить его. Пошла рознь, кляуза. За натяжками дѣло не стало.

— Во-первыхъ, Егорка обвиняетъ меня въ незаконномъ сожитіи съ солдатской вдовой Василисой... Это какъ по твоему, братчикъ? недоумѣваетъ и оправдывается въ частной бесѣдѣ о. Андроникъ. — Василиса, дѣйствительно, иногда приходитъ помы мыть и козъ доить, — не самому же мнѣ въ помойки идти и съ дойникомъ въ хлѣвъ ходить! Во вторыхъ, Егорка обвиняетъ меня за недозволительную игру свѣтскихъ пѣсенъ на гитарѣ. — Какъ-то дѣйствительно Паньша (причетникъ) съ Паганини (сельскій учитель) пѣли прошлымъ лѣтомъ: „Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту“, а я на гитарѣ найгрывалъ. Это точно, было, ну, а вины за мной все таки никакой нѣтъ... Одно меня смущаетъ: и прежде рознь была между попами, а только такого еще не бывало. Ну, что я сдѣлалъ этому Егоркѣ, ежели разобрать? Ничего... Вотъ меня это и удивляетъ больше всего! Неисходная въ немъ злость, въ Егоркѣ-то, вотъ онъ меня и таскаетъ по судамъ“.

Послѣ первыхъ двухъ слѣдствій о. Андроникъ еще бодрился, ѣздилъ въ консисторію улаживать дѣло. Но послѣ третьяго слѣдствія, гдѣ поставили о. Андронику въ вину даже то, что его вышибла изъ саней разгорячившаяся лошадь, о. Андроникъ палъ духомъ.

— Нѣтъ, братчикъ, мудро нынче на свѣтѣ жить, жаловался о. Андроникъ. Ужъ на что, кажется, я старикъ, а и то помѣшалъ, сживаютъ съ мѣста...

Конечно, у меня есть свои недостатки: испиваю рюмочку, ну еще, можетъ, что найдется. Кто безъ грѣха, братчикъ, а только другимъ-то я никому зла не дѣлалъ... Если по человечеству-то взять да разсудить: овдовѣлъ я на двадцать-третьемъ году, а составъ-то у меня вонъ какой... Теперь-то я разбухъ, а прежде лошадь за переднія ноги поднималъ, двухпудовыя гири за ворота перекидывалъ. Да... Егорка пьянствомъ меня коритъ, а куда бы я съ силой-то своей дѣвался, если бы не водка? Еще спасибо, что она, матушка, силы-то поубавила, а то безъ бѣды бѣда... Всѣ люди, какъ люди, а ты какимъ-то гороховымъ чучеломъ и живи, да еще всѣ каждый шагъ у тебя усчитываютъ: и то тебѣ нельзя, и пятое-десятое нельзя“...

Двадцати трехъ лѣтъ о. Андроникъ овдовѣлъ. Тоска его гнала всю жизнь и особенно сказалась при вышеупомянутой невзгодѣ.

— Охъ, скучно мнѣ, братчикъ, тихо заговорилъ о. Андроникъ, вытирая глаза кулакомъ. Точно! Судомъ меня хотѣли застращать, а не знаютъ того, какой у меня судъ бываетъ по вечерамъ вотъ здѣсь, въ своемъ дому... Какъ стемнѣетъ, ставни запрутъ, тихо сдѣлается вездѣ, — меня и засосетъ: тошнехонько. Страхъ какой-то нападаетъ... Самъ не знаю, чего боюсь. А такъ, хоть сейчасъ петлю на шею... Лягу пораньше спать, закрою глаза, а тутъ и пойдетъ, и пойдетъ въ башкѣ-то представленіе... Богу молиться начну, такъ опять молитвы во мнѣ нѣтъ настоящей, а—такъ въ головѣ слова-то переливаются какъ вода и—только. И все мнѣ тяжелѣе, точно я даже жизни своей не радъ. Вѣдь грѣшно это, а ничего не подѣлаешь. И мысли какія въ башку лѣзутъ: зачѣмъ жилъ, да зачѣмъ еще жить?.. Ей Богу!..“

Вѣсть о запрещеніи о. Андроникъ не пережилъ. Авторъ очерка „Авва“ (Авва-то и есть о. Андроникъ) видимо склоняется на сторону о. Андроника, ему не нравится, что молодые священники, подобно о. Геор-

гію, „лѣзуть въ земство, въ школы, въ волость и вездѣ проводятъ свои идеи: забрать по немного въ руки и то, и другое, и пятое, и десятое“. Напротивъ, объ отцѣ Андроникѣ авторъ очерка устами сельскаго учителя отзывается съ теплотой. „До сихъ поръ въ старыхъ полахъ видѣли только однѣ смѣшныя стороны, а хорошихъ никто не хотѣлъ замѣчать. Посмотрите на Андроника: вѣдь это натура, настоящая пѣльная натура, у которой все оригинально, все по-своему... Онъ самъ навязываетъ себѣ такіе недостатки, о какихъ новыя батюшки благоразумно умалчиваютъ. Даже самая необразованность и неотесанность старыхъ поповъ имѣла свою хорошую сторону: разъ — они ближе стояли къ мужику, а второе — довольствовались самой скромной обстановкой и привычками... Новыя батюшки будутъ ближе стоять къ образованнымъ и зажиточнымъ классамъ, но они всебѣмъ разойдутся съ народомъ, которому, главнымъ образомъ, и должны были бы служить. Даже сравнительно большее развитіе умственное и внѣшняя отесанность являются здѣсь новымъ зломъ. — Я не говорю объ исключеніяхъ, объ единицахъ, которыя вездѣ найдутся, но важень общій характеръ, самый тонъ движенія“.

Нужно думать, что типъ молодаго священника, къ которому принадлежит о. Георгій, дѣйствительно начинается выработываться въ духовенствѣ. Тотъ же въ общихъ чертахъ типъ, что и о. Георгій, выведенъ въ апрѣльской книжкѣ другаго журнала и другаго автора. Въ разсказѣ Борскаго „Не соблюла“ фигурируетъ о. Василій Демьянычъ Θεокритовъ. Домъ о. Василя Θεокритова, какъ и домъ о. Георгія, — чистый, съ большими окнами, съ бѣлыми рамами, мѣдными ручками. Комнаты меблированы приличной вѣнской мебелью. Имѣется рояль. По стѣнамъ развѣшены въ золоченныхъ рамкахъ преміи „Нивы“. На изящной этажеркѣ лежитъ нѣсколько красиво перепле-

тенныхъ книгъ, а на преддиванномъ столѣ номера „Гражданина“ и „Свѣта“.

О. Василій Θεокритовъ — молодой священникъ, лѣтъ 25—26, въ очкахъ. Свѣтлосѣрое короткое полукафтанье позволяетъ видѣть безукоризненно сшитыя брюки. Ходить и кланяется о. Василій Демьянычъ граціозно, точно также граціозно садится на стулъ и, взявъ изъ серебрянаго портсигара папирску, закуриваетъ ее. О. Василию не нравится, когда его зовутъ „батюшкой“, онъ любитъ, чтобъ его просто называли Василиемъ Демьянычемъ. Съ мужиками, когда дѣло касается денегъ, о. Василій обходится также, какъ и о. Георгій. Назначить извѣстную сумму, положимъ, за бракъ — и больше не разговариваетъ. „Сказано пять рублей! Ни копѣйки не уступлю. Ступай!“ Когда въ домѣ никого посторонняго не бываетъ, о. Василій Θεокритовъ любитъ, подь музыку жены на роялѣ, вертѣться по комнатѣ со стуломъ, чѣмъ заставляеть „хи-хикать“ служанку Палагею.

Въ о. Василіѣ Θεокритовѣ не представлено авторомъ такой энергичности и бойкости, какая придана о. Георгію, но стремленіе къ свѣтскости, подавленію къ себѣ своеобразности *духовнаго* лица у о. Θεокритова не меньше, чѣмъ и у о. Георгія.

Хотя не мало вошло типовъ священника въ нашу статью: „Типы духовенства въ художественной литературѣ за послѣднее 12-лѣтіе“, однако количество это незначительно съ общимъ числомъ священниковъ, фигурирующихъ за это время въ беллетристикѣ, которые, какъ второстепенные герои, очерчиваются въ литературныхъ произведеніяхъ только всколзь, слегка. Одинъ, напр., выставляется „практичнымъ старичкомъ“, священникомъ, ратующимъ противъ духовныхъ судовъ съ ихъ длинной процедурой, председателемъ и депутатами (о. Илья въ „Деревенскихъ Дѣльцахъ“ Краснопольскаго), другой — тоже либеральнымъ священникомъ, возстающимъ противъ консисторіи и постановки епархіальныхъ вѣдомостей (іереи

брюнетъ и блондинъ въ повѣсти „Велѣно пріискивать“); третій рисуется какимъ-то американцемъ-охотникомъ и механикомъ („Ураль“ Н. Данченко. Русская Рѣчь 81 г.), четвертый — просто добрымъ священникомъ (о. Алексѣй въ рассказѣ „Св. вѣра—опора въ жизни“ въ „Странникѣ“); пятый представляется добрымъ священникомъ, да тяготящимся своимъ положеніемъ — культурнаго человѣка среди невѣжества (о. Клавдій въ рассказѣ „Прошлое и настоящее“ въ „Странникѣ“); шестой, по рассказу, является утѣшителемъ умирающихъ („Кто кого“, Забытаго. Отеч. Зап. 82 г.), седьмой — безсребреникомъ („Рассказъ о. Алексѣя“ Тургенева); восьмой—девятый—какими-то чудаками (кандидаты на ректорство въ повѣсти „Миражи“); десятый характеризуется такой сценкой (тоже „Миражи“).—У мужика—крестины. Кромѣ священника, на крестины приглашенъ, пріѣхавшій на лѣто въ деревню, преподаватель семинаріи, котораго священникъ нѣсколько стѣсняется.

— И отчего это, батюшка, родителю не дозволяется при крещеніи быть? интересуется хозяинъ, сложивъ руки на животѣ. — Ребенка твоего, напр., крестятъ, а ты ступай вонъ! Это даже обидно. Написано объ этомъ, аль нѣтъ?

Священникъ пошевелился на мѣстѣ, кашлянулъ и, потупивъ взоръ, въ смущеніи проговорилъ:

— Конечно, написано... а то какъ же? *Во грѣхахъ*—сказано—*роди мя мати моя*... И рожденіе наше, и жизнь наша, и смерть наша—все грѣхъ предъ Господомъ. А крещеніе есть таинство... святыня... благодать. Какъ же тебя допустить? Нельзя допустить... такое правило.

Сказавъ это, батюшка покосился на Рокова, сидящаго съ нимъ рядомъ. Бабы и мужики, положивъ ложки, съ разинутыми ртами прислушивались къ догматствованію батюшки.

— А мнѣ кажется, началъ Роковъ: это—не правило, а обычай, въ настоящее время уже не имѣю-

щій никакого значенія. Когда христіанство только еще распространялось, и въ одной и той же семьѣ дѣти желали принять крещеніе, а родители не желали, такъ удаленіе родителей отъ купели было мѣрою къ тому, чтобы они не могли оказать противо-дѣйствія...

— Это само собой... Это конечно, перебилъ батюшка. — Всякій обычай... вѣдь онъ, конечно, христіанскій обычай. Если бы языческій, тогда бы другое дѣло. А христіанскій надо исполнить. Иначе что же будетъ? Мало ли кто чего пожелаетъ... Я, на примѣръ, исповѣдываю, а мужикъ подойдетъ, да и начнетъ подслушивать... Нельзя же позволять... Такъ точно и это: нельзя родителю присутствовать, вотъ онъ и долженъ удалиться...

Батюшка бросилъ косвенный взглядъ на Рокова и потянулся съ ложкой въ чашку. Роковъ не возражалъ.

— Всякое священное преданіе нужно держать, продолжалъ батюшка, ловко слизнувъ висячую черезъ ложку длинную тесьму лапши“.

Хозяинъ оратору предложилъ „наливочки“. Батюшка сначала отказывался. „Сдѣлайте милость“!

— Нѣтъ, довольно. — „Ну, единую“! — Не буду. „Половиночку“! — Э, чтобъ тебя... Пристанеть! И батюшка сморщившись, точно не хотя, потянулся за рюмкой“.

Подобныхъ мелкихъ сценокъ въ беллетристикѣ очень много.

Такое сравнительно большое количество типовъ священника, какое разсмотрѣно въ нашей статьѣ, достаточно, кажется, для того, чтобы видѣть отношеніе русской художественной литературы новѣйшаго времени къ духовенству. Во всякомъ случаѣ, священникъ главный представитель духовенства. И взглядъ на священника есть вмѣстѣ и взглядъ *вообще* на духовенство, включая сюда и низшій клиръ. Поэтому едва ли нужно долго останавливаться на выведенныхъ въ по-

вѣйшей художественной литературѣ типахъ дьякона и причетника? Хотя типы дьякона и причетника въ русской беллетристикѣ послѣдняго 12-лѣтія фигурируютъ не рѣдко, но они не отличаются такою отдѣланностью, рельефностью и разнообразіемъ, какъ типы священника.

Общее отношеніе беллетристики къ дьякону и причетнику, какъ типамъ художественной литературы, лучше всего выражено во второмъ очеркѣ „Деревенскихъ міроѣдовъ“ А. Потѣхина: „Старый покровскій дьяконъ“ (Вѣст. Европы. 80 г. 5 кн.). „Что такое сельскій дьяконъ? начинаетъ вопросомъ свой литературный очеркъ Потѣхинъ. И дальше ведетъ такое разсужденіе. „Лицо довольно неопредѣленное, существованіе какое-то шаткое, двусмысленное: съ одной стороны, это не церковнослужитель, какъ дьячекъ и пономарь, а священно-служитель, какъ и самъ батюшка, попъ; но съ другой — батюшка никогда не поравняетъ его съ собою, а дьячокъ мнитъ себя по достоинству мало чѣмъ ниже дьякона, не питаетъ къ нему никакого подобострастія, кадило подаетъ ему безъ всякаго смиренія, какъ равный равному; въ мірской жизни, на пиршествѣ, не стѣсняется никогда его присутствіемъ, ни въ чемъ не уважить, не усумнится сѣсть рядомъ съ нимъ и возразить или перебить въ рѣчахъ, даже находясь въ трезвомъ состояніи, а на счетъ церковнаго устава такъ всегда почти считаетъ себя болѣе знающимъ и опытнымъ. Въ обществѣ, въ сношеніяхъ съ прихожанами, во вліяніи на приходъ, въ большинствѣ случаевъ старый дьячекъ имѣетъ больше значенія, чѣмъ дьяконъ. Между тѣмъ каждый дьяконъ считаетъ себя на чредѣ священнической и мечтаетъ со временемъ добиться священническаго сана. Каждый дьяконъ завистствуетъ, злоехидствуетъ и старается дѣлать всевозможныя препоны попу, вслѣдствіе чего дружески ищетъ поддержки въ церковнослужителяхъ: дьячкѣ и пономарѣ, и такимъ образомъ какъ бы невольнo примыкаетъ къ нимъ. Но и въ

храмъ Божіемъ, и въ мірскихъ домахъ, онъ держится около священника и идетъ за нимъ туда, куда часто закрытъ доступъ причетникамъ. Пользуясь, повидимому, одинаковымъ гостепрѣимствомъ съ батюшкой, дьяконъ тѣмъ не менѣе играетъ роль ниже, чѣмъ второстепенную, и представляетъ собою скорѣе тѣнь батюшки, чѣмъ самостоятельное лицо. Ни съ нимъ не заговариваютъ помимо батюшки, ни онъ не рискнетъ перебить его, или завести отдѣльную бесѣду: онъ всегда почти находится въ молчаливомъ состояніи бдительности и ожиданія, ибо знаетъ, что за каждымъ привѣтствіемъ или выраженіемъ вниманія къ отцу іерею послѣдуетъ такое и относительно его. Смиренно внимая тому, что говоритъ батюшка и что говорятъ ему, дьяконъ по временамъ киваетъ головой и иногда поддакиваетъ, чтобы заявить свое согласіе и единомысліе со священникомъ, поспѣшно улыбается, когда тотъ говоритъ весело или остроумно, и рѣшительно отказывается отъ тѣхъ вторыхъ кусковъ кушанья, отъ которыхъ отказался батюшка, за сытостію.

Съ молодую сельскій дьяконъ, особенно красивый собою и обладающій хорошимъ голосомъ, мечтаетъ еще и покушается создать себѣ независимое и самостоятельное положеніе: пробуетъ заискривать вниманіе въ городскихъ домахъ и у болѣе зажиточныхъ прихожанъ, пробуетъ учить деревенскихъ ребятъ грамотѣ, затѣвуетъ согласное клирное пѣніе, привлекая къ нему прихожанъ, заботливо сторонится отъ причетниковъ, стараясь въ тоже время стать на равную ногу съ попомъ, тщательно и истово совершаетъ церковную службу, не жалѣя груди, вычитываетъ евангеліе,—вообще старается подражать важности соборнаго протодіакона. Но скоро начинаетъ сознавать тщету своихъ стремленій и мечтаній; разочаровывается, впадаетъ въ апатію и проникается завистью и скрытымъ недовольствомъ противъ священника.

Вслѣдствіе паткости своего положенія и постоянного душевнаго недовольства, дьяконъ не такъ при-

надлежитъ и къ своему хозяйству, какъ батюшка или причетникъ. Эти послѣдніе знаютъ, что для нихъ нѣтъ лучшаго удѣла, что вопросъ будущаго для нихъ разрѣшенъ, и начинаютъ пользоваться всѣми возможными удобствами среды. Съ перваго же дня вступленія въ нее, свиваютъ свои гнѣзда тщательно и заботливо, не жалѣя спины ни для поклоновъ, ни для труда, ничѣмъ не пренебрегая, ничѣмъ не брезгуя, что можетъ быть благопотребно для увеличенія ихъ, въ большинствѣ случаевъ, убогаго благосостоянія. Оттого-то сплошь и рядомъ, не говоря уже о священникѣ, причетникъ живетъ лучше дьякона, получая, повидимому, меньше его: у причетника и домъ, и лошадь, и сбруя исправнѣе, и полоса лучше обработана и больше родить, чѣмъ у дьякона, да, пожалуй, еще въ огородѣ стоятъ колодки съ пчелами, а въ коробѣ у жены припасены для продажи куски холста собственноручной точи, и въ амбарушкѣ или погребицѣ сушеные бѣлые грибы и соленые грузди и рыжики, тоже собранные руками домовитой хозяйки и приготовленные для продажи. Дьячокъ самъ и полосу свою взоретъ, и сѣно выкоситъ, какъ добрый мужикъ,—своевременно и старательно, самъ и удобреніе вывезетъ, и всякую другую черную работу по дому справитъ; во всякой такой работѣ, безъ всякаго сомнѣнія и щепетильности, поможетъ ему жена—дьячиха, и сынъ и дочь—дьячковы дѣти. Дьячокъ можетъ быть очень скромнень и во внѣшней обстановкѣ своей жизни: ему не нужно пить суконной рясы и подрясника, которые необходимы для дьякона въ праздничные дни, и которые такъ требуютъ много сукна и стоятъ дорого; дьячокъ можетъ всю жизнь прожить въ нанковомъ сюртукѣ, или казинетовомъ подрясникѣ; ему не нужно изъясняться и на шелковое платъе, или даже платокъ для жены и дочери; дьячихѣ можно обойтись даже безъ шерстяного, а довольствоваться во всѣхъ случаяхъ бумажиной, ситцомъ. Дѣти дьячка—не поповы дѣти—бѣгаютъ себѣ босикомъ, въ однихъ толстыхъ холщевыхъ

рубахъ, и даже въ училищѣ, въ городѣ, довольствуются халатомъ, или перешитымъ изъ стараго отцовскаго подрясника, нанковымъ сюртукомъ, который полагается, придя изъ училища, снимать и беречь, какъ зѣницу ока, а сапоги надѣвать только въ стѣнахъ училища, сидя смирно за партою; внѣ же этихъ стѣнъ носить ихъ съ бережью не на ногахъ, а на плечѣ, для сохранности. И домъ у дьячка безъ стыда для хозяина можетъ быть не красенъ углами, совсѣмъ на подобіе крестьянскаго, и даже подъ соломенной крышей: дьячка за это никто не осудитъ. Всѣ эти удобства общественнаго положенія даютъ возможность причетнику, не смотря на грошовый доходъ, не только сводить концы съ концами, прокормить и воспитать дѣтей, но при благопріятныхъ обстоятельствахъ, при усиленномъ упорномъ трудѣ, при умѣньи стѣснять себя даже и среди тѣхъ лишеній, изъ которыхъ состоитъ вся жизнь, нѣкоторые причетники ухищряются дѣлать сбереженія, скопить сотню другую заповѣднаго капитала, или протащить закаленныхъ въ суровой школѣ нужды мальчишекъ своихъ чрезъ семинарію до духовной академіи или университета.

Общественное положеніе дьякона совсѣмъ иное, вызывающее другія потребности, требующее большихъ непроизводительныхъ расходовъ: въ качествѣ священно-служителя, предстоящаго алтарю, почти наравнѣ съ іереемъ, онъ долженъ и жить почти одинаково съ батюшкой, хотя доходы его не много больше причетническихъ. И одежда должна быть пристойнѣе, какъ на немъ, такъ и на семейныхъ его, которыя не знаютъ только съ одними мужиками, но за-урядъ съ семействомъ попа принимаются въ господскихъ домахъ; ни самому дьякону, ни семейству его, нельзя показаться предъ народомъ босыми, безъ обуви, а кожанный товаръ нынче одинъ чего стѣбитъ, равноѣрно и весь прочій суконный и шерстяной матеріалъ для верхняго одѣянія. Полоса дьякона хоть и больше причетнической, а хлѣба даетъ, пожалуй, меньше, потому что меньше удобрена, да и обработана чужими

руками, изъ-за водки, да изъ-за поклоновъ, мірскою помощью; работать въ полѣ и справлять всякую черную работу самому, своими руками, для дьякона какъ-то не пристойно, да отчасти не удобно и некогда, потому что на немъ лежитъ вся письменная работа—веденіе книгъ и отчетности по церкви и приходу. Хоть это и не прямая обязанность дьякона, но какъ-то вошло уже въ обычай, что на дьякона возлагается письменная часть, и мѣстный священникъ, и отецъ благочинный, того требуютъ. А какой же можетъ быть почеркъ, если руки дрожатъ, изнатуженные ломовой работой: ораньбой или косьбой? Да и вообще ужъ какъ-то такъ завелось, что у попа большая часть полевыхъ работъ исправляется помощами отъ прихода, а по его примѣру и у дьякона; но только съ той разницей, что къ попу прихожане идутъ, если и не съ большой охотой, то какъ-бы по долгу: потому нельзя не послужить—отецъ духовный, безъ него ни родиться, ни умереть не придется, а къ дьякону идутъ на помощь ужъ совсѣмъ изъ милости, изъ снисхожденія, или по добротѣ душевной и ради очень щедраго угощенія, оттого и помочи дьякону обходятся дороже, чѣмъ священнику, и выгоды отъ нихъ меньше: и раньше кончатъ, и хуже сдѣлаютъ... Народъ понимаетъ, что ему безъ дьякона во всякомъ дѣлѣ обойтись можно, что онъ только *для виду*, и самъ по себѣ ничего не можетъ, а идетъ только вслѣдъ за попомъ, и что попъ безъ дьякона все вычитать и справить можетъ, а дьяконъ безъ попа ни даже ни, ничего!.. По всему этому зажиточный, или даже безъ нужды живущій дьяконъ въ селѣ — большая рѣдкость, гораздо бѣльшая, чѣмъ справный, зажиточный причетникъ. Поэтому въ большинствѣ селъ среди довольныхъ, спокойныхъ, а иногда и степенно важныхъ лицъ причетниковъ встрѣчаешь или хмурое, озлобленное, жолчное, или приниженное, заискивающее, или совсѣмъ апатичное выраженіе на лицѣ дьякона, если только онъ не молодъ, разстался

уже съ розовыми надеждами и пересталъ расчесывать и салить свои волосы“...

Правда, въ художественной литературѣ встрѣчаются дьяконы съ чертами, неподходящими къ только что описанному общему типу дьякона, но во всѣхъ типахъ дьяконскихъ, схваченныхъ художественными произведеніями, чувствуется какъ бы ненужность дьякона въ общей жизни духовенства и во всякомъ случаѣ неопредѣленность и двусмысленность его существованія.—Конечно, въ лицѣ Ахиллы въ „Соборянахъ“ представленъ симпатичный типъ дьякона, хотя и крайне своеобразный; но съ перваго же знакомства съ удалымъ и „удобоносительнымъ“ Ахиллой чувствуется, что онъ живетъ какъ стихійная сила, не зная самъ, для чего и къ чему онъ поставленъ. Какъ бы отъ нечего дѣлать, то Ахилла благословляетъ народъ „погаенно іерейскимъ благословеніемъ“, то, надѣвъ шпору, носится на лошади степнымъ киргизомъ, то соглашается у фокусника разыграть въ балаганѣ роль силача, то учить для потѣхи смѣяться собаку, то на обѣдѣ у городничихи поражаетъ всѣхъ своимъ голосомъ, возглашая многолѣтіе, то уносить ночью и прятать скелеты у нигилиста-учителя, то ловить на кладбищѣ озорника-чорта и т. п. Силь у Ахиллы, какъ видится, много, но примѣнить ихъ онъ не знаетъ куда. Санъ дьякона какъ будто не даетъ ему дѣла для затраты силъ.

Не подходятъ къ вышеописанному типу дьякона и „старый покровскій дьяконъ“—деревенскій міроѣдъ, скряга и скопидомъ, и трудолюбивый хозяинъ Сарва въ романѣ „Изъ кулька въ рогожку“, но неустойчивость положенія ихъ, какъ духовныхъ лицъ, видна сильно изъ рассказовъ о нихъ. А дьяконы: зять Роква, Василій Иванычъ, въ повѣсти „Миражи“, Пирамидовъ въ очеркѣ „Полоса“ (Вѣст. Евр. 79 г. 10 кн.), Тимпановъ въ повѣсти „Ряса“, какъ нельзя лучше, оправдываютъ характеристику дьякона, сдѣланную Потѣхинымъ.

Дьячки и пономари въ беллестристикѣ въ большинствѣ случаевъ рисуются пьяницами (напр. Ефремъ въ „Постояломъ дворѣ“ Тургенева, Мартынъ въ романѣ „Изъ кулька въ рогожку“, Птицынъ въ „Рясѣ“, Паныша въ „Аввѣ“) и иногда заботливыми и трудолюбивыми хозяевами (Михѣичъ въ романѣ „Изъ кулька въ рогожку“, Апполинарій Поликарпычъ въ повѣсти „О. Иванъ и о. Стефанъ“).

Невеселое чувство долженъ испытывать человѣкъ, знающій и уважающій духовное сословіе, обозрѣвши художественные типы духовенства, представленныя литературою послѣдняго 12-лѣтія. Правда, художественная литература широко охватила своимъ вниманіемъ жизнь русскаго духовенства, подмѣтила множество даже мелкихъ характерныхъ сторонъ въ его бытѣ; тѣмъ не менѣе въ жизне-дѣятельности духовнаго сословія она просмотрѣла, или, можетъ быть, сознательно обошла вниманіемъ много важныхъ сторонъ (особенно тѣхъ, которыя говорятъ въ его пользу) и многимъ чертамъ, присущимъ духовной средѣ, придала несоотвѣтствующую мрачную окраску.

Всѣ типы духовенства, выведенные въ художественной литературѣ послѣдняго 12-лѣтія, прежде всего, естественнымъ образомъ разбиваются на двѣ категоріи: типы стараго духовенства и типы—молодаго. Нѣкоторые повѣсти и рассказы изъ духовнаго быта останавливаются исключительно на старомъ духовенствѣ, другіе—на молодомъ; а третьи выводятъ параллельно представителей того и другаго духовенства, какъ напр. повѣсть Забытаго „Велѣно пріискивать“ и очеркъ Сибирика „Авва“. Молодое поколѣніе духовенства, по изображенію художественной литературы, уже значительно отличается отъ стараго поколѣнія. Очень мѣткая характеристика стараго и молодого поколѣнія духовенства, заслужившая въ свое время полное одобреніе „Руководства для сельскихъ пастырей“, сдѣлана Забытымъ въ его повѣсти „Велѣно пріискивать“.

Выводя въ типахъ о. Андрея старика и сына его старое и молодое духовенство, г. Забытый дѣлаетъ такую общую характеристику того и другаго духовенства.

„Въ составѣ теперешняго духовенства два поколѣнія—отцы и дѣти — представляютъ рѣзкія особенности съ внѣшней и внутренней стороны... Отцы носятъ шляпы большею частію пуховыя, широкія и съ широкими крыльями, и носятъ ихъ лѣтъ по десяти. Дѣти обзавелись шелковыми цилиндрами съ узкими полями и мѣняють ихъ чуть не каждый годъ. Отцы предпочитаютъ въ одеждѣ черный цвѣтъ и суконную матерію; рясы шьютъ на всю жизнь и надѣваютъ только въ торжественныхъ случаяхъ; по подряснику подпоясываются кушакомъ. Дѣти излюбили шерстяную и шелковую матерію и притомъ цвѣтную; рясы надѣваютъ часто и имѣютъ привычку — особенно въ городѣ — находу отворачивать полы и рукава, щеголяя франтовской подкладкой; подрясникъ, вмѣсто кушака, подпоясываютъ шитымъ поясомъ. Отцы надѣваютъ подрясникъ прямо на холстинное бѣлье и обматываютъ шею или ситцевымъ платкомъ, или длинной коленкоровой косынкой. Дѣти носятъ подъ подрясникомъ брюки на выпускъ и выставляютъ подъ бородой полотняные воротнички. Отцы носятъ простые мужицкіе сапоги безъ калошъ. Дѣти хотя не обходятся безъ простыхъ, но непременно имѣютъ въ запасѣ смазные съ мелкими и глубокими калошами. Отцы только въ торжественныхъ случаяхъ мажутъ себѣ волосы, и то — коровьимъ или деревяннымъ масломъ. Дѣти болѣе заняты собой, знакомы съ репейнымъ масломъ и постоянно носятъ при себѣ гребешокъ. Отцы съ самаго выхода своего имѣютъ дѣло только съ церковно-богослужебными книгами и относятся къ нимъ съ безотчетнымъ благоговѣніемъ; о журналахъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, или вовсе не имѣютъ понятія, или имѣютъ понятія самыя смутныя; о политикѣ знаютъ по наслышкѣ; проповѣ-

ди говорятъ очень рѣдко. и то, по примѣру праотцевъ, общими мѣстами и длинными періодами. Въ обществѣ отцы не разговорчивы. Дѣти читаютъ священные и богослужебныя книги *ex officio*; больше любятъ читать журналы и газеты, но довольно поверхностно, чтобы записать матеріаломъ для разговора и пустить пыли въ глаза. Проповѣди они говорятъ чаще отцовъ, причѣмъ любятъ щегольнуть публицистическимъ характеромъ содержанія и популярностью изложенія. Нѣкоторые селятся даже стяжать себѣ славу помѣщеніемъ мелкихъ корреспонденцій въ газетахъ. Въ обществѣ дѣти умѣютъ „безъ принужденія въ разговорѣ коснуться до всего слегка“. Отцы живутъ сконидомами, съ работниками раздѣляютъ трудъ и столъ; обстановка у нихъ въ домѣ не затѣйливая и старинчатая; изъ музыкальныхъ инструментовъ вы найдете у отцовъ развѣ только гитару, — да и то рѣдко. У нихъ свои наливки и настойки, своего приготовленія и закуски. Дѣти живутъ открыто и нѣсколько барственно; за работой только присматриваютъ, ѣдятъ отдѣльно отъ прислуги и гораздо лучше ся. Въ домѣ у нихъ вы увидите вѣнскую мебель, диваны и кресла новаго фасона и даже фортепьяно, или роялино, купленное въ городѣ по случаю и стоящее по обыкновенію безъ употребленія. Выпивка и закуска у нихъ закупается въ городѣ. Отцы нюхаютъ табакъ, — дѣти курятъ. Отцы изрѣдка позволяютъ себѣ безкорыстно сыграть въ дурачки или въ короли. Дѣти возлюбили стуколку и то и дѣло упражняются въ ней. Отцы консервативны, не любятъ нововведеній ни въ чемъ. Постановивши себѣ за правило вставать къ утрѣ въ четыре часа, они крѣпко держатся этого правила. Духовное званіе они предпочитаютъ свѣтскому, духовно-учебныя заведенія — свѣтскимъ учебнымъ заведеніямъ и пускаютъ своихъ сыновей по той дорогѣ, по которой шли сами. Дѣти любятъ либеральничать: утрению служатъ поздно; не рѣдко высказываютъ недовольство покроемъ право-

славнаго духовнаго платья, сѣтуютъ иногда на за-
прещеніе имъ ходить въ театры и концерты; семи-
нарію они въ большинствѣ презираютъ и дѣтей сво-
ихъ начали отдавать въ гимназіи. Отцы всѣмъ суютъ
цѣловать руку, не разбирая ни званія, ни обществен-
наго положенія. Дѣти—даже богатаго мужика только
благословляютъ, не давая ему цѣловать руки, а го-
сподь—такъ и совсѣмъ не благословляютъ, а прямо
жмутъ руки“.

Характеристика стараго и молодаго духовенства,
какъ видитъ читатель, очень мѣткая и удачная, и
обнаруживаетъ въ авторѣ ея глубокое знаніе духов-
ной среды. Но нельзя не сказать, что какъ въ худо-
жественныхъ произведеніяхъ изъ духовнаго быта, такъ
и въ этой характеристикѣ обращено больше внима-
нія на внѣшнія стороны въ жизни духовенства. Ху-
дожественная литература останавливается на обста-
новкѣ священника и знаетъ ее до мелочей,—знаетъ,
что употребительныя у духовенства вина—тенерифъ
и лиссабонское, употребительная закуска—солёные
грибки и пирожки съ капустой, обыкновенное укра-
шеніе комнатъ—преміи „Нивы“, обычные цвѣты на
окнахъ—герань и левкои, любимые музыкальные ин-
струменты—гусли и гитара, а у молодаго духовен-
ства—фортепьяно, обычныя піэсы для пѣнія—„Волною
морскою“ и т. п. Но останавливая вниманіе на пред-
метахъ въ родѣ того: курить или нюхаетъ табакъ
священникъ, или видны ли у священника брюки изъ-
подъ подрясника и какого они достоинства?—художе-
ственные произведенія обходятъ въ то же время вни-
маніемъ дѣятельность священника какъ *пастыря*, не
останавливаются подробно на его душевной жизни,
на его пастырскихъ заботахъ о своей паствѣ, на его
вліяніи на пасомыхъ; тогда какъ оцѣнить священ-
ника должнымъ образомъ и можно только именно съ
этой стороны. Священникъ, внѣ своего отношенія къ
паствѣ, является обычнымъ человѣкомъ со всѣми воз-
можными добродѣтелями и недостатками. О. Василій

въ очеркѣ „Впередъ не угадаешь“, какъ скопидомъ и скряга,—на столько же священникъ, на сколько купецъ, мѣщанинъ, дворянинъ и т. д.

Правда, вскользя литературныя произведенія касаются пастырскаго служенія священника, но, къ сожалѣнiю, только вскользя. Между тѣмъ какой богатый матеріалъ игнорируется художественною литературою, сколько поучительныхъ вещей сознательно или безсознательно замалчивается ею!

Нужно ли, въ самомъ дѣлѣ, говорить, насколько широка и многообъемлюща дѣятельность пастыря церкви въ своей паствѣ, или проще и частнѣе, священника въ своемъ приходѣ?

Священникъ, по слову апостола, долженъ быть въ своей паствѣ всею для всехъ. Кромѣ обязанности чрезъ совершеніе христіанскихъ таинствъ низводить благодать на пасомыхъ и учить ихъ истинамъ вѣры и благочестія, на священникѣ лежитъ прямой долгъ руководить вѣреннѣйшій ему народъ въ его жизни какъ общественной, такъ и частной. Священникъ, какъ отецъ своей паствы и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ единственное въ большинствѣ случаевъ образованное лицо въ своемъ приходѣ, долженъ отвѣчать на все запросы, какіе предлагаетъ ему вѣренная паства. Онъ долженъ быть учителемъ, другомъ и совѣтникомъ пасомыхъ, долженъ быть помощникомъ, заступникомъ и защитникомъ обиженныхъ, долженъ быть примѣромъ жизни, иногда долженъ быть судьей, иногда врачомъ и т. д. И дѣйствительно каждый священникъ *volens volens* становится душою своей паствы. Произойдетъ ли какое нибудь выходящее изъ ряда обыкновенныхъ событіе, выйдетъ ли между прихожанами — особенно крестьянами — недоразумѣніе, ссора, драка, случится ли несчастіе: болѣзнь, повѣтріе, пожаръ, засуха, червь на поляхъ, воровство, грабежъ, убійство, священникъ всегда оказывается лицомъ необходимымъ: къ нему со всехъ сторонъ являюся за помощію или за совѣтомъ. При этомъ священнику открывается не только вооб-

ще внутренній міръ пасомыхъ, но приходится выслушивать такіе затаенные помыслы и сердечныя движенія, которые скрываются (не говоря уже о судьѣ, врачѣ и т. п.) даже отъ родныхъ и друзей.

Такое высокое положеніе священника, такая страшная отвѣтственность его предъ Богомъ и людьми за вѣренную ему паству требуютъ отъ священника богатыхъ духовныхъ силъ. Священникъ долженъ быть, во первыхъ, человѣкомъ умнымъ, христіански-и-научно образованнымъ, затѣмъ онъ долженъ отличаться высокой нравственностію, имѣть доброе сердце и твердую волю. 12-лѣтняя (нынѣ 10-лѣтняя) духовная школа, въ формѣ духовнаго училища и духовной семинаріи (а для избранныхъ и духовной академіи), и старается воспитать пастыря церкви для его труднаго пастырскаго служенія. Она стремится развить и сообщить изворотливость уму будущаго пастыря, давая ему необходимыя знанія: и богословскія, и философскія, и историческія, и словесныя, стремится развить его характеръ, воспитать въ строго христіанскомъ духѣ его сердце и волю.

Практика жизни духовенства показываетъ, насколько духовная школа соотвѣтствуетъ своему назначенію, а жизнь и дѣятельность духовенства соотвѣтствуютъ тому высокому положенію, на какое оно волею Божіею поставлено.

Если признать изображеніе жизни духовенства въ художественной литературѣ послѣдняго 12-лѣтія справедливымъ и достаточнымъ для того, чтобы сдѣлать объ немъ рѣшительное сужденіе, то окажется, что не соотвѣтствуютъ своему назначенію ни школа духовная, ни само духовенство. Прежде всего, какъ низокъ, по изображенію художественной литературы, уровень образованія духовенства! Значительное большинство выведенныхъ типовъ духовенства являются лицами недалекаго ума, малыхъ знаній и враждебнаго отношенія къ книгѣ. Въ самомъ дѣлѣ, о. Матвѣй уже выжилъ изъ ума; о. Захарія не можетъ да-

же предъ ребенкомъ защитить Промысла Божія, не можетъ сказать дѣльнаго слова въ утѣшеніе огорченному смертію протоіерея дьякону; о. Василій (изъ очерка „Впередъ не угадаешь“) въ три дня, при всемъ усердіи занятій, едва оказывается въ состояніи выучить изъ ставленической грамоты нѣсколько первыхъ словъ; о. Спиридонъ вѣритъ въ возможность улучшенія звука колокола, если при отливкѣ его врутъ; о. Андрей сынъ не можетъ сдѣлать возраженія на положительную бессмыслицу разсужденій безнравственнаго невѣжи Бочкина. А чтенія книгъ и журналовъ, какъ средства самообразованія, многіе священники, по беллетристикѣ, боятся, какъ заразы. Таковы о. Андрей старикъ, о. Василій изъ „Впередъ не угадаешь“, о. Иванъ, о. Герасимъ. Другіе изъ священниковъ, если и читаютъ что нибудь, то не серьезные богословскіе книги и журналы, а газеты, какъ напр. о. Василій Θεокритовъ и о. Георгій, и даже порнографическія сочиненія, какъ о. Андрей младшій.

Нравственный обликъ духовенства также рисуется художественною литературою не въ свѣтлыхъ краскахъ. О. Андрей богатый (изъ романа „Изъ кулька въ рогожку“) — картежникъ и пьяница; о. Василій (изъ очерка „Впередъ не угадаешь“) — скряга, Плюшкинъ въ рясѣ; о. Иванъ и особенно о. Спиридонъ — лѣнивцы, лежебоки; о. Андрей старикъ — міроѣдъ, сынъ его о. Андрей — тоже міроѣдъ, картежникъ и пьяница; о. Павелъ хохлатый — проныра; о. Стефанъ — „атеистъ въ рясѣ“ и чуть не грабитель; о. Андроникъ — пьяница; о. Крискентъ — челоѡкоугодникъ; о. Василій Θεокритовъ — танцоръ. Художественная литература въ значительной степени останавливается на способѣ матеріальнаго обеспеченія духовенства. Такъ какъ денежныя средства духовенству даетъ приходъ, то во многихъ художественныхъ произведеніяхъ типы духовенства рисуются примѣнительно къ тому характеру, съ какимъ можетъ священникъ относиться къ своему приходу, какъ источнику своего матеріальнаго

обеспеченія. Для иныхъ священниковъ, по беллетристикѣ, приходъ—не паства, которая дана священнику для воспитанія въ истинахъ вѣры и руководства въ христіанской жизни, а исключительно доходная статья. Для о. Андрея старика, о. Андрея сына и о. Стефана прихожане—не пасомые, не дѣти, а хамы, которыхъ безъ всякаго стѣсненія слѣдуетъ обирать. И вотъ духовенство-де обираетъ народъ! Одинъ дѣйствуетъ, какъ о. Андроникъ, шуткой да прибауткой, другой, какъ о. Павелъ хохлатый, опутываніемъ мужика множествомъ требъ, третій, какъ о. Крискентъ, умѣнъемъ подслужиться, четвертый, какъ о. Стефанъ,—и прямымъ насиліемъ надъ плательщиками—прихожанами!

Большинство, выведенныхъ въ беллетристикѣ, типовъ священника, какъ видитъ читатель, далеко не симпатичныя личности. А иные обрисованы даже слишкомъ мрачными красками. Что, напр., можетъ быть мрачнѣе той характеристики, какая дана г-жой Сосной о. Стефану? Атеистъ, человѣкъ мстительный, безсердечный, кулакъ, чуть не грабитель, о. Стефанъ, даже по выраженію Сосны, былъ ужаснымъ человѣкомъ. Но—вопросъ: можетъ ли быть такой типъ среди духовенства? О. Стефанъ, по разсказу, торжественно въ церкви передаетъ анаѳемѣ часть прихода, которая мало дала ему коляды,—и за это ничѣмъ не платится?.. Прихожане идутъ на него жаловаться,—и не могутъ найти суда! Не хоронить о. Стефанъ мертвеца, за что дѣлаютъ на него доносъ и свѣтской власти, и духовной,—и снова онъ будто бы избѣгаетъ наказанія?! Прихожане являютъ къ архіерею, которому высказываютъ свою жалобу на безобразія, устраиваемыя о. Стефаномъ, и архіерей будто бы велитъ имъ терпѣть, указывая на примѣръ Христа, и со своей стороны не дѣлаетъ распоряженія назначить надъ о. Стефаномъ слѣдствіе?!. Мыслимо ли это? Не прямая ли эта ложь? Напротивъ, за малую вину священнику

приходится верѣдко отвѣчать какъ за большую. Не даромъ Сосна, видя свои чрезмѣрные преувеличенія, стаѣется оправдать себя за свои мрачныя краски. „Ты возмущаешься, читатель? Ты говоришь, что это не можетъ быть? Нѣтъ, это тяжелая горькая правда. Погляди только внимательнѣе кругомъ, и ты самъ все увидишь. И еслибъ ты зналъ, какъ тяжело прикасаться къ этой грязи, какъ тяжело обнажать эти язвы! Какая злоба, какія проклятія закипаютъ въ душѣ!“—„Я знаю, что многіе меня будутъ упрекать за мрачный характеръ разсказа. Многіе отвернутся съ негодованіемъ отъ грязи, въ которой копошатся люди, изображаемые мною. Одни, пожалуй, посмѣются, принявъ ихъ за карриатуру, другіе спокойно прочтутъ и скажутъ, что это плодъ досужаго воображенія“. „Миѣ больно было бы слышать упреки читателя“. „Не осуждай же меня, читатель. Мои картины—картины жизни; эта грязь—грязь дѣйствительности“.

Къ чему, спрашивается, подобная защита себя въ разсказѣ? Если бы г-жа Сосна писала въ нѣмецкомъ, французскомъ или англійскомъ журналѣ о русскомъ духовенствѣ, тогда бы могла оговориться, что-де мрачныя краски разсказа—не преувеличеніе, а дѣйствительность. Между тѣмъ преподноситъ русской публикѣ литературное произведеніе изъ жизни русскаго духовенства и заявлять, что это—не карриатура, а дѣйствительность, по меньшей мѣрѣ, смѣшно! Русская читающая публика знаетъ духовенство непосредственно, съ первыхъ же строкъ разсказа увидитъ, насколько правъ авторъ. Приглашая читателя внимательно присмотрѣться къ жизни русскаго духовенства, г-жа Сосна приглашаетъ только посмотрѣть на ея безстыдство. Дѣйствительно, знающій духовенство читатель скажетъ, что типъ о. Стефана—плодъ досужаго воображенія, глупая карриатура, хотя въ тоже время и злостная. Если личность, подобная о. Стефану, и можетъ встрѣтиться въ какомъ нибудь уголкѣ святой Руси, то это будетъ единичная личность, ея мѣсто не

въ литературномъ художественномъ произведеніи, въ которомъ типъ является выразителемъ жизни и характера извѣстнаго класса людей, а корреспонденціи, гдѣ будетъ отвѣчать только самъ о. Стефанъ, какъ отребіе духовенства, а не все духовенство, или же г-жа Сосна, если она на о. Стефана взведетъ клевету. Рисуя типъ, не выставляя на видъ опредѣленной личности, такія бездарности, какъ Сосна, разчитываютъ остаться безнаказанными. Къ суду ихъ привлечь никто не можетъ; а критика, особенно свѣтская, можетъ не придать значенія фальшивости типа. Между тѣмъ дѣло сдѣлано, лишній комъ грязи въ духовенство брошенъ, десятокъ—другой лицъ изъ читающей публики проникается тою же „злобою“ къ духовенству, какая „закипаетъ въ душѣ“ Сосны!—Въ этомъ и бѣда, что злоба руководитъ перомъ писателя, а не безпристрастное отношеніе, правда, — не говоримъ ужъ о симпатіи и снисхожденіи! По злобѣ можно взвести на человѣка что угодно. Онъ, молъ, и безбожникъ, онъ, молъ, и безнравственный человѣкъ, и пьяница, и грабитель и т. д.! Особенно это выходитъ пикантно, когда рѣчь ведется о духовенствѣ. Извѣстно, что вольно площадная грубая рѣчь о человѣкѣ невысокой нравственности не сильно рѣжетъ ухо и какъ бы является естественною, но чуть дѣло коснется человѣка чистой нравственности, каждый двусмысленный намекъ, каждое мало мальски не сдержанное выраженіе уже сообщаетъ рѣчи пикантность. Точно также и духовенство, какъ сословіе, выдѣляющееся среди другихъ сословій сравнительной высотой своего нравственнаго уровня, очень благодарная почва для любителей пошловатой пикантности. Заявить, что священникъ — служитель алтаря, въ которомъ для него нѣтъ Божества, или что онъ такъ ругается, какъ не можетъ ругаться пьяный мужикъ, — какія въ самомъ дѣлѣ пикантныя вещицы?! Сердце радуется у „злобствующаго“ автора!— Духовенство своей близостью къ алтарю такъ поставлено, что не только

такія возмутительно несправедливыя обвиненія, какія изводитъ на него Сосна, даже обыденная, мелко-пошловатая рѣчь о духовенствѣ оказывается не совсѣмъ приличною. Если выраженіе, допущенное въ характеристикѣ о. Андроника: „на диво сколоченную фигуру его портилъ только большой животъ, *вытравившій* изъ-подъ шелкового жилета“—вполнѣ естественно для купца, торговца и т. п., то оно является не подходящимъ, не приличнымъ, если не оскорбительнымъ, въ характеристикѣ священника. Не только напускная безцеремонность рѣчи о личныхъ качествахъ и фигурѣ священника, даже неряшливая безцеремонность въ описаніи священнической одежды неприятно поражаетъ читателя. Пусть припомнитъ читатель выраженіе г. Забытаго о подрясникѣ о. Андрея старика. Выразиться о какомъ нибудь домашнемъ халатѣ или пиджакѣ мастераго, что ихъ пять дней жевали коровы, да потомъ ихъ сушили на печи,—рѣчь будетъ вполнѣ естественною; но то же выраженіе по отношенію къ священническому подряснику является уже не деликатностію, пикантностію излишнею, неприятною, рѣжущею ухо. Къ сожалѣнію, подобными выраженіями бытописатели духовной среды любятъ шеголять.

Если рѣчь даже благодушно-безцеремонная оказывается не совсѣмъ подходящею въ изображеніи жизни духовенства, то о такой наглой безцеремонности рѣчи, какою отличается рассказъ Сосны: „о. Иванъ и о. Стефанъ“—и говорить нечего!

Итакъ типъ о. Стефана, нужно повторить, не дѣйствительный типъ изъ жизни духовенства, а злостная и плохая карриатура. Карриатурой же отзываются въ большинствѣ случаевъ и другіе типы изъ духовнаго сословія. Всюду замѣчается стремленіе преувеличить, исказить дѣйствительность, придать ей болѣе мрачную окраску, чѣмъ есть она на дѣлѣ. Имѣющіе сходство съ типомъ о. Стефана, типы о. Андрея старика и о. Андрей сына также отзываются

ся преувеличеніємъ, ложью, карриатурой, хотя и нельзя не признать автора „Вельно пріискивать“ талантливымъ писателемъ, хорошо знающимъ духовную среду.

Пусть о. Андрей старикъ — міроѣдъ, какимъ представляеть его г. Забытый; пусть онъ смотритъ на приходъ, какъ на доходную статью; ужели онъ въ то же время не считаетъ себя обязаннымъ хоть что нибудь дѣлать для прихода, даже подать прихожанину простой совѣтъ въ случаѣ надобности? Между тѣмъ, о. Андрей, — по повѣсти, — видитъ въ прихожанахъ „окаянный народъ“, который „нельзя баловать“ и даже словомъ увѣщанія, внушенія, совѣта... Читатель, знающій духовную среду, не можетъ не признать за такими мрачными красками чрезмѣрнаго преувеличенія. — Точно также рѣзко кидается въ глаза ложь и преувеличеніе и въ обрисовкѣ типа о. Андрея сына. Какъ единичная, исключительная личность, о. Андрей сынъ, пожалуй, возможенъ, но рисовать въ такихъ непривлекательныхъ чертахъ типъ молодаго духовенства значить взводить на молодое духовенство клевету. Какъ типъ, о. Андрей младшій — карриатура на молодое духовенство. О. Павелъ хохлатый, какъ помнитъ читатель, на требы смотритъ исключительно съ практической точки зрѣнія, готовъ изъ-за лишняго рубля служить молебны о чемъ угодно и по какому угодно случаю. Такъ! Но неужели нѣтъ въ о. Павлѣ хотя бы искры религіознаго чувства, хотя бы капли сознанія, что онъ іерей, служитель Божій, строитель Тайнъ Божіихъ?! По очерку „Дожилъ“ не видно, чтобы о. Павла занимали подобные вопросы... Снова для читателя, знающаго духовную среду, кидается въ глаза натянутость и преувеличеніе въ обрисовкѣ типа...

Равнымъ образомъ, ужели дѣйствительный типъ о. Спиридонъ, съ утра до вечера лежащій на полатяхъ? Такимъ лежебокомъ можетъ еще быть чловѣкъ матеріально обеспеченный, не несущій на себѣ никакихъ обязанностей; а о. Спиридонъ — священникъ. Въ силу его служенія, на немъ лежитъ масса обязан-

ностей и дѣла. Стало быть, и о. Спиридонъ опять таки карриатура, а не типическій представитель духовнаго сословія. Наконецъ, остановимся еще на о. Василиѣ въ очеркѣ „Впередъ не угадаешь“. О. Василій — скряга. Авторъ ироническимъ отношеніемъ къ герою настолько успѣваетъ возстановить читателя противъ о. Василія, что онъ начинаетъ чувствовать къ нему, о. Василию, если не отвращеніе, то прямую несимпатію. Такъ, о. Василій — священникъ! Но да позволено будетъ спросить: при чемъ же тутъ *духовный*-то санъ? Герой очерка „Впередъ не угадаешь“ настолько подходитъ къ духовному сословію, насколько и къ всѣмъ другимъ сословіямъ. Значить, тутъ риса, которая собственно и даетъ только интересъ и пикантность разсказу, не причемъ. Впрочемъ, авторъ очерка „Впередъ не угадаешь“, какъ честный человѣкъ, не могъ скрыть въ данной исторіи и правдивой дѣйствительности. Въ 10 лѣтъ о. Василій едва оказывается въ состояніи накопить 200 рублей. Скажите; что значать эти двѣсти рублей въ нынѣшнія времена?! У о. Василія есть семья. Вѣдь, одного сына въ гимназіи годъ не просодержалъ бы онъ на эти деньги. Между тѣмъ, скопля свой небольшой капиталъ скряжничествомъ, о. Василій не только потерялъ уваженіе у прихожанъ, сосѣдняго духовенства, но теряетъ его и у читателя, который не захочетъ разсмотрѣть этотъ типъ глубже.

Правда, русская художественная литература послѣдняго 12-лѣтія даетъ и нѣсколько отрядныхъ типовъ духовенства; но — что странно — и симпатичные, повидимому, священники рисуются въ разсказахъ въ такихъ чертахъ, что не вызываютъ къ себѣ уваженія у читателя. О. Иванъ, о. Герасимъ, о. Павелъ Покровскій — добрые священники, прихожанъ своихъ не тѣснятъ, а соглашаются лучше сами переносить бѣдность. Но при изображеніи подобныхъ священниковъ нестяжательныхъ, писатели какъ бы считают долгомъ для себя напомнить читателю, что добрые

священники въ существѣ дѣла — „простофили“, прихожанамъ представляются „мокрыми курицами“ и носятъ у нихъ клички „бабы“, „тряпки“, „попадьяна подмастерья“. Даже священники съ высшимъ образованіемъ, судьба которыхъ, по рассказамъ, описывается въ чертахъ, вызывающихъ у читателя сочувствіе, сожалѣніе къ нимъ, оказываются не особенно высокаго достоинства. О. Николай Роковъ и о. Петръ Елеонскій — не іереи, одаренные властію и силою, а лица безхарактерныя, женственныя, малодушныя.

Даже такіе типы духовенства, которые самими писателями отмѣчаются, какъ *отрадные* типы, въ существѣ дѣла оказываются далеко неотрадными. О. Максима авторъ романа „Изъ кулька въ рогожку“ называетъ „чудною отрадною личностію“ среди духовенства и указываетъ на его добрую дѣятельность и благочестіе, приковывающее къ о. Максиму всѣхъ окружающихъ его. Но читатель помнитъ, что за благочестивые разговоры ведетъ въ романѣ о. Максимъ? Онъ любитъ поговорить о наливкахъ и похожденияхъ какого нибудь сорѣтника питейнаго отдѣленія... Съ другой стороны, что это за благочестивыя мысли у слушателей о. Максима, когда они, послѣ разговора съ „чуднымъ“ батюшкой, начинаютъ представлять себѣ „картинки, изображающія похождения Авраама и Агари, кадилницу на окнѣ, часы съ грязнымъ циферблатомъ и кукушкой“, начинаютъ ощущать „какой-то святой и затхлый запахъ“?! Только глупый человекъ не увидитъ здѣсь злой и беспощадной ироніи даже надъ лучшими представителями духовенства.

Несимпатичные типы іереевъ, подрывающіе уваженіе къ духовенству, въ иныхъ писателяхъ вызвали желаніе защитить духовенство, въ противовѣсъ мрачнымъ типамъ духовенства вывести свѣтлые, симпатичные. Но бѣда въ томъ, что защитники духовнаго сословія изъ писателей оказывались лицами, не вполне понимающими задачи пастырскаго служенія, и вълѣдствіе этого скорѣе оказывали духовенству

медвѣжьёю услугу, чѣмъ дѣйствительную. Нужно ли доказывать, что о. Александръ Алмазовъ въ „Жизни сельскаго священника“ Ливанова и о. Іоаннъ въ романѣ „Женщины петербургскаго большаго свѣта“ именно принадлежатъ къ типамъ, выведеннымъ въ противовѣсъ мрачнымъ типамъ духовенства? При бѣгломъ чтеніи „Жизни сельскаго священника“ и „Женщинъ петербургскаго большаго свѣта“, о. Алмазовъ и о. Іоаннъ производятъ на читателя самое пріятное впечатлѣніе. Но всматриваясь въ эти типы глубже, читатель разочаровывается.

Въ самомъ дѣлѣ, о. Алмазовъ, какъ энергичный и дѣятельный священникъ, — пріятный типъ, желательный. Но прежде всего въ „бытовой хроникѣ изъ жизни сельскаго духовенства“ поражаетъ читателя то, что о. Алмазовъ признаетъ себя какимъ-то „новымъ“ священникомъ, идущимъ по „новой“ дорогѣ. Дорога у священника одна — не старѣющая отъ начала христіанства и до сего времени — идти по слѣдамъ І. Христа и его апостоловъ.—О. Алмазовъ, говоритъ авторъ „бытовой хроники“, не остался „рутиннымъ семинаристомъ“, а воспитанный своею невѣстою институткою, сталъ „идеальнымъ пастыремъ сельскимъ“. Но что можетъ значить воспитаніе какой-то институтки въ сравненіи съ цѣлою богословскою системою воспитанія въ духовной семинаріи?! Какіе результаты хорошіе могли получиться, когда, оставивъ безъ вниманія требованія науки Пастырскаго Богословія, основаннаго на авторитетѣ Самого Спасителя, апостоловъ, отцевъ и учителей церкви, о. Александръ перевернулъ себя по шаблону самомнительной невѣсты?!. Тѣмъ не менѣе, съ перваго взгляда о. Алмазовъ представляется симпатичнымъ священникомъ. Онъ учитъ народъ, говоритъ проповѣди, заводитъ школу, больницу, богадѣльню и пр. Но подозрительно уже представляется для читателя быстрота, съ какою совершается всякое дѣло у о. Александра. Деньги такъ валяются къ о. Алмазову, — хоть лопатой за-

гребай ихъ! Что шагъ у о. Алмазова — то и тысяча! Скоро такъ все дѣлается въ сказкахъ, а не въ дѣйствительной жизни.

Своей энергіей и неутомимой дѣятельностію, по изображенію хроники, о. Алмазовъ успѣваетъ выдвинуться изъ среды окружающаго его духовенства въ первые же мѣсяцы своего служенія. Черезъ 4 мѣсяца пастырскаго служенія онъ признается уже передовымъ бойцемъ изъ священниковъ въ уѣздѣ. Велоду, при всякомъ удобномъ случаѣ, о. Алмазовъ говоритъ блестящія рѣчи, и, выслушивая за нихъ похвалы, съ достоинствомъ произноситъ, что пора духовенству сбросить спячку и двинуться впередъ... Обычный читатель конечно вмѣтѣтъ съ духовенствомъ того уѣзда, въ которомъ дѣйствовалъ о. Алмазовъ, похвалить о. Александра за его пастырское и мощное слово, хотя и остановится на мысли, что проповѣди о. Алмазова какъ будто не совсѣмъ подходящи къ тѣмъ случаямъ, въ которые произносятся, что говоритъ простому народу о задачахъ образованія народа, да еще съ употребленіемъ словъ: идея, матеріализмъ, социализмъ и т. п. — аномалія; но человекъ знающій исторію и дѣло проповѣди найдетъ въ проповѣдяхъ о. Алмазова и нѣчто болѣе важное, служащее не въ пользу послѣднему. Духовная критика указала, что проповѣди, которыя о. Алмазовъ выдаетъ за свои, не ему принадлежатъ, а преосвящ. Іоанну смоленскому!.. (1). Между тѣмъ о. Алмазовъ не стыдится за эти проповѣди принимать себѣ похвалы отъ духовенства и даже, какъ уже замѣчено, съ достоинствомъ произноситъ предъ духовенствомъ, что пора ему пробудиться отъ летаргическаго сна... Обманъ и ложь о. Алмазовъ считаетъ не только возможнымъ въ дѣлѣ проповѣди, но и вообще въ практикѣ жизни. Записалъ въ приходѣ о. Александра, какъ помнитъ читатель, мужикъ Трофимъ. О. Александръ

(1) Прав. Собесѣд. 78 г. Критическая замѣтка на «Жизнь сельскаго священника» А. В. Вадковскаго.

похоронилъ его. Зная отъ прихожанъ своихъ, которые видѣли Трофима въ сильной степени пьянымъ, что Трофимъ записалъ, о. Алмазовъ тѣмъ не менѣе на допросѣ предъ благочиннымъ и архіереємъ сознательно выдастъ ложь за правду, отрицая фактъ несчастливой смерти Трофима, и за ложное оправданіе получаетъ даже одобреніе отъ обманувшагося архіерея.

Готовый устраивать сельскіе банки, о. Алмазовъ уклоняется въ тоже время отъ обязанностей чисто церковнаго характера: не хочетъ напр., освятить праздникъ Рождества Христова обычнымъ молитвословіемъ, совершаемымъ въ это время въ домахъ прихожанъ, считая съ какой-то стати „славленіе Христа“ униженіемъ духовнаго сана... Не смотря на то, что въ дѣятельности о. Алмазова есть много хорошихъ сторонъ, „новый путь“, на которомъ стоитъ этотъ новый батюшка, при ближайшемъ разсмотрѣніи, все таки оказывается ложнымъ путемъ.

Другой „идеальный“ священникъ, о. Іоаннъ въ романѣ Мещерскаго „Женщины петербургскаго большаго свѣта“— духовникъ семьи князей Мытицевыхъ. О. Іоаннъ, какъ пастырь, производитъ на окружающихъ обаятельное впечатлѣніе. Вращаясь въ аристократическомъ кругу, онъ знаетъ всякія приличія и тонкости аристократической жизни. Но бѣда въ томъ, что знаніе тонкостей жизни аристократической затмило у о. Іоанна знаніе христіанскихъ истинъ и пастырской обязанности. Правда, о. Іоаннъ, когда нужно, даетъ пасомымъ слово назиданія, но въ проведеніи своихъ мыслей онъ не настойчивъ, не обнаруживаетъ пастырской власти, гнется предъ могуществомъ знатности и богатства, смотритъ на пасомыхъ не какъ отецъ на дѣтей, сверху внизъ, а снизу вверхъ.

Дочь княгини Мытицевой не любитъ свѣтской, суетной жизни, ее влечетъ къ бѣднымъ и нуждающимся; а о. Іоаннъ, въ угоду матери, уговариваетъ Мери ѣздить на балы, заявляя, что вездѣ можно думать о Богѣ. О. Іоаннъ забываетъ, что если не не-

возможно, то крайне трудно носиться въ вихрѣ вальса и въ то же время носить въ своихъ мысляхъ Бога. Не будетъ ли еще, напротивъ, молитва къ Богу тогда кощунствомъ?!. Далѣе. Сынъ Мытищевой Всеволодъ, какъ извѣстно читателю, открываетъ о. Иоанну, что онъ увлекся Лизой Гагариной, а Лиза, въ свою очередь, пока не увлеклась еще княземъ Гри-Гри, открываетъ о. Иоанну, что она любитъ Всеволода, но боится его матери. И вотъ о. Иоаннъ, утѣшая Лизу, говоритъ ей, что любовь ея къ Всеволоду спасетъ ее, что въ любви Богъ, а съ Богомъ бояться нечего... Читатель видитъ, что любовь, проповѣдываемую христианствомъ, о. Иоаннъ смѣшиваетъ съ любовью чувственною, увлеченіемъ.

О. Иоаннъ нравится читателю „Женщинъ петербургскаго большаго свѣта“, какъ духовникъ выводимыхъ въ романѣ героевъ. Но нельзя въ то же время не замѣтить, что, какъ духовникъ, о. Иоаннъ скорѣе напоминаетъ собою католическаго священника, чѣмъ православнаго. Православный священникъ, въ роли духовника, располагаетъ пасомыхъ къ естественному изліянію своихъ чувствованій и мыслей, онъ не лѣзетъ въ душу пасомаго, не роется въ ней, не выштытываетъ до мелочей затаенныхъ помысловъ; напротивъ, сама душа естественно и безбоязненно раскрывается предъ нимъ... Между тѣмъ о. Иоаннъ рядомъ вопросовъ старается самъ вторгнуться въ душу своихъ кающихся пасомыхъ.

Послѣ разсмотрѣнія типовъ о. Алмазора и о. Иоанна оказывается, что, кромѣ о. Савелія Туберозова и о. Павла Покровскаго, нѣтъ въ русской художественной литературѣ послѣдняго 12-лѣтія ни одного священника, къ которому бы читатель проникся полнымъ уваженіемъ, какъ доброму пастырю церкви. Теплаго отношенія къ духовенству въ художественной русской литературѣ вообще нѣтъ. Если въ двухъ—въ трехъ произведеніяхъ и замѣтно стремленіе, на ряду съ худыми сторонами, изобразить и лучшія стороны жизни духовенства, то, отъ без-

дарности или недостатка пониманія духовенства съ его цѣлями и задачами, типы духовенства все же выходятъ далеко неутѣшительными.

Литература художественная, какъ уже сказано, обратила вниманіе на внѣшнія стороны жизни духовенства. Понятно, что темныя стороны въ жизни-дѣятельности духовенства, при недостаткѣ глубины литературныхъ произведеній, выступили на первый планъ, ибо все хорошее, какъ нормальное и естественное, не такъ кидается въ глаза, какъ уклоненіе отъ нормы. Свѣтлыя стороны въ какомъ-бы то ни было быту открываются уже послѣ глубокаго изученія этого быта.

Въ быту духовенства ближе всего должна была обратить на себя вниманіе художниковъ, бытописателей духовной среды, темная сторона въ способѣ обеспечения духовенства. Жалованья духовенству, какъ извѣстно, не полагается. Оно должно жить вознагражденіемъ отъ требоисправленій и поборами съ прихода. Недостатокъ обеспечения вызываетъ духовенство принимать тѣ или другія мѣры къ увеличенію своихъ средствъ, иногда и не совсѣмъ благовидныя. Поэтому вѣтъ ничего легче, какъ бросить грязью въ духовенство, и обвинить его и въ жадности, и черствости, и кулачествѣ и т. п.,—сказать, что священникъ беретъ деньги съ живаго и мертваго, отнимаетъ у бѣдняка послѣдній грошъ. Бытописатели духовной среды изъ двухъ заинтересованныхъ въ одномъ дѣлѣ (т. е. обеспеченіи духовенства) сторонъ священника и прихожанина—обращаютъ вниманіе только на интересы прихожанина, и не хотятъ достаточнымъ образомъ вникнуть въ положеніе священника. Невольно по этому случаю напрашивается на вниманіе рѣчь „попа“ въ поэмѣ Некрасова: „Кому живется весело-вольготно на Руси“. Священникъ, на поставленный вопросъ: насколько живется ему вольготно, рисуетъ не особенно веселую картину своей обычной жизни.

Живи съ однихъ крестьянъ,
Сбирай мірскія гривенки,

Да пироги по праздникамъ,
 Да яйца о святой.
 Крестьянинъ самъ нуждается,
 И радъ бы дать, да нечего.—
 Деревни наши бѣдныя,
 А въ нихъ крестьяне хворые,
 Да женщины печальницы,
 Кормилицы, поилицы,
 Рабыни, богомолицы
 И труженицы вѣчныя,
 Господь прибавь имъ силъ!
 Съ такихъ трудовъ копѣйками
 Живиться тяжело!
 Случается, къ недужному
 Придешь: не умирающій,
 Страшна семья крестьянская
 Въ тотъ часъ, какъ ей приходится
 Кормильца потерять!
 Напутствуешь усопшаго
 И поддержать въ оставшихся
 По мѣрѣ силъ стараешься
 Духъ бодръ! А тутъ къ тебѣ
 Старуха, мать покойника,
 Глянь, тянется съ костлявою,
 Мозолистой рукой.
 Душа переверотится,
 Какъ звякнуть въ этой рученькѣ
 Два мѣдныхъ пятака.
 Конечно дѣло чистое
 За требы воздаяніе:
 Не братъ— такъ нечѣмъ жить,
 Да слово утѣшенія
 Замретъ на языкѣ,
 И словно какъ обиженный
 Уйдешь домой... Аминь.

Только на долю одного духовенства выпало несчастіе получать вознагражденіе иногда при такихъ условіяхъ, что самое вознагражденіе - то равняется наказанію, пыткѣ. И чистое, законное дѣло—за требы воздаяніе, да подчасъ душа переверотится у свя-

щенника, когда протянетъ онъ руку за полученіемъ заслуженной, заработанной копѣйки. Между тѣмъ художественныя произведенія изъ духовнаго быта стараются обвинить священника въ вымогательствѣ при требоисправленіяхъ и разныхъ сборахъ съ прихода, и рисуютъ картины, насколько священникъ является иногда требовательнымъ и безсердечнымъ по отношенію къ своимъ прихожанамъ. Бытописателями среды духовной забывается существенный вопросъ для духовенства: чѣмъ же жить?.. Не требовать, не брать — такъ нечѣмъ жить! Прихожане часто не меньше священника бываютъ виноваты въ вымогательствахъ, если таковыя случаются. Въ „Тернистомъ пути“, какъ помнитъ читатель, было сдѣлано г-жей Долговой совершенно вѣрное замѣчаніе, что народъ хотя признаетъ законность руги, но только въ теоріи, а на практикѣ плохо выплачиваетъ ее, если священникъ не принимаетъ съ своей стороны крутыхъ мѣръ. При сборѣ законной руги священнику приходится по десяти разъ приставать къ каждому мужику изъ-за всякой мелочи, просить, хитрить, кланяться, унижаться и въ концѣ концовъ получать въ видѣ милостыни то, что ему слѣдовало по праву. Не удивительно, что при случаѣ, напр. при свадьбѣ, къ неисправному плательщику священникъ окажется требовательнымъ до суровости. Но нужно имѣть въ виду, что въ значительномъ большинствѣ случаевъ дѣйствуетъ тутъ не жадность священника, а роковой вопросъ: нечѣмъ жить...

Другой чертой въ духовной средѣ художественными произведеніями отмѣчается нетрезвый образъ жизни многихъ представителей духовенства. Излишнее употребленіе вина — явленіе присущее всѣмъ сословіямъ и классамъ общества. Духовенство, положимъ, не составляетъ исключенія въ данномъ отношеніи. Но нужно сказать, что въ духовной средѣ воздержность въ употребленіи вина иногда вызываетъ

ся съ необходимостію самыми условіями, въ которыя бываетъ поставлено духовное лицо. Не говоримъ уже объ обыкновеніи крестьянъ назойливо и неотступно угощать духовенство при крестныхъ ходахъ, когда удержаться отъ угошенія можетъ только священникъ съ желѣзной волей. Бываютъ такіе случаи. Поступаетъ священникъ въ глушь. Желательно ему продолжать свое самообразование, но средствъ для этого у него нѣтъ. Хочется ему подѣлиться съ кѣмъ нибудь своими мыслями и чувствами, но подѣлиться не съ кѣмъ: жена умерла въ первые же годы супружества, священниковъ-товарищей по близости нѣтъ, мировой судья, врачъ, становой и т. п. лица смотрятъ на священника свысока, а крестьянинъ не въ состояніи понять его... Священнику такимъ образомъ приходится чувствовать полное свое одиночество. Не удивительно, что священникъ начинаетъ испытывать то же состояніе, отъ котораго такъ страдалъ о. Андроникъ: имъ овладѣваетъ безпредметная тоска, какъ будто червь какой сосетъ его сердце... И вотъ онъ несчастный хочетъ виномъ заморить этого червяка. Но результатовъ желаемыхъ, какъ и должно ожидать, не получается...

Бытописатели духовной среды подсмѣиваются, далѣе, надъ духовенствомъ, что оно не любитъ чтенія книгъ. Но разсужденія о чтеніи книгъ и журналовъ, влагаемая въ уста священниковъ, нужно сознаться, носятъ на себѣ каррикатурный характеръ. Правда, встрѣчаются изрѣдка священники, не имѣющие въ своемъ дому Библии, но не малая часть духовенства любитъ читать книги, хотя, по недостатку денежныхъ средствъ, и не имѣетъ возможности приобретать хорошія книги и сочиненія, и выписывать серьезные богословскіе журналы. Во всякомъ случаѣ нельзя уже взводить такого рѣзкаго обвиненія на духовенство за нелюбовь къ чтенію, какое встрѣчается въ разсказахъ изъ духовнаго быта.

При изображеніи молодаго духовенства въ беллетристикѣ отмѣчается та черта, что оно стремится усвоить свѣтскіе пріемы,— какъ бы стыдясь принадлежности къ духовному сословію, старается вытравить въ себѣ особенности „запахъ“ этого сословія. Въ апрѣльскихъ книжкахъ настоящаго года въ двухъ рассказахъ двухъ разныхъ авторовъ отмѣчена эта черта въ молодомъ духовенствѣ. Нужно пожалѣть, что молодое поколѣніе изъ духовной среды хочетъ лишиться съиздавна-присущихъ этому сословію чертъ. Во-первыхъ, духовное сословіе со своими установившимися особенностями еще не заслужило того, чтобъ стыдиться принадлежности къ нему, напротивъ, оно всегда было въ общемъ достойно своего назначенія. Во-вторыхъ, отказываясь отъ установившагося склада убѣжденій и привычекъ, присущихъ этому сословію, другими словами, отказываясь отъ самого себя, утрачивая свою духовную фізіономію, молодое духовенство обрекаетъ себя на безсиліе. Для того чтобы человекъ былъ силой, онъ долженъ имѣть, по удачному выраженію Гамлета шигровскаго уѣзда, „свой запахъ“. Разъ человекъ выдохся, не имѣетъ „своего запаха“, онъ уже не сила нравственная, а беспомощность: ему не пріобрѣсти довѣрія отъ другихъ; его положеніе — положеніе пловца, который отъ одного берега отсталъ, а къ другому не присталъ. Желаніе молодаго духовенства „стать на порядочную ногу“, то есть, въ образѣ жизни, манерахъ, одеждѣ, обстановкѣ подражать свѣтскому обществу именно и значить (по отношенію къ этому сословію) лишиться порядочности. Священникъ и долженъ быть никѣмъ инымъ, а священникомъ! Если онъ, даже при всей своей молодости, не оставитъ образа жизни, приличнаго его сану, отъ этого униженія не послѣдуетъ. Выдержаность и послѣдовательность въ жизни и дѣятельности всегда дѣйствуетъ обаятельно на людей. Въ пользу послѣдовательнаго и выдержаннаго человека подкупаются даже лица, не сочувствующія тому

образу жизни и дѣятельности, какой ведетъ данное лицо. Старое поколѣніе духовенства, при естественно неизбѣжныхъ недостаткахъ, — благодареніе Богу! — всегда пользовалось уваженіемъ русскаго народа и не было въ пренебреженіи у другихъ сословій. Трудно сказать, что выиграетъ молодое поколѣніе духовенства, усвоивъ себѣ свѣтскій образъ жизни? Простота жизни для священника приличнѣе изысканности и свѣтскаго лоска.

Другая черта, приписываемая художественными произведеніями молодому духовенству, что оно шире раздвигаетъ свою дѣятельность, чѣмъ старое поколѣніе духовенства, имѣетъ за собою и хорошія, и дурныя стороны. Иное время, иные люди, иныя стремленія и задачи—иныя требованія и отъ духовенства! При большемъ развитіи общественной жизни, и духовенству приходится расширить кругъ своей дѣятельности. Духовенство, какъ сословіе, предназначенное быть руководителемъ въ христіанской религіозно-нравственной жизни другихъ классовъ общества, не можетъ быть равнодушнымъ зрителемъ общественнаго движенія. — Сибирякъ въ очеркѣ „Авва“ словами сельскаго учителя обвиняетъ молодое духовенство за то, что онъ будто бы всюду суется: и въ земство, и въ школы и т. д., и вездѣ проводитъ свои идеи. По нашему мнѣнію, такъ и должно быть! Духовенство должно слѣдить за всѣми проявленіями общественной и частной жизни; но дѣло его должно ограничиваться только внесеніемъ въ жизнь церковно-христіанскихъ воспитательныхъ элементовъ. Не дѣло священника заниматься устройствомъ фермъ, сберегательныхъ кассъ, мастерскихъ, брать подряды на стройку общественныхъ домовъ подъ училища, больницы, богадѣльни, пріюты для нищихъ и т. п.; но долгъ священника—привѣтствовать всѣ добрыя стороны общественной жизни (и въ частности земской дѣятельности) христіанскимъ словомъ мира, любви, утѣшенія, ободренія, и, напротивъ, отзываться на недобрыя вѣя-

нія времени мощнымъ словомъ увѣщанія, запрещенія, умоленія. Особенно прямая обязанность священника слѣдить за школьнымъ дѣломъ и руководить имъ, вносить въ школу свѣтъ христіанскаго ученія. Раздвигая шире свою дѣятельность сравнительно со старымъ поколѣніемъ духовенства, молодое духовенство не должно однакожъ забывать своего прямого назначенія служенія Церкви.

Наконецъ, въ художественной литературѣ видѣвъ протестъ противъ единобрачія священниковъ и существующаго теперь въ практикѣ духовнаго суда, въ которомъ отмѣчается лицепріятность духовныхъ слѣдователей и въ укоръ и примѣръ которому ставится судъ гражданскій. Рѣшать вопросъ о единобрачіи священника — не наше дѣло, потому что вопросъ этотъ рѣшенъ уже въ положительномъ смыслѣ Церковію (1 посл. къ Тим. 3 гл. 2 ст.; Прав. Апост. 17, Васил. Велик. 12); но случающаяся несправедливость въ духовномъ судѣ побуждаетъ высказать желаніе, чтобъ духовные слѣдователи относились свято къ своимъ обязанностямъ и не давали повода ставить имъ обвиненіе въ неправосудіи.

Хотя художественная литература подмѣтила не мало важныхъ сторонъ въ духовномъ быту, — тѣмъ не менѣе она игнорировала и многія существенныя черты въ жизне-дѣятельности духовенства. Въ художественныхъ произведеніяхъ, какъ было уже замѣчено выше, не было обращено достаточнаго вниманія на пастырскія заботы священника о паствѣ, на его вліяніе на пасомыхъ, чѣмъ собственно и можетъ вернѣе всего оцѣниваться дѣятельность священника. Положеніе священника, какъ центрального лица въ приходѣ, какъ духовнаго отца пасомыхъ, таково, что къ нему являются прихожане во всѣ важныя (особенно въ психическомъ отношеніи) моменты своей жизни — за разрѣшеніемъ своихъ недоумѣній, за совѣтомъ, благословеніемъ и т. д. Священникъ, въ силу своего положенія, становится совѣтникомъ своихъ пасомыхъ, ихъ руководителемъ, ихъ утѣшителемъ. Эта, такъ ска-

затѣ, совѣтническая дѣятельность священника, съ внѣшней стороны не кидаящаяся въ глаза,—въ дѣйствительности въ высшей степени важная и плодотворная дѣятельность пастырей. Сколько духовенству приходится осушать слезы своихъ пасомыхъ, умирать ихъ, утѣшать, успокоивать, ободрять! Какое множество несчастныхъ сохранено духовенствомъ отъ гибели, спасено отъ тюрьмы и каторги! Роль священника, какъ авторитетнаго совѣтника и утѣшителя своихъ пасомыхъ, намѣчена въ „Женщинахъ петербургскаго большаго совѣта“ Мещерскаго и „Жилкѣ“ Мамина. Но о. Іоаннъ и о. Крискентъ типы скорѣе отрицательные, чѣмъ положительныя. Первый напоминаетъ іезуита, второй говорильную машину. Тѣмъ не менѣе и эти священники, какъ оказывается, производили обаятельное впечатлѣніе на лицъ, являвшихся къ нимъ за наставленіемъ. Къ сожалѣнію, положительный типъ священника, авторитетнаго друга—руководителя—совѣтника пасомыхъ не выведенъ въ русской литературѣ. Есть этотъ типъ, да отнесенъ въ число старцевъ монастырскихъ. Имѣемъ въ виду Зосиму въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ Достоевскаго. Тѣ страницы романа, гдѣ Зосима утѣшаетъ пришедшихъ къ нему за совѣтомъ женщинъ—живая лѣтопись совѣтнической дѣятельности священника. Является къ Зосимѣ, рассказываетъ въ романѣ, издалека баба, не старая, но худая и испитая. Она не можетъ утѣшиться, потерявъ своего сына. Трехъ прежде схоронила, это былъ четвертый. Зосима сначала утѣшаетъ скорбящую тѣмъ, что сынъ ея среди ангеловъ у Бога; но женщина плачетъ и высказываетъ желаніе все таки видѣть, осязать, чувствовать сына. Тогда Зосима ведетъ утѣшеніе уже въ видѣ наставленія. Сказавъ, что сынъ ея на небѣ видитъ ея слезы и указываетъ на нихъ Господу, что слезы эти современемъ превратятся въ тихую радость, Зосима совѣтуетъ плачущей бабѣ возвратиться домой. „Ступай къ мужу и береги его. Увидитъ оттуда твой мальчикъ,

что бросила ты его отца и заплачетъ по васъ: зачѣмъ же ты блаженство-то его нарушаешь? Вѣдь, живъ онъ, живъ, ибо душа жива во вѣки, и вѣтъ его въ домѣ, а онъ невидимо подлѣ васъ. Какъ же онъ въ домъ придетъ, коль ты говоришь, что возненавидѣла домъ свой? Къ кому же онъ придетъ, коль васъ вмѣстѣ отца съ матерью не найдетъ? Вотъ онъ снится теперь тебѣ и ты мучаешься, а тогда онъ тебѣ кроткіе сны пошлетъ. Ступай къ мужу мать, сегоже дня ступай.

— Пойду, родной, по твоему слову пойду. Сердце ты мое разобралъ“.

Другая женщина, съ виду чахоточная, рассказываетъ Зосимѣ какой-то важный грѣхъ, который ее тяготитъ. „Боюсь, помирать боюсь“.

— Ничего не бойся, и никогда не бойся, и не тоскуй. Только бы покаяніе не оскудѣло въ тебѣ и все Богъ проститъ. Да и грѣха такого вѣтъ и не можетъ быть на землѣ, какого бы не простилъ Господь во истину кающемуся. Да и совершить не можетъ совѣтъ такого грѣха великаго человѣкъ, который бы истощилъ безконечную Божью любовь... Ужъ коли я, такой же какъ и ты человѣкъ грѣшный, надъ тобой умилился и пожалѣлъ тебя, кольми паче Богъ.—Ступай и не бойся“. Подобнаго рода утѣшенія и совѣты священнику приходится дѣлать ежедневно. Конечно, не всегда бываютъ въ практикѣ священника настолько важные случаи „разбирания сердца“, ободренія и утѣшенія, какія указаны въ приведенныхъ выдержкахъ изъ романа Достоевскаго „Братья Карамазовы“, но иногда бываютъ и такіе... Изъ десяти скорбящихъ женщинъ, можетъ быть, одна—двѣ только найдутъ недостаточнымъ утѣшенія со стороны священника и пойдутъ за наставленіемъ за сотни верстъ къ Зосимѣ. (Говоря о священникѣ, понятно, мы разумѣемъ добрыхъ священниковъ въ родѣ о. Савелія или о. Павла Покровскаго, а не изъ категоріи отцовъ Андреевъ и отцовъ Стефановъ). Правда, въ практикѣ ду-

ховенства иногда „слово утѣшенія замретъ на языкѣ“ отъ той лепты, которая дается священнику въ награду за трудъ, при раздирающихъ душу обстоятельствахъ, но такъ или иначе священникъ не остается безучастнымъ зрителемъ горя, когда требуется отъ него слово утѣшенія. Въ рассказѣ Забытаго „Кто кого“ (Отеч. Зап. 82 г.) представлена характерная картина смерти особорованной старухи Климихи. Батюшка, опустя причтъ — передается въ рассказѣ — остался сказать больной два—три слова назиданія.

— Ты, Климиха, не смущайся, утѣшалъ онъ. У васъ есть предрадсудокъ, что если человекъка пособоровали масломъ, такъ ужъ и конецъ ему. Это не больше, какъ предразсудокъ. Мы не можемъ знать своей кончины. Даже отъ святыхъ людей и то она сокрыта“. Но старуха не утѣшается этимъ. Климиха предчувствуетъ, что она умретъ. Ее терзаетъ мысль, что ее послѣ смерти не будутъ поминать. Климиха спрашиваетъ священника: будетъ ли онъ поминать ее?

— Да мы поминаемъ всѣхъ усопшихъ.

— Нѣтъ, меня-то, меня-то съ старикомъ. Запишешь?

— Отчего же? Мы многихъ записываемъ. Только вѣдь нужно за это положить чтонибудь по усердію. А то отчего жъ не записать?

Старуха заплакала.

— Будетъ, будетъ, успокойся! проговорилъ батюшка, прикасаясь ко лбу больной.

— Батюшка! простонала старуха. Вѣдь, у меня нѣту-ти, ничего-то у меня нѣту-ти!

— Ну, что жъ дѣлать! На нѣтъ и суда нѣтъ, сказалъ священникъ.

— Вѣдь, ты не станешь...

— Что?

— Поминать-то?

— Помянемъ, помянемъ, не скорби.

— Сдѣлай милость, вмѣстѣ съ старикомъ.

— Ладно, ладно.

— Тебѣ Господь заплатитъ.

И старуха успокоилась. Случаи, въ которыхъ нужно участіе человѣка, настолько многочисленны и разнообразны, что и не перечесть. На долю священника именно выпадаетъ сказать участливое слово на самое разнообразное горе, какое можетъ постигнуть человѣка. И одно только ласковое слово священника, при безсиліи его помочь горю, можетъ быть при случаѣ неоцѣнимо. Но сторона совѣта и участія священника въ судьбѣ пасомыхъ, какъ ужъ сказано, игнорирована художественной литературой.

Хотя священникъ, по своему положенію, является часто въ роли утѣшителя скорбящихъ, но самъ нерѣдко не имѣетъ возможности видѣть слово ободренія и утѣшенія въ своихъ горестяхъ и заботахъ. Священникъ въ своемъ приходѣ въ большинствѣ случаевъ единственное образованное лицо, стоящее выше своихъ пасомыхъ цѣлой головой. Кому онъ можетъ повѣдать свои горести, съ кѣмъ онъ можетъ обмѣняться мыслями? Другіе приходы не близко, и священниковъ по близости нѣтъ. Жена, по недоразвитости, можетъ не понимать достаточно стремленій своего мужа и не цѣнить ихъ; а не мало есть и священниковъ вдовствующихъ. Свѣтскія лица, въ родѣ судей, врачей и т. п., какъ уже замѣчено, въ большинствѣ случаевъ смотрятъ на священника свысока. Volens-nolens священнику приходится чувствовать полное одиночество въ своей высокой и трудной пастырской дѣятельности. Художественныя произведенія изъ духовнаго быта не останавливаются на состояніи нравственнаго одиночества священника (только и отмѣчено оно въ откровенной бесѣдѣ о. Андроника, въ „Аввѣ“), между тѣмъ это состояніе объяснило бы очень многое въ жизни духовенства.

Далѣе, художественной литературой игнорированы сложность пастырскаго служенія священника и постоянная напряженность этого служенія. Нами уже было выше замѣчено, что въ приходѣ своемъ священнику приходится быть всѣмъ для всѣхъ, не только

священнослужителемъ—совершителемъ таинствъ, требоисправителемъ и проповѣдникомъ, но и просто другомъ совѣтникомъ своихъ пасомыхъ, ихъ утѣшителемъ, заступникомъ, защитникомъ въ случаѣ обиды, даже судіей, врачомъ и т. п. Въ разныхъ типахъ, правда, отмѣчена разнообразная дѣятельность священника, но, къ сожалѣнію, типы эти въ большинствѣ случаевъ отрицательные. Не только типы священника въ роли домашняго судьи (о. Спиридонъ), совѣтника (о. Крискентъ, о. Іоаннъ), врача—отрицательные типы, даже, какъ помнитъ читатель, художественная литература выдвинула отрицательный типъ священника—священнослужителя въ лицѣ о. Стефана. Счастливое исключеніе представляетъ только роль священника—заступника за обиженныхъ. Ходатайство о. Савелія предъ губернаторомъ за угнетенныхъ помѣщиками крѣпостныхъ крестьянъ и ходатайство за обиженную вдову предъ Шуйкой о. Павла Покровскаго намѣчаютъ положительную сторону типа священника—ходатая и заступника своихъ прихожанъ.

Сложность и разнообразіе пастырской дѣятельности требуютъ отъ священника постояннаго вниманія къ своимъ обязанностямъ, требуютъ постояннаго напряженія. Это состояніе напряженности пастырскаго служенія въ общихъ чертахъ указано въ „Деревенскихъ дѣльцахъ“ Краснопольскаго въ разговорѣ о. Ильи съ либеральнымъ баринномъ. Когда либеральный баринъ замѣтилъ, что онъ ни за что бы не пошелъ въ священники и не согласился бы соборовать умирающую старуху, видѣть предсмертную агонію, хоронить красавицу, о. Илья въ отвѣтъ ему показалъ, что пастырское служеніе въ самомъ себѣ носитъ еще большія трудности.

— Нѣтъ, вы не знаете, что священникъ есть безсѣнный часовой во все триста шестьдесятъ пять дней года, — дѣла нѣтъ, воръ не подходитъ къ цейхаузу, а ты ходи съ ружьемъ на плечѣ. Ни тебѣ

развернуться въ разговорѣ веселомъ, ни тебѣ похотать на просторѣ, каждую минуту днемъ и ночью, въ грозу и не погоду жди, даже среди службы церковной жди кого нибудь. Ты только раздвинешь руки во время херувимской,—а тебя ужъ зовутъ исповѣдывать: случилось несчастіе. Эхъ, вы не знаете, чего стоитъ священствовать, чего стоитъ свобода, хоть въ сутки на часъ. Я не говорю уже о страданіяхъ совѣсти, отвѣтственности за приходъ предъ судомъ Божиимъ“. Хотя замѣчаніе барина о тяжеломъ состояніи присутствовать при смертной агоніи о. Ильею какъ бы отстранено указаніемъ на общую трудность пастырскаго служенія, тѣмъ не менѣе и эти грустныя картины оказываютъ на священника свое тяжелое дѣйствіе.

Привычкѣ есть придѣлъ:
Нѣтъ сердца выносящаго
Безъ нѣкоего трепета
Предсмертное хрипѣніе,
Надгробное рыданіе,
Сиротскую печаль,

пусть это сердце будетъ сердце священника, уже закаленное въ горнилѣ скорбей.

Наконецъ, въ художественныхъ произведеніяхъ игнорировано вліяніе пастырской жизни и дѣятельности на жизнь пасомыхъ, не раскрыто, насколько священникъ, какъ лицо авторитетное въ приходѣ по своимъ пастырскимъ правамъ и образованію, можетъ дѣйствовать и дѣйствуетъ воспитательно на своихъ пасомыхъ только примѣромъ своей жизни.

Въ заключеніе нашей статьи, при подведеніи итога общему отношенію свѣтской художественной литературы къ духовенству, намъ приходится повторить, что въ русскихъ художественныхъ произведеніяхъ послѣдняго 12-лѣтія духовенство изображается далеко не такъ вѣрно и безпристрастно, какъ желатель-но бы это видѣть. Художественная литература долж-

на брать людей такъ, какъ они есть, со всѣми достоинствами и недостатками. Это требованіе вполнѣ примѣнимо и къ изображенію духовнаго быта. Но, къ сожалѣнію, темныя стороны изъ жизни духовенства обрисованы въ художественныхъ произведеніяхъ въ болѣе мрачныхъ краскахъ, чѣмъ даетъ дѣйствительность, доведены до maximum'a преувеличенія, до карриатуры, между тѣмъ какъ свѣтлыя стороны дѣятельности духовенства обойдены молчаніемъ. Самое малое пятно на духовенствѣ указано десятками произведеній и сквозь призму преувеличенія сдѣлано великимъ, тогда какъ добрыя стороны въ жизни духовенства, при всей ихъ рельефности, ступшеваны замалчиваніемъ. Бытописатели духовной среды видятъ крокодиловы слезы священника-міроѣда и трубятъ о нихъ міру, но чистыхъ слезъ священника, *дѣлателя непостыдна, право правяща слово истины*, они не замѣчаютъ, а если и замѣчаютъ, то не подають объ этомъ вида. Не забудутъ бытописатели духовной среды упомянуть о „дурной мыслишкѣ“, если она проскользнетъ въ головѣ завистливаго скряги-священника; но какія, обыкновенно, добрыя мысли проникають душу священника — о тѣхъ молчатъ они!

Чѣмъ объяснить такое холодное и безсердечное отношеніе бытописателей среды духовной къ духовному сословію? Къ пропойцамъ, грабителямъ, убійцамъ, каторжникамъ литература художественная хочетъ оказаться безпристрастной, стремится отыскать въ нихъ искру Божества и взываетъ къ ихъ человѣческому достоинству; между тѣмъ произведенія изъ духовнаго быта далеко лишены этого безпристрастія. Односторонній подборъ фактовъ, говорящихъ не въ пользу духовенства, безцеремонно-небрежная и нерѣдко неделикатная рѣчь о представителяхъ духовенства, наконецъ, прямыя заявленія противъ нѣкоторыхъ неотъемлемыхъ правъ духовенства во всякомъ случаѣ служатъ къ урону достоинства духовнаго сана, а не къ поднятію его. А въ нѣкоторыхъ

произведеніяхъ изъ духовнаго быта, какъ помнитъ читатель, духовенство съ наглою откровенностію ставится даже въ разрядъ міроѣдовъ, священникъ рисуется служителемъ алтаря, на которомъ нѣтъ для него Божества.

Мало бы было добраго, если бы литература сознательно или бессознательно уронила достоинство духовнаго сословія, если бы духовенство было опозорено, закидано грязью, церковь заброшена. Богъ вѣдаетъ: на мѣстѣ заброшенныхъ церквей не стояли ли бы трактиры да тюрьмы?! Но нужно надѣяться, что при большемъ изученіи духовнаго сословія литература будетъ въ состояніи представить и болѣе глубокое и вѣрное воспроизведеніе жизне-дѣятельности духовенства. Тогда уже въ художественныхъ произведеніяхъ будутъ немислимы аномаліи въ родѣ утвержденія, что человѣкъ, получившій среднее образованіе въ духовной школѣ, способенъ вѣрить, будто отъ вранья колоколъ дѣлается болѣе звонкимъ. Напротивъ, тогда сдѣлается яснѣе мысль, что „вранье“ на счетъ духовенства въ зѣачительной степени было вызвано желаніемъ литературныхъ звонарей произвести больше шума.

А. Поповъ.

КЪ ВОПРОСУ О ПЕССИМИЗМѢ.

IS LIVE WORTH LIVING? BY. WILLIAM HURRELL
MALLOCK.—1882 г.

(Жизнь стоитъ ли того, чтобы ее жить).

Быстрое распространеніе новой пессимистической философіи въ современномъ цивилизованномъ обществѣ, проникновеніе пессимистическихъ идей даже въ тѣ области, которыя кажется по существу своему противоположны пессимизму — именно въ область поэзіи, указывавшей доселѣ преимущественно высокіе, прекрасные идеалы жизни, въ область науки, открывающей предъ человѣкомъ болѣе широкіе, разнообразныя и привлекательныя виды въ мірѣ уже обратило на себя вниманіе серьезно мыслящихъ людей и вызвало не мало сочиненій для противодѣйствія этой болѣзни вѣка. Но пересматривая длинный реестръ этихъ сочиненій мы находимъ, что авторы ихъ стараются главнымъ образомъ показать несостоятельность принциповъ пессимизма, указать на вредныя слѣдствія осуществленія этихъ принциповъ въ жизни, что конечно дѣйствительно служить пробнымъ камнемъ для философской доктрины; но очень не многіе или очень мало обращаютъ вниманія на то основаніе, на которомъ стоитъ пессимизмъ или на ту почву, изъ которой онъ получаетъ для себя питательные соки. Думаютъ, что указать основаніе пессимизма въ характерѣ, жизни личности значитъ оскорбить личность и будто бы уклоняться отъ задачи и методы философіи, хотя въ

то же время признають, что система нашего мышленія очень часто представляет исторію нашего сердца (Фихте). Исключеніе изъ массы этихъ, яко бы безпристрастныхъ, но въ существѣ дѣла трусливыхъ или подчиняющихся модѣ, писателей составляетъ авторъ вышепоименованнаго сочиненія. Онъ прямо говоритъ намъ, что причина распространенія пессимизма заключается въ упадкѣ религіознаго чувства въ современномъ обществѣ, что вызвано распространеніемъ такъ называемыхъ позитивныхъ воззрѣній на жизнь, и со всею простотою основательнаго убѣжденія показываетъ намъ, что пессимизмъ есть практическій выводъ изъ философіи позитивизма, которая впрочемъ не можетъ назваться философіей, потому что основывается не на разумѣ, не на опытѣ истинномъ, а на чувствѣ личной симпатіи или антипатіи, и переполнена суевѣріями и противорѣчіями.

Конечно и о недостаткахъ позитивизма писалось не мало; даже въ русской литературѣ есть солидныя изслѣдованія: но книга Mallock' имѣетъ за собою преимущество сконцетрированнаго, но въ то же время популярнаго изложенія; мы представимъ содержаніе ея, между прочимъ и въ той мысли, что при существующихъ у насъ предубѣжденіяхъ, слово англичанина будетъ имѣть болѣе вѣсъ, чѣмъ сходное съ нимъ слово нашего соотечественника. Для болѣе ясной читателю мы разложимъ монологическія разсужденія автора на *вопросы* и *отвѣты* или *положенія* и *возраженія*.

Человѣчество, говоритъ Mallock, издавна искало въ религіи послѣдняго разъясненія тайнъ жизни, а въ мысли о волѣ, промыслѣ Бога находило утѣшеніе въ своихъ бѣдствіяхъ — нынѣ позитивизмъ смотритъ на религію, какъ на низшую ступень развитія человѣческаго сознанія. Онъ думаетъ, что современная наука не только можетъ, но и должна замѣнить ре-

лигію, а философія позитивизма есть послѣднее слово науки, обобщеніе ея результатовъ. Но замѣняетъ ли ученіе позитивизма ученіе религіи въ существенно важномъ для читателя вопросѣ, вопросѣ о цѣнности жизни? Позитивисты говорятъ намъ: существуетъ убѣжденіе будто цѣнность жизни падаетъ вмѣстѣ съ паденіемъ вѣры въ Бога, но это не справедливо. Изученіе прошлаго показываетъ намъ, что опасеніе подобнаго явленія не основательно. Религіозныя вѣрованія, на сколько они возвышаютъ цѣнность жизни, суть выраженія неразрушимаго чувства человѣческаго достоинства и самыя высокія цивилизаціи древности черпали свою силу въ интересахъ чисто человѣческихъ. Возьмите Грецію; или въ Римѣ много ли думалъ о будущей жизни цезарь?

Отв. — Этотъ аргументъ основанъ на мысли, что исторія повторяется. Но это положеніе справедливо только отчасти. Въ повторяющихся явленіяхъ жизни вмѣстѣ съ сходствомъ есть и различіе. Старость человѣка имѣетъ сходство съ дѣтствомъ, но она не то же, что дѣтство. Также и въ природѣ внѣшней повторяются времена года, но они не тождественны. И нынѣшніе невѣрующіе, позитивисты, вовсе не тѣ невѣрующіе, какихъ знала древность. Въ современномъ отрицаніи находится новый элементъ, невѣдомый древнему міру. Въ древнемъ мірѣ сверхестественное было нѣчто смутное, неопредѣленное; даже умъ Платона могъ почерпать его только въ самыхъ общихъ чертахъ. Но теперь, въ христіанствѣ эта смутная идея блага, — къ осуществленію и достиженію котораго по Платону стремится всякій человѣкъ, будучи не въ силахъ сказать, какъ это совершается, — получила свою опредѣленную форму. Въ христіанствѣ Богъ открывается какъ первая причина міра, какъ отецъ души человѣческой и въ то же время, какъ судья ея и кромѣ того Онъ ея покой, радость, желаніе. При свѣтѣ этого понятія и самъ человѣкъ сталъ существомъ болѣе высокимъ, чѣмъ прежде. Онъ

сынъ Того Всемогущаго, предъ Которымъ трепещетъ мѣръ видимый; мѣръ души человѣческой сталъ несравненно обширнѣе, чѣмъ глубина пространства и времени. Но вмѣстѣ съ этимъ сдѣлалось гораздо интенсивнѣе, опредѣленнѣе и чувство паденія человѣка. Отсюда когда въ наше время отрицаютъ сверхъестественное, Бога, то отрицаютъ Его такъ, какъ никогда не отрицали прежде, а гораздо рѣзче, такъ сказать, полнѣе. Напримѣръ — отрицаніе Лукреція конечно во многомъ походитъ на современное, но всмотримся въ дѣло поглубже и этого сходства не будетъ. Пусть онъ отрицаетъ современную ему теологію съ такою же силою, какъ нынѣшніе позитивисты отрицаютъ теологію, современную намъ; но теологія отрицаемая Лукреціемъ не то, что теологія христіанская. Это теологія дѣтская. Лукрецій не отрицаетъ Того, Кто объемлетъ и хранитъ все, потому что онъ не знаетъ Его, и когда онъ возстаетъ противъ безсмертія души, онъ отрицаетъ не то, что отрицаютъ теперь. Многія изъ вѣрованій, отрицаемыхъ современными позитивистами, суть именно тѣ вѣрованія, которыми болѣе или менѣе сознательно жили позитивисты древности.

Позитивисты говорятъ, что религіозныя надежды— это для насъ игра фантазіи, которая должна замѣниться трезвой дѣйствительностью, и что послѣдняя будетъ лучше, чѣмъ увлеченіе несуществующимъ. Какъ для взрослой дѣвушки куклы не замѣняютъ самой прозаической, но реальной любви, такъ и для современнаго человѣка реальное, т. е. земное, осуществимое благо выше чашеыхъ благъ небесныхъ. Мы въ этой жизни можемъ найти то, чего прежде люди искали въ другой. Это истина очевидная, но именно по своей-то очевидности она и казалась людямъ поверхностной.

Отв. Но сами же позитивисты говорятъ, что не только отдѣльный человѣкъ, но и весь земной мѣръ—

это атомъ во вселенной, ничтожество; какое же соотвѣтствіе между желаніемъ, стремленіемъ человѣка и его реальнымъ положеніемъ и можетъ ли эта ничтожная жизнь удовлетворять человѣка?

Позитивисты находятъ, что все религіи—это идеализмы, созданныя человѣкомъ. Они готовы допустить, что религія прежде имѣла большое вліяніе на человечество, приносила ему пользу; но они думаютъ, что въ будущемъ можно будетъ создать новые идеальныя построенія, которыя будутъ приносить такую же пользу какъ прежде религія, но только люди будутъ знать истинный смыслъ этихъ построеній и не станутъ смѣшивать ихъ съ фактами объективными.

Отв. Позитивизмъ уже дѣлалъ попытку подобнаго рода въ проэктѣ позитивной религіи Огюста Конта: но попытка эта оказалась крайне неудачной, смѣшной и произвела раздѣленіе въ самой школѣ позитивизма. Вообще въ данномъ случаѣ позитивисты забываютъ, что вліяніе идеализма религій обуславливалось тѣмъ, что люди принимали этотъ идеализмъ за фактъ самый реальный.

Тиндаль указываетъ на буддизмъ, какъ на мораль чисто человѣческую, не знающую даже бытія Бога.

Отв. Правда, буддизмъ широко распространенъ; почти половина человечества исповѣдуетъ его еще и нынѣ, и можно сказать, что это религія древняя, что она не знаетъ ни Бога, ни безсмертія; но своими успѣхами буддизмъ обязанъ тѣмъ доктринамъ, которыя западный позитивизмъ отвергаетъ, именно ученію о четырехъ тайнахъ бытія и ученію о душепреселеніи. Затѣмъ, буддизмъ существенно расходится съ позитивизмомъ во взглядѣ на жизнь. Для него жизнь есть зло и цѣль желаній буддизма уничтоженіе жизни.

Позитивисты говорятъ, что для современнаго человѣка жизнь есть вещь великая, сама по себѣ священная и полная глубокаго смысла.

Отв. Но на чемъ же у позитивиста основывается это убѣжденіе? Оказывается, что иногда оно основывается на преувеличенномъ мнѣніи о своемъ интеллектуальномъ и идеальномъ значеніи, когда напр. позитивистъ воображаетъ себя пророкомъ, благовѣстникомъ для людей, какъ напр. позитивистка Миссъ Мартино — но малѣйшее знаніе міра въ соединеніи съ безпристрастностью сужденія мгновенно разрушаетъ эту иллюзію. Чаше въ основѣ этого убѣжденія лежитъ вѣра въ жизнь. Но противъ этого можно сказать, что вѣра, какъ бы она ни была глубока, не можетъ служить для позитивиста достаточнымъ доказательствомъ истинности объекта вѣры. Вѣдь безчисленное множество людей доселѣ искренне вѣрили въ бытіе Бога: но это для позитивиста не доказательство бытія Бога; его философія не допускаетъ, чтобы чувство внутреннее было орудіемъ открытія. Кромѣ того всегда и даже въ ближайшія эпохи исторіи и у людей выдающихся можно встрѣтить горькія жалобы на жизнь, осужденіе жизни. Съ позитивизмской точки зрѣнія должно сказать, что жизнь фактически полна страданій, ограничена для индивидуума слишкомъ узкими предѣлами; да и для человѣчества она ограничена во времени сравнительно небольшимъ періодомъ, въ пространствѣ мѣстомъ, какое мы занимаемъ во вселенной, а еще болѣе она ограничена способностью нашей расы къ наслажденію.

Избранники человѣчества находили благо, счастье человѣка въ дѣятельности моральной, въ любви къ добру, въ стремленіи къ добру. Нынѣшніе позитивисты говорятъ намъ, что и у нихъ эта серьезная сторона жизни людей не подвергается никакому ущербу, что они не отворяютъ воротъ пороку, какъ обвиняютъ ихъ. Добро и у нихъ остается цѣлью усилій умнаго человѣка и получаетъ даже большую цѣну отъ того, что дѣлается безкорыстно. Гэксли прямо пишетъ, что цѣлью развитія и стремленій человѣка

должно быть моральное совершенство, въ которомъ достигается верховное благо человѣка.

Возр. — Но въ чемъ по мнѣнію позитивистовъ состоитъ моральное совершенство и верховное благо человѣка? Отвѣты, даваемые позитивистами, нельзя назвать удовлетворительными, потому что они слишкомъ общи, неопредѣленны. Соціологія позитивизма замѣнившая то, что прежде называлось иеикой, опредѣляетъ верховное благо какъ общее благо или какъ общую пользу. Но общее благо, общая польза отличны отъ того, что разумѣется людьми подъ названіемъ: верховное благо, или счастье. Общее благо, составляетъ только негативную сторону счастья человѣка, или гарантію этого счастья; а терминъ: полезное всегда предполагаетъ вопросъ — для чего оно полезно. Положимъ, что соціологія позитивизма поведетъ къ ассоціаціи труда, но эта ассоціація труда безъ яснаго сознанія цѣли труда не приведетъ къ созданію града Божія или счастья человѣка, потому что ассоціація возможна и у разбойниковъ. Общественный порядокъ даетъ крѣпость обществу, но самъ по себѣ еще не даетъ добродѣтели. Скажутъ, что какъ для счастья человѣка нужно единственно здоровье, такъ и для счастья человѣчества нужно единственно здоровье общественнаго организма, т. е. извѣстная доля богатства, свободы, и при этихъ условіяхъ жизнь человѣка и человѣчества будетъ моральна. Но эти слова для моральнаго слуха и чувства — абсурдъ. По мнѣнію позитивистовъ здоровый общественный организмъ достигаетъ высокой степени совершенства, обнаруживая, разрывая въ себѣ все богатство разнообразныхъ воззрѣній. То есть — скажемъ мы, здоровый, счастливый, моральный организмъ людскаго общества долженъ состоять изъ общинъ самыхъ разнообразныхъ. Слѣдовательно, тутъ будутъ и аскеты и сибариты, святые и педераты и будто такой организмъ составитъ то, что доселѣ мыслилось вдали исторіи — какъ градъ Божій или блаженство человѣчества!! Позитивисты скажутъ намъ, что по ихъ воз-

зрѣніямъ безнравственность индивидуума или массы членовъ общества наказывается тѣмъ, что чрезъ это нарушается здоровье общественнаго организма и такимъ образомъ здоровье общественнаго организма, общее благо можетъ служить достаточнымъ указателемъ для направленія дѣятельности человѣка или по прежнему руководствомъ, основаніемъ для морали. Но истинный законъ для моральной дѣятельности долженъ быть всегда ясенъ и могучъ; а можно ли это сказать про понятіе общей пользы, поставляемое какъ законъ морали? Напримѣръ — обольщеніе дѣвушки есть социальное зло; но предположимъ, что жертва согласна на свое паденіе, семейство не противится этому, пожалуй и все общество смотритъ на это снисходительно; спрашивается гдѣ же для строгаго позитивиста основаніе осудить этотъ фактъ; а между тѣмъ въ глазахъ моралиста въ послѣднемъ случаѣ зло-то и бываетъ особенно велико. Мы сказали, что основа нравственности должна обладать силой вліянія на людей; но можетъ ли понятіе объ общей пользѣ произвести ту кооперацію, чуждую эгоизма, какой ожидаютъ позитивисты? Позитивисты говорятъ — можетъ. Они ссылаются на пассивное чувство симпатіи и активное чувство любви, присущія всеѣмъ людямъ. Но позитивисты забываютъ о существованіи параллельнаго съ этими чувствами чувства себялюбія; а особенно они забываютъ о томъ, что самопожертвованіе проявляется въ людяхъ только въ исключительныхъ случаяхъ; рассчитывать на него всегда и вездѣ по опыту жизни нѣтъ никакаго основанія. По разсужденію большинства людей, по разсужденію, основанному иногда на фактахъ, на вычисленіи, общественное благо далеко не пропорціонально благу индивидуума, чтобы можно было обмѣнять одно на другое. Обыкновенно разсуждаютъ такъ, — что увеличитъ мое удовольствіе на миліонъ ливръ, то обществу будетъ стоить только половину льярда, или порусски: съ міру по нитки голому рубашка; — что же задумываться въ

выборъ между своимъ личнымъ и общественнымъ благомъ? Да стоитъ ли наконецъ жертвовать индивидуальнымъ благомъ благу общему, если понимать это благо какъ понимаютъ его позитивисты, т. е. какъ здоровье организма социальнаго? Всегда можно сказать, что если социальный организмъ въ своемъ здоровомъ состояніи не можетъ имѣть бѣльшаго удовольствія какъ пить, ѣсть и спать — то кто же будетъ съ радостью жертвовать собою для достиженія такой ничтожной цѣли? Понятно и естественно когда христіанинъ идетъ на смерть для торжества добра надъ зломъ; но едва ли кто въ здоровомъ умѣ пожертвуетъ собою для того, чтобы убѣдить людей предпочитать одно вино другому или по русскому устроить прогрессъ — съ сивухи на мадеру. Социальное счастье есть группа цифръ, дробь, неимѣющая значенія, если предъ нею не стоитъ цѣлое, единица. Правда счастье человѣка много зависитъ отъ счастья другихъ; но счастье общества ничтожно для индивидуума, если онъ напередъ не находитъ этого счастья въ себѣ. Напримѣръ сословная честь, частице еще, гордость офицеровъ своимъ полкомъ обусловливаются тѣмъ, что тутъ именно каждый индивидуумъ находитъ удовлетвореніе своимъ личнымъ склонностямъ. Вообще прежде, чѣмъ заботиться о счастьѣ общемъ нужно выяснить, что именно даетъ цѣнность жизни индивидуальной. Одно умноженіе численное не даетъ совершенства качественного, какъ размноженіе поддѣльныхъ денегъ не даетъ истиннаго богатства. Эллиотъ изображаетъ будущее блаженство человечества, приобретаемое чрезъ позитивизмъ, какъ вѣчный праздникъ, какъ стройный хоръ радости. Но у него не объясняется какого рода будетъ эта радость и что будетъ разыгрывать этотъ хоръ — піесы Бетховена, или Оффенбаха, пѣснь покаянія, или застольную, а въ этомъ-то и весь вопросъ для насъ.

Обратимся теперь къ практикѣ жизни и посмотримъ, даетъ ли дѣйствительность позитивизму право

на заявленныя имъ претензіи дать людямъ истину и счастье и не потеряютъ ли удовольствія жизни своей привлекательности для человѣка безъ тѣхъ свойствъ, какихъ лишасть ихъ позитивизмъ?

Напримѣръ — позитивисты находятъ, что цѣну жизни даетъ любовь.

Возр. — Но любовь имѣетъ разныя формы. Она можетъ возвышать человѣка до степени ангела, или унижать его до состоянія звѣря. Для того, чтобы любовь была дѣйствительно благомъ, отъ нея требуется прежде всего чистота — отсюда-то такъ и убійственно оскверненіе любви измѣной. Это пожалуй признають и позитивисты, но они по своему принципу не могутъ опредѣлить абсолютный типъ добра и такимъ образомъ сдѣлать его обязательнымъ. Разсуждая о любви, они необходимо разбирають ее какъ явленіе индивидуальное, обусловливаемое качествами, свойствами извѣстной личности и отсюда приходятъ къ тому ложному и вредному для морали заключенію, что наиболѣе привлекательное для индивидуума есть и наиболѣе возвышенное. Говоря короче — позитивизмъ въ теоріи ведетъ къ безпутству въ области чувства и фантазіи; примѣровъ этого много въ произведеніяхъ романистовъ позитивистовъ. Mallock пишетъ: „говорить и учить о высшей любви позитивизмъ не имѣетъ права. Вотъ именно слабый пунктъ въ положеніи моралистовъ позитивистовъ, ставящихъ любовь, какъ верховное благо жизни. — Они говорятъ, и говорятъ справедливо, что на любовь нужно смотрѣть какъ на сокровище жизни, а ихъ система совершенно уничтожаетъ тотъ источникъ, откуда это сокровище получаетъ свою цѣнность. Позитивизмъ не имѣетъ права дѣлать выбора между разными видами любви, а если онъ дѣлаетъ этотъ выборъ, то дѣйствуетъ тутъ по капризу, по личному предпочтенію. Безъ сомнѣнія позитивизмъ не смѣшиваетъ чистой любви съ другою; но онъ ставитъ ту и другую на равную но-

гу и тѣ изъ позитивистовъ, которые утверждаютъ, что любовь чистая для каждаго человѣка привлекательнѣе любви порочной, обнаруживаютъ въ себѣ наивное невѣденіе человѣческой природы. Да положимъ, что они глубоко убѣждены въ истинѣ своего мнѣнія— что полезнаго они могутъ извлечь изъ этого? Отсюда выходитъ только то, что у нихъ особый, личный вкусъ и человѣкъ несогласный съ ними увидитъ въ ихъ зрѣніи на любовь знакъ слабости, состояніе болѣзненное. Доказать справедливость этого вкуса, расположить другихъ раздѣлять его они не въ силахъ. Конечно они могутъ сурово, презрительно третировать несогласныхъ съ ними, но и тѣ съ своей стороны имѣютъ полное право отвѣчать имъ тѣмъ же и за отсутствіемъ общаго типа, признаваемаго той и другой стороной, эта борьба мнѣній можетъ идти безъ конца; сторонники любви чисто плотской будутъ даже въ болѣе выгодномъ положеніи: потому что здѣсь обѣ стороны допускаютъ удовольствіе любви, а достоинство воздержанія признается только одной стороной.

Иногда позитивисты, чувствуя теоретическую шаткость своего положенія и не желая разставаться съ дорогими идеалами человечества, отказаться отъ надежды счастья, прибѣгаютъ къ такой аргументаціи: --напримѣръ, профессоръ Гексли говоритъ, что наше наслажденіе жизнью не зависитъ отъ нашей теоріи о жизни, равно какъ наше зрѣніе не зависитъ отъ нашей теоріи зрѣнія или ощущеніе, жгучести инбиря не зависитъ отъ знанія нами его химическаго состава. Позитивизмъ, говорятъ другіе, хочетъ дать намъ радости естественныя, радости существующія въ природѣ.

Отв. Но, во первыхъ, положеніе профессора Гексли фактически не вѣрно. Наше зрѣніе есть именно заключеніе. Обыкновенно мы этого не замѣчаемъ, потому что это заключеніе дѣлается очень быстро; но въ затрудненіи это обнаруживается ясно. Что же ка-

сается до жгучести инбиря, то подобный примѣръ представляетъ очень мало аналогіи съ нашимъ моральнымъ сужденіемъ. Если же поставимъ вопросъ о пользѣ инбиря — то сужденіе будетъ необходимо. Затѣмъ: что такое радости природныя, естественныя, по отношенію къ нашему счастью? Наше величайшее счастье часто образуется изъ того, что по природѣ прискорбно для насъ и наше величайшее бѣдствіе почти всегда основано на удовольствіи, требуемомъ природою. По природѣ кажется, что счастье признакъ добра, по голосу нравственнаго чувства — добро есть признакъ счастья. Позитивизмъ хочетъ разрушить или парализовать эту способность оцѣнивать явленія съ моральной стороны — посмотримъ, что же останется намъ безъ этой способности. Для этого возьмемъ жизнь такъ, какъ она воспроизводится въ драматическомъ искусствѣ, на примѣръ, въ великихъ трагедіяхъ — Макбетъ, Гамлетъ, Антигона, Мѣра за мѣру и проч. Можно сказать безъ преувеличенія, что основанія, по которымъ мы считаемъ жизнь цѣнною, заключаются въ тѣхъ основаніяхъ, по которымъ мы находимъ извѣстную великую драму истинно великою. Мы найдемъ, что во всѣхъ этихъ великихъ произведеніяхъ высказывается моральное сужденіе о дѣйствіяхъ человека и что особенно важно для насъ — всѣ эти бессмертныя творенія предполагаютъ моральное чувство въ зрителѣ или читателѣ ихъ. Возьмемъ для примѣра Макбета. Въ чемъ заключается трагизмъ этой пьесы? Онъ заключается не въ томъ фактѣ, что Дунканъ убитъ, а въ томъ, что Макбетъ убійца. Тутъ чувство страсти и жалости вызываются въ насъ не внѣшнимъ и социальнымъ дѣйствіемъ этого акта, а его дѣйствіемъ внутреннимъ и личнымъ. Дунканъ послѣ жизни исполненной тревогъ и волненій можетъ спать мирно въ своей могилѣ и насъ волнуетъ не то, что Дунканъ уснулъ навѣки, а то что теперь Макбетъ не заснетъ никогда. Гибель династіи тутъ ничтожна въ сравненіи съ нравствен-

нымъ разрушеніемъ человѣческаго характера въ Макбетѣ. Также и въ Гамлетѣ. Здѣсь весь нашъ интересъ сосредоточивается на борьбѣ, какую ведетъ герой, чтобы стать въ согласіе съ тѣмъ типомъ внутренняго и личнаго добра, который не имѣетъ ничего общаго съ пользой другихъ и даже съ его собственнымъ внѣшнимъ земнымъ благополучіемъ. Въ своей борьбѣ Гамлетъ постоянно разрушаетъ счастье окружающихъ его и это еще увеличиваетъ эмоцію, производимую драмой. Мы нисколько не негодуемъ на виновника этого Гамлета, а наоборотъ мы стали бы негодовать на него, если бы онъ вмѣсто того, чтобы жертвовать общимъ благомъ въ пользу правъ совѣсти поступилъ наоборотъ. То же, но гораздо яснѣе, мы видимъ и въ Антигонѣ. Законъ, за который героиня готова умереть, не есть законъ человѣческой; онъ не можетъ видоизмѣняться соотвѣтственно нашимъ измѣнчивымъ вкусамъ и нуждамъ. Словомъ, во всѣхъ этихъ великихъ твореніяхъ основу ихъ величія составляетъ слѣдующая мысль.— Отношенія человѣка не ограничиваются его обязанностями къ его собратіямъ; онѣ основываются на другомъ пунктѣ, который выше, чѣмъ человѣчество и внѣ его и къ этой-то цѣли мы должны стремиться прежде всего, чтобы уже потомъ оттуда перейти къ нашимъ братьямъ людямъ. Мы не принадлежимъ себѣ, мы куплены цѣною. Наши тѣла—Христа Бога и въ нашей жизни радость и ужасъ зависятъ отъ чистоты, въ какой мы содержимъ эти тѣла, и отъ порока, который унижаетъ ихъ. Сознательно или нѣтъ, но только эти великія и глубокія вѣрованія служатъ основаніемъ для величайшаго искусства, какое когда либо знавалъ міръ. Но этого мало: сила высшихъ моральныхъ принциповъ оказывается даже въ цинизмѣ. Отличіе искусства циническаго отъ возвышеннаго заключается не въ томъ, что оно беретъ для себя другія предметы, а въ томъ, что оно уродуетъ предметы искусства истиннаго. Оно не мѣняетъ добро и зло ихъ ролями; нѣтъ оно удерживаетъ каждое изъ нихъ на

своемъ мѣстѣ, оно только издѣвается надъ первымъ. Цинизмъ этого искусства, не незнаніе добра, а отрицаніе добра. Бытіе добра раздражаетъ сторонниковъ этого искусства; они стараются всячески унижить добро, но тѣмъ не менѣе признають бытіе его. У Конгрева одно лицо говоритъ: „я также не захочу играть съ человѣкомъ, не обращающимъ вниманія на то, что у него дурная репутація, какъ вступить въ интимныя отношенія съ женщиной, для которой ничего не значитъ потеря ея чести“. Такъ вотъ въ чемъ секретъ цинизма: это правило составляетъ прямую противоположность извѣстнымъ словамъ Антигоны. Героиня старается согласовать свою жизнь съ неписаннымъ и вѣчнымъ закономъ Бога, а развратникъ находитъ удовольствіе въ томъ, чтобы нарушать этотъ законъ. Но для того и другаго бытіе этого закона существенно необходимо. Развратъ состоитъ не только въ удовлетвореніи своихъ пожеланій, онъ ищетъ себѣ удовольствія еще на счетъ чего-то инаго. Звѣри не развратничаютъ; къ нимъ не прилагають этого названія. Удовольствія развратника получаютъ свою особую остроту именно по чувству ихъ контраста добру. „Во всякомъ случаѣ я не добродѣтельна“ говоритъ извѣстная личность у Теофила Готье и герой романа любитъ ее, по крайней мѣрѣ отчасти, потому, что она не Мадонна. Нравственный элементъ даетъ себя чувствовать въ чудовищно распущенной литературѣ, напр. у Мирсіуса и въ оргіяхъ Тиберія на Капрерѣ, описанныхъ Петроніемъ. Этотъ нравственный элементъ есть какъ бы лучъ свѣта, падающій въ мрачную пещеру; находящіеся въ пещерѣ не видятъ его, но онъ позволяетъ имъ видѣть, чувствовать тьму. Этого-то сверхестественнаго элемента заставляетъ бушевать ихъ естественныя страсти и доводитъ ихъ до бѣшенства и безумія и тутъ-то удовольствія, какихъ начинаютъ искать эти люди, становятся привлекательнѣе уже не по своей интенсивности, а по своей гадости. Такимъ образомъ, рассматривая жизнь въ зеркало ис-

куства, мы ясно видимъ постоянное присутствіе въ ней элемента сверхестественнаго. Взойдемъ ли на небо или тамъ, опустимся ли въ адъ и тамъ равнымъ образомъ мы найдемъ его. И сверхестественное является въ глубинѣ всѣхъ человѣческихъ удовольствій. Одни борются за это сверхестественное право въ глубокомъ убѣжденіи, что найдутъ здѣсь полное удовлетвореніе; другія такъ или иначе возстаютъ противъ него. Такимъ образомъ вся жизнь получаетъ свой цвѣтъ и оттѣнки отъ сверхестественнаго и понятно, что съ разрушеніемъ послѣдняго для насъ долженъ измѣниться весь видъ жизни. Въ чѣмъ же будетъ состоять это измѣненіе? Обратимся опять къ искусству; предположимъ, что слушающіе выполненіе вышеупомянутыхъ великихъ твореній лишены моральнаго чувства; — не покажется ли имъ героизмъ Антигоны однимъ упорствомъ и изображеніе Макбета и Гамлета ничтожными разказами. Въ искусствѣ вся высота, весь блескъ и наибольшая часть интереса зависятъ отъ существованія нравственнаго чувства и безъ него невозможны. Причина этого очевидна. Естественныя удовольствія и бѣдствія жизни, воспроизводимыя единственно при помощи воображенія и памяти, сами по себѣ не имѣютъ ни достаточнаго разнообразія, ни достаточнаго величія; къ нимъ необходимо присоединить нѣчто выше. Искусство, сквозь которое не проходитъ нравственное чувство, походитъ на піаниста, у котораго на инструментѣ только одна октава. То же и еще болѣе можно сказать и о жизни. Жизнь безъ сверхестественнаго моральнаго элемента теряетъ тѣ же качества, что и искусство. Люди, устраняющіе моральный, сверхестественный элементъ, не вводятъ въ нее никакого новаго интереса, а уничтожаютъ много изъ того хорошаго, чѣмъ она обладала. Подавленіе нравственнаго чувства, положимъ, даже не произведетъ переворота въ намѣреніяхъ, планахъ людей, но оно отниметъ у нихъ ихъ значеніе, ихъ широту. Обширное поле удовольствій и скорбей будетъ представлять

одну равнину только окрашенную въ два различныхъ цвѣта. Нравственный элементъ даетъ этому полю обширное протяженіе; здѣсь трудится его невидимая, такъ сказать подземная сила, для того, чтобы произвести безконечное разнообразіе на его поверхности, и вотъ обширныя равнины перерѣзываются безднами, долинами, горныя вершины поднимаются къ небесамъ, таинственныя тѣни наполняютъ глубину, свѣжіе цвѣта и полутѣни скользятъ по отдѣльнымъ предметамъ равнинъ, туманы висятъ надъ пропастями, растительность развивается во всѣмъ разнообразіи и надъ всѣмъ господствуютъ бѣлоснѣжный образъ идеальной чистоты, освѣщающей все своими лучами. Но отнимите, уничтожьте нравственное чувство и все исчезнетъ. Горы падутъ, долины засыплются, уровень смерти сравняетъ все. Еще остаются два цвѣта на равнинѣ, но типы ихъ блѣднѣютъ, живость гибнетъ; полумракъ исчезаетъ изъ жизни, нравственный пейзажъ, восхищавшій насъ своимъ величіемъ и красотою, разрушается какъ неуловимый миражъ, глубина чувства, радость и скорбь, желаніе и отвращеніе не имѣютъ уже своей прежней силы и молчаніе замѣняетъ гармонію. Безъ сомнѣнія и довольно основательно намъ скажутъ, что у насъ и при всемъ этомъ должна остаться извѣстная радость, возникающая изъ одного факта, что мы живемъ, производимъ тѣлесныя отправленія, можемъ вызывать въ себѣ пожеланія и удовлетворять имъ: кто напимѣрь, скажутъ намъ, отнять у насъ наслажденіе красотою природы? Да вѣрно, всѣ эти сокровища и многія другія всегда останутся у насъ, но это только одна изъ сторонъ картины. Если жизнь всегда сохраняетъ въ себѣ эту радость природы, которую производитъ весна, то нѣтъ ли въ ней и такихъ естественныхъ скорбей, которые соотвѣтствуютъ зимѣ и если мы заключимся въ тѣсномъ кругу этихъ естественныхъ радостей, то цѣнность жизни не будетъ ли для насъ такъ же измѣнчива, преходяща какъ времена года? Затѣмъ у насъ являет-

ся другая мысль, — именно — вѣдь и та цѣнность, какая въ данномъ случаѣ остается за жизнью, весьма много и если не прямо, то косвенно зависитъ отъ религіи!! Жизнь видимая, жизнь мускуловъ и нервовъ, это выраженіе цвѣтущаго здоровья, по видимому имѣющее такъ мало отношенія къ вѣрованіямъ и теоріямъ, однако внутренне тѣсно связаны съ жизнью этихъ вѣрованій и теорій и тонкія вліянія послѣдней жизни проникаютъ первую во всѣхъ направленіяхъ. Нѣтъ ни одного ви́шняго впечатлѣнія, болѣе или менѣе сильно дѣйствующаго на насъ, которое бы не приносило намъ въ себѣ чего то высшаго, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности или нѣкотораго понятія о добрѣ и злѣ. Нѣтъ ни одного звука, цвѣта, картины въ природѣ, которыя бы не были проникнуты этимъ; потому-то впечатлѣнія природы и вызываютъ въ насъ столь необычайное и сложное чувство одушевленія. Итакъ, если не прямо, то косвенно отъ утраты религіи потерпитъ ущербъ и то наше удовольствіе, какое мы испытываемъ отъ одного факта жизни. Существованіе этого удовольствія не будетъ разрушено, но оно утратитъ свой вкусъ, свою сладость. Нельзя не удивляться поверхностности этой философіи, которая допускаетъ все, что можно сказать для разрушенія всякой нравственной обязанности, и въ то же время приглашаетъ насъ для разнообразія нашихъ удовольствій обращаться къ моральному различенію явленій. Напримѣръ, Патеръ говоритъ: „въ каждую минуту намъ доступны извѣстныя формы, гдѣ предъ нашими глазами раскрывается совершенство, таковы: переливы цвѣтовъ въ морѣ и на горахъ, извѣстныя формы страсти, внутренней жизни, интеллектуальной дѣятельности. Это — реальность, привлекающая насъ къ себѣ неудержимо, и такимъ образомъ, прибавляетъ онъ, когда все разрушается подъ нашими ногами, мы можемъ еще привязаться своимъ желаніемъ ко всякой лучшей страсти, ко всякой наукѣ, дающей намъ плоды, разширяющей нашъ умственный кругозоръ,

освобождающей нашъ духъ, а равнымъ образомъ ко всему, что шевелить наши чувства—къ рѣдкимъ цвѣтамъ, неизвѣстнымъ благовоніямъ, произведеніямъ искусства, наконецъ къ изображеніямъ существъ наиболѣе милыхъ“. Этотъ взглядъ позитивиста на прогрессъ культуры вызываетъ тѣ же возраженія и основывается на тѣхъ же заблужденіяхъ какъ и ученіе позитивистовъ о морали. Онъ не учитъ насъ дѣлать выборъ между удовольствіями по ихъ качеству доброду или дурному, позволять себѣ одни и отвергать другія; но въ то же время, дозволяя избирать удовольствія безразлично, онъ хочетъ, чтобы мы смотрѣли на нихъ какъ на разные и даже противоположныя. Въ вопросѣ о добрѣ и злѣ это не возможно. Мы должны избирать доброе, мы должны избѣгать злаго. Если же возможно смѣшивать добрыя удовольствія съ дурными, то и различать ихъ нельзя. Это ученіе культуры позитивной основывается на томъ наивномъ предположеніи, что свѣтъ и тьма это какъ бы вещи переносныя, что мы можемъ сохранять блестящими предметы взятыя съ дневнаго свѣта и, соединивши ихъ съ мрачными вещами тьмы, составить изъ нихъ магическую мозаику свѣта и мрака. Явно, что тутъ ничто не обѣщаетъ вознаградить насъ за ту утрату прелести и интереса жизни, какую производитъ подавленіе нравственнаго чувства. Величественное зданіе, созданное героями и святыми, не возстанетъ при помощи моральныхъ затѣй нынѣшнихъ денди.

Позитивисты говорятъ, что жизни даетъ моральное достоинство и высшую цѣнность любовь къ истинѣ, т. е. безкорыстное стремленіе отыскать истину, сколь бы непріятною она ни оказалась для нашего самолюбія, и самоотверженное распространеніе между людьми добытыхъ познаній.

Отв. Дѣйствительно радость истиннаго героизма должна проникать сердце того, кто можетъ говорить такъ; но только какъ примирить эту фразу съ тѣмъ

ученіемъ позитивизма, что моральное узнается по доставляемому имъ счастью, а здѣсь у нихъ предполагается, что истина, мораль могутъ быть отличны отъ счастья? Не кидаются ли тутъ позитивисты изъ стороны въ сторону? Далѣе, въ понятіе истины, какъ моральной цѣли человѣка, религіознаго элемента входитъ еще болѣе, чѣмъ въ понятіе счастья, о чемъ мы говорили выше, и когда мы устранимъ изъ опредѣленія этой истины элементы религіозные, то и весь смыслъ этой истины, какъ моральной цѣли исчезаетъ. О какой истинѣ здѣсь идетъ рѣчь у позитивизма? Вышеприведенная фраза позитивизма, что высоконравственный человѣкъ чувствуетъ себя призваннымъ служить истинѣ и только истинѣ, искать ее всячески и нашедши распространять — эта фраза слишкомъ обща. Положимъ мужъ убѣдился въ невѣрности своей жены; открытіе этой истины развѣ составить что либо священное для него, утѣшительное и если онъ разгласитъ этотъ фактъ между своими знакомыми — развѣ назовутъ это героизмомъ? Или, если сидѣлка при больномъ замѣтитъ, что онъ близокъ къ смерти и сообщитъ самому больному объ этомъ, а тотъ испугается и умретъ, то развѣ это будетъ вещью высоко моральною и похвальною? Очевидно позитивисты въ данномъ случаѣ имѣютъ въ виду не всякія истины, а истины общія, истины природы. И дѣйствительно, достичь этой истины значитъ стать въ сношеніе съ жизнью этого безконечнаго бытія, которое окружаетъ и поддерживаетъ насъ. Но этотъ характеръ истины зависитъ не отъ самой истины, а отъ ея предмета. Истина священна для насъ потому, что сама природа священна, но природа нисколько не получаетъ своего освященія отъ истины. И священная истина совершенно отлична отъ истины позитивизма. Спросимъ: на чемъ, на какихъ принципахъ основывается позитивизмъ, когда ставитъ стремленіе къ истинѣ какъ моральный идеалъ человѣка? Моральные эпитеты — героическій, священный, какіе позитивисты прилага-

ютъ къ природѣ, имѣютъ значеніе только въ томъ случаѣ, когда прилагаются къ существамъ сознательнымъ, а съ точки зрѣнія позитивной критики во вселенной нигдѣ нѣтъ сознанія, кромѣ земли. Какимъ же образомъ позитивисты могутъ переносить на природу вообще тѣ качества, которыя, на сколько извѣстно, свойственны исключительно природѣ человѣка? Они могутъ сдѣлать это двумя способами — актомъ фантазіи, или актомъ вѣры; но ни тотъ, ни другой способъ ихъ доктриной не допускается. Для позитивиста, строго держащагося своихъ принциповъ, сказать, что природа священна, будетъ все равно, что сказать — луна говоритъ по французски. Но положимъ, мы не будемъ требовать у позитивизма строгой послѣдовательности; пусть при помощи нѣкотораго смѣшенія фантазіи съ мистицизмомъ они образуютъ изъ природы какой-то іероглифъ — спрашивается, какую мораль они найдутъ въ природѣ? Природа такая, какую видитъ наблюдательность позитивиста, не имѣетъ права ни на наше почтеніе, ни на наше одобреніе. Если только приложимъ къ ней какое нибудь нравственное правило, она, какъ говорить Ст. Милль, сейчасъ явится предъ нами чудовищемъ, потому что нѣтъ ни одного изъ самыхъ страшныхъ для человѣка преступленій, котораго бы природа не совершала каждый день и въ обширныхъ размѣрахъ. Природа вовсе не знаетъ чувства справедливости и состраданія. Безъ сомнѣнія она постоянно кажется нѣжной, любящей, благодѣтельной, но хорошо знающіе ее могутъ сказать: *miserii quibus intentata nites*. Она нынѣ оскуаетъ страну всѣми благами изобилія, а завтра землетрясеніе разрушаетъ все. Она — то скупа, то расточительна; въ одномъ мѣстѣ она представляетъ высокую чистоту, въ другомъ возмутительный развратъ и, если судить ее по какому нибудь моральному типу, то ея удивительныя способности, силы только увеличатъ ужасъ ея преступленій и ея добродѣтели окажутся оскверненными грязью порока. Теистъ конечно смо-

трить на истину, какъ на нѣчто священное; но это его вѣрованіе утверждается на томъ основаніи, которое позитивисты радикально отвергли. Онъ почитаетъ истину потому, что она ведетъ его къ Богу, къ Богу, по подобію котораго онъ созданъ. Разсматривая природу въ ней самой, онъ находитъ ее жестокой, злой, неумолимой, но за природою онъ открываетъ нѣкоторую силу болѣе обширную, силу Того, Кто намъ отецъ, и въ Которомъ таинственно примиряются всѣ противорѣчія. Для него природа происходитъ отъ Бога, но она не Богъ и хотя бы Богъ умертвилъ меня, восклицаетъ онъ, я все таки буду имѣть упованіе на него. Такое упованіе можетъ внушить намъ только вѣра. Ни наблюденіе, ни опытъ, ни методы позитивизма не могутъ дать намъ его. Безъ вѣры опытъ и наблюденіе представляютъ даже намъ подобное упованіе вещь невозможною. Такимъ образомъ вѣра въ священный характеръ природы или въ достоинство истины *per se* предполагаетъ актъ религіозный, актъ отрицанія позитивистической формулы. Это вѣрованіе основывается на томъ убѣжденіи, какое высказывается въ первыхъ словахъ христіанскаго символа: Вѣрую въ Бога Отца, всемогущаго, и безъ религіи, безъ вѣры въ Бога этотъ культъ истины природы, который проповѣдуютъ позитивисты есть не болѣе, какъ самый смѣшной фетишизмъ. Напримѣръ, Тиндаль пишетъ: „Кантъ говоритъ, что двѣ вещи наполняютъ его сердце страхомъ — это звѣздныя небеса и чувство нравственной отвѣтственности человѣка. Въ часы энергіи, силы и здоровья, когда дѣятельность на время останабливается и является на ея мѣсто размышленіе, ученый изслѣдователь природы то же чувствуетъ себя погруженнымъ въ этотъ страхъ. Тутъ онъ выходитъ изъ непосредственнаго, охватывающаго его соприкосновеніе съ мелочами земли и вступаетъ въ общеніе съ тою силой, которая будучи недоступна его пониманію, его анализу въ то же время даетъ его бытію всю его жизненность и полноту. Въ этомъ случаѣ, говорить

Тиндаль, мы рационально убеждаемся въ бытіи того факта причастія божеству, въ чемъ произвольно отъказывается природѣ теизмъ“. Но разберемъ эти слова современнаго ученаго. Онъ говоритъ намъ, что знаніе природы ставитъ его въ общеніе съ природою, освобождаетъ его отъ земныхъ мелочей и даетъ его существу способность входить въ общеніе съ чѣмъ-то высшимъ. Но что такое это общеніе? Это слово совсѣмъ не имѣетъ смысла, если прилагается къ существамъ не имѣющимъ сознанія. Не можетъ быть взаимнаго общенія между двумя предметами матеріальными, а равно между живымъ человѣкомъ и неодушевленнымъ тѣломъ. Напримѣръ, Тиндаль не можетъ вступить въ общеніе съ мертвой канарейкой. Взаимное общеніе предполагаетъ бытіе на той и другой сторонѣ чего-то общаго. Но что общаго между Тиндалемъ и звѣзднымъ небомъ, или между нимъ и тою силой, которая выражается въ звѣздномъ небѣ? Онъ самъ прямо говоритъ намъ, что онъ не только не знаетъ, что есть общаго между ними, но что онъ даже не смѣетъ сказать, чтобы тутъ было что либо общее. Все его знаніе о силѣ, о которой идетъ рѣчь, ограничивается знаніемъ того, что эта сила громадна и однообразна; но пусть онъ обратитъ вниманіе на эти качества силы, обнаруживающейся въ небесахъ, и онъ увидитъ, что эти качества вмѣсто того, чтобы привлекать его къ общенію, къ единенію съ небесами, скорѣе же вызываютъ сознаніе отличія, разности между ними и человѣкомъ. Правда въ нѣкоторомъ смыслѣ мы стоимъ въ связи съ этою силой, потому что она есть часть совокупности вещей, а все существующее нѣкоторымъ образомъ въ связи другъ съ другомъ. Но эта связь, это общеніе не имѣютъ ничего спеціальнаго, особеннаго. Бытіе этой силы, управляющей небесами есть фактъ общій для всѣхъ людей, независимо отъ того думаютъ они или нѣтъ.

Правда изучая природу мы можемъ чувствовать ее живѣе, но отъ этого наша связь съ природой ни-

когда не будетъ интимнѣе, а тѣмъ болѣе отсюда никогда не возникнетъ взаимообщенія, дружбы съ природою. Будучи позитивистомъ, говорить объ общеніи, о дружбѣ съ природою такъ же разумно, какъ говорить объ общеніи, о дружбѣ съ паровой машиной; потому что законы природы сводятся для него къ законамъ механизма. Ночью звѣздныя небеса открываютъ намъ величественное зрѣлище, но по принципамъ позитивизма человѣкъ, который смотритъ на эти небеса, нисколько не будетъ возвышеннѣе отъ этого; потому что въ этой панорамѣ вселенной позитивистъ не найдетъ ничего, чтобы могло служить ему образцомъ. Позитивистъ можетъ найти въ природѣ во первыхъ силу, во вторыхъ то, что эта сила повинуется законамъ. Но сила открывающаяся, напримѣръ, въ звѣздахъ громадна, а сила человѣка мала и созерцающій звѣзды опредѣляется самъ собою, тогда какъ въ звѣздахъ нѣтъ ничего подобнаго. Правда звѣздныя небеса,—эти безконечныя и блестящія міры, вызываютъ въ насъ чувство благоговѣйнаго страха, чувство стоящее въ нѣкоторомъ отношеніи съ глубиною нашего моральнаго существа; но по принципамъ позитивистовъ—это только одно впечатлѣніе и ничего болѣе. Этому чувству, по ихъ мнѣнію, не соотвѣтствуетъ никакой объективный фактъ;—это иллюзія, патетическій обманъ. Сказать, что небеса и ихъ звѣзды возвѣщаютъ намъ нѣчто великое, святое, все равно что сказать — что Брайтонская гавань, разсматриваемая ночью съ моря, есть вереница звѣздъ спустившихся съ небесъ на край горизонта. Такимъ образомъ любовь къ истинѣ, изученіе природы не могутъ поставить позитивиста въ ближайшее, внутреннее общеніе съ какою нибудь болѣе обширной силой; а даже наоборотъ здѣсь то особенно и должна открыться позитивисту невозможность этого общенія; если же позитивисты находятъ въ природѣ нѣчто возвышающее, освящающее, то въ этомъ случаѣ у нихъ безсознательно высказывается тотъ элементъ человѣческой жизни, который

они хотѣли бы всячески изгнать, истребить, т. е. чувство религиозное.

Общіе выводы Маллока таковы:—Христіане послѣдовательны, когда вѣрою признають, что въ будущемъ имъ откроются величайшія, неописуемая блага. Позитивисты отвергають вѣру и самое бытіе горнее, но въ то же время заставляють насъ вѣрить гораздо болѣе, чѣмъ христіане; они хотять, чтобы мы фантазировали вопреки всякой дѣйствительности и эти фантазіи ставили руководствомъ своей жизни. Именно они требуютъ, чтобы мы съ энтузіазмомъ увлекались челоуѣчествомъ будущаго, жертвовали собою для его блага.—Но знаютъ ли они, каково будетъ ихъ будущее челоуѣчество? Оптимистическія грезы позитивистовъ въ данномъ случаѣ превосходятъ мечтанія среднихъ вѣковъ. Позитивисты разсчитываютъ для осуществленія своихъ плановъ на двѣ великія силы—воображеніе и безкорыстное увлеченіе. Но уже если вѣра въ реальныя будущія блага, по ихъ мнѣнію, мало способствовала прогрессу добра, то чего ожидать отъ игры, воображенія и воображенія сознаваемого какъ отличное отъ реальности. Притомъ въ фантазіи позитивистовъ всѣ требованія людской реальной природы поставлены наоборотъ.

Позитивисты мечтають, что благодаря ихъ ученію нѣкогда наступитъ такое время, что всякій челоуѣкъ станетъ отказываться отъ своего блага для блага другаго и будетъ дѣлать это вполне безкорыстно и даже безъ тѣхъ основаній, какія даютъ смысл самоотреченію христіанскому. Но нужно немного подумать надъ этой гипотезой и сравнить ее съ чувствами и стремленіями даже совершеннаго челоуѣка, чтобы видѣть всю ея нелѣпость. Предположимъ, что каждый челоуѣкъ будетъ жертвовать своимъ благомъ для блага другаго челоуѣка согласно съ принципами позитивизма, т. е. не имѣя въ виду опредѣленнаго моральнаго и обязательнаго для всѣхъ идеала и даже будучи не въ состояніи съ полною увѣренностью ска-

затѣ, принесетъ ли его самопожертвованіе какую нибудь пользу, потому что для позитивиста должно быть закрыто будущее; — что же представитъ намъ въ цѣломъ картина этой самоотверженной жизни человѣчества? Маллокъ пишетъ: — въ этомъ случаѣ кандидатъ, потерпѣвшій пораженіе на выборахъ, долженъ будетъ ли овать побѣдѣ своего соперника; наслѣдникъ, читая завѣщаніе своего родственника, будетъ считать для себя честью, что онъ вычеркнутъ въ этомъ завѣщаніи въ пользу другихъ; здѣсь люди съ удовольствіемъ будутъ замѣчать себя въ смѣшномъ положеніи изъ-за того, что это доставитъ удовольствіе другимъ. Однимъ словомъ прогрессъ человѣчества тутъ сдѣлается фактически какой-то скачкой ословъ, гдѣ истинными побѣдителями будутъ считаться тѣ, кто всего дальше отъ цѣли. Позитивисты въ оправданіе своей гипотезы о безкорыстномъ служеніи людей другъ другу ссылаются на примѣръ развитія скупости. Сначала, говорятъ они, люди увлекаются золотомъ, какъ средствомъ для наслажденія, а потомъ начинаютъ любить золото уже единственно какъ золото. Такъ точно и въ области взаимныхъ отношеній сначала люди жертвуютъ собою для личныхъ выгодъ, потомъ будутъ отказываться отъ своего эгоизма безъ всякихъ личныхъ корыстныхъ побужденій. Но, мы скажемъ, едва ли кто либо сталъ бы любить золото, если бы съ обладаніемъ золотомъ не соединялась возможность пріобрѣсть себѣ личное удовольствіе; позитивисты же требуютъ самоотверженія, исключающаго всякое благо личности. По точному смыслу ихъ словъ должно быть — все для будущаго и ничего для себя. Милль думаетъ, что умирающій, самоотверженный герой позитивизма можетъ утѣшиться своимъ представленіемъ о благѣ, о полезности его дѣятельности, а и всякая вѣра, надежда, всякое утѣшеніе религіозное дѣйствуютъ на насъ всегда въ формѣ нашихъ представленій — но это софизмъ; потому что иное дѣло представленіе, сознаваемое какъ мечта, иное дѣло представленіе, проникнутое

убѣжденіемъ въ его осуществимости или даже въ его реальности. Позитивисты думаютъ, что въ ихъ ученіи въ этомъ случаѣ выражается истинный духъ и характеръ современной эпохи; но на самомъ дѣлѣ проповѣдуемое ими ученіе въ данномъ случаѣ составляетъ полное противорѣчіе современному положенію дѣлъ. Они хотятъ опираться исключительно на факты, на опытъ, но ни одинъ шарлатанъ не рассчитывалъ столько на легковѣріе людей, какъ они въ своихъ утопіяхъ будущаго.

Кажется мы всего лучше оцѣнимъ эту систему, когда обратимъ вниманіе на то, какіе мыслители разрабатывали ее. Эти люди получали первоначальное воспитаніе религіозное. По видимому составляетъ исключеніе Милль. Но это не вѣрно. Если онъ и не былъ воспитанъ въ религіи непосредственно, за то онъ съ самаго дѣтства находился подъ тѣми вліяніями, какія существуютъ только въ странахъ религіозныхъ. Онъ дышалъ атмосферой, если не христіанства, какъ говоритъ Гексли, то пуританства. Къ тому же и самъ Милль говоритъ о себѣ:—я одинъ изъ рѣдкихъ примѣровъ тѣхъ людей, которые никогда не отвергали и никогда не имѣли никакого вѣрованія. Въ темпераментѣ этихъ людей мы встрѣчаемъ пылъ и достоинство, но рѣдко сильныя страсти. Воспитаніе ихъ почти не научало ихъ знать то, что обыкновенно называютъ свѣтомъ, но впрочемъ ихъ разумъ былъ дѣятеленъ; достигши зрѣлыхъ лѣтъ, они отвергли ту религію, которая доселѣ давала отгѣнокъ ихъ мыслямъ. И вотъ, что вышло отсюда — религія умирая въ нихъ оставила въ нихъ множество моральныхъ эмоцій безъ объекта, и въ безпорядкѣ этихъ моральныхъ эмоцій они не нашли ничего, чтобы могло руководить энергіей ихъ духа. Они стали моральными Донъ Кихотами, ищущими своей Дульцинеи и не смогли найти ничего лучшаго, какъ счастье и прогрессъ того человѣчества, которое ихъ воображеніе одѣло въ самые радужные цвѣта. Благодаря силѣ своего разума, спо-

ей дѣятельности, литературной культурѣ, они, наконецъ, приобрѣли нѣкоторое познаніе міра, но и тутъ у нихъ было очень много фиктивного. Они повѣрили, что въ своей тѣсной жизни, въ главныхъ предметахъ своего честолюбія они найдутъ выраженіе всеобщихъ элементовъ жизни и человѣческаго характера. Они надѣялись, что предметъ, сформировавшійся подъ ихъ личными впечатлѣніями, будетъ вызывать и въ другихъ людяхъ подобныя же впечатлѣнія, что онъ даже будетъ въ силахъ произвести полный переворотъ въ темпераментѣ послѣднихъ, тогда какъ онъ даже въ ихъ собственной жизни былъ только знакомъ, символомъ происшедшаго въ нихъ переворота. Большая часть позитивистовъ, толкующихъ о морали по крайней мѣрѣ въ Англіи, люди такого прекраснаго характера, у нихъ такіе благородные и возвышенные взгляды, что становится тяжело обвинять ихъ въ томъ незнаніи, которое случилось не по ихъ винѣ, а дѣлаетъ ихъ положеніе смѣшнымъ. Но не сдѣлать этого обвиненія нельзя; потому что иначе нельзя будетъ правильно оцѣнить ихъ систему. Можетъ быть скажутъ, что ихъ наивное простосердечіе, ихъ незнаніе дурныхъ качествъ людей даже говорить въ пользу нихъ, какъ проповѣдниковъ морали; но это не справедливо.

Моралистъ религіозный можетъ учить міръ даже когда онъ и не знаетъ его путей, его страстей; потому что цѣль его ученія отвлечь людей отъ міра. Но моралисты позитивизма преслѣдуютъ цѣль совершенно противоположную — именно удержать людей въ мірѣ. Они учатъ людей не презирать жизнь, а обожать ее. Такимъ образомъ эти два рода моралистовъ находятся въ положеніи діаметрально противоположномъ. Говорящій во имя Бога смотритъ на землю, какъ на иллюзію, а на небо, какъ на реальность; позитивистъ же видитъ въ землѣ реальность, а въ небѣ иллюзію. Первый въ своемъ уединеніи изучаетъ тотъ міръ, который считаетъ реальнымъ, и дѣлаетъ

это тѣмъ лучше, чѣмъ меньше другой міръ развлекаетъ его. Позитивистъ то же, на манеръ религіознаго моралиста, пренебрегаетъ тѣмъ, что считаетъ за иллюзію, но онъ не подражаетъ послѣднему въ томъ, чтобы изучать кажущееся ему реальностью. Отсюда выходитъ, что міръ, въ которомъ живетъ и къ которому прилагаетъ свою систему моралистъ-позитивистъ — этотъ міръ его собственное созданіе; кровь не вращается въ жилахъ обитателей его и сами они не что иное какъ *idola specus*. Это ученіе позитивизма есть только искаженное воспроизведеніе того, что позитивисты хотятъ устранить и замѣнить чѣмъ то инымъ. Ихъ система съ своей структурой quasi-религіозной, своими мечтательными надеждами, невозможными энтузіазмами, съ своимъ стремленіемъ придать болѣе широты жизни частной и поколѣнію современному — все это сразу рунится какъ карточный домикъ. Мы остаемся въ прежней же частной, и общественной жизни; безъ сомнѣнія эта жизнь расширяется до нѣкоторой степени симпатіей, но только до извѣстной степени въ предѣлахъ нашего опыта и позитивистъ напрасно старается расширить эти границы, потому что подобное стараніе его есть попытка на невозможное и на самомъ дѣлѣ онъ только суживаетъ эти границы. Мы остаемся съ прежнею же жизнью видоизмѣненной только въ томъ смыслѣ, что ей не придано ничего новаго, а отнято у ней очень много, потому что чрезъ позитивизмъ жизнь теряетъ все, что даетъ ей особенную нѣжность, изящество какъ въ радости, такъ и въ горести. Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія позитивизмъ можетъ открыть, если не завершить нѣкотораго рода замѣчательный прогрессъ; но этотъ прогрессъ будетъ состоять въ томъ, что благодаря позитивизму жизнь постепенно болѣе и болѣе будетъ лишаться религіознаго элемента, у ней незамѣтно отнимутся всѣ элементы теизма и мало по малу разрушится вся нравственная цивилизація. Въ движеніи такого прогресса не только исчезнетъ изъ

человѣческаго сознанія все то, о чемъ я говорилъ выше, т. е. всякая способность утонченнѣе чувствовать радость и скорбь, но исчезнетъ и то своеобразное, смутное, но глубокое чувство, чувство присущаго нашей природѣ достоинства, благородства, которое мы можемъ потерять только по своей винѣ. Это то чувство, которое нынѣ опьяняетъ насъ нашими успѣхами, поддерживаешь въ превратностяхъ судьбы, видится болѣе или менѣе ясно въ нашихъ манерахъ, въ нашей интимной жизни, даже въ выраженіи нашей фізіономіи, словомъ то чувство, благодаря которому жизнь наша по самому существу своему, а не вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, заслуживаетъ того, чтобы жить. Это чувство исчезнетъ и уступитъ мѣсто другому чувству, противоположному. Тутъ люди найдутъ, что если жизнь имѣетъ цѣнность, то единственно случайно, и не существенно, потому что тогда все будетъ зависѣть отъ осуществленія случайныхъ наслажденій, какія каждый можетъ найти въ ней; все сдѣлается или положительнымъ количествомъ, но измѣнчивымъ какъ фортуна, или количествомъ чисто отрицательнымъ, какъ бѣдность — и внѣ этихъ перемѣнъ жизнь не будетъ имѣть никакой внутренней цѣнности. Мы не можемъ вполнѣ ясно представить подобнаго положенія вещей, но мы можемъ по крайней мѣрѣ составить себѣ идею о томъ, что будетъ. Положимъ не правы горячіе, что это будетъ состояніе дикаго свосволія, возмутительнаго разврата. Несомнѣнно, что тогда постоянно и открыто будутъ совершаться тѣ преступленія, на которыя мы смотримъ какъ на самыя отвратительныя, тутъ не будетъ чувства стыда; но страсть, разумѣю главную, сохранить свои нормальные формы. Анаѳема не будетъ поражать порока, но впрочемъ вѣроятно, что неистовство плотской похоти сдѣлается менѣе живо, чѣмъ это бываетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ нынѣ. Положеніе міра людей будетъ представлять тогда болѣе скорби, скуки, чѣмъ разврата. Тогда наступитъ то положеніе

вещей, какой изобразилъ Попъ въ Дункіадѣ, описывая смѣну жизни хаосомъ. Между прочимъ здѣсь пишется слѣдующее:

Наступаетъ первичная ночь, древній хаосъ,
 При видѣ его исчезаютъ золотыя облака фантазій,
 Темнѣють цвѣта радуги и т. д.
 Гибнетъ сначала одно искусство, затѣмъ другое и
 ночь вездѣ.
 Истина улѣтаетъ и скрывается въ свою древнюю
 пещеру,
 Наука казуистовъ громоздитъ себѣ на чело цѣлыя
 горы.
 Философія, достигавшая почти небесъ, склоняется
 въ изнеможеніи;
 Она занимается второстепенными причинами — и
 ютъ ее уже нѣтъ.
 Физика призываетъ себѣ на помощь метафизику, —
 А метафизика требуетъ содѣйствія оцущеній.
 Тайна обращается къ знаніямъ математическимъ,
 Но напрасно. Она смотритъ, у ней кружится голова.
 Она сходитъ съ ума, умираетъ.
 Религія краснѣя закрываетъ свое священное пламя
 И нравственность въ безсознаніи испускаетъ свой
 послѣдній вздохъ.
 Увы! возстановилась власть твоя, страшный хаосъ!
 Твоя рука, царь анархіи, опустила занавѣсъ,
 И всеобщая тьма поглотила все.

Извѣстный Джонсонъ сказалъ, что въ англійской поэзіи нѣтъ стиховъ болѣе величественныхъ. Если бы онъ читалъ эти стихи въ наше время, когда начинается осуществленіе ихъ пророчество, онъ обратилъ бы вниманіе не на одинъ только слогъ ихъ.

Ратуя противъ пессимизма—этого порожденія болѣзненнаго ума и чувства, позитивизмъ предлагаетъ страждущимъ не что иное какъ моральный хлороформъ, т. е. вмѣсто изцѣленія болѣзни онъ ставитъ больныхъ только въ невозможность чувствовать болѣзненные симптомы. Борцы позитивизма въ области морали,

походятъ на солдатъ, которые хотя стоятъ въ строю, но у нихъ подъ мундиромъ смертельная рана.

Иные находятъ очень величественнымъ видъ этихъ умовъ твердыхъ въ своемъ невѣрїи, — но на дѣлѣ выходитъ со всѣмъ наоборотъ. Постараемся проникнуть во внутреннее настроеніе этихъ людей, хотя это очень трудно и посмотримъ: каково истинное положеніе ихъ, каковы первые плоды философіи, какъ говорятъ, просвѣщеннаго будущаго. Прежде всего припомнимъ себѣ, что это были за люди, когда они были христіанами и мы отчетливѣе представимъ себѣ то, что такое они теперь. Это были люди твердо вѣровавшіе въ великую важность жизни, считавшіе безцѣннымъ даромъ наслаждаться жизнью, не смотря на всѣ временныя невзгоды. У нихъ была извѣстная норма, извѣстное правило для поведенія, — они вѣрили въ истинную цѣль ихъ бытія, въ жизнь высшую чѣмъ все, что только можетъ представить себѣ воображеніе; для укрѣпленія себя въ борьбѣ со зломъ у нихъ былъ страхъ гибели и наконецъ въ ихъ сознаніи былъ Богъ всегда готовый помочь имъ, услышать ихъ, помиловать ихъ. И однакоже, даже и тогда, эгоизмъ нападалъ на самыхъ благородныхъ и утомленіе на самыхъ рѣшительныхъ. Всѣмъ извѣстно, какъ жестока была эта борьба; сила искушеній и соблазновъ въ этой борьбѣ сдѣлалась даже поговоркой; но борцы были бодры духомъ. Они не думали рѣшать вопроса о добрѣ и злѣ отрицаніемъ различія между тѣмъ и другимъ, они справедливо считали дьявольскимъ то соображеніе, что согрѣшая навѣрно не умремъ. Гдѣ же теперь такіе люди, которые боролись бы съ тѣми же самыми искушеніями, когда уже ни адъ не страшитъ ихъ, ни небо не привлекаетъ ихъ и даже нѣтъ у нихъ Бога помощника, тогда какъ всѣ аргументы, приписываемые нѣкогда отцу лжи возникаютъ предъ ними со всѣхъ сторонъ и даже являются имъ въ видѣ универсальныхъ, великихъ истинъ? Иногда мы видимъ странное явленіе, т. е. теперь у людей

иногда нравственная энергія переживаетъ разрушеніе всѣхъ тѣхъ силъ, изъ которыхъ она вытекала и которые ее поддерживали, такъ что часто даже не замѣтно и слѣда ея ослабленія въ практикѣ. Но надобно сказать, что все это справедливо обыкновенно только по отношенію къ людямъ уже старымъ, у которыхъ сильны добродѣтельные навыки и которыхъ лѣта, положеніе, обстоятельства ставятъ въ безопасность отъ сильныхъ искушеній, а чтобы видѣть полныя результаты позитивизма нужно обратиться къ людямъ болѣе молодымъ, только еще слагающимся подъ вліяніемъ этой доктрины, къ людямъ, которымъ еще нужно составить себѣ карьеру и для которыхъ искушенія еще сильны. Быть можетъ и у нихъ мы найдемъ живое чувство добродѣтели и желаніе дѣйствовать добродѣтельно; но позитивный складъ мысли производитъ тутъ иныя послѣдствія. Позитивисты скажутъ намъ, что у нихъ есть, или остается все необходимое для моральной жизни.—Но правда ли это? Конечно, у нихъ остается совѣсть, это сверхестественное нравственное сужденіе. Правда, она не та, что у другихъ, или не та, что была у нихъ прежде, но она не разрушается окончательно, а по мнѣнію позитивистовъ у нихъ совѣсть измѣнилась только въ томъ, что теперь она утверждается на фактѣ, а не на суевѣріи. Милль говоритъ намъ, что узнавши составъ облаковъ, онъ тѣмъ не менѣе не пересталъ удивляться имъ по прежнему; отсюда я заключилъ, продолжаетъ онъ, что мнѣ и впредь нечего бояться анализа.—Именно такъ и рассуждаютъ позитивисты о совѣсти,—но однако трудно вообразить себѣ заблужденіе болѣе легкомысленное. Безъ сомнѣнія, совѣсть можетъ нѣкоторое время существовать и при этомъ моральномъ разложеніи, можетъ—дѣлать намъ упреки и давать свое одобреніе: но этого недостаточно. Совѣсть имѣетъ практическое значеніе не столько потому, что она говоритъ намъ то-то и то-то; сколько потому, что мы вѣримъ въ ея авторитетный голосъ,

и когда подрывается этотъ авторитетъ, то всё внушенія совѣсти производятъ только скуку, надоѣдаютъ, а не исправляютъ. Какой же авторитетъ можетъ имѣть голосъ совѣсти въ мнѣніи позитивиста? Авторитетъ совѣсти всегда выражался въ видѣ угрозы или одобренія; но угроза совѣсти, у позитивистовъ, сводится къ страшнымъ словамъ, которые непосредственнаго воздѣйствія не произведутъ: что же касается до ея одобренія, то конечно этимъ совѣсть можетъ возбудить въ позитивистѣ добродѣтельные желанія, но едва ли она сообщитъ этимъ желаніямъ столько силы, чтобы онѣ были въ состояніи противодѣйствовать злымъ наклонностямъ. Чѣмъ болѣе силы, энергіи въ разумѣ, тѣмъ болѣе слабѣетъ власть совѣсти. Предположимъ, что человѣкъ при сильномъ искушеніи желаетъ сдѣлать то, что онъ считаетъ дурнымъ—тутъ онъ непремѣнно начинаетъ перебирать всё основанія, заставляющія его считать дурное дурнымъ и непремѣнно находить ихъ не совсѣмъ основательными и, если онъ не сдѣлаетъ подобныхъ соображеній до своего проступка, то онъ навѣрно сдѣлаетъ послѣ проступка. Предположимъ, что у этого человѣка совѣсть совершенно утратила свой авторитетъ—въ такомъ случаѣ, сколько бы она ни упрекала, она будетъ не въ силахъ принудить его повиноваться. Позитивистъ въ этомъ положеніи чувствуетъ, что совѣсть говоритъ правду, но въ то же время онъ знаетъ, что она лжетъ. Разсудокъ, который былъ прежде слугою его совѣсти, теперь становится трибуною страсти, а страсть, развиваясь, запрещаетъ повиноваться совѣсти. Тутъ человѣкъ говоритъ словами поэта — ужели же я всегда буду дрожать предъ тѣмъ, что какъ я знаю, есть только игра моего мозга. Такимъ образомъ здѣсь совѣсть, хотя не вполне замолкаетъ, но является лишенной своего трона. Она является въ положеніи изгнаннаго претендента, поддерживаемаго безсильной партіей. Въ виду возстанія, которое она подавить не въ силахъ, ей остается только сложить руки, а за-

тѣмъ когда буря утихнетъ, страсти успокоятся, жизнь войдетъ въ обычную колею, она смиренно, опустивши голову, слабымъ голосомъ дастъ свое безчестное благословеніе совершившемуся факту. При такихъ условіяхъ жизнь находится въ состояніи нравственной сухотки. Въ первомъ періодѣ зло еще слишкомъ мало, не замѣтно; могутъ пройти годы и даже цѣлыя поколѣнія, прежде чѣмъ болѣзнь сдѣлается роковою. Но тѣмъ не менѣе эта болѣзнь передается отъ отца къ сыну. Она развивается хотя медленно, но вѣрно; исходъ ея неизбѣжно гибеленъ, хотя бы жизнь больного со вѣѣ была хороша и даже блестяща. Симптомы этой болѣзни бываютъ различны; ея формы мѣняются смотря по индивидуумамъ. Иногда мы видимъ здѣсь, что человѣкъ подчиняется пороку послѣ напрасной борьбы; чаще мы видимъ, что въ этой моральной болѣзни человѣкъ печаленъ и унылъ даже когда онъ дѣлаетъ добро, — даже въ часы энтузіазма и тяжелыхъ усилій эта печаль тяготѣетъ надъ нимъ какъ свинцовая шапка; а въ концѣ борьбы она высказывается въ чувствѣ неудовлетворенности, въ сознаніи того, что награда не стоила трудовъ. Но въ этой болѣзни есть еще другой симптомъ, обнаруживающійся чаще и скорѣе. Именно тутъ у человѣка измѣняется взглядъ не на себя самого, а на другихъ. Въ этомъ состояніи люди обыкновенно желаютъ добра и отвращаются отъ зла, хранятъ чистоту своей совѣсти; но лишь только они взглянутъ на другихъ, какъ сразу замѣчаютъ всю фальшь своего положенія. Они замѣчаютъ, что зло, отъ котораго свободны они сами, распространяется въ жизни окружающихъ ихъ, и не вызываетъ ни ужаса, ни обличенія, какъ бы слѣдовало ожидать. Они чувствуютъ себя не въ силахъ произнести сужденіе о совѣсти всѣхъ и не находятъ средства распространить далѣе своей особы тотъ законъ, по которому они живутъ сами. Въ этомъ случаѣ пейзажъ, окружающій насъ, теряетъ свои краски, чувствуется скорбь, скука, которая постепенно

отвнѣ переходитъ и внутрь насъ. Такова болѣзнь нынѣшняго вѣка и настоящаго поколѣнія. Она обнаруживается вездѣ вокругъ насъ — въ разговорѣ, въ литературѣ и проч. Вотъ каково положеніе того многочисленнаго класса, на который начинаетъ оказывать свое вліяніе новая философія и который, принимая за истину принципы позитивизма, не имѣетъ ни времени, ни таланта, чтобы оцѣнить ихъ. И мы не имѣемъ здѣсь въ виду людей, преданныхъ пороку; мы беремъ людей, имѣющихъ страстное желаніе жить согласно долгу. У нихъ мы замѣчаемъ пустыя упреки себѣ, борьбу, соединенную въ то же время съ внутренней скукой, ничтожные успѣхи, общій индифферентизмъ и такой взглядъ на будущее, что уже если теперь жизнь идетъ такъ скверно, то въ будущемъ и для нашего потомства она будетъ еще хуже. Подобное зрѣлище безъ сомнѣнія мало внушаетъ оптимистическихъ надеждъ. Мы существуемъ въ ту эпоху, которая буквально не имѣла себѣ подобной въ исторіи: бывало нравственное приниженіе и въ другіе вѣка, но нашъ вѣкъ по существу своему то, что другіе были только по внѣшней сторонѣ. Менѣе чѣмъ въ одинъ вѣкъ теперь разрушены всѣ разстоянія и преграды. Земля теперь сведена къ ничтожнѣйшей части ея прежнихъ измѣреній; ея средства оказались крайне ограниченными и статистика вычисляетъ ихъ намъ день за день. Туманы, скрывавшіе прежде изумительныя вещи разсѣялись, а съ ними разлетѣлись и мѣстные энтузіазмы, происходившіе преимущественно изъ незнанія и изолированности. Знаній накопилось столько, сколько прежде и не предполагали имѣть. Источники прошлаго проливаютъ свои тайны въ сознаніе настоящаго. Въ первый разъ великая и многообразная исторія человѣка теперь сдѣлалась цѣльною величиною, охватывающею всего человѣка. Какъ причина или какъ слѣдствіе всего этого, развилось въ человѣкѣ новое чувство — интенсивное сознаніе своего собственнаго положенія, Нынѣшній взглядъ че-

довѣка на самого себя готовить такой переворотъ, исходъ котораго опредѣлить трудно. Позитивное основаніе, на которое нынѣ ставятъ знаніе, сообщаетъ этому основанію силу устойчивости и принудительности и распространяетъ его по всему цивилизованному міру, и у современныхъ націй чувство и мысль, формируясь по одной модели, теряютъ свой прежній характеръ изолированности и интеллектуального авантюризма. Современныя чувства и мысль превращаются въ однообразную массу, подобную современной арміи, у которой всѣ движенія и остановки опредѣлены уже напередъ. Таково нынѣ состояніе запада, а западъ начинаетъ дѣйствовать и на востокъ. Такимъ образомъ въ настоящее время мысли имѣютъ такой объемъ и такой вѣсъ, какого не имѣли прежде. Это начало одной мысли, мысли уже не естественной и соціальной, а человѣческой; это возникновеніе въ человѣкѣ вселенскаго сознанія своихъ собственныхъ видовъ и своего положенія. Весьма важно, по крайнѣй мѣрѣ попытаться опредѣлить какую форму приметъ это сознаніе только пробуждающіеся. Предположимъ, что оно придетъ къ полному отрицанію сверхестественнаго, какъ думаютъ позитивисты. Въ такомъ случаѣ человѣчество вполне разорветъ связь съ прошлымъ и состояніе его будетъ похоже на состояніе человѣка, пробуждающагося со сна, у котораго разлетѣлись всѣ дорогія грезы. Тутъ человѣкъ признаетъ себя существомъ менѣе высокимъ, чѣмъ какъ онъ думалъ и его положеніе постепенно унижется до того, что онъ свыкнется съ этою мыслью. *Если же это случится, то называютъ пессимизмъ болѣзнію — мало.* Пессимиста можно заставить умолкнуть, объявивши его больнымъ только въ томъ случаѣ, если мы ему докажемъ, что его бѣдствіе только воображается имъ однимъ. Но здѣсь предъ нами зло реальное: оно имѣетъ глубокіе корни и не замедлитъ развиваться во всей силѣ.

Является вопрос—можно ли изцѣлиться отъ этого бѣдствія? Конечно на этотъ вопросъ могутъ вполнѣ вѣрно отвѣтить только факты будущаго: но такъ какъ будущее возникаетъ при посредствѣ настоящаго, то эти факты до нѣкоторой степени въ нашихъ рукахъ. Взглянемъ же смѣло на наше современное положеніе и на его причины. Нынѣ люди чувствуютъ зло, происходящее отъ утраты вѣры, и желали бы оживить, воскресить въ себѣ прежнюю вѣру, хотя по внѣшности они издѣваются надъ вѣрою, — но въ подобныхъ вещахъ внѣшніе знаки обманчивы. Есть также много такихъ, которые не сознаютъ своего бѣдствія, потому что не знаютъ себя, но въ то же время сердечно страдаютъ отъ того, что не могутъ вѣрить. Въ тѣ промежутки времени, когда прекращается шумное наслажденіе, въ часы уединенія въ нихъ возникаютъ тяжелыя, мрачныя мысли, на устахъ этихъ людей является вопль скорби, но только онъ заглушается. Съ изумленіемъ видишь, что къ этому классу принадлежатъ лица, за которыми и не подозрѣвалъ подобнаго настроенія. Напримѣръ, профессоръ Клиффордъ, самый пылкій позитивистъ и оптимистъ—и тотъ допускаетъ, что религія, противъ которой онъ идетъ, имѣетъ въ себѣ нѣчто благородное и укрѣпляющее и онъ выразилъ свое глубокое почтеніе къ теизму Кингли. Или вотъ профессоръ Гэксли — онъ отрицаетъ всякое вѣрованіе въ бытіе сверхъестественное и не допускаетъ, чтобы наша жизнь отъ этого утратила свои возвышенныя стороны: но тѣмъ не менѣе и онъ говоритъ, — „кто увлеченъ моральной красотой, кто борется въ мірѣ бѣдствія и грѣха, тотъ безъ сомнѣнія будетъ сильнѣе, если онъ вѣритъ, что рано или поздно обвинитъ его бытіе видѣніе совершеннаго міра и счастья. Точно также, какъ работающій на вершинѣ горы становится гораздо бодрѣе, когда видитъ черезъ скалы и свѣга домашній кровъ и ожидающій его тамъ покой“. Но онъ прибавляетъ — „если бы подобная вѣра могла утвердяться на прочномъ основаніи, родъ людской дол-

женъ былъ бы держаться ея также крѣпко, какъ утопающій морякъ держится за спасительный снарядъ; но надобно признать, что какъ бы ни распространено было это чувство—оно не имѣетъ значенія, въ немъ высказывается только наше желаніе вѣрить“. Не есть ли это тоже болѣзненный вопль души! Итакъ первое средство для нравственнаго возрожденія современнаго человѣчества. Это возстановленіе вѣры въ бытіе высшее сверхестественное. Но возможно ли это для современнаго человѣка? Существуютъ мыслители (Ньюманъ), которые, основываясь на замѣчаемомъ въ жизни и исторіи переходѣ явленій въ свою противоположность, заключаютъ, что нынѣшнее отрицаніе всего сверхестественнаго должно замѣниться необычайнымъ оживленіемъ вѣры. Маллокъ не отрицаетъ возможности такого факта, но онъ думаетъ, что это оживленіе вѣры должно произойти не исключительно въ силу общаго закона жизни, а въ слѣдствіе интеллектуальной работы человѣчества и трудовъ лицъ, призванныхъ быть защитниками благотворной истины. Мы не будемъ подробно передавать тѣхъ положеній мысли и христіанскаго ученія, какія Маллокъ противопоставляетъ въ своей книгѣ догматамъ позитивизма, потому что это завело бы насъ очень далеко. Мы приведемъ только одно весьма вѣрное наблюденіе нашего автора. Онъ изображаетъ намъ развитіе современнаго невѣрія въ слѣдующей схемѣ. Первоначально, говоритъ онъ, люди стали отвергать авторитетъ церкви, думая отыскать истину самолично въ Библии; затѣмъ въ слѣдствіе принципа свободнаго изслѣдованія явилось скептическое отношеніе къ Библии и мысль о возможности познанія Бога и общенія съ Нимъ независимо отъ откровеннаго въ Библии ученія;—нужна дескать только одна вѣра въ бытіе Бога; потомъ и эта вѣра оказалась излишнею. Пришли къ мысли, что человѣку для его добропорядочности и счастья достаточно только одного сознанія своего человѣческаго достоинства, одного пониманія законовъ жизни

— это и есть позитивизмъ. Тутъ мысль дошла до крайнихъ предѣловъ отрицанія сверхестественнаго. Опытъ жизни, голосъ чувства возстаютъ противъ выводовъ позитивизма и этимъ показываютъ несостоятельность всего того интеллектуальнаго движенія, которое привело къ такимъ печальнымъ результатамъ. Слѣдовательно нужно возвратиться назадъ и стадіи возвращенія современнаго блуднаго сына къ небесному его отцу опредѣляются стадіями его постепеннаго удаленія отъ вѣчной истины и блага. Именно— чувство горести, тоски, вообще неудовлетворенности нашихъ потребностей узкими рамками позитивизма должно привести людей къ убѣжденію, что кромѣ міра природы существуетъ міръ высшій, міръ моральный, міръ сверхестественный. Мораль правильно понимаемая ведетъ къ теизму, къ убѣжденію въ бытіи Бога, какъ виновника моральнаго законодательства, Судіи и Мздовоздаятеля; потому что иначе ощущаемыя нами внутренне моральныя требованія не будутъ имѣть смысла, будутъ факціей безсильной. Далѣе глубокое и полное убѣжденіе въ бытіи Бога и Бога такого, какого требуетъ нравственное сознаніе, ведетъ къ убѣжденію не только въ возможности, но и необходимости откровенія; потому что Богъ, требуемый нашей душой, не можетъ оставить человѣка постоянно блуждать во тьмѣ. Тутъ является вопросъ: гдѣ же находится истинное откровеніе Бога? *Здѣсь мы приходимъ къ вратамъ христіанской церкви, какъ хранительницы богооткровеннаго ученія и богодухновенной руководительницы всей нашей жизни.* Позитивисты находятъ антиморальною мысль, что только сравнительно небольшая часть человѣчества удостоена знать истинную волю своего небеснаго отца,—или принадлежать къ Церкви, а прочіе лишены этого блага; они спрашиваютъ — отъ чего это такъ? Для вѣрующаго христіанина отвѣтъ на это простъ — это тайна воли Божіей. Позитивистъ скажетъ, что онъ не признаетъ тайнъ. Но на это можно отвѣтить так-

же вопросомъ — позитивисты признають, что въ мірѣ зла больше, чѣмъ добра, объясните, пожалуйста, отъ чего это такъ? Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ позитивизмъ, какъ извѣстно, путается въ противорѣчіяхъ (Милль) явно нелѣпыхъ, христіанинъ же откровенно заявляющій, что это тайна моральной воли Божества находится въ положеніи болѣе удовлетворяющемъ пытливый разсудокъ; а главное онъ можетъ указать на тѣ блага, какіе даются его вѣрой и бѣдствія, какія теперь, очевидно всякому, возникаютъ изъ потери ея.

А. Волковъ.

АЛЕКСАНДРІЙСКАЯ ШКОЛА.

ОЧЕРКЪ ИЗЪ ИСТОРИИ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

отъ I до начала V вѣка по Р. Хр.

СОЧИНЕНІЕ

Василія Дмитревскаго.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1884.

По опредѣленію Совѣта Казанской Духовной Академіи, отъ
11 мая 1883 года, къ печатанію одобрено.

Секретарь Совѣта *М. Соловьевъ.*

Распространеніе какого бы то ни было ученія—религіознаго или філософскаго—находится въ тѣсной связи со школою; школа является самою лучшею воспитательницею чловѣка въ духѣ тѣхъ или другихъ религіозныхъ, или філософскихъ началъ. И это понятно. Всякое ученіе при своемъ появленіи неизбежно встрѣчаетъ протестъ со стороны уже установившихся убѣжденій, мнѣній, привычекъ и т. д., отказаться отъ которыхъ бываетъ слишкомъ трудно и возможно только подъ условіемъ удаленія отъ вліянія стараго ученія и непосредственнаго и болѣе постояннаго и цѣлостнаго воздѣйствія новаго—къ коему и стремится школа. Тѣмъ болѣе это нужно сказать о христіанскомъ ученіи. Какъ ученіе, во многомъ не понятное древнему міру, требовавшее отъ древняго чловѣка отреченія отъ всего того, что ему было дорого, на мѣсто эгоизма, составлявшаго основу жизни чловѣка въ дохристіанскомъ мірѣ, поставлявшее полное отреченіе отъ него,—оно должно было казаться и дѣйствительно казалось въ началѣ своего распространенія іудеямъ соблазномъ и елинамъ безуміемъ. А потому для своего проникновенія въ сознаніе и жизнь людей требовало большихъ усилій со стороны проповѣдниковъ христіанства и болѣе постояннаго воздѣйствія на умы, сердца и волю людей, для чего вызывало настоятельную помощь школы. Такое важное значеніе школы въ дѣлѣ распространенія изъясненія христіанскаго ученія ясно сознавали первые проповѣдники христіанства. Самъ божественный Основатель христіанства главною задачею всей своей земной жизни и жизни своихъ учениковъ поставлялъ учительство и потому какъ Самъ въ

теченіе всей земной жизни главнымъ образомъ заботился о томъ, чтобы научить пародъ истинѣ, такъ и Апостоламъ заповѣдалъ идти и научать всѣ народы (Мат. 28, 19) Вѣрные заповѣди своего Учителя, Апостолы цѣль своей жизни поставляли въ учительствѣ, выражаясь, что Богъ не пошлалъ ихъ крестить, но благовѣстити (1 Кор. 1. 17) и въ силу такого убѣжденія старались не только изъ каждой вновь основываемой ими церкви образовать училище христіанской вѣры и благочестія, но, собирая вокругъ себя кружокъ учениковъ, полагали начало школамъ. Понятное дѣло, что эти школы, при страннической жизни Апостоловъ, не могли быть постоянными въ одномъ мѣстѣ; вмѣстѣ съ переходомъ Учителя переселялись съ нимъ и его ученики изъ одного мѣста въ другое, какъ это наприм. извѣстно объ Апостолѣ Павлѣ, имѣвшемъ, по свидѣтельству его же посланій, постоянно вокругъ себя нѣсколько учениковъ—споспѣшниковъ. Но какъ скоро обстоятельства побуждали кого либо изъ Апостоловъ утвердиться въ одномъ мѣстѣ на продолжительное время, или даже до конца жизни, они тотчасъ въ этомъ мѣстѣ заводили постоянныя школы. Такъ, по свидѣтельству Евсевія ⁽¹⁾, Іоаннъ, избравшій своимъ мѣстопребываніемъ Ефесъ, основалъ здѣсь духовное училище; а по свидѣтельству того же Евсевія и Іеронима, ев. Маркъ основалъ училище христіанское въ Александріи ⁽²⁾. Преемники апостоловъ, какъ поставленные къ той или другой церкви, и слѣдов. получившіе прочную осѣдлость, слѣдуя примѣру І. Христа и апостоловъ и понимая всю важность школы, старались вездѣ, какъ только позволяли обстоятельства, заводить духовныя школы; какъ это наприм. извѣстно изъ примѣра Поликарпа Смирнскаго ⁽³⁾, а еще болѣе подтверждается послѣдующими постановленіями соборовъ, вмѣнявшихъ каждому епископу въ обязанность имѣть при своей кафедрѣ школу ⁽⁴⁾. Главною задачею этихъ школъ перво-

⁽¹⁾ Евс. церк. Истор. кн. 3. гл. 23.

⁽²⁾ Ibid. кн. 2, гл. 16 и кн. 5, гл. 40; Іероп. въ Катал. церк. писат. гл. 36.

⁽³⁾ Евс. Истор. кн. 4, гл. 14 и 15.

⁽⁴⁾ Антиох. собора.

начально было приготовленіе достойныхъ пастырей церкви; но вскорѣ къ этой цѣли присоединилась и другая—оглашеніе желающихъ принять христіанство. Причиною такого усложненія задачъ школъ христіанскихъ было съ одной стороны отпаденіе нѣкоторыхъ христіанъ отъ вѣры во время гоненій вслѣдствіе слабости вѣры, а съ другой—желаніе предохранить христіанъ слабыхъ въ вѣрѣ отъ вліянія враждебныхъ христіанству ученій. Вслѣдствіе такого увеличенія задачъ школы и самыя эти школы были переименованы изъ *διδασκαλία* или *παιδείτρια* въ училища огласительныя. Общій типъ всѣхъ такихъ школъ опредѣлялся самымъ ихъ названіемъ. Во всѣхъ нихъ христіанское ученіе излагалось и раскрывалось съ положительной стороны—для только что вступающихъ въ церковь христіанскую въ краткомъ видѣ, для готовящихся же къ пастырскому служенію въ болѣе обширномъ.

Много было подобныхъ школъ въ христіанской церкви, но надъ всѣми ими возвышается школа Александрійская и по своей древности и по своему значенію въ исторіи христіанской церкви и науки. Значеніе этой школы для христіанства признается всѣми историками и писателями, почему либо касавшимися этой школы, хотя большинство ихъ и старается ограничить это значеніе только періодомъ трехъ учителей школы Пантена, Климента и Оригена, только въ двухъ или трехъ словахъ говоря о первоначальной исторіи этой школы и о послѣдующемъ за Оригеномъ періодѣ ея существованія, съ чѣмъ, конечно, нельзя согласиться. И дѣйствительно, значеніе Александрійской школы въ исторіи христіанской церкви и просвѣщенія такъ велико и очевидно, что нѣтъ никакой возможности отвергать его. Въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ эта школа стояла во главѣ христіанской науки и своимъ вліяніемъ обнимала не только частныя церкви, но весь Востокъ, а отчасти и Западъ. Такое важное значеніе этой школы побуждало и въ прежнее время и особенно въ повѣйшее писателей церковныхъ и даже свѣтскихъ, занимающихся исторіею первыхъ вѣковъ христіанства (*), обращать особенное вниманіе на эту школу, изучать

(*) Таковы: Евсевій, Вахро, Герике, Гассельбахъ, Прессансе, Фрепнель, Винценци, Реденнингъ и особенно Тюбингенцы.

подлинныя творенія наставниковъ школы и опредѣлять задачи и направленіе самой школы. Но не смотря на это, не смотря на множество монографій и статей объ отдѣльныхъ личностяхъ, принадлежавшихъ къ школѣ, не смотря на всѣ изслѣдованія о школѣ, Александрійская школа, по крайней мѣрѣ въ вѣкоторыхъ отношеніяхъ—особенно въ вопросѣ объ отношеніи школы къ предъидущимъ направленіямъ и ученіямъ—остаётся еще загадкою, разрѣшить которую еще не успѣла исторія ⁽⁶⁾. Отчего же зависитъ такое противорѣчіе между теоріею и практикою, между желаніемъ изслѣдовать исторію Александрійской школы и плохимъ выполненіемъ этого желанія? Причина этого явленія, конечно, отчасти заключается въ недостаточной разработкѣ матеріаловъ, касающихся исторіи христіанства первыхъ вѣковъ вообще и исторіи Александрійской христіанской школы въ частности. Дѣло въ томъ, что самыя сочиненія наставниковъ Александрійскаго училища въ своемъ полномъ составѣ начали издаваться только въ новѣйшее время и притомъ такъ не исправно, что часто на ряду съ подлинными издавались и подложныя, часто издавались въ неправильныхъ переводахъ, такъ что трудно было уловить въ этихъ сочиненіяхъ истинный смыслъ ⁽⁷⁾, тѣмъ болѣе трудно, что свѣдѣнія, дошедшія до насъ отъ древности о первыхъ трехъ вѣкахъ христіанской церкви вообще, не отличаются обиліемъ и полнотою, а многія даже и со всѣмъ утрачены. Но главною причиною такого положенія дѣла служить, по нашему мнѣнію, предвзятый взглядъ на ученіе Александрійской школы, съ какимъ приступаютъ къ изслѣдованію исторіи этой школы ученые и историки, взглядъ, при которомъ не возможно без-

(6) Въ вышедшемъ въ 1879 г. сочиненіи г. Болот. «ученіе Оригена о Пр. Троицѣ», установленіе такой связи представляется даже невозможнымъ.

(7) Творенія напр. Климентя въ первый разъ были изданы въ 1550 г. во Флоренціи и потомъ, хотя выдержали болѣе 10 издан. на греч. и лат. яз., однако и до сего времени содержатъ много неяснаго. Thom. Müg in praefat. Supplem. op. Clem Alex. и въ библи. р. 157, у Иванцова—въ ересяхъ и расколахъ, а сочиненіе Оригена о началахъ даже и не сохранилось въ подлинникѣ, а въ неправильномъ латинскомъ переводѣ Руффина, а много сочиненій утрачено, также какъ многія сочиненія Павтена, Иракла, Ахилла и др.

пристрастное отношеніе къ дѣлу. Такъ протестанты, держащіеся рационалистическаго взгляда на происхожденіе самаго христіанства, взгляда, по которому христіанство не есть какая либо новая религія, а только религія содержащая въ себѣ собраніе религіозно-нравственныхъ идей, существовавшихъ въ различныхъ философскихъ системахъ и религіяхъ древняго міра, только очищенныхъ отъ примѣси и вымысловъ человѣческой фантазіи⁽⁸⁾, видятъ въ Александрійской школѣ не болѣе какъ подражаніе языческимъ философскимъ школамъ того времени, а въ ея ученіи соединеніе въ одно цѣлое и развитіе до высшей степени религіозно-нравственныхъ идей, заимствованныхъ изъ различныхъ философскихъ системъ того времени и изъ теософическихъ воззрѣній какъ древнихъ, такъ и современныхъ школъ языческихъ и іудейскаго народа⁽⁹⁾. Напротивъ католическіе ученые, пользующіеся сочиненіями учителей этой школы въ латинскомъ переводѣ, по большей части испорченными, стараются во что бы то ни стало оправдать Александрійскую школу отъ всякихъ обвиненій и въ неправославіи и представить ее, какъ хранительницу и учительницу христіанскаго ученія во всей его чистотѣ и полнотѣ, встрѣчающіяся же въ сочиненіяхъ александрійскихъ ученыхъ мысли неправославныя приписываютъ или переписчикамъ, или еретикамъ⁽¹⁰⁾. При такомъ одностороннемъ взглядѣ

(8) Такой взглядъ развивается особенно Тюбингенцами. Положительной религіи, по ихъ мнѣнію, какъ внѣшняго единоратнаго откровенія безусловной истины, въ противоположность религіи естественной, нѣтъ. Есть только формы, ступени развивающагося религіознаго сознанія въ человѣческомъ духѣ отъ низшихъ до высшихъ. *Real-Encyclopaedie Gerzog*, подъ слов. *Straus-Leben Jesu*.

(9) Roessler—въ его *Bibliothèque des peres* т. 1, стр. 122—говоритъ: школа святыхъ словесъ очень часто была уважаема за новыя идеи. Чтобы устранить такое мнѣніе и дать болѣе сообразное съ истиною, слѣдуетъ только первоначально изучать VI книгу исторіи Евсевія.

(10) Таковы: Lushper, оправдывающій Климента—въ исторіи критической т. 4 и 5 и даже православный о. Гетте въ своей церковной исторіи т. 2. Многие изъ католическихъ богослововъ даже находятъ въ сочиненіяхъ александрійскихъ ученыхъ мѣста въ подтвержденіе неправильныхъ мнѣній католической церкви—Lushper напр. объ огнѣ чистилищномъ у Климента и др. у Восток. объ отношеніи катол. къ православію.

на дѣло, очевидно, невозможно правильное понятіе о школѣ, ея задачахъ, цѣляхъ и характерѣ. Поэтому чтобы правильно оцѣнить заслуги Александрійской школы для христіанства, понять ея значеніе и задачи, нужно избѣгать односторонности, а для сего неизбѣжно необходимо установить такую точку зрѣнія, съ которой можно бы было безпристрастно изложить исторію этой школы. Такою точкою опоры можетъ, по нашему мнѣнію, служить взглядъ на эту школу православной церкви. Этотъ взглядъ выразился въ признаніи Климента и Оригена только учителями, а не отцами церкви, и равно чужды, какъ раціонализма протестантовъ, такъ и излишняго пристрастія католиковъ. Принявши этотъ взглядъ православной церкви на Александрійскую школу за исходную точку зрѣнія, мы и постараемся изложить ея исторію. Какова эта исторія,—это покажетъ безпристрастное разсмотрѣніе матеріала—источниковъ и пособій, касающихся Александрійской школы (а).

Не много дошло до насъ свѣдѣній о первоначальной судьбѣ Александрійской школы. Они ограничиваются только свидѣтельствами и при томъ слишкомъ краткими Евсевія и Иеронима. Оба писателя согласно утверждаютъ, что начало Александрійской школы относится ко временамъ проповѣди въ Александріи ев. Марка, котораго и считаютъ, по дошедшему до нихъ преданію, основателемъ этой школы. Передавая краткія свѣдѣнія о жизни Пантена, Евсевій⁽¹⁾ замѣчаетъ: „около того времени, т. е. времени пришествія въ Александрію и вступленія въ должность наставника Александрійской школы Пантена,—въ этомъ городѣ существовала школа святыхъ словесъ отъ древнихъ временъ—εἰς

(а) Источниками и пособиями для настоящаго сочиненія служили: сочиненія Климента, Оригена, Св. Аванасія, Вас. В., Григ. Бог., Григ. Итаск., Блаж. Иеронима, Епифанія, цер. истор. Евсевія, Сократа, Теодорита, Гетта, Гассе, Møller-a Essai historique sur l'ecole Alexandrie, Neander-a—*allgemeine Geschichte* 1.—Die Alexandrinische Schul. Freppel-a, о св. писат. 1 и 2 тт. Прессанса, Lumper-a *historia theologica critica* ч. 4 и 5, соч. г. Ловяг. о заслугахъ св. Аванасія въ борьбѣ съ арианствомъ г. Снегирева о лицѣ I. Хр., г. Гусева ересь Атитринитаріевъ, Malter-a истор. гностицизма въ 2 т. Фил. отцовъ и учит. цер. Скворцова, Ritter-a истор. фил. и ст. въ дух. журн.—дух. вѣсти и др.

(1) Ево. церк. Истор. кн. 5, гл. 10.

δοχαῖς, которая была управляема мужами знаменитыми, какъ по краспорѣчию, такъ и по изученію св. писанія“. Очевидно такое свидѣтельство Евсевія не даетъ еще права заключать объ основаніи училища Александрійскаго ев. Маркомъ; но, сопоставляя его съ другимъ свидѣтельствомъ того же Евсевія, гдѣ онъ замѣчаетъ, что ев. Маркъ первый проповѣдывалъ въ Александріи и въ самомъ городѣ основалъ церковь, и что такое множество мушницъ и женщинъ присоединилось ко Христу, что вѣра наполнила весь городъ ⁽¹²⁾ и съ свидѣтельствомъ Иеронима, бывшаго ученикомъ Александрійскаго училища и потому заслуживающаго полнаго довѣрія, который прямо и ясно свидѣтельствуешь, что въ Александріи отъ временъ ев. Марка были всегда церковные ученые ⁽¹³⁾, мы можемъ съ достовѣрностію утвердить, что Александрійская школа была основана ев. Маркомъ, проповѣдывавшимъ евангеліе въ Александріи около 60 г. по Р. Хр. Вѣроятность и даже достовѣрность такого заключенія вытекаетъ и изъ простыхъ соображеній. Невѣроятнымъ представляется то обстоятельство, чтобы ев. Маркъ, обратившій въ Александріи ко Христу такое множество мужей и женъ, что вѣра наполнила весь городъ и онъ вынужденъ былъ основать въ Александріи отдѣльную самостоятельную церковь, не позаботился объ устройствѣ христіанской школы въ такомъ городѣ, какъ Александрія, городъ, въ которомъ уже въ его время процвѣтала ученость язычниковъ и іудеевъ и въ которомъ слѣдов. христіанству угрожала наибольшая опасность. При томъ извѣстно намъ изъ примѣра Апостоловъ и ихъ ближайшихъ преемниковъ, что проповѣдники евангелія всюду первымъ дѣломъ своимъ поставляли устройство школъ. Итакъ, на основаніи всего вышеизложеннаго мы можемъ утверждать, что ев. Маркъ былъ основателемъ Александрійскаго огласительнаго училища. Какой же былъ первоначальный строй этой школы и какія были ея задачи? Ни Евсевій, ни другіе писатели церковные не говорятъ намъ ничего объ этомъ предметѣ и только по намекамъ мы можемъ судить обо всемъ этомъ. Евсевій, говоря объ Александрійской школѣ, называетъ ее „катехизи-

(12) Ibid. кн. 11, гл. 16.

(13) In catalog церк. писат. гл. 36.

ческою“, или школою святыхъ словесъ. Изъ этихъ названій уже отчасти можно судить о первоначальномъ типѣ Александрійскаго училища. Задачею школы было, судя по этому свидѣтельству, съ одной стороны приготовленіе оглашенныхъ къ вступленію въ церковь Христову, а съ другой — изученіе св. писанія и христіанскаго ученія на основанія писанія, съ цѣлю, конечно, между прочимъ, и приготовленія будущихъ пастырей церкви. Къ такому заключенію приводитъ насъ то простое соображеніе, что всѣ христіанскія школы имѣли такой характеръ и Александрійская школа не была, конечно, въ этомъ случаѣ исключеніемъ; за это ручается намъ молчаніе древнихъ историковъ и писателей, которые не преминули бы выставить на видъ исключительный характеръ школы, если бы онъ былъ такимъ. Да и по самому существу дѣла школа не могла имѣть другаго характера въ первое время своего существованія, потому что жизнь и сознаніе еще не предъявляли школѣ другихъ требованій, кромѣ наученія основнымъ истинамъ христіанской вѣры оглашенныхъ и приготовленія достойныхъ служителей церкви. Невозможно было, наконецъ, выполненіе болѣе широкихъ задачъ для школы и по самой вѣншей ея организаціи и положенію христіанства, какъ религіи гонимой. До времени Пантена, какъ можно заключить изъ молчанія объ этомъ Евсевія, Александрійская школа даже не имѣла отдѣльнаго наставника и его мѣста занималъ епископъ. Запятый многочисленными обязанностями, епископъ, конечно, не могъ ни пазначать опредѣленнаго времени для обученія въ школѣ, ни вести преподаваніе по опредѣленному плану и уставу; а положеніе христіанства среди язычниковъ и іудеевъ, не могшихъ равнодушно смотрѣть на распространеніе, несогласнаго съ ихъ ученіемъ, ученія прешатствовало даже пазначать опредѣленное мѣсто для школы. Поэтому епископы занимались обученіемъ, когда было имъ возможно и гдѣ удобно и, по всей вѣроятности, такимъ мѣстомъ обученія были тѣ дома, въ которые вѣрующіе собирались на молитву и мѣста богослуженія, а временемъ обученія было время богослуженія. Только въ послѣдствіи времени, въ 3-мъ вѣкѣ, когда христіане, въ промежутки гоненій, получили возможность строить храмы,—христіанская школа въ Александріи помѣщалась въ крещальнѣ около храма. Но и здѣсь часто случалось, что и учитель и ученики, при нападении язык-

никовъ, во избѣжаніе опасности, должны были переходить съ одного мѣста на другое, изъ одного дома въ другой и школа такимъ образомъ была подвижною. Тѣмъ болѣе такой характеръ она должна была имѣть въ первое время существованія, когда гоненіе на христіанъ было постоянное и жестокое. Таковъ былъ первоначальный строй Александрійской школы! Но это не могло продолжаться долго. Въ первое время существованія христіанства, когда христіанская вѣра держалась преимущественно на почвѣ совѣсти и жизни, христіанское ученіе, какъ и ученіе всякой другой религіи, могло дѣйствовать на чувства, увлекая его въ послушаніе вѣры, но, по тѣсной, гармонической связи силъ человѣческаго духа, мыслящій духъ не могъ безучастно относиться къ вѣрующему сердцу; рано или поздно онъ непременно долженъ былъ взглянуть на полученное въ непосредственной вѣрѣ религиозное содержаніе и постараться выяснитъ его себѣ, т. е. представить его въ болѣе или менѣе стройномъ, крѣпкомъ и отчетливомъ сочетаніи понятій. Къ этому же разумному усвоенію христіанства располагала и непрерывная борьба съ іудеями и язычниками, потомъ съ еретиками, — борьба, начавшаяся съ самаго перваго момента появленія христіанства. Эта борьба, развивая религиозное сознаніе вѣрующихъ, давала болѣе образованнымъ вѣрнымъ чувствовать необходимость въ живомъ размышленіи о вѣрѣ и давать себѣ въ ней разумный отчетъ. Такимъ образомъ разсужденіе о вѣрѣ и изслѣдованіе основаній, а отсюда и образованіе богословской науки являлось насущною потребностію по самому существу дѣла. И если гдѣ подобная постановка дѣла имѣла мѣсто, то именно въ Александріи по самому ея положенію. Расположенная почти въ центрѣ всего міра, имѣвшая со всѣмъ міромъ самыя удобныя пути сообщенія, Александрія уже при жизни ея основателя Александра Великаго достигла значительной степени процвѣтанія, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ научномъ отношеніяхъ. Но еще болѣе благосостояніе этого города увеличилось со времени паденія Аоніи и Греціи — этого разсадника наукъ и искусствъ и представителя древней морской торговли. Благодаря покровительству своихъ царей, унаследовавшихъ отъ Александра Великаго любовь къ просвѣщенію, Александрія, при ихъ просвѣщенномъ содѣйствіи и при увеличеніи матеріальнаго благосостоянія, вскорѣ обратилась

въ центръ просвѣщенія всего міра. Сюда изъ всѣхъ странъ міра собирали книги и манускрипты, такъ что ко времени появленія христіанства въ Александрію было собрано все, что было драгоцѣннаго въ ученomъ мірѣ; два книгохранилища ся — музей и серапій съ трудомъ могли вмѣщать въ себѣ драгоцѣнности ученаго міра, а эти книгохранилища по объему были таковы, что помрачали собою дворцы и храмы⁽¹⁴⁾. Такая библіотека, подобной которой нельзя было найти нигдѣ и которая была хранительницею книгъ и манускриптовъ, считавшихся библиографическою рѣдкостью, естественно привлекала въ Александрію всевозможныхъ ученыхъ, желавшихъ пользоваться научными пособіями ея: здѣсь былъ и римскій и греческій философъ, неимѣвшій ничего, кромѣ философской манти и искавшій единственно мудрости; сюда стремились и іудейскіе ученые, чтобы пользоваться здѣсь своими священными книгами на употребительномъ въ то время греческомъ языкѣ, здѣсь же можно было встрѣтить и восточныхъ мудрецовъ — теософовъ, которые на своей родинѣ не могли удовлетвориться скуднымъ умственнымъ матеріаломъ. Всѣ эти ученые, помѣщаясь другъ подлѣ друга, мало по малу начали образовывать свои школы, въ которыхъ, смотря по личности основателя, преобладалъ тотъ или другой философскій, или религіозный элементъ. Такимъ образомъ въ Александріи ко времени появленія христіанства появилось почти столько же школъ, сколько было различныхъ направленій. Понятно, что всѣ эти направленія, перепутываясь между собою, должны были вступить между собою въ борьбу съ одной стороны и неизбежно заимствовать нѣчто другъ у друга — съ другой. Появился такимъ образомъ въ Александріи эклектизмъ и синкретизмъ, въ которомъ философскія ученія перемѣшивались съ возрѣніями іудейскими и теософіями востока, — синкретизмъ, признававшій впрочемъ надъ собою безусловный авторитетъ Платона, философія котораго, по своему идеалистическому направленію, могла удобно гармонировать съ спекулятивно-мистическимъ направленіемъ александрійцевъ. Но надъ всѣми, существовавшими въ Александріи, направленіями возвышались два, изъ

(14) Matter, Essai historique sur l'école d'Alexandrie p. I ■ Иерусалма объ Оригенѣ.

которыхъ въ одномъ преобладалъ философско-языческій элементъ, а въ другомъ — философско-іудейскій. Эти направле-нія давали тонъ всѣмъ остальнымъ философско-теософиче-скимъ ученіямъ. Представителемъ перваго направленія былъ неоплатонизмъ, представителемъ втораго — филонизмъ.

Въ началѣ христіанской эры философія, стремясь къ синкретизму и экклектизму, потеряла всякую способность различенія и стала находить одну и ту же истину во всѣхъ системахъ и ученіяхъ. Истощенная построеніемъ такого мно-жества системъ и доведенная до скудныхъ трудовъ истолко-ванія древнихъ философскихъ произведеній, она все болѣе и болѣе стремилась къ оживленію путемъ экклектизма. Послѣ неудачныхъ попытокъ согласить Пифагора, Платона, Ари-стотеля, Зенона, Эпикура и создать изъ этой смѣси систему, которая имѣла бы, по крайней мѣрѣ, видъ чего-то новаго, философія почувствовала, что ей недостаетъ чего то болѣе существеннаго, недостаетъ всеоживляющаго духа (15). И вотъ философскій духъ началъ искать новыхъ матеріаловъ для удовлетворенія своихъ духовныхъ нуждъ. Людямъ наскучили холодно-разсудочная система Пиррона, недававшая никакого утѣшенія въ горести и матеріалистически-чувственная систе-ма Эпикура, приковывавшая человѣка къ землѣ; у нихъ пробудилась жажда сердечныхъ вѣрованій, жажда духовно-сти, стремленіе возстановить прерванный союзъ между не-бомъ и землею и вознестись къ созерцанію міра идеальна-го, который совершенно затемнила для нихъ философія по-слѣдняго времени, — появилась реакція усилившемуся ма-теріализму, какъ неизбежное явленіе во время крайности (16). Однихъ изъ такихъ людей это стремленіе къ идеальному и небесному приводило къ животворному источнику христіан-ства; другіе, напротивъ, считая христіанство религіею не-достойною разумаго человѣка, обратились къ другому источнику, изъ котораго черпали и предыдущіе философы идеалистическаго направленія — къ мистическимъ знаніямъ и теософіямъ восточныхъ іерофантовъ (17). Здѣсь, въ теософи-

(15) Ritter, Geschichte d. philosophie 1—4.

(16) Wacherot: historique critique de l'école d'Alexandrie t. I p. 344.

(17) Etienу Chastel de la destruction du paganisme dans l'Empire d'orient p. 103.

ческихъ системахъ Индіи, Халдеи, Египта и у Александрійскихъ іудеевъ - каббалистовъ, они старались отыскать новый духъ для своихъ системъ, и на чисто греческой подкладкѣ,— системахъ: Фалеса, Анаксагора, Пифагора, Платона, Аристотеля, Зенона⁽¹⁸⁾, создать новую систему оригинальную, въ которой впрочемъ только и новаго, что чрезмѣрный идеализмъ и философскій мистицизмъ. Самымъ лучшимъ орудіемъ для примиренія подобной синкретической философіи съ вѣрованіями востока могла служить идеальная система Платона, которая связывается непосредственною цѣпью съ мифологическою древностію, восходя до преданій орфическихъ и таинственныхъ мистерій. Естественнымъ послѣдствіемъ такой связи философій съ вѣрованіями востока было появленіе неоплатонизма. Въ основу своей системы неоплатонизмъ положилъ восточный дуализмъ. Изъ единой, или безконечной, недовѣдомой, безусловно простой божественной субстанціи, по его ученію, происходитъ первоначальный умъ, субстанція простая въ себѣ, но многообразная въ отношеніи къ міру, поколику заключаетъ въ себѣ вѣчные типы всѣхъ вещей; затѣмъ, такъ какъ переходъ отъ этого начала къ міру существъ дѣйствительныхъ былъ все же далекъ, неоплатоники произвели изъ ума душу, такое начало, которое, составляя переходъ отъ міра умственного, или идеальнаго къ міру дѣйствительному, или реальному, образуетъ, вмѣстѣ съ единымъ и умомъ, божественную Троицу, поколику эти три начала выражаютъ собою полноту бытія, мысли и жизни. Изъ души, далѣе, произошелъ весь рядъ существъ духовныхъ, — посредствующихъ боговъ — демоны, герои, души и рядъ существъ подлежащихъ чувствамъ. Совершенство этихъ существъ уменьшается по мѣрѣ удаленія ихъ отъ первоисточника и въ этомъ причина зла въ мірѣ. Послѣдняя же послѣдняя и самая низшая ступень бытія есть матерія, то она и есть источникъ зла. Душа человѣка, будучи тождественною съ божествомъ по природѣ, не изъята отъ зла по силѣ соединенія съ тѣломъ. Слѣдовательно, единственное средство спасенія человѣка заключается съ одной стороны въ умерщвленіи плоти чрезъ воздержаніе и подвиги, а съ другой — въ возвышеніи самой души до Единаго, чрезъ со-

(18) Ritter выше, Etienne Chastel p. 104 и 105.

зерцаніе и восхищеніе — для тѣснѣйшаго съ нимъ соединенія. Очевидно, что такая философія имѣеть много пунктовъ, соприкасающихся съ политеизмомъ и это-то и служило исходнымъ пунктомъ соединенія ея съ язычествомъ. Поста-вивъ верховное Существо на недоступную высоту, неоплатоники не могли указать прямого отношенія между Богомъ и міромъ. Какъ же произвести этотъ послѣдній, когда Богъ по природѣ своей не можетъ имѣть никакого непосредственнаго соприкосновенія съ міромъ матеріальнымъ. Для объясненія происхожденія послѣдняго неоплатоники придумали цѣлую градацію существъ божественныхъ, низшихъ, которые въ постепенномъ удаленіи отъ первоисточника своего теряютъ часть своихъ божественныхъ совершенствъ и приближаются все болѣе и болѣе къ матеріи, являются: умъ, душа, демоны, герои, души и наконецъ міръ матеріальный. Очевидно, что всѣ эти божественныя существа очень удобно сопоставить съ богами политеизма. Кромѣ того: душа чело-вѣческая, по своей природѣ и способностямъ, соприкасается со всѣми ступенями міра божественнаго: съ верховнымъ богомъ — посредствомъ экстаза, посредствомъ чистаго мышленія—съ умомъ; какъ часть міровой души—премірной — съ диміургомъ; воображеніемъ — съ гевіями, душами и демонами. Здѣсь опять ближайшее соприкосновеніе съ язычествомъ. Наконецъ, неумѣренный мистицизмъ прямо располагалъ неоплатониковъ къ теургіи и магіи, а отсюда былъ ближайшій шагъ къ языческому суевѣрію. Такимъ образомъ неоплатонизмъ, соединившись съ политеизмомъ, совмѣщалъ въ себѣ всю сумму философско-языческаго знанія и вѣдѣнія и чрезъ то являлся представителемъ всего философско-языческаго міра.

Другое направленіе, имѣвшее большое вліяніе на міросозерцаніе александрійскихъ ученыхъ, стоявшее въ связи съ первымъ, хотя и отличавшееся отъ него по своему источнику, было, какъ сказано выше, іудейское, или, лучше, іудейско-философское—филонизмъ⁽¹⁹⁾. Извѣстно, что предъ наступленіемъ христіанской эры въ Александріи находилось

(19) Подр. о неоплатонизмѣ и филонизмѣ см. у Снегирева: о лицѣ І. Хр., у Гусева—ересь Антитринитаріевъ, ст. Христіанство и Неоплатонизмъ, журн. мн. нар. просв. ч. XLII, Ritter-а истор. фил. т. 4 и др.

множество іудеевъ, такъ что ко времени Филона они занимали двѣ изъ пяти частей города. Подъ вліяніемъ философскихъ ученій и направленій александрійцевъ большинство этихъ іудеевъ рѣшилось отказаться отъ своего сепаратизма и перейти на сторону философіи, и, между тѣмъ какъ ревностные поборники закона Моисеева всѣми мѣрами старались охранить чистоту іудейства, при помощи соблюденія самыхъ мелочныхъ наружныхъ обрядовъ и церемоній, люди перваго направленія старались отыскать точки соприкосновенія философіи и Закона—соединить ветхій завѣтъ съ философіею, такъ однако, чтобы, при философскомъ направленіи, сохранить неприкосновеннымъ и ученіе Богооткровенное. Выходя изъ того положенія, что истина, чрезъ знакомство греческихъ философовъ и представителей восточныхъ религій съ іудействомъ, перешла и во всѣ эти системы и религіи, хотя и смѣшана съ ложью, эти іудеи старались соединить все лучшее, по ихъ мнѣнію, въ философіи и тогдашнихъ религіяхъ съ религіозно-нравственными положеніями ветхозавѣтной религіи. Одною и самою вліятельною изъ такихъ личностей былъ Филонъ, родившійся въ 20 г. до Рожд. Христ. Получивши въ дѣтствѣ отличное образованіе, познакомившись и изучивши въ совершенствѣ философію и законъ іудейскій, Филонъ пашель въ нихъ много общаго и потому началъ заботиться о примиреніи философско-языческаго идеализма съ супранатурализмомъ іудейскимъ. Для этого онъ воспользовался философіею Платона, какъ основнымъ началомъ философіи, присоединивши къ ней многое, что казалось ему истиннымъ, и изъ другихъ философскихъ системъ и такимъ образомъ составилъ эклектическую философію. Но такъ какъ и при этомъ Филонъ всетаки хотѣлъ остаться іудейскимъ мудрецомъ, для котораго іудейскій законъ выше всего, то онъ старался подчинить философію откровенію. А такъ какъ, далѣе, философія во многомъ слишкомъ далеко расходилась съ религіозными воззрѣніями іудейскаго закона, къ тому же она въ это время сблизилась съ языческою религіею, что разъединяло ее съ іудействомъ еще болѣе, то Филонъ для примиренія этихъ противорѣчій допустилъ самый крайній аллегоризмъ, какъ въ изъясненіи закона, такъ и всего несогласнаго съ нимъ въ философіи и языческой міеологіи. Въ законѣ Моисеевомъ онъ подъ всякимъ словомъ видитъ аллегорическій смыслъ,

вездѣ у него является на первомъ планѣ идея; событіе фактъ есть только внѣшняя оболочка этой идеи и все это для того, чтобы платоническія, стоическія, пифагорейскія и аристотелевскія идеи облечь въ форму толкованія закона. Точно также въ мифахъ и сказаніяхъ языческой религіи и философіи онъ видитъ только поэтическія и религіозныя олицетворенія силъ природы, или же обыкновенныхъ людей и находитъ вездѣ образцы глубокой мудрости, которая можетъ быть постигнута только при помощи аллегорическаго толкованія. Что касается до истинъ философіи, тождественныхъ съ истинами Богооткровеннаго ученія, то это онъ объясняетъ изъ историческаго факта перевода откровенія на греческій языкъ, когда съ нимъ получили возможность познакомиться греки и варвары. По своимъ основнымъ воззрѣніямъ Филонъ вполне стоялъ на почвѣ неоплатонизма. Основнымъ пунктомъ его ученія была идея противоположности между духомъ и матеріею, между міромъ идеальнымъ и міромъ чувственнымъ. Въ силу этой противоположности, по ученію Филона, между Богомъ, существомъ Высочайшимъ и чистымъ Духомъ, и существами матеріальными — ограниченными нѣтъ и не можетъ быть никакого дѣйствительнаго и непосредственнаго общенія. Богъ самъ въ себѣ есть единое и истинно-сущее бытіе, есть существо безпредѣльное и неограниченное, безначальное, безконечное, вѣчное, вездѣсущее, все собою обнимающее и нигдѣ въ особенности не существующее⁽²⁰⁾, есть существо ни для кого изъ смертныхъ непостлжимое⁽²¹⁾, невыразимое и неопредѣлимое никакими положительными предикатами⁽²²⁾, ни въ чемъ и ни въ комъ не нуждающееся, и поэтому ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не имѣющее и не могущее имѣть никакого общенія⁽²³⁾, — существо, погруженное всю свою дѣятельностію и мыслию исключительно въ себя самаго, самодовольное и всегда себѣ равное⁽²⁴⁾. Прямую противоположность ему составляетъ

(20) Твор. Епиф. т. II р. 400.

(21) Ibid. р. 258.

(22) Ibid. т. V, р. 104.

(23) Ibid. т. II, р. 258.

(24) Ibid. т. IV, р. 332.

матерія, — бездушная и мертвая масса, беспорядочная и безформенная сущность, неимѣющая ни силы, ни движенія, неспособная вообще ни къ какимъ жизненнымъ и дѣятельнымъ проявленіямъ, обладающая только отрицательнымъ бытіемъ, — нѣчто не сущее, небытіе (²⁶), которое Богъ не творить, поелику актъ творенія предполагаетъ связь Творца съ тварію; матерія была уже готовымъ даннымъ при образованіи міра, — однимъ словомъ, Богъ есть существо, замкнутое въ себя самага, существо безличное — абстрактная идея; матерія же безобразная и бездушная сущность, составляющая отрицаніе Божества (²⁶). Чтобы объяснить теперь происхожденіе міра и человѣка, при противоположности двухъ началъ, Филонъ неизбѣжно долженъ былъ допустить ученіе о такъ называемыхъ посредствующихъ существахъ [мірѣ мысленномъ], составляющихъ рядъ проявленій, или истеченій божества и являющихся, по Филону, то простыми идеями, или типами вещей видимаго міра — согласно съ Платономъ, то существами личными — ангелами — согласно съ Моисеемъ. Совершенство существъ этого міра, какъ и у неоплатониковъ, стоитъ въ прямомъ отношеніи съ близостію ихъ къ Богу. Самое высшее изъ этихъ существъ есть Логось — Слово, представляемое Филономъ то существомъ личнымъ, то безличнымъ. Оно въ одно и тоже время есть понятіе, самая высшая идея въ смыслѣ платоновскихъ идей, абстракція и существо, составляющее самое полное и совершенное проявленіе абсолютнаго Бога въ его отношеніи къ міру. Оно есть чистый и совершенный образъ и подобіе Бога, есть мірообразовательная и міроуправляющая сила Божія, — есть самая высшая сила, сообщающая свой характеръ и свою сущность всѣмъ другимъ Божественнымъ существамъ, — есть міровая душа, сообщающая всему жизнь и движеніе и живущая въ мірѣ, какъ душа человѣка живетъ въ его тѣлѣ, — есть источникъ всего истинно-прекраснаго и добраго въ мірѣ и человѣкѣ, — однимъ словомъ Логось Филона въ послѣднемъ смыслѣ есть Богъ въ его проявленіи, есть другой Богъ, визшій перваго абсолютнаго Бога. И этому-то Логосу принадлежитъ вся божественная дѣятельность въ мірѣ и чело-

(²⁶) Ibid. t. I, p. 42.

(²⁶) Ibid. t. II, p. 66.

вѣществѣ, — прочія божественныя силы являются только служебными орудіями Логоса въ его мірообразовательной и міроуправляющей дѣятельности (27). Такимъ образомъ и у Филопа іудейство преобразилось въ философію, отождествилось съ неоплатонизмомъ. Указанныя направленія, отвергая христіанство въ принципѣ, въ первый вѣкъ христіанской эры не вступали съ нимъ въ открытую борьбу, считая христіанство глупостью и нелѣпностью, которой могутъ вѣрить только женщины и дѣти (28), и даже не представляя себѣ возможности какой либо съ его стороны конкуренціи. Вотъ почему въ первый вѣкъ существованія христіанства въ Александріи мы не видимъ серьёзныхъ попытокъ со стороны философіи опровергнуть христіанство. Но такъ не могло продолжаться долго, по самому существу дѣла, — именно потому, что и христіанство и философія стремились къ одной цѣли — обладанію міромъ, о чемъ скоро и заявило христіанство. Съ каждымъ днемъ оно распространялось все болѣе и болѣе, съ каждымъ днемъ оно вырывало изъ среды язычества и іудейства множество народа, каждый день приобрѣтало себѣ новыхъ послѣдователей и притомъ не только въ средѣ простаго, необразованнаго народа, но и среди ученыхъ всѣхъ направленій и школъ и даже самихъ корифеевъ философскихъ школъ. Мало этого. Ученые и философы, обратившись въ христіанство, явились опасными врагами для самихъ философскихъ школъ, къ которымъ они принадлежали до своего обращенія, имѣя возможность поражать философію ея же собственнымъ оружіемъ. Такимъ образомъ для философско-языческаго и философско-іудейскаго міра была двойная опасность: быть опровергнутымъ обратившимися въ христіанство философами и потерять много послѣдователей. Поэтому-то языческо-философскій и философско-іудейскій міръ скоро позналъ, какого врага онъ имѣетъ въ христіанствѣ и совокупными силами устремился на него. Завязалась ожесточенная борьба философско-языческихъ и философско-іудейскихъ идей съ идеями христіанскими, — борьба, въ которой долженъ былъ рѣшиться вопросъ: быть или не быть христіанству? Поняли теперь язычники и іудеи, что отдѣлываться въ этой

(27) Ritter, Hist. critique du Gnosticisme t. 1, p. 58—76.

(28) Іуст. Apolog I ст. 48 и дал.

борьбѣ одними пустыми и ничего пезначащими фразами о глупости христіанства, какъ это было прежде, нѣтъ болѣе никакой возможности, что для успѣшнаго веденія борьбы съ христіанствомъ необходимо изучить самое ученіе христіанское и опровергнуть во всѣхъ его пунктахъ показаніемъ его мнимой нелѣпости и неразумности въ сравненіи съ философією, по ихъ мнѣнію. И вотъ они пишутъ цѣлыя сочиненія, гдѣ шагъ за шагомъ стараются опровергать все христіанство по его же источникамъ. Цельсь пишетъ „Истинное Слово“, въ которомъ послѣдовательно старается опровергнуть все христіанство и доказать его несостоятельность; также поступаютъ Кресцентъ, Автоликъ и др., — это со-сторонны философско-языческаго міра. Что касается до нападеній со стороны іудейско-философскаго міра, то о нихъ можно судить по сочиненію Іустина мученика „Разговоръ съ Трифономъ Іудеявиномъ“, изъ котораго видно, что христіанству съ этой стороны дѣлались возраженія въ духѣ философско-іудейскаго направленія. Такимъ образомъ христіанству со втораго вѣка угрожала большая опасность со стороны философско-языческаго и философско-іудейскаго міра, — опасность быть уничтоженнымъ въ неравной борьбѣ идей, въ которой на сторонѣ враговъ христіанства была вся тогдашняя интеллигенція и народныя массы, тогда какъ послѣднее насчитывало въ своихъ рядахъ небольшое количество людей ученыхъ, могшихъ разумно и научно доказать истинность христіанства и опровергнуть дѣлаемыя противъ него возраженія; большинство же христіанъ довольствовалося одною простою сердечною вѣрою, а извѣстно, что въ борьбѣ за идеи побѣда всегда остается на сторонѣ того, кто лучше и основательнѣе можетъ доказать истину своихъ идей и опровергнуть идеи противника.

Еще опаснѣе была для христіанства философія по своему вліянію на его послѣдователей. Близость христіанъ съ философами, необходимость такъ или иначе вступать въ общеніе съ ними, все это на самихъ христіанахъ должно было сказываться тѣми или другими послѣдствіями. Такими послѣдствіями были съ одной стороны увлеченіе философією и появленіе вслѣдствіе этого въ христіанствѣ философскихъ идей, а съ другой—развитіе религіознаго сознанія, вслѣдствіе чего большинство христіанъ уже не могло довольствоваться одною простою вѣрою, а жаждало раскрытія христіанскаго

ученія со стороны его основаній, что хотя само по себѣ даже полезно и необходимо, но при невозможности удовлетворить жаждущій духъ, могло имѣть вредныя послѣдствія, направляя умъ совершенно по ложной дорогѣ, — рационализма. Слѣдствіемъ перваго движенія христіанской мысли былъ гностицизмъ, который въ существѣ есть не болѣе, какъ та же философія, только пересаженная цѣликомъ на христіанскую почву; онъ былъ прямымъ, непосредственнымъ продолженіемъ неоплатонизма и по своимъ основнымъ воззрѣніямъ былъ тождественъ съ нимъ, видоизмѣняясь только въ частности, смотря по мѣсту рожденія, воспитанія, а также религіозному міросозерцанію лицъ, стоявшихъ во главѣ гностицизма. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно указать общія положенія гностицизма. Основнымъ принципомъ гностическаго ученія всѣхъ оттѣнковъ служитъ дуализмъ, полное разединеніе между духомъ и матеріею. Это разединеніе Божества съ видимымъ тѣлеснымъ міромъ привело гностиковъ неизбѣжно къ ученію о различныхъ посредствующихъ существахъ, которыя бы такъ или иначе связывали двѣ противоположности и наполнили пустоту. Эти существа — эоны, составляющіе божественную плирому, произошли, по ученію гностиковъ, путемъ истеченія изъ первоначальной монады - отца, совершенства ихъ, и ихъ причастіе монадѣ опредѣляется близостію къ монадѣ. Къ числу такихъ же эоновъ принадлежатъ и Сынъ и Духъ Святый, происшедшіе чрезъ умъ особеннымъ хотѣніемъ Отца, а отъ общаго дѣйствія плиромы произошелъ эонъ Иисусъ 33-й въ рядѣхъ эоновъ; Софія же произвела Диміурга — творца міра и человѣка, въ которыхъ совмѣщаются тѣже два противоположныя начала — матеріальное и духовное, вслѣдствіе чего въ мірѣ и человѣкѣ происходитъ постоянное движеніе, какъ выраженіе стремленія духа освободиться отъ узъ матеріи⁽²⁹⁾. Все это, очевидно, есть только видоизмѣненіе неоплатонизма, только съ именами христіанскими. Но далѣе гностицизмъ ближе подходилъ къ христіанству въ ученіи о

(29) Нѣкоторые гностики въ этомъ пунктѣ отличались по своему ученію, утверждая, что міръ произошелъ вслѣдствіе паденія матеріею частицы свѣтлаго существа и т. дал., но сущность и при этомъ различія у всѣхъ гностиковъ остается та же. Matter — Истор. Гностиц. t. II.

возстановленіи. Такъ какъ духъ заключенный въ матерію, по ученію гностиковъ, не могъ достигнуть освобожденія отъ узъ матеріи одними своими силами, то на помощь ему Богъ послалъ Христа, который, принявши призрачную плоть, явился на землѣ и искупилъ людей и міръ, указавши духу путь къ освобожденію отъ матеріи. По вознесеніи Христа на небо, Апостолы исказили его ученіе, и потому они—гностики, какъ обладающіе высимъ вѣдѣніемъ—*γωβις*-омъ, только возстановляютъ ученіе Христа въ его первоначальной чистотѣ. Какъ появившійся на почвѣ христіанства и только искажавшій его, вслѣдствіе невѣрно направленаго стремленія разума объяснить на основаніи началъ разума и философіи истины вѣры, перевести область религіозныхъ вѣрованій въ діалектически - построенную систему знанія, гностицизмъ не вступалъ, да и не могъ вступать въ открытую борьбу съ христіанствомъ. Но тѣмъ-то и опаснѣе онъ былъ для христіанства. Извращая совершенно христіанство, или, лучше сказать, проповѣдуя подъ именемъ христіанства философско-теософическія идеи язычества, гностики въ тоже время старались казаться и выдавали себя за истинныхъ и даже совершенныхъ христіанъ. Для сего они старались обосновать свое ученіе на св. Писаніи, только изъясняя его аллегорически, когда нужно было, или совѣмъ отвергая, какъ подложныя, тѣ мѣста и книги св. Писанія, которыя противорѣчили ихъ ученію; а своею терминологіею христіанскою еще болѣе вводили въ сомнѣніе вѣрныхъ. Все это, конечно, легко могло вводить въ заблужденіе даже и болѣе разумныхъ и образованныхъ христіанъ, а тѣмъ болѣе необразованную массу съ одной стороны и бросало тѣнь подозрѣнія на христіанство и давало оружіе противъ христіанства невѣрнымъ — съ другой. Не менѣе опасна была для христіанъ и нравственная сторона гностицизма, въ началѣ его распространенія выражавшаяся въ строгомъ аскетизмѣ, хотя и вмѣвшемъ источникомъ ложное понятіе о матеріи, какъ злѣ, но по вѣщности приравнивавшая гностиковъ къ аскетамъ, которые пользовались уваженіемъ среди христіанъ, какъ носители высшихъ евангельскихъ добродѣтелей⁽⁹⁰⁾. Опасность, угрожавшая христіанству со стороны гностицизма,

(90) Ibid.

была тѣмъ болѣе велика для христіанства, что своимъ стремленіемъ къ разумному пониманію послѣдняго гностицизмъ гармонировалъ съ развивающимся въ средѣ самихъ христіанъ религіознымъ сознаніемъ, развивавшимся, какъ выше замѣчено, подъ вліяніемъ философскаго направленія. Подъ вліяніемъ философскихъ идей въ самихъ христіанахъ началъ появляться и развиваться со втораго вѣка критицизмъ, желаніе все провѣрить апализомъ, согласить съ разумомъ, дать разумный отчетъ въ своей вѣрѣ. Многіе изъ христіанъ особенно ученыхъ уже не стали довольствоваться простою вѣрою и ученіемъ, которое прямо и положительно излагалось въ видѣ катехизическихъ бесѣдъ и уроковъ; явилась потребность раскрыть ученіе христіанское не только со стороны его положеній, но и основаній, — раскрыть не только то, какъ учить христіанство, но и почему оно учить такъ, а не иначе, разумно ли такое ученіе. Это движеніе христіанской мысли такъ естественно и законно, что распространяться о немъ нѣтъ необходимости. Дитя, живущее сначала только чувствованіями и сердечными движеніями, приходитъ въ возрастъ, чувствуетъ нужду въ размышленіи, въ знаніи, въ мысли. Тоже было и въ христіанствѣ и преимущественно у христіанъ александрійскихъ по самому ихъ положенію въ центрѣ образованности⁽²¹⁾.

При такомъ положеніи дѣла въ концѣ втораго вѣка христіанской эры для представителей александрійской церкви стало ясно, что теперь довольствоваться одною простою вѣрою сердечною уже нельзя; они поняли теперь, что христіанство, чтобы поддержать свое вліяніе и значеніе, должно явиться въ строго-научной системѣ, область своихъ истинъ перевести въ такую стройную, органическую систему знанія, которая могла бы удовлетворять не только простые, но и высокоразвитые, отчетливо мыслящіе умы; а примѣръ гностиковъ, стремившихся къ тому же самому, т. е. къ подведенію умозрительнаго содержанія вѣры подъ формы языческой философіи и побѣжденныхъ силою содержанія этой послѣдней, ясно показывалъ, какъ опасенъ и скользокъ путь

(21) Яснымъ свидѣтельствомъ такого направленія въ христіанствѣ служить то обстоятельство, что со 2 вѣка начинается появленіе все большаго и большаго числа ересей философскаго характера.

раціональнаго изслѣдованія христіанскаго ученія, когда на него вступаютъ люди недостаточно подготовленные къ нему. Поэтому, чтобы избѣжать опасности и удовлетворить духовной жаждѣ вѣрныхъ, представители александрійской церкви рѣшили поставить дѣло такъ, чтобы отъ философіи заимствовать только одни логическія формы съ сохраненіемъ во всей цѣлости специфическаго содержанія вѣры, создать такую богословскую систему, которая, равняясь по своей стройности и крѣпости всѣмъ философско-языческимъ и гностическимъ системамъ, была бы въ то же время системою чисто христіанскою, т. е. обнимала бы своею логикою всѣ христіанскія истины безъ примѣси язычества,—однимъ словомъ соединить вѣру съ знаніемъ. „Хотя вѣра, замѣчаетъ Гассе, уже непосредственно была созерцаемъ истины, однако она должна была произвести и науку, потому что и тогда она уже содержала въ себѣ теоретическій элементъ, которому нужно было только дальнѣйшее развитіе, чтобы стать рефлексію и умозрѣніемъ. И къ этому дальнѣйшему развитію побуждала противоположность, въ которую была поставлена вѣра. Если въ язычествѣ мышленіе раскрылось въ самой свободной производительности и произвело рядъ философій, которыя довели рефлексію и умозрѣніе до классической высоты образованія, такъ что, когда вѣра вступила въ эту сферу образованія, она необходимо должна была по формѣ сравняться съ нею, то вѣра хотѣла свое содержаніе довести до признанія въ этой сферѣ. Если уже это вывуждало дать вѣрѣ научное построеніе и научный видъ, то совершенно побуждало къ этому такое явленіе, какъ гностицизмъ, который именно въ стремленіи къ знанію потерялъ содержаніе вѣры, или предался враждебному содержанію, такъ что нужно было употребить всю мыслительную силу вѣры, чтобы побѣдить это ложное знаніе истиннымъ и спасти содержаніе вѣры и въ области науки; а для этого вѣра должна была стать въ одинъ рядъ съ философскими системами; слѣдовательно также выступить въ качествѣ системы,—облечь свое содержаніе въ философскую форму и пріобрѣтать себѣ значеніе философскими средствами“⁽³²⁾. И та-

(32) Гассе, церк. истор. т. I. стр. 77 и 78.

кую задачу взяла на себя церковь александрійская въ лицѣ своихъ предстоятелей.

Но такъ какъ выполненіе подобной задачи было неудобно для церкви, да и невозможно, потому что требовало и значительной подготовки со стороны лицъ, взявшихъ на себя этотъ трудъ и свободнаго времени, то предстоятели александрійской церкви и предоставили выполненіе этой, взятой на себя, задачи, какъ скоро нашелся дѣятель, Александрійскому огласительному училищу, которое, какъ учебное заведеніе, имѣло болѣе средствъ и возможности выполнить предложенную христіанству самую живію проблему и само по себѣ, а еще болѣе потому, что въ это время наставникомъ училища сдѣлался человѣкъ, который съ отличнымъ знаніемъ христіанскаго ученія соединялъ мудрость и ученость языческаго философа и самъ былъ философомъ; это Пантень.

Такимъ образомъ Александрійская школа изъ простаго огласительнаго училища преобразовалась въ философско-христіанскую школу, принявши на себя выполненіе трудной задачи—соединенія вѣры съ знаніемъ, не оставляя впрочемъ и прежней своей задачи—оглашенія вступающихъ въ христіанскую церковь и приготовленія достойныхъ пастырей церкви. вмѣстѣ съ усложненіемъ задачъ школы измѣнился и внѣшній и внутренній строй самой школы. Скажемъ сначала о первомъ.

Занятые дѣлами церкви александрійской, довольно многочисленной въ то время, епископы, бывшіе до сего времени преподавателями школы, постарались замѣнить себя къ концу втораго вѣка особымъ наставникомъ. И съ этого времени должность наставника школы совершенно отдѣлилась отъ должности епископа, что продолжалось до самаго паденія школы въ началѣ V столѣтія. Епископы съ этого времени были только покровителями и главными надзирателями школы; имъ принадлежало право избранія наставника и наблюденіе за ходомъ преподаванія въ школѣ. Главными же и почти безконтрольными распорядителями школы явились наставники школы, но большей части выходившіе изъ той же школы. Они ни откуда не получали содержанія для себя и средствъ къ поддержанію самой школы, и потому сами должны были заботиться обо всемъ этомъ. Вотъ почему на первыхъ порахъ существованія школы и въ этотъ періодъ

мы не видимъ ни библіотски, ни хорошаго вѣшняяго устройства школы. Церковь въ то тяжелое время гоненій и многочисленныхъ пожертвованій на содержаніе бѣдныхъ и несчастныхъ христіанъ, а также и клира, при немногочисленности своихъ сыновъ, не могла ничего сдѣлать для школы. Она уступила только для школы часть пристройки при храмѣ — крещальню, а все остальное возложила на самихъ наставниковъ и только иногда возводила ихъ на степень діакона и пресвитера, дававшую имъ средства къ содержанію. Но и эти пособія церкви въ первыя времена существованія школы не всегда могли служить для школы. Во время жестокихъ гоненій, когда одно имя христіанина привлекало на мученія и смерть, цѣлая школа, разсадница христіанскаго ученія, не могла быть оставлена въ покоѣ. И вотъ мы видимъ, что очень часто школа переносится изъ дома въ домъ; часто мѣстомъ обученія служитъ открытое мѣсто. Такое положеніе дѣла, очевидно, не могло содѣйствовать строгой организаціи школы. И дѣйствительно, мы не видимъ въ Александрійскомъ училищѣ никакихъ опредѣленныхъ уставовъ и правилъ, опредѣляющихъ порядокъ обученія и вѣшнюю дисциплину; каждый здѣсь шелъ въ школу, когда ему вздумается, и былъ тамъ, сколько ему хотѣлось. Поэтому-то мы и видимъ, что особенно даровитыхъ наставниковъ, какъ Оригена, слушатели осаждали въ теченіе цѣлаго дня—съ утра до глубокой ночи, приходя и уходя по мѣрѣ надобности. Только громадныя труды наставниковъ школы, ихъ терпѣніе и мужество въ перенесеніи всѣхъ трудностей и недостатковъ, ихъ умѣнье и при плохой вѣшней обстановкѣ создать нѣкоторую систему, и еще то обстоятельство, что школа не была новостію въ Александріи и слѣд. слушатели могли заранѣе привыкнуть къ порядкамъ школьнымъ, помогли наставникамъ школы выработать нѣкоторую систему обученія въ школѣ, — дать школѣ организацію, а именно: въ виду того обстоятельства, что школа была открыта для людей всѣхъ званій и состояній, возраста и пола, въ виду того, что всей этой разнообразной толпѣ нужно было преподавать всѣ науки и общеобразовательныя и касающіяся собственно христіанства, въ виду, наконецъ, двоякой задачи школы, наставники школы постарались съ самаго начала раздѣлить труды по преподаванію въ школѣ съ своимъ помощникомъ, который обыкновенно избирался изъ образованнѣйшихъ и

даровитѣйшихъ учениковъ школы, и который впоследствии замѣцалъ своего учителя. Такими помощниками были: у Пантепа—Климентъ, у Климента—Орлепъ, у Оригена—Иераклъ и т. д. Этому-то помощнику, какъ еще несовершенному, наставники поручали первоначальное обученіе, оставляя себѣ обученіе высшимъ наукамъ учениковъ болѣе совершенныхъ. Такъ школа раздѣлилась на два отдѣленія: эсotericское и экзotericское, изъ которыхъ второе было доступно для всѣхъ, первое же только для христіанъ и притомъ болѣе совершенныхъ и философски образованныхъ. Кромѣ этого главнаго раздѣленія школа, конечно, раздѣлялась, соотвѣтственно характеру и степени знанія учащихся, и на болѣе частныя отдѣлы. Что касается до самаго способа обученія и наукъ, которыя преподавались въ школѣ, то это опредѣлялось съ одной стороны внѣшнимъ строемъ школы, а съ другой—ея задачами. Главнымъ предметомъ обученія было св. Писаніе; но въ виду современныхъ потребностей не только требовалось изслѣдовать самый текстъ Писанія—запяться экзегетическими трудами, но и само оно не могло быть излагаемо простымъ, катехизическимъ методомъ, съ одной положительной стороны; изученіе его соединялось самымъ тѣснымъ образомъ съ философіею и со всѣмъ вообще званіемъ и все это направлялось къ одной цѣли—доказать разумность и высоту христіанства, доказать, что христіанство, вопреки убѣжденіямъ язычниковъ и іудеевъ, не есть такая глупая религія, которая составляетъ достояніе только однихъ невѣждъ, а напротивъ есть система высшаго вѣдѣнія, удовлетворяющая высшимъ потребностямъ человѣка, система, высшая всѣхъ философій и человѣческихъ ученій и что напротивъ философія и вся вообще мудрость человѣческая, какъ она проявлялась во весь періодъ существованія рода человѣческаго, есть не больше, какъ масса суемудрія человѣческаго съ незначительными проблесками истины, путеводившей людей къ свѣту евангельскому. Для достиженія этой цѣли въ школѣ, вмѣстѣ съ св. Писаніемъ, преподавались всѣ науки, входившія въ кругъ тогдашняго образованія, такъ что школа святыхъ словесъ была въ тоже время и школою языческой мудрости. Въ ней, какъ и во всѣхъ философскихъ школахъ преподавались: поэзія во всѣхъ ея видахъ, съ разборомъ всѣхъ классическихъ поэтическихъ произведеній, какъ древнихъ, такъ и новыхъ поэтовъ, исто-

рія въ ея классическихъ представителяхъ, естественная исторія, медицина, грамматика, математика, космографія и вообще всѣ науки, входившія въ разрядъ наукъ, такъ называемыхъ, гуманитарныхъ. Главное же вниманіе обращалось на философію, которая изучалась въ школахъ во всѣхъ ея главнѣйшихъ направленіяхъ: стоическая, эпикурейская, скептическая, пифагорейская, платоническая, — словомъ вся философія, извѣстная подъ именемъ синкретической и эклектической. Въ составъ наукъ, преподававшихся въ школахъ, входили также религіозныя ученія Востока: Индіи, Персіи, Арменіи, Египта, еврейская Каббала и ученія различныхъ философско-христіанскихъ сектъ, — гностиковъ и другихъ еретиковъ, а также книги Сивилль⁽³³⁾. Въ сочиненіяхъ наставниковъ школы, особенно Климента — въ его Увѣщаніи къ язычникамъ и Строматахъ, встрѣчаются указанія на сочиненія такихъ писателей, которыхъ даже и имена утрачены исторіею. Въ этомъ, очевидно, заслуга школы общечеловѣческая. Методъ обученія былъ такой: наставникъ обыкновенно старался предварительно познакомиться съ ученикомъ, его познаніями и вообще всѣмъ его духовнымъ строемъ. „Какъ искусный земледѣлецъ, говоритъ Григорій Чудотворецъ объ Оригенѣ, онъ не останавливался на томъ только, что видимо и открыто, но взрывалъ почву, чтобы узнать, что она скрывала, предлагая намъ вопросы и проблемы и слушая наши отвѣты“⁽³⁴⁾. Узнавши такимъ образомъ состояніе ученика и его способности, наставникъ начиналъ систематическое обученіе. Прежде всего онъ знакомилъ учениковъ съ терминологіею, чтобы чрезъ это быть понятнымъ своимъ слушателямъ и чтобы эти послѣдніе не имѣли повода переиначивать его ученіе, а съ другой стороны, чтобы сократить время, не прибѣгая всякій разъ, при встрѣчѣ съ терминами, къ ихъ уясненію. Научивши такимъ образомъ ясности и точности выраженія, учитель переходилъ къ наукамъ естественнымъ, математическимъ и астрономическимъ, направляя изученіе ихъ такъ, чтобы показать въ твореніи чудо божественной истины, т. е. сначала наставникъ старался научить питомцевъ знаніямъ эмпирическимъ и тогда уже

(³³) Matter, Essai historique sur l'école d'Alexandrie t. II, стр. 52 и 53.

(³⁴) Panegir. Origen. n. XIII, XIV и XV.

переходилъ къ другой сферѣ, — къ познаніямъ умозрительнымъ, въ ту область, гдѣ царствуетъ свобода и которая одна достойна серьезнаго изученія сама по себѣ, тогда какъ познанія эмпирическія служатъ только средствомъ для высшей цѣли — созерцанія. Здѣсь главное вниманіе обращалось на нравственную сторону; предлагались понятія и примѣры добродѣтели, представляемой философами и особенно Платономъ и одухотворенной одною евангельскою добродѣтелью — любовью. Приготовивши такимъ образомъ духъ ученика, возбудивши въ немъ любовь къ наукѣ и давши ему нить, или основную идею нравственную, учитель бросалъ ученика въ обширное море человѣческихъ мнѣній, т. е. излагалъ предъ ними мнѣнія поэтовъ и философовъ, — вообще знакомилъ ихъ со всею тогдашнею мудростію. При этомъ, какъ учитель христіанскій, глубоко изучившій философію и богословіе, проникнутый непоколебимымъ убѣжденіемъ въ истинности христіанскаго ученія, онъ старался разсмотрѣть всѣ эти системы и ученія критически, отдѣляя истинное отъ ложнаго и сближая нѣкоторыя мысли, заключавшія въ себѣ проблески истины, съ мѣстами св. Писанія, и указывая на него какъ на источникъ того, что было истинною въ языческой мудрости⁽⁸⁵⁾. Но все это обученіе было, по мысли учителей, только преддверіемъ, или необходимымъ введеніемъ къ тому, что должно было объясняться далѣе, къ чему стремилась главнымъ образомъ школа — богословію. „Послѣ остановки въ преддверіи, говоритъ Григорій, Оригенъ вводилъ своихъ учениковъ въ святилище и открывалъ имъ храмъ Писаній, убѣждая ихъ предаться Богу и Его пророкамъ. Все его богословіе основалось на Писаніяхъ; онъ ограничивался ихъ объясненіемъ и дѣлалъ это съ такою силою, что св. Григорій въ его словахъ, какъ толкователя пророковъ, видѣлъ тотъ же духъ, какъ и въ самихъ пророкахъ“⁽⁸⁶⁾.

Измѣнивши такимъ образомъ внѣшній строй, школа пошла твердыми шагами къ выполненію возложенныхъ на нее задачъ — соединенія вѣры съ знаніемъ, съ тою цѣлію, чтобы съ одной стороны опровергнуть всѣ возраженія, которыя дѣлались христіанству со стороны философско-языче-

(85) Ibid.

(86) Panegir. Origen. n. XIV.

скаго и іудейскаго міра, а съ другой—на основаніяхъ философскихъ построить христіанскую науку. Первымъ взялъ на себя выполнение подобной задачи учитель Александрійской школы Пантень.

Пантень, изъ стоическаго мудреца сдѣлавшійся христіаниномъ философомъ⁽³⁷⁾, со всею горячностію своей пылкой натуры обратилъ всѣ свои силы на пользу христіанства. Слава объ его учености и благочестіи съ одной стороны и требованія времени съ другой—побудили александрійскаго епископа Юліана избрать Пантена въ 179 г. по Рождес. Христ. на должность паставника Александрійскаго огласительнаго училища⁽³⁸⁾. И онъ оказался вполне достойнымъ своего назначенія. Какъ велъ дѣло преподаванія и что сдѣлалъ Пантень въ теченіе своего десятилѣтняго пребыванія въ должности паставника школы, — объ этомъ не сохранилось подробныхъ свѣдѣній; собственныя же его сочиненія, довольно многочисленныя⁽³⁹⁾, не сохранились до нашего времени. Но изъ краткихъ замѣтокъ древнихъ историковъ и писателей, особенно его учениковъ и преемниковъ, о дѣятельности Пантена, какъ паставника школы, можно воспроизвести въ главныхъ чертахъ картину дѣятельности школы при Пантенѣ⁽⁴⁰⁾. Изъ этихъ замѣчаній видно, что Александрійская школа во время Пантена стремилась къ выполненію тѣхъ же задачъ, которыя она рѣшала и вовсе послѣдующее время своего существованія. Такъ Евсевій, говоря о Пантенѣ, замѣчаетъ, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ учителей христіанства, какъ по краспорѣчію, такъ и по знанію божественныхъ Писаній и во время пребыванія учителемъ школы отчасти живымъ голосомъ — усно, а отчасти въ писаніяхъ изложилъ золото божественныхъ догматовъ⁽⁴¹⁾, чѣмъ очевидно указываетъ на двойкій родъ дѣятельности Пантена — изъясненіе св. писанія и изложеніе христіанска-

(37) Евсев. ц. Истор. кн. VI гл. 10.

(38) Ibid. гл. 9 и 10.

(39) Гетта, ц. встор. т. II стр. 8.

(40) Изъ историковъ и писателей говорятъ о Пантенѣ: Евсевій, Климентъ, Оригенъ, Иеронимъ, Феодотъ, Руффинъ и Фотій.

(41) Евс. ц. встор. кн. VI гл. 10.

то ученія. На ту же мысль наводятъ и нѣкоторые отрывки изъ сочиненій самаго Пантена, сохранившіеся у нѣкоторыхъ писателей⁽⁴²⁾. И конечно изложеніе христіанскаго ученія у него не было только простою катехизаціею, — этому противорѣчить и самое воспитаніе Пантена и назначеніе его учителемъ Александрійской школы. По всей вѣроятности оно соединялось съ полемикою противъ враговъ христіанства и апологетикою этого послѣдняго и было основано на философскихъ началахъ. Предположеніе это становится выше всякаго сомнѣнія, когда мы обратимъ вниманіе, во 1-хъ, на свидѣтельства его ученика Климента и ученика послѣдняго Оригена. Первый свое сочиненіе „Гипотипозы“, въ которомъ изъясняетъ св. Писаніе въ духѣ александрійской школы, называетъ *ἵποτυπῶματα* (322 и 324), именно потому, какъ объясняетъ Евсевій⁽⁴³⁾, что онъ въ немъ только воспоминаетъ преданное отъ Пантена, а второй ясно говоритъ, что онъ самъ изучаетъ и преподаетъ философію и ученіе еретиковъ, слѣдуя примѣру Пантена, который поступалъ такимъ же образомъ гораздо прежде него⁽⁴⁴⁾. Во 2-хъ, на то обстоятельство, что Пантенъ могъ увлекать въ христіанство и отвращать отъ языческой философіи даже такихъ философовъ, какъ Климентъ Александрійскій. Иеронимъ же замѣчаетъ, что Пантенъ основательнымъ знаніемъ предметовъ философіи и другихъ наукъ принесъ великую пользу весьма многимъ слушателямъ⁽⁴⁵⁾. Итакъ, изъясненіе св. Писанія, изученіе философіи и вообще всего знанія и положительное изложеніе христіанскихъ догматовъ съ цѣлями полемическою и апологетическою, — вотъ тѣ задачи, которыя рѣшала школа Александрійская во время Пантена. Понятно, что всѣ эти задачи не могли быть выполнены такъ широко и глубоко, какъ онѣ были выполнены школою въ слѣдующее время, — но всетаки можно думать, что основные пункты

(42) Въ греческихъ злогогахъ Феодота цитируется изъясненіе Пантена 18 посл. т II стр. 1002, а Анастасій Синавъ говоритъ, что Пантенъ дѣло шестидневнаго творенія объяснялъ о Христѣ и Его церкви.

(43) Еве. ц. Ист. кв. VI гл. 13.

(44) Ibid. гл. 19.

(45) Твор. іер. о дост. муж. гл. 36.

всѣхъ указанныхъ задачъ были намѣчены Пантеномъ довольно подробно и обстоятельно, что если Пантенъ не развилъ своего ученія въ стройную, опредѣленную систему знанія, — что, конечно, и не могло быть, такъ какъ христіанская наука при немъ только зарождалась, — все-таки онъ указалъ тотъ путь, по которому должна была идти Александрійская школа съ этого времени. Пантенъ внесъ въ школу философскій духъ и направленіе и намѣтилъ основные пункты христіанскаго ученія, и этимъ съ одной стороны далъ въ руки христіанъ оружіе противъ враговъ христіанства, а съ другой — положилъ начало систематическому построенію науки, — въ этомъ его великая заслуга для христіанства вообще и для Александрійской школы въ особенности, — заслуга, вслѣдствіе которой христіанство возвысилось и стало тѣмъ, чѣмъ оно явилось въ послѣдствіи въ борьбѣ съ ересями, а школа сдѣлалась учительницею всего христіанскаго востока. Но это же направленіе могло имѣть и дѣйствительно имѣло и вредныя послѣдствія, какъ для христіанства, такъ и для самой школы. Въ лицѣ Пантена школа рѣшилась идти раціональнымъ путемъ, — объединить вѣру съ знаніемъ и обосновать первую на послѣднемъ такъ, чтобы о всякой христіанской истинѣ можно было сказать не только, какова она, но и почему она такова, — однимъ словомъ школа рѣшилась разумно понять христіанство, указать его согласіе съ человѣческимъ разумомъ. Но этотъ путь чрезвычайно скользокъ и опасенъ и можетъ вести при малѣйшей ошибкѣ къ раціонализму. Чтобы удержаться на этомъ пути, нужно, чтобы изслѣдованіе не погашало чувствованій, чтобы разумъ не вредилъ сердцу, чтобы объимъ этимъ сторонамъ человѣческаго духа указаны были опредѣленные границы, дальше которыхъ они не переходили бы. Христіанство есть религія безусловно совершенная, требующая безусловнаго подчиненія своему авторитету и по этому одному уже главнымъ образомъ коренится въ сердцѣ и чувствѣ. Чувство, сердце и совѣсть служатъ для нея началомъ и непосредственнымъ основаніемъ. Въ силу этого одного христіанство необходимо требуетъ, чтобы разумъ находился въ подчиненіи вѣрѣ, и чтобы ему не давалась безграничная воля. Христіанство прежде всего требуетъ вѣры; знаніе для него хорошо только въ такой мѣрѣ, въ какой оно внутренне соединено

съ религіознымъ чувствомъ и ищетъ своего свѣта по преимуществу въ общеніи съ Богомъ. Съ другой стороны трудно удержатъ въ должныхъ предѣлахъ и самый разумъ, когда онъ простираетъ свое вліяніе на истины религіозныя и старается не столько увѣривать въ нихъ, сколько понять ихъ внутреннюю сторону, когда такимъ образомъ религія изъ области чувства переходитъ въ область разсудка. — Въ этомъ случаѣ стремленіе все понять, все испытать неизбѣжно превращаетъ религію въ пустой, мертвящій формализмъ, является желаніе проникнуть во всѣ уголки этого религіознаго міра, и такъ какъ всякая религія, уже по самому существу своему, неизбѣжно заключаетъ въ себѣ элементъ таинственный, недоступный для слабаго человѣческаго ума, то естественно при такомъ направленіи ума должны быть посягательства со стороны этого послѣдняго на область ему недѣстную и ошибки неизбѣжны. Тѣмъ болѣе такія ошибки, при указанномъ направленіи ума человѣческаго, неизбѣжны, если дѣятельность ума направляется на истины христіанской религіи, религіи божественной и всесовершенной и потому самому заключающей въ себѣ элементъ таинственный въ высшей степени. Такъ бываетъ съ каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ; такъ случилось и съ цѣлою школою. Какъ скоро она, вопреки слову Апостола, предписывавшаго общее правило, чтобы разумъ не возносился надъ вѣрою, а напротивъ находился въ подчиненіи вѣрѣ, поставила своею задачею соединить вѣру съ знаніемъ такъ, чтобы понять и изъяснить въ христіанствѣ все на основаніи началъ разума, рѣшилась привести все христіанское ученіе въ строго-логическую систему знанія по образцу системъ философскихъ; то преступила должные предѣлы, внесла раціонализмъ въ христіанство, позволяя себѣ дополнять христіанское ученіе въ тѣхъ его пунктахъ, которые, по своей таинственности и недоступности для человѣка, скрыты были отъ взоровъ слабаго человѣческаго ума. Впрочемъ, къ подобному выводу Александрійская школа пришла уже впоследствии, при ближайшихъ преемникахъ Пантена — Климентъ и Оригенъ; при немъ же, благодаря съ одной стороны зачаточному состоянію христіанской науки и новаго направленія въ христіанствѣ, а съ другой — глубоко-религіозному чув-

ству самаго Пантена⁽⁴⁶⁾, школа устояла на православної почвѣ и удержалась отъ крайностей раціоналистическаго направленія.

Начало раціоналистическому направленію въ Александрійской школѣ положилъ ученикъ Пантена Климентъ александрійскій, принявшій управленіе школою въ 190 г. по Рожд. Христовѣ, послѣ удаленія Пантена на проповѣдь евангелія въ Индію и другія страны востока. Какъ вѣрный ученикъ Пантена, хорошо изучившій у ногъ его христіанское ученіе⁽⁴⁷⁾, всесторонне развитый, обладавшій, какъ показываютъ его творенія, почти невѣроятною эрудиціею и самъ бывший философомъ⁽⁴⁸⁾, Климентъ какъ нельзя лучше понималъ всю необходимость выполненія Александрійскою школою принятыхъ ею на себя задачъ, особенно въ виду положенія христіанства въ Александріи. И вотъ онъ, какъ только сдѣлался наставникомъ школы, съ жаромъ принялся за продолженіе начатаго его учителемъ дѣла,—соединенія вѣры съ знаніемъ, поставивши философію, какъ царицу и госпожу всѣхъ человѣческихъ наукъ, главнымъ орудіемъ для достиженія этой цѣли.

Выходя изъ того основнаго положенія, что знаніе должно быть вѣрующимъ и вѣра должна быть знаніемъ (Str. 11, 4), Климентъ рѣшилъ объединить науку и христіанство такъ, чтобы наука проникалась вѣрою и истины вѣры были возведены въ форму науки, научнаго построенія—систему. Но такъ какъ противъ такого объединенія возставали съ одной стороны нѣкоторые изъ александрійскихъ христіанъ, а съ другой—почти всѣ западные ученые, слѣдующіе традиціонному направленію западнаго христіанства⁽⁴⁹⁾, то Климентъ по необходимости долженъ былъ сначала показать необходимость и разумность этого соединенія. Такъ онъ и посту-

⁽⁴⁶⁾ Евсевій, Ист. кн. VI гл. 10, замѣчаетъ о Пантенѣ: «этотъ мужъ показалъ такой жаръ къ слову Божію, что вышелъ проповѣдникомъ евангелія странамъ востока».

⁽⁴⁷⁾ Ц. Ист. Евс. кн. VI гл. 11.

⁽⁴⁸⁾ Ibid.

⁽⁴⁹⁾ Западные учителя: Тертуліанъ, de anim. 543, Татіанъ, прот. Грековъ XIV, 18; XV, 40, Лактанцій и др. смотрѣли на языческую философію и на все языческое знаніе, какъ на произведеніе злаго духа.

циль. Онъ развилъ цѣлую теорію объ отношеніи вѣры къ знанію и о необходимости и разумности объединенія этихъ двухъ элементовъ,—теорію, которая легла въ основу всего послѣдующаго раскрытія христіанскаго вѣроученія, даже развитія самой науки, и которая была принята за исходный пунктъ не только самою Александрійскою школою, но и всею христіанскою церковію.

Нѣтъ знанія безъ вѣры; нѣтъ и вѣры безъ знанія (Str. V, 1, 17),—вотъ основная идея и характеристика христіанской науки по Клименту. Первоначальное основаніе всякаго истиннаго знанія есть вѣра въ истину, открытую Богомъ во Христѣ, въ которомъ явилась вся полнота истины и сосредоточено все, что смутно и по частямъ представлялось истиннаго и непреложнаго человѣческому уму (Str. II, 2; Cohort. ad gent. II, 16 и др.). Безъ этого знаніе не имѣетъ опоры, потому что основныя начала его недоступны, по самой природѣ, уму человѣческому и даже языческіе философы начинали вѣрою, хотя, не имѣя данной отъ Бога непреложной истины, они вѣровали въ собственныя измышленія и блуждали во мракѣ (Str. II, 4; ep. V, 14). Единственнымъ основаніемъ самой вѣры служитъ то, что ея истины сообщаются самимъ Богомъ, который есть истина (ibid. V, 1): вѣра есть даръ благодати Божіей (ibid. I, 7), и, по своей сущности, есть свободное предубѣжденіе—*προβληψις*, благочестивое согласіе, уповаемыхъ извѣщеніе, вещей невидимыхъ обличеніе (ibid. II, 2); иначе: свободное согласіе, мудрое предубѣжденіе въ томъ, что становится понятнымъ впослѣдствіи (ibid. II, 6). Источникомъ этой вѣры служитъ св. Писаніе (ibid. II, 16; I, 20; VII, 16 и др.); но чтобы извлекать изъ него чистую и несомнѣнную истину, чтобы не впасть въ заблужденіе и произволъ пужно подчинить себя при этомъ водительство церкви и ея преданія: „тотъ перестаетъ быть человѣкомъ Божіимъ и вѣрнымъ служителемъ Господа, говоритъ Климентъ, кто отвергаетъ церковное преданіе и прилѣпляется человѣческимъ ересямъ (ibid. VII, 16 и др.)“. Богодарованная и заимствованная отъ церкви вѣра сама по себѣ совершенно достаточна для спасенія (ibid); при ея помощи люди прививаются къ истинѣ, какъ къ виноградной лозѣ (ibid); но, по самой природѣ своей, человѣкъ не можетъ на ней остановиться (ibid). Поелику вѣра есть начатокъ знанія, сокращенное знаніе, не

знанія и есть критерій его (Str. II, 4); ничего также онъ не можетъ прибавить своего, потому что откровеніе совершенно и полно (ibid. I, 20). Такимъ образомъ Климентъ въ своей теоріи о соединеніи вѣры съ знаніемъ построилъ вполне разумный и не имѣвший ничего себѣ подобнаго въ мірѣ языческомъ, по самому существу дѣла, планъ христіанскаго образованія,—христіанскую энциклопедію наукъ, которая въ общихъ чертахъ навсегда должна остаться идеаломъ человѣческаго знанія. Правда, основная идея этого плана не нова; она заимствовала цѣликомъ у Филона, стремившагося, какъ уже извѣстно, соединить въ одно цѣлое языческой идеализмъ и іудейскій супранатурализмъ. Климентъ только развилъ ее примѣнительно къ христіанскому откровенію. Но этого, конечно, нельзя ставить въ упрекъ Клименту, потому что его задача была одинакова съ задачей Филона. Но дѣло собственно не въ этомъ; теорія Климента, и при заимствованіи ея идеи, всетаки остается теоріею совершенною, имѣющею характеръ чисто - христіанскій,—а въ томъ, какъ выполнилъ Климентъ эту теорію на практикѣ. Можно часто писать хорошія теоріи, но не всегда онѣ выполняются на практикѣ; между теоріею и выполненіемъ ея на дѣлѣ можетъ быть и бываетъ очень часто совершенный разладъ, или по крайней мѣрѣ, значительное несходство. Посмотримъ же, какъ Климентъ примѣнилъ свою теорію къ практикѣ.

Выше мы замѣтили, что соединеніе вѣры и знанія въ одно цѣлое, стройное, было какъ для Климента, такъ и для всей Александрійской школы только средствомъ для двухъ цѣлей, именно: защиты христіанской истины отъ нападеній ея многочисленныхъ враговъ и построенія изъ христіанскаго ученія научной системы, которая, равняясь по своей стройности и крѣпости системамъ философско-языческимъ, была бы въ тоже время системою чисто христіанскою. Отсюда видно, что основная задача школы распадалась на двѣ частнѣйшія: защиту христіанства отъ враговъ и построеніе христіанской науки. Первая задача въ свою очередь распадается на двѣ части: на часть собственно полемическую, въ которой доказывается несостоятельность нападающихъ на христіанство ученій и на часть апологетическую, въ которой, вопреки нападеніямъ, доказывается, что христіанство есть единственно истинная религія, что ученіе его въ

высшей степени совершенно и разумно и что поэтому оно одно имѣетъ право на призваніе его истинною религіею со стороны всего человѣчества. Вторая задача представляетъ также двѣ части: построение собственно системы вѣроученія христіанскаго и построение такой же системы христіанскаго правоученія, иначе: построение системы догматическаго и нравственнаго богословія. Къ этой послѣдней части присоединяется изслѣдованіе источниковъ христіанскаго ученія— св. Писанія и Преданія, служащихъ основаніемъ для ней и вмѣстѣ введеніемъ въ систему христіанскаго ученія,—изслѣдованіе тѣмъ болѣе необходимое для Александрійской школы въ данный періодъ, что ни канонъ св. книгъ, ни преданіе не были еще въ то время опредѣлены съ точностію. Выполненіе чего же изъ всѣхъ намѣченныхъ нами частей взять на себя Климентъ? И какъ выполнилъ это взятое въ связи съ общою своею задачею? Воспитанный въ язычествѣ и съ самыхъ юныхъ лѣтъ напитанный всею языческою мудростію, напитанный до того сильно, что даже обращеніе въ христіанство и изученіе христіанскаго ученія у такого наставника, какъ Пантенъ, не могло, какъ показываютъ творенія Климента, особенно Педагогъ, измѣнить принятаго имъ философско - стоическаго и платоновскаго направленія ⁽⁵⁰⁾, Климентъ, при выполненіи задачъ школы, не считалъ себя компетентнымъ въ хорошемъ знаніи и пониманіи сущности христіанскаго вѣроученія. А потому изъ предложенныхъ школъ самую жизнь и указанныхъ нами выше задачъ, избралъ для себя то, что гармонировало съ его философскимъ настроеніемъ, что было болѣе сродно съ его внутреннимъ строемъ. Такъ какъ онъ обладалъ громадною эрудиціею, зналъ въ совершенствѣ все язычество со всѣми его атрибутами: поэзіею, философіею и т. далѣе, то изъ апологетической задачи избралъ часть полемическую ⁽⁵¹⁾. Поелику же

⁽⁵⁰⁾ Бергій—Francis. Berg, Dissert. de Clem. Alex. Doctrina Moral, 36—говоритъ о Климентѣ: «въ немъ ясно замѣтны принципы стоическіе, что подтверждается и характеромъ изложенія его сочиненій спокойнымъ и ровнымъ».

⁽⁵¹⁾ Самые сочиненія Климента указываютъ на его задачу: Увѣщаніе, гдѣ говорится о нецѣлности язычества, Строматы, гдѣ противопоставляется христіанство язычеству и Педагогъ, гдѣ указывается единственный руководитель—Христосъ.

до своего обращенія въ христіанство, хотя изучалъ эккле-
тическую философію, однако принадлежалъ собственно къ
стоической школѣ, былъ философомъ-стойкомъ ⁽⁶²⁾, како-
вымъ остался и по обращеніи въ христіанство, а въ фило-
софіи стоиковъ нравственная сторона является преобладаю-
щею, то изъ второй задачи Климентъ взялъ на себя трудъ
раскрытія нравственнаго христіанскаго. Какъ же рѣшить онъ
объ взятыя на себя задачи?

Уже на основаніи сказаннаго нами о громадной эру-
диціи Климента мы можемъ положительно напередъ утвер-
ждать, что первую изъ принятыхъ на себя задачъ Кли-
ментъ выполнитъ блистательно. И дальнѣйшее изслѣдованіе
вполнѣ обнаружитъ справедливость этого положенія. Взявши
на себя трудъ опровергнуть всѣ ученія, несогласныя съ
христіанствомъ, или прямо ему противоположныя, Климентъ
вполнѣ основательно, на основаніи собственныхъ сочиненій
лицъ, принадлежавшихъ и принадлежащихъ къ тому, или
другому кругу ученыхъ, несогласныхъ съ христіанствомъ,
доказалъ несостоятельность, какъ язычества со всѣми его
обнаруженіями и произведеніями — ересями, такъ и иудейство
съ его обрядовою законностію. Для этого онъ пользовался
методомъ историческимъ, указывая на первоначальное про-
исхожденіе, постепенное развитіе и на основной характеръ
каждаго изъ несогласныхъ съ христіанствомъ ученія. Глав-
нымъ принципомъ для опредѣленія истинности, или лож-
ности всякаго ученія служить у Климента давность проис-
хожденія того или другаго ученія, указывающая на боль-
шую, или меньшую близость этого ученія къ первобытнымъ
временамъ, когда первоначальныя, сообщенныя Богомъ,
истины могли сохраниться въ большей чистотѣ и неповреж-
денности. Съ особеннымъ вниманіемъ Климентъ останавли-
вается на язычествѣ, такъ какъ оно во время Климента
заявляло свою особенную силу и само по себѣ и подъ фор-
мою неоплатонической философіи. Прежде всего онъ изслѣ-
дуетъ происхожденіе язычества и основные фазисы его раз-
витія. Такихъ фазисовъ онъ находитъ семь: 1) сначала люди,
пораженные блескомъ небесныхъ свѣтилъ, обоготоворили тѣла

⁽⁶²⁾ Образъ рѣчи Климента, по замѣчанію Бергія, кротокъ и спо-
коенъ, какъ у стоика. См. прим. 50.

небесных.—это сабеизмъ—первичная форма идолопоклонства; затѣмъ, 2) когда люди почувствовали на себѣ вліяніе земли и ея произведеній, то обоготворили плоды земли; далѣе, 3) сознавши вредное вліяніе какъ нѣкоторыхъ силъ природы, такъ и злыхъ людей, люди обоготворили эти злыя силы природы; 4) при дальнѣйшемъ своемъ развитіи люди приплыли къ сознанію того, что боги живыя существа и потому создали себѣ боговъ на подобіе людей; по эти боги еще не были вполне человѣкообразными, преобразование ихъ въ совершенныхъ людей совершилось 5) въ пятый періодъ существованія язычества; въ 6-мъ періодѣ начинается собственно миѳологія; поэты начинаютъ украшать жизнь и дѣятельность боговъ различными сказаніями и вымыслами; наконецъ, въ 7-й періодъ существованія язычества люди дошли до понятія о богахъ, какъ существахъ добрыхъ—благодѣтеляхъ людей и начали обоготворять тѣ добрыя дѣйствія, которыя обнаруживались въ родѣ человѣческомъ чрезъ провиденіе (Protr. p. 22 и д.). Самое же начало культа языческаго Климентъ производитъ отъ пѣсней Орфея, Амфіона и Аріона. Эти мужи, говоритъ онъ, и вмѣстѣ съ ними Фрацій, Тебанъ и Метимней первые привели людей къ почитанію идоловъ и пробудили въ нихъ непреодолимую привычку строить изображенія боговъ изъ камней и дерева (ibid. p. 3 и 4). Итакъ, уже въ послѣдствіи, въ болѣе позднѣе время люди создали боговъ, которымъ они поклонялись (Protr. p. 38). Гдѣ же собственно началось идолопоклонство? Много было мнѣній касательно этого между отцами и учителями церкви. Евсевій, напримѣръ, считалъ родоначальниками идолопоклонства Финикіянъ и потомъ Египтянъ⁽⁵³⁾; Климентъ, на основаніи свидѣтельства Страбона⁽⁵⁴⁾ о томъ, что храмъ Луны существуетъ какъ въ Албаніи, такъ и во Фригіи, сообразно съ своею теоріею о началѣ идолослуженія, приходитъ къ тому выводу, что первыми идолослужителями—сабеистами нужно считать Фригійцевъ (Admon. ad Graec. p. 22). Указавши начало идолослуженія, Климентъ проходитъ молчаніемъ двѣ послѣдующія фазы въ развитіи язычества, такъ какъ въ почитаніи боговъ въ эти фазы можно видѣть еще

(53) Евс., Praepar. ad Evang. lib. 4, cap. 6 и д.

(54) Strabon., lib. 12 Georg., p. 537.

нѣкоторый смыслъ и значеніе, и прямо переходитъ къ разсмотрѣнію четвертой и пятой фазы развитія язычества, когда люди не только приписывали богамъ человѣческія формы, но и обычаи и страсти, переходитъ потому, что здѣсь всего яснѣе открывается нелѣпность современнаго ему язычества. Что же это за боги человѣкообразные? Всѣхъ боговъ языческихъ Климентъ дѣлитъ на двѣ категоріи: одни изъ нихъ были не болѣе какъ обоготворенные люди, другіе, напротивъ, самымъ наименованіемъ своимъ выражали тѣ или другія понятія и служили олицетвореніемъ какой либо идеи. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ нельзя не видѣть вліянія на Климента неоплатонической философіи, стремившейся объяснять язычество, какъ выраженіе извѣстныхъ идей. Басня о Юпитерѣ и Прометѣѣ, говоритъ Климентъ, выдуманна Гезіодомъ (*Str. lib. VII, 6, 847*); эту же мысль подтверждаетъ Лукіанъ въ своемъ діалогѣ о богахъ (*ibid.*). Самые же Юпитеры, которыхъ было три, были не болѣе, какъ люди: два были рождены въ Аркадіи (*Cic. de nat. deor. lib. III. 247*), третій же по происхожденію былъ кремензеецъ (*Eriph. Anchor. § 108, p. 108*); изъ этихъ Юпитеровъ называется Сатурномъ именно тотъ, который сбросилъ при кавказскихъ горахъ въ пропасть своего отца (*Eriph., ibid.*); другой называется Лаціаріемъ, отъ него получили начало гладиаторы; третій—Трагедъ, который сжегъ руку (*ibid.*). По другимъ, изъ числа этихъ Юпитеровъ одинъ носитъ имя Агамемнона, и жилъ въ Спартѣ (*Protrept. 32*); другой, почитаемый подъ именемъ Муравья, былъ родомъ изъ Фессаліи (*ibid.*); третій происходилъ изъ аргивской страны и назывался лысымъ, и былъ до того сладострастенъ, что, по выраженію Климента, увидался около женщины, какъ козель (*ibid.*). Точно также извѣстно, что и Марсъ былъ человѣкъ, хотя писатели языческіе и разногласятъ о его отечествѣ, называя его то спартапцемъ—Епихармъ, то аракійцемъ—Софокль, то аркадявиномъ—Гомеръ (*ibid. p. 25*). Извѣстно также, говоритъ Климентъ, происхожденіе Аполлона. Онъ происходилъ изъ окрестностей Трояды, гдѣ было много мышей, почему и назвался смипойскимъ (*ibid. p. 34*). Къ этому прибавляетъ Климентъ, что Аполлонъ, вмѣстѣ съ Геркулесомъ, служилъ царю аргивскому Адмету (*Str. lib. I, 21, 363*). Въ другомъ мѣстѣ, впрочемъ, Климентъ производитъ имя Аполлонъ отъ слова α — частицы отрицательной и $\pi\omicron\lambda\lambda\omicron\iota$ — многіе, т. е.

язычники этимъ названіемъ хотѣли сказать, по Клименту, что Аполлонъ не есть многое, а единое, или что Аполлонъ есть единый Богъ (ibid. 24, 419). Исно также показываетъ Климентъ, что Эскулапъ былъ человѣкъ обоготворенный, хотя писатели языческіе и не говорятъ, откуда онъ былъ родомъ (Protr. 26). Нептунъ, по Клименту, былъ медякъ, жившій въ Тенаѣ (ibid.). Сатурнъ же родился въ Сициліи, гдѣ и былъ погребенъ (ibid.); по имени его Юпитеръ, сынъ его, называлъ землю Сатурніею, а потомъ устроить ему жертвенникъ и приписалъ ему жертвы, какъ Богу,—это и послужило началомъ сатурналій (Macrobi. de Saturn. cap. 7); также и Вакхъ, или Діонисъ, былъ по происхожденію человѣкъ (Protr. 15). Точно также и египетскіе божества Аписъ и Сераписъ по происхожденію были смертные люди, обоготворенные только впоследствии—Аписъ третій отъ Инаха (Str. lib. I, 21, 382); а также простыми людьми были: Будда, почитаемый Индійцами за Бога (ibid. 15, 359), Геркулесъ, служившій у аргивскаго царя Адмета (ibid. 21, 383); боги египта: Минерва-Діана, или Немезида (ibid. VII, 4, 841), Венера и др. (Protr. 33). Только уже впоследствии времени, когда люди обоготворили всѣхъ этихъ людей и когда потеряли первоначальный смыслъ сказаній о богахъ, язычники стали считать своихъ боговъ и богинь выраженіемъ тѣхъ или другихъ идей, тѣхъ или другихъ тѣлесныхъ и душевныхъ состояній и достоинствъ, или недостатковъ и такимъ образомъ на мѣсто простыхъ смертныхъ людей стали считаться у язычниковъ богами отвлеченныя понятія, идеи. Такъ, Венера стала почитаться, какъ выраженіе тѣлесной красоты (ibid.), Діана—силы воинствующей (ibid.), Діана—Минерва—какъ Немезида, или Судьба, которая препятствуетъ людямъ удалиться отъ Бога (Str. VII, 3, 840); 12-ть дѣлъ Геркулеса язычники стали объяснять аллегорически, какъ восхожденіе души къ совершенству (ibid. V ч. 711). Слѣдствіемъ такой идеализаціи было то, что язычники поставили въ числѣ боговъ болѣзнь, наказаніе, нужду, смерть, любовь, честь, помощь, согласіе, свободу, вражду, мужество, сладострастіе, вѣру, добродѣтель и другія отвлеченныя понятія (Protr. 8 и 22). Такимъ образомъ несостоятельность язычества, по Клименту, открывается изъ самаго его происхожденія и понятія язычниковъ о жизни самихъ боговъ. Притомъ этихъ боговъ было такъ много, что ихъ и пере-

числить невозможно: каждый изъ боговъ являлся нерѣдко подъ двумя и болѣе именами: напр. Миперва—Діана—Цемезида, Сатурнъ—Юпитеръ и др. и нѣсколько боговъ послали одно и тоже имя: три Юпитера, шесть Аполоновъ, пять Мипервъ, три Діаны и т. д., и всѣ эти боги, по своему нравственному безобразію, не только являются похожими на самихъ язычниковъ, но неизмѣримо превосходятъ ихъ. „Сколько, восклицаетъ Климентъ, рассказывается о различныхъ сраженіяхъ боговъ, ихъ ранахъ, преслѣдованіяхъ, мести, сладострастіи и другихъ злодѣяніяхъ, которыя признаются всѣми какъ-бы одними устами“! (ibid. IV, 51). Самый культъ боговъ языческихъ носитъ на себѣ печать нелѣпности и безнравственности. Такъ, во время служенія Вакху язычники, по Клименту, ѣли сырое мясо (Protr. IV, 11), закалали, какъ свидѣтельствуешь Дозидъ, сами себя и предавались невоздержанію и сладострастію: „такъ называемая, говоритъ Климентъ, священная почъ невоздержанія и огонь, который блистаетъ на лицахъ.—все указываетъ на пороки и страсти души. Затупи огонь, жрецъ, восклицаетъ онъ, угаси лампы, ты, который показываешь свое лицо,—свѣтъ обличаетъ твоего Вакха“! (ibid. 37). Нѣкоторые же изъ язычниковъ украшали свою голову змѣями, какъ бы вѣнцомъ, и, прохаживаясь въ такомъ видѣ, восклицали: *Ево! ево!*, призывая, замѣчаетъ Климентъ, ту Еву, которая соблазнена змѣемъ (ibid. 12). Такою же жестокостію и безнравственностію, по Клименту, отличаются культы Цибелы, или Цереры, матери боговъ, Мипервы и Діаны, такъ что пораженный всѣмъ этимъ безобразіемъ восклицаетъ: „да погибнетъ тотъ, кто былъ изобрѣтателемъ, или творцемъ людскихъ заблужденій этого рода, Дардаль ли то, который указалъ на мистеріи матери боговъ, или Этіаль, который уяснилъ оргіи Самооракіанъ и священныя мистеріи ихъ, или Фриксъ мидіецъ, который научился отъ Обриза и потомъ передалъ поэтическое заблужденіе тѣмъ, которые вняли его словамъ (ibid)“⁴. Не менѣе ясно, по ученію Климента, о несостоятельности языческой религіи, какъ произведеніи чисто человѣческаго измышленія, свидѣтельствуешь позднѣйшее происхожденіе храмовъ и жертвенниковъ языческихъ боговъ. Онъ доказываетъ, вопреки убѣжденію язычниковъ.—будто первымъ строителемъ храмовъ былъ нѣкто Фороней, называемый первымъ изъ людей,—что самые боги появились уже въ позднѣйшее время (Protr.

38 и д.); что если бы даже признать первымъ строителемъ храмовъ Фороней, то это еще не доказываетъ древности языческой религіи, потому что Фороней, какъ свидѣтельствуютъ Акузилай и Платонъ, называется первымъ изъ людей въ томъ смыслѣ, что онъ былъ первымъ послѣ потопа, бывшаго въ Спартѣ во время Огига (Str. lib I, 21, 379). Но даже и этого послѣдняго мнѣнія нельзя признать справедливымъ, потому что первые храмы появились въ Египтѣ: сначала они были простыми погребальницами умершихъ, а потомъ переименованы въ храмы (Protr. 3, 39) (**). Итакъ, ясно опять, что люди почитаютъ простыхъ усыпальницы людей за храмы, а ихъ самихъ за боговъ. Такого же позднѣйшаго происхожденія самыя изображенія боговъ. Для доказательства этой мысли Климентъ изслѣдуетъ подробно происхожденіе изображеній различныхъ языческихъ божествъ у различныхъ народовъ, начиная съ самыхъ грубыхъ формъ этихъ изображеній и постепенно восходя къ болѣе совершеннымъ формамъ ихъ, въ какихъ боги являются у Грековъ и Римлянъ (ibid. 38; Str. lib. I, 15, 357). Самыя эти статуи боговъ суть ничто иное, какъ снимки, или слѣпки съ тѣхъ или другихъ людей (***) и слѣдов. язычники опять почитаютъ за боговъ простыхъ смертныхъ людей. Но все это еще могло бы быть извинительнымъ, потому что въ этомъ послѣднемъ случаѣ люди были обманываемы художниками, по дѣлу въ томъ, что глупость язычниковъ на этомъ не остановилась: они стали завѣдомо почитать людей за боговъ, какъ напр. Пигмаліона (Protr. 4, 50), Дедала (ibid. 4, 11) и многихъ другихъ. Глупость язычниковъ высказывается также, по Клименту, въ оракулахъ, общественныхъ играхъ, какъ религіозныхъ учрежденійхъ, — мистеріяхъ и гимнастическихъ упражненійхъ. Первые были глупы и сами по себѣ и еще потому, что поддерживали язычество (ibid. 2, 9 и 10); вторые — поелику поддерживали язычество и по своему характеру (Strom. I, 21, 401). По тѣмъ же основаніямъ онъ признаетъ глупыми и нечестивыми мистеріи, бывшія источникомъ самаго язычества (ibid. VII, 4, 845), и гимнастику

(** и ***) Какъ въ самой теоріи о происхожденіи языческой религіи, такъ особенно въ ученіи о происхожденіи идолопоклонства и храмовъ, нельзя не видѣть сильнаго вліянія на Климента ученія книги Премудрости Соломоновой о томъ же предметѣ гл. 13, 14 и 15.

язычниковъ (ibid. I, 21, 401). „Язычники, говоритъ онъ, какъ бы сами сознавали глушость, открывающуюся въ ихъ мистеріяхъ и потому старались скрыть ихъ отъ непосвященныхъ въ таинства мистерій (ibid. II, 14, 461)“. Итакъ, все язычество, по Клименту, со всѣми его атрибутами носитъ на себѣ ясныя слѣды глушости и безнравственности самихъ почитателей его и потому само является въ высшей степени глупымъ и безнравственнымъ. Конечно, выводъ Климента, особенно объ оракулахъ, общественныхъ играхъ, мистеріяхъ и гимнастическихъ упражненіяхъ нельзя признать вполне справедливымъ. Съ исторической точки зрѣнія всѣ эти учрежденія языческаго міра имѣли соціальное значеніе, поддерживая духъ единенія между Греками. Но этого мы не въ правѣ и требовать отъ Климента. Онъ разсматриваетъ все язычество съ религіозной точки зрѣнія, какъ религію, а съ этой точки зрѣнія, нельзя не сознаться, язычество со всѣми его обнаруженіями представляется въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Какъ бы то ни было впрочемъ, Климентъ въ своемъ опроверженіи язычества ясно и основательно доказалъ несостоятельность язычества, такъ что всѣ попытки къ его возстановленію въ послѣдующее время со стороны неоплатониковъ и Юліана оказались безуспѣшными. Послѣ всесторонняго опроверженія язычества Климентомъ, оно окончательно потеряло всякій кредитъ въ глазахъ всѣхъ сколько либо мыслящихъ людей. Яснымъ свидѣтельствомъ такой побѣды надъ язычествомъ служить уже одно усиленное стремленіе неоплатонической философіи поддержать какимъ бы то ни было образомъ язычество.—стремленіе, особенно развившееся съ начала третьяго вѣка христіанской эры⁽⁶⁷⁾.

Доказавши не состоятельность язычества со всѣми его обнаруженіями, Климентъ счелъ особенно необходимымъ разсмотрѣть, по тѣсной связи ея съ язычествомъ, языческую философію, какъ актъ самаго высшаго проявленія чловѣческаго духа въ языческомъ мірѣ, какъ проявленіе высшаго знанія съ той его стороны, которая ближайшимъ образомъ соприкасается съ языческою религіею. И здѣсь онъ приходитъ къ тому же выводу, т. е. что и философія языческая представляетъ тѣже недостатки, какъ и само язычество. Все, что въ ней

(67) Представителями такого направленія являются Аммоній Саккъ и Плотинъ—Wacherot, I p. 341 и 342.

есть чисто-человѣческаго, все это ложь и заблужденіе, а потому философія являлась виновницею заблужденій язычества. Сами философы, замѣчаетъ Климентъ, долженствовавшіе по самому своему призванію (*Strom. lib. VI p. 761 и 762*) отвращать чернь и людей необразованныхъ отъ суевѣрій и пелѣпостей язычества, были главными распространителями и даже изобрѣтателями подобныхъ суевѣрій. „Философы, говоритъ онъ, которые принимали огонь, или воду за первичное начало всего сущаго, заимствовали это въ началѣ отъ Персовъ, или Сарматовъ, или жрецовъ, а потомъ уже простой народъ вслѣдствіе такого мнѣнія философовъ сталъ воздавать божескія почести Вулкану и Нептуну, ибо что такое Вулканъ, какъ не огонь, и что такое Нептунъ, какъ не нѣкоторая влажная субстанція (*Protr. V, 56*). Тоже суевѣріе распространяли и Фалесъ милетскій, признававшій воду за начало всѣхъ вещей, и Анаксименъ, считавшій такимъ началомъ воздухъ. Парменидъ выдумалъ боговъ признаніемъ за начало всего сущаго огня и воды (*ibid. 56*); Демокритъ присоединилъ къ двумъ началамъ третье, которое стало богомъ (*ibid. 57*); Алкмеонъ кротонскій превратилъ въ боговъ звѣзды, поелику считалъ ихъ одушевленными; Ксенократъ халкидонскій поставилъ въ числѣ боговъ семь планетъ, восьмымъ же богомъ призналъ то, что составляетъ изъ всѣхъ предыдущихъ, намекая этимъ на міръ (*ibid.*). Такими же изобрѣтателями боговъ Климентъ считаетъ стоиковъ, Аристотеля, Теофраста, Епикура. Только у нѣкоторыхъ философовъ, какъ напримѣръ Платона, говорящаго, что Бога совершенно познать нельзя, Антифена, думающаго, что Богъ никому не подобенъ, и потому не можетъ быть познанъ ни чрезъ какое изображеніе, также у Ксенофана, Клеанфа, Пифагора и его послѣдователей встрѣчаются нѣкоторые проблески истиннаго понятія о Богѣ, почему они и получили наименованіе атеистовъ (*ibid. VI, 20—21*). Въ этомъ однако, по Клименту, собственно заслуга не философовъ, потому что всѣ эти истинныя понятія о Богѣ, какъ и вообще все, что есть истиннаго въ философіи, отчасти у поэтовъ, потому только и истинны, что заимствованы языческими философами или изъ первобытнаго преданія, даннаго въ началѣ Богомъ для всего человѣчества (*Cohort. ad gent. 9; Str. 1 ч. 37*), или главнымъ образомъ изъ Богооткровеннаго ученія Евреевъ, съ которымъ философы могли

познакомиться или чрезъ путешествія по тѣмъ странамъ, гдѣ жили Евреи, или чрезъ изученіе самыхъ священныхъ книгъ еврейскихъ, книгъ, которыя древнѣе всѣхъ языческихъ ученій и философій (Strom. I, 15, 354). Эту послѣднюю мысль Климентъ доказываетъ съ особенною обстоятельностью, сопоставляя мѣста изъ сочиненій философовъ съ мѣстами Писанія. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что это сопоставленіе у Климента является чисто механическимъ, влѣдствіе чего у него появились многія натяжки: перѣдко онъ находитъ сходство тамъ, гдѣ его нѣтъ, да и быть не можетъ. „Все, что сказано языческими философами, замѣчаетъ Климентъ, какъ наприм. Антисфеномъ, Ксенофаномъ, великимъ Парменидомъ, Демокритомъ,—о бытіи Бога, Его единствѣ, безтѣлесности и о томъ, что Богъ, по своей фигурѣ, или формѣ, не можетъ быть ничему уподобленъ,—все это заимствовано изъ Исаи 40, 25 (Str. VII, 4, 841)“. Точно также все то, что философы предали въ своихъ сочиненіяхъ о высочайшемъ могуществѣ Бога,—все это заимствовано изъ Писанія (ibid. VI, 14, 708) Платонъ заимствовалъ названіе Бога Отца и Сына (ibid. 710 и 718); стоики заимствовали изъ Писанія, понимая буквально слова его, свое ученіе о Богѣ, что онъ состоитъ изъ тѣла, души и духа и проникаетъ все существующее (ibid. 699); Пифагоръ и Аристотель—изъ книги Бытія (1—2) свое ученіе о матеріи (ibid.), изъ книги Екклесіастъ (I, 1)—о томъ, что все произошло случайно; изъ Псалмовъ (35, 6) Аристотель заимствовалъ свою мысль о томъ, что Провидѣніе ограничивается предѣлами луны (ibid. 726). Что касается до того, что Пифагоръ называетъ небо *ἀντιχθον*, т. е. землю, противоположно нашимъ ногамъ, то это заимствовано изъ словъ Іереміи объ избранной землѣ и наслѣдіи Бога (ibid. 732). „Какъ много заимствовалъ Платонъ изъ Писанія, говоритъ Климентъ, можно повяť изъ свидѣтельства Нуменія пифагорейца, который говоритъ: „что такое Платонъ, какъ не Моисей, говорящій аттически“ (ibid.). „Можетъ быть демонъ Сократа, говоритъ Климентъ, означаетъ не иное что, какъ ангеловъ—стражей людей (ibid. 700)“. Кромѣ сего Климентъ находитъ у философовъ очень много мѣстъ заимствованныхъ изъ Писанія: о мірѣ первообразномъ—разумномъ, о мірѣ тѣлесномъ, о твореніи человѣка и другихъ предметахъ, какъ напр. мнѣніе Платона о томъ, что истинная дружба бываетъ только

между добрыми людьми, заимствовано изъ Писанія (ibid. 703). На воскресеніе мертвыхъ указываютъ по Клименту, извѣстная басня, разсказанная Платономъ о героѣ Арменіѣ, который чрезъ нѣсколько дней послѣ смерти воскресъ изъ мертвыхъ (ibid. 710). Климентъ находитъ также у Дифила (ibid. 700) много мѣстъ о высочайшемъ судѣ Божиѣмъ, сходныхъ съ ученіемъ Писанія; у Платона — о наказаніяхъ по смерти (ibid. 701); о блаженствѣ будущемъ — въ двухъ стихахъ философской поэтики Эмпедокла (ibid. 722). Очевидно, по Клименту, что всѣ эти истины заимствованы изъ Писанія. „Откуда, спрашиваетъ онъ, Эмпедоклъ взялъ свое ученіе о блаженствѣ, какъ не изъ Писанія, также какъ и другое мнѣніе о томъ, что міръ произошелъ изъ огня и опять въ него превратится?“ (ibid. I, 722). Изъ Писанія же стоики заимствовали свое ученіе о сгорѣніи міра (ibid.). Ту же мысль, т. е. что все произошло изъ огня и опять, по кончинѣ міра, снова разрѣшится въ огонь, взялъ изъ Писанія и Гераклитъ (ibid.). Точно также, замѣчаетъ Климентъ, и все истинное въ язычествѣ взято изъ Писанія, особенно у поэтовъ (ibid. VI, 14, 708 и 725 и др.), которые даже въ своихъ сказаніяхъ о жизни и чудесахъ языческихъ героевъ и боговъ были не болѣе какъ подражателями библейскимъ сказаніямъ (ibid. III, 755).

Такимъ образомъ въ концѣ концовъ уже сопоставленіе разныхъ мѣстъ изъ сочиненій языческихъ писателей и преимущественно философовъ съ мѣстами Писанія должно было привести Климента къ убѣжденію, что всѣ основныя истины христіанской религіи, или по крайней мѣрѣ значительная часть ихъ, содержались въ языческомъ знаніи. Къ такому выводу Климентъ дѣйствительно и приходитъ, говоря, что истина была и въ языческой философіи, только это былъ плодъ въ скорлупѣ: надобно разбить скорлупу, чтобы воспользоваться плодомъ (Strom. 17, 817); слѣдовательно, по Клименту, нѣтъ противоположности между философіею и Евангеліемъ; онѣ, по его взгляду, составляютъ какъ бы двѣ вѣтви одного и того же дерева (ibid.). Такъ у Климента разошлась теорія съ практикою! Желая доказать превосходство христіанскаго ученія предъ философіею и вообще всѣмъ языческимъ знаніемъ и для этого сопоставляя истины философіи съ истинами христіанскаго ученія, Климентъ не замѣтно сгладилъ различіе между философіею и христіанскою

истиною. Естественнымъ послѣдствіемъ такого широкаго пониманія философіи съ одной стороны и слишкомъ узкаго пониманія христіанства съ другой, явилось у Климента желаніе во что бы то ни стало примирить эти два элемента— философію и христіанство, объединить ихъ такъ, чтобы изъ соединенія ихъ составилось одно нераздѣльное цѣлое— философско-христіанская система знанія. Но какъ это сдѣлать? Какъ соединить христіанство и философію— два элемента, по самому существу своему, не соединяемые, въ смыслѣ отождествленія содержанія того и другаго?

Очевидно, что здѣсь представляются неизбежно два вывода: или христіанское ученіе возьметъ верхъ надъ философією и въ такомъ случаѣ послѣдняя потеряетъ всякое значеніе, или наоборотъ философія явится преобладающимъ элементомъ, и вслѣдствіе этого христіанское ученіе будетъ низведено на степень простой философской доктрины и потеряетъ свой основной характеръ ученія Богооткровеннаго. При своемъ широкомъ пониманіи философіи и отношенія ея къ христіанству Климентъ не могъ допустить перваго вывода, и потому естественно долженъ былъ идти вторымъ путемъ; а отсюда неизбежнымъ являлось рационалистическое возрѣніе на христіанство, низведеніе христіанскаго ученія на степень простой философско-религіозной доктрины, въ которой христіанство являлось только подкладкою философіи. Быть можетъ къ такому выводу Климентъ и пришелъ бы, если бы сталъ строить чисто научную систему христіанскаго знанія, но такъ какъ онъ не сознавалъ себя достаточно сильнымъ для такого важнаго дѣла, то онъ и ограничился простымъ механическимъ сопоставленіемъ христіанскихъ истинъ съ идеями философіи. Но и изъ этого сопоставленія можно видѣть направленіе Климента и его рационализмъ. Говоря это, мы, впрочемъ, разумѣемъ то, что Климентъ не создалъ собственно системы христіанскаго вѣроученія, созданіе которой имѣла въ виду Александрійская школа подъ образомъ соединенія вѣры съ знаніемъ, такъ какъ нравственное христіанское ученіе у Климента раскрыто и выяснено довольно подробно и обстоятельно, хотя и не въ строгой системѣ.

Чтобы доказать нашу мысль, постараемся вкратцѣ изложить догматическое ученіе Климента, пользуясь для этого отрывочными мыслями изъ его твореній, въ которыхъ

онъ говоритъ о тѣхъ или другихъ пунктахъ христіанской догматики.

Что такое Богъ въ существѣ своемъ, въ себѣ самомъ, —этого мы, по ученію Климента, не можемъ знать и не можемъ выразить словами (Str. V, 12). Правда, мы имѣемъ много именъ для обозначенія Бога; но всѣ эти имена не показываютъ, что такое Богъ самъ въ себѣ, а только указываютъ на его проявленіе въ мірѣ и на отношеніе къ міру и человѣку; назовемъ ли мы Его единымъ, или благомъ, или умомъ, или тѣмъ что есть—*αὐτὸ τὸ ὄν*, или Отцомъ, или Богомъ, или Творцомъ и Господомъ, даже таинственнымъ, четверичнымъ именемъ Іагъ, означающимъ то, что есть, было и всегда будетъ,—всѣ эти имена не означаютъ однако, что такое Богъ въ существѣ своемъ, а только мы пользуемся ими и имъ подобными именами для того, чтобы приблизить понятіе о Богѣ къ нашему разумѣнію; ибо ни одно изъ упомянутыхъ именъ не означаетъ существа Бога, а только всѣ они вмѣстѣ выражаютъ могущество всемогущаго (Str. V, 12); мы можемъ только познавать, что Богъ не есть, а не что онъ есть (ibid. 11). Объ этой невозможности познать Бога свидѣтельствуютъ, какъ Писаніе (ibid. VI, 14), такъ и Платонъ, который говоритъ, что Отца, Творца всего найти трудно, а когда онъ найденъ, нельзя назвать его для всѣхъ, ибо словами можно сказать очень мало (ibid. V, 12.), —и Эмпедоклъ, говорящій о философахъ, что они очень мало знаютъ о немъ, т. е. Богѣ (ibid.). Но если Бога нельзя познать въ существѣ его, то для человѣка возможно познаніе его въ явленіи, т. е. человѣкъ можетъ познавать Бога по тѣмъ атрибутамъ Его, которые обнаруживаются во внѣшнемъ отношеніи Его къ міру и человѣку. Въ этомъ случаѣ мы можемъ познать Бога путемъ разсматриванія дѣла творенія Божія, руководясь закономъ достаточнаго основанія (ibid. 11), тѣмъ болѣе, что въ душѣ нашей есть идея Бога, положенная самимъ Творцомъ (Cohort., 44). Поелику же и такое познаніе Бога не можетъ быть совершеннымъ, такъ какъ условіемъ его служитъ высокое нравственное достоинство лица познающаго, а человѣкъ слабъ и несовершенъ (Strom. 11, 2, 6 и 9), то единственнымъ средствомъ для познанія Бога служитъ божественное Откровеніе, въ которомъ Богъ Самъ открываетъ себя людямъ (ibid. V, 13). При помощи этого-то по-

слѣднаго средства мы познаемъ, что Богъ есть существо всесовершенное и безтѣлесное (ibid. 12), есть чистый духъ (Paed. 1, 8, 140), существо всемогущее (Str. VII, 7.) и вѣчное (Paed. 1, 122), неподлежащее никакому измѣренію въ пространствѣ (Str. V, 12), вссзнающее (ibid. VII, 7), благое (ibid. 1, 17) и любящее (ibid) и потому промышляющее о мірѣ и особенно о человѣкѣхъ (ibid). Будучи единымъ по существу, Богъ въ тоже время троиченъ по лицамъ: Отецъ, сокровенный самъ въ себѣ, Слово и Св. Духъ, открывающіе намъ Отца (ibid. V, 1), а всѣ три вмѣстѣ они составляютъ простую единицу. „Одинъ, говоритъ Климентъ, Отецъ всѣхъ, одно Слово всѣхъ, одинъ Духъ Святой всѣхъ, самъ существующій всегда (Paed. 1, 123). И эта троичность въ Богѣ, не только проповѣдуется въ св. Писаніи (ibid. 3, 11.), но была признаваема лучшими изъ языческихъ философовъ и поэтовъ; почему и Платонъ сказалъ нѣкогда: около Царя всѣхъ существуетъ все и причина этого всего, поелику когда онъ называетъ Его причиною всего, втораго около втораго и третьаго около третьаго, то здѣсь я не иное что разумю, какъ то, что Платонъ обозначаетъ Св. Троицу; ибо третьимъ называетъ Св. Духа, вторымъ же Сына, чрезъ котораго все сотворено по волѣ Отца (Str. 111, 710); точно также на троичность лицъ въ Богѣ указываютъ Орфей и Эврипидъ (ibid. V, 688)“. Въ какомъ же отношеніи лица Пресвятой Троицы находятся между собою и какое ихъ отношеніе къ міру? Сообразно съ обстоятельствами времени, когда ученіе о Св. Духѣ еще не требовало особаго раскрытія, такъ какъ о Немъ еще не было споровъ, Климентъ обращаетъ главное и почти исключительное вниманіе на ученіе объ отношеніи Сына къ Отцу и къ міру, говоря о Св. Духѣ только мимоходомъ. Какъ же рѣшаетъ этотъ вопросъ о Сынѣ Климентъ? Прежде всего нужно замѣтить, что ученіе Климента о Сынѣ Божіемъ есть одинъ изъ спорныхъ вопросовъ между учеными: одни рационалисты (***) видятъ въ ученіи Климента субординаціонизмъ, монархіанизмъ, или по меньшей мѣрѣ аріанство; другіе, (**)

(**) Таковы: Гассе, Неандеръ и др.

(**)., Lushre, Петавій и православи. Геттэ и др.

особенно католики, стараются представить учение Климента вполне православнымъ. На чьей же сторонѣ истина? Нельзя не согласиться, что у Климента, особенно по неопредѣленности его терминологіи и по причинѣ заимствованія философскихъ формулъ, можно встрѣчать мѣста, по видимому благопріятствующія взводимымъ на него обвиненіямъ въ ереси. Такъ, у него иногда Сынъ представляется безличною силою, тождественною съ Отцомъ, проникающею всю тварь, все посящею и все обнимающею (Str. VII 833); называется даже идеею Отца (ibid. V, 654), совокупностію идей Его, осуществляющихся въ мірѣ, даже иногда чуть не тварію, орудіемъ, слугою Отца (Cohort. 93). Но если всмотрѣться поближе въ учение Климента о Сынѣ Божіемъ, то указанная мѣста окажутся стоящими въ противорѣчій съ огромнымъ большинствомъ другихъ мѣстъ у него о томъ же предметѣ,—мѣстъ, излагающихъ вполне православный взглядъ на лицо Сына. Здѣсь Сынъ представляется Сыномъ Божіимъ, Богомъ и Господомъ, равнымъ Богу Отцу; Ему приписываются Божескія свойства и дѣйствія. Такъ, Климентъ говоритъ, что І. Христосъ—Слово есть истинный Богъ, Единосущный Отцу, поелику Онъ въ св. Писаніи называется Богомъ: явилась благодать Божія. . . . ждуще обѣтованія и откровенія славы великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа (Protr. 7). „Явился, продолжаетъ Климентъ отъ себя, Тотъ, Который былъ прежде — Спаситель; явился Тотъ, Кто существуетъ въ Томъ, Кто есть сый — ἐν τῷ ὄντι ὄν,—поелику Слово, которое было у Бога, чрезъ Которое все сотворено явилось учителемъ, Слово, которое въ древности дало жизнь творенію, какъ Творецъ, послѣ явилось учителемъ, научило хорошо жить, чтобы послѣ наследовать жизнь вѣчную по обѣтованію Божію (ibid). Это Слово есть образъ Бога, истинный Сынъ ума, Архитипъ свѣта (ibid. 86); оно оно есть Богъ единосущный со Отцемъ,—есть воистину Богъ, равночестный Господу всяческихъ, поелику есть Сынъ Его и источникъ всякаго блага (Paed. 1, 90)^а. И это Климентъ относитъ съ Сыну даже въ уничиженномъ Его состояніи: Онъ—Богъ во образѣ челоуѣка, Богъ, который есть во Отцѣ, который одесную Отца и во образѣ челоуѣческомъ Богъ (ibid.), ибо въ Сынѣ—Отецъ и во Отцѣ сынъ—ἐν ἀνθρώπῳ γὰρ ὁ υἱός, καὶ ἐν τῷ υἱῷ ὁ Πατήρ. Божество Сына и Его единосущіе съ Отцомъ открываются, далѣе, по Кли-

менту, изъ самыхъ именъ и свойствъ, которыя приписываетъ Ему Слово Божіе. Слово есть единый педагогъ и учитель всего человѣчества (*ibid.*); Оно отпущаетъ грѣхи и есть единый врачъ душевныхъ болѣзней человѣка и святой цѣлитель страждущей души (*ibid.* 101); Оно называется всемогущимъ Богомъ. Приведши слова Исаи „отроча родися, Сынъ и дадеся намъ“, Климентъ восклицаетъ: „о великій Богъ! о совершенный отрочъ! Сынъ во Отцѣ и Отецъ въ Сынѣ (*ibid.* 112)“. Ему приписывается вся полнота Божественныхъ свойствъ и совершенствъ: Онъ вѣченъ (*Str.* V, 669), безконеченъ и неизглаголанъ (*ibid.* 635), безначаленъ (*ibid.* IV, 638), имѣетъ совершеннѣйшее, святѣйшее, царственнѣйшее естество (*ibid.* VII, 831), всемогущъ, вездѣсущъ (*ibid.* 833) премудръ и благъ (*Paed.* III, 309)—вообще, замѣчаетъ Климентъ, всѣ свойства у Сына общи съ Отцомъ (*Str.* VI, 810). Однимъ словомъ Слово есть едиnorodный Сынъ Божій, рожденный прежде всѣхъ вѣковъ изъ существа Отца (*ibid.*), и единосущный Отцу; есть Богъ личный и самостоятельный (*Paed.* III, 309). Точно также Божество Слова открывается и изъ Его дѣйствій. По самому основному своему понятію о Богѣ Климентъ не могъ допустить прямого, непосредственнаго отношенія между Богомъ, всесовершеннѣйшимъ духомъ и міромъ матеріальнымъ. Поэтому онъ всю дѣятельность Божества по отношенію къ міру и человѣку приписываетъ слову. Отношеніе Божества къ міру вообще и къ человѣку въ частности, по самому существу дѣла, можетъ выразаться троякимъ образомъ: въ твореніи и промысленіи, въ искупленіи и въ судѣ. Съ этихъ сторонъ Климентъ и раскрываетъ догматическое ученіе объ отношеніи Слова къ міру. Богъ Отецъ, по Клименту, не можетъ имѣть прямого отношенія къ міру не только потому, что Онъ есть чистѣйшій Духъ, но еще и потому, что Онъ есть только первопричина, или источникъ всего сущаго, непосредственная же причина творенія, искупленія и суда есть Слово, посредствующее въ отношеніи Бога къ міру. „Слово, говоритъ Климентъ, будучи вообще откровеніемъ Отца міру и твари, образомъ Отца, Его славою (*Cohort.* 10,76), есть непосредственный Творецъ, Владыка и Правитель міра: Оно все творить, все устанавливаетъ, всему учитъ (*Paed.* III, 310), есть *δημιουργος ἀπλιος* (*Str.* V, 654), *το δεύτερον ἀπλιον* (*ibid.* VII, 838), хотя нужно замѣтить, что Климентъ

при своемъ взглядѣ на Божество, какъ на абсолютную бла-
 гость, немогущую ни на одну минуту оставаться безъ про-
 явленія этой благодати, понимаетъ твореніе въ смыслѣ близ-
 комъ къ понятію неоплатониковъ и Филона, т. е. въ смыслѣ
 приведенія существовавшей отъ вѣчности матеріи въ по-
 рядокъ. Чтобы избѣжать подобнаго вывода, Климентъ до-
 пускаетъ твореніе міра отъ вѣчности, въ какое то неопре-
 дѣленное время, такъ что называетъ это твореніе безвре-
 меннымъ (Str. VI, 813), или, лучше сказать, Климентъ
 допускаетъ твореніе непрерывнаго ряда міровъ, слѣдующихъ
 одинъ за другимъ (ibid). Въ этомъ случаѣ Климентъ, оче-
 видно, увлекается своими дохристіанскими воззрѣніями и
 взглядами современной ему философіи. Но это сходство своего
 ученія о твореніи съ ученіемъ философіи Климентъ старается
 сгладить ученіемъ о безвременномъ сотвореніи міра, или
 ряда міровъ, а также ученіемъ о постепенномъ твореніи
 различныхъ существъ, населяющихъ міръ. Первыми живыми
 существами, по Клименту, были сотворены Ангелы, а послѣ
 ихъ человѣкъ (ibid. IV, 566). Ангелы составляютъ пре-
 восходнѣйшее дѣло творенія по близости къ Богу, по своей
 чистотѣ, и причастны блаженной жизни на небѣ, точно
 также какъ на землѣ превосходнѣйшимъ твореніемъ является
 человѣкъ (ibid. VII, 831). Ангелы существа разумныя и
 духовныя; но какъ заимствовавшіе всѣ свои блага отъ Бога,
 единаго блага, они не подобны Богу и даже облечены нѣ-
 которою тонкою плотію (ibid. 853); они и святыми остаются
 только по благодати Божіей (ibid). По своимъ совершен-
 ствамъ Ангелы раздѣляются на нѣсколько степеней, соста-
 вляя такимъ образомъ іерархію, въ которой различаются,
 по Апокалипсису и книгѣ Товита, семь начальниковъ, и
 между ними Михаилъ одинъ изъ числа первыхъ начальни-
 ковъ (ibid. VI, 813). Должности и обязанности всѣхъ
 Ангеловъ состоятъ въ томъ, что они являются стражами и
 защитниками, какъ цѣлыхъ народовъ (ibid. 822), такъ и
 отдѣльныхъ людей (ibid), помогаютъ людямъ въ достиженіи
 Богопознанія (ibid. V, 701), что подтверждаютъ Платонъ
 (ibid. 724) и Орфей (ibid. 727), служатъ людямъ и защи-
 щаютъ ихъ отъ злыхъ духовъ и отъ другихъ несчастій и
 бѣдъ (ibid. VI, 769); являются иногда людямъ для вразум-
 ленія (ibid. VII, 871); относятъ души умершихъ къ Богу
 (ibid. 833). Такими же совершенными существами, какъ

Ангелы, были сотворены и злые духи; по поелику они, будучи сотворены съ свободною волею, а слѣд. съ способностію грѣшить, не устояли въ благодати Божіей и пали, побѣжденные плотскою похотию съ злыми женами (Paed. III, 260), то они ниспали съ неба (Str. V, 650), получили болѣе грубыя тѣла и сдѣлались безстудными діаволами и отступниками (ibid), составивши такую же градацію, какъ и Ангелы, злыхъ духовъ. Но такъ какъ и послѣ паденія злые духи остались свободными по волѣ, то покаянiе и возвращеніе ихъ въ первобытное состояніе для нихъ совершенно возможно (ibid. I, 368). Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ нельзя не видѣть новаго увлеченія Климента ученіемъ гностиковъ и неоплатониковъ. Всѣ его неправильныя мнѣнія касательно тѣлесности Ангеловъ, паденія злыхъ духовъ и возможности возстановленія ихъ въ первоначальное состояніе, проистекають изъ основнаго взгляда его на матерію, какъ условіе несовершенства; въ ученіи о возстановленіи злыхъ духовъ проглядываетъ гностическое представленіе объ освобожденіи нѣкогда духа отъ узъ матеріи. Это же увлеченіе Климента замѣчается и въ ученіи о челоувѣкѣ. Человѣкъ по нему есть совершеннѣйшее твореніе на землѣ, но это совершенство его болѣе потенциальное, нежели положительное, т. е. челоувѣкъ сотворенъ съ способностію усовершеншаться (ibid. VI, 773). Основаніемъ этой усовершенваемости служить въ челоувѣкѣ образъ и подобіе Божіе, заключающееся въ разумѣ (ibid. IV, 632), что подтверждаетъ и Платонъ (Protr. 78 – 79). Человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души. Первое сотворено изъ земли, вторая имѣетъ небесное происхожденіе и, подобно Божественному Слову, причастна разуму (Paed. II, 219) и вслѣдствіе этого душа никогда не имѣетъ нужды въ покоѣ и снѣ, какъ тѣло; она постоянно движется и размышляетъ сама чрезъ себя (ibid), она безтѣлесна (ibid) и безсмертна (ibid) и имѣетъ три главныя способности: первая называется умомъ, или способностію разумѣнія, — это данный отъ Бога и управляющій всѣмъ разумъ; вторая принадлежитъ гнѣву и помѣщается не далеко отъ сердца, — это чувство; третья — желаніе (ibid. III, 250). Самая совершенная изъ душъ та, которая духовнѣе. Духовность, впрочемъ, Климентъ, согласно своему понятію о матеріи, понимаетъ сходно съ Гераклитомъ, въ смыслѣ отсутствія влажности—*ξηρα ψυχῆ* (Paed I, 100). Такъ какъ,

далѣе, человѣкъ сотворенъ съ свободною волею, а равно такъ какъ онъ состоитъ изъ души и тѣла, склоннаго ко грѣху, то для него, какъ и для падшихъ Ангеловъ, была возможность согрѣшить. И онъ, дѣйствительно, согрѣшилъ въ лицѣ Адама и этотъ грѣхъ Адама переходитъ на все человѣчество. Слѣдствіемъ этого грѣха было всеобщее расстройство, но главнымъ образомъ послѣдствія грѣха отразились на человѣкѣ: онъ зачинается въ грѣхѣ (Str. III, 556), съ склонностію къ грѣху (Str. III, 556), и самъ постоянно грѣшитъ (ibid. II, 461), вслѣдствіе чего сдѣлался такъ слабъ, что не только не могъ достигать вѣчной и блаженной жизни, но даже и разсуждать справедливо (ibid. VII, 894 и 895), хотя въ немъ и остались задатки къ обновленію (ibid. I, 1, 5 11, 19, 28). Посему-то любвеобильный Богъ, не желающій никому погибели, рѣшился подать ему помощь чрезъ свое Слово. Сначала Слово, какъ Промыслитель о мірѣ и человѣкѣ и правитель всего міра (Paed. I, 137), явился руководителемъ человѣчества, его педагогомъ и учителемъ, иногда открывая ему волю Божію Самъ непосредственно (Str. V, 13 и 14), а большею частію чрезъ Ангеловъ и Пророковъ (ibid. I, 15 и д.), и тѣмъ наставляя его достигать Богопознанія и вести благочестивую жизнь (Cohort. 44). Но такъ какъ это руководство оказалось недостаточнымъ и не привело человѣчество къ желанной цѣли, напротивъ люди все болѣе и болѣе удалялись отъ Бога и впадали въ пороки, то Слово, Творецъ и Промыслитель міра, по волѣ Отца и по своей неизреченной благодати, рѣшилось быть возстановителемъ разрушенной человѣкомъ гармоніи міра, Искупителемъ, Спасителемъ и руководителемъ человѣчества, сдѣлавшись для этого человѣкомъ; почему Климентъ и называетъ Его пѣвцомъ (ibid. 10). Но сдѣлавшись совершеннымъ человѣкомъ, привявши душу и тѣло человѣческія (Protr. 16), І. Христосъ остался въ то же время и истиннымъ Богомъ (ibid. 84). Такимъ образомъ въ І. Христѣ два естества—Божеское и человѣческое—остались неизмѣнными и соединились въ единствѣ лица (ibid. 7). Но какъ же божество соединилось съ человѣчествомъ и возможно ли такое соединеніе? Чтобы объяснить это, Климентъ развиваетъ мысль о томъ, что тѣло І. Христа было отлично отъ нашего. Сынъ Божій, воплотившійся, по Клименту, будучи подобнымъ намъ по тѣлу, въ то же время и отличался отъ простыхъ людей не только

по своимъ нравственнымъ качествамъ: благочестію, религіозности, воздержанію—не сотворилъ ни единого грѣха (Str. IV, 622); но имѣлъ и тѣло нѣсколько отличное отъ нашего, хотя по внѣшнему виду былъ безобразенъ (Paed. III. 251). Это тѣло, по самой природѣ своей, не нуждалось ни въ бракѣ, ни во снѣ, ни въ пищи и питіи; не было подвержено болѣзнямъ и страстямъ человѣческимъ; если же Спаситель ѣлъ, пилъ, спалъ, скорбѣлъ и обнаруживалъ другія человѣческія потребности и состоянія духа, то все это дѣлалъ только для того, чтобы показать ученикамъ и народу, что онъ не привидѣніе, а истинный, облеченный плотію, человѣкъ (Str. VI, 755). Такимъ образомъ Климентъ, желая объяснить образъ соединенія въ лицѣ І. Христа двухъ естествъ и не имѣя возможности объяснить это соединеніе по своему понятію о тѣлѣ, какъ чѣмъ-то ограничивающемъ совершенство, впалъ въ докетизмъ. Не смотря, однако, на это, Климентъ признаетъ страданіе Христа реальнымъ, т. е. что плоть Христа страдала истинно и дѣйствительно, а не призрачно, направляя свое ученіе противъ докетовъ (ibid. 804). Если же реально страданіе Спасителя, то необходимо нужно признать реальнымъ и искупленіе и спасеніе наше. Искупленіе простирается на всѣхъ людей, не только настоящихъ, но и прошедшихъ и будущихъ временъ (ibid), оно состоитъ въ томъ что человѣкъ, по вѣрѣ въ І. Христа, вслѣдствіе покаянія освобождается отъ всѣхъ грѣховъ (ibid 762), т. е. первороднаго и произвольныхъ, научается исполненію заповѣдей Божіихъ (ibid), и достигаетъ при помощи благодати Божіей и при вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ съ своей стороны, вѣчной и блаженной жизни (ibid. II, 452). Такимъ образомъ необходимыми условіями для усвоенія искупленія, совершеннаго І. Христомъ, и для достиженія вѣчнаго спасенія требуются два главные условія: со стороны Бога—благодать, со стороны человѣка—вѣра и добрыя дѣла. Благодать необходима: во 1-хъ, для познанія Бога (ibid. I, 425)—это благодать предваряющая; во 2-хъ, для воздержанія, какъ отъ дѣлъ, такъ и помышленийъ злыхъ (ibid. III. 537),—это благодать сопутствующая; въ 3-хъ, для вѣры и совершенія добрыхъ дѣлъ, приводящихъ къ вѣчному спасенію (ibid. II, 435; V, 647),—это благодать содѣйствующая; наконецъ, въ 4-хъ, для достиженія вѣчнаго спасенія (ibid VII, 860),—это благодать

оправдывающая и спасающая. Раздаятельницаю этой благодати служить Церковь (Paed. 123), а внѣшними знаками невидимаго таинственнаго ея дѣйствія на человѣка служатъ таинства: крещеніе, служащее дверію, вводящую человѣка въ христіанскую церковь, очищающее его отъ всѣхъ грѣховъ и возрождающее для новой, лучшей жизни (*ibid.* 113 и 116); муропомазаніе, какъ дополненіе къ крещенію, дѣлающее людей совершенными (*ibid.*), т. е. низводящее на увѣровавшихъ и крещеныхъ дары св. Духа; причащеніе, въ которомъ вѣрующій чрезъ принятіе тѣла и крови Христовой, подъ видомъ хлѣба и вина (*ibid.* 123), таинственнымъ образомъ соединяется съ І. Христомъ и св. Духомъ (*ibid.* II, 117); покаяніе, очищающее тѣ грѣхи, которые сдѣланы христіаниномъ послѣ крещенія (*Str.* II, 466); священство, дарующее избраннымъ лицамъ — епископамъ, пресвитерамъ и діаконамъ (*ibid.* VI, 793) — право совершать таинства и чрезъ это низводить на нихъ благодать Божію (*ibid.* VII, 829), учить народъ (*ibid.*) и вообще руководить христіанъ къ вѣчному спасенію (*ibid.* VI, 792) и, наконецъ, бракъ, освящающій союзъ двухъ лицъ къ благословенному рожденію дѣтей (*ibid.* III, 546), имѣющій характеръ нерасторжимости (*ibid.* II, 506). Впрочемъ, это послѣднее таинство не обязательно для всѣхъ: люди по желанію могутъ оставаться въ дѣвствѣ, лишь бы сохранили себя въ чистотѣ (*ibid.* III, 536). Такимъ образомъ, по ученію Климента, намъ поданы всѣ средства къ усвоенію искупленія, совершеннаго І. Христомъ, а чрезъ то и къ достиженію вѣчнаго спасенія. Но чтобы человѣкъ могъ пользоваться всѣми этими богодарованными средствами, для этого со стороны его требуются нѣкоторыя условія, ибо Богъ хочетъ, чтобы спасеніе человѣка было сколько дѣломъ Божественной благодати, столько же и дѣломъ самаго человѣка и притомъ дѣломъ свободнымъ (*ibid.* II, 462; *Prqtr.* 79). Такими условіями служатъ: вѣра въ Бога, безъ чего невозможно угодить Богу (*Str.* II, 457), ибо вѣра есть начало не только всякой дѣятельности, но и всякаго знанія (*ibid.* VII, 864), особенно знанія высшаго познанія вещей божественныхъ (*ibid.* II, 434); надежда на Бога, какъ основаніе желанія получить вѣчное спасеніе (*ibid.* 458); любовь къ Богу и ближнимъ, служащая основаніемъ всѣхъ добродѣтелей (*ibid.* IV, 588), и даже самой вѣры (*ibid.* II, 452) и наконецъ, какъ дѣятельное обнару-

женіе всѣхъ этихъ добродѣтелей, добрыя дѣла (*ibid.* IV, 641). Изъ этого очевидно, что всеблагій Богъ предоставилъ человѣку всѣ средства для его спасенія, требуя съ его стороны сравнительно незначительныхъ условій. Такъ велика благодать и любовь Божія къ людямъ! Но также благодать не исключаетъ и правосудія въ Богѣ: Богъ на сколько благъ, на столько же и правосуденъ, и въ силу этого своего свойства неизбѣжно рано или поздно долженъ потребовать отъ людей отчета въ томъ, какъ они воспользовались дарованными для ихъ спасенія средствами и выполнили ли они требуемая отъ нихъ для ихъ же спасенія условія. И онъ дѣйствительно является и явится Судіею и мздовоздаятелемъ за все, что сдѣлали люди во время своей земной жизни. Послѣдній судъ, впрочемъ, при взглядѣ Климента на загробную жизнь человѣка, представляется совершенно излишнимъ, хотя Климентъ и говоритъ о немъ (*Str.* IV, 458). Дѣло въ томъ, что Климентъ хотя различаетъ двойное состояніе людей по смерти: состояніе людей праведныхъ и святыхъ, которые живутъ на небѣ безконечною, отличнымъ отъ того неба, на каковое восхищенъ былъ Павелъ (*ibid.* V, 693), которые поэтому всѣ причастны вѣчной жизни (*ibid.* IV, 579), хотя и не въ одинаковой степени, соотвѣтственно ихъ нравственному совершенству (*ibid.*), и состояніе людей злыхъ и нечестивыхъ, терпящихъ, смотря по своимъ дѣламъ большія, или меньшія наказанія, состоящія въ мученіяхъ огнемъ и совѣстію (*ibid.* VI, 794); хотя онъ и замѣчаетъ, что всѣ умершіе не вкушаютъ того, что есть самаго прекраснаго въ мірѣ (*ibid.* VII, 879), хотя прямо говоритъ, что по смерти люди отходятъ отъ тѣла (*ibid.* VI, 794),—тѣмъ не менѣе, слѣдуя, съ одной стороны, мнѣнію Пифагора о томъ, что ни тѣло безъ души, ни душа безъ тѣла не составляютъ человѣка (*ibid.* 638), а съ другой—выходя изъ своего основнаго принципа о тѣлесности всего существующаго, кромѣ Бога,—тѣлесности болѣе или менѣе грубой, смотря по нравственному состоянію существъ сотворенныхъ, онъ однако находитъ нужнымъ перенести и нашу тѣлесную природу въ загробную жизнь, замѣчая при этомъ, что наше тѣло постепенно будетъ освобождаться отъ всего грубаго и чувственнаго (*ibid.*),—именно: освобожденіе совершится чрезъ огонь очистительный, который совершенно необходимъ для разумныхъ существъ, потому что эти существа облечены матеріею (*ibid.* III, 452).

Тѣмъ необходимѣе, по Клименту, этотъ огонь, что человѣкъ и послѣ смерти постоянно усовершенствуется (Cohort. I, 2, 6, и 9), точно также какъ и весь міръ долженъ усовершенствоваться доколѣ не достигаетъ своего собственнаго, настоящаго назначенія, достиженію котораго препятствуетъ матерія (ibid. 1, 2 и дал.). Мученія въ чистилищѣ состоятъ, по Клименту, согласно съ ученіемъ Платона, изъ трехъ градацій: чтобы достигнуть своего мѣста, человѣкъ, по смерти, прежде всего отлагаетъ всѣ пороки, — это первая степень мученій (Str. VI, 794), затѣмъ человѣкъ переходитъ въ другое мѣсто, которое, хотя лучше перваго, но есть мѣсто болѣе тяжкихъ мученій: человѣкъ здѣсь мучится раскаяніемъ во всѣхъ грѣхахъ, совершенныхъ имъ послѣ крещенія и кромѣ того снѣдается стыдомъ за сдѣланныя прежде крещенія, что для вѣрнаго составляетъ тягчайшее наказаніе (ibid.) — это вторая ступень чистилища; наконецъ, сознаніе грѣховности приводитъ грѣшника къ концу наказаній и совершенству, научая насъ впереди тому, что будетъ съ нами — знавію жить съ Богомъ, — это третья степень чистилища; послѣ чего грѣшники освобождаются отъ всякаго мученія. Послѣ этого выкупа усовершеннымъ даются награды и почести, и они служатъ святому со святыми (ibid. VII, 865), и это предвкушеніе будущаго блаженства будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока огонь не истребитъ, при концѣ міра, все суетное и тлѣнное (ibid. VI, 637; Paed 1, 95). Такъ одна ошибка, происшедшая вслѣдствіе пристрастія Климента къ языческой философіи и преимущественно философіи Платона, повела къ другой. Допустивши существованіе человѣка по смерти вмѣстѣ съ тѣломъ, Климентъ неизбѣжно долженъ былъ допустить чистилищный огонь, а признавши этотъ послѣдній, дошелъ до отверженія вѣчности мученій, вопреки ясному свидѣтельству объ этомъ священнаго Писанія (60).

(60) Напрасно, впрочемъ, католики, въ родѣ Люмпера, Оомы и др. и почти всѣ ученые, хотятъ видѣть въ ученіи Климента подтвержденіе своего догмата о чистилищѣ. Сходство здѣсь только въ названіи, во всемъ остальномъ различіе. У Климента это ученіе является какъ выводъ изъ владыка на матерію, у католиковъ оно является вслѣдствіе неправоуказаннаго понятія о необходимости со стороны человѣка удовлетворенія Божественному правосудію; у Климента огонь чистилищный не-

Мы изложили, на сколько возможно, въ систематическомъ порядкѣ догматическое ученіе Климента. Что же оно представляетъ? Нельзя не видѣть съ перваго раза, что догматика Климента скорѣе похожа на простое катехизическое ученіе объ истинахъ христіанскаго вѣроученія, чѣмъ на догматику въ собственномъ смыслѣ. Причина этого, конечно, заключается въ томъ, что Климентъ, какъ замѣчено выше, не имѣлъ въ виду писать собственно систему христіанскаго вѣроученія, вслѣдствіе чего его мнѣнія о тѣхъ или другихъ истинахъ христіанской догматики были только какъ бы простыми замѣчаніями, неимѣющими никакой внутренней связи и послѣдовательности,—замѣчаніями, разбросанными по его сочиненіямъ и имѣющими значеніе болѣе апологетическое, нежели положительное. Дѣлая указанія на тѣ или другія истины христіанскаго вѣроученія, Климентъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ показать согласіе истинъ христіанства съ мнѣніями лучшихъ, по его мнѣнію, людей въ язычествѣ, особенно философовъ — Платона, и тѣмъ опровергнуть возраженія противъ разумности христіанства враговъ его, особенно гностиковъ; а чтобы достигнуть этого, взявъ за исходную точку своего догматическаго ученія принципы Платона и его послѣдователей о Богѣ и мірѣ и объ отношеніи Бога къ міру. Но въ тоже время, признавая св. Писаніе и преданіе критеріемъ всякой истины, онъ старался удержаться на чисто христіанской почвѣ. А такъ какъ примиреніе философскихъ идей истинами христіанскими часто оказывалось невозможнымъ по самому существу дѣла, то естественно Клименту приходилось, при выполненіи своей задачи, допустить одно изъ двухъ—или извращать ученія философій, чтобы подогнать ихъ подъ воззрѣнія христіанства, или же наоборотъ трактовать истины христіанскія, какъ выраженіе философскихъ идей. При своемъ увлеченіи философіею, увлеченіи, доходившемъ до того, что онъ въ философій видѣлъ предварительное христіанство, Климентъ не могъ идти первымъ путемъ; оставался, слѣдоват.,

обходимъ, для освобожденія чловѣка отъ несовершенства, или матеріи, у католиковъ, какъ заслуга предъ Богомъ. Чтобы быть послѣдовательными католики, желая найти у Климента подтвержденіе своему ученію, должны бы принять и его ученіе объ апокатастасисѣ, чего они однако не дѣлаютъ.

для него одинъ второй путь. И онъ пошелъ по нему. Слѣдствіемъ такого его направленія было то, что христіанская догматика у Климента въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ онъ особенно старался согласить идеи философіи съ истинами христіанства, быть философомъ, наприм., въ ученіи о Богѣ и объ отношеніи Его къ міру, о предвѣчномъ существованіи матеріи, о душѣ человѣка, о соединеніи въ І. Христѣ двухъ естествъ и Его тѣлѣ, о паденіи демоновъ и возможности ихъ возстановленія, о чистилищѣ, невѣчности мученій и проч., получила у Климента видъ языческой философіи. Желаніе же быть христіанскимъ богословомъ, излагать догматическое ученіе на основаніи св. Писанія и преданія, при увлеченіи философіею, и невозможности примирить ученіе этихъ двухъ источниковъ, привело Климента 1, къ нелогичности, — въ ученіи о твореніи, на ряду съ ученіемъ о предвѣчномъ существованіи матеріи, — 2, чисто вѣдному, механическому сопоставленію идей философіи и идей христіанскихъ съ одной и къ аллегорическому объясненію мѣстъ Писанія, не согласныхъ или даже противоположныхъ ученію философіи съ другой стороны, какъ это наприм. замѣтно въ объясненіи ученія Писанія о шестидневномъ твореніи, гдѣ Климентъ видитъ ученіе о непрерывномъ рядѣ смѣняющихся міровъ, въ объясненіи мѣстъ Писанія, говорящихъ о человѣческихъ дѣйствіяхъ І. Христа и т. п. Говоря это, мы, конечно, не имѣемъ въ виду обвинять Климента, потому что если и можно обвинить его въ чемъ, то единственно въ механическомъ сопоставленіи идей философіи съ догматическими истинами христіанства. Но и въ этомъ случаѣ оправданіемъ для Климента служитъ трудность самой задачи, при недостаткѣ предварительныхъ работъ относительно догматическаго ученія христіанства и неподготовленность самаго его, — неподготовленность, которую онъ самъ сознавалъ, что видно изъ того, что онъ и не пытался создать систему христіанской догматики. Что касается до увлеченія философіею, то и въ этомъ нельзя обвинять Климента. Увлеченіе всякаго человѣка своею спеціальностію такъ естественно и законно, что объ обвиненіи за это не можетъ быть и рѣчи, а Климентъ и былъ такимъ специалистомъ философіи и всего языческаго знанія. Онъ, какъ мы видѣли выше, изучилъ такую массу свѣдѣній по языческой литературѣ во всѣхъ отрасляхъ, какую даже и вообразить

трудно. Естественно, что онъ сроднился съ этимъ знаніемъ оно легло въ основу всей жизни и дѣятельности, вошло въ плоть и кровь,—отбросить его поэтому, какъ негодный хламъ, онъ не могъ даже по законамъ психическимъ. Нужно принять также во вниманіе и то обстоятельство, что онъ былъ ученикомъ Пантена, считавшаго языческое знаніе совершенно необходимымъ для христіанина, и слѣдов. Климентъ, и будучи христіаниномъ, могъ не считать себя въ правѣ отбросить языческое знаніе и особенно философію. Не думаемъ также мы и оправдывать Климента въ его заблужденіяхъ, какъ дѣлаютъ католики. Мы только хотѣли безпристрастно представить въ систематическомъ порядкѣ догматическое ученіе Климента, изложить такъ, какъ оно изложено у него самаго по частямъ и нашли, что это ученіе во многихъ своихъ пунктахъ носить на себѣ явную печать вліянія языческой философіи.

Если мы теперь отъ разсмотрѣнія догматическаго ученія Климента обратимся къ обзорѣню его нравственнаго ученія, то и здѣсь встрѣтимъ тѣ же недостатки и даже въ большей мѣрѣ съ тою разницею, что здѣсь Климентъ, какъ стойкъ, является болѣе въ своей сферѣ и потому въ изложеніи этого ученія является болѣе систематичнымъ и логичнымъ.

Вся система нравственнаго ученія Климента раздѣляется на двѣ части, строго различающіяся между собою. Соответственно двойному раздѣленію христіанъ на несовершенныхъ и совершенныхъ, или гностиковъ, Климентъ въ своей системѣ нравственнаго христіанскаго ученія предписываетъ двойкаго рода правила: одни, которыя имѣютъ обязательную силу для всѣхъ христіанъ и служатъ отличительною чертою ихъ, какъ послѣдователей Христа; другія, напротивъ, относятся только къ избраннымъ христіанамъ, или гностикамъ. Но во всѣхъ ихъ замѣтно болѣе или менѣе вліяніе философіи, особенно Платона и стоической. Какъ истинный почитатель Платона, котораго онъ считаетъ говорившимъ по вдохновенію отъ Слова (Str. I, 1) и послѣдователь стоической школы, нравственныя правила которой онъ находитъ во многомъ согласными съ правилами христіанскаго правоученія (Paed. I. 13), Климентъ и въ изложеніи своей системы христіанской нравственности стоитъ на точкѣ зрѣнія этихъ философовъ. Въ основу своей системы

Климентъ полагаетъ принципъ Платона и стоиковъ, по которому нравственное совершенство чловѣка находится въ прямомъ отношеніи съ его разумностію, т. е. чѣмъ "разумнѣе, тѣмъ нравственнѣе и наоборотъ. Поэтому и нравственность Климентъ понимаетъ, какъ систему разумныхъ дѣйствій. „Жизнь христіанъ, говоритъ онъ, есть система дѣйствій разумныхъ (ibid)“. Цѣлію же всей нравственности Климентъ поставляетъ подчиненіе тѣла духу, чтобы чрезъ это скорѣе и лучше достигнуть познанія Бога (ibid. II, 162). Сообразно съ такимъ понятіемъ о нравственности христіанской Климентъ излагаетъ свою систему христіанскаго нравоученія, имѣя при этомъ въ виду доказать разумность христіанскаго нравственнаго ученія и его превосходство предъ ученіемъ философскимъ и особенно гностическимъ. Такимъ образомъ при изложеніи нравственной системы Климентъ имѣлъ въ виду двоякую цѣль: изложить христіанское ученіе нравственное положительно, какъ ученіе въ высшей степени разумное и совершенное, согласное съ ученіемъ лучшихъ философско языческихъ школъ — Платона и стоиковъ — и опровергнуть нравственное ученіе гностиковъ. Но увлекшись полемикою противъ гностиковъ, Климентъ изобразилъ такой идеаль христіанскаго гностика, который болѣе похожъ на стоическаго мудреца, нежели на христіанина. Отсюда и вышло у него то, что въ изложеніи своей нравственной системы, онъ является суровымъ ритористомъ, а его нравственныя требованія представляются неудобноисполнимыми для чловѣка, облеченнаго плотію.

Въ основаніи всей нравственности, по Клименту, лежитъ вѣра, или свободное предубѣжденіе въ томъ, что становится понятнымъ впослѣдствіи (Strom. II. 6). Она есть не только свободное согласіе на принятіе истины, или всего того, что открыто Богомъ въ Писаніи, но вмѣстѣ и даръ Божій, данный намъ по благодати (ibid 432); слѣд. она не врождена намъ, какъ доказывали гностики. Вѣра есть познаніе вещей самыхъ необходимыхъ для достиженія спасенія (ibid. I, 377), поелику она есть познаніе всего того, чего мы не можемъ познать умомъ, — познаніе вещей Божественныхъ; а такъ какъ безъ знанія этихъ вещей невозможно спасеніе, то естественно, что и безъ вѣры спасеніе невозможно: вѣра также необходима для спасенія, какъ хлѣбъ для жизни плотской (ibid); она есть основаніе всякой

ленія казанской духовной академіи Михаила Соловьева въ коллежскіе ассесоры“.

б) Выписку изъ журнала Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената отъ 12 января 1883 года: „По указу Его Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ слушали: представленіе Архіепископа казанскаго и свѣжскаго отъ 2 декабря 1882 года за № 312 о производствѣ въ слѣдующій чинъ, за выслугу лѣтъ, секретаря Совѣта и Правленія казанской духовной академіи титулярнаго совѣтника Михаила Соловьева. Приказали: Соловьева произвести въ коллежскіе ассесоры согласно съ представленіемъ. Экземпляръ печатнаго указа при семъ прилагается“.

в) Въ означенномъ указѣ, между прочимъ, изложено: произведенъ за выслугу лѣтъ въ коллежскіе ассесоры—секретарь Совѣта и Правленія, титулярный совѣтникъ Михаилъ Соловьевъ, со старшинствомъ съ 12 октября 1882 года.

Постановили: Привявъ къ свѣдѣнію, внести въ формулярный списокъ секретаря Соловьева о производствѣ его въ чинъ коллежскаго ассесора.

Ш. Слушали: Отношеніе правленія астраханскаго духовнаго училища отъ 18 мая сего 1883 года за № 156: „Правленіе училища имѣетъ честь покорнѣйше просить духовную академію выслать въ сіе правленіе справку изъ метрическихъ книгъ о рожденіи и крещеніи кандидата академіи Николая Лореттова, присланную правленіемъ самарской семинаріи при отношеніи отъ 7 августа 1875 года за № 277“.

Справка: Въ дѣлахъ Совѣта за 1875 годъ № 30 имѣется метрическая справка о рожденіи и крещеніи г Лореттова, высланная въ Совѣтъ академіи самарской духовной консисторіей при поступленіи Лореттова въ составъ XX академическаго курса студентовъ.

Постановили: Снять копию съ означенной справки и засвидѣтельствовавъ ее, препроводить въ правленіе астраханскаго духовнаго училища.

IV. Слушали: Донесеніе экстраординарныхъ профессоровъ академіи А. Некрасова и А. Волкова отъ 25 мая сего 1883 года: „Честь имѣемъ донести Совѣту, что представленныя комиссіей по изданію миссіонерскаго сборника отчеты о приходѣ и расходѣ ея суммъ и изданій вполнѣ согласны

съ приходорасходными книгами и другими документами. Изъ представленныхъ отчетовъ видно также, что комиссія посвящаетъ на изданіе сборника много времени и трудовъ безъ всякаго за то вознагражденія, почему считаетъ долгомъ представить на усмотрѣніе Совѣта, не найдетъ ли онъ возможнымъ разрѣшить ей вознаграждать себя за свои труды хотя не въ большихъ размѣрахъ“.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію; а такъ какъ вопросъ о награжденіи членовъ комиссіи по изданію Миссіонерскаго сборника за ихъ труды касается нѣкотораго измѣненія утвержденныхъ для сей комиссіи епархіальнымъ Высокопреосвященнымъ правилъ, то поручить члену комиссіи экстраординарному профессору Миротворцеву и экстраординарному профессору Ивановскому разсмотрѣть возбужденный вопросъ о вознагражденіи и представить Совѣту свои соображенія и потомъ уже имѣть дальнѣйшее сужденіе по сему дѣлу.

Резолюція на семь журналѣ Его Высокопреосвященства послѣдовала: „Іюня 4 дня. Къ исполненію“.

4 іюня 1883 года.

Въ *общемъ* собраніи Совѣта казанской духовной академіи, подъ предсѣдательствомъ ректора академіи протоіерея А. Владимірскаго, присутствовали всѣ ординарные и экстраординарные профессора, кромѣ экстраординарнаго профессора А. Гренкова, не присутствовавшаго вслѣдствіе увольненія его въ отпускъ, ординарнаго профессора Ѳ. Курганова, не бывшаго по болѣзни и инспектора В. Миротворцева, не бывшаго вслѣдствіе присутствованія его въ окружномъ судѣ въ качествѣ присяжнаго засѣдателя.

Слушали: а) Представленіе церковно историческаго отдѣленія академіи: „Церковно-историческое отдѣленіе честь имѣетъ представить при семъ отзывъ профессора-Знаменскаго о сочиненіи экстраординарнаго профессора Иванова, поданномъ на соисканіе степени доктора богословія. Соглашаясь съ этимъ отзывомъ, отдѣленіе съ своей стороны находитъ означенное сочиненіе вполне удовлетворительнымъ для цѣли, съ какою оно представлено на разсмотрѣніе“.

б) Отзывъ ординарнаго профессора П. Знаменскаго на сочиненіе экстраординарнаго профессора Ивановскаго: „Критическій разборъ ученія непріемлющихъ священства старообрядцевъ о церкви и таинствахъ“, представленное на соисканіе степени доктора богословія.

„Сочиненіе профессора Ивановскаго написано съ практической цѣлю—опровергнуть ложныя мнѣнія или, какъ деликатно выражается авторъ, доктрины беспоповцевъ о церкви и таинствахъ—и имѣеть характеръ чисто полемической. Касаясь научно-историческихъ вопросовъ о происхожденіи ученія беспоповцевъ, онъ отводитъ для нихъ лишь второстепенное мѣсто на своихъ страницахъ, во введеніи (стр. 15—72. 72—100), на ряду съ нѣкоторыми предварительными замѣтками о важности ученія о церкви и таинствахъ для своей специальной цѣли и о лучшихъ приемахъ полемики съ раскольниками.

Взглядъ на происхожденіе раскола у автора тотъ же, какъ и у всѣхъ полемистовъ. Онъ видитъ въ расколѣ явленіе исключительно религіозно-обрядовое, возникшее вслѣдствіе возмущенія народнаго религіознаго консерватизма противъ произведенныхъ при патріархѣ Никонѣ обрядовыхъ новшествъ въ русской церкви, и при этомъ рѣшительно отвергаетъ всякія другія объясненія того же явленія, какъ тѣ, которыя господствуютъ главнымъ образомъ въ нашей свѣтской литературѣ и выводятъ расколъ изъ разныхъ оппозиціонныхъ элементовъ въ русской жизни государственнаго и общественнаго характера, такъ и тѣ, которыя высказываются самими раскольниками, жалующимися на крутость Никоновской реформы, на порицанія и клятвы, разразившіяся надъ старыми обрядами и т. д. Такой взглядъ конечно очень естественъ для полемистовъ, питаая угѣшительныя въ ихъ тяжеломъ трудѣ надежды, что ихъ разъясненія, доказательства и опроверженія когда нибудь да восторжествуютъ надъ невѣжественнымъ упрямствомъ старовѣровъ и обратятъ послѣднихъ на путь истинный, если не массами, то по крайней мѣрѣ поодиночно; по выставить его, какъ взглядъ единственно вѣрный, по моему мнѣнію, будетъ такою же односторонностію, въ какую впали и опровергаемые авторомъ свѣтскіе писатели о расколѣ (Щаповъ, Андреевъ, Юзовъ, Пругавинъ и др.). Въ своихъ объясненіяхъ раскола они погрѣшали именно тѣмъ, что останавливались на

объясненіяхъ слишкомъ конкретныхъ, видѣли въ немъ—одинъ исключительно то, другой исключительно другое, что кому изъ нихъ правилось. Взглядъ на расколъ научный и даже высшій практическій, не ограничивающійся одними только полемическими интересами, болѣе многосторонень и не долженъ пренебрегать и указанными объясненіями, потому что въ разъясненіе этого весьма сложнаго явленія и они съ своей стороны вносятъ не бесполезную частицу нужнаго свѣта. Приведенные въ доказательство мысли автора факты не исключаютъ другихъ фактовъ, приводимыхъ какъ свѣтскими писателями, такъ и раскольниками, которыхъ онъ опровергаетъ, и его рѣшительное заключеніе, что „кореннымъ мотивомъ противленія (т. е. первыхъ раскольниковъ) были вопросы церковные, конечною цѣлю (вѣроятно нужно: причиною, или что нибудь въ этомъ родѣ)—развитое до крайности опасеніе еретичества,—стремленіе соблюсти церковную чистоту (стр. 50)“, остается далеко еще не доказаннымъ... Въ развитіи своихъ мыслей авторъ кромѣ того допустилъ въ этомъ отдѣлѣ кое-какія историческія невѣрности: см. особенно стр. 15—16, гдѣ характеризуется время возникновенія раскола.

Надобно впрочемъ замѣтить, что этотъ эпизодъ о происхожденіи раскола не составляетъ существенной части сочиненія. Болѣе существенное значеніе имѣетъ здѣсь слѣдующій историческій эпизодъ о возникновеніи раскола собственно безпоповщинскаго и о постепенномъ развитіи основныхъ пунктовъ его ученія о церкви и таинствахъ, дающій сочиненію прочную историческую основу. Эпизодъ этотъ авторъ обработалъ съ большою внимательностію и съ чисто научными приѣмами, не смотря на всю внѣшнюю его краткость.

Спеціальная полемическая работа автора раздѣлена на 6 главъ; въ 1-й разбирается ученіе безпоповцевъ о церкви съ ея іерархією и вмѣстѣ о таинствѣ священства, во 2-й—ученіе о таинствѣ крещенія и о перекрещиваніи обращающихся изъ др. христіанскихъ исповѣданій въ православіе, въ 3-й—о покаяніи, въ 4-й—объ эпитеміяхъ, въ 5-й—о причащеніи, въ 6-й—о бракѣ; объ остальныхъ таинствахъ— миропомазаніи и елеосвященіи, какъ такихъ, о которыхъ безпоповцы особенно не разсуждаютъ, считая ихъ „непотребно-нужными во спасеніе“, сдѣлана только краткая замѣтка

въ концѣ сочиненія. Такое раздѣленіе предмета съ логической стороны не совсѣмъ правильно,—первая глава могла бы достойно и праведно быть раздѣлена на двѣ самостоятельныя главы, глава 4 очевидно должна соединиться съ 3-й, но это не важно въ существѣ дѣла.

Болѣе справедливый упрекъ можно сдѣлать автору за то, что онъ не предпослалъ своему труду предварительныхъ свѣдѣній о литературѣ предмета и о томъ, въ какомъ положеніи дѣло противораскольнической полемики находится въ настоящее время. Безъ этихъ свѣдѣній критикѣ, хотя бы и довольно знакомой съ расколомъ, но неслѣдившей спеціально за ходомъ самой полемики противъ него, чрезвычайно трудно опредѣлить значеніе автора среди другихъ спеціалистовъ этой полемики. Полемика эта развивается очень туго. Она доселѣ должна разматривать почти тѣже предметы, какъ во время своего перваго возникновенія, съ той же обрядовой точки зрѣнія, съ тѣми же ссылками на старыя темныя переводы св. отцовъ и каноновъ безъ сличенія ихъ съ греческимъ текстомъ, даже на такіе авторитеты, которые въ глазахъ самихъ полемистовъ вовсе не имѣютъ значенія авторитетовъ и приводятся завѣдомо лишь въ качествѣ аргументовъ *ad hominem*. въ родѣ напр. какой нибудь Кирилловой книги или Б. Катихизиса, который не сумѣлъ, какъ слѣдуетъ, опредѣлить даже того, что есть церковь (введя въ свое опредѣленіе какія то новаціанскія черты); все это необходимо, потому что полемисту приходится имѣть дѣло съ людьми, съ которыми иначе и состязаться нельзя. Понятно, что развитіе такого рода полемики можетъ совершаться большею частію только въ мелочахъ, подробностяхъ, почти неувидимыхъ для неспеціалиста.

Изъ полемическихъ произведеній текущаго столѣтія самымъ крупнымъ явленіемъ была Истинно-древняя церковъ покойнаго митрополита Григорія, представившая собою полный итогъ всей прѣшествовавшей ей борьбы съ расколомъ и въ первый разъ возводящая противураскольническую полемику въ своего рода науку. Произведеніе это можно назвать цѣлой системой богословія въ примѣненіи къ расколу. Послѣ него до нашего времени не являлось въ полемической литературѣ ни одного подобнаго всесторонняго и систематическаго труда. На немъ воспиталось нѣсколько поколѣній противураскольническихъ борцовъ, пользовавшихся и

чрезвычайнымъ обиліемъ собранныхъ въ немъ полемическихъ (1 часть) и апологетическихъ (2 часть) указаній, свидѣтельствъ и аргументовъ. Послѣдующая за нимъ противураскольническая литература занималась исключительно трудами монографическаго характера и сборомъ новыхъ матеріаловъ для исторіи, уясненія и опроверженія раскола. Съ теченіемъ времени подобнаго рода трудовъ и новыхъ матеріаловъ накопилось столько, что въ настоящее время стоитъ не малаго труда разобратъся въ ихъ массѣ. Съ другой стороны и въ средѣ самаго раскола тоже являлись и новыя ученія, и новыя извороты для самозащиты и для нападенія на православную церковь, потребовавшіе противъ себя новыхъ опроверженій. Въ послѣднее время книга преосв. Григорія по крайней мѣрѣ относительно полноты нѣсколько устарѣла. Лучшимъ руководствомъ для собесѣдованій съ раскольниками выступающіе на это поприще считаютъ уже не ее, а сочиненія и бесѣды архимандрита Павла, не смотря на то, что за недостаткомъ въ нихъ системы пользоваться ими не легко, по крайней мѣрѣ менѣе удобно, чѣмъ сочиненіемъ преосв. Григорія, и что притомъ же, будучи вызваны случайными столкновеніями автора съ совопросниками болѣею частію невысокаго полета и недалекой пачитавности, иногда далеко не исчерпываютъ тѣхъ предметовъ, о которыхъ трактуютъ. Съ нашей стороны, кажется, не будетъ ошибкой или преувеличеніемъ, если, докапывая свою мысль, скажемъ, что въ настоящее время какъ разъ настала пора явиться въ свѣтъ новой системѣ противураскольнической полемики, которая бы стояла на современномъ уровнѣ этой специальности, какъ прежде система преосв. Григорія, и послужила подобно послѣдней надежнымъ и удобнымъ руководствомъ для настоящихъ и будущихъ собесѣдователей съ раскольниками, равно какъ и поучительнымъ чтеніемъ для самихъ раскольниковъ.

Насколько мы понимаемъ автора, онъ собрался написать именно такого рода систематическій опытъ полемики, хотя и не такой всесторонній, какъ сочиненіе его приснопамятнаго предшественника, касающійся лишь одной отрасли раскола, — безпоповщины.

Касательно успѣшности въ выполненіи имъ такой важной задачи могу сказать вообще, что если онъ соберется когда нибудь написать другое такое же сочиненіе, въ которомъ

была бы изложена такая же критика поповщинскихъ мнѣній то оба эти труда, представивъ собою полную систему противураскольнической полемики, въ состоянїи будутъ замѣнить сочиненіе преосв. Григорія.

Вчастности относительно систематичности сочиненіе преосв. Григорія стоитъ выше сочиненія г. Ивановскаго; основы православнаго ученія о церкви въ отношеніи къ расколу выработаны въ немъ съ такою полнотою, точностію и твердostí, а полемическія изложенія вытекаютъ изъ нихъ съ такою логичностію и получаютъ отъ нихъ такую основательность, какихъ только можно пожелать. Но порядокъ изложенія, принятый нашимъ авторомъ, за то практичнѣе и цѣлесообразнѣе. Онъ понялъ, что умъ раскольника, большею частію человѣка простаго, недалежнаго образованія, не настолько систематиченъ, чтобы могъ сразу остановиться на высказанныхъ отрады на всегда общихъ основныхъ положеніяхъ и потомъ, при всѣхъ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ о частныхъ предметахъ, имѣть эти положенія постоянно въ виду, какъ данныя, уже не требующія новаго обслѣдованія, и потому сочелъ за лучшее ограничиться въ началѣ только самымъ краткимъ обзорѣмъ общаго ученія о церкви, имѣя въ виду другія общія богословскія положенія, выставлять при самой полемикѣ, по мѣрѣ надобности, что съ успѣхомъ и выполнилъ въ продолженіи всей своей работы. См. напр. въ главѣ о покаяніи стр. 242, о причащеніи стр. 313, 316 и др. Кромѣ того у него большею частію цѣлесообразнѣе самая постановка этихъ положеній; всѣ они формулируются съ большею примѣнительностію къ безпоповскимъ мнѣніямъ, чѣмъ у преосв. Григорія. Нельзя впрочемъ не обратить при этомъ вниманія на то обстоятельство, что задача автора уже, чѣмъ у преосв. Григорія, который имѣлъ въ виду и безпоповщину и поповщину вмѣстѣ, а потому по необходимости долженъ былъ формулировать свои богословскія положенія нѣсколько общіе и отвлеченнѣе. Наконецъ нѣкоторыя подробности полемики у г. Ивановскаго введены въ полемическую систему или совершенно вновь или въ новой постановкѣ, о чемъ мы впрочемъ скажемъ при обзорѣнїи содержанія его труда.

Въ самомъ процессѣ своей полемики авторъ чувствуетъ себя полнымъ хозяиномъ дѣла. Онъ имѣетъ самое близкое знакомство съ настроеніемъ мыслей и полемическими

приемами раскольниковъ, приобретенное имъ не только изъ внимательнаго изученія раскольнической литературы, но также изъ многолѣтнихъ непосредственныхъ собесѣдованій съ раскольниками, давно уже стяжавшихъ ему вполне заслуженную извѣстность неутомимаго и опаснаго для нихъ борца.

Въ его книгѣ прежде всего останавливается на себѣ вниманіе читателя постановка самыхъ вопросовъ полемики, отъ которой какъ отъ начала дѣла, зависитъ половина успѣха. Постановка эта замѣчательно прямая и ясная, что называется ребромъ, устраняющая для раскольниковъ всякую возможность уклониться отъ силы вопроса, спутать термины, заговорить о другомъ и т. п., что нерѣдко практикуется ими при собесѣдованіяхъ. Приводимъ самые выразительные въ сочиненіи образчики изъ статьи о перекрещиваніи еретиковъ при приѣмѣ ихъ въ церковь. У пресв. Григорія объ этомъ предметѣ не говорится, но есть въ полемической литературѣ статья о томъ въ бесѣдахъ свящ. Твердынскаго, отвергающая обычай безпоповцевъ перекрещивать православныхъ при переходѣ послѣднихъ въ расколь и изслѣдованіе проф. Нильскаго. Вся полемика строится здѣсь на той мысли, что безпоповцы допускаютъ въ этомъ случаѣ второе крещеніе, мысли очевидно неубѣдительною для нихъ, такъ какъ перваго православнаго крещенія они вовсе не считаютъ крещеніемъ истиннымъ. Г. Ивановскій совсѣмъ устраняетъ эту мысль изъ своей полемики, сводя послѣднюю лишь къ вопросу о лицѣ, совершающемъ перекрещиваніе, т. е. о томъ, можетъ ли приѣмъ еретика совершать, какъ у безпоповцевъ, простой мірянинъ, затѣмъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе на апологетической сторонѣ предмета (стр. 186—191), на оправданіи прав. церкви отъ нареканій раскольниковъ въ томъ, что она не совершаетъ крещенія надъ обращающимися къ ней латинами и др. западными сектантами и отвергаетъ соборное изложеніе объ этомъ предметѣ патр. Филарета. Такую постановку вопроса нельзя не признать вполне цѣлесообразною; мнѣ кажется только, что авторъ могъ бы нѣсколько дополнить свою полемику прежде, чѣмъ стать на апологетическую точку зрѣнія,—кромѣ разсмотрѣнія вопроса о лицѣ совершающемъ приѣмъ еретика, заняться еще разсмотрѣніемъ вопроса о томъ, всѣхъ ли еретиковъ слѣдуетъ перекрещи-

вать при приѣмѣ въ церковь и, если не всѣхъ, то какихъ именно. Объ этомъ предметѣ опъ правда довольно говорить дальше, при разборѣ изложенія Филарета, но тамъ эта рѣчь получаетъ характеръ уже вставочнаго эпизода и въ интересахъ полемическихъ имѣетъ менѣе силы, чѣмъ имѣла бы здѣсь. Нельзя не замѣтить также, что логическое построение всего отдѣла о перекрещиваніи вообще слишкомъ искусственно и сложно для усвоенія его головами не совсѣмъ систематическими.

Послѣдующій разборъ Филаретова изложенія тоже отличается новой и болѣе мѣткой, чѣмъ прежде, постановкой предмета. Прежняя полемика останавливалась главнымъ образомъ на той мысли, что соборное постановленіе Филарета было отмѣнено большимъ соборомъ 1667 года; но такъ какъ раскольники послѣдняго собора не признаютъ, то авторъ разсматриваетъ предметъ по существу, взвѣсивая по каноническому достоинству всѣ три основныя мысли Филаретовскаго опредѣленія: 1) нужно перекрещивать всѣхъ еретиковъ, 2) нужно перекрещивать латинъ, и 3) нужно перекрещивать всѣхъ крещеныхъ крещеніемъ поливательнымъ. Разборъ этихъ положеній въ первый разъ является здѣсь въ такой полнотѣ и цѣльномъ изложеніи, съ подборомъ всѣхъ важнѣйшихъ свидѣтельствъ, какъ прежде употреблявшихся въ православной полемикѣ, такъ и нѣкоторыхъ новыхъ. Для разбора перваго положенія авторъ пользовался монографіею о Серафимовѣ: Правила и практика церкви относительно присоединенія къ православію неправославныхъ, прилагая собранныя здѣсь данныя къ своей спеціальной цѣли. Въ разборѣ втораго—впервые въ противураскольнической полемикѣ воспользовался такими спеціальными историко-археологическими изслѣдованіями, какъ изслѣдованія гг. А. Попова и А. Павлова о древне-русской полемикѣ противъ латинъ, и съ большею тщательностію, чѣмъ его предшественники въ полемикѣ по этому вопросу (г. Нилскій, Серафимовъ), провѣрилъ возраженія безпоповцевъ изъ литературы русскихъ житій. Весь вообще разборъ Филаретовскаго изложенія составленъ почти монографически, отъ того, можетъ быть, въ него вошли такіе эпизоды, которые въ общей системѣ автора могли бы быть поставлены особо, въ качествѣ самостоятельныхъ предметовъ полемики противъ безпоповцевъ.

Глава о бракѣ отличается новостью полемическаго приѣма болѣе другихъ. Въ нашей литературѣ есть особое очень обширное и весьма почтенное изслѣдованіе объ этомъ предметѣ профессора Нильскаго, которое много помогло автору въ составленіи этой главы, но вопросъ здѣсь поставленъ и освѣщенъ, сообразно съ специальною полемическою цѣлю, иначе, чѣмъ у г. Нильскаго. Оригинальность приѣма проф. Ивановскаго состоитъ въ томъ, что онъ почти вовсе не состоитъ здѣсь съ безпоповцами отъ своего собственнаго лица, а воспользовавшись горячей борьбой образовавшихся между ними самими двухъ извѣстныхъ партій,—брачниковъ и безбрачниковъ, подробно и послѣдовательно слѣдитъ только за ихъ собственной взаимной полемикой, оставаясь самъ въ сторонѣ объективнымъ ея свидѣтелемъ, и только въ концѣ сей главы выводитъ изъ всего описаннаго нужные для себя результаты. По своему историческому характеру и множеству подробностей изъ воззрѣній и быта безпоповцевъ глава эта имѣетъ обще-научный интересъ и можетъ быть названа самою лучшею частью всего сочиненія. Poleмическій приѣмъ ея, по моему мнѣнію, тоже очень удаченъ и наиболѣе плодотворенъ. Мнѣніе это раздѣляетъ, кажется, и самъ авторъ, по крайней мѣрѣ онъ не упускаетъ ни одного случая привести въ своемъ сочиненіи выдержки изъ бесѣдъ и сочиненій раскольниковъ, гдѣ послѣдніе съ той или другой стороны невольно должны выражать сознание въ своей собственной неправотѣ; см. напр. стр. 159—160, 180. Весьма важною услугою для противураскольнической полемики со стороны автора можно считать вновь введенные имъ въ ея систему отдѣлы о такъ хъ предметахъ, которыхъ она прежде не касалась или касалась только слегка. Сюда наприм. относится подробный критическій разборъ подложной грамоты царя Константина папѣ Сильвестру, на которую безпоповцы ссылаются при развитіи своей мысли о неисполненіи въ некоторыхъ обѣтованій Божіихъ и прореченій о церкви (стр. 137. 144) Церковный историкъ или богословъ, разумѣется, не встрѣтитъ въ этомъ разборѣ ничего для себя интереснаго и новаго, но раскольникамъ никто еще ни разу не давалъ подобной обстоятельной критики этого апокрифическаго памятника. Въ томъ же родѣ и такого же значенія слѣдующій далѣе (стр. 144—146) разборъ возраженій о неисполненіи божественныхъ обѣтованій о

старомъ Римѣ изъ богослужебныхъ книгъ. Четвертая глава сочиненія вновь вводитъ въ полемику нарочитое и обстоятельное разсмотрѣнiе ученiя раскольниковъ объ епитимiяхъ при таинствѣ исповѣди, хотя кое-какія стороны этого ученiя задѣвались полемистами и раньше. Съ богословской точки зрѣнiя здѣсь тоже вѣтъ ничего особенно новаго; но богословская наука излагаетъ православное ученiе объ епитимiяхъ главнымъ образомъ при опроверженiи католическаго ученiя о необходимости для грѣшника удовлетворенiя правосудiю Божию за грѣхи,—здѣсь оно въ первый разъ обстоятельно раскрывается въ примѣненiи специально къ расколу.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сочиненiя встрѣчаемъ опроверженiя на такія возраженiя безпоповцевъ, которыя извѣстны автору только изъ его личной практики собесѣдованiй съ раскольниками (см. стр. 122—124, 214—217), или хотя высказывались въ раскольнической литературѣ, но оставались незамѣченными и не подвергались обстоятельному опроверженiю со стороны полемики (стр. 211—214, 321, 327). Не говоримъ уже о тѣхъ отдѣлахъ сочиненiя, въ которыхъ различныя пункты полемики съ безпоповцами подвергнуты авторомъ болѣе полному и цѣльному обслѣдованiю, чѣмъ прежде, каковы отдѣлы о непреложности божественныхъ обѣтованiй о церкви, о сугубомъ священствѣ въ церкви (стр. 160—163), о правѣ мірянъ отдаляться отъ пастырей еретиковъ (стр. 166), о перекрачиванiи еретиковъ при приемѣ въ церковь, объ обливательномъ крещенiи, о нареканiяхъ раскольниковъ на православную церковь за неисполненiе правилъ объ епитимiяхъ (стр. 101 и далѣе) и др.

Не смотря на все обиліе свидѣтельствъ и примѣровъ противъ раскольническаго ученiя, скопленныхъ въ православной полемикѣ въ теченiе многихъ лѣтъ и трудами многихъ ея дѣятелей, автору и здѣсь удалось сдѣлать нѣсколько новыхъ полезныхъ указанiй, какихъ не встрѣчалось даже въ такомъ, можно сказать, всеобъемлющемъ сводѣ этого рода подробностей противураскольнической полемики, какъ извѣстныя Выписки Озерскаго, что можно по справедливости считать уже роскошною полемическою эрудиціей автора. Такъ на стр. 120—121 встрѣчаемъ новое и весьма рѣшительное свидѣтельство о непреложности божественныхъ обѣтованiй о церкви изъ св. Іоанна Златоустаго; на стр.

179—и 207—не употреблявшіяся кажется доселѣ выписки изъ Матѳея правильника и Іоанна Китропскаго; на стр. 209 очень важную выписку изъ древняго (XV—XII в.) чина, како подобаеть пріимати приходящихъ отъ латинскія вѣры.

На основаніи всего доселѣ сказаннаго мною я считаю себя въ правѣ отнести сочиненіе профессора Ивановскаго къ числу такихъ литературныхъ трудовъ, которые могутъ быть названы не только полезными въ общемъ смыслѣ, но и цѣнными вкладками въ науку, къ которой относятся, содѣйствующими ея поступательному движенію. Для присужденія автору искомой имъ степени я считаю это сочиненіе вполне удовлетворительнымъ.

Въ заключеніе въ видѣ постскриптума позволяю себѣ сдѣлать грустное замѣчаніе касательно небрежности изданія этого почтеннаго труда. Вся книга переполнена корректурными ошибками, затрудняющими иногда самое чтеніе ея и тѣмъ болѣе въ ней неумѣстными, что ее будутъ читать люди недоброжелательные къ ней по ея содержанію, а между тѣмъ придающіе буквѣ большее значеніе. Желательно, чтобы авторъ обратилъ побольше вниманія на эту сторону своего труда при послѣдующихъ его изданіяхъ, которыя, вслѣдствіе большаго пракческаго значенія его, вѣроятно не замедлятъ оказаться нужными въ самомъ продолжительномъ времени“.

Справка: 1) По § 49 положенія объ испытаніяхъ на ученія степени въ духовныхъ академіяхъ: „диссертація на степень доктора разсматривается тѣмъ же порядкомъ, какъ и магистерская. Если она будетъ признана удовлетворительною, то Совѣтъ допускаетъ автора къ публичному защищенію оной, которое производится порядкомъ, опредѣленнымъ въ § 34 и 35 сего положенія“.

2) По § 34 сего положенія защищеніе диссертаціи происходитъ въ публичномъ собраніи академіи подъ предѣтельствомъ ректора. Сообщенія о лицѣ докторанта дѣлаются однимъ изъ наставниковъ академіи или секретаремъ Совѣта. Докторанту, предоставляется право дать Совѣту передъ собраніемъ объясненіе, какое онъ признаетъ нужнымъ относительно своей диссертаціи. Оффиціальныхъ оппонентовъ, заблаговременно назначаемыхъ подлежащимъ отдѣленіемъ, должно быть не менѣе двухъ.

Возраженія могутъ предлагать также всѣ присутствующія на диспутѣ лица, за исключеніемъ учащихся въ академіи.

Всякое открытое выраженіе одобренія и порицанія (рукоплесканія и т. п.) на диспутахъ воспрещается.

Примѣчаніе: Въ случаѣ присутствованія епархіальнаго преосвященнаго при испытаніяхъ на ученія степени предоставленное ему по § 13 уст. дух. акад. право предсѣдательства въ собраніяхъ академіи, безъ сомнѣнія, должно остаться не нарушимымъ.

3) По § 30 того же положенія: „Совѣтъ назначаетъ время для публичнаго защищенія диссертациі на степень доктора и объявляетъ о томъ чрезъ ректора академіи во всеобщее свѣдѣніе“.

4) По § 32 „ищущіе степени доктора богословія обязаны представить ректору по крайней мѣрѣ за двѣ недѣли до защищенія диссертациі 50 экземпляровъ напечатанной диссертациі“.

Постановили: Соглашаясь съ мнѣніемъ церковно-историческаго отдѣленія, признать сочиненіе экстраординарнаго профессора Н. Ивановскаго: „Критическій разборъ ученія неприемлющихъ священства старообрядцевъ о церкви и таинствахъ“ удовлетворительнымъ для соисканія степени доктора богословія и допустить г. Ивановскаго къ публичному защищенію означеннаго сочиненія въ открытомъ общемъ собраніи Совѣта академіи, которое назначить 12-го іюня се го 1883 года въ 12½ часовъ, объявивъ о семъ чрезъ напечатаніе въ Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ и отдѣльными объявленіями. Официальными оппонентами для диспута назначить, согласно заявленію отдѣленія, ординарнаго профессора Петра Знаменскаго и экстраординарнаго профессора Я. Богородскаго, о чемъ и объявить имъ.

Резолюція Его Высокопреосвященства на семъ журналѣ послѣдовала: „Іюня 7 дня. „Утверждается“.

12 іюня 1883 года.

Въ открытомъ общемъ собраніи Совѣта казанской духовной академіи, подъ предѣлательствомъ ректора академіи протоіерея А. Владимірскаго, присутствовали всѣ ординарные и экстраординарные профессора академіи.

Экстраординарный профессоръ казанской духовной академіи Николай Ивановскій, согласно § 145 академическаго устава и постановленію Совѣта академіи въ журналѣ отъ 4 іюня, сего года публично защищалъ диссертацию подъ заглавіемъ: „Критическій разборъ ученія неприемлющихъ священства старообрядцевъ о церкви и таинствахъ“.

Официальными оппонентами были: ординарный профессоръ П. Знаменскій и экстраординарный профессоръ Я. Богородскій.

Справка: По § 35 положенія объ испытаніяхъ „при публичномъ защищеніи диссертации на степень доктора ректоръ наблюдаетъ за правильностію и порядкомъ диспута, заключаетъ оный и, собравъ мнѣнія присутствовавшихъ членовъ Совѣта, публично объявляетъ о состоявшемся рѣшеніи. Затѣмъ Совѣтъ на основаніи отзыва, представленнаго изъ отдѣленія, и акта защиты представляетъ удостоеннаго степени доктора къ утвержденію въ этой степени: узаконеннымъ порядкомъ.

По § 88 лит. Б. п. 3 устава акад. удостоеніе степени доктора относится къ дѣламъ подлежащимъ внесенію въ общее собраніе Совѣта и представляемымъ, чрезъ епархіальнаго преосвященнаго, въ Святѣйшій Синодъ.

П о с т а н о в и л и: Признавъ защиту удовлетворительною, удостоить экстраординарнаго профессора академіи Николая Ивановскаго степени доктора богословія и объ утвержденіи его въ означенной степени представить чрезъ Его Высокопреосвященство, Святѣйшему Синоду.

Резолюція Его Высокопреосвященства на семь журналѣ послѣдовала: „Іюня 23 дня. Согласенъ“.

15 іюня 1883 года.

Въ собраніи Совѣта казанской духовной академіи, подъ предсѣлательствомъ ректора академіи протоіерей А. Владимірскаго, присутствовали: помощники ректора П. Знаменскій, И. Бердниковъ, Н. Бѣляевъ, инспекторъ В. Миротворцевъ, члены Совѣта: ординарный профессоръ Ѳ. Кургановъ, экстраординарные профессора: Н. Ивановскій, протоіерей Е. Маловъ, А. Волковъ; не присутствовали: ординарный профессоръ И. Порфирьевъ по болѣзни и экстраординарный профессоръ А. Некрасовъ за увольненіемъ въ отпускъ.

I. Слушали: Словесное предложеніе ректора академіи протоіерей А. Владимірскаго о составленіи, на основаніи § 102 и 103 академическаго устава, отчета о состояніи академіи за 1882—83 учебный годъ и объ изготовленіи рѣчи для торжественнаго собранія академіи.

Постановили: Отчетъ о состояніи академіи за 1882—83 учебный годъ поручить составить и представить въ Совѣтъ секретарю М. Соловьеву; рѣчь же для торжественнаго собранія академіи поручить изготовить и произнести въ собраніи доценту Николаю Красносельцеву; цензуру рѣчи представить о. ректору академіи протоіерей А. Владимірскому.

II. Слушали: Докладъ секретаря Совѣта академіи М. Соловьева: „1 сего іюня окончился срокъ конкурса на замѣщеніе вакантной каѳедры англійскаго языка, объявленный согласно опредѣленію Совѣта отъ 17 августа 1882 года; желанія на замѣщеніе означенной каѳедры никто не изъявилъ. Не найдетъ ли Совѣтъ нужнымъ заблаговременно сдѣлать распоряженіе о замѣщеніи каѳедры англійскаго языка сначала будущаго 188³/₄ учебнаго года“.

Справка: 1) Согласно указу Св. Синода отъ 4 августа 1882 года за № 3697 доцентъ Петръ Милославскій допущенъ по примѣру предшествующихъ лѣтъ къ временному преподаванію англійскаго языка въ казанской академіи въ теченіи 188²/₄ учебнаго года съ вознагражденіемъ его за это преподаваніе на основаніи § 65 акад. устава.

2) По § 65 акад. устава: „Одинъ преподаватель не можетъ занимать двухъ каѳедръ, кромѣ крайнихъ случаевъ, впрочемъ никакъ не далѣе времени, требуемаго, по § 54, для замѣщенія вакантной каѳедры. За сію послѣднюю изъ

іпривоеннаго ей оклада, онъ получаетъ въ такомъ случаѣ, по усмотрѣнію Совѣта, съ разрѣшенія Преосвященнаго вознагражденія въ размѣрѣ, не превышающемъ половиннаго оклада жалованья, сообразно съ должностію его на постоянной кафедрѣ“ на этомъ основаніи доцентъ Милославскій въ теченіи 6 лѣтъ получалъ вознагражденія за временное преподаваніе англійскаго языка въ количествѣ 441 р. въ годъ. Г. Милославскій по заявленію профессора Порфирьева согласенъ продолжать преподаваніе означеннаго языка и въ будующемъ учебномъ году.

Постановили: Такъ какъ по объявленному конкурсу на замѣщеніе кафедры англійскаго языка въ казанской академіи ни кто не явился, то просить Его Высокопреосвященство ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ о дозволеніи Совѣту академіи поручить временное преподаваніе англійскаго языка и на 188¹/₄ учебный годъ доценту Милославскому, уже преподававшему сей языкъ въ академіи въ теченіе шести лѣтъ съ вознагражденіемъ его за это преподаваніе на основаніи § 65 акад. устава въ размѣрѣ 441 р. въ годъ изъ суммъ, отпускаемыхъ на кафедре англійскаго языка.

III. Слушали: Представленіе казанскаго духовно-цензурнаго комитета отъ 14 іюня сего 1883 года за № 9: „Казанскій комитетъ духовной цензуры честь имѣетъ препроводить при семь въ Совѣтъ казанской духовной академіи вѣдомость о книгахъ и картинахъ, выпущенныхъ въ свѣтъ комитетомъ въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ 1883 года“.

Справка: По ст. 262 XIV т. Св. зак. уст. цензурн. изд. 1857 г. „Цензурный комитетъ по прошествіи каждаго мѣсяца, представляетъ академическому Совѣту (конференціи), съ изложеніемъ главныхъ причинъ, отчетъ: какія книги, и когда вступили въ комитетъ и какія изъ нихъ разсмотрѣны однимъ или всѣми членами комитета, какія изъ нихъ пропущены; а въ Совѣтѣ (конференціи), по прошествіи года, составляется изъ таковыхъ отчетовъ общій и представляется духовно-учебному управленію“.

Постановили: Вѣдомость представить на благоусмотрѣніе Его Высокопреосвященства.

IV. Слушали: Донесеніе инспектора академіи экстраординарнаго профессора В. Миротворцева отъ 10 іюня сего

1883 года: „Имѣю честь донести Совѣту академіи, что за студентами академіи въ теченіе мая мѣсяца предосудительныхъ поступковъ замѣчено не было

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

V. Слушали: Отношеніе казанскаго пѣхотнаго юнкерскаго училища отъ 11 іюня сего 1883 года за № 1141: „Препровождая при семъ присланный при предписаніи окружнаго штаба отъ 4 сего іюня за № 3839 орденъ св. Станислава 2 ст., Всемилостивѣйше пожалованный преподавателю училища статскому совѣтнику Гусеву, прошу о полученіи и выдачѣ ордена меня увѣдомить“.

Справка: Знаки ордена св. Станислава 2-й ст. выданы г. Гусеву подъ росписку въ дѣлѣ.

Постановили: Принявъ къ свѣдѣнію, увѣдомить г. начальника казанскаго пѣхотнаго юнкерскаго училища о полученіи и выдачѣ по принадлежности знаковъ ордена св. Станислава 2-й ст.; свѣдѣніе о семъ пожалованіи внести въ формулярный списокъ доцента Гусева.

VI. Слушали: а) Допесеніе инспектора академіи экстраординарнаго профессора В. Миротворцева отъ 1 іюня сего 1883 года: „Имѣю честь донести Совѣту, что я, согласно его поученію, убѣждалъ студента I курса Якова Благовидова оставить свое намѣреніе вступить нынѣ же въ бракъ съ избранною имъ дѣвицею, но онъ остался непреклоннымъ. Деньги, употребленныя на содержаніе его въ теченіе 188²/₂ учебнаго года 190 руб., онъ представилъ“.

б) Заявленіе студента I курса богословскаго отдѣленія академіи Якова Благовидова отъ 28 мая сего 1883 года: „Предложеніе господина инспектора отсрочить бракъ до окончанія образованія я принять положительно не могу по причинѣ крайне бѣдственнаго и безвыходнаго положенія моея невѣсты, почему осмѣливаюсь снова утруждать Совѣтъ просьбой разрѣшить мнѣ вступить въ бракъ въ предстоящее ваканціонное время съ дѣвицею дочерью умершаго священника Марією Θεодоровной Пламеневской. Деньги за казенное содержаніе высланы“.

Справка: Совѣтъ академіи опредѣленіемъ отъ 11 мая сего года постановилъ поручить г. инспектору отложить задуманный имъ бракъ до окончанія академическаго курса,

сообщивъ ему содержание указа Святѣйшаго Синода отъ 26 октября 1879 года за № 3768, прописаннаго въ справкѣ журнала 11 мѣсяца мая, и о послѣдующемъ имѣть сужденіе въ слѣдующее засѣданіе. Деньги 190 руб., внесенныя Благовидовымъ, приняты правленіемъ и хранятся въ академической кассѣ.

Постановили: Принявъ къ свѣдѣнію, дозволить студенту I курса Якову Благовидову вступить въ законный бракъ съ дѣвицею дочерью умершаго священника симбирской епархіи Марією Ѳедоровой Пламеневской, смѣстивъ его съ казеннаго содержанія, о чемъ и сообщить правленію академіи; о семъ разрѣшеніи, согласно указу Св. Синода отъ 26 октября 1879 года за № 3768, довести чрезъ Его Высокопреосвященство Святѣйшему Синоду.

VII. Слушали: Отношеніе управленія Императорской публичной библіотеки отъ 27 мая сего 1883 года за № 473: „Вслѣдствіе отношенія Совѣта казанской духовной академіи отъ 20 сего мая за № 400, имѣю честь препроводить при семъ для академической библіотеки отчетъ Императорской публичной библіотеки за 1875 годъ, а также и за 1881 годъ“.

Справка: Означенныя книги сданы въ библіотеку подъ росписку библіотекаря Ѳ. Троицкаго и записаны въ хронблогическій каталогъ подъ № 5654; г. директору Императорской публичной библіотеки сообщено о полученіи сихъ книгъ съ выраженіемъ благодарности отъ лица Совѣта отношеніемъ отъ 7 іюня за № 534.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

VIII. Слушали: Письмо отъ 10 іюня сего 1883 года, при которомъ Н. А. Найденовъ прислалъ экземпляръ „Матеріаловъ для исторіи Торопца“.

Справка: Означенная книга сдана въ библіотеку подъ росписку библіотекаря Ѳ. Троицкаго.

Постановили: Принявъ къ свѣдѣнію, благодарить жертвателя.

IX. Слушали: Предложеніе ректора академіи протоіерея А. Владимірскаго: „15 іюня сего 1883 года окончился срокъ временнаго исправленія съ разрѣшенія Св. Синода (указъ 30-го декабря 1882 г. № 5580) должности по-

мощника инспектора академіи приватъ-доцента Н. Виноградова. Озабочиваясь постояннымъ замѣщеніемъ этой должности, мы съ г. инспекторомъ, на основаніи § 40 акад. устава, избрали на оную преподавателя вятской духовной семинаріи Алексѣя Попова, который и утверждёнъ въ сей должности резолюціей Его Высокопреосвященства 7 іюня за № 181 съ 1 іюля сего 1883 года; препятствій къ переходу на сію должность Попова по истеченіи іюня со стороны правленія вятской семинаріи, какъ видно изъ отношенія ея отъ 30 апрѣля за № 297, не имѣется. Такъ какъ вновь утвержденный помощникъ явится къ отправленію своей новой должности не ранѣе 1-го іюля, то не найдетъ ли Совѣтъ академіи возможнымъ разрѣшить приватъ-доценту Виноградову продолжить исправленіе должности помощника инспектора по 1 іюля сего 1883 года.

Постановили: Принявъ къ свѣдѣнію, поручить приватъ-доценту Н. Виноградову продолжить исправленіе должности помощника инспектора академіи по 1 іюля сего 1883 года, о чемъ и сообщить ему и г. инспектору, испросивъ предварительно на сіе разрѣшеніе Его Высокопреосвященства.

Х. Слушали: Докладъ секретаря Совѣта академіи М. Соловьева: „Имѣю честь доложить Совѣту, что окончившіе курсъ въ настоящемъ году студенты академіи сдали удовлетворительно пробныя лекціи для пріобрѣтенія права на занятіе должности преподавателей въ семинаріяхъ по слѣдующимъ предметамъ: 1) Алякритскій Валеріанъ по св. писанію ветхаго и новаго завѣта; 2) Воскресенскій Алексѣй по св. писанію ветхаго и новаго завѣта; 3) Вечтомовъ Александръ по латинскому и греческому языку; 4) Ивановъ Владиміръ по св. писанію ветхаго и новаго завѣта; 5) Николаевскій Павелъ по догматическому и нравственному богословію; 6) Пановъ Анатолій по латинскому и греческому языку; 7) Смирновъ Михаилъ по догматическому и нравственному богословію; 8) Урановъ Анатолій по св. писанію ветхаго и новаго завѣта; 9) Брызгаловъ Иванъ по всеобщей и русской гражданской исторіи; 10) Высотскій Василій по латинскому и греческому языку; 11) Казанскій Иванъ по всеобщей церковной исторіи и исторіи русской церкви; 12) Москвинъ Николай по всеобщей и русской граждан-

ской исторіи; 13) Пальмовъ Никандръ по всеобщей и русской гражданской исторіи; 14) Преображенскій Павелъ по всеобщей и русской гражданской исторіи; 15) Прозоровъ Василій по всеобщей церковной исторіи и исторіи русской церкви; 16) Скворцовъ Петръ по всеобщей церковной исторіи и исторіи русской церкви; 17) Сіонскій Петръ по всеобщей церковной исторіи и исторіи русской церкви; 18) Алфіоновъ Алексѣй по практическому руководству для пастырей, гомилетикъ и литургикъ; 19) Кудъевскій Арсеній по словесности съ исторіей литературы и логикъ; 20) Петропавловскій Иванъ по словесности съ исторіей литературы и логикъ; 21) Флоринскій Николай по практическому руководству для пастырей, гомилетикъ и литургикъ; 22) Смирновъ Сергѣй по словесности съ исторіей литературы и логикъ; 23) Вознесенскій Николай по практическому руководству для пастырей, гомилетикъ и литургикъ; 24) Городецкій Павелъ по словесности съ исторіей литературы и логикъ; 25) Добровъ Николай по латинскому и греческому языку; 26) Ильинскій Василій по практическому руководству для пастырей, гомилетикъ и литургикъ; 27) Ливановъ Николай по практическому руководству для пастырей, гомилетикъ и литургикъ; 28) Снегиревъ Иванъ по словесности съ исторіей литературы и логикъ; 29) Радугинъ Сергѣй по словесности съ исторіей литературы и логикъ и 30) Черняевъ Петръ по словесности съ исторіей литературы, логикъ и гомилетикъ.

Справка: По указу Святѣйшаго Синода отъ 9 мая 1871 года за № 32 п. 2: „Каждый окончившій курсъ воспитанникъ академіи имѣетъ право держать пробныя лекціи на занятіе преподавательскаго мѣста не только по тому предмету, которымъ онъ спеціально занимался въ четвертомъ курсѣ, но и по всѣмъ общеобязательнымъ и спеціальнымъ предметамъ того отдѣленія, къ которому онъ принадлежалъ въ академіи“... Въ п. 5 сказано: „Воспитанники, которые по окончаніи академическаго курса выдержали пробныя испытанія въ самой академіи, допускаются къ занятію соотвѣтственныхъ учительскихъ вакансій въ семинаріяхъ по выданнымъ отъ академическаго начальства свидѣтельствамъ о выдержаніи ими таковыхъ испытаній“.

Постановили: Изготовить означеннымъ въ докладѣ секретаря окончившимъ курсъ студентамъ академіи сви-

дѣательства о сдачѣ пробныхъ лекцій и препроводить ихъ въ свое время вмѣстѣ съ прочими документами къ мѣстамъ службы сихъ воспитанниковъ.

XI. Слушали: Представленіе правленія казанской духовной академіи отъ 13 іюня сего 1883 года за № 488: „Правленіе академіи на основаніи § 106 академическаго устава, имѣеть честь представить при семь составленную имъ смѣту доходовъ и расходовъ по содержанію академіи въ будущемъ 1884 году въ двухъ экземплярахъ, всего на сумму 121353 руб. 94 коп., для дальнѣйшихъ распоряженій. При семь правленіе имѣеть честь присовокупить во 1-хъ, что на 1883 годъ смѣта составлена была на 118785 р. 44 к.; на будущій 1884 г. составлена на 121354 р. 94 к., болѣе текущаго года на 2567 р. 50 к. Прибавилось отъ внесенія въ смѣту: а) 1188 р. 50 к на содержаніе 10 казеннокоштныхъ студентовъ, могущихъ быть принятыми по увеличенному штату съ 15 августа сего 1883 года (въ текущемъ году па это количество студентовъ исчислено было содержаніе только съ 15 августа 1883 года по 1 января 1884 года), б) 380 руб. стипендій для студентовъ имени протоіерея Рождественскаго и в) 1000 руб. премій за сбчненія изъ % съ капитала Высокопреосвященнаго митрополита московскаго Макарія. Во 2-хъ по статьѣ содержанія дома расходы по представляемой смѣтѣ исчислены на 10000 р., а по статьѣ содержанія больницы на 900 руб., единственно вслѣдствіе невозможности для правленія вносить въ смѣту свыше ассигнуемой на эти статьи суммы. Въ дѣйствительный годичный расходъ по симъ статьямъ вслѣдствіе дороговизны разнаго рода предметовъ и увеличенія комплекта казеннокоштныхъ студентовъ (со 100 до 150 человекъ) поступаетъ значительно болѣе. Почему правленіе академіи, журнальнымъ постановленіемъ отъ 29 апрѣля сего года, вошло чрезъ Его Высокопреосвященство съ ходатайствомъ предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ увеличеніи смѣтныхъ суммъ по ст. содержанія больницы до 1500 р., по слѣдующему расчету: а) по статьѣ содержанія дома: 1) на отопленіе 5040 р.; 2) за топку печей и чистку трубъ 300 р. 3) на освѣщеніе 1500 р.; 4) на содержаніе прислуги 4000 р.; 5) на очистку ватеръ-клозетовъ и помойныхъ ямъ 850 р.; 6) на покуску и ремонтъ конской сбруи и экипажей и на

содержаніе 4-хъ лошадей 700 р.; 7) на ремонтъ зданій 1200 р. и 8) на прочія хозяйственныя потребности 1000 р., итого 14590 руб.; б) по статьѣ содержанія больницы: 1) жалованья фельдшеру 240 р. въ годъ; 2) медикаментовъ и водъ 700 р.; 3) на леченіе студептовъ въ спеціальныхъ лечебницахъ 100 р.; 4) на покупку, ремонтъ и чистку бѣлья 200 р.; 5) на молоко и леченіе кумысомъ студентовъ 150 р. и 6) на прочія разнообразныя потребности 110 р., итого 1500 руб.

Справка: По указу изъ Св. Синода отъ 5 февраля 1869 г. за № 7 и по § 86 устава православныхъ духовныхъ академій лит. В. п. 3, смѣты доходовъ и расходовъ по содержанію духовныхъ академій представляются, по разсмотрѣніи ихъ Совѣтами академій, чрезъ Епархіальнаго Преосвященнаго въ Св. Синодъ къ 1 августа, въ двухъ экземплярахъ. Смѣты эти, для удобнѣйшаго исправленія въ хозяйственномъ управленіи, должны быть расположены такъ, чтобы между объясненіями по статьямъ и параграфамъ ихъ оставались достаточныя пробѣлы; кромѣ того прописаннымъ указомъ требуется, чтобы смѣты доходовъ и расходовъ, равно какъ и приложенія къ расходной смѣтѣ, помѣщены были на особыхъ листахъ, такъ чтобы каждая смѣта и каждое приложеніе безпрепятственно могли быть отдѣлены другъ отъ друга.

Постановили: Признавъ составленную правленіемъ академіи смѣту правильною просить Его Высокопреосвященство представить въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ въ двухъ экземплярахъ.

II. Слушали: Докладъ секретаря Совѣта академіи М. Соловьева: „4 іюля сего года окончится четырехлѣтній срокъ службы профессора П. Бѣльева въ должности помощника ректора академіи. Профессоръ Бѣльева избранъ 8 апрѣля сего года, въ присутствіи Совѣта, профессорами богословскаго отдѣленія въ званіе помощника ректора на слѣдующее четырехлѣтіе съ 4 іюля текущаго года по 4-е іюля 1887 г.; объ утвержденіи его въ семь званіи, согласно опредѣленію Совѣта отъ 8 апрѣля, представлено Его Высокопреосвященствомъ Святѣйшему Синоду 25 апрѣля сего года за № 386. Такъ какъ утвержденія сего еще не послѣдовало, а помощникъ ректора есть въ тоже время и членъ

правления, дѣйствія котораго не прекращаются и въ теченіе каникулярнаго времени, то не угодно ли Совѣту сдѣлать заблаговременно распоряженіе о томъ, кому поручить исправленіе должности члена правленія и помощника ректора по богословскому отдѣленію, на случай, если утвержденіе г. Бѣляева въ означенной должности не послѣдуетъ ранѣе 4-го іюля сего года“.

Постановили: Исправленіе должности помощника ректора и члена правленія съ 4 іюля сего года, въ случаѣ если не послѣдуетъ къ тому времени утвержденія Святѣйшаго Синода въ сей должности проф. Бѣляева, поручить ему же Бѣляеву, о чемъ и представить журналомъ симъ на утвержденіе Его Высокопреосвященства.

Резолюція Его Высокопреосвященства на семь журналъ послѣдовала по ст. I—XI „Къ исполненію“, по ст. XII: „Утверждается“.

15 іюня 1883 года.

Въ *общемъ* собраніи Совѣта казанской духовной академіи, подъ предсѣдательствомъ ректора академіи протоіерея А. Владимірскаго, присутствовали всѣ ординарные и экстраординарные профессора, кромѣ ординарнаго профессора И. Порфирьева, экстраординарнаго профессора Е. Будрина, не присутствовавшихъ по болѣзни, и экстраординарныхъ профессоровъ А. Гренкова и А. Некрасова, уволенныхъ въ отпускъ.

I. Слушали: а) Прошеніе студента III курса церковно-практическаго отдѣленія Ивана Лебедева отъ 9 іюня сего 1883 года: „Вслѣдствіе сильнаго утомленія и головной боли я не могъ приготовиться къ послѣднему экзамену по исторіи философіи и не могъ слѣдовательно сдать его своевременно; поэтому покорнѣйше прошу Совѣтъ академіи дозволить мнѣ сдавать этотъ экзаменъ послѣ ваката“.

Г. инспекторъ заявилъ Совѣту, что студентъ Лебедевъ былъ дѣйствительно боленъ.

б) Прошеніе студента III курса церковно-практическаго отдѣленія академіи Василя Албертова отъ 7 іюня сего 1883 года: „По болѣзни я не держалъ испытанія по предметамъ: исторіи русской литературы, исторіи проповѣдни-

чества, гомилетикѣ и пастырскому богословію, по церковному праву и исторіи философіи. Поэтому покорнѣйше прошу Совѣтъ казанской духовной академіи допустить меня къ испытанію по означеннымъ предметамъ послѣ каникулъ“.

Врачъ академической больницы засвидѣтельствовалъ, что „студентъ Албертовъ въ маѣ мѣсяцѣ текущаго года пользовался у него отъ головной боли“.

в) Прошеніе студента II курса церковно-практическаго отдѣленія Павла Петрова отъ 31 мая сего 1883 года: „По случаю болѣзни отъ 8 по 14 мая я не могъ сдать испытаній по логикѣ, психологіи и исторіи философіи; поэтому покорнѣйше прошу Совѣтъ казанской духовной академіи позволить мнѣ держать испытаніе по означеннымъ предметамъ послѣ каникулъ“.

Врачъ академической больницы засвидѣтельствовалъ, что „Студентъ Петровъ въ означенное въ этомъ прошеніи время дѣйствительно страдалъ головою болью“.

г) Прошеніе студента II курса церковно-историческаго отдѣленія Сергѣя Руднева отъ 5 іюня сего 1883 года: „Вслѣдствіе болѣзни я не могъ сдать курсовыхъ испытаній по слѣдующимъ предметамъ академическаго курса: логикѣ, психологіи, исторіи русской церкви и св. писанію ветхаго завѣта. Посему прошу Совѣтъ казанской духовной академіи отложить эти испытанія до августа мѣсяца настоящаго года“.

Врачъ академической больницы засвидѣтельствовалъ, что „студентъ Рудневъ съ 10 по 16 мая пользовался въ больницѣ академіи отъ головной боли“.

д) Прошеніе студента II курса церковно-историческаго отдѣленія Александра Покровскаго отъ 7 іюня сего 1883 года: „По болѣзни я не сдалъ экзаменовъ по психологіи, логикѣ, по древней церковной исторіи и новой. Такъ какъ я чувствую себя слабымъ и въ настоящее время, то покорнѣйше прошу Совѣтъ академіи дозволить мнѣ сдать экзамены по означеннымъ предметамъ послѣ уже каникулъ въ августѣ мѣсяцѣ. При этомъ честь имѣю представить отъ врача при больницѣ Александра Александровича Кремлева удостовѣреніе о моемъ нездоровьѣ“.

Врачъ академической больницы засвидѣтельствовалъ, что „студентъ Покровскій въ первой половинѣ мая мѣсяца

пользовался въ больницѣ академіи отъ перемежающейся лихорадки“.

е) Прошеніе студента II курса церковно-практическаго отдѣленія Порфирія Алексѣевского отъ 15 іюня сего 1883 года: „По причинѣ перемежающейся лихорадки (которою я болѣлъ со второй половины экзаменовъ и до послѣдняго времени) я при всѣхъ моихъ стараніяхъ не успѣлъ своевременно сдать экзамена по исторіи философіи, а потому всепокорнѣйше прошу Совѣтъ казанской духовной академіи о дозволеніи держать мнѣ опущенный экзаменъ послѣ капикулъ“.

Врачъ академической больницы Кремлевъ засвидѣтельствовалъ, что „Студентъ Алексѣевскій дѣйствительно былъ боленъ перемежающеюся лихорадкой“.

Постановили: Принимая во вниманіе болѣзненное состояніе студентовъ III курса Лебедева и Албертова и II курса Петрова, Руднева, Покровскаго и Алексѣева позволить имъ сдавать испытанія по тѣмъ предметамъ, по которымъ они не держали экзаменовъ, въ августѣ мѣсяцѣ сего 1883 года, въ присутствіи помощника ректора, о чемъ и сообщить означеннымъ студентамъ и подлежащимъ отдѣленіямъ.

II. Слушали: а) Представленіе инспектора академіи экстраординарнаго профессора В. Миротворцева: „Имѣю честь представить при семъ въ Совѣтъ полученное мною 30 сего мая медицинское свидѣтельство, данное врачомъ Голубевымъ студенту III курса Евгению Кесареву“.

б) Медицинское свидѣтельство врача Ивана Голубева отъ 13 мая сего 1883 года: „Симъ удостовѣряю, что студентъ III-го курса церковно-практическаго отдѣленія казанской духовной академіи Евгений Васильевъ Кесаревъ отъ 20 апрѣля сего 1883 года пользуется отъ меня медицинскимъ пособіемъ отъ болѣзни Pleuritis, воспаленія легочной плевры, а потому въ настоящее время онъ никакимъ образомъ не можетъ выѣхать въ Казань“.

Справка: 1) Г. инспекторъ В. Миротворцевъ 11 минувшаго мая доносилъ Совѣту, что студентъ III курса Евгений Кесаревъ, уволенный имъ согласно прошенію на пасхальную недѣлю срокомъ съ 15 по 25 апрѣля, изъ отпуска не явился и не представилъ никакого увѣдомленія о

причинѣ своей неявки. По указу Св. Синода отъ 16¹/₂ ноября 1877 года за № 1738 студенты академіи послѣ лѣтнихъ, рождественскихъ и пасхальныхъ вакацій обязаны возвращаться въ заведеніе непременно въ назначенный начальствомъ срокъ, возвращая при семъ инспектору отпускной билетъ съ подписью родителей или попечителей о времени отправленія его изъ дому; не явившійся въ заведеніе болѣе педѣли послѣ назначеннаго срока и не представившій уважительнаго по мнѣнію академическихъ Совѣтовъ свидетельства о законной причинѣ своей неявки считается выбывшимъ изъ заведенія и отъ усмотрѣнія Совѣтовъ зависитъ принять его въ заведеніе или отказать въ приѣмѣ. Означенное требованіе припечатано на выданномъ Кесареву билетѣ. Вслѣдствіе сего Совѣтъ академіи опредѣленіемъ отъ 11 мая постановилъ студента III курса Евгенія Кесарева считать, согласно указу Св. Синода отъ 16¹/₂ ноября 1877 года за № 1738, выбывшимъ изъ казанской духовной академіи; о препровожденіи же его документовъ имѣть сужденіе по окончаніи текущаго учебнаго года.

2) По § 88 лит. А. п. 2 академическаго устава, переводъ студентовъ изъ курса въ курсъ принадлежитъ къ дѣламъ, подлежащимъ внесенію въ общее собраніе Совѣта и предоставленнымъ утвержденію сего собранія

3) По § 86 лит. А п. 5 академическаго устава увольненіе студентовъ изъ академіи принадлежитъ къ предметамъ запятій Совѣта академіи, предоставленнымъ его утвержденію.

3) По § 168 того же устава: „Казеннокоштные студенты въ случаѣ выхода изъ духовно-учебнаго вѣдомства до окончанія учебнаго курса или послѣ онаго до истеченія установленнаго обязательнаго срока службы, должны возвратить сумму, употребленную на ихъ содержаніе въ академіи по разсчету проведеннаго въ академіи или недослуженнаго времени“.

4) По § 167 того же устава „Казеннокоштные студенты... обязаны прослужить за каждый годъ содержанія въ академіи полтора года по духовно-учебному вѣдомству“.

5) Студентъ III курса Кесаревъ Евгеній (самарской губ.) поступилъ въ академію волонтеромъ въ 1880 г. и по задачъ приѣмныхъ испытаній припятъ былъ на казенное содержаніе, на каковомъ и состоялъ до настоящаго времени.

Изъ документовъ его хранятся въ дѣлахъ Совѣта семинарской аттестаціи отъ 30 іюня 1879 г. за № 175 и метрическое свидѣтельство отъ 11 сентября 1880 г. за № 4854. По отбыванію воинской повинности Кесаревъ приписанъ къ 1-му самарскому уѣздному призывному участку по свидѣтельству отъ 10 октября 1878 г. за № 1810 и пользуется отсрочкой до окончанія образованія.

Постановили: Студента III курса церковно-практическаго отдѣленія Евгенія Кесарева, исключивъ изъ студенческихъ списковъ, обратитъ въ вѣдѣніе самарскаго епархіальнаго вѣдомства; составить удостовѣреніе о пребываніи его въ академіи, съ показаніемъ въ немъ успѣховъ и поведенія и того, что Кесаревъ состоялъ въ продолженіи трехъ лѣтъ въ академіи на казенномъ содержаніи, за что и обязанъ прослужить въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ положенное число лѣтъ; удостовѣреніе сіе вмѣстѣ съ семинарскимъ аттестатомъ Кесарева и метрическимъ свидѣтельствомъ препроводитъ самарскому епархіальному начальству; объ увольненіи Кесарева изъ академіи сообщить самарскому уѣздному призывному участку, а также правленію академіи, подлежащему отдѣленію и самому Кесареву.

III. Слушали: Докладъ секретаря Совѣта академіи М. Соловьева: „Согласно опредѣленію Совѣта отъ 11 мая былъ циркулированъ членамъ Совѣта для разсмотрѣнія прилагаемый при семъ проектъ относительно выдачи преміи имени покойнаго Высокопреосвященнаго Макарія митрополита московскаго; означенный проектъ разсмотрѣн членами Совѣта, о чемъ и имѣю честь доложить Совѣту“.

Постановили: Одобривъ проектъ правилъ относительно выдачи учрежденныхъ при казанской духовной академіи премій имени покойнаго Высокопреосвященнаго Макарія митрополита московскаго за лучшія сочиненія наставниковъ и воспитанниковъ казанской академіи, со сдѣланными въ засѣданіи Совѣта 15 сего іюня измѣненіями въ пп. 4 и 7, проситъ Его Высокопреосвященство представить сей проектъ Святѣйшему Синоду на утверженіе.

IV. Слушали: а) Донесеніе богословскаго отдѣленія академіи отъ 11 іюня сего 1883 года: „Богословское отдѣленіе имѣетъ честь донести Совѣту академіи, что студенты III курса Мстиславскій Валентинъ, Смирновъ Александръ

и Стуковъ Оедоръ получили на экзаменахъ баллы и представили кандидатскія сочиненія удовлетворительныя для перехода въ IV курсъ. Изъ остальныхъ же студентовъ: Троицкій Иванъ сдалъ экзамены удовлетворительно, а сочиненіе, съ разрѣшенія Совѣта отъ 8 апрѣля, имѣеть представить въ августѣ; Михайловскій Михаилъ представилъ сочиненіе удовлетворительное, но по нѣкоторымъ предметамъ не сдавалъ экзаменовъ; Чистовскій Анатолій, согласно прешенію, по болѣзни, опредѣленіемъ Совѣта отъ 8 апрѣля оставленъ въ третьемъ курсѣ на второй годъ.

б) Донесеніе его же отъ 11 іюня сего года: „Богословское отдѣленіе имѣеть честь донести Совѣту академіи, что студенты I и II курса выдержали устное испытаніе и написали семестровыя сочиненія удовлетворительно для перехода въ слѣдующіе курсы, кромѣ студентовъ: I курса Будрина Алексѣя, который получилъ на сочиненіи по психологіи баллъ 2, и Яхонтова Николая, который получилъ на устныхъ испытаніяхъ три неудовлетворительныхъ балла: по основному богословію 2, по исторіи философіи 2½, и по нравственному богословію 2 и студента II курса Оивейскаго Михаила, который получилъ на экзаменѣ по исторіи философіи баллъ 2. Студентъ же I курса Ильминскій Степанъ не держалъ вовсе устныхъ испытаній, такъ какъ, за болѣзнію его, Совѣтомъ академіи экзамены отсрочены ему до августа“.

в) Донесеніе церковно-историческаго отдѣленія академіи: „Церковно-историческое отдѣленіе честь имѣеть доложить Совѣту академіи, что студенты I курса всѣ получили на экзаменахъ и по сочиненіямъ баллы удовлетворительныя для перехода въ слѣдующій курсъ, кромѣ студента Григорія Кумова, получившаго баллъ 2 за сочиненіе по библейской исторіи; изъ студентовъ II курса Александръ Покровскій, Павелъ Петровъ и Сергій Рудневъ держали экзамены не по всѣмъ предметамъ, Николай Рукинъ по исторіи раскола получилъ баллъ 2½, остальные какъ по экзаменамъ такъ и по сочиненіямъ имѣють баллы удовлетворительныя; студенты III-го курса кромѣ Александра Образцова, по болѣзни во все не державшаго экзамена и не подавшаго сочиненія, выдержали экзаменъ всѣ удовлетворительно для перехода въ слѣдующій курсъ, изъ поданныхъ ими сочиненій два сочиненія Николая Кошурникова и Сте-

папа Парышева оказались не настолько законченными, чтобы можно было рецензенту дать имъ подлежащую оцѣнку, а сочиненіе Петра Миловидова—написаннымъ неудовлетворительно. Отдѣленіе съ своей стороны полагало бы студентовъ, удовлетворившихъ требованіямъ для перехода въ слѣдующіе курсы, перевести въ эти курсы, не исключая и студента II курса Николая Рукина; сужденіе о переводѣ студентовъ II курса Покровскаго, Петрова, Руднева и III курса Образцова отложить до 15 августа; студентовъ III курса Кошурникова и Парышева обязать докончить ихъ сочиненія къ тому же сроку: вопросъ о переводѣ студента I курса Кумова предоставить на разрѣшеніе Совѣта академіи. Студентъ III курса Миловидовъ проситъ отдѣленіе выдать ему его сочиненіе для исправленія и окончательное сужденіе о переводѣ его въ IV курсъ отложить до 15 же августа; удовлетвореніе этой просьбѣ отдѣленіе считаетъ долгомъ предоставить тоже усмотрѣнію Совѣта академіи, при чемъ съ своей стороны заявляетъ, что требуемое исправленіе означеннаго сочиненія возможно какъ это выражено и въ самой рецензіи на него профессора Ивановскаго“.

г) Донесеніе церковно-практическаго отдѣленія академіи отъ 11 іюня сего 1883 года: „Церковно-практическое отдѣленіе честь имѣетъ донести Совѣту академіи, что студенты III курса сего отдѣленія: Алмазовъ Александръ, Бережневъ Вячеславъ, Благосклоновъ Александръ, Лупшовъ Григорій, Нефедьевъ Михайль, Никольскій Геннадій, Поповъ Петръ, о. Викторъ Преображенскій, Сосуновъ Иванъ и Ястребовъ Василій выдержали устное испытаніе удовлетворительно для перехода въ IV курсъ и представили сочиненія, признанныя со стороны рецензентовъ удовлетворительными для степени кандидата богословія и потому могутъ быть переведены въ IV курсъ. Студенты Ложкинъ Павелъ и Петровъ Петръ выдержали испытаніе удовлетворительно, но не представили кандидатскихъ сочиненій. Студенты: Лебедевъ Иванъ и Солодовниковъ Давидъ получили отъ Совѣта отсрочку въ подачѣ сочиненія въ августѣ мѣсяцѣ и кромѣ того не держали устнаго испытанія—первый по исторіи философіи второй по исторіи философіи и по церковному праву. Студентъ Албертовъ Василій подалъ сочиненіе удовлетворительное, но не держалъ экзамена по исторіи философіи, гомилетикѣ,

церковному праву и словесности: Студентъ Гусевъ Константинъ не подалъ кандидатскаго сочиненія и оказалъ на устномъ испытаніи успѣхи не удовлетворяющіе нормѣ, какая требуется для перехода въ IV курсъ академическаго преподаванія“

д) Донесеніе его же отъ 11 іюня сего 1883 года: „Церковно-практическое отдѣленіе честь имѣетъ довести Совѣту академіи, что студенты II курса сего отдѣленія, кромѣ поименованныхъ ниже, сдали устное испытаніе и написали семестровыя сочиненія удовлетворительно для перехода въ слѣдующій — третій курсъ академическаго преподаванія. Студентъ Саввинскій Иванъ получилъ на устномъ испытаніи по церковному праву баллъ 2, Малиновскій Михаилъ баллъ 2 по св. писанію ветхаго завѣта и совсѣмъ не держалъ экзамена по св. писанію новаго завѣта. Въ виду очень удовлетворительныхъ отвѣтовъ Саввинскаго по другимъ предметамъ испытанія отдѣленіе находитъ возможнымъ ходатайствовать предъ Совѣтомъ академіи о переводѣ его въ слѣдующій курсъ, о Малиновскомъ же представляетъ на усмотрѣніе Совѣта. Студентъ Алексѣевскій Порфирій, выдержавшій испытаніе удовлетворительно по большинству предметовъ, не экзаменовался по исторіи философіи“.

е) Донесеніе его же отъ 11 іюня сего 1883 года: „Церковно-практическое отдѣленіе честь имѣетъ довести Совѣту академіи, что студенты I-го курса этого отдѣленія, кромѣ поименованныхъ ниже, сдали устное испытаніе по всѣмъ предметамъ удовлетворительно и представили семестровыя сочиненія тоже съ удовлетворительными баллами и потому заслуживаютъ перевода въ слѣдующій второй курсъ академическаго преподаванія. Студенты: Грапиковъ Яковъ и Флоровъ Михаилъ имѣютъ на сочиненіи по психологіи баллъ 2. Въ виду удовлетворительныхъ отвѣтовъ этихъ студентовъ на устныхъ испытаніяхъ, отдѣленіе съ своей стороны находило бы возможнымъ перевести ихъ во второй курсъ. Студентъ Лебедевъ Василій опредѣленіемъ Совѣта академіи отъ 31 января уволенъ на родину впредь до выздоровленія и на экзаменъ не явился. Студенту Старосивильскому Серафиму опредѣленіемъ Совѣта 11 мая отсрочено испытаніе до августа мѣсяца.

При семь представлены отдѣленіями табели балловъ, полученныхъ студентами на испытаніяхъ.

ж) Представленіе инспектора академіи В. Миротворцева съ вѣдомостями о поведеніи студентовъ I, II и III курсовъ въ 1882—1883 учебномъ году.

3) Прошеніе студента академіи перваго курса богословскаго отдѣленія Николая Яхонтова отъ 8 іюня сего 1883 года: „Состоя въ теченіи минувшаго учебнаго года на своемъ содержаніи, я терпѣлъ крайній недостатокъ въ средствахъ содержанія и, вслѣдствіе этого будучи вынужденъ значительную часть времени удѣлять на разныя побочныя занятія, не могъ съ должнымъ вниманіемъ заняться и оказать хорошихъ успѣховъ по тѣмъ наукамъ, которыя слушалъ въ академіи. Находясь въ настоящее время въ болѣе благоприятныхъ матеріальныхъ условіяхъ и желая продолжать свое образованіе въ академіи, покорнѣйше прошу Васъ, Ваше Высокопреподобіе, оставить меня на второй годъ на томъ же курсѣ“.

и) Прошеніе студента академіи II курса церковно-практическаго отдѣленія Михаила Малиновскаго отъ 4 іюня сего 1883 года: „Такъ какъ по болѣзни, для излеченія которой я лежалъ въ академической больницѣ съ 22 по 30 мая и вторично съ 2 по 5 іюня, не могъ сдать своевременно экзамена по св. писанію новаго завѣта, то покорнѣйше прошу Совѣтъ казанской духовной академіи дозволить сдать мнѣ его по окончаніи капикулярнаго времени“.

Врачъ академической больницы Кремлевъ засвидѣтельствовалъ: „Въ означенный въ этомъ прошеніи срокъ студентъ Малиновскій былъ въ больницѣ и пользовался отъ головной боли“.

Справка: 1) По § 10 положенія объ испытаніяхъ на ученія степени и званія дѣйствительнаго студента въ духовныхъ академіяхъ, студенты окончившіе въ III курсѣ испытаніе съ отличнымъ успѣхомъ и представившіе разсужденіе, признанное удовлетворительнымъ для степени кандидата, переводятся въ IV курсъ (уст. § 136).

2) По § 11 положенія, окончившими трехгодичный курсъ съ соотвѣтствующимъ § 136 успѣхомъ признаются студенты, получившіе какъ по общеобязательнымъ, такъ и по специальнымъ предметамъ академическаго курса въ среднемъ выводѣ не менѣе 5 и ни по одному предмету менѣе, 3. По примѣчанію 1-му къ сему § положенія, баллы считаются не по каедрамъ, по предметамъ. Предметы, со-

единенные въ уставѣ (§§ 111—114) подъ однимъ №, считаются при выводѣ средняго балла за одинъ предметъ. По примѣчанію 2-му, новые языки въ общій счетъ предметовъ не вводятся, но по нимъ требуется только удовлетворительная отмѣтка (т. е. не ниже 3). По примѣчанію 3-му, семестровыя сочиненія въ каждомъ изъ первыхъ двухъ курсовъ считаются за одинъ отдѣльный предметъ.

3) По § 12 того же положенія, удовлетворительнымъ для степени кандидата признается разсужденіе, которое признано будетъ таковымъ по разсмотрѣніи въ подлежащемъ отдѣленіи.

4) По § 136 академическаго устава: студенты окончившіе въ третьемъ курсѣ испытаніе съ отличнымъ успѣхомъ и представившіе разсужденіе, признанное удовлетворительнымъ для степени кандидата, переводятся въ четвертый курсъ.

5) Студенты III курса представили диссертациі для соисканія степени кандидата богословія на слѣдующія темы:

Студенты богословскаго отдѣленія.

Мстиславскій Валентинъ „Пророческая рѣчь Иисуса Христа о судьбѣ Іерусалима и іерусалимскаго храма, и о кончинѣ міра“.

Смирновъ Александръ „Апокрифическая книга Эноха“.

Стуковъ Ѳедоръ „Лютеранскій догматъ объ оправданіи вѣрою“.

Михайловскій Михаилъ „Историко-критическое изслѣдованіе и объясненіе книги пророка Осіи“.

Студенты церковно-историческаго отдѣленія:

Богородскій Николай „Мнѣніе патріарха Никона объ уложеніи 1649 года“.

Быстрицкій Александръ „Исторія христіанской церкви въ Галліи въ первые III вѣка“.

Катетовъ Иванъ „Мухаммеданскій Египетъ. Вліяніе мухаммеданства на судьбу Египта“.

Курочкинъ Александръ „Исторія аріанской ереси до Никейскаго собора (325 г.)“.

Ламовскій Николай „Поморскіе отвѣты и значеніе ихъ въ ряду раскольнической письменности“.

4. **Оеофилакта**, архіеи, болгарскаго: **Благовѣстникъ**, или толкованіе на св. евангелія. 1874—1875 гг. За всѣ четыре тома цѣна 7 руб. 50 к.
5. **Его же** толкованіе на соборныя посланія свят. апостоловъ. 1865. Цѣна 1 руб. 50 к.
6. **Его же** толкованіе на посланіе къ Римлянамъ. 1866. Ц. 1 р. 50 к.
7. **Его же** толкованіе на Дѣянія св. апостоловъ. 1872. Ц. 1 р. 50 к.
8. **Св. огиа нашего Григорія Двоеслова** Собесѣдованія о жизни италійскихъ отцевъ и о безсмертіи души (съ предисловіемъ). 1858. Цѣна 1 р. 50 к.
9. **Сказанія о мученикахъ христіанскихъ**, чтимыхъ православною католическою Церковію (съ предисловіемъ). Томъ 1-й. 1865. Цѣна 3 р. Томъ 2-й. Цѣна 1 руб. 50 к.
10. **Сказанія о святыхъ**, т. 1. Ц. 3 руб.
11. **Просвѣтитель**, или обличеніе ереси жидовствующихъ, препод. Іосифа Волоцкаго. Изданіе второе. Напечат. славянск. шрифт. Цѣна 3 р. съ перес.
12. **Посланія Игнатія**, митрополита сибирскаго и тобольскаго (съ предварительными замѣчаніями). Одинъ томъ. 1855. Цѣна 1 р.
13. **Сочиненія преподобнаго Максима грека** (съ предисловіемъ). Три тома. 1859—1862. Цѣна за первый томъ (съ портретомъ преп. Максима) 2 руб. 50 коп., за второй 1 руб. 50 коп., за третій 1 руб. За всѣ три тома 3 руб.
14. **Столѣвъ** (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1862. Цѣна 2 руб.
15. **Сочиненіе инока Зиновія**: Истины показаніе къ вопрошаемъ о новомъ ученіи (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1863—1864. Цѣна 2 руб. 50 к.
16. **Остенъ**. Памятникъ русской духовной письменности XVII вѣка (съ предисловіемъ и съ портретомъ патріарха Іоакима). 1865. Цѣна 1 р.
17. **Сборникъ древностей казанской епархіи и другихъ приснопамятныхъ обстоятельствъ**. архимандрита Платона Любарскаго. 1868. Цѣна 1 р. 25 к.
18. **Житіе Трифона вятскаго чудотворца**. 1868. Цѣна 50 к.
19. **Житіе Паріона**, митрополита суздальскаго, бывшаго Флорищевой пустыни перваго строителя. Памятникъ начала XVIII вѣка. 1868. Цѣна 50 к.
20. **Устройство управления въ церкви королевства греческаго**. Ѳ. Курганова. 1872. Ц. 2 р.
21. **Западные мисіи противъ татаръ-язычниковъ и особенно противъ татаръ-мусульманъ**. И. Красносельцева. 1872. Ц. 1 р.
22. **Ересь антиринитаріевъ III вѣка**. Д. Гусева. 1872. Ц. 1 р.
23. **Древнее языческое ученіе о странствованіяхъ и переселеніяхъ душъ и слѣды его въ первые вѣка христіанства**. Исслѣдованіе П. Милославскаго. Ц. 2 р.
24. **Книга о антихриствъ и о прочихъ дѣйствахъ**, яже при немъ быти хотѣлись. 1873. Цѣна 1 р. 25 к.
25. **Стародубье**. Записки протоіерея Т. А. Верховскаго, Высочайше командированнаго 1845—48 гг. въ черниговскіе раскольническіе посады для водворенія единовѣрія. Цѣна 2 руб.
26. **Толкованіе Надея**. В. Успенскаго. Цѣна 1 р.
27. **Указатель статей**, помѣщенныхъ въ «Православномъ Собесѣдникѣ» съ 1855 по 1876 годъ. Цѣна 30 коп.
28. **Азбуковники или алфавиты иностранныхъ рѣчей по спискамъ соловецкой бібліотеки**. Соч. А. Карпова. Казань. 1878. Ц. 1 руб. 50 к.
29. **Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря**, находящихся въ бібліотекѣ Казанской духовной академіи. Ч. 1. Цѣна 3 р. съ пересылкою.
30. **Исторія старой Казанской академіи**. А. Благовѣщенскаго. Ц. 1 р. съ перес.
31. **Московскій митрополитъ Платонъ Левшинъ**, какъ проповѣдникъ. Цѣна 1 р. 25 к.

При казанской а. академіи съ 1873 г. издается особю комиссіей «Миссіонерскій противомусульманскій сборникъ». Издано *шестнадцать выпусковъ*. Цѣна съ перес. за всѣ выпуски, кромѣ распроданныхъ I и V, 19 р. 25 к.

Тому же редакціею изданы: 1) КОРАНЪ, переводъ съ арабскаго языка Г. Саблукова. Цѣна съ перес. 2 р. 50 к.; 2) Приложенія къ переводу Корана. Г. Саблукова. Выпускъ I (приложеніе первое). Цѣна съ перес. 1 р. 50 к.; 3) Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры. Собраны въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ казанской губерніи. Цѣна съ перес. 1 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться къ члену комиссіи по изданію Сборника при каз. а. академіи, а. пр. *В. В. Миротворцеву*.

Изъ редакціи и отъ издателей можно выписывать книги:

1. ИСТОРИЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ. Сост. И. Порфирьевъ. Ч. I Древній періодъ. Изд. 3-е. Ц. 2 р. 30 коп. съ перес. Ч. II. Новый періодъ. Отдѣлъ 1. Отъ Петра В. до Екатерины II. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 70 к. Исторія древней рус. словесности. (Сокращенно по 3-му издан.). Ц. 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 50 к.

2. АПОКРИФИЧЕСКІЯ СКАЗАНІЯ О ВѢТХОЗАВѢТНЫХЪ ЛИЦАХЪ И СОБЫТІЯХЪ по рукописямъ соловецкой бібліотеки. И. Я. Порфирьева. Цѣна 1 р. 25 к. съ перес.

3. РУКОВОДСТВО КЪ РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ. П. Знаменскаго. Изданіе третіе. Цѣна 1 р. 50 коп. На пересылку 25 коп.

4. ДУХОВНЫЯ ШКОЛЫ въ Россіи до реформы 1808 года. Сочиненіе Его же. Цѣна 4 р. съ пересылкою.

5. ХАРАКТЕРИСТИКА РИМСКАГО КАТОЛИЧЕСТВА СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ ПАПСКАГО ДОГМАТА. Н. Я. Бѣляева. Казань. 1878. Цѣна 30 к.

6. ДОГМАТЪ ПАПСКОЙ НЕПОГРѢШИМОСТИ. Н. Бѣляева. Вып. 1-й. Папскій догматъ въ процессѣ образованія и развитія до XIV в. Ц. 1 р. 50-к.

7. ТЕОРИЯ ПАПСКОЙ НЕПОГРѢШИМОСТИ ВЪ СООСТАВЛЕНІИ СЪ ФАКТАМИ ИСТОРИИ. Полемиическій этюдъ. Н. Бѣляева. Ц. 30 к.

8. ОТНОШЕНІЯ МЕЖДУ ЦЕРКОВНОЮ И ГРАЖДАНСКОЮ ВЛАСТІЮ ВЪ ВИЗАНТІЙСКОЙ ИМПЕРІИ. Соч. О. Курганова. 1880 г. Ц. 3 р. съ перес.

9. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ РЕЛИГІИ въ Римско-византійской имперіи. Томъ 1-й. Н. Бердяикова. Ц. 3 р. съ пересылкою.

10. СБОРНИКЪ БЕСѢДЪ СО СТАРОБРЯДЦАМИ. Изд. подъ редакціей а.-орд. проф. Н. Ивановскаго. Цѣна 1 р. 25 к.

11. АНТИТРИНИТАРИИ XVI В. Вып. 1-й. Е. Будрина. 1878. Ц. 3 руб.

12. УЧЕНІЕ ВѢТХАГО ЗАВѢТА О БЕЗСМЕРТІИ ДУШИ И ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ. Изсл. Юнгера. Ц. 1 р.

13. ГЛАВНЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ НѢМЕЦКАГО БОГОСЛОВІЯ XIX В. Сост. А. Гренковъ. Ц. 1 р.

14. СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ ПО СВ. ПИСАНІЮ. Сост. И. Знаменскій. 4 выпуска. Всѣ вып. вмѣстѣ—1 р. 50 к. съ перес.

15. ОСНОВАНІЯ ФИЛОСОФІИ, КАКЪ СПЕЦІАЛЬНОЙ НАУКИ. П. Мило-славскаго. Т. I. Ц. 3 р.

16. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ ХРИСТІАНСКАГО ХРАМА. Н. Красносель-цева. Вып. I. Ц. 2 р.

17. ВЛІЯНІЕ ЦЕРКОВНАГО УЧЕНІЯ И ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ДУХОВНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ НА МИРОСОЗЕРЦАНІЕ РУССКАГО НАРОДА. Соч. А. Попова. Казань. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к.

18. КРИТИЧЕСКІЙ РАЗБОРЪ УЧЕНІЯ НЕПРИЕМЛЮЩИХЪ СВЯЩЕНСТВА СТАРОБРЯДЦЕВЪ О ЦЕРКВИ И ТАИНСТВАХЪ. Н. И. Ивановскаго. Ц. 1 р. 50 к. съ перес. 1 р. 70 к.

Печатать дозволяется. Доцентъ академіи *Н. Красносельцевъ*.